Постоянный представитель Польской академии наук
при РАН в Москве

Педагогический университет
им. Комиссии национального образования в Кракове

Российская ассоциация историков Первой мировой войны

Международный юридический институт
Культурный, научный и информационный центр Венгерской Республики

* * *

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения Российской академии наук

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЫПУСК 6

Редакционная коллегия:
М. Волос, Е. П. Серапионова,
А. С. Стыкалин, Г. Д. Шкундин

Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств

ТОМ I

Ответственные редакторы
М. Волос, Г.Д. Шкундин

Москва
Квадрига
2012

УДК 94(4)»1914/1920»
ББК 63.3(42)6
Н 30

Н 30 Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств: Т. I. /
Отв. ред. М. Волос, Г.Д. Шкундин – М.: Квадрига, 2012. – 456 с.
– (ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ВЫПУСК 6).
ISBN 978-5-91791-076-5

Книга открывает многотомный исследовательский проект, посвященный истории народов Австро-Венгрии в ходе Первой мировой войны и в процессе образования самостоятельных государств. Авторы привлекли большой фактический материал по истории отдельных национальных движений.

Специалисты из Австрии, Болгарии, Венгрии, Сербии, Словакии, Словении, Польши, России, Украины и Чехии предлагают свободную от стереотипов оценку событий. Это позволяет читателю самостоятельно сопоставить особенности национальных движений в границах Габсбургской монархии в годы Великой войны, которая стала для нее роковой.

Книга предназначена для историков, этнологов, социологов, специалистов по империологии, получившей бурное развитие в последние десятилетия. Своего заинтересованного читателя она найдет и в лице всех, кому интересны теоретические и практические аспекты сложных проблем национально-государственного строительства.

УДК 94(4)»1914/1920»
ББК 63.3(42)6

ISBN 978-5-91791-076-5

© Коллектив авторов, тексты статей, 2012
© Волос М., Шкундин Г. Д., составление, 2012
© Никулин А. Ю., дизайн переплета, 2012
© Издательство «Квадрига», оформление, 2012
содержание

слово от редакторов (***М. Волос, Г. Шкундин)*** 9

М. Волос, Г. Шкундин национальные вопросы Габсбургской монархии во время Первой мировой
войны в историографии и историософии: взгляд из россии 13

И. Шварц современная австрийская историография
о распаде Габсбургской монархии 45

I. Национальные движения в «сердце» Австро-Венгрии

О. И. Величко национальный вопрос в австрийской общественно-политической
мысли (1914–1920).....59

Л. Хёбельт австрийские пангерманцы в мировой войне: (анти)империалисты,
«среднеевропейцы» или немецко-богемские «партикуляристы»? 69

И. Бертени-мл.
две войны венгров в 1914–1919 гг. 81

М. Главачка
Причины распада Габсбургской монархии: взгляд из Праги 101

В. Доубек
Карел Крамарж и Томаш Гарриг Масарик:
чешская концепция развала австро-Венгрии 111

Е. П. Серапионова
Чехословацкое национальное движение
и планы образования государства во время Первой мировой войны
(по материалам российского Мид) 117

Т. Готовска-Хенце
Младочехи и антанта: контакты в нейтральной Болгарии
в 1914–1915 гг.
.....125

Е. Ф. Фирсов
Чешские историки и деятели культуры в национальном движении
Чешских земель Монархии в 1917–1918 гг. 135

Р. Голец

1918 г.: словаки между лояльностью Габсбургам, Венгерскому королевству и новой республике 147

Л. Гарбулёва образование Чехословацкой республики и восточно-европейский фактор 161

II. Национальные движения в Галиции, Закарпатье и Буковине

Я. Рыдель
Поляки Габсбургской монархии в 1914–1918 гг.: причины, характер и пределы лояльности 169

Н. Р. Литвин
Украинский вопрос в годы Первой мировой войны: проблема исследования 179

И. В. Михутина национальное движение русинов Галиции во время Первой мировой войны 185

М. Э. Клопова
Терезин и Талергоф: трагедия «тирольцев Востока» 209

И. Б. Гирич андрей жук – основатель союза освобождения Украины: политическая и культурно-просветительская деятельность в годы Первой мировой войны 219

М. Ю. Дронов
К вопросу о влиянии Первой мировой войны на становление этнонациональной идентичности южнокарпатских русинов 239

К. Зелиньски
Галицийские евреи в 1914–1918 гг. 249

А. В. Добржанский
Украинское национальное движение в Буковине

в годы Первой мировой войны 267

И. А. Пиддубный румыны Буковины: от черно-желтого лоялизма к «великому объединению» 281

III. Национальные движения югославянских народов и итальянцев

Й. Пирьевец
словенцы и Первая мировая война 305

А. Рахтен
словенцы между австро-Венгрией и Югославией 311

Л. А. Кирилина
словенская народная партия в 1914–1918 гг. 333

А. И. Филимонова
Хорватское национальное движение 1914–1920 гг. сквозь призму религиозного аспекта и политики Ватикана 347

Ю. В. Лобачева
Югославянский вопрос в общественной мысли и политических акциях сербов, хорватов и словенцев в сШа в 1914–1915 гг. 387

М. Радоевич
Югославянская государственная и национальная идея в период Первой мировой войны 397

П. А. Искендеров
распад австро-Венгрии: боснийский фактор 405

В. П. Любин, Г. Д. Шкундин
италия и австро-Венгрия: *terre irredente* как повод для войны 417

Именной указатель 431

Список сокращений 452

Сведения об авторах 453

Слово от редакторов

В руках у читателя находится первый том многотомного коллективного труда «Народы Габсбургской монархии в 1914−1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств». Общий замысел такого издания вызревал у его организаторов давно. Но вот только сейчас ему суждено осуществиться…

Путь к появлению этой работы в отечественной историографии был непростым[1]. Осенью 2008 года, в дни, когда отмечалось 90-летие распада Габсбургской монархии и создания на ее обломках национальных государств, организаторы настоящего проекта, имея в виду важность исследуемой проблемы, задумали провести международную конференцию. Помимо обсуждения новых научных тезисов, она должна была стать своего рода «смотром сил» для написания коллективного труда, который венчал бы все предшествующее развитие отечественной историографии по данному вопросу. Такая конференция состоялась в Москве 23−24 апреля 2009 г. Ее организовали Российская ассоциация историков Первой мировой войны, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Постоянный представитель Польской академии наук при РАН, Культурный, научный и информационный центр Венгерской Республики, а также Словацкий институт и Чешский центр в Москве. В конференции принял участие 41 специалист из 11 стран − Австрии, Болгарии, Венгрии, Италии, Польши, России, Сербии, Словакии, Словении, Украины и Чехии. Доклады участников вызвали оживленные и заинтересованные дискуссии. Состоявшийся крайне продуктивный обмен мнениями убедил организаторов конференции в том, что написание обобщающего труда по интересующей нас широкой и многоаспектной проблеме силами исключительно российских ученых в настоящее время невозможно. Препятствуют этому, главным образом, общеизвестные трудности финансового, кадрового и организационного характера. Будем реалистами − крайне маловероятно, что в обозримом будущем ситуация принципиально изменится к лучшему. Исходя из этого, было решено привлечь к проекту известных зарубежных специалистов − не только участников конференции, но и других ученых, в том числе из не представленных на ней стран − Беларуси, Германии, Греции, Израиля, Румынии, Франции и Хорватии.

При таком развитии событий сборник материалов конференции неизбежно трансформировался в многотомный коллективный труд, первый том которого сейчас и находится в руках читателя. Правда, жанр тематического сборника при этом сохранился. К сожалению, в нем все-таки чувствуется некоторая фрагментарность и мозаичность изложения, что отчасти связано со стремлением редколлегии к всеохватности.

Однако введение в научный оборот новых документальных источников и раскрытие неизвестных страниц истории среднеевропейского региона является, на наш взгляд, характерной и положительной чертой данного коллективного труда.

---

[1] См. нашу историографическую статью в данной книге.

Сама документальная база диктовала выбор в сторону более углубленного изучения отдельных проблем, подводя непосредственно к стадии обобщений.

Для авторского коллектива представить полную картину национальных движений «лоскутной монархии» было крайне непросто именно вследствие ее «лоскутности» и этнической чересполосицы. Как известно, с 1867 г. Габсбургская монархия состояла из двух частей − Цислейтании и Транслейтании. Первое название стало официальным лишь с 1915 г. До этого оно − наряду с понятием «Австрия» − употреблялось неофициально и означало территории, расположенные (условно) к западу от реки Лейты. Юридически они назывались «Сообществом королевств и земель, представленных в рейхсрате» (Die im Reichsratvertretenen Königsreiche und Länder) и насчитывали 17 коронных земель − королевств, эрцгерцогств, маркграфств, а также других субъектов. Транслейтанию составляли земли венгерской короны св. Иштвана, находящиеся (условно) к востоку от Лейты. Название «Австро-Венгрия» не отражало действительный национальный состав государства, поскольку титульные нации в обеих половинах Монархии не составляли большинства. До 1914 г. в Цислейтании на долю этнических немцев приходилось лишь 37% населения, в то время как венгры в Транслейтании, по официальным данным, даже спустя три десятилетия интенсивной ассимиляции немадьярского населения, насчитывали чуть более 10 млн человек, т.е. составляли примерно половину[2].

Важнейшим статистическим источником, который в какой-то степени помогает прояснить и детализировать подлинное положение вещей, являются материалы переписи населения, состоявшейся в 1910 г. Мы далеки от мысли

миллионов немцев, чуть менее двух миллионов словаков, почти полмиллиона украинцев, около трех миллионов сербов и хорватов и почти столько же румын[5].

В целом же из 51 390 тыс. населения Габсбургской монархии австрийских немцев и мадьяр, вместе взятых, в 1910 г. насчитывалось всего около 22 млн. Таким образом, большинство населения составляли иные народы, преимущественно славянские[2]. Ни одна этническая группа не обладала ярко выраженным численным превосходством. Были четыре группы, каждая из которых имела 10 и более процентов от общего населения империи. Возглавляли список немцы (25%), далее шли мадьяры (17%), чехи (13%) и поляки (10%). Однако и следовавшие за ними 3 группы − украинцы (рутены), румыны и хорваты − насчитывали более 5% от общей численности населения Австро-Венгрии[3].

Ситуация осложнялась своеобразием конституционного права обеих половин Монархии по национальному вопросу. Долгое время среди части зарубежных историков существовал миф о «беспримерной справедливости» национального законодательства Цислейтании. Его резко противопоставляли национальной политике на землях венгерской короны[4]. Приверженцы данного мифа «забывали» о том, что слово «нация» в австрийском законодательстве даже не фигурировало. В законах говорилось не о нациях, а о «народных племенах» (Volkstämme). При этом «народ» здесь употреблялся только как термин, для обозначения, в первую очередь, территориальной, а не национальной принадлежности. Например, чех из Королевства Богемии видел в чехе маркграфства Моравии «своего», закон же считал его «моравцем»[5].

Тем не менее, большинство исследователей по-прежнему убеждено, что положение национальностей «в Венгрии обстояло хуже, чем в Австрии, где оно было далеко от идеала»[6]. В Транслейтании их статус определялся концепцией «единой политической нации», закрепленной в государственно-правовом отношении. Она признавала единственной политической нацией только венгров, а представителей других национальностей считала венграми, говорящими на немадьярских наречиях. Не признавалось само существование национальностей как этнических сообществ, имеющих свои исторические территории[7]. Исключение делалось лишь для хорватов, которые поэтому и получили фиктивную автономию в 1868 г. Венгерский историк Эндре Арато оценивал данную концепцию как «теоретическое обоснование национального угнетения»[8].

---

[2] *Рубинштейн Е. И.* Крушение австро-венгерской монархии. М., 1963. С. 28.

[3] *Kappeler A.* Imperium und Nation im Romanov und im Habsburger Reich. Vortrag am 27 Mai 2008 im Deutschen Historischen Institut Moskau. S. 11. Подробную картину см.: Die Habsburgermonarchie 1848−1918. Bd. 3. Die Völker des Reiches / Hrsg. A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Wien, 1980.

[4] См., например: *Hugelmann G.K.* Das Nationalitätenrecht des alten Österreich. Wien; Leipzig, 1934.

[5] *Трайнин И. П.* Указ. соч. С. 135−136.

[6] *Kann R., David Z.* The Peoples of the Eastern Habsburg Lands, 1526−1918. Seattle; L., 1984. P. 352.

[7] См. подробно: *Horváth Z.* The Rise of Nationalism and the Nationality Problem in Hungary. Budapest, 1963; Краткая история Венгрии / Отв. ред. Т. М. Исламов. М., 1991. С. 225−226.

[8] См.: *Арато Э.* К вопросу истории понятия нации в Венгрии // Nouvelles études historiques. T. I. Budapest, 1965. С. 461–489. *Он же.* Идеологические аспекты становления венгерской нации // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Исторический и историко-культурный аспекты / Отв. ред. И. С. Миллер, В. И. Фрейдзон. М., 1981. С. 308–312.

Все эти данные подтверждают, что так называемый национальный вопрос к началу Первой мировой войны имел в Австро-Венгрии большее значение, чем,

например, в России. Конкретные сведения об этнической картине на каждой отдельной территории империи, а также о численности того или иного этноса и национальных движениях в отдельных регионах приводятся в статьях соответствующих авторов данного сборника. Каждый из них является признанным специалистом в своей области.

Все авторы работали самостоятельно, имели полную свободу при выборе темы исследования и возможность изложить собственную позицию, представить свое видение проблемы. Высказанные взгляды и концепции остаются открытыми для дискуссии и для сопоставления с иными точками зрения. Руководители проекта видели свою основную задачу лишь в координировании работы столь большого и разнородного авторского коллектива. Мы с нетерпением будем ждать откликов научной общественности − российской и зарубежной. Заранее благодарны за любые замечания, дополнения и конструктивные предложения.

Feci quod potui, faciant meliora potentes!

Хочется надеяться, что представленный труд будет востребован и вызовет интерес у читателей, поскольку он находится в основном русле современного развития всемирного историографического процесса. Эту надежду редколлегии подкрепляют два важных фактора. Во-первых, на состоявшемся в августе 2010 г. в Амстердаме XXI международном конгрессе исторических наук крушение империй фигурировало в качестве первой из так называемых «больших» тем [9]. Непосредственно же проблеме распада Габсбургской монархии и национальногосударственного строительства на ее обломках посвятили два чрезвычайно интересных доклада известные исследователи − румын Ион Булей и словак Душан Ковач[10]. Во-вторых, интерес к вопросам, рассмотренным в нашем многотомнике, неминуемо будет нарастать по мере приближения 100-летнего юбилея начала Великой войны, имевшей судьбоносное значение для Австро-Венгрии и населявших ее народов.

В заключение *(last but not least!)* редколлегия представляемого труда выражает искреннюю и глубочайшую благодарность Польской академии наук и лично ее президенту господину Михалу Кляйберу за неоценимую помощь в опубликовании результатов исследований десятков ученых из различных европейских стран. Глубоко понимая интернациональную сущность современной фундаментальной науки, ПАН полностью приняла на себя расходы по финансированию настоящего издания. Пусть это не покажется чересчур пафосным, но именно в данном факте, по нашему убеждению, и проявилось одно из неоспоримых преимуществ общеевропейской интеграции − сотрудничество ученых во имя науки без границ…

---

[9] http://www.cish2010.org/programme.asp (дата обращения 15 сентября 2011 г.)

[10] См.: *Bulei I.* Căderea imperiilor şi problema schimbărilor teritoriale // Revista de Ştiinţe Politice şi Relaţii Internaţionale. Bucureşti. 2010. N 3. P. 105−120; *Kováč D.* Nationalism, idea of the nation-state and the Habsburg Monarchy // Historiography in Motion: Slovak Contributions to the 21st International Congress of Historical Sciences / Ed. R. Holec, R. Kožiak. Banská Bystrica, 2010. P. 98−109.

М. Волос, Г. Шкундин

Национальные вопросы Габсбургской монархии во время Первой мировой войны в историографии и историософии: взгляд из России

Самые ранние исследования по интересующей нас теме появились в России ещё в ходе Первой мировой войны, по горячим следам событий[11]. Сюда же относилась публицистика периода войны[12]. Не обошли в России вниманием книгу Фридриха Наумана о «Срединной Европе», территориально-политической основой которой рассматривались владения Габсбургов[13]. Предисловие к русскому изданию книги в ноябре 1917 г. написал известный юрист и один из главных экспертов кадетской партии в области международных отношений барон Борис Эммануилович Нольде. Он не исключал возможность осуществления «Срединной Европы» как свободного союза народов[14]. Но динамика развития событий была тогда столь стремительной и непредсказуемой, что исследователи опасались категорично прогнозировать будущее Австро-Венгрии. Так, С. Г. Лозинский в 1916 г. писал: «Судьбы этой империи в настоящее время так загадочны, что никто не может предсказать, каков будет дальнейший характер её внутренней политики и как сложатся взаимные отношения населяющих ныне Австрию народов»[15]. Как видно из приведенной библиографии, в годы Первой мировой войны российские исследователи уделяли большое внимание комплексу национальных противоречий в Австро-Венгрии.

---

[11] См., например: *Зелич А.* Раздел Австрии. Ч. 1. Киев, 1914; *Пичета В. И., Иоксимович Ч. М.* Ч. 2. Состав современного славянства. М., 1914; *Иоксимович Ч. М.* Славяне и европейская война. Вып. 1. Европейская война как предвестник славянской федерации. М., 1914; Революционные стремления чешско-словацкого народа. Чешско-словацкий национальный съезд. Пг., 1917; *Каржанский Н.* Чехо-словаки в России: По неизданным официальным документам. М., 1918.

[12] *Аристов Ф. Ф.* Россия и чешский вопрос. М., 1914; *Грот К. Я.* Великая война и Карпато-Дунайская монархия (к освещению вопросов недалекого будущего). СПб., 1914; *Михайлов М.* Австрия и её славянские народы. М., 1914; *Оссовский П.* Новые владения России в Западной Европе: Описание Галиции. Киев, 1914; *Федоров Н., Е-в Н.* Австро-сербская война. Её причины, всевозможные следствия, 1914. СПб., 1914; *Белгородский А. В.* Порабощенное славянство (в Австро-Венгрии и Германии). Пг., 1915; *Коджебаш Н.* Война и славянские народности Австрии. Каменец-Подольск, 1915; *Покос Л. В.* Славянские народы Австро-Венгрии. Киев, 1915; *Пономарёв В. И.* Австро-Венгрия и её славянские народы. Баку, 1915; *Топлица М.* Война Австро-Венгрии против собственных подданных. Пг., 1915; *Ястребов Н. В.* Галиция накануне Великой войны 1914 года: с картой Галиции и Буковины с Угорской Русью. Пг., 1915; *Семиз Д. И.* Австрийские сербохорваты и Сербия. М., 1916; *Гирс А. А.* Австро-Венгрия, Балканы и Турция: Задачи войны и мира. Пг., 1917; *Добрынин Б. Ф.* Империя Франца Иосифа. М., 1917.

[13] См. подробно: *Поп И. И.* Русская либерально-буржуазная пресса 1914–1917 гг. о теории «Срединной Европы» // Международные отношения в Центральной и Юго-Восточной Европе и их историография / Отв. ред. В. Д. Королюк. М., 1966. С. 136–150.

[14] *Науманн Ф.* Срединная Европа. Пг., 1918. С. XI–XII.

[15] *Лозинский С. Г.* Царствование Франца Иосифа: Политический очерк современной Австрии. Пг., 1916. С. VII.

Внимание к этому вопросу (под своим углом зрения) проявило пришедшее к власти в ноябре 1917 г. новое политическое руководство страны[16]. Так, например, особый интерес к национальному движению югославян Австро-Венгрии, а также к отношениям между сербами и хорватами в годы войны и после неё

[16] *Зиновьев Г. Е.* Австрия и мировая война. Пг., 1918; *Подвойский Н. И.* Правда о чехо-словаках. Уфа, 1918.

проявлял Лев Давидович Троцкий [17]. При этом он подчеркивал важную роль династии Габсбургов как связующей скрепы между обеими частями дуалистического и многонационального государства. По его словам, «Австро-Венгрия, как государственная организация, тождественна Габсбургской монархии: с ней стоит и падает» [18]. Но главным специалистом в данной сфере среди большевистской элиты считался Карл Бернгардович Радек − уроженец Галиции, бывший подданный Габсбургской монархии и блестящий публицист. После заключения Брестского мира он уделял Австро-Венгрии, точнее подготовке в ней революции, большое внимание, с марта по ноябрь 1918 г. возглавляя отдел Центральной Европы в НКИД и отдел внешних сношений ВЦИК[19]. Однако даже он тогда ещё не обратил внимания на возникновение новой проблемы − проблемы австрийской нации[20].

В 20-е гг. прошлого века, после того, как Габсбургская монархия безвозвратно ушла в небытие, а сама мировая война уже постепенно становилась историческим артефактом, казалось бы, настало время для спокойной исследовательской работы по интересующей нас тематике. Но как тут не вспомнить крылатый афоризм, вылетевший из уст И. В. Сталина, который со временем стал задавать тон всем историческим исследованиям в СССР − «Кадры решают всё!». А вот с кадрами как раз дело обстояло непросто. На протяжении пятнадцати послереволюционных лет первенство в исторической науке принадлежало Михаилу Николаевичу Покровскому. «Профессор с пикой», как назвал его Н. И. Бухарин, создал свою концепцию происхождения и начала мировой войны, которая в отношении Австро-Венгрии претерпела определённую эволюцию. Так, еще в 1915 г. Покровский прочитал в парижском клубе интернационалистов реферат на тему «Виновники войны». Он был напечатан с некоторыми изменениями в 1919 г. Здесь Покровский утверждал, что Германия «не только не стремилась сама к захватам, но и мешала делать их своей гораздо более драчливой союзнице − Австро-Венгрии»[21].

Следующий всплеск внимания Покровского к этой теме датируется 1924 г., когда отмечалось 10-летие начала войны. В предисловии к русскому изданию книги Карла Каутского «Как возникла мировая война» Покровский объявлял главным виновником мирового конфликта российский царизм. Он доказывал, что ещё в мае 1914 г., «за три месяца до начала войны, Россия готовилась к разделу Австро-

---

[17] *Trocky L.* Stvaranje srpsko-hrvatske zajednice // Pijemont. Beograd, 1915. 8, 9, 10. jul; *Ibid.* Sarajevski atentat: Ispovest Vladimira Gaćinovića // Edition slave. Wien, 1922. N 1. P. 3−15.

[18] *Он же.* Война и революция. Т. I. Пг., 1922. С. 88. Не все современные исследователи разделяют эту категоричность Троцкого. Например, Я. В. Шимов утверждает: «Превращение Австрийской империи в Австро-Венгрию подвело черту под историей монархии Габсбургов как *имперского* государства. Дуалистическая монархия унаследовала от своей предшественницы очень многое, но не главное − имперскую идею. Габсбурги превратились из основы своего государства и смысла его существования во всего лишь составную часть системы сдержек и противовесов, удерживавшей центрально-европейские народы вместе». См.: *Шимов Я. В.* Россия как необходимость: Повторит ли Российская Федерация судьбу Австро-Венгерской монархии // Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время / Отв. ред. А. С. Стыкалин. М., 2004. С. 255−256.

[19] *Fayet J.-F.* Karl Radek (1885−1939): Biographie politique. Bern, 2004. P. 239.

[20] *Турок В. М.* Проблема дуализма в русской дореволюционной историографии // Славяно-германские культурные связи и отношения / Отв. ред. В. Д. Королюк. М., 1969. С. 24.

[21] *Покровский М. Н.* Империалистская война. М., 1931. С. 37.

Венгрии и уговаривалась об этом со своей союзницей Францией». При этом Покровский ссылался на выдержки из дешифрованного французского дипломатического документа[22], который, дескать, подтверждал, что «православная пропаганда в Галиции поддерживается панславистскими комитетами в Москве и Киеве, т.е. носит чисто политический и притом агрессивный (наступательный) со стороны России характер. Теперь-то (в 1924 г. − *М. В., Г. Ш.*), конечно, никто в этом не сомневается, но в то время русское правительство тщательно скрывало, что его заботы о православии в Галичине имеют целью подготовить захват этой страны царской Россией»[23]. На основании этого документа, *a priori* принимая за доказанный факт наличие в Санкт-Петербурге проекта раздела Габсбургской монархии, Покровский, опираясь теперь уже на русскую дипломатическую переписку [24] и полемизируя с Каутским, утверждал: «За два дня до “почти единовременной” всеобщей мобилизации в Австрии и в России, последняя вполне “конкретно” предлагала Румынии за союз кусок монархии Франца Иосифа (Трансильванию. − *М. В., Г. Ш.*), рассуждая при этом о войне с Австрией как о деле само собой разумеющемся». По словам Покровского, глава российской дипломатии Сергей Дмитриевич Сазонов «и мысли не допускал о какой бы то ни было “территориальной компенсации” Австрии за счёт Сербии: а вот сербам дать “компенсацию” в Боснии и Герцеговине − это другое дело…»[25].

«Доставалось» от Покровского и самой Сербии. По его словам, «сербская военщина, чувствуя на своём плече могучую руку северной покровительницы, не боялась войны» [26]. Он дошёл до утверждения, что якобы убийство Франца Фердинанда в Сараево было спровоцировано российским Генштабом [27]. Впоследствии, хотя Покровский и признавал самостоятельное значение национального движения югославян, в его схеме, помимо прочих недостатков, явно прослеживалась недооценка экспансии Австро-Венгрии на Балканах, её причин и побудительных мотивов[28].

Взгляды Покровского на роль австро-сербских противоречий в возникновении войны развивал Н. П. Полетика, специально изучавший этот вопрос[29]. Он опирался на архивные материалы, но подавал их тенденциозно, доказывая непосредственную виновность царизма и его дипломатов и агентов в конфликте, развязанном на Балканах. По его словам, «этот конфликт (России. − *М. В., Г. Ш.*) с Австрией … и явился одной из главных причин войны 1914−1918 гг.»[30]. Тем не менее, Полетика стал первым исследователем, представившим советской читательской публике

---

[22] Этот документ, которому Покровский придал неточную атрибуцию, впоследствии в России так и не был опубликован.

[23] *Покровский М. Н.* Империалистская война... С. 126.

[24] См.: МОЭИ. М.; Л., 1934. Т. V. С. 254. Телеграмма С. Д. Сазонова посланнику в Бухаресте С. А. Поклевскому. № 280.

[25] *Покровский М. Н.* Указ. соч. С. 136.

[26] Там же. С. 128.

[27] *Он же.* Очерки русского революционного движения XIX−XX вв. М., 1924. С. 180.

[28] *Козенко Б. Д.* Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 6.

[29] *Полетика Н. П.* Сараевское убийство. Л., 1930; *Он же.* Возникновение мировой войны. М.; Л., 1935. С. 112−118, 275−285.

[30] *Он же.* Сараевское убийство… С. 46.

широкую картину югославянского движения в Габсбургской монархии накануне войны. Судьба его книги «Сараевское убийство» была сложной и многострадальной. Неблагоприятно сказались на ней и негативный отзыв в 1932−1933 гг. со стороны Радека, еще обладавшего определённым политическим влиянием, и наличие в тексте цитат из статьи Троцкого «Мальчики, которые “вызвали” войну», и особенно, многократные перепады в советско-югославских отношениях. Поэтому книга то «умирала», то «воскресала» для рядового читателя, кочуя с книжных полок общего фонда в закрытый для читателя «спецфонд» и обратно, в зависимости от хода политических событий 1930−1960-х годов. Поистине, *habent sua fata libelli!*

Если труды Полетики сыграли на руку Покровскому, то совершенно противоположное можно сказать о появлении в 1927 г. и переиздании в следующем году антантофильской книги «Европа в эпоху империализма. 1871−1919», написанной блестящим пером академика Евгения Викторовича Тарле. Базирующаяся на огромном конкретном материале, эта книга явилась первой попыткой исторически осмыслить предысторию и историю мировой войны. Уделено внимание и интересующей нас проблеме. Так, автор обоснованно утверждал, что перед войной «в недрах самой Австро-Венгрии всё усиливался чешский сепаратизм. Чехия … была экономически вполне “автономна”, вполне могла обойтись без остальной империи, а потому с особой силой и раздражением требовала и автономии политической» [31] . Современная историческая наука подтверждает правоту этого тезиса[32]. Правда, рассматривая с позиций сегодняшнего дня, его следовало бы уточнить, учитывая неоднородный национальный состав Богемии, своеобразное положение её дворянской элиты и ряд иных факторов. Но сделать это тогда было невозможно из-за отсутствия в распоряжении Тарле достаточного количества представительных источников.

Критику же со стороны Покровского вызвал тот факт, что Тарле явно затушевывал, а по ряду аспектов и идеализировал империалистическую позицию стран Антанты, в том числе России, в развязывании войны [33] . К этому приплюсовывалось обвинение в стремлении обелить сербские власти и снять с них ответственность за сараевское убийство.

Имея за спиной команду «фас» со стороны «вождей», Покровский в разгромной рецензии заклеймил труд Тарле как «классово чуждый» и как «ловкую маскировку под марксизм». По его словам, Тарле предпринял попытку «сокрушить марксистские исторические концепции при помощи якобы марксистских приёмов»[34]. Тарле ответил не менее резкой статьей[35]. Помимо прочего, он полагал, что «Покровский слишком увлекается в обвинении Сербии. Обе эти державы (Австро-Венгрия и Сербия. − *М. В., Г. Ш.*) … стоили друг друга, и курьёзно было бы историкам ломать в 1928 году копья, отстаивая не то, что “голубиную чистоту”, а

[31] *Тарле Е. В.* Европа в эпоху империализма. М., 1928. С. 204.

[32] См., например, статью М. Главачки в данной книге.

[33] *Чапкевич Е. И.* Страницы биографии академика Тарле // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 41.

[34] *Покровский М. Н.* «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 3−17.

[35] *Тарле Е. В.* К вопросу о начале войны. Ответ М. Н. Покровскому // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 101−107.

даже относительную “невинность” хоть какой-нибудь из стран, участвовавших в конфликте»[36].

В дальнейшем попытки Тарле придать полемике более примирительный тон и перевести её в научную плоскость, не допускавшую политизации, остались безуспешными. Да и общая обстановка в стране изменилась. В 1929 г., в год «великого перелома», всесильный Покровский объявил об окончании «периода мирного сожительства» с учеными дореволюционной школы. 29 января 1930 г. Тарле был арестован по так называемому «академическому делу»[37]. Научные обвинения трансформировались в политические[38]. Спустя год, с 29 января по 16 февраля 1931 г., в Ленинграде под председательством декана исторического факультета ЛГУ Г. С. Зайделя проходило совместное заседание института истории Коммунистической Академии и Ленинградского общества историков-марксистов. В докладе «Тарле как историк», посвящённом разоблачению «вредительства на историческом фронте», Зайдель утверждал, что Тарле и его ученики «стремились развернуть программу внешней политики русского неоимпериализма»[39]. Такая расправа с маститым академиком должна была отбить надолго у советских историков желание без спроса вторгаться в «домен» Покровского, каким являлась мировая война…

Но в следующем году «сталинский Геродот» скончался. А 16 мая 1934 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о развитии исторической науки и преподавании гражданской истории[40]. В нем содержался призыв к борьбе «против схематизма и вульгаризации исторических проблем». Однако, главным фактором, обеспечившим частичный возврат историков к интересующей нас теме, стал поворот в политике самого Сталина. К тому времени в деятельности «вождя» всё явственнее стали проявляться имперские замашки. Одним из проявлений указанной тенденции стал его запрет на публикацию статьи Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма» в 1934 г. в специальном номере идейно-теоретического органа ЦК ВКП(б) журнала «Большевик», посвященном 20-летию начала мировой войны[41]. В этом смысле теоретические выкладки Покровского по истории международных отношений, в том числе периода мировой войны, построенные на интернационалистской и непатриотической основе, представлялись Сталину не только досадной, но и вредной помехой. С 1936 г. начался разгром так называемой «антимарксистской школы Покровского». Первым среди высоких критиков, подвизавшихся на историческом фронте, стал Емельян Ярославский, давний противник Покровского в борьбе за лидерство в марксистской историографии, действовавший по прямому указанию «вождя». Теперь Покровскому не преминули инкриминировать многое из того, в чем его упрекал Тарле во время полемики 1928 г. «Воинствующий большевикленинец» посмертно был объявлен

[36] *Он же.* Европа в эпоху империализма… С. 266.

[37] См.: Академическое дело 1929−1931 гг. Вып. 2. Следственное дело академика Е. В. Тарле. СПб., 1998.

[38] См.: *Wołos M.* Francja − ZSSR: Stosunki polityczne w latach 1924−1932. Toruń, 2007. S. 460−461.

[39] См.: *Зайдель Г. С., Цвибак М. М.* Классовый враг на историческом фронте: Тарле и Платонов и их школы. Л., 1931.

[40] См.: К изучению истории. Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б). Сборник. М., 1937.

[41] *Сталин И. В.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» − и идеологическая подготовка к мировой войне / Вступ. ст. М. В. Зеленова // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 3−39.

«антимарксистом». Его обвиняли, помимо прочего, в том, что «он вовсе не затрагивает вопроса о роли австро-венгерского империализма» в развязывании мировой войны. «Смертным грехом» считался отход Покровского от канонических изречений Ленина и Сталина. Первый в ноябре 1914 г., имея в виду Австрию, утверждал, что «на деле немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить её и задушить национальную революцию южного славянства»[42]. Второй же ещё в 1913 г. заявил, что в Габсбургской монархии «национальный вопрос составляет … ось политической жизни, вопрос существования»[43]. Покровский же «посмел» «ни одним словом не затрагивать в своих работах» то, что преподносилось как гениальный вывод классиков ленинизма: «Господствующие классы Австро-Венгрии, находясь в политическом и военном союзе с империалистской Германией, вели агрессивную империалистскую политику, надеясь путём завоевания новых территорий и, особенно, путём разгрома Сербии остановить всё более усиливающееся разложение двуединой монархии». Более того, по словам его обвинителей, он считал Сербию «главнейшим провокатором войны, … сознательным агентом, осуществившим ту провокацию, которая была задумана французским империализмом в союзе с царской Россией»[44].

Еще раньше, чем историки «школы Покровского», административно-репрессивные методы руководства наукой ощутили на себе учёные, профессионально сформировавшиеся в дореволюционный период. В 1920-е годы, когда интенсивно шла советизация науки, специалисты высокой квалификации, ранее занимавшиеся изучением славянских народов Австро-Венгрии, разделили общую судьбу ученых-гуманитариев. По-настоящему профессиональных исследований по последнему периоду существования Габсбургской монархии насчитывались единицы[45]. Да и само славяноведение, считавшееся «буржуазным» и давно находившееся под подозрением, теперь подверглось открытым гонениям[46]. В этих условиях авторами большинства появляющихся работ по интересующей нас теме стали коммунисты-эмигранты из государств, которые возникли на обломках Австро-Венгрии. Многие из них были и участниками описываемых событий. К добру или к несчастью для себя, эти люди обрели в Советском Союзе вторую родину. Поэтому в определенном смысле произведения, созданные ими в СССР, можно считать составной частью советской исторической науки[47]. В большинстве своём не имевшие профессиональной исторической и, в частности, источниковедческой подготовки, они занялись кропотливым сбором и выявлением документального материала по истории своих стран. Интересующая нас проблема не находилась в центре их научных изысканий. Ведь идеология советского

---

[42] *Ленин В. И.* Война и российская социал-демократия // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 16.

[43] *Сталин И. В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1937. С. 18.

[44] *Ерусалимский А. С.* Происхождение мировой империалистической войны 1914−1918 гг. в освещении М. Н. Покровского // Против исторической концепции М. Н. Покровского. Ч. 1. М., 1939. С. 513−514.

[45] *Котляревский С. А.* Австро-Венгрия в годы мировой войны. М., 1922; *Капелюш Ф. Д.* Австрия. М.; Л., 1929.

[46] См. подробно: *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.

[47] См.: *Митина Н. П.* Советское славяноведение 1920−1930-х годов и вклад польских политэмигрантов в его становление и развитие // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1986. С. 124−139.

тоталитарного государства имела своими приоритетами не национальные, а интернациональные и классовые ориентиры. Поэтому, исходя из ленинского тезиса о подчиненности национального вопроса интересам классовой борьбы пролетариата, исследователи старались подавать материал о национальных движениях в Габсбургской монархии через призму истории рабочего и коммунистического движения. Работы, опубликованные в тот период, представляли собой статьи в журналах и энциклопедиях или же идеологизированные публицистические брошюры с мощным пропагандистским острием, коминтерновской терминологией и соответствующими политическими оценками[48]. Своими интеллектуальными и политическими корнями многие теоретические установки, содержавшиеся в этих работах, уходили в романтически-позитивистскую традицию XIX в. и в программы восточно-европейской социал-демократии.

Ту же пропагандистскую цель преследовало и издание в середине 1920-х гг. на русском языке мемуаров политических деятелей Австро-Венгрии − Оттокара Чернина и особенно Отто Бауэра[49]. Воспоминания последнего, предваряемые соответствующим предисловием большевистского историка Ф. А. Ротштейна, добавляли масла в огонь конфронтационной полемики между большевиками и социал-демократами. Фактически это было продолжением давних споров В. И. Ленина с австромарксистами, в том числе и по национальному вопросу[50]. Квалифицируя Бауэра как «виднейшего теоретика австрийского меньшевизма», в книгу которого «вложена вся премудрость меньшевизма … в специфически австрийской оболочке», Ротштейн с едким сарказмом выступал против характеристики событий октября-ноября 1918 г. в Австро-Венгрии как национальной или национально-политической революции. По его словам, в те дни «австрийская социал-демократия была более труслива, чем подла». Принятая же в январе 1918 г. «Национальная программа левых», ставшая поворотным событием в развитии австрийской социал-демократической мысли[51], по словам Ротштейна, документировала «кретинизм австрийской социал-демократии»[52].

Десятилетиями тянулся в советской историографии шлейф обвинений в адрес Бауэра[53]. Особенно жесткими они стали после 1927 г., когда Сталин окончательно обозначил одним из главных политических врагов СССР международную социал-демократию, называемую «социал-фашизмом». Одна из первых и многократно переизданных теоретических работ Сталина − «Марксизм и национальный вопрос», содержала критику концепций австромарксизма и «культурно-национальной

[48] См., например: *Ландлер Е.* Венгрия в эпоху мировой войны // Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. Т. 47. М., 1926. С. 310–357; *Тордай Л.* Распад Австрии // Историк-марксист. Т. 6. М., 1927. С. 253−259; *Коричонер Ф.* К истории интернационалистского движения в Австрии // Пролетарская революция. М., 1930. № 2−3 (97−98). С. 91−103.

[49] *Чернин О.* В дни мировой войны. М.; Пг., 1923; *Бауэр О.* Австрийская революция 1918 года. М.; Л., 1925.

[50] Так, в марте 1916 г. Ленин писал о необходимости «разъяснять массам реакционность идей Реннера и О. Бауэра о так называемой “культурно-национальной автономии”». См.: *Ленин В. И.* Социалистическая революция и право наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 256.

[51] Об этом документе см. подробно в статье О. И. Величко в данной книге. См. также: *Станков Н. Н.* Отто Бауэр: восемь месяцев на Бальхаусплац // Славяноведение. 1999. № 1. С. 49.

[52] *Ротштейн Ф. А.* Предисловие // *Бауэр О.* Указ. соч. С. III−VII.

[53] *Рубинштейн А. Я.* Отто Бауэр − теоретик австрийской социал-демократии. М.; Л., 1935; *Трайнин И. П.* Национальные противоречия в Австро-Венгрии и её распад. М., 1947. С. 205−224.

автономии»[54]. Данную работу автор завершил в январе 1913 г. в Вене, куда приезжал по рекомендации Ленина для сбора материалов. Афишировалась и данная ей высокая ленинская оценка[55]. Несмотря на очевидную эклектичность работы, всё это делало её непреложной истиной в последней инстанции и обрекало Бауэра на зубодробительную критику со стороны сталинских эпигонов.

[54] *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // Соч. Т. 2. М., 1946. С. 290−367.

[55] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 169. По утверждению Милована Джиласа, из своего разговора со Сталиным в 1948 г. он вынес впечатление, что якобы Ленин эту сталинскую работу отредактировал. См.: *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 111.

Они упорно не желали замечать тот факт, что именно Бауэр, вернувшись из рос сийского плена в сентябре 1917 г., месяц спустя на партийном съезде социалдемократов совместно с левыми выдвинул требование о признании права наций на самоопределение и государственную самостоятельность[56]. Это произошло впервые после учредительного Нойдорфльского (1874 г.) съезда австрийской социал-демократии. Именно в данном требовании Бауэра и его сторонников выразилось социалистическое понимание национальных вожделений различных славянских народов, итальянцев и румын Габсбургской монархии. Только к началу 1980-х годов официозная советская историческая наука смягчила свою оценку «Национальной программы левых», означавшей отход Бауэра от традиционной установки «культурно-национальной автономии». Однако, косвенно признавая положительное значение этого документа, она по-прежнему считала его слишком запоздалым[57].

Некоторые материалы по интересующей нас теме появлялись, правда, «по касательной», в работах, ставших непосредственным отзвуком Гражданской войны. Так, повествования о действиях чехословацкого корпуса, втянутого в водоворот российских внутриполитических событий, зачастую переходили в плоскость связей руководителей легионеров с «русской и зарубежной контрреволюцией». Под ними подразумевались руководители Белого движения и стран Антанты[58]. Рассматривая вопросы польско-советской войны 1919–1920 гг., некоторые авторы затрагивали различные аспекты восстановления государственности польского народа[59]. Однако, обосновывая вывод о решающей роли Октябрьской революции в восстановлении независимости Польши, польские историки-коммунисты давали упрощенные оценки всей ситуации, сложившейся на польских землях в ноябре 1918 г. Это касалось вопроса о крахе оккупационного режима Центральных держав, основных аспектов деятельности Люблинского правительства Игнацы Дашиньского (Tymczasowy Rząd Ludowy Republiki Polskiej w Lublinie), роли Юзефа Пилсудского в восстановлении польской независимости и т.п.

Не избежал таких упрощений и Юлиан Мархлевский. Он жил и работал в 1918–1925 гг. в Советской стране и стремился утвердить марксистскую концепцию национальной истории[60]. Многие польские коммунисты даже в первые месяцы существования независимой Польши ещё продолжали придерживаться прежней теоретической схемы, разработанной Розой Люксембург. Согласно ей считалось, что существование буржуазного Польского государства в связи с грядущей мировой

[56] Protokoll der Verhandlungen des Parteitages der deutschen sozial-demokratischen Arbeiterpartei in Österreich. Abgehalten in Wien von 19. bis 24. Oktober 1917. Wien, 1917. S. 113−118.

[57] Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории / Отв. ред. В. В. Загладин. Т. 4. М., 1980. С. 147.

[58] *Шмераль Б.* Чехословаки и эсеры. М., 1922; *Попов Ф. Г.* Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. Самара, 1932.

[59] *Волинский А.* Польские политические партии и образование Польского государства. М., 1920; *Лапинский П.* Польша, Антанта и польско-русская война // Вестник НКИД. М., 1920. № 4–5. С. 19–34; *Павлович М. П.* Война с польскими панами: Польско-шляхетская авантюра. Харьков, 1920.

[60] *Мархлевский Ю.* Польша и мировая революция. М., 1920; *Он же.* Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией. М., 1921.

революцией бесперспективно. Так, в политической платформе, принятой на I учредительном съезде Коммунистической рабочей партии Польши в декабре 1918 г., факт национального освобождения Польши даже не был отмечен, поскольку не был осознан[61]. Впоследствии, в 1923 г., на II съезде партии один из её руководителей, Адольф Варский, честно признался: «Восстановление Польши было для нас взрывом бомбы, мы не знали, что делать с этим фантом»[62]. В то время польские сторонники Люксембург считали недопустимым выступать за установление «новых пограничных столбов в Европе»[63]. Мархлевский же в самом начале 1919 г. писал по поводу восстановления польской независимости: «Польша сейчас свободна от чужеземного ига и останется свободной» [64] . В этом утверждении не просто констатировался факт восстановления польской государственности, но и подчёркивалась необратимость данного исторического явления.

Мархлевский подробно осветил изменения в трактовке польского вопроса на трёх этапах мировой войны: в начале её, во время оккупации Царства Польского войсками Центральных держав и в период русских революций. Особое внимание он уделил позиции Пилсудского и Дашиньского, отмечая внутреннюю противоречивость идеи формирования – с согласия Генштаба Габсбургской монархии – польского Легиона для участия в войне на стороне Австро-Венгрии, а по сути Германии. Противоречивость Мархлевский видел в том, что полякам предлагалось связать свои надежды на освобождение со страной, которая уже зарекомендовала себя закоренелым врагом и угнетателем польской нации. Этой двойственностью Мархлевский объяснял слабый успех пропаганды среди польского населения в пользу Легиона, который, дескать, из-за своей малочисленности, не имел почти никакого военного значения. Автор указал также на политическую бесперспективность и близорукость ориентации Пилсудского на Вену. Война показала, что Габсбургская монархия, более слабая в сравнении с Германией, не была способна самостоятельно осуществить на практике объединение под своим скипетром даже двух частей Польши. В результате выступления польских политических партий на стороне Австро-Венгрии решение судьбы поляков оказалось в руках явно враждебной им Германии. Осуждая «позорный торг» по польскому вопросу, в котором, наряду с Центральными державами, приняла участие и социал-демократическая партия Дашиньского, Мархлевский резко отрицательно оценил акт 5 ноября 1916 г. о создании «самостоятельного Польского государства», а также персональный состав его Регентского совета и правительства. По его словам, там оказались «первые попавшиеся аристократы» и «ничтожные политические интриганы», не связанные с основными политическими группировками в стране. По убеждению Мархлевского, образованное «государство» не отвечало интересам польского народа – его национальные чувства не были удовлетворены, а наоборот, обострились. Не могло идти и речи об установлении в стране национального мира, поскольку действия Центральных держав усилили «в населении ненависть ко всему немецкому». Особое возмущение Мархлевского вызывал тот факт, что краковский

[61] KPP. Uchwały i rezolucje. T. 1. Warszawa, 1953.
[62] II Zjazd Komunistycznej Partii Robotniczej Polski. Protokoły obrad i uchwały.Warszawa, 1968. S. 170.
[63] *Radwański T.* Sprawa polska w świetle nauk Róży Luksemburg. Moskwa, 1920. S. 34.
[64] *Мархлевский Ю.* Будущее Польши в экономическом отношении // Экономическая жизнь. 1919. 10 янв.

орган социал-демократов «Naprzód», озабоченный лишь частичным восстановлением Польши в составе бывшего Царства Польского и Галиции, был согласен обречь «свыше четырех миллионов поляков в жертву прусской истребительной политике»[65].

Мархлевский обратил внимание читателей на взаимоотношения Австро-Вен грии и Германии как на фактор, наносивший ущерб интересам польской нации. Ведь в противовес стремлениям Габсбургов объединить под своим скипетром российскую часть Польши и Галицию, Германия, не считаясь со своей союзницей, стала превращать бывшее Царство Польское в «буферное государство» с изменёнными границами и более чем сомнительной автономией. Это вызвало недовольство, как Вены, так и польских политиков. Февральская же революция в России с её лозунгом о независимости Польши, по словам Мархлевского, ещё больше скомпрометировала сторонников проавстрийской и прогерманской ориентации.

Мархлевский пришёл к выводу, что мировая война не была решающим фактором ни в постановке вопроса о действительном восстановлении польского государства, ни тем более в практическом его осуществлении. Но автор не оставил без внимания ту область национальных идей и чувств, где война оставила свой след, и которая имела отношение к решению польского вопроса. Война всколыхнула идеи о независимости, обострила национальные чувства поляков, тем самым подготовила почву для оживления идеи о возрождении самостоятельного польского государства. На процесс овладения массами этой идеей оказали влияние также и русские революции. Он доказывал, что эта война по логике своего развития не предполагала возрождение Польши в тех масштабах (а не вообще), которые оказались возможными в ноябре 1918 г., после победы Октябрьской революции. Именно тогда, по утверждению Мархлевского, потерпели крах различные концепции и ориентации польских политиков на автономию расчленённых польских земель, которые подменяли идею независимости Польши. Не отрицая категорически роли тех или иных факторов, связанных с войной, в восстановлении Польши, он указывал, что все они (и прежде всего политика стран Антанты) были в той или иной мере связаны с победой пролетарской революции в России[66].

В статье «Польская республика и Советская Россия» Мархлевский отмечал воздействие Октябрьской революции на завершение мировой войны. В распаде Австро-Венгрии и германской революции он видел «неотделимое последствие» Октября, придавшего внутренней ситуации в Центральных державах мощный революционный импульс. Именно он и предопределил, в конечном счете, военный крах Второго Рейха и Габсбургской монархии, несмотря на иллюзорные и временные успехи на Востоке в начале 1918 г. В этом смысле Мархлевский считал окончание войны революционным и полагал, что оно наложило отпечаток на политику победившей Антанты в отношении трёх революционных стран и Польши.

---

[65] *Он же.* Польша и мировая революция… С. 20.

[66] *Черных М. Н.* Ю. Мархлевский о значении Великой Октябрьской социалистической революции для восстановления независимости Польши // Советское славяноведение. М., 1975. № 1. С. 31, 35; *Она же.* Юлиан Мархлевский о советско-польских отношениях в 1918−1921 гг. М., 1990. С. 49−50.

Он писал: «Лишь эта революционная развязка войны привела к тому, что империалистические страны-победительницы, заинтересованные равным образом как в разрушении Австрии (? − *М. В., Г. Ш.*) и ослаблении Германии, так и в сжатии в тисках России, этого очага революции, согласились на создание польского государства»[67].

В начале 30-х гг. в СССР был подготовлен набросок марксистского синтеза польской истории[68]. Его автором стал видный польский коммунист, работавший в то время в секретариате Исполкома Коминтерна, Хенрик Валецкий (Максимилиан Горвиц). Отход от работ Мархлевского ярко проявился в схематизме, с которым было проанализировано образование Польского государства в 1918 г. Скорее всего, данный факт был связан с усилением левацких тенденций в коммунистическом движении. Это подтверждается и рецензией Валецкого на выход в 1931 г. 6-го тома сочинений Мархлевского, который безосновательно обвинялся в национализме, протаскивании оценок буржуазной историографии[69].

В 1930-е годы в советской исторической науке тезис о том, что Октябрьская революция по сравнению с другими факторами (мировая война, Февральская революция, крах Австро-Венгрии, революция в Германии) имела решающее значение для возрождения Польши, парадоксально уживался с определением этой страны как «уродливого детища Версальской системы». Первоначальным автором данной «метафоры» являлся А. Я. Манусевич [70] . Идеологическое давление относительно роли Октября в воссоздании польской государственности сохранялось в советской исторической полонистике и в 40-е[71], и в 50-е годы[72]. Лишь в конце 60-х гг. впервые было высказано мнение, что образование Польского государства в 1918 г. по существу означало победу национальной, демократической революции, завершившей длительный период национальноосвободительной борьбы польского

---

[67] Kalendarz komunistyczny na rok 1920. Moskwa, 1920. S. 129.

[68] Польша // Малая Советская Энциклопедия. Т. 6. М., 1930. С. 714−729.

[69] *Зашкильняк Л. А.* Марксизм и польская историография в 1918−1944 гг. // Марксизм и историческая наука в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1870−1965) / Отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1991. С. 122−123.

[70] См.: *Яжборовская И. С.* Россия и Польша: на исторических переломах XX века // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды / Отв. ред. М. Волос, А. М. Орехов. М., 2009. С. 30.

[71] См., например: *Шустер У. А.* Великая Октябрьская социалистическая революция и Польша // Вестник ЛГУ. 1948. № 1. С. 64–73; *Миско М. В.* Из истории революционного движения в Польше в 1918–1919 годах // Вопросы истории. М., 1948. № 10. С. 39–60; *Он же.* Восстановление Польского государства в 1918−1920 гг. // Учёные записки Института славяноведения. Т. I. М., 1949. С. 185−211.

[72] *Миско М. В.* Октябрьская революция и восстановление независимости Польши. М., 1957; История Польши. Т. II. М., 1955. С. 632–655; Т. III. М., 1958. С. 7−54; *Манусевич А. Я.* Очерки по истории Польши. М., 1952. С. 256–278; *Он же.* Октябрьская революция и независимость Польши, Чехословакии и Югославии. (К историографии проблемы и задачах её изучения) // Краткие сообщения Института славяноведения. Т. 39. М., 1963. С. 52–74. См. подробно: *Трощенков К. В.* Польский вопрос в годы Первой мировой войны в отечественной историографии // Проблемы источниковедения и историографии / Отв. ред. В. И. Гальцов. Калининград, 1999. С. 102–108; *Falkowicz S.* Polska problematyka w rosyjskiej historiografii // «O nas bez nas»: Historia Polski w historiografiach obcojęzycznych. Poznań, 2007. S. 110−111.

народа [73] . Тем самым, наконец-таки, было признано большое значение национального фактора в восстановлении польской государственности[74].

Свои нюансы имело рассмотрение советскими историками основных аспектов создания независимого чехословацкого государства, поскольку здесь, в отличие от польских сюжетов, роль национального фактора гипертрофировалась. История чехословацкого национального движения условно разделялась на два этапа. Первый − с осени 1914 до весны 1917 г. и второй − с весны 1917 до осени 1918 г. Причем, на первом этапе это движение являлось, главным образом, чешским, поскольку словаки с начала войны до 1917 г. не проявляли особой политической активности[75]. Казалось бы, сам собой напраши вался вывод, что именно воздействие Февральской революции в России стало тем внешним фактором, который обусловил перелом в данном процессе. Но не тут-то было. Значение Февраля советская историография упорно недооценивала, хотя именно он стал одним из факторов, сделавшим движение за независимость народов Австро-Венгрии массовым. Этот рост антигабсбургского движения в Чешских землях и антимадьярского среди народных масс Словакии связывался с Октябрьской революцией[76]. Но, как указывала В. И. Беляева, «самым важным было по возможности свести на нет роль Т. Г. Масарика в создании Чехословацкой республики. Для историков-марксистов, выполнявших социальный заказ системы, он был настолько ненавистной фигурой, что удаление его имени из истории страны стало их многолетней неблагодарной задачей»[77]. А поскольку изучение первого из указанных этапов практически исключало такой подход, то он удостоился лишь единичных работ[78], в обобщающих же трудах, как верно заметила М. Д. Савваитова, излагался кратко и поверхностно[79].

В полной мере это проявилось не только в академической «Истории Чехословакии»[80], которая «заслужила дурную славу в качестве одного из самых

---

[73] *Стецкевич С. М.* О характере событий 1918–1919 гг. в Польше // Советское славяноведение: Материалы IV межвузов. науч. конференции историков-славистов (Минск, 31 янв. – 3 февр. 1968 г.). Минск, 1969. С. 169–175.

[74] См. подробно: *Бобрик М. Н.* Национальный фактор восстановления в 1918 г. Польского государства // Национальный вопрос в Восточной Европе: прошлое и настоящее / Отв. ред. М. Д. Ерещенко. М., 1995. С. 151−161.

[75] *Голец Р.* Словаки в круговороте войны // История Словакии. М., 2003. С. 294.

[76] См.: *Сухомлинова Г. Ф.* К истории образования чехословацкого государства в 1918 г. // Октябрьская революция и зарубежные славянские народы / Под ред. А. Я. Манусевича. М., 1957. С. 190−232; *Марьина В. В.* Революционное движение в Словакии в 1918−1919 гг. // Там же. С. 233−270.

[77] *Беляева В. И.* Разработка Т. Г. Масариком в годы Первой мировой войны планов создания независимого чехословацкого государства // Первая мировая война и проблемы политического переустройства в Центральной и Юго-Восточной Европе / Отв. ред. В. И. Беляева. М., 1991. С. 73.

[78] *Чеканова Г. П.* Национально-освободительное движение в Чешских землях в годы Первой мировой империалистической войны (август 1914 − февраль 1917 г.) // Учёные записки ЛГУ. № 194. Сер. историч. наук. Вып. 23. Л., 1955. С. 139−165; *Латыш М. В.* Национальный вопрос в программе чешских буржуазных партий в годы Первой мировой войны (1914−1917 гг.). Автореф. дисс. … к.и.н. М., 1985. С. 2−3.

[79] *Савваитова М. Д.* Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю. А. Писарев, В. Л. Мальков. М., 1994. С. 113−114.

[80] История Чехословакии. Т. II−III. М., 1958−1960.

скандальных примеров политического вмешательства в историописание»[81]. В некоторых случаях советские историки хотели быть «святее папы римского», т.е. своих чехословацких коллег. Последние, хотя и исполняли идеологические установки ЦК КПЧ, однако негативно отозвались о монографии Я. Б. Шмераля, который рассмотрел исключительно *внутренние* предпосылки, приведшие к образованию чехословацкого государства[82]. Один из рецензентов, Я. Кржижек, отмечал: «Автор не говорит практически ничего о роли Антанты в возникновении ЧСР, о её роли в признании прав чехов и словаков на самостоятельное государство весной и летом 1918 г., о дипломатическо-политических успехах Чехословацкого национального совета во главе с Масариком в 1917−1918 гг., о роли Масарика в образовании ЧСР». Шмераль только написал, что «поворот внешнеполитического курса Антанты и США в сторону признания права порабощённых народов Монархии на самостоятельное государственное существование произошёл лишь после того, как развитие внутренних революционных процессов в Монархии по существу уже предопределило её распад»[83]. Сами эти процессы представлялись непосредственным последствием Октябрьской революции, и поэтому творцом ЧСР изображались безымянные народные массы. «А о том, какую фактическую роль при возникновении Чехословакии сыграли военное поражение Центральных держав от Антанты, изменение отношения Антанты к Австро-Венгрии весной 1918 г., какую роль сыграл Масарик и заграничная эмиграция, даже о том, как действовал механизм “вожди−массы”, насколько и в каком направлении влияла зарубежная эмиграция на внутреннее политическое развитие, в какой степени массы действовали осмысленно и за кем они шли в последний год войны, − обо всём этом ничего определенного не говорится»[84].

Эта рецензия вышла во время «Пражской весны» 1968 г. Она свидетельствовала о некотором повороте в историографии ЧССР к изучению «эмигрантских центров» чешского освободительного движения и, в первую очередь, Чехословацкого национального совета. Однако полемика всё равно развивалась вокруг уже известных в марксистской историографии фактов и оценок. В советской же исторической науке лишь 20 лет спустя первый подход к отказу от сложившихся стереотипов предпринял А. Х. Клеванский[85]. Он и ранее был известен как крупный исследователь интересующей нас проблемы, хотя зачастую рассматривал её под углом российской истории[86]. В постсоветский период дальнейшее изучение этой многоаспектной темы связано с именем Е. П. Серапионовой[87].

---

[81] *Islamov T., Miller A., Pavlenko O., Glazkova M., Romanenko S.* Soviet Historiography on the Habsburg Empire // Austrian History Yearbook. Vol. XXVI. Houston, 1995. P. 168.

[82] *Шмераль Я. Б.* Образование Чехословацкой республики в 1918 году. М., 1967.

[83] Там же. С. 196.

[84] *Křížek J.* Nová sovětská práce o vzniku ČSR // Historie a vojenství. Praha, 1968. N 2. S. 311−316.

[85] *Клеванский А. Х.* Крах империи Габсбургов // Краткая история Чехословакии с древнейших времён до наших дней / Отв. ред. А. Х. Клеванский, В. В. Марьина, И. И. Поп. М., 1988. С. 277−293.

[86] *Он же.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914−1921 гг. М., 1965.

[87] *Серапионова Е. П.* Идея чехословакизма: Истоки и реализация // Национальный вопрос в Восточной Европе… С. 61−70; *Она же.* Чехи и словаки в огне Первой мировой войны // Чехия и Словакия в XX веке: Очерки истории / Отв. ред. В. В. Марьина. Кн. 1. М., 2005. С. 44−78; *Она же.* Последний год войны и образование Чехословацкой республики // Там же. С. 78−95.

Но до этого было ещё далеко… Поэтому вернёмся в 1920-е гг. Именно тогда в СССР началась публикация документов, повествующих о различных проектах решения чешского и польского вопросов в годы мировой войны[88].

Тогда ещё никому не хотелось верить в то, что эта мировая война в будущем получит название Первой. Однако итоги Парижской мирной конференции в виде Версальской международно-правовой системы особого оптимизма в Советской России не вызывали. Известны ленинские слова, произнесённые в октябре 1920 г., после окончания польско-советской войны: «Порядок, который держится Версальским миром, держится на вулкане… Версальский мир держится на Польше»[89]. Данный тезис взяли на вооружение не только большевики[90], но и их временные «попутчики». Среди последних отметим профессора Юрия Вениаминовича Ключникова. Специалист в области международного права, публицист кадетской партии, управляющий министерством иностранных дел при Директории и А. В. Колчаке, в 1919 г. он был послан в Париж представлять интересы Омского правительства на мирной конференции. Став одним из идеологов «сменовеховс тва», Ключников в 1923 г. окончательно возвратился в СССР и стал экспертом НКИД. Под его редакцией были переведены на русский язык и опубликованы тексты Сен-Жерменского и Трианонского договоров с побежденными Австрией и Венгрией[91]. Обстоятельные комментарии Ключникова, подробно раскрывая дипломатическую «кухню», в которой готовились эти международно-правовые акты, предрекали их недолговечность. Еще раньше, в 1922 г., к такому же малоутешительному выводу пришли и другие аналитики, весьма далёкие от политико-идеологической конъюнктуры. Среди них были выдающиеся отечественные историки Николай Иванович Кареев и Евгений Викторович Тарле[92].

Также представляют ценность замечания известного юриста и публициста Василия Васильевича Водовозова. До революции он считался одним из признанных российских специалистов по Габсбургской монархии[83]. Ещё в декабре 1914 г., находясь в Сербии, Водовозов «из первых рук» получил сведения о непростых, мягко говоря, отношениях между сербами и хорватами, которые после войны волею судеб оказались в составе единого унитарного государства[84].

Особое возмущение Водовозова вызвали положения Сен-Жерменского договора. «Тут дело не только в отторжении от неё (Австрии. − *М. В., Г. Ш.*) определённых земель, тут дело в том, кому они переданы. 6 миллионов русинского населения

---

[88] *Попов А. Л.* Чехословацкий вопрос и царская дипломатия в 1914−1917 гг. // Красный архив. М., 1929. № 2 (33). С. 3−33; № 3 (34). С. 3−38; Русско-польские отношения в период мировой войны. М.; Л., 1926.

[89] *Ленин В. И.* Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 353.

[90] *Радек К. Б.* Ликвидация Версальского мира: Доклад IV Конгрессу Коммунистического интернационала М., 1922; *Павлович М. П.* Мировая война 1914−1918 гг. и грядущие войны. Л., 1925.

[91] Сен-Жерменский мирный договор / Под ред. Ю. В. Ключникова, А. В. Сабанина. М., 1925; Трианонский мирный договор / Под ред. Ю. В. Ключникова, А. В. Сабанина. М., 1926.

[92] *Кареев Н. И.* Европа до и после войны в территориальном отношении. Пг., 1922; *Тарле Е. В.* Три катастрофы. Вестфальский мир. Тильзитский мир. Версальский мир // Анналы. Пг. 1922. № 2. С. 59−94. [83] *Водовозов В. В.* Версальский мир и Лига Наций. Пг., 1922; *Он же.* Новая Европа. Прага, 1922. [84] *Он же.* Версальский мир… С. 92.

Галиции переданы … ненавистной ему Польше; 3 млн немцев в Богемии переданы Чехии; несколько сот тысяч немцев Тироля, значительное число словенцев и сербов Истрии и Далмации… − отданы Италии; отдавая ей это население, державы не позаботились обязать её уважать права национальных меньшинств, и весьма вероятно, что Италия начнёт их грубую романизацию. Все это сделано без плебисцитов, и всё это вызывает сильное недовольство местного населения. …До сих пор была в Австрии *Italia irredenta*, теперь вместо неё появились в Италии *Germania irredenta* и *Slavonia irredenta*». Характеризуя же в целом итоги мирного урегулирования с Австрией и Венгрией, Водовозов утверждал, что они перестали быть суверенными государствами и стали париями среди государств. По его словам, «всё это не может не питать чувства злобы, правда, бессильной, не оскорблять национального самолюбия, не вызывать мечты о реванше»[93].

Последующее развитие событий оправдало худшие прогнозы в отношении результатов деятельности парижских миротворцев. Европа стала стремительно превращаться из послевоенной в предвоенную. Это делало всё более реальной опасность возникновения нового мирового пожара, причем народы на геополитическом пространстве бывшей Австро-Венгрии первыми почувствовали на себе обжигающее дыхание новой мировой войны.

Возникновение нового глобального конфликта способствовало возрождению в СССР славистики, и началось это возрождение с исторического компонента.

Данный факт вполне объясним, поскольку история стояла ближе к политике и предоставляла научную базу для противодействия нацистской идеологии расизма и захватническим замыслам Третьего Рейха[94]. С началом Великой Отечественной войны Советский Союз остро ощущал необходимость в союзниках. Таковыми и стали, в конце концов, несмотря на все объективные и субъективные препятствия, одна за другой, славянские страны, территории которых ранее − полностью или частично − входили в состав Габсбургской монархии − Югославия, Чехословакия, Польша. Идеологически востребованной оказалась идея славянской взаимности, а значит, возник и своего рода политический заказ на исторические исследования по соответствующей тематике, а также по истории отдельных зарубежных славянских народов[95]. В те трудные годы внимание советских историков-славистов было сосредоточено преимущественно на проблемах борьбы с нацистской агрессией, с *Drang nach Osten*. Как бы *a priori* предполагалось, что в этом «натиске на Восток» (и на Юго-Восток!) в своё время участвовала и Габсбургская монархия, которая совершенно безосновательно трактовалась, прежде всего, как немецкое государство. В изучении интересующего нас периода Первой мировой войны сделано было немало[96]. Но многие замыслы так и остались нереализованными. Так, например,

---

[93] Там же. С. 90−91.

[94] *Волков В. К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 276.

[95] См.: *Досталь М. Ю.* Как Феникс из пепла… Отечественное славяноведение в период второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2009. С. 53–56.

[96] *Рубинштейн Е. И.* Распад Габсбургской монархии в 1918 г. // Историк-марксист. 1940. № 7. С. 14−34; *Густинчич Д.* Национальное движение словенцев накануне и в период войны 1914−1918 гг. // Там же. 1941. № 5. С. 82–91; *Франич Н.* Сербия в войне 1914−1918 гг. // Исторический журнал. М., 1941. С. 55−63; *Нееды З.* История политического формирования словацкого народа // Там же. 1942. № 7. С. 47–62; *Он же.* Борьба

видный чешский учёный и общественный деятель Зденек Неедлы, живший в 1939–1945 гг. в СССР, возглавивший здесь подготовку специалистов по истории Чехословакии и всё более тяготевший к марксистской методологии, видел в российских революциях 1917 г. важнейший фактор, усиливший «отпор чехов против Австро-Венгрии». Он задумал написать книгу об откликах в Чешских землях на эти судьбоносные события, но не успел этого сделать[97].

Как известно, после второй мировой войны в ряде европейских государств, вошедших в сферу советского влияния, установились коммунистические режимы. Теперь территориально «лагерь социализма» (а точнее, сталинизма) охватывал почти всё геополитическое пространство бывшей Австро-Венгрии. В 1945 г. по образцу и подобию советской квазифедерации, на тех же теоретических принципах и практических основах, была воссоздана Югославия. Осуществлялись попытки, правда безрезультатные, на новой основе перестроить отношения между двумя титульными нациями в Чехословакии[98]. Сталинистская историко-правовая наука вновь стала муссировать вопрос о двух исторических типах многонациональных государств. К одному относили Габсбургскую монархию, а также

славянских народов за национальную независимость в Первую мировую войну 1914−1918 гг. // Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. М., 1944. С. 107−118.

[97] *Белявская И. М., Очак И. Д.* Некоторые проблемы истории зарубежных славянских народов в советской исторической науке // Славянская историография. М., 1966. С. 12.

[98] *Марьина В. В.* Чехословакия: от многонационального к двунациональному государству. 1944−1948 гг. // Славяноведение. 2001. № 5. С. 39−59.

её наследниц межвоенного периода − Югославию, Румынию, Чехословакию и Польшу, которые сохраняли пережитки старых австро-венгерских традиций национального гнёта[99]. К другому типу следовало относить СССР. 9 февраля 1946 г. в своей речи Сталин объявил несостоятельными всякие аналогии с Австро-Венгрией, которая была построена «на буржуазной основе, стимулирующей чувства национального недоверия и национальной вражды». «Вождь» категорически отрицал возможность того, что в случае каких-либо осложнений Советский Союз разделит судьбу Габсбургской монархии[100]. Наоборот, война расширила «братскую семью» советских народов...

В этой связи во второй половине 40-х гг. совершенно очевидным стал интерес отечественной историографии к истории тех территорий, которые ранее находились в составе Австро-Венгрии, а в ходе второй мировой войны вошли в состав Советской Украины – Восточной Галиции, Буковины, Закарпатья[101]. Случай с Галицией был особым. Во-первых, существовал жесткий идеологический канон − польско-украинские отношения габсбургского периода следовало трактовать исключительно как классовый антагонизм между помещиками и крестьянами. Методологической базой для такой трактовки являлся постулат Сталина о привилегированном положении поляков в Габсбургской монархии: «Австрийцы приблизили к себе поляков, давали им привилегии, чтобы поляки помогли укрепить австрийцам свои позиции в Польше, и за это давали полякам возможность душить Галицию. Это особая, чисто австрийская система − выделить некоторые национальности и давать им привилегии, чтобы затем справиться с остальными»[102]. Строго говоря, сталинский тезис о привилегированном положении поляков в Австро-Венгрии, прежде всего в Галиции до начала мировой войны, не вызывает возражений и сегодня. Например, известный австрийский историк Андреас Каппелер пишет: «Поляки в Габсбургской империи, составлявшие около 10% её населения…, не предприняли ни одной серьёзной попытки выступить против метрополии. Вена … привлекла на свою сторону в качестве политического партнёра лояльное польское дворянство. Поэтому Вена признала за поляками Галиции особое положение. …Поляки Галиции оставались лояльными Габсбургам и до конца империи были одной из важнейших её опор»[103].

Но какой вывод делал Сталин из этого своего постулата? Еще в апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б) он заявил: «С точки зрения бюрократии − это экономный образ управления, потому что приходится возиться с одной национальностью, но с точки зрения политической − это верная смерть государства, ибо нарушать принципы

---

[99] *Трайнин И. П.* Указ. соч. С. 281−285.

[100] http://www.oldgazette.ru/lib/stalin2/02.html (дата обращения 15 сентября 2011 г.)

[101] *Шевченко Ф. П.* Революция в России и Буковина в 1917−1918 гг. // Вопросы истории. 1947. № 10. С. 65–80; *Осечинский В. К.* Галичина под гнётом Австро-Венгрии в годы Первой мировой империалистической войны. Автореф. … к.и.н. Львов, 1949; *Он же.* К вопросу об историографии западно-украинских земель в период Первой мировой империалистической войны // Наукові записки Львівського держ. ун-ту. Т. XVII. Сер. іст. Вип. 4. Львов, 1949; *Мельникова И. Н.* Как была включена Закарпатская Украина в состав Чехословакии // Учёные записки Института славяноведения. Т. III. М., 1951. С. 104−135; *Она же.* Установление диктатуры чешской империалистической буржуазии на Закарпатской Украине в 1919−1920 гг. // Там же. Т. IV. М., 1951. С. 84−114.

[102] *Сталин И. В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос… С. 157.

[103] *Kappeler A.* Imperium und Nation im Romanov und im Habsburger Reich. Vortrag am 27 Mai 2008 im Deutschen Historischen Institut Moskau. S. 17.

равенства национальностей и допускать какие-нибудь привилегии одной национальности − это значит обречь свою национальную политику на смерть»[104].

Конечно, в 1923 г. генсек имел в виду политическую смерть лишь Габсбургской монархии. Но в послевоенный период партийный агитпроп стремился этими словами «вождя» обосновать и смерть «буржуазно-помещичьей» Польши, которая выставлялась частичной наследницей Австрии. И вот в этом-то заключалось второе, политическое, препятствие, мешавшее объективному исследованию истории Галиции. Оно было связано с общеизвестными обстоятельствами приобретения её восточной части Советским Союзом в 1939 г., после двадцатилетнего нахождения в составе Польши. Не исчезло это препятствие и после смерти Сталина. Полвека зоркая коммунистическая цензура не допускала рассмотрения истории Галиции, в том числе и в период Первой мировой войны, как единого целого. Западная часть провинции всегда рассматривалась отдельно, в том числе в обобщающих работах по истории Польши. То же самое было с восточной частью[105]. Подчеркивание её украинского этнического характера являлось *conditio sine qua non* всех исторических сочинений. Оно должно было, как бы само собой, подтверждать «историческую справедливость» событий сентября − ноября 1939 г. Кроме того, данная идеологическая конструкция была призвана (до 1956 г.) укреплять веру в политическую «гениальность» Сталина. Ведь это он обеспечил событиям «нужный» ход не только в 1939 г., но и позднее, организуя «Великое переселение народов» Восточной Европы, которое не обошло стороной и Восточную Галицию! А после этого переселения и связанных с ним депортаций[106] и репатриаций[107], как очевидно был убежден «вождь народов», в этническом облике провинции окончательно минимизировалось присутствие поляков, евреев и немцев, а значит, стерлись черты габсбургского наследия, и «историческая справедливость» бесповоротно восторжествовала…

Появившаяся в 1947 г. книга И. П. Трайнина[108] стала первой попыткой комплексного рассмотрения национального вопроса в Австро-Венгрии. Опять же, получив политический заказ обличения социал-демократов, в данном случае австрийских, автор стремился показать слабые стороны их позиции по национальному вопросу. Так, анализируя теорию «культурно-национальной автономии», он верно обозначил линию на расхождение программных документов партии и политической деятельности её лидеров. Очевидна фрагментарность освещения в книге ряда важнейших проблем. Кроме того, автор не отразил национальные движения всех народов Монархии, в первую очередь, славянских. Так, история словаков, кроме отдельных упоминаний, практически не нашла отражения в монографии. Трудно было

---

[104] *Сталин И. В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос… С. 157.

[105] *Islamov T., Miller A., Pavlenko O., Glazkova M., Romanenko S.* Op. cit. P. 183−187.

[106] См.: *Парсаданова В. С.* Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 26–44; Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году. Варшава; М., 2003; История России. XX век: 1939−2007 / Отв. ред. А. Б. Зубов. М., 2009. С. 14−15; *Głowacki A*. Sowieci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939−1941. Łódź, 1998. S. 320−403; *Kowalska E.* Przeżyć, aby wrócić! Polscy zesłańcy lat 1940−1941 w ZSSR i ich losy do roku 1946. Warszawa, 1998.

[107] См.: *Kersten K.* Repatriacja ludności polskiej po II wojnie światowej: studium historyczne. Wrocław, 1974; Przesiedlenia Polaków i Ukraińców 1944−1946 / Oprac. J. Szapował, J. Tucholski. Red. nauk. W. Chudzik et altera. Warszawa, 2000.

[108] *Трайнин И. П.* Указ. соч.

выделить из общего контекста и чешское национальное движение. Наряду с неопределенностью терминов, всё это осложнило решение главной задачи – показать специфику национальных движений славянских народов Австро-Венгрии, рост национальных противоречий в годы Первой мировой войны, т.е. взаимодействие внутренних и внешних факторов, приведших к распаду монархии Габсбургов[109]. Тем не менее, первый шаг был сделан.

Во второй половине 40-х г. в Советском Союзе начали формироваться кадры исследователей по истории отдельных народов бывшей Габсбургской монархии. Важная роль в этом процессе отводилась Институту славяноведения АН СССР, который начал свою научную деятельность в январе 1947 г., Но тут новое препятствие затормозило изучение исследуемой нами проблемы. В последние дни июня 1948 г. в открытую фазу перешёл советско-югославский конфликт, ранее развивавшийся подспудно. Моментально почти все исследования в области исторической югославистики, не успев даже развернуться, были свёрнуты. А учитывая значение югославянского вопроса для Габсбургской монархии в последние годы её существования, не следовало и ожидать появления каких-то серьезных работ в данной области. Более того, теперь проведение таких исследований считалось политической ошибкой, со всеми вытекающими последствиями. Старейший советский югославист Юрий Алексеевич Писарев поведал в 1992 г. своему референту, одному из авторов этих строк, какие неимоверные трудности ему пришлось преодолеть, чтобы в 1950 г. защитить кандидатскую диссертацию по истории Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918−1923 гг.[110]

Тем временем продолжался «исторический» спор с социал-демократами. Одним из его пунктов стал вопрос об аншлюсе, что придавало ему дополнительную политическую актуальность в связи с предстоящим определением нового государственно-политического статуса Австрийской Республики. Однако в отличие от реализованного нацистами аншлюса 1938 г., проблема объективной исторической оценки попытки аншлюса 1918−1919 гг., его роли в истории австрийской социал-демократии, находилась на периферии исследовательского процесса. По мнению Владимира Михайловича Турока, первого советского исследователя этой темы, пропаганда аншлюса в Австрии социал-демократами была направлена против интересов австрийского народа и имела самые губительные последствия для страны[111]. Позднее, в 1968 г., Турок изменил свою позицию по данному вопросу, честно признав перед австрийскими коллегами односторонность и предвзятость своей прежней оценки австромарксистов и Отто Бауэра. Однако невозможность опубликовать что-либо, отличающееся от официальной советской точки зрения, заставила его отказаться от переиздания в Австрии главного труда своей жизни[112].

С темой несостоявшегося аншлюса 1918−1919 гг. была тесно связана проблема формирования австрийской нации. Турок указывал на слабо развитое австрийское

---

[109] *Ненашева З. С.* Изучение новой истории Чехии и Словакии в СССР (1918–1960) // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987. С. 62.

[110] См. также: *Антонова К. А.* В. М. Турок (к 90-летию со дня рождения) // Славяноведение. М., 1995. № 1. С. 97.

[111] *Турок В. М.* Предательская политика австрийской социал-демократии в вопросе об аншлюсе (1918−1922) // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. 1949. № 2.

[112] *Антонова К. А.* Указ. соч. С. 103.

национальное самосознание, отставшее от процесса формирования австрийской нации и государства. Но дискуссия по данному вопросу тогда не состоялась. Другой известный специалист, М. А. Полтавский, написал в 40-х гг. фундаментальную работу о процессе формирования собственно австрийской нации, где обращался к вопросу специфики национального самосознания австрийских немцев. По ряду причин эта работа была опубликована только в 1992 г.[113] В момент выхода она незаслуженно показалась во многом вторичной. Ведь к тому времени дискуссия в советской историографии, в некоторой степени инициированная статьей В. Н. Белецкого[114], уже прошла[115].

В результате стечения этих (и иных) неблагоприятных обстоятельств, уже к 50-м годам в Советском союзе перестало практически существовать целостное изучение Австро-Венгрии как фактора европейской истории, как её субъекта. Оно подменялось фрагментами истории отдельных её народов, даже в тех случаях, когда эти народы, находясь в составе Австрии или королевства Венгрии, были лишены возможности проявить себя в качестве самостоятельной политической силы. Наиболее показательными примерами в этом смысле являются словаки и словенцы. Таким образом, под углом зрения народов, не имевших собственной государственности в узком смысле, создавалась − но так и не была создана − марксистско-ленинская концепция истории Дунайской империи[116].

Это общее правило относилось и к истории национального вопроса в АвстроВенгрии на последнем этапе её существования − в годы Первой мировой войны, ставшей для Габсбургской монархии роковой. История националистических идеологий и их носителей по-прежнему относилась к табуированным темам. Тем отраднее было появление даже в то время единичных работ концептуального характера, которые, хотя и несли на себе отпечаток идеологической заданности, всё-таки вводили в научный оборот большой фактический материал и характеризовались стремлением к его обобщению. Особо отметим фундаментальные исследования Турока[117]. Почти половина объёма его монографии посвящена рассмотрению событий в Австрии в 1918−1919 гг.

Некоторые подвижки стали происходить после XX съезда КПСС (1956 г.). Показательной в этом отношении стала книга Е. И. Рубинштейн, охватившая непосредственно период Первой мировой войны[118]. Кроме того, для реализации исследовательского интереса к обозначенной теме возникли некоторые научно-

---

[113] *Полтавский М. А.* История Австрии: Пути государственного и национального развития. Т. 2. М., 1992.

[114] *Белецкий В. Н.* Австрийская нация − продукт многовекового развития // Новая и новейшая история. 1971. № 6. С. 13−26.

[115] См., например: *Атлас З. А.* Из истории образования Австрийской республики (позиция австрийской социал-демократии) // Некоторые вопросы всеобщей истории. Челябинск, 1972. Вып. 7. С. 43−92; *Он же.* Политика аншлюса австрийской социал-демократии (октябрь − ноябрь 1918 г.) // Проблемы социально-экономического развития Западной Европы в период империализма. Челябинск, 1976. Вып. 1. С. 42−75; *Величко О. И.* Революция 1918 года и национальный вопрос в Австрии // О революциях 1918 года в Европе (Австрия, страны Центральной и Юго-Восточной Европы). М., 1979. С. 27−47.

[116] *Исламов Т. М.* Распад Австро-Венгерской монархии и его последствия в политической эволюции среднеевропейского региона // Первая мировая война: пролог XX века / Отв. ред. В. Л. Мальков. М., 1998. С. 342−343.

[117] *Турок В. М.* Кризис реакционного режима Габсбургов (январь − март 1918 г.) // Учёные записки Института славяноведения. Т. VII. М., 1953. С. 325−347; *Он же.* Очерки истории Австрии 1918−1929. М., 1955. С. 11−231.

[118] *Рубинштейн Е. И.* Крушение австро-венгерской монархии. М., 1963.

организационные возможности, особенно после 1961 г. В январе этого года состоялось Координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения[119]. По его результатам в Институте славяноведения была создана группа (позже получившая статус сектора) славяно-германских отношений. В 1960-е гг. она работала очень активно, практически ежегодно издавая солидные сборники статей с участием коллег из других научных учреждений СССР и стран народной демократии. Научная значимость некоторых из этих статей не утрачена до сих пор. Многие проблемы истории Австро-Венгрии рассматривались здесь с точки зрения взаимоотношений «господствующей» (немецкой) нации и «малых» наций. Кроме того, широчайший хронологический охват − с древнейших времен до современности − и необозримое по широте исследовательское «поле» не позволили уделить периоду Первой мировой войны заслуживающее того внимание. Однако в 60-е гг. Турок в качестве сотрудника этого сектора, а также другие советские историки, стали обобщать и анализировать имеющуюся историографию по данному вопросу, в том числе и зарубежную[120]. Последнему обстоятельству в значительной степени способствовало и то, что на исходе «оттепели» советские «габсбурговеды» впервые преодолели изоляцию, созданную «железным занавесом». В 1964−1968 гг. они участвовали в международных конференциях по истории Австро-Венгрии, организованных в Будапеште, Братиславе, Вене и Блумингтоне.

Первая из перечисленных конференций, состоявшаяся в начале мая 1964 г., была примечательна тем, что на ней впервые очевидными стали разногласия в монолитном «лагере» историков-«габсбурговедов» из социалистических стран. Возмутителем спокойствия стал Турок, подвергший обстоятельной критике обширный доклад румынской делегации о национальном вопросе в АвстроВенгрии в 1900−1918 гг.[121] Он выразил несогласие с попытками рассматривать историю Габсбургской монархии, представляющей, по его словам, «комплекс истории многих народов», с позиций одной нации. Как вспоминал другой член советской делегации, Т. М. Исламов, «критикуя широко распространённый тезис о «нежизнеспособности» Монархии, о её обречённости на неизбежный распад, Турок указал на альтернативу «радикального внутреннего преобразования» Австро-Венгрии, на наличие интернациональных по характеру сил, способных эту альтернативу превратить в реальность. Игнорируя это

---

[119] См.: Актуальные проблемы славяноведения. М., 1961.

[120] *Турок В. М.* Многонациональная монархия Габсбургов в освещении современной западной историографии // Славяно-германские отношения / Отв. ред. В. Д. Королюк. М., 1964; *Он же.* Австро-Венгрия − «модель» интеграции Европы // Вопросы истории. 1965. № 1. С. 55−65; *Он же.* Некоторые проблемы истории Австро-Венгрии // Советское славяноведение. 1965. № 4. С. 17−27; *Он же.* Австро-Венгрия в западногерманской историографии // Критика западногерманского «остфоршунга». М., 1966. С. 171−186; *Он же.* Проблема дуализма… (То же см. в кн.: Der Österreichisch-Ungarische Ausgleich 1867. Materialen (Referate und Diskussion) der internationalen Konferenz in Bratislava 28.8−1.9.1967. / Hrsg. A. Vantuch, L. Holotík. Bratislava, 1971. S. 176−194); *Виноградов К. Б.* Основные направления буржуазной историографии австро-сербского конфликта и возникновения Первой мировой войны // Учёные записки Института славяноведения. Т. XXIV. М., 1962. С. 169−196; *Виноградов К. Б., Писарев Ю. А.* Главные направления внешней политики Австро-Венгрии // Вопросы истории. 1966. № 6. С. 86−101; *Сухомлинова Г. Ф.* Проблемы австро-венгерской революции 1918 г. в новейшей советской историографии // Вопросы истории. 1965. № 2. С. 136−141.

[121] См.: *Constantinescu M., Bányai L., Curticăpeanu V., Göllner C., Nuţu C.* Cu privire la problema naţională în Austro-Ungaria (1900−1918) // Destrămarea monarchiei austro-ungare 1900−1918 / Red. C. Daicoviciu, M. Constantinescu. Bucureşti, 1964. P. 93−189.

существенное обстоятельство, указал он, румынские историки упор делают на национальный момент, национальную идею».

Кроме того, Турок публично усомнился в непреложности постулата, кото рый тогда господствовал в историографии стран «социалистического лагеря»: «в результате Великой Октябрьской социалистической революции национально-освободительные движения угнетённых народов «насквозь реакционной и на корню сгнившей» Габсбургской монархии на её развалинах образовали национальные государства». По мнению Турока, о «создании единого румынского национального государства» в 1918 г. «и речи не может быть», поскольку так называемые страны-наследницы Австро-Венгрии были полиэтничными[122].

Этот тезис Турока встретил поддержку у коллег из стран Запада. Например, известный итальянский историк Лео Вальяни заявил: «Профессор Турок прав, и великая Румыния в 1918 г. образовалась благодаря победе в войне, а не путем демократического плебисцита» [123] . Таким образом, было положено начало свободному обмену мнений с коллегами из стран Западной Европы и США, что чрезвычайно плодотворно сказалось на дальнейшем развитии исследований по интересующей нас теме.

Однако, «холодная война» не давала забыть о себе, особенно после событий 1968 г. Одной из задач советских историков в идеологическом противостоянии с Западом партийное руководство по-прежнему выставляло необходимость борьбы против «остфоршунга». Так именовалось в ФРГ направление научных исследований, занимающееся народами и странами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. С этой целью в реорганизованном Институте славяноведения АН СССР, который стал именоваться Институтом славяноведения и балканистики, в 1970 г. был образован сектор истории международных отношений во главе с В. К. Волковым. Его сотрудники изначально были нацелены на подготовку двухтомной коллективной монографии о восточной политике германского империализма и отношении к ней народов указанного региона. Предполагалось, что подготовку этого труда в научно-организационном плане облегчит включение в состав Института унгаристов и румынистов. Тем самым было устранено искусственное деление единого историко-культурного региона Средней Европы по этническому (славяне − не-славяне) признаку. Однако изза политико-идеологических формальностей Институту, а значит и указанному сектору, предписывалось изучать историю Австро-Венгрии без Австрии и без Габсбургской династии, с которой исторически были связаны судьбы почти всех народов этого региона[124].

Был подготовлен и опубликован проспект данной монографии, разъяснявший общие цели и конкретные задачи исследования, а также содержащий детально разработанный структурный план коллективного труда[125]. А в 1977 г. вышел в свет

---

[122] *Исламов Т. М.* «В. М. доктор Турок» // Славяноведение. 1995. № 1. С. 90. Современный итальянский историк С. Романо называет эти государства, возникшие на основе стремления реализовать национальную идею, псевдонациональными. См.: *Romano S.* Europe and the Pseudo-National States // WWI and the XX Century. Acts of the International Conference of Historians. Moscow, 24−26 May, 1994. Moscow, 1995. P. 45−46.

[123] См.: Die Nationale Frage in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. 1900−1918. Budapest, 1966. S. 334.

[124] *Исламов Т. М., Фалькович С. М.* Средняя Европа в Новое время (XVIII в. − 1918 г.) // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет / Отв. ред. М. А. Робинсон. М., 1996. С. 84−85.

[125] Восточная политика германского империализма и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Проспект / Под ред. В. К. Волкова. М., 1971.

первый том этого исследования [126]. Он был построен по проблемно-хронологическому принципу и включил в себя, в том числе, период Первой мировой войны. Второй том, который должен был содержать уже написанные Туроком и отредактированные Волковым главы о политическом переустройстве в регионе, а также комплексную характеристику Сен-Жерменского и Трианонского договоров как составных частей Версальской международно-правовой системы, увы, не появился из-за противодействия со стороны Отдела науки ЦК КПСС[127].

Анализируя содержание тома, можно констатировать, что не все задумки, намеченные в проспекте, удалось осуществить. Это видно уже из изменённого названия интересующей нас главы, автором которой являлся И. И. Поп [128]. В первоначальном варианте оно звучало так: «Усиление зависимости Австро-Венгрии от Германии и позиция народов Габсбургской монархии. Нарастание тенденции к созданию независимых самостоятельных государств». Автор квалифицированно и подробно осветил место Австро-Венгрии в «среднеевропейских» концепциях правящих кругов Второго Рейха, уделив особое внимание австро-германской конференции, состоявшейся в ноябре 1915 г. и наметившей планы укрепления гегемонии немцев в Цислейтании и венгров в Транслейтании. В целом обстоятельно освещено развитие югославянского и чешского вопросов в годы войны, хотя об отношении чехославянской социал-демократии к вопросу будущего Австро-Венгрии не сказано ничего[129]. Одним из пробелов является недостаточное, на наш взгляд, рассмотрение словацкого сюжета. Как видно из проспекта, первоначально предполагалось проанализировать взгляды всего спектра словацких политиков − гласистов (сторонников чешско-словацкого сближения), Милана Годжи, клерикалов. К сожалению, это сделать не удалось. Большего внимания удостоилась словацкая эмиграция в США, насчитывавшая к началу войны свыше полумиллиона человек[130]. Однако и здесь негативно сказалось избрание Октябрьской революции в качестве исторической цезуры и верхней хронологической грани. Так, упомянув Кливлендское соглашение от октября 1915 г., где говорилось о федеративных отношениях чехов и словаков, автор ни словом не обмолвился о договоре в Питтсбурге, составленном и подписанном, в том числе и Масариком, в мае 1918 г., т.е. уже в «послеоктябрьский» период. А ведь этот договор гарантировал словакам только административную самостоятельность в рамках будущего чехо-словацкого государства, и значит уже тогда заложил под него «мину» замедленного действия[131].

Менее всего «повезло» трансильванским румынам. Их национальное движение в годы войны, а также отношение румынской эмиграции к трансильванскому вопросу

---

[126] «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871−1918 гг. / Отв. ред. В. К. Волков. М., 1977.

[127] *Никифоров К. В., Шемякин А. Л.* Владимир Константинович Волков (1930−2005) // Славянство, растворённое в крови… В честь 80-летия со дня рождения В. К. Волкова / Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2010. С. 10.

[128] *Поп И. И.* Нарастание внутриполитического кризиса в Австро-Венгрии и усиление её зависимости от Германии // «Дранг нах Остен»… С. 206−223.

[129] Исследования об этом появились позже. См.: *Серапионова Е. П.* Чешские социалистические партии в 1917 г. // Европейское социалистическое движение 1914−1917: Разрубить или развязать узлы? / Отв. ред. Р. П. Гришина, И. И. Костюшко. М., 1994. С. 211−237.

[130] *Поп И. И.* Нарастание внутриполитического кризиса... С. 215.

[131] *Голец Р.* Указ. соч. С. 295.

в главе и во всей книге даже не упоминаются, хотя в проспекте соответствующая заявка была сделана. Одной из причин такого положения ве щей стали крайне напряженные венгерско-румынские отношения в 1970-е годы, когда Трансильвания по-прежнему являлась «яблоком раздора», на сей раз научного. В период правления Николае Чаушеску румынская сторона неоднократно выступала перед СССР с демаршами по поводу «искаженных», на её взгляд, трактовок узловых вопросов истории Трансильвании советскими историками [132]. Сложилась своеобразная ситуация. В трудах по истории Венгрии «нельзя» было писать о национальном движении трансильванских румын в годы Первой мировой войны, хотя тогда Трансильвания ещё входила в состав земель короны св. Иштвана. Данному сюжету в академическом трёхтомнике посвящен лишь один абзац из шести строк, а в «Краткой истории Венгрии» − полпредложения[133]. В обобщающих же трудах по истории Румынии ответственный редактор В. Н. Виноградов выделял «под Трансильванию» небольшие, но всё-таки отдельные параграфы, которые сам и писал[134]. В его монографии, ставшей классической и за 40 лет не потерявшей научного значения, этот вопрос затронут лишь «по касательной»[135]. Автор уделил больше внимания аспирациям официального Бухареста в отношении Трансильвании, чем румынскому национальному движению в ней. Он ограничился лишь упоминанием о сути размежевания, произошедшего в Румынской национальной партии Трансильвании после начала войны. За рамками повествования осталась и пропагандистская деятельность румынской эмиграции в странах Антанты и США, развернутая со второй половины 1917 г. Такая расстановка акцентов присуща и более поздним работам Виноградова[136].

Вопрос о национальном составе Трансильвании и иных земель короны св. Иштвана в советской историографии не был полностью прояснён изначально. Еще Покровский писал, что в годы мировой войны Румыния стремилась обеспечить «“осуществление своего национального идеала” полунемецкой Трансильванией», в том числе[137]. О том, что эта провинция не в меньшей степени, если не в большей, была полувенгерской, ни слова. С другой стороны, национальное движение немцев Трансильвании и Баната в годы войны до сих пор остается для российских исследователей *terra incognita*. Из-за острого кадрового «голода» маловероятно, что и в обозримом будущем оно станет предметом глубокой научной разработки.

В вопросе же о военных целях самого Королевства Венгрии Покровский стоял на позициях экономического детерминизма. Причины «жестокого антагонизма» между Венгрией и Россией накануне войны он усматривал в остром торгово-экономическом соперничестве, прикрытом ширмой националистической

---

[132] *Стыкалин А. С.* Владимир Павлович Шушарин (1924−1999) // Венгры и их соседи... С. 15−16.

[133] История Венгрии / Отв. ред. Т. М. Исламов. Т. II. М., 1972. С. 484; Краткая история Венгрии с древнейших времён до наших дней / Отв. ред. Т. М. Исламов. М., 1991. С. 279.

[134] *Виноградов В. Н.* Трансильвания в годы Первой мировой войны // История Румынии нового и новейшего времени. М., 1964. С. 149−151; *Он же.* Национальное движение в Трансильвании в годы войны // История Румынии. 1848−1917. М., 1971. С. 564−565; *Он же.* Трансильвания в годы войны // Краткая история Румынии с древнейших времён до наших дней. М., 1987. С. 304−306.

[135] *Он же.* Румыния в годы Первой мировой войны. М., 1969. С. 34−36, 39, 40, 51, 54, 145−147.

[136] *Он же.* Распад Австро-Венгрии и Румыния // Славяноведение. 2010. № 1. С. 3−11.

[137] Царская Россия в мировой войне. Т. I. М., 1926. С. XVI.

пропаганды. «Было от чего графу Бобринскому (лидеру неославянского движения, крупному помещику и сахарозаводчику. − *М. В., Г. Ш.*) стать националистом, обратив притом своё патриотическое внимание именно в ту сторону, где венгерский помещик занимается “угнетением славян” и − превращением свекловицы в сахар», − иронически замечал «профессор с пикой»[138]. Затем на протяжении десятилетий в советской историографии господствовал тезис о «преступной роли господствующих классов Венгрии в развязывании Первой мировой войны вопреки подлинно национальным интересам венгерского народа». Утверждалось, что внешняя политика Будапешта «преследовала захватнические, агрессивные цели в отношении окружавших Венгрию государств, особенно Сербии»[139].

Более взвешенную трактовку предложил Т. М. Исламов. Он полагал, что «Венгрия и США оказались единственными участниками мировой войны, которые *при вступлении в неё* (курсив наш. − *М. В., Г. Ш.*) не ставили своей целью завоевание территорий»[140]. Такой же точки зрения придерживается и М. Ю. Чуканов. По его словам, венгерский премьер граф Иштван Тиса «понимал объективную незаинтересованность венгерской правящей элиты в аннексиях. …Он сделал всё от него зависящее, чтобы по возможности удержать «военную партию» − *по крайней мере, до того, как начались военные действия* (курсив наш. − *М. В., Г. Ш.*), − от слишком больших территориальных захватов» [141] . С этим, пожалуй, можно согласиться.

Однако следует ли при этом принять господствующее и поныне в венгерской историографии мнение, что Тиса был принципиальным противником аннексий?[142] Как говорится, аппетит приходит во время еды. В разговоре с германским рейхсканцлером Теобальдом фон Бетман-Гольвегом в июне 1915 г. Тиса уже заявил при обсуждении вопроса о целях войны против Сербии, что «Неготинский округ должен был бы, лучше всего, достаться Венгрии»[143]. Спустя несколько месяцев, 6 октября, на заседании общего совета министров Габсбургской монархии обсуждался вопрос о судьбе оккупированного Царства Польского. Тиса подготовил к этому заседанию меморандум, 2 октября одобренный будапештским кабинетом. Допуская в нём возможность присоединения «конгрессовой» Польши к Цислейтании, Тиса оговаривал её некоторыми условиями. В целях сохранения равновесия между двумя частями дуалистической монархии он требовал присоединить к землям короны св. Иштвана Боснию и Герцеговину, «уступить

---

[138] *Покровский М. Н.* Империалистская война… С. 56−57.

[139] *Лебович М. Ф.* Роль господствующих классов Венгрии в подготовке и развязывании Первой мировой войны // Научная сессия по истории Первой мировой войны. Секция 1. Дипломатическая и военная история первой мировой войны. М., 1964. С. 29−37; *Он же.* Господствующие классы Венгрии и Первая мировая война // Первая мировая война 1914−1918 / Отв. ред. А. Л. Сидоров. М., 1968. С. 121−131.

[140] *Исламов Т. М.* Крах Австро-Венгерской монархии // Первая мировая война. Исторический очерк / Отв. ред. В. Л. Мальков, Г. Д. Шкундин. М., 2005. С. 440; *Он же.* Граф Иштван Тиса – «сильный человек» Венгрии // Славяноведение. 2005. № 3. С. 50.

[141] *Чуканов М. Ю.* Иштван Тиса о своём «звёздном часе» // Вопросы истории. 1998. № 11-12. С. 112; *Он же.* К вопросу о целях войны в политике венгерского правительства в 1914−1918 гг. // Первая мировая война и проблемы политического переустройства… С. 44−47.

[142] См., например, статью И. Бертени-мл. в данной книге.

[143] L’Allemagne et les problémes de la paix pendant la première guerre mondiale. T. I. P., 1962. P. 125. [136] Protokolle… S. 313.

Венгрии узкую территорию на морском побережье западнее Фиуме» и, наконец, «дать возможность Венгрии присоединить Королевство Далмацию»[136].

7 января 1916 г. на общей министерской конференции при обсуждении серб ской проблемы Тиса действительно высказался против присоединения к Монархии *всей* Сербии и «остающихся» полутора миллионов сербов. По его словам, это создало бы новые трудности для Венгрии, ибо вся масса сербского населения «абсолютно враждебна нам», её включение в состав Монархии явится невыносимым «бременем для венгерской нации». Тиса не преминул напомнить, что для Венгрии, и без того уже «перегруженной» румынским вопросом, наличие двух миллионов сербов будет представлять дополнительную опасность. Поэтому он предложил непосредственно присоединить к Венгрии *лишь* «северо-западный угол Сербии в максимально ограниченном объёме и оставить самостоятельным остаток». В этот «максимально ограниченный объём» входила бы и сербская столица. Тиса считал ошибкой объединять какую-либо часть с Хорватией или Боснией. В присоединённой же к Венгрии части, по его словам, «следовало как можно скорее приступить к интенсивной колонизации земель благонадёжными венгерскими и немецкими крестьянами и таким образом вбить клин между сербами в Королевстве и остающимися в Монархии. Белград превратился бы в венгерский провинциальный город и утратил бы в результате всякое значение как центр сербов». Вся акция по колонизации, по убеждению Тисы, принесла бы хорошие плоды «только в том случае, если мы не аннексируем (всю. − *М. В., Г. Ш.*) Сербию»[144]. «Остаточная» же Сербия должна была стать формально самостоятельным королевством, находящимся в полной политической и экономической зависимости от Австро-Венгрии. Это предложение Тисы натолкнулось на возражения других участников совещания, ратовавших за полное элиминирование Сербии с карты Европы. Однако переубедить упрямого Тису им так и не удалось. Было принято компромиссное решение: «…территории, которые могут быть завоёваны на северном театре военных действий (т.е. в Польше. − *М. В., Г. Ш.*), должны быть присоединены к Австрии, а все территориальные приобретения в Сербии должны достаться Венгрии» [145]. Окончательно же чувство политического реализма изменило Тисе после военного разгрома Румынии, когда он уверовал во всепобеждающую силу германского оружия. На заседании общего совета министров 22 марта 1917 г. Тиса потребовал немедленно передать короне св. Иштвана значительную часть земель румынской Валахии с населением в 3−3,5 млн человек. При положительном решении вопроса премьер «выступал бы за то, чтобы Венгрия отказалась от своих прав на Боснию и Герцеговину, которые были бы присоединены к Австрии»[146]. И. Бертени-младший считает такие военно-целевые установки Тисы вынужденными и диктуемыми лишь стремлением сохранить дуализм и паритет в государственно-политическом устройстве Дунайской монархии. Однако думается, что

[144] Ibid. P. 363−365.

[145] Ibid. P. 374; *Исламов Т. М.* Военные цели правящих кругов Австрии и Венгрии // История Венгрии. Т. II. С. 499−508.

[146] Protokolle… S. 487−488.

безотносительно к мотивам венгерского премьера, было бы ошибочным причислять его к числу принципиальных противников аннексий.

Тофик Муслимович Исламов много лет находился в авангарде исследователей указанной проблематики − с 50-х гг. как унгарист, а с 80-х гг. сосредоточившись на общих проблемах истории Габсбургской монархии. Он попытался создать единственный в России комплексный центр по её изучению[147]. В полной мере реализовать этот проект не удалось, однако всё же некоторые замыслы были осуществлены с помощью учеников. Так, в 90-е годы вышли в свет проблемные сборники статей[148]. Они характеризуются очень широким хронологическим охватом. И хотя там достойно представлена сама дискуссионная тема о предпосылках и последствиях распада Монархии, тем не менее, период Первой мировой войны освещён, на наш взгляд, недостаточно. Сам же руководитель проекта применительно к этому периоду написал ряд статей, которым сознательно придал постановочный и дискуссионный характер[149].

С рубежа 1970−1980-х годов Исламов, всегда имевший вкус к историософским обобщениям, в значительной степени опирался на методологические разработки своих коллег, историков-кроатистов Ю. В. Бромлея и В. И. Фрейдзона, которые, вполне естественно, развивались в то время в рамках марксизма. Первый из них много сделал для введения в научный оборот современной по мировым стандартам, отточенной этноисторической терминологии[150]. Второй же активно занялся проблемой этнической дифференциации и особенно этнообразующих критериев, в том числе этнического (национального) самосознания, а также представил типологию национальных процессов в регионе Средней Европы[151]. Здесь очень важным оказалось применение теории о нациях с полной и неполной социальной структурой. К первой группе относились австрийские немцы, итальянцы, поляки, венгры, хорваты, а также румыны Буковины. Ко второй − чехи (с некоторыми оговорками), словаки, словенцы, румыны Трансильвании и сербы Габсбургской монархии. Процесс формирования некоторых из этих наций завершился лишь в послегабсбургскую эпоху.

В качестве классического примера формирования нации у народа с неполной социальной структурой Фрейдзон привел словенцев. По его мнению, словенская нация сформировалась накануне Первой мировой войны. «При этом незащищённость словенского народа перед лицом германизаторских устремлений

---

[147] См. подробно: Тофик Муслимович Исламов (1927−2004) как исследователь межнациональных и международных отношений в Средней Европе // Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений XII−XX вв. Памяти Т. М. Исламова / Отв. ред. А. С. Стыкалин. СПб., 2009. С. 5−26.

[148] Австро-Венгрия: Опыт многонационального государства / Отв. ред. Т. М. Исламов, А. И. Миллер. М., 1995; Центральная Европа как исторический регион / Отв. ред. А. И. Миллер. М., 1996; Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / Отв. ред. О. В. Хаванова. М., 1997.

[149] *Исламов Т. М.* О торжестве «национальной идеи» // Свободная мысль. М., 1997. № 8. С. 95–104; *Он же.* Австро-Венгрия в Первой мировой войне: Крах империи // Новая и новейшая история. М., 2001. № 5. С. 14–46.

[150] *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981; *Он же.* Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987.

[151] *Фрейдзон В. И.* Нация до национального государства: Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. − начала XX в. Дубна, 1999.

порождала среди части национальной интеллигенции либо пессимистические настроения и уступчивость политике онемечения − нередко с корыстной целью (так называемое немшкутарство), либо радикализацию югославистских тенденций − планы политического объединения с другими южнославянскими землями в составе империи или вне её»[152]. Другим важным фактором, побуждавшим словенцев в годы войны к югославянскому объединению, стала экспансия Италии

[152] Там же. С. 84. Германизация словенской интеллигенции, хотя и ослабевала, всё-таки не прекращалась вплоть до 1918 г.

в итальянско-югославянском пограничье, особенно в период развала монархии Габсбургов.

Что же касается положения самих итальянцев в этом пограничье, а также в Южном Тироле в годы Великой войны, то надо признать, что в советской историографии оно не удостоилось самостоятельных исследований[153]. Об этом мы находим отрывочные упоминания лишь в общих работах по истории международных отношений и итальянского социалистического движения. Не изменилась принципиально ситуация и за двадцать постсоветских лет. Впрочем, табуированной эта тема не была никогда.

К числу же таковых вплоть до начала 90-х гг., например, относился вопрос о судьбе судетских немцев, которые тоже имели право на внимание. Ведь бесцеремонное обращение с ними после Первой мировой войны стало, в конечном счёте, одним из истоков чехословацкой трагедии 1938 г. Но советская историография, совершенно справедливо осуждая Мюнхенский сговор, полвека умалчивала об этой очевидной связке, не желая травмировать «братскую» и союзную ЧССР. Лишь в первой половине 90-х гг. появились работы Н. Н. Станкова по этой щекотливой теме[154]. Затем к её разработке присоединились С. В. Кретинин и Е. П. Серапионова[155].

В последнее двадцатилетие изучение темы национальных движений в Габсбургской монархии в годы войны тесно переплелось с исследованием другой, смежной проблемы − историей образования национальных государств в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Печать гипертрофированной роли Октябрьской революции в ходе и исходе указанного процесса лежала на интерпретации этого вопроса вплоть до конца существования коммунистического режима[156] и даже, по инерции, с определёнными оговорками, некоторое время после его крушения[157]. Например, популярной в последние советские десятилетия была тема интернационалистов[158]. Большинство из них составляли военнопленные, в основном из австро-венгерской армии, оказавшиеся ввергнутыми в вихрь русской революции и в борьбу за установление власти Советов. Согласно материалам 10-го отдела австро-венгерского военного министерства в Вене, обработанным уже после распада Габсбургской монархии, за период с августа 1914 по октябрь 1918 г. в русский плен

---

[153] См.: Италия в трудах советских историков / Отв. ред. Л. С. Чиколини. М., 1989.

[154] *Станков Н. Н.* Образование Чехословацкой республики, немецко-богемский вопрос и германская дипломатия // Первая мировая война и проблемы политического переустройства… С. 104−127; *Он же.* Немецкий вопрос и политическая борьба в Чехословакии в 1918−1919 гг. // Политический лидер, партии и общество. Саратов, 1992. С. 134−150; *Он же.* Чехословакия, Германия и немецко-богемский вопрос в 1919 году // Версаль и новая Восточная Европа… С. 187−213.

[155] *Кретинин* С. В. Судето-немецкая социал-демократия: страницы политической истории, 1918−1939 гг. Воронеж, 1998; Он же. Проблема «социалистического аншлюса» и позиция германской социал-демократии (октябрь 1918 − март 1919 г.) // Веймарская республика: история и источниковедение / Отв. ред. И. Я. Биск. Иваново, 1999. С. 120−127; *Он же.* Судетские немцы в 1918−1945 гг.: Народ без родины. Воронеж, 2000; *Он же.* Проблемы присоединения (аншлюса) Австрии и судето-немецких областей к Германии на конференциях международной социал-демократии в феврале − августе 1919 года // Германия и Россия: События, образы, люди. Вып. 3. Воронеж, 2000. С. 42−46; *Серапионова Е. П.* Чешские земли, чехи и немецкий вопрос (1918−1945 годы) // Славяноведение. 2000. № 5. С. 43−48.

[156] См., например: Великий Октябрь и народы стран Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. А. И. Пушкаш. М., 1987; К 70-летию образования самостоятельных государств в Центральной и ЮгоВосточной Европе. Вып. 1−2. М., 1989; Краткая история Венгрии… С. 305−360.

[157] Краткая история Польши с древнейших времён до наших дней / Отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1993. С. 240−241.

[158] К середине 80-х гг. в СССР вышли более 600 работ по этой теме.

попали 2 111 101 военнослужащий, в том числе 2 056 955 солдат и 54 146 офицеров[159]. Известный исследователь данной темы Ю. Н. Щербаков полагал, что немцы из разных частей Монархии составляли примерно 20−22% всех военнопленных габсбургской армии (т.е. приблизительно 400−500 тыс. человек), венгры − 24−25% (500−550 тыс. человек), чехи и словаки − 13−18% (250−350 тыс. человек), сербы, хорваты и словенцы − 11−12% (200−250 тыс. человек), румыны − 7−8% (120−150 тыс. человек), поляки − 8−9% (150−200 тыс. человек), украинцы − 8% (150−160 тыс. человек), итальянцы − 1−2% (20−40 тыс. человек)[160]. Конечно, было бы неверным утверждать, что с момента Октябрьской революции многие из них мгновенно забыли о своей национальной принадлежности и национальных чаяниях, думая только о том, как помочь установлению в России власти рабочих и крестьян. На самом деле, события конца 1918 г. (крушение Австро-Венгрии, создание самостоятельных государств) существенно отразились на судьбах интернационалистов. Мысль о необходимости немедленного отъезда на родину завоёвывала среди них всё большее число сторонников. Однако исследователи связывали это стремление чаще всего с их новым миропониманием, а именно с желанием послужить делу пролетарской революции в своих странах, распространяя там идеи Октября[161].

С исчезновением идеологических табу и открытием архивов перед российскими исследователями открылись новые возможности. В практику научных исследований стала внедряться новая терминология, призванная отразить новые методические и методологические подходы к изучаемым проблемам. В ряде случаев она открыла возможности более дифференцированного подхода к описанию или определению отдельных явлений. Иногда же речь идёт о простой подмене понятий. Например, понятие «нация» часто заменяется или подменяется понятием «этничность», «национальное самосознание» − термином «национальная идентичность»[162]. Тем не менее, используя новый инструментарий, историки постепенно отказывались от заранее заданных схем и стереотипов, приступая к глубокому и всестороннему анализу проблемы «двуликого Януса» − национализма, в особенности национализма деструктивного и агрессивного, национализма так называемых неполноправных, национально угнетённых народов. Очень важной является проблема соотношения и взаимосвязи между категориями национальной идеи и национализма. Вплоть до недавнего времени в русском языке сам термин «национализм» имел негативную коннотацию и использовался лишь в пропагандистских целях, в отличие от большинства других языков, где он звучит нейтрально и по смыслу равнозначен понятию «патриотизм». Появилась серия политических портретов тех лидеров, которые стояли у истоков самостоятельных государств и национального объединения

---

[159] Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России 1917−1920 гг. / Отв. ред. А. Я. Манусевич. М., 1987. С. 32.

[160] Там же. С. 33.

[161] См., например: *Писарев Ю. А.* Из истории эвакуации югославян из Советской России (1918−1919 гг.) // История СССР. 1971. № 6. С. 133−144; *Зеленин В. В.* Под красным знаменем Октября: Югославянские интернационалисты в Советской России. 1917−1921. М., 1977. С. 154 и сл.; *Щербаков Ю. Н.* Искры Великого Октября: Вклад интернационалистов в революционное рабочее движение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982.

[162] *Волков В. К.* Этноменклатура и распад государства // Свободная мысль − XXI. М., 2000. № 9. С. 57.

народов Средней Европы[163]. По-разному складывались судьбы этих людей. Некоторые из них (Томаш Гарриг Масарик, Карел Крамарж, Милан Растислав Штефаник) были подданными Габсбургов, но с самого начала мировой войны активно боролись против них. Другие (Степан Радич, Миклош Хорти, Анте Корошец, в меньшей степени Юзеф Пилсудский, постепенно переориентировавшийся на Германию) почти до конца войны оставались лояльными Монархии, и лишь когда её распад сделался очевидным, сменили политические ориентиры. Третьи (принц Александр Карагеоргиевич и румынский король Фердинанд со своими премьер-министрами Николой Пашичем и Ионелом Брэтиану, а также Роман Дмовский) являлись иностранцами и действовали извне, с территорий сопредельных и враждебных Монархии государств, выступая за ликвидацию «лоскутной» монархии и раздел её наследства. Но всех их объединяло то, что в той или иной мере им выпало воплощать «национальный идеал». И большинству перечисленных персонажей на этом пути пришлось познать не только свой звёздный час, но и свою Голгофу.

Исследователи, занимающиеся последним этапом истории Габсбургской монархии, также стали более вдумчиво и осторожно изучать вопрос о соотношении регионального партикуляризма и национального сепаратизма. Ведь не секрет, что помимо «болевых точек» вроде Восточной Галиции, были в Монархии и такие регионы (Буковина, Банат), где бок о бок жили представители разных народов, не допускавшие столкновений на национальной почве. Ощущение принадлежности к некой региональной общности вызывало у них чувство гордости и местного патриотизма.

Волна ностальгии по Австро-Венгрии поднялась в 90-е гг. прошлого века как результат распада мировой системы социализма и поиска новой идентичности государствами и народами, ранее входившими в состав Габсбургской монархии. Частично охватила эта волна и Россию, болезненно переживавшую схожий, постсоветский синдром. Правда, некоторые из появившихся в нашей стране работ носят компилятивный характер[164]. Впервые появились исследования о последнем коронованном Габсбурге − императоре Карле I[165].

Эти процессы побудили российских историков молодого и среднего поколения активно заняться теоретическими изысканиями в области «империологии». Например, в Казани издаётся единственный в своем роде в мире специальный журнал «Ab Imperio». В фокусе рассмотрения часто находится вопрос взаимоотношений имперского правительства и элит в центре и на периферии. Историки стремятся проследить процесс проникновения национальных идей во властные элиты Габсбургской монархии. Ведь трансформация их в этнократические структуры и отбрасывание наднационального имперского патриотизма стали симптомами неминуемого краха Монархии. По существу, заново стали разрабатываться в этой связи проблемы национальной государственности, моноэтнических и полиэтничных

---

[163] Пленники национальной идеи / Отв. ред. М. Д. Ерещенко. М., 1993; До и после Версаля: Политические лидеры и идея национального государства (Центральная и Юго-Восточная Европа первой половины XX в.) / Отв. ред. А. Л. Шемякин. М., 2009; Милан Растислав Штефаник: новый взгляд / Отв. ред. В. К. Волков. Мартин, 2001; *Серапионова Е. П.* Карел Крамарж и Россия. М., 2006; *Матвеев Г. Ф.* Юзеф Пилсудский. М., 2008.

[164] См., например: *Черников И. И.* Гибель империи. М.; СПб., 2002.

[165] *Шимов Я. В.* «Искал мира и нашел его в Боге». Карл I Австрийский: набросок политического портрета последнего коронованного Габсбурга // Средняя Европа… С. 276−311; *Он же.* Последний австрийский император // Славяноведение. 2008. № 1. С. 3−22.

государств[166]. Наконец, стало возможным разобраться в понимании противоречивого положения о праве наций на самоопределение, в первую очередь, с точки зрения международного права. Постепенно и не без труда российская историография преодолевала доминировавшее в советское (и в дореволюционное) время сугубо критическое начало в изображении Габсбургской монархии, населенной славянскими народами. Ведь до этого десятилетиями отечественные историки смотрели на эту державу глазами национальных лидеров славянских народов Австро-Венгрии. Поэтому в их работах ярко выражалось сочувствие к угнетенным славянам и, прежде всего, к православным подданным династии Габсбургов. Не удалось удержаться от этих односторонних симпатий, например, академику Писареву, оставившему, впрочем, серьезные монографии и статьи, в которых всесторонне освещён ставший роковым для Габсбургов югославянский вопрос[167].

Оставив после себя солидный задел, Писарев наметил новые направления научного поиска в изучении истории югославянского вопроса периода Первой мировой войны для исследователей последующих генераций. Некоторые из них представили результаты своих изысканий в настоящем томе. В последние 20 лет интенсификации изучения данной проблемы во многом способствовал тот печальный факт, что сам этот вопрос из сферы академических рассуждений перешел в плоскость острейших политических противостояний и жесточайших войн. Для народов бывшей Югославии он обернулся кровавой трагедией с сотнями тысяч погибших, миллионами беженцев, а также массовыми преступлениями, которые сопровождались взаимной ненавистью и жестокостью. Нельзя считать его окончательно урегулированным и поныне. Российское общество, крайне болезненно переживая эту трагедию, обратилось к историческим корням югославского кризиса, задаваясь вопросом: а в какой степени жизнеспособным изначально являлось югославское (да и чехословацкое!) государство,

---

[166] См., например: Этничность и власть в полиэтничных государствах / Отв. ред. В. А. Тишков. М., 1994.

[167] *Писарев Ю. А.* Великая Октябрьская социалистическая революция и борьба народов Югославии в 1917–1920 гг. // Октябрьская революция и зарубежные славянские народы… С. 328–386; *Он же.* Распад Австро-Венгрии. Венгерская советская республика // Всемирная история. Т. 8. М., 1961. С. 149–170; *Он же.* Последние дни монархии Габсбургов и освободительная борьба югославянских народов. «Народное вече» и его деятельность // Учёные записки Института славяноведения. Т. 24. М., 1962. С. 197–220; *Он же.* Оккупация Сербии Австро-Венгрией и борьба сербского народа за своё освобождение в 1916–1918 гг. (До прорыва Салоникского фронта) // Советское славяноведение. 1965. № 4. С. 28–39; *Он же.* Борьба монархии Габсбургов против революционной пропаганды в армии и в югославянских землях в 1914–1918 гг. // Международные отношения в Центральной и Юго-Восточной Европе и их историография / Отв. ред. В. Д. Королюк. М., 1966. С. 75–90; *Он же.* Советская Россия, Антанта и создание Югославского государства // Новая и новейшая история. 1967. № 4. С. 43–53; *Он же.* Сербия и Черногория в Первой мировой войне. М., 1968; *Он же.* Экспансионистские планы Австро-Венгрии на Балканах в годы Первой мировой войны и югославская проблема // Balcanica. Beograd. 1971. № 2. С. 196–207; *Он же.* Великая Октябрьская социалистическая революция в России и югославянские народы Австро-Венгрии // Etudes balkaniques. София, 1973. № 1. С. 18–29; *Он же.* Германо-австрийские планы на Балканах в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1973. № 2. С. 72–85; *Он же.* Освободительная борьба югославянских народов Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны и распад монархии Габсбургов // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973. С. 115–124; *Он же.* Революционная Россия и югославянские народы в 1917–1918 гг. // Исторические записки. Т. 93. М., 1974. С. 92–112; *Он же.* Образование Югославского государства. М., 1975; *Он же.* Проекты образования югославского государства в годы Первой мировой войны (1914–1915) и Россия // Балканские исследования. Вып. 8. М., 1982. С. 256–277; *Он же.* Образование югославского государства (итоги изучения и новые материалы) // Балканские исследования. Вып. 9. М., 1984. С. 186–198; *Он же.* Тайны Первой мировой войны: Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990; *Он же.* Создание объединённого югославского государства // Балканы в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 198–214; *Он же.* Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г. М., 1993.

возникшее на обломках Габсбургской монархии? Насколько глубоки были национальные противоречия между словенцами, хорватами и сербами, волею судеб оказавшихся в составе общего государственного образования? Можно ли было их примирить в принципе?

Все эти вопросы породили обширную литературу. Современные российские авторы отвечают на них по-разному[168]. Однако, большинство из них подчеркивает, что возникновение Королевства сербов, хорватов и словенцев в декабре 1918 г. являлось следствием сознательного стремления югославянских народов к объединению. Другое дело, что наиболее приемлемые способы этого объединения и формы будущего государственно-политического устройства каждый представлял по своему…

Таким образом, сказанное выше позволяет говорить о достижении российскими историками определенного качественного уровня в исследовании интересующей нас проблемы. Конечно, большое количество значимых документов попрежнему ждет своих аналитиков и исследователей на полках архивохранилищ. Поэтому многие вопросы ещё остаются нерешенными, и их изучение займёт немало времени. Однако несомненно, что решить их можно, только преодолевая былую изолированность отечественной исторической науки от исследовательской практики за рубежом и создавая условия, позволяющие ученым разных стран, поколений и научных школ расслышать друг друга в ходе широкого диалога.

[168] См., например: *Писарев Ю. А.* Создание югославского государства в 1918 г.: уроки истории // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 27−46; *Шемякин А. Л.* К вопросу о роли внешнего фактора в образовании Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев // Версаль и новая Восточная Европа / Отв. ред. Р. П. Гришина, В. Л. Мальков. М., 1996. С. 13−26; *Он же.* Первая мировая война. Рождение Югославии // На путях к Югославии: за и против / Отв. ред. И. В. Чуркина. М., 1997. С. 341−381; *Он же.* Первая мировая война. Рождение Югославии // Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011. С. 175−216; *Романенко С. А.* Югославия: кризис, распад, война, образование независимых государств. М., 2000.

И. Шварц

Современная австрийская историография о распаде Габсбургской монархии

К третьему году войны многонациональная Австро-Венгерская империя ощутила внутреннюю слабость и тенденции к децентрализации. Волна забастовок прокатилась по всем ее регионам. Восстания в феврале 1918 г. были подавлены с трудом. В мае началась новая волна массовых демонстраций. Запоздалый манифест императора Карла I о радикальном преобразовании Монархии и создании на ее территории федерации самостоятельных государств не смог остановить центробежные стремления отдельных национальностей[169]. Попытка последнего императора спасти Монархию потерпела крушение, распад империи стал неотвратим. 28 октября была провозглашена независимая Чехословацкая республика, вслед за ней Государство словенцев, хорватов и сербов. 31 октября Венгрия расторгла унию с Австрией и провозгласила свою независимость. 1 ноября в Львове образовалась Западно-Украинская народная республика. 3 ноября в Падуе было подписано перемирие с Антантой. 11 ноября Карл I сложил с себя полномочия императора Австрии и Богемии[170], а на следующий день в 15 часов Временное австрийское национальное собрание провозгласило создание Республики Немецкая Австрия (Deutsch-Österreich). Был пасмурный день, шел дождь. В возникших волнениях погибли два человека, около пятидесяти были ранены. Система мирных договоров, подписанных на Парижской мирной конференции, утвердила создание семи новых независимых национальных государств на территории бывшей империи и радикально изменила политическую карту Европы. Такова хроника событий, о которых написано много страниц. Тем не менее проблема распада многонациональной Габсбургской монархии продолжает оставаться одной из самых сложных и дискуссионных в историографии. Как отмечал крупнейший российский исследователь данной проблематики Т. М. Исламов, «нужно помнить, что в августе 1914 г. мир взорвали не только межимпериалистические противоречия. Особо зловещую роль сыграл и нетерпимый, агрессивный, всепоглощающий национализм всех: и тех, кто играл главные роли, и тех, кто мог лишь подпевать... Роль малых стран и наций и их национализм в великой трагедии не оценены до сих пор по достоинству историографией»[171].

Целью предлагаемого историографического обзора является выявление основных тенденций и представлений в современной австрийской историографии о распаде многонациональной империи Габсбургов.

---

[169] Манифест провозглашал, в сущности, радикальные преобразования только на территории Австрии, и это означало конец дуалистической монархии. Глава венгерского кабинета Шандор Векерле не был готов в этот критический момент идти на уступки, особенно в югославянском вопросе. См.: Österreich im Jahre 1918.: Berichte und Dokumente / Hrsg. R. Neck. Wien, 1968. S. 66; Ср.: *Hantsch H.* Die Nationalitätenfrage im alten Österreich: Das Problem der konstruktiven Reichsgestaltung // Wiener historische Studien. Bd. 1. Wien, 1953. S. 64.

[170] Однако официально Карл не отрекся от престола. Документ об отречении он подписал карандашом. См.: Österreich im Jahre 1918… S. 133.

[171] *Исламов Т. М.* Восточноевропейский фактор в исторической перспективе // Первая мировая война: пролог XX века / Отв. ред. В. Л. Мальков. М., 1998. С. 46.

В дискуссиях, разгоревшихся сразу же после окончания Первой мировой войны, на переднем плане стоял вопрос о вине и об ответственности. Почему началась мировая война? Кто виноват в военных неудачах, в катастрофе и в распаде империи? Тогда, в первые послевоенные годы, преобладало одностороннее освещение этих злободневных проблем. Характерно, что описание военных действий являлось монополией бывших армейских офицеров[172]. Здесь, прежде всего, следует назвать офицеров Генштаба, которые после войны занимали пост директора Австрийского военного архива − Эдмунда Гляйзе фон Хорстенау[173] и Рудольфа Кисзлинга[174], а также Фердинанда Штёллера[175]. Хорстенау и Штёллер были и единственными доцентами, преподававшими курс военной истории в Венском университете после 1934 г.[176] Среди историков отметим работы Виктора Библя, в основном его двухтомную монографию «Распад Австрии», вышедшую в свет в первой половине 20-х гг.[177] Библь принадлежал к немецкому национальному движению и после 1938 г. все более явно симпатизировал нацистам. Во многих работах этого периода ставилась под вопрос лояльность славянских народов Габсбургской монархии. Зачастую их признавали главными виновниками возникновения войны и ответственными за крушение Монархии[178].

В мемуарной литературе преобладали работы генералов австро-венгерской армии, которые, пытаясь найти ответ на вопрос: «Кто виноват?», стремились задним числом оправдать мотивы своих действий[179]. Так, в своих воспоминаниях бывший начальник Генштаба, фельдмаршал Франц Конрад фон Гетцендорф перекладывал на других офицеров практически всю ответственность за промахи и военные неудачи[180]. Рудольф Яржебек, сотрудник австрийского военного архива, предполагает, что важные архивные документы, которые могли бы пролить свет на события того времени, по всей вероятности, после написания мемуаров были уничтожены[181].

Отметим еще два монументальных издания того периода. Во-первых, 10-томную публикацию Макса Шварте, особенно 5-й том этого издания, вышедший в Лейпциге в 1922 г. под названием «Австро-венгерская война»[182]. Авторами труда

---

[172] *Peball K.* Österreichische Militärhistorische Forschung zum Ersten Weltkrieg zwischen 1918 und 1968 // Die Auflösung des Habsburgerreiches: Zusammenbruch und Neuorientierung im Donauraum // Schriftenreihe des Österreichischen Ost- und Südosteuropa-Instituts. Bd. 3 / Hrsg. R. Plaschka, K. Mack. Wien, 1970. S. 308–317.

[173] *Glaise von Horstenau E.* Die Katastrophe: Die Zertrümmerung Österreich-Ungarns und das Werden der Nachfolgestaaten. Wien, 1929.

[174] Österreichische Feldherren und ihre Beziehungen zum Deutschtum / Hrsg. R. Kiszling. Wien, 1941. В 70-е гг. тот же автор опубликовал исследование о высшем руководстве армии Габсбургов в Первой мировой войне. См.: *Kiszling R.* Die hohe Führung der Heere Habsburg im Ersten Weltkrieg. Wien, 1976.

[175] *Stöller F.* Feldmarschall Franz Graf Conrad von Hötzendorf. Leipzig, 1941.

[176] *Jeřábek R.* Die österreichische Weltkriegsforschung // Der Erste Weltkrieg: Wirkung, Wahrnehmung, Analyse / Hrsg. W. Michalka. München; Zürich, 1997. S. 954.

[177] *Bibl V.* Der Zerfall Österreichs. Bd. 1. Kaiser Franz und seine Erbe. Wien, 1922; Bd. 2. Von Revolution zu Revolution. Wien, 1924.

[178] *Haas H.* Einleitung // Vom Zerfall der Grossreiche zur Europäischen Union: Integrationsmodelle im 20. Jahrhundert // Mitteilungen des Österreichisches Staatsarchiv. Sonderband 5 / Hrsg. H. Embacher, H. Haas, Ch. Natmessnig. Wien, 2000. S. 11.

[179] *Jeřábek R.* Op. cit. S. 954.

[180] *Conrad von Hötzendorf F.* Aus meiner Dienstzeit 1906–1918. Bd. 1–5. Wien; Berlin; Leipzig; München, 1921–1925.

[181] *Jeřábek R.* Op. cit. S. 955.

[182] Der österreichisch-ungarische Krieg // Der Große Krieg 1914–1918 / Hrsg. M. Schwarte. Bd. 5. Leipzig, 1922.

являются уже упомянутые представители группы офицеров немецкого национального лагеря. В 1929–1938 гг. в Вене под редакцией Хорстенау вышло официозное издание Австрийского военного архива «Последняя война Австро-Венгрии» в 7 томах с приложениями и исправлениями[183]. Например, в качестве приложения в 1930 г. была опубликована рукопись майора Ладислава Раски «Из дневника 4-й дивизии в 1914 г.»[184] Эту публикацию можно рассматривать как попытку бывшего венгерского офицера осветить роль венгерских войск в войне. Две монографии, которые до сих пор не потеряли значения, касались крушения армии в 1918 г. Хуго Керхнаве и Золтан Сенде анализировали действия и промахи солдат, особенно венгерских, в последние месяцы войны[185]. Все указанные издания реконструировали в деталях военные операции, состав и численность войск, потери личного состава армии и военно-морского флота, однако оставляли без внимания вопрос о согласованности официальной политики с действиями Генштаба.

Политики смотрели на проблему с другой точки зрения. Так, профессор моральной теологии Игнац Зайпель, председатель Христианско-социальной партии, будущий канцлер Первой Австрийской Республики, опубликовал еще в 1915–1916 гг. две работы по национальному вопросу. В них он обосновал концепцию сохранения монархии на наднациональном уровне[186]. Осенью 1918 г. его консервативные взгляды эволюционировали, и Зайпель призывал уже членов своей партии, стоящих перед дилеммой – республика или монархия, принять для страны на будущее республиканскую форму правления. Сочинения, опубликованные Зайпелем по этому поводу в ноябре 1918 г., вышли впоследствии отдельным сборником[187].

Среди австромарксистов прежде всего назовем лидера радикального крыла австрийской социал-демократии и самую влиятельную личность в партийных кругах после смерти Виктора Адлера, Отто Бауэра. Как известно, в начале мировой войны Бауэр попал в русский плен и возвратился в Австрию только в 1917 г. В последние годы войны, когда Карл Реннер и большинство представителей Социал-демократической партии еще верили в обновление Австрии в союзе свободных наций, Бауэр не разделял их взглядов. К тому времени он уже давно убедился в том, что борьба за независимость чешского, польского и южнославянских народов приведет к распаду Габсбургской монархии. После возвращения из плена он разработал новую программу по национальному вопросу. Она была принята представителями левых чехословацких, польских и немецко-австрийских социал-демократов на конференции в Вене 30 января 1918 г. Здесь впервые недвусмысленно, со всей ясностью, прозвучало требование левых социал-

---

[183] Österreich-Ungarns letzter Krieg. 1914–1918 / Hrsg. vom österreichischen Bundesministerium für Heerwesen und vom österreichischen Kriegsarchiv. Bd. 1–7. Wien, 1929–1938.

[184] *Rásky L.* Aus dem Tagebuch der 4. Division 1914. Budapest, 1930. Об этом см.: *Jeřábek R.* Op. cit. P. 964.

[185] *Kerchnawe H.* Der Zusammenbruch der österreichisch-ungarischen Wehrmacht im Herbst 1918. München, 1921; *Szende Z.* Die Ungarn im Zusammenbruch 1918. Oldenburg, 1931.

[186] *Seipel I.* Nationalitätenprinzip und Staatsgedanke. Mönchengladbach, 1915; *Idem.* Nation und Staat. Wien, 1916. *Idem.* Die geistigen Grundlagen der Minderheitenfrage. Wien; Leipzig, 1925. О взглядах Зайпеля см. подробно в статье О. И. Величко в данной книге.

[187] *Seipel I.* Der Kampf um die österreichische Verfassung. Wien, 1930.

демократов о присоединении немецких территорий Австрии к Германии [188]. Впоследствии, рассматривая в своем знаменитом труде «Австрийская революция» (1923) вопрос о соотношении войны и революции, проблему национальных и социальных революций и образования национальных государств, Бауэр выступил не только как политик и социалдемократ, но и как историк-марксист. Он проследил в ретроспективе зарождение и эскалацию национальных конфликтов, пути решения существующих проблем в рамках дуалистической монархии. Особое внимание обращено на роковую роль, которую сыграли в ее исторической судьбе Февральская (1917) революция в России и вступление США в войну на стороне Антанты в апреле 1917 г.[189] Как полагал Бауэр, в конце 1917 г. «Австро-Венгрия вела войну не только с внешними врагами, окружавшими ее, но и с двумя третями своих собственных граждан. Судьба Габсбургской монархии была предрешена»[190].

Исключением, в сравнении с до сих пор упомянутыми работами, является труд Йозефа Редлиха, бывшего министра финансов и советника императора Карла I. Редлих анализирует правительственную политику, экономическое развитие, а также механизмы и структуры управления страной во время войны [191]. Данный труд отличается критическим подходом к описываемым событиям и их глубоким анализом.

Отметим еще мемуары бывших политических деятелей. Неудачливый министр иностранных дел Карла I граф Оттокар Чернин издал свои воспоминания сразу по окончании войны [192]. Еще спустя десять лет вышли в свет мемуары последнего министра финансов Австро-Венгрии Александра Шпицмюллера-Хармерсбаха [193]. Определенный интерес для исследователей также может представлять посмертный сборник записей и речей последнего главы императорского правительства Генриха Ламмаша, а также воспоминаний о нем. Эту книгу издала его вдова Марга Ламмаш[194].

Как мы видим, публикации межвоенного периода в основном были делом бывших офицеров и политиков, для которых национальная проблема являлась инструментом реализации политических идей и целей. Многие из них утверждали, что Габсбургская монархия распалась потому, что проиграла войну, хотя

---

[188] Österreich im Jahre 1918… S. 40–46.

[189] *Bauer O.* Die Österreichische Revolution. Wien, 1965. S. 28–32. Еще в работе «Национальный вопрос и социал-демократия», изданной в Вене в 1907 г., Бауэр развивал теорию «культурно-национальной автономии» и выдвинул тезис, что «национальный вопрос» следует «понимать как социальную проблему». Об этом см.: *Esbach C.* Nation und Nationalität im Werk von Karl Renner und Otto Bauer // Nation und Nationenbildung in Österreich-Ungarn 1848–1938: Prinzipien und Methoden // Soziologie. Forschung und Wissenschaft / Hrsg. E. Kiss, J. Stagl. Bd. 21. Wien, 2006. S. 77–82; *Кретинин С. В.* Отто Бауэр (1882–1938) и австромарксизм // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 126–147; № 3. С. 187–207.

[190] *Bauer O.* Op. cit. S. 61.

[191] *Redlich J.* Österreichische Regierung und Verwaltung im Weltkriege // Wirtschafts- und Sozialgeschichte des Weltkrieges. Österreichische und ungarische Serie. Wien, 1925.

[192] *Czernin von und zu Chudenitz O.* Im Weltkriege. Berlin; Wien, 1919. См. также русское издание: *Чернин О.* В дни мировой войны. СПб., 2005.

[193] *Spitzmüller-Harmersbach A.* Der letzte österreichisch-ungarische Ausgleich und der Zusammenbruch der Monarchie. Berlin, 1929.

[194] Heinrich Lammasch: Seine Aufzeichnungen, sein Wirken und seine Politik / Hrsg. M. Lammasch. Wien, 1922.

историческое развитие показывает, что и в случае победы, и в случае поражения Монархия давно была обречена на проигрыш[195].

Принципиально новая ситуация сложилась после окончания Второй мировой войны. Тогда на передний план выдвинулась проблема идентичности. Выяснение вопроса «Кто мы такие, что такое Австрия и что такое австрийская нация?» – становится центральным. Основным фактором для формирования нового исторического сознания является стремление дистанцироваться от Германии, вернуться к историческим корням Австрии и продемонстрировать наличие самостоятельной государственной, культурной и языковой австрийской идентичности. В связи с этим в 1946 г. был организован и торжественно отмечен юбилей «950 лет Австрии»[196]. Торжества и юбилейные мероприятия проводились по всей территории Австрийской Республики, во всех четырех оккупационных зонах и, что особенно важно, входили в программы школьного образования[197]. По инициативе тогдашнего министра образования Феликса Хурдеса был подготовлен к печати первый австрийский словарь, вышедший в свет в 1951 г.

В контексте новых представлений продолжилось изучение и анализ национального вопроса и национальных движений в Габсбургской монархии. Так, в начале 50-х гг. начал выходить альманах «Венские исторические исследования». Целью редколлегии было «выяснить и углубить историческое сознание австрийцев», которые, как указывается в предисловии, являются единственным в своем роде «симбиозом семьи народов»[198]. В первой книжке альманаха была опубликована работа профессора истории Венского университета Хуго Ханча о национальном вопросе. Автор утверждал, что есть смысл начать издание журнала освещением этой проблемы, так как «из-за нее не только Австрия, но и вся Европа потерпели крах»[199]. Он обратил внимание на концепцию Фридриха Наумана о «Срединной Европе»[200], которая впоследствии будет играть важную роль в дискуссии о понятии «Центральная Европа». Ханч полагал, что, если чехи, венгры и австрийские немцы образовали после распада империи свои государства на территории бывшей Монархии, то поляки, румыны, южные славяне и итальянцы захватили у соседних государств значительные меньшинства и создали национальные государства, намного превосходящие пределы своих этнических территорий. Таким образом, возникли новые национальные проблемы, которые стали одним из главных источников нестабильности в Центральной и Юго-Восточной Европе[201]. Этот

---

[195] *Вэнк С.* Династическая империя или многонациональное государство: размышления о наследии империи Габсбургов в национальном вопросе // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / Отв. ред. Т. М. Исламов, А. И. Миллер. М., 1995. С. 14.

[196] Название Австрия (Ostarrichi) встречается впервые в 996 г. в грамоте императора Оттона III.

[197] *Spevak S.* Das Jubiläum «950 Jahre Österreich»: Eine Aktion zur Stärkung eines österreichischen Staats- und Kulturbewusstseins im Jahr 1946 // Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Bd. 37. Wien, 2003.

[198] *Hantsch H.* Die Nationalitätenfrage im alten Österreich. Das Problem der konstruktiven Reichsgestaltung // Wiener historische Studien. Bd. 1. Wien, 1953. S. 5–6.

[199] Ibid. S. 6.

[200] *Naumann F.* Mitteleuropa. Berlin, 1915.

[201] *Hantsch H.* Op. cit. S. 65.

постулат Ханча был сформулирован и опубликован еще во втором томе «Истории Австрии»[202].

В те же годы свою лепту в изучение рассматриваемого нами вопроса внес другой профессор Венского университета − Генрих Бенедикт. Он представлял историю Австро-Венгрии как «историю монархии противоречий». Причины многих ее бедствий Бенедикт усматривал в действиях венгров, которые, дескать, не захотели поступиться своими привилегиями, поэтому манифест Карла от 16 октября 1918 г. потерпел неудачу, и Монархия погибла[35].

Интерес к рассматриваемой нами теме возрос с открытием в 1955 г. в австрийских архивах доступа к документам периода Первой мировой войны. Историки из англоязычных стран обратились прежде всего к изучению проблем, связанных с распадом Австро-Венгерской империи. Здесь следует назвать имена Збинека Земана и Гарри Ханака, а также итальянского исследователя Лео Вальяни[36]. В самой же Австрии в те годы наблюдался новый подход. Все меньший интерес проявлялся к военной и, наоборот, все больший к дипломатической истории, к социальным проблемам. Исследователей занимал вопрос о роли политических структур и их влиянии на национальные проблемы. В тот период к истории Первой мировой войны стали обращаться не только военные специалисты, но и гражданские историки и их ученики, преподававшие в университетах или работавшие в архивах, например Фриц Фелльнер и Людвиг Йедличка[37]. Более целенаправленно стали выбираться темы для диссертационных работ. Особо отметим диссертацию Хельмута Румплера о национальном вопросе во время нахождения у власти кабинета Макса фон Гуссарека[38]

[202] *Idem.* Geschichte Österreichs. Graz; Wien, 1950.

профессиональными историками, но и среди широкого круга читателей. В ходе дискуссии концепция Фишера стала более радикальной. Так, в работах «Война иллюзий» и «Союз элит» автор стремился показать преемственность в развитии властных структур с 70-х гг. XIX в. вплоть до 1945 г.[203]

Первой реакцией на книгу Фишера в Австрии стала статья будущего генерального директора австрийских архивов Рудольфа Нека[204]. Он приветствовал выход работы Фишера, а также привлечение им нового архивного материала. Нек полагал, что «существует гора литературы, которая проблему не осветила, а похоронила», поэтому нужно заняться не вопросом о вине за развязывание войны, а публикацией архивных материалов и документов и изучением мирных договоров Версальской системы[205]. В результате под его редакцией в 1968 г. вышел документальный сборник о событиях 1918 г., начиная с «14 пунктов» Вудро Вильсона и заканчивая высказываниями политиков-антиподов периода Первой Австрийской Республики – Игнаца Зайпеля и Отто Бауэра[206].

Зальцбургский историк Фриц Фелльнер подхватил инициативу Фишера[207]. Не боясь войти в противоречие с традиционным взглядом австрийской историографии о Первой мировой войне, Фелльнер полемизировал и ставил под вопрос ряд, казалось бы, устоявшихся к тому времени тезисов. Так, в исследовании о поездке начальника канцелярии австро-венгерского министерства иностранных дел Александра Хойоша в Берлин 5–6 июля 1914 г. он показал, что Хойош сделал все, чтобы предотвратить мирное решение июльского кризиса[208]. Фелльнер призывал к изучению периодической печати как инструмента внешней политики. Он утверждал, что использование писем, дневников и документов личного характера необходимо для расширения документального базиса, чтобы показать перспективу снизу[209]. Еще в 50-х гг. им был издан политический дневник министра финансов Йозефа Редлиха[210]. В 90-х гг. вышел сборник исследований, который являлся продолжением его работы о Тройственном союзе[211].

В дискуссию включился также Роберт А. Канн, который в начале 50-х гг. вернулся из эмиграции и с того времени жил и преподавал в Вене. Он полагал, что Австрия не нуждалась в давлении со стороны Берлина для того, чтобы принять решение о войне. Такой подход рассматривал Габсбургскую монархию как

---

[203] *Idem.* Krieg der Illusionen: Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969; *Idem.* Bündnis der Eliten: Zur Kontinuität der Machtstrukturen in Deutschland 1871–1945. Düsseldorf, 1979.

[204] *Neck R.* Kriegszielpolitik im Ersten Weltkrieg (Zu den Auseinandersetzungen um das Werk von Fritz Fischer «Griff nach der Weltmacht») // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchiv. Bd. 15. Wien, 1962. S. 565–576.

[205] Ibid. S. 566.

[206] Österreich im Jahre 1918. Berichte und Dokumente / Hrsg. R. Neck. Wien, 1968.

[207] *Fellner F.* Zur Kontroverse über Fritz Fischers Buch «Griff nach der Weltmacht» // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Bd. 72. Graz; Köln, 1964. S. 508.

[208] *Fellner F.* Die «Mission Hoyos» // Vom Dreibund zum Völkerbund: Studien zur Geschichte der internationalen Beziehungen 1882−1919 / Hrsg. F. Fellner, H. Maschl. Wien; München, 1994. S. 112–141.

[209] *Fellner F.* Der Krieg in Tagebüchern und Briefen // Der große Krieg 1914–1918 / Hrsg. K. Amann, H. Lengauer. Wien, 1988. S. 205–213.

[210] *Redlich J.* Schicksalsjahre Österreichs 1908–1919…

[211] *Fellner F.* Vom Dreibund zum Völkerbund: Studien zur Geschichte der internationalen Beziehungen 1882–1919 / Hrsg. H. Maschl, B. Mazohl-Wallnig. München, 1994. Ср.: *Fellner F.* Der Dreibund. Europäische Diplomatie vor dem Ersten Weltkrieg. Wien, 1964.

обычного сателлита Германии, ее младшего партнера еще до начала войны, а это не отвечало реальности и исторической действительности[212].

Итоги международной дискуссии были подведены в австрийской историографии во второй половине 80-х и в начале 90-х гг., т.е. три десятилетия спустя появления самой монографии Фишера. Завершающим этапом можно назвать фундаментальное исследование Манфреда Раухенштайнера «Смерть двуглавого орла. Австро-Венгрия и Первая мировая война»[213]. Оно стало результатом многолетней кропотливой работы автора, который с 1987 г. читал в университете лекции об участии Австрии в Первой мировой войне и о распаде многонациональной империи. Раухенштайнер искал ответы на следующие вопросы: кто несет ответственность за первый шаг, приведший к войне? Имели ли Парижские мирные договоры характер перемирия? Были ли распад Австро-Венгрии, большевизм и революционное развитие в России одними из предпосылок, которые привели к Второй мировой войне? [214] В заключительной части монографии автор утверждал, что в конце войны национальности Габсбургской монархии должны были выяснить свои отношения между собой, но вместо этого они разделились на победителей (Sieger) и побежденных (Besiegte). Западные и южные славяне оказались победителями, хотя в этой войне они являлись частью Австро-Венгерской монархии и воевали на ее стороне. Австрия и Венгрия же получили статус побежденных[215]. Как раз это разделение и нашло свое отражение в решениях Парижской мирной конференции.

Новой австрийской концепции чуждо стремление отрицать или каким-то образом преуменьшать вину предков, искать оправдания, «смягчающие вину обстоятельства», перекладывать ответственность на чужие плечи[216], но, как мы видим, вопрос о виновниках войны оставался дискуссионным вплоть до конца XX в.

С 60-х гг. в историографии наблюдается углубление изучения проблемы национальностей Габсбургской монархии. Здесь преобладают два направления в исследовательских подходах – с исторической и с конституционно-правовой точки зрения. К первому направлению можно отнести работы уже упомянутого Роберта А. Канна, особенно его монографию по национальному вопросу[217]. В 70-х гг. начало выходить многотомное издание Комиссии по истории Австро-Венгерской монархии Академии наук – «Монархия Габсбургов 1848–1918 гг.»[218]. Народы Габсбургской монархии, структура народонаселения, экономическое и социальное развитие, особенности вероисповедания, система образования, политические требования и интересы отдельных национальностей и этнических групп являются центральной

---

[212] См. об этом: *Исламов Т. М.* Австро-Венгрия в Первой мировой войне: Крах империи // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 22.

[213] *Rauchensteiner M.* Der Tod des Doppeladlers: Österreich-Ungarn und der Erste Weltkrieg. Graz; Wien; Köln, 1997.

[214] Ibid. S. 12.

[215] Ibid. S. 622–624.

[216] *Исламов Т. М.* Указ. соч. С. 23.

[217] *Kann R.* Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie: Geschichte und Ideengehalt der nationalen Bestrebungen vom Vormärz bis zur Auflösung des Reiches im Jahre 1918. Bd. 1. Das Reich und die Völker. Graz; Köln, 1964.

[218] Die wirtschaftliche Entwicklung / Hrsg. A. Brusatti // Die Habsburgermonarchie 1848–1918 / Hrsg. A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Bd. 1. Wien, 1973.

темой третьего тома этой серии[219]. В заключительной обзорной статье этого фундаментального труда Канн предупреждал, что чем больше исследование вопроса зависит от политических и партийно-политических интересов, тем больше нарастают опасность спекуляций и риск исказить историческую реальность[220]. Он полагал, что внутреннее противоречие исторического принципа *inseparabiliter ac indivisibiliter* австрийских земель, т.е. принцип неразделимости и неразъединимости, привело к дуализму и сохранению монархии с 1867 по 1914 г., но также и к ее закату в 1918 г. Австро-Венгрия, вопреки ожиданиям некоторых политиков, не стала гарантом поддержания равновесия и сохранения стабильности в регионе. По мере углубления кризиса идеологи национальных движений все чаще связывали свои политические программы уже не с реформированием государственной системы, а с ее разрушением. В конце своего существования Габсбургская монархия «состояла главным образом из покалеченных тел наций»[221]. Созданные в Центральной Европе после войны новые независимые национальные государства являлись результатом национальной идеи и национально-освободительных движений отдельных наций. Но они ни в коем случае не были реализацией их стремлений и представлений, и многие из этих государств были псевдонациональными. Как и старая Габсбургская монархия, они представляли, в сущности, конгломерат нескольких наций или конгломерат кусков отдельных наций[222]. Таким образом, с распадом империи Габсбургов межэтнические конфликты в регионе не исчезли, а были перенесены в другую плоскость.

Особое место в исследовании национальной проблемы принадлежит профессору Венского университета Рихарду Плашке. В 1963 г. вышла его хабилитационная работа «Каттаро – Прага: Мятеж и революция», посвященная проблемам национальных протестов и движений во время Первой мировой войны[223]. Анализ роли армии и участия офицерских корпусов в национальных движениях, в контексте массовых социальных, национальных и революционных движений, остался одной из любимых тем автора до конца его жизни[224]. Его *opus magnum* «Авангард сопротивления» также посвящен этой проблеме[225]. Плашка являлся с 1965 г. профессором Венского университета и в 1981–1983 гг. его ректором. Одновременно в 1963–1988 гг. он занимал пост директора Австрийского научно-исследовательского института Восточной и Юго-Восточной Европы (Österreichisches Ost- und Südosteuropa Institut) и был председателем Исторической

---

[219] Die Völker des Reiches // Die Habsburgermonarchie 1848–1918 / Hrsg. A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Bd. III/1–2. Wien, 1980.

[220] *Kann R.* Zur Problematik der Nationalitäten Frage in der Habsburgermonarchie 1848–1918. Eine Zusammenfassung // Die Völker des Reiches... Bd. III/2. S. 1304.

[221] Ibid. S. 1338.

[222] Ibid. S. 1337f.

[223] *Plaschka R.* Cattaro–Prag: Revolte und Revolution. Kriegsmarine und Heer Österreich-Ungarns im Feuer der Aufstandsbewegungen vom 1. Februar und 28. Oktober 1918 // Veröffentlichungen der Arbeitsgemeinschaft Ost. Bd. 3. Graz; Köln, 1963.

[224] *Plaschka R.* Matrosen Offiziere Rebellen: Kriesenkonfrontationen zur See 1900–1918. Bd. 1. Faktoren der Expansion; Bd. 2. Keimzellen der Revolution. Wien; Graz, 1984; *Idem.* Nationalismus – Staatsgewalt – Widerstand: Aspekte nationaler und sozialer Entwicklung in Ostmittel- und Südosteuropa. Wien, 1985.

[225] *Idem.* Avantgarde des Widerstands: Modellfälle militärischer Auflehnung im 19. und 20. Jahrhundert. Bd. 1–2 // Studien zu Politik und Verwaltung. Bd. 60/1. Wien; Graz, 2000.

комиссии Австрийской академии наук. По его инициативе в 1964 г. Институт Восточной и Юго-Восточной Европы организовал крупную международную конференцию – «Австро-Венгрия и начало Первой мировой войны». Впервые в Вену приехали историки из стран Востока и Запада для того, чтобы обсудить проблемы участия народов Габсбургской монархии в Первой мировой войне. В конструктивных дискуссиях были выявлены основные темы и направления, установлены научные контакты [226]. Четыре года спустя, по поводу 50-летия окончания войны, был организован, как продолжение начатой работы, международный симпозиум под названием «Осень 1918 года». В работе форума приняли участие известные специалисты из Австрии, Британии, Венгрии, Польши, СССР, США, Чехословакии. Среди них были Фриц Фелльнер, Збинек Земан, Йозеф Бушко, Йиржи Коржалка, Роберт Канн, Хью Сетон-Уотсон. С советской стороны с докладами выступили Тофик Исламов, Юрий Писарев и Владимир Турок. Симпозиум показал, насколько эффективен и плодотворен отказ от стереотипов прошлого, и позволил расширить трактовку проблемы. По завершении работы симпозиума в свет вышла обширная публикация его материалов под редакцией Рихарда Плашки и Карлхайнца Мака[227]. Ее открывали вводные статьи Плашки и Фелльнера. В сборнике давалась оценка социально-экономического развития монархии во время войны (Юрий Кржижек), характеристика рынка рабочей силы и структурных изменений в индустриальных районах, особенно в Богемии (Олдржижка Кодедова), анализировались противоречивые позиции австрийских социал-демократов в 1918 г. и процессы дезинтеграции в рабочем движении (Рудольф Нек). Особое внимание уделялось политическому и военному развитию и дипломатическим демаршам, а также дилемме, стоявшей перед чешскими и польскими политиками в последние месяцы войны, и роли влияния Октябрьской революции в России на распад Австро-Венгрии (Богдан Кризман, Збинек Земан, Йиржи Коржалка, Тофик Исламов, Йозеф Бушко). Подводились итоги и давалась оценка национальных конфликтов, процессов демократизации, легитимности создания национальных государств; указывалось на новые проблемы в межгосударственных, межэтнических и межнациональных отношениях после подписания Парижских мирных договоров (Роберт Канн, Хенрик Батовски, Хью Сетон-Уотсон и др.).

В последующие годы Плашка, а вслед за ним и его ученики Арнольд Зуппан и Хорст Хазельштайнер продолжали заниматься изучением проблемы национальностей и распада империи. Изданная ими совместная двухтомная монография «Внутренний фронт» на основании нового документального материала всесторонне анализирует динамику событий, показывает социальные протесты, демонстрации и забастовки в разных регионах Габсбургской монархии, от Галиции

[226] Информацию об этой конференции см.: *Selber K.* Österreich-Ungarn und der Ausbruch des Ersten Weltkrieges // Österreichische Osthefte. Wien, 1964. H. 4. S. 366–368; *Rumpler H.* Austria-Hungary and the Outbreak of World War I // Austrian History Yearbook. Houston, 1965. Vol. 1. P. 286–289.

[227] Die Auflösung des Habsburgerreiches. Zusammenbruch und Neuorientierung im Donauraum / Hrsg. R. Plaschka, K. Mack // Schriftenreihe des Österreichischen Ost- und Südosteuropa-Instituts. Bd. 3. Wien, 1970.

до Далмации и от Богемии до Трансильвании, а также нарастание напряжения и полную эскалацию конфликтов в армии и в военно-морском флоте[228].

Особое внимание уделялось изучению не только национальностей, но и этническим групп и межэтнических конфликтов[229]. Актуальными стали научные изыскания о «наследстве» Габсбургской империи и о налаживании отношений с «новыми» соседями. В 1996 г. Зуппан опубликовал капитальный труд о взаимоотношениях Австрии и Югославии в 1918–1938 гг.[230] В этой книге автор анализировал в первую очередь национальные, конфессиональные, экономические, социальные, политические и идеологические структуры обоих государств; стратегические, внешнеполитические программы, которые во многом были направлены друг против друга, а также уделял внимание проблеме национальных меньшинств и пограничным конфликтам в 1918–1920 гг. Отдельные главы посвящены формированию общественного мнения, экономическим взаимоотношениям, вопросам реституции. Под редакцией Арнольда Зуппана и Клауса Коха в 90-х гг. началась и до настоящего времени продолжается систематическая работа по изданию документов внешней политики Первой Австрийской Республики. Первый том многотомной публикации содержит документы, относящиеся к распаду Габсбургской империи и созданию республики (1918–1919). Затем были опубликованы архивные материалы, связанные с Сен-Жерменским и Трианонским мирными договорами, а также документы, отражающие основные тенденции внешней политики Австрии в межвоенный период[231].

Наряду с этим целенаправленно выбираются темы для дипломных работ и диссертаций[232]. В качестве примера приведем недавно вышедшую на основе защищенной диссертации книгу Рихарда Ляйна о военном участии чехов в Первой мировой войне[233]. Военнопленные как массовый феномен войны, судьба солдат разных национальностей – немцев, австрийцев, венгров в революционную эпоху 1917– 1920 гг., создание воинских формирований из чешских и словацких военнопленных для борьбы против Австро-Венгрии и Германии на стороне Антанты – все это является предметом исследований Ханнеса Ляйдингера и Верены Мориц[234]. Мария Вакоуниг обратилась к изучению гендерной проблематики периода войны,

---

[228] *Plaschka R., Haselsteiner H., Suppan A.* Innere Front: Militärassistenz, Widerstand und Umsturz in der Donaumonarchie 1918. Bd. I–II. Wien, 1974.

[229] *Suppan A.* Die österreichische Volksgruppen: Tendenzen ihrer gesellschaftlichen Entwicklung im 20. Jahrhundert. München, 1983.

[230] *Idem.* Jugoslawien und Österreich 1918–1938 // Veröffentlichungen des Österreichischen Ost- und Südosteuropa-Instituts. Bd. 14. Wien, 1996.

[231] Außenpolitische Dokumente der Republik Österreich 1918–1939 (ADÖ) / Hrsg. K. Koch, W. Rauscher, A. Suppan. Bd.1–8. Wien, 1993–2009.

[232] См. каталог дипломных работ, диссертаций и хабилитационных трудов библиотеки Института Восточной Европы Венского университета: http://bibliothek.univie.ac.at/fbosteurop_geschichte/kataloge.html

[233] *Lein R.* Pflichterfüllung oder Hochverrat? Die tschechischen Soldaten Österreich-Ungarns im Ersten Weltkrieg. Wien; Berlin, 2011.

[234] *Leidinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien, 2003.

уделяя внимание участию словенских женщин в боевых действиях на Итальянском фронте у реки Изонцо, а также их работе в лазаретах и в госпиталях[235].

Вторым направлением в современной австрийской историографии является подход к национальному вопросу с точки зрения конституционного права. Отметим здесь научные труды Геральда Штурца и прежде всего его книгу «Равные права национальностей в конституции и в управлении Австрии 1848–1918 гг.»[236]. Как известно, знаменитая 19-я статья Австрийской конституции 1867 г. о правах граждан Габсбургской монархии сохранилась без изменений до 1918 г. Она гарантировала нерушимое право каждой этнической группы сохранять и развивать свою национальность и язык в сфере образования, в администрации, культурной и общественной жизни[237]. Нации как таковые не рассматривались в качестве субъектов права. Конституция 1867 г. открыла путь к парламентаризму и к демократизации политической системы, но лозунг равноправия всех наций предполагал этнизацию политики и в конечном счете привел к обострению противоречий между этническими группами.

Наряду с вопросом о правах национальностей в Габсбургской империи продолжается исследование проблем австрийской идентичности и формирования австрийского национального самосознания. Можно задаться вопросом: почему 12 ноября, день объявления Первой республики, не является до сих пор национальным праздником в Австрии, подобно, например, 14 июля во Франции или 1 августа в Швейцарии? Еще в 60-х гг. в ходе оживленных дискуссий об австрийской идентичности Эрнст Хоор подчеркивал, что Первая Австрийская Республика не являлась национальным государством, это была республика без республиканцев и государство без нации[238]. В конце Первой мировой войны австрийцы пережили политический, экономический и глубокий кризис идентичности. Крупнейшие австрийские писатели – Карл Краус, Хуго фон Гофмансталь, Йозеф Рот, Роберт Музиль – в период Первой республики продолжали отражать с меланхоличной грустью и иронической ностальгией идеализированный образ ушедшего мира многонациональной империи, видя в «нации» могильщицу империи.

Особенно показателен в этом плане рассказ Йозефа Рота «Бюст императора». Главный персонаж, польский граф Франц Ксавер Морстин «...не считал себя ни поляком, ни итальянцем, ни польским аристократом, ни аристократом итальянского происхождения. Нет: как и многие другие люди его сословия в коронных землях Австро-Венгерской монархии, он являл собой типичный образец чистоты и благородства австрийца, то есть был человеком наднациональным... Если бы его, к примеру, спросили, – но кому бы пришел в голову такой бессмысленный вопрос? – сознает ли он свою принадлежность к какой-нибудь «нации» или народу, граф оказался бы в замешательстве, он был бы даже удивлен и, наверное, раздосадован и рассержен. По каким же признакам следовало относить себя к той или иной нации?

---

[235] *Wakounig M.* Frauen im Ersten Weltkrieg: Desiderate in der slovenischen Historiographie (в печати).

[236] *Stourzh G.* Die Gleichberechtigung der Nationalitäten in der Verfassung und Verwaltung Österreichs 1848–1918. Wien, 1985.

[237] *Idem.* Die Gleichberechtigung der Volksstämme als Verfassungsprinzip 1848–1918 // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. III. Die Völker des Reiches. Wien, 1980. S. 1013–1014.

[238] *Hoor E.* Staat ohne Nation. Republik ohne Republikaner. Wien, 1967.

Он говорил одинаково хорошо почти на всех европейских языках, почти во всех странах Европы чувствовал себя как дома, его друзья и родственники были рассеяны по белу свету». Но этот мир уже не существовал. Поэтому Морстин с горестью говорит: «...Я ненавижу нации и национальные государства»[239].

Генезис австрийской нации, исторические корни ее формирования и процесс становления стали центральной темой ряда изысканий в историографии 80–90-х гг. минувшего века. Здесь, прежде всего, укажем на опубликованные труды Фридриха Хеера [240] и особенно Эрнста Брукмюллера [241], который являлся и научным консультантом юбилейной выставки в 1996 г., посвященной тысячелетию Австрии. Выбирая 996 г., когда впервые в документах появилось название Австрия (Ostarrichi), в качестве отправной точки исторического развития, австрийские исследователи сознательно дистанцируются от представлении об истории Австрии как истории преимущественно Габсбургской династии и Габсбургской монархии. Проблема национальностей рассматривалась в разделе «Конфронтации» под названием «Объединение народов – Тюрьма народов» (Völkerverein – Völkerkerker) с акцентом на национальные программы, национально-освободительные движения и на углубление социальных и межнациональных противоречий накануне войны[242]. Как мы видим, здесь негативное суждение о Монархии как о «тюрьме народов» продолжает быть доминирующим, хотя с современной точки зрения оно не выдерживает исторической критики. Ведь парадигма «угнетенный–угнетатель» сохраняет негативный подход к проблеме и упускает из виду позитивные аспекты взаимодействия.

В последние годы, после выхода в свет монографии Иштвана Деака «Поверх национализма. Социальная и политическая история габсбургского офицерского корпуса в 1848–1918 гг.», в историографии наблюдается попытка переосмысления достижений Габсбургской монархии в национальном вопросе[243]. Автор рекомендует вернуться к изучению «габсбургского эксперимента» в сфере наднациональной организации. Он полагает, что здесь можно извлечь позитивные уроки, в то время как история стран Центральной и Восточной Европы после 1918 г. может лишь продемонстрировать то, чего следует избегать[244]. Аналогичную позицию в своих трудах занимает также известный британский исследователь Алан Скед[245].

Под влиянием событий 1989–1990 гг. сильно возрос интерес историков к феномену империи, к переосмыслению понятий «империя», «нация» и бинарной

---

[239] *Рот Й.* Бюст императора // Иностранная литература. 1998. № 3. http://magazines.russ.ru/inostran/1998/3/rot.html (дата обращения 10 сентября 2011 г.). Подробный литературоведческий анализ этого рассказа см. в статье М. В. Шмырёва в четвертом томе данной книги.

[240] *Heer F.* Der Kampf um die österreichische Identität. Wien; Köln; Graz, 1981.

[241] *Bruckmüller E.* Nation Österreich: Sozialhistorische Aspekte ihrer Entwicklung // Studien zu Politik und Verwaltung. Bd. 4. Wien; Köln; Graz, 1984 (2-е изд.: Nation Österreich: Kulturelles Bewusstsein und gesellschaftlich-politische Prozesse. Wien; Graz, 1996); *Idem.* Östrreichbegriff und Österreich-Bewusstsein in der Franzisko-Josephinischen Epoche // Was heißt Österreich? Inhalt und Umfang des Österreichbegriffs vom 10. Jahrhundert bis heute / Hrsg. R. Plaschka, G. Stourzh, J. P. Niederkorn // Archiv für österreichische Geschichte. Bd. 136. Wien, 1995. S. 255–288.

[242] *Bruckmüller E.* Völkerverein – Völkerkerker // Österreichische Länderausstellung 996–1996. OstarrichiÖsterreich: Menschen–Mithen–Meilensteine / Hrsg. E. Bruckmüller, P. Urbanitsch. Horn, 1996. S. 571– 591.

[243] *Deák I.* Beyond nationalism: A social and political history of the Habsburg Officer Corps (1848–1918). N.Y., 1990.

[244] См. об этом: *Вэнк С.* Указ. соч. С. 5.

[245] *Sked A.* The Decline and Fall of the Habsburg Empire, 1815–1918. L.; N. Y., 1989.

оппозиции «империя–нация». В последние годы вышел ряд научных трудов, посвященных следующим проблемам: типология имперской власти, империя как многонациональное государство, распад империй, постимперское пространство, имперское наследие[246]. Новым направлением в историографии стал сравнительный анализ моделей Габсбургской, Российской и Османской империй. В 1998 г. в Вене была организована международная конференция, посвященная интеграционным моделям XX в., под названием «От распада больших империй к Европейскому союзу». Участники форума обсуждали вопросы, связанные с распадом Габсбургской монархии и с проблемами национальной идентичности. Для сравнительного анализа привлекались примеры из истории Австрии и России, но третий компонент, Османская империя, упускался из виду, хотя для кардинального анализа нужно было бы еще учесть и роль метрополий, обладавших обширными колониями, – Испании, Великобритании, Франции и Нидерландов[247].

В последние годы наблюдается смена исследовательской парадигмы. Особенно инновационным стал региональный подход: изучение региональной специфики, взаимодействия отдельных регионов и их отношения к центру. Так, под руководством Андреаса Каппелера в научном проекте Австрийского фонда научных исследований (FWF) анализируются пограничные города в Галиции (1772–1918). Проект нацелен на выяснение взаимодействия различных механизмов власти при формировании коллективной идентичности и форм габсбургской легитимации мультикультурализма. Одним из аспектов является исследование коммуникации и поведения отдельных этнических групп пограничного населения Австро-Венгрии и Российской империи в этом регионе во время Первой мировой войны[248]. Такой подход дает возможность по-новому взглянуть на уже известные факты, выделить позитивные и негативные стороны взаимоотношений.

Анализируя современную ситуацию и подводя итоги, можно сказать, что главное достижение новейшей австрийской историографии Первой мировой войны – это уход от бесплодной дискуссии о виновниках войны. Но сегодня особенно очевидна необходимость концептуально нового осмысления распада многонациональной Габсбургской империи и наследия этой империи. Как мы видим, в наши дни в целом к проблемам Первой мировой войны и к распаду Австро-Венгрии особого интереса в историографии не наблюдается, и данная тема рассматривается в контексте других проблем.

В качестве примера приведем следующий факт. В рамках Европейского сообщества идет процесс интеграции государств – членов союза и восстановления активных взаимоотношений соседних стран в духе партнерства и добрососедства. Прилагаются усилия с целью преодолеть негативные уроки и стереотипы прошлого. Впервые в 2009 г. Австрия и Чехия организовали совместную выставку с экспозициями в пограничных городах Хорн, Рабс и Телч под названием

---

[246] *Münkler H.* Imperien: Die Logik der Weltherrschaft – vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten. Berlin, 2005.

[247] Vom Zerfall der Grossreiche zur Europäischen Union: Integrationsmodelle im 20. Jahrhundert / Hrsg. H. Embacher, H. Haas, Ch. Natmessnig // Mitteilungen des Österreichisches Staatsarchiv. Sonderband 5. Wien, 2000.

[248] О проекте «Мультикультурные пограничные города на периферии Габсбургской монархии и Российской империи (1772–1918)» см.: http://www.univie.ac.at/iog/ProjektGrenzst%E4dte.pdf (дата обращения 25 марта 2011 г.).

«Разделенный, отделенный, объединенный», где рассматривались и проблемы распада Монархии. Научными консультантами выставки являлись декан философского факультета Карлова университета в Праге профессор Михал Штелик и профессор Стефан Карнер из университета в австрийском городе Грац. Многие экспонаты были представлены впервые. Выставка вызвала необычайный интерес и стала предметом оживленных дискуссий. Такой подход раскрывает новые возможности для общения, конструктивного диалога и изучения научных проблем.

I

НАЦИОНАЛьНыЕ ДВИЖЕНИЯ В «СЕРДЦЕ» АВСТРО-ВЕНГРИИ

О. И. Величко

Национальный вопрос в австрийской общественно-политической мысли (1914–1920)

Империя Габсбургов исстари была многонациональным и поликонфессиональным государством, что придавало обсуждению в ней национальных проблем особую остроту. Национальное самосознание многих европейских народов развивалось в XIX в. под благотворным влиянием революций 1848 г., а к концу столетия завершилось формирование большинства современных наций. Во второй половине XIX в. заметно активизировались славяне, составлявшие бóльшую часть подданных империи. Их идеологи разрабатывали различные модели решения национального вопроса. Поляки боролись за воссоединение поделенных между Австрией, Германией и Россией польских земель, за восстановление своего государства и его независимость. Чешские идеологи создали концепцию «австрославизма», предполагавшую, среди прочего, замену «двуединой» Австро-Венгрии на «триединую» конструкцию с равными правами для чехов. Логическим завершением всех предложенных в ту пору идей (в том числе «югославизма») стало в будущем требование полной самостоятельности; так к концу XIX в. «младочехи» отвергли «австрославистские» построения отцов.

В Вене все более чувствительно воспринимали новые национальные идеи и требования. Австрийские немцы, как называли себя жители собственно австрийских земель, не отделяли себя от ненемцев империи, скорее они противопоставляли себя немцам Германии, «Reichsdeutschen», прежде всего пруссакам. Парадоксально, но факт: они не были немецкими националистами; в Австрии это были ориентировавшиеся на Германию «Deutschnationale». «Австриисты» отстаивали преимущества общего, большого «наднационального» австро-венгерского государства, способного – призванного, по их мнению, самой историей – мирно соединять различные народы и культуры.

Этот универсалистский взгляд был присущ всем политическим партиям и идейным течениям Австрии, кроме организаций немецкого национализма, влияние

которых в начале XX в. было несопоставимо мало по сравнению с двумя ведущими партиями (и, соответственно, идеологическими течениями) – социал-демократической и социально-христианской. Поскольку «австрийство» («Österreichtum») выросло на почве католического универсализма, австрийская идея, в отличие от германской, изначально была «наднациональной». Австрийская идея включала в себя особую ответственность Габсбургов за равновесие политических сил в Европе. Отсюда ее известная привлекательность не только для немецкого населения Австро-Венгрии, но и для других народов империи. В этой связи можно сослаться на известного современного чешского историка Йиржи Коржалку, посвятившего ряд трудов проблеме «многонационального австрийства», его особой роли в общественно-политической жизни империи. Коржалка показывает, как «австрийство», остававшееся ведущей концепцией на протяжении XIX – начала XX в., модернизируясь, наполнялось идеями национальной самобытности. По его мнению, оно, с одной стороны, помогало преодолеть «комплекс неполноценности» малой нации, а с другой – давало определенные гарантии от внешней ассимиляции[249]. В исторической памяти народов, населявших владения Габсбургов, сохранилось довольно много положительного по отношению к центральноевропейской империи. Так, например, Йосип Броз Тито, по свидетельству его многолетнего соратника Милована Джиласа, говорил об Австро-Венгрии как о «хорошо налаженном государстве» [250]. Выступая в Вене на европейском круглом столе в январе 1990 г., будущий президент Хорватии Франьо Туджман сказал: «Габсбургская монархия просуществовала столь длительное время благодаря тому, что представляла собой естественное хозяйственно-коммуникационное и культурное целое среднеевропейских, карпато-дунайских земель и народов»[251].

Составной частью универсалистской австрийской идеи стала концепция «культурно-национальной автономии», предложенная австрийскими социалдемократами на рубеже XIX–XX вв. Она была принята в качестве специального раздела партийной программы, утвержденной в сентябре 1899 г. на съезде в Брюнне (Брно). Содержание ее составили пять основных тезисов. Во-первых, предполагалось преобразование империи в демократический союз населяющих ее народов. Во-вторых, с этой целью должны были быть созданы органы национального самоуправления, конституируемые на основе прямого, всеобщего, равного избирательного права. В-третьих, все самоуправляющиеся единицы каждой нации должны были составить единый Союз, решающий все свои проблемы совершенно самостоятельно, автономно. В компетенцию этих союзов также должна входить разработка законодательства, учитывающего национальные интересы, причем эти организации не привязывались бы к территориям. В-четвертых, на исторически сложившихся территориях необходимо будет гарантировать права национальных меньшинств. В-пятых, авторы программы

---

[249] *Павленко О. В.* Йиржи Коржалка: новый взгляд на процесс формирования наций в Центральной Европе // Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции. М., 1994. С. 110.

[250] *Джилас М.* Тито – мой друг и мой враг. Париж, 1982. Цит. по: *Романенко С. А.* Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств. М., 2000. С. 175.

[251] Там же. С. 178.

высказывались также против обязательного государственного языка, соглашаясь лишь – если будет специальное решение парламента – на сохранение на всей территории страны немецкого как языка межнационального общения[252].

Основные принципы этой программы, ее теоретическое обоснование и детализация были изложены также в работах ведущих теоретиков социал-демократии Карла Реннера и Отто Бауэра[253]. Две работы из ряда основополагающих были переведены на русский язык[254], изданы в Санкт-Петербурге в 1909 г. и благожелательно восприняты российскими социал-демократами. В предисловии к русскому изданию книги Реннера было сказано: «…его теория экстерриториальной национальной автономии начинает приобретать широкий кредит в заинтересованных сферах. В поисках разрешения трудной национальной проблемы мы не знаем другой сколько-нибудь достойной попытки, которая бы исходила из другого принципиального взгляда, из другой основной точки зрения. Австрийская социал-демократия – единственная партия, которая страстно ищет выхода из лабиринта острых национальных конфликтов, которая разрешение национальной проблемы поставила на очередь политического дня, все решительнее и смелее становится на эту точку зрения. В этом отношении обращает на себя внимание и новейшее исследование Otto Bauer'a, вполне принимающего точку зрения Шпрингера и лишь рельефнее подчеркивающего тесную взаимозависимость, существующую между национальными интересами, с одной стороны, и экономическими, классовыми интересами – с другой»[255]. В России с самого начала с большим вниманием следили за разработкой национального вопроса австрийскими социал-демократами. Так, еще за два года до появления русских переводов сочинений австрийских авторов вышла работа С. Г. Лозинского о борьбе вокруг национальных проблем в Австро-Венгрии[256]. Автор позитивно оценивал работу австрийских социал-демократов в этой сложнейшей области политики: «Австрийский парламент был лабораторией, в которой вырабатывалась новая форма национально-государственной жизни, и если подчас совместная работа представителей различных национальностей принимала чересчур бурный… характер, то все-таки в Австрии впервые национальная проблема была поставлена на правильную точку зрения… Являясь сторонниками сохранения Австрии, социал-демократы вместе с тем горячо отстаивают права всех входящих в состав империи народностей; удовлетворение этих прав… может иметь место лишь при национальной автономии, и принцип последней все более и более упрочивается в социал-демократической программе»[9].

---

[252] Österreichische Parteiprogramme 1868–1966 / Hrsg. K. Berchtold. Wien, 1967. S. 145.

[253] *Synopticus* (псевд. K. Renner'a. – *O. B.*) Staat und Nation. Zur österreichischen Nationalitätenfrage. Wien, 1899; *Springer R.* (псевд. K. Renner'a. – *O. B.*). Der Kampf der österreichischen Nationen um den Staat. Wien, 1902; *Renner K.* Der nationale Streit um die Ämter und die Sozialdemokratie. Wien, 1908; *Idem.* Der deutsche Arbeiter und der Nationalismus. Untersuchungen über die Grösse und Macht der deutschen Nation in Österreich und das nationale Programm der Sozialdemokratie. Wien, 1910; *Bauer O.* Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. Wien, 1907.

[254] *Бауер О.* Национальный вопрос и социал-демократия / Пер. с нем. СПб., 1909; *Шпрингер Р.* Национальная проблема (Борьба национальностей в Австрии) / Пер. с нем. СПб., 1909.

[255] *Шпрингер Р.* Указ. соч. С. XXIV.

[256] *Лозинский С. Г.* Национальный вопрос и политические партии в Австрии. М., 1907. [9]
Там же. С. 82, 89.

В самом деле, концепция «культурно-национальной автономии» предполагала равноправие всех составлявших империю национальностей, намечала пути их политического и культурного развития, так как в основу всех ее конкретных позиций было положено учение об интернационализме. На протяжении первого десятилетия XX в. и на рубеже второго она стала предметом обсуждения в европейском рабочем движении. Почти в канун мировой войны против проекта «культурно-национальной автономии» решительно выступил В. И. Ленин, который толковал «самоопределение наций» как право на самостоятельную государственность. Но эта полемика выходит за рамки данной статьи.

С началом мировой войны в воюющих странах стали явными все экономические, социальные и национальные противоречия. В Австро-Венгрии в течение первых двух военных лет удавалось при помощи чрезвычайных законов военного времени удерживать относительную политическую стабильность. Однако неудачный для Центральных держав ход военных действий, а с весны 1917 г. и влияние стремительно развивавшейся российской революции способствовали росту социального напряжения и обострению национальных противоречий в Австро-Венгрии. Существовавшая модель сохранения национального мира обнаружила свою несостоятельность. В различных слоях австрийского общества обсуждались пути выхода из создавшегося положения.

Во властных кругах приобрела известную популярность идея федерализации страны. К примеру, ее одобрял Генрих Ламмаш, последний премьер-министр Монархии, европейски известный правовед, консервативный политик[257]. Министр финансов в кабинете Ламмаша, бывший советник последнего императора Карла I, а в начале века вошедший в политику как фабианец, Йозеф Редлих также считал федерализацию необходимостью[258]. Были и другие сторонники этого взгляда на разных уровнях администрации.

В довоенное время национальный вопрос разрабатывали почти исключительно социал-демократы, с началом войны он стал предметом занятий людей самых разных убеждений. Как уже говорилось, собственно австрийцы – были ли они левых или правых взглядов – стояли за сохранение единого многонационального государства, преимущества которого считали очевидными. Поражает множество и разнообразие изданий – книг, журналов, специальных сборников, предлагавшихся читателям разных мировоззрений и степени образованности. В число авторов, писавших на эту тему, вошли многие католические исследователи, преимущественно консервативные. Их работы не предлагали конкретных планов реформ, но содержали принципиальные рассуждения на эту актуальную тему. Многонациональный состав Австро-Венгрии – единственного такого государства в Европе (кроме России, – но об этом отдельно) – свидетельствовал, по мнению большинства писавших, что монархия Габсбургов имеет особое историческое призвание.

«Австрийская проблема, – писал Фридрих Вильгельм Ферстер, – имеет провиденциальное значение для политической и религиозно-нравственной

[257] *Lammasch H.* Völkerrecht nach dem Krieg. Wien, 1917.
[258] *Redlich J.* Schicksaljahre Österreichs. 1908–1919: Politische Tagebücher. 2 Bdl. Wien, 1953–1954.

культуры всего мира… На этой почве может быть дан образцовый пример решения двух великих задач: во-первых, безусловного сохранения национальных особенностей (каждого народа. – *О. В.*) и одновременно самоотверженного целеустремленного движения к объединению национальностей более высоким организационным принципом – во-вторых. Осуществление последней задачи придает нациям новые способности, необходимые и для решения внутренних проблем» [259] . Авторы этого направления называют Австрию «всемирным государством в миниатюре», что придает ей значение парадигмы всемирной политики. Ф. Оттманн и Ф. Коблер утверждали: «Австрия, если можно так выразиться, предназначена быть зеницей ока Европы, ее лабораторией, где подготавливается будущее государство “Европа”»[260]. Католический публицист и историк культуры Рихард Кралик характеризовал «душу Австрии»: «Австрийская идея – утверждение справедливости среди различных взаимосвязанных и взаимозависимых народов. Ни одно другое большое государство не является носителем этой идеи, ни одно другое государство, кроме Австрии, не может стать идеалом международной справедливости»[261].

Серьезный вклад в дискуссию по национальному вопросу внес Игнац Зайпель, профессор-теолог, прелат, впоследствии дважды возглавлявший кабинет министров в республиканской Австрии. Его книга «Нация и государство», вышедшая в 1916 г., содержала ярко выраженный «католический» взгляд на сущность и задачи многонационального австро-венгерского государства. Пафос книги – защита многонационального государства на фоне распространяющегося и все вырастающего в Европе национализма. Зайпель выступил решительным противником отождествления понятий «нации» и «государства» и видел в однонациональном государстве опасность нарушения мирного взаимодействия с другими подобными государствами. В предисловии к книге говорилось, что разработка ясных дефиниций «нации» и «государства» актуальны для всего человеческого сообщества. Допускавшиеся до сих пор «ошибки в этой области неоспоримо составили часть причин мировой войны»[262].

Он видел три тесно взаимосвязанных стороны национальной проблемы, без изучения которых невозможно прийти к истине: «Национальный принцип и государственная идея, компромисс национальностей внутри наднационального государства, сосуществование с нациями за пределами государственных границ»[263]. В этой связи Зайпель, разумеется, подчеркивал особую роль Австрии, противопоставляя ее однонациональным государствам с их ограниченными возможностями: «Чтобы культура человечества не стала на путь понятного исторического движения, должны были быть созданы такие государства, которые образуют мосты от одной нации к другой и собирают в своем лоне многие нации, чтобы научить их понимать и любить друг друга, воспитывать друг в друге

---

[259] *Foerster F. W.* Das österreichische Problem von ethischen und staatspedagogischen Gesichtspunkte. Wien, 1916. S. 14.

[260] *Ottmann F., Kobler F.* Völkerfrühling in Österreich // Österreichische Rundschau. XLIV (1915). № 6. S. 242.

[261] *Kralik R.* Der Beruf Österreichs. Wien, 1915. S. 31.

[262] *Seipel I.* Nation und Staat. Wien; Leipzig, 1916. S. III.

[263] Ibidem.

стремление к высшим идеалам, нежели только национальные! Австрия и есть такое государство! Прежде всего, на осознании этого основан наш особый австрийский патриотизм (подчеркнуто автором. – *О. В.*)»[264]. Идейным источником этого особого «наднационального» патриотизма является, по его мнению, христианский универсализм, а Австрия и есть пример христианского государства. «Христианство радуется соединению и смешению рас»[265],– говорил Зайпель. «Выполняя эту задачу (объединения наций. – *О. В.*),– утверждал он, – Австрия наилучшим образом солидаризируется с католической церковью. И католическая церковь, и Австрия видят в национализме врага»[266].

Последовательный «австриизм» Зайпеля приводил его к противопоставлению Австрии мононациональной Германии. Неприятие различия между нацией и государством ведет, по его мнению, к национализму в крайних формах и представляет собой государственную идею «низшего порядка»[267]. Идентификация нации и государства (ошибочная, по его мнению) составляет главное в новой истории отличие Западной от Средней Европы. Признавая некоторые успехи национальных государств, он все-таки видит в них преобладание отрицательных свойств, главное из которых – утверждение своей исключительности. Это рождает тенденцию к отрицанию основных прав других наций и – еще хуже – «к ненависти между нациями»[268]. Зайпель не устает повторять, что преимущество объединенной домом Габсбургов Средней Европы заключается в возможности избежать проявления худших сторон национализма. Много страниц автор отводит определению понятия нации и истории ее изучения, опираясь на достигнутые в этой области успехи европейской мысли. Соглашаясь с тем, что людей объединяет в нацию общность языка, исторической судьбы, характера, он рассматривает территориальную общность в качестве предпосылки объединения отдельных наций в государство, что придает им более высокую степень организации и достойное будущее. Зайпель напоминает об историческом опыте Римской империи, в которой римляне, не посягая на обычаи других племен, включали их в свой культурный круг; в то же время он противопоставляет древнеримскую традицию современному империализму с его наклонностью к колониализму. Стремление современного национализма к построению мононационального государства, по мнению Зайпеля, несет в себе опасность войны всех против всех! К примеру, границы между нациями, долженствующие стать государственными, провести почти невозможно. Рассматривая в этой связи итальянские претензии к Австро-Венгрии, выдвинутые в ходе войны, Зайпель, ссылаясь на ряд исследователей этого вопроса, делает вывод, что «границы часто проводятся с учетом не национальных, а стратегических интересов»[22].

Выход книги Зайпеля «Нация и государство» стал значительным событием в идейной жизни страны. Даже социал-демократическая «Arbeiter-Zeitung» поместила

---

[264] Ibid. S. 17.
[265] Ibid. S. 43.
[266] Ibid. S. 19.
[267] Ibid. S. 45.
[268] Ibid. S. 52.
[22] Ibid. S. 15.

одобрительную рецензию. В ней отмечалось, что в ходе спора по национальному вопросу мало кто дает «столь ясное и четкое определение проблемы, так аргументированно доказывает ошибочность отождествления нации с государством. В заключение рецензии автор восклицает: «Кто написал эти прекрасные строки? Безродный человек? Социал-демократ крайнего направления? Нет, автор – католический священнослужитель (подчеркнуто автором. – *О. В.*) и профессор теологического факультета в университете Зальцбурга»[269].

Распад Австро-Венгрии был исторически предопределен; идея превосходства «наднационального» государства не была воспринята большинством современников Зайпеля. Непреходящее значение имеет, однако, его страстный протест против национализма, вырождающегося в шовинизм. И лишь почти столетие спустя, как видим, побеждает идея мирного, согласного сосуществования и сотрудничества народов среднеевропейского и других регионов континента.

Убеждение в превосходстве многонационального государства и вера в то, что Австро-Венгрия выстоит под ударами военной судьбы, были присущи и идеологам социал-демократии. На этом фланге политической жизни события развивались более динамично, но вплоть до 1918 г. ведущим проектом решения национального вопроса оставалась «культурно-национальная автономия». Многонациональное государство рассматривалось как гарантия благополучия и процветания всех составляющих его народов. Опасность, исходящую от национализма, детально рассмотрел Реннер в работе «Марксизм, война, Интернационал», вышедшей в 1917 и переизданной в начале 1918 г.[270] Он посвятил этому сюжету целый раздел книги: «Развитие национальной идеи». Рассмотрев вначале «национальный принцип» в самом общем виде, Реннер перешел к «классификации национализмов» различного типа. Он одобрял так называемый «культурный и демократический национализм» эпохи поднимающегося капитализма как средство формирования национального самосознания; критиковал «консервативный национализм» за тенденцию к «расовому фанатизму», однако при всем том называл его «оборонительным»; обнажал классовую природу «буржуазного национализма» и завершил главу книги разоблачением империализма, который «фальсифицирует и уничтожает национальную идею» [271] . Будущее Средней Европы, по мнению Реннера, принадлежит «наднациональному» государству автономных наций, организованных по федеративному принципу. Еще в первых публикациях по национальному вопросу Реннер специально уделял внимание национальным меньшинствам, заботясь о гарантии их прав. Эти гарантии он считал непременным условием решения национальных проблем многонационального государства, в котором невозможно провести точные национальные границы. В пользу многонационального государства он добавлял все новые аргументы в работе «Обновление Австрии» (1916) [272] , выдержавшей за три года два издания, и в вышедшей в 1918 г. книге «Право наций на самоопределение применительно к Австрии»[273]. В новом издании (1918) работы

[269] Цит. по: *Klempere K. von.* Ignaz Seipel: Staatsmann einer Krisenzeit. Graz, 1976. S. 60.
[270] *Renner K.* Marxismus, Krieg und Internationale. Stuttgart, 1917, 1918.
[271] Ibid. S. 139–159.
[272] *Renner K.* Österreichs Eneuerung. Politischprogrammatische Aufsätze. Wien, 1916, 1918.
[273] *Idem.* Das Selbstbestimmungsrecht der Nationen in besonderer Anwendung auf Österreich. Wien, 1918.

«Государство и нация» (самое первое выступление по национальному вопросу – 1899 г.!) он опять предостерегал от порождаемой разделенными национализмами «морали джунглей»: «Националистическая идеология заменяет правовое мышление своеобразной философией хищников, все это откровенно возвращает нас в ту пору, когда человечество находилось еще во власти законов зверей… Было бы очень грустно, если бы всемирно-историческая судьба наций свелась к вечному процессу нападения друг на друга и взаимного уничтожения, тем более что многие народы ныне вооружаются все больше и больше»[274]. Опыт тысячелетнего существования монархии Габсбургов, объединявшей всю Среднюю и часть Южной Европы, как считали идеологи «наднационального» государства, с несомненностью доказывал жизненность этой идеи, а предполагаемые реформы должны были укрепить доверие всех входящих в империю наций друг к другу. В программных документах социал-демократии 1916–1917 гг. повторялось требование «культурно-национальной автономии». В реальной жизни, однако, становились все более мощными центробежные силы.

Левые социал-демократы, как оказалось, более чутко ощущали пульс времени. 20 января 1918 г. левые австрийской, чешской и польской социал-демократии собрались на конференции, чтобы обсудить национальный вопрос. Этому предшествовало начало всеобщей политической забастовки 14 января, а 16-го в газете «Arbeiter-Zeitung» был опубликован Манифест социал-демократической партии, заканчивавшийся словами: «За скорейшее окончание войны! За мир без явных и тайных завоеваний! За мир на основе самоопределения народов!»[275] Итогом работы конференции стала «Национальная программа левых, 1918». В преамбуле была охарактеризована политическая обстановка в стране, в самой программе излагалось новое видение проблемы самоопределения наций, решительно отвергающее ее прежнее толкование. В программе было изложено ясное требование предоставления независимости всем народам: «Немецкая социалдемократическая партия как демократическая, интернациональная и революционная партия… должна признать за чешским народом право на самоопределение, она должна признать за словенцами, хорватами и сербами право на объединение в одно югославянское государство. Она должна поддержать выставленное польским народом требование права на объединение, а также и на объединение галицийских и силезских поляков с независимой Польшей»[30].

Резолюция призывала к чувству справедливости при проведении национальных границ, к уважению прав национальных меньшинств: «С другой стороны, однако, чешская, польская и югославянская социал-демократия должны бороться против всякой попытки своей буржуазии во имя свободы своей национальности поработить другие национальности. Чешская социал-демократия, безусловно, должна бороться с требованием чешской буржуазии, чтобы в чешское государство были включены немецкие области Богемии и Моравии, польские и немецкие области Силезии. Польская социал-демократия, безусловно, должна отклонить националистические притязания включения в польское государство украинских областей Восточной

[274] Цит. по: *Hannack J.* Karl Renner und seine Zeit. Wien, 1965. S. 94.
[275] Цит. по: *Бауэр О.* Австрийская революция 1918 года. М., 1925. С. 61. [30] Österreichische Parteiprogramme… S. 160.

Галиции, а также литовских и белорусских областей. Югославянская социал-демократия должна бескомпромиссно отвергнуть любой план обогащения народа за счет итальянцев, албанцев и болгар»[276]. Программа предусматривала разработку принципов взаимоотношений между будущими самостоятельными национальными государствами: сохранение существующих экономических связей между прежними областями бывшего единого государства, недопущение препятствий в деле передвижения людей и обмена товарами и т.д. Особым пунктом была записана необходимость системы межгосударственных договоров об охране прав национальных меньшинств. Здесь же содержалось требование деликатного проведения границ с учетом пожеланий приграничных общин вплоть до проведения референдумов на спорных территориях[277].

Принятие этой программы стало поворотным событием в развитии австрийской социал-демократической мысли, торжеством принципа «государственного» самоопределения наций. В то же время авторы этого документа вполне осознавали трудности на пути «нового» национального развития: все упомянутые в резолюции предостережения по части территориальных претензий (здесь названных «буржуазными») были более чем своевременными. В реальности получилось так, что территории, перечисленные в программе, и некоторые другие превратились в предмет жестких политических споров между новорожденными государствами. Споры эти заполнили весь период между двумя мировыми войнами.

Распад Австро-Венгрии, рождение на ее территории новых государств создавали также проблему «собственно австрийского» самоопределения. Австрия оказалась в самом трудном положении: без промышленности, располагавшейся в Чехии, без продовольственной базы, находившейся в Венгрии, с непомерно большой для новых масштабов страны армией чиновников, военных, аристократов. Простые люди бедствовали, возвращавшиеся после войны не находили работы. Послевоенная разруха и всеобщая неустроенность деморализовала общество: рождается и находит быстрое распространение мысль о невозможности преодолеть кризис собственными силами, о «нежизнеспособности» маленькой Австрии.

Две ведущие политические силы страны – католическая социально-христианская партия, с одной стороны, и социал-демократическая – с другой, предложили два разных варианта преодоления казавшейся роковой «мелкомасштабности». Первый план предполагал создание из бывших австро-венгерских владений, ставших суверенными государствами, Дунайской конфедерации. Достоинство этого плана заключалось в возможности быстро воссоздать хозяйственные связи земель, еще недавно составлявших единое государство, совместными усилиями преодолеть разруху и заложить основы дальнейшего развития. Это был проект последовательных «австриистов» – Ламмаша и др. Другой план исходил из возможности для маленькой Австрии поправить свои дела, присоединившись к Германии. Это было бы совсем не просто, поскольку Австрия никогда не была частью единого германского государства, но некоторые обстоятельства могли бы способствовать успеху задуманного. Первое – многовековая общая история; второе

[276] Ibid. S. 161.
[277] Ibid. S. 162.

– предполагавшийся левыми дальнейший подъем классовой борьбы и, подобно 1848 г., объединение в революционном порыве всех немецких земель. (Забегая вперед, заметим, что оба предложенных австрийцами плана были отвергнуты победившей Антантой.)

Социал-демократы, левые в том числе, понимали австрийское самоопределение прежде всего как право присоединиться к Германии. В уже упоминавшейся программе левых по национальному вопросу было записано: «Славянские и романские народы Австро-Венгрии придут к собственной государственности; именно поэтому из состава австро-венгерских народов выделится Немецкая Австрия в качестве самостоятельного организма. Как только она возникнет, она сама упорядочит свои отношения с Германией, исходя из собственных потребностей и своей воли»[278]. На протяжении 1918 г. события стремительно развивались. Распад империи становился фактом, и 3 октября 1918 г. социал-демократический съезд уполномоченных представителей принял постановление: «Представители немецко-австрийского рабочего класса признают право на самоопределение славянских и романских народов Австрии и требуют такого же права для немецкого народа Австрии. Мы признаем право славянских народов на образование ими собственных национальных государств, но мы безусловно и навсегда отказываемся от подчинения этим национальным государствам немецких областей. Мы требуем объединения всех немецких областей Австрии в единое немецкоавстрийское государство, которое должно определить свое отношение к другим народам Австрии, а также к Германии в соответствии с собственными своими потребностями»[279]. По-видимому, даже австрийские социал-демократы не верили в способность новых национальных государств гарантировать права меньшинств.

Отто Бауэр, возвращаясь к событиям этих дней, писал: «В течение октября идея об объявлении Немецкой Австрии республикой тесно сплелась с идеей включения ее в состав Германии. Эта последняя мысль была высказана сперва в программе «левых» по национальному вопросу. Как только создалась революционная ситуация, которую мы считали благоприятной для проведения нашей национальной программы, мы начали ее пропаганду. Уже 13 октября я начал печатать в «Arbeiter-Zeitung» серию статей, в которых поставил на повестку дня вопрос о включении Австрии в состав Германии. Эта мысль вскоре получила чрезвычайно большое распространение» [280] . Сам Бауэр, как известно, в знак протеста против сенжерменского запрета на аншлюс, оставил пост министра иностранных дел республиканского правительства. В согласии с партийной программой он пропагандировал аншлюс до прихода германских нацистов к власти. Еще в 1923 г. он писал в своей книге: «Стало ясно, что после заключения мира объединение с Германией снято с повестки дня, что оно может служить лишь политическим идеалом, осуществление которого сделает возможным лишь коренное изменение в соотношении сил в Европе»[281]. Судьба Бауэра трагична: он дожил до аншлюса – только гитлеровского – и умер меньше чем через полгода в парижской эмиграции.

---

[278] Ibid. S. 161.

[279] *Бауэр О.* Австрийская революция... С. 72.

[280] Там же. С. 98.

[281] Там же. С. 229.

Одобрение идеи аншлюса в Австрии 1918–1919 гг. не было абсолютным. Многие люди, преимущественно деятели культуры, оставались «австриистами». Левокатолический публицист Курт Скальник вспоминал 70 лет спустя: «Аншлюс. Другими словами – самоубийство от страха смерти»[282]. Рихард фон Шаукаль, поэт и эссеист, веривший в создание мира «без национализмов», называл идею аншлюса «конструкцией, чуждой истории и реальности»[283]. Классик австрийской литературы Хуго фон Гофмансталь писал в частном письме в 1918 г.:
«Если случится аншлюс, я стану швейцарцем»[284].

Государственная самостоятельность Австрии была определена внешними обстоятельствами. 1918 г. стал последним рубежом (вслед за 1804–1806 и 1866– 1870 гг.) «отторжения» Австрии от общегерманской истории. Уже в 20-х гг. появилось много высказываний, свидетельствовавших, как говорит один из ведущих современных историков Австрии Геральд Штурц, о «специфически австрийской саморефлексии»[285]. Межвоенная и послевоенная общественно-политическая мысль Австрии отныне занялась обсуждением проблемы формирования самостоятельной австрийской нации, и это уже отдельная тема.

[282] *Weinzierl E., Skalnik K.* Österreich 1918–1938. Geschichte der Ersten Republik. Bd. I. Graz; Wien, 1983. S. 13.
[283] *Schaukal R. von.* Deutsches Volkstum gegen deutsche Doktrin // Das Gewissen. Wien, 1919. № 4. S. 22.
[284] *Hofmannsthal H. von.* Österreichische Aufsätze und Reden. Wien, 1924. S. 150.
[285] Was heißt Österreich? Inhalt und Umfang des Österreichbegriffs von 10. Jahrhundert bis heute. Wien, 1995. S. 301.

Л. Хёбельт

Австрийские пангерманцы в мировой войне: (анти)империалисты, «среднеевропейцы» или немецко-богемские «партикуляристы»?

Первая мировая война обострила национальные противоречия в АвстроВенгрии. Речь идет не только о целях войны и связанной с этим пропаганде, но и о расширении взрывоопасной деятельности государства, которое постоянно способствовало возникновению множества разногласий. В многонациональном государстве власть всегда воспринималась как чуждая институция. Ее терпели, пока политика оставалась своеобразным «спортом» элит, делом студентов, чиновников и адвокатов, распределявшихся по должностям.

Как только в «тотальной» войне речь пошла о выживании, об отправлении на фронт и снабжении продовольствием, об инфляции и реквизициях, изречение Карла Реннера, сказавшего однажды, что монархия есть «тирания, смягченная расхлябанностью», превратилось в свою противоположность. От системы, которая выступала как авторитарная, ожидали, что она, по крайней мере, работоспособна.

С другой стороны, оживились поиски перспектив будущего. Монархия существовала на основе обязательной силы фактов. Ни одна из ее национальностей (или их элит) вовсе не отвергала идею национального государства по западному образцу. В 1848 г. много говорилось о разделении Монархии на территории ее народов; но все революции «эпохи штурма» – в Праге, Вене или Львове, да и в Венеции и в Венгрии – потерпели поражение. Все тайные заговоры с той поры были забыты. Между романтическими мечтами молодых националистов, организованных в многочисленные спортивные союзы, и реальностью политической повседневности было мало связи. Во всяком случае, отсюда происходила, нарастая со временем, одна из форм многажды осмеянной политической шизофрении.

Война изменила эту статичную картину: стало ясно, что, независимо от исхода войны, мир не будет прежним. В то время как другие дискутировали о целях войны, имея в виду аннексии или стремление к мировому господству, в Австро-Венгрии вопрос стоял прежде всего о «внутренних целях войны», об использовании международной конъюнктуры для национального соперничества внутри Монархии. Вопрос заключался не в том, распрощался ли внутренне – и когда – тот или другой народ с Монархией. Не было никакого голосования, не было плебисцита и никакого ясного решения за или против. Политика есть искусство возможного. Решающий момент проявился в том, что многое из того, что еще совсем недавно было невозможным или казалось фантастичным, вдруг приобрело некую реальность в связи с предполагаемым исходом войны.

Тайный ирредентизм, кокетство с идеей отделения и освобождения от «корсета габсбургской бюрократии» считалось преимущественным правом тех, кто был лишен привилегий, – этнических групп, которые не принадлежали к сиятельному кругу так называемых «исторических» наций, – югославов и чехословаков, румын и

русинов (украинцев). Однако война и ее динамика привели в беспокойное движение и мнимые «господствующие народы». Перед носом поляков держали кнут военного управления и пряник восстановления единства польских земель согласно австро-польскому проекту решения вопроса. Венгрия была обеспечена лучше, чем австрийская половина Монархии, Цислейтания, но предчувствовала угрозу своей паритетной позиции в планах различных реформ. Наконец, война породила и у немцев, которые считались «цементом империи», ожидания и надежды, таившие в себе некую взрывную силу.

До 1866 г., пока Австрия защищала свою первенствующую роль в Германском Союзе, все истинные патриоты были великогерманцами[286]. Но с 1870–1871 гг., со времени, когда немецкое единство стало возможным только под эгидой Гогенцоллернов, немецкое национальное чувство потенциально приобрело такой же разрушительный характер, как и все другие. Немцы в Австрии отныне встали перед дилеммой: они хотели сохранить свое преимущественное положение в Австрии, но одновременно стремились поддерживать связи со своими соплеменниками по другую сторону границы. Как только это стремление обнаружилось слишком явно, их стали упрекать в том, что они подвержены «прусской заразе» и заглядывают в ту сторону поверх пограничных столбов. Между двумя фронтами «культуркампфа», католической и национально-либеральной партиями, возник спор относительно позиции «только немцев» или «тоже немцев»[287].

Этот спор о приоритете политических лояльностей был, разумеется, не только академическим – хотя и тогда, и нынче он ожесточенно дискутировался в академических кругах, – но приобрел очень большое значение в практической жизни. Ирредентизм мог бы всегда вновь найти отклик в Италии, движение же за аншлюс не нашло поддержки в Германском рейхе. Эта ситуация была удачно определена изречением Макса Вебера, сказавшего, будто Бисмарк оставил за дверью 10 млн немцев, чтобы связать и нейтрализовать 30 млн не-немцев. Большая часть немцев подчинилась этой логике[288]. И все же союз обеих империй, Двойственный союз 1879 г., может быть, и был в государственно-правовом смысле «нечленораздельным», представлял собой в известной степени «сплоченный и широкий» союз, о котором шла речь уже во Франкфуртском парламенте 1848–1849 гг.[289]

Двойственный союз был заключен в один из невралгических моментов. Именно в 1879 г. немецкое большинство в рейхсрате, парламенте австрийской половины империи, было утрачено. Либеральное правительство было заменено кабинетом графа Эдуарда Тааффе, который неоднократно опирался на славянские группировки.

---

[286] Нюансы современных дефиниций, к сожалению, часто утрачиваются при переводе: так, великогерманцы, немецкие националисты и пангерманцы переводятся на английский язык без всякого различия как «пангерманцы».

[287] Католический политик Альфред Эбенхох обратил внимание либералов на то, что католики «тоже немцы». Это выражение было обращено его противниками против него же. Они характеризовали его образ мыслей как недостаточно национальный.

[288] *Steinwender O.* Die nationalen Aufgaben der Deutschen in Österreich. Wien, 1885. S. 13.

[289] Один представитель левых так характеризовал тогда веберовскую интерпретацию младогерманского решения вопроса: «Гагерн – государственный муж, мудрец / Он мечтает о бранденбургском императоре / Оставляет девять миллионов немцев / Под славянским кнутом». См.: *Höbelt L.* 1848. Österreich und die deutsche Revolution. Wien, 1998. S. 246.

Не в последнюю очередь реакцией на это было зарождение в национально-либеральном политическом спектре четко выраженного немецко-национального течения. Оно носило на себе явный отпечаток идей среднего сословия и начало теснить доминировавших прежде либералов. Свои перспективные цели немецкие националисты выразили в Линцской программе 1882 г. Они полагали, что конституция 1867 г. должна быть модифицирована, Галицию и Далмацию необходимо вывести из Цислейтании, чтобы вновь обеспечить в ней немецкое большинство. Кроме того, остальные области, прежде принадлежавшие к Германскому Союзу (включая и те, которые населяли по преимуществу чехи и словенцы!), по их убеждению, следовало вновь привести к союзным или государственно-правовым отношениям с Германским рейхом.

Один из авторов Линцской программы, Георг фон Шенерер, в последующие годы еще более решительно критиковал Монархию. Небольшая группа его сторонников, вскоре названных пангерманцами, кокетничала с идеей присоединения к империи Гогенцоллернов. Подобное решение, которое означало бы сдачу немецких позиций на Востоке, не вызвало никакого интереса в руководящих кругах империи. Пангерманцы приобрели некоторое значение как распространители протеста лишь тогда, когда правительство слишком часто стало «говорить по-славянски»: управлять стала чешская сторона. Это касалось прежде всего «богемских немцев», особенно немецкой Чехии, где пангерманцы завоевали большинство мандатов после «кризиса Бадени» (1897–1899)[290]. Но именно сторонники Шенерера из чешских немцев отделились от него уже в 1902 г. и под руководством Карла Германа Вольфа создали так называемую Свободную пангерманскую партию, позже часто именовавшуюся «немецкой радикальной».

Конфликт между Шенерером и Вольфом получил дальнейшее развитие – партия Вольфа открылась «мейнстриму», размежевание с другими немецко-национальными и либеральными группами (уже тогда часто обозначавшимися общим определением «свободные») становилось все более расплывчатым. В связи с введением в 1906–1907 гг. всеобщего избирательного права немецкие радикалы превратились в немецкой Чехии в буржуазную партию без особых примет, подобно социальным христианам Карла Люегера в Вене. Сходство с Люегером заключалось еще и в том, что Вольф увлек за собой аграриев немецкой Чехии точно так же, как Люегер крестьян альпийских областей. Немецкие радикалы имели в рейхсрате в 1914 г. более двадцати с лишним депутатов, что как раз составляло одну десятую немецких мандатов, но не было и двадцатой частью палаты. Тем не менее «вольфианцы» обеспечили себе влиятельные позиции в рейхсрате: в союзе с аграриями они составили большинство в Национальном союзе свободных немецких депутатов (95 мест). Национальный союз, в свою очередь, представлял собой сильнейшую группировку среди немцев (всего 232 места); все немцы были крупнейшей национальной группой в рейхсрате (516 мест)[291].

---

[290] Об этом см. подробно: *Ратнер Н. Д.* Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX в. М., 1970. С. 87–120.

[291] *Höbelt L.* Kornblume und Kaiseradler: Die deutschfreiheitlichen Parteien Altösterreichs 1882–1918. Wien, 1993. S. 194–197, 274.

Шенерер, напротив, все больше превращался в сектанта. В парламенте его пангерманцы с их резкой критикой Монархии в 1914 г. составляли маленькую крайнюю группу из четырех депутатов[292]. Они не сближались с Национальным союзом, в 1907 г. выказывали расположение к украинской фракции в рейхсрате и в 1911 г. заключили предвыборный союз с социал-демократами. Шенерер и его газеты отзывались презрительно о «немцах из правительства», об «извращенности государственно-немецких старцев»[293]. В противоположность Пангерманскому союзу в вильгельмовской Германской империи, австрийские пангерманцы были антиимпериалистами, желавшими освободиться от других национальностей в Восточной и Юго-Восточной Европе. Они обрушивались на «клерикальную» политику в отношении Балкан и «черно-желтое подстрекательство к войне»[294]. Один из них, Франко Штейн, произвел фурор, откровенно высказавшись в парламенте: «Мы надеемся на освобождение в связи с распадом этого государства, который произойдет естественным путем»[295].

С началом мировой войны немецко-национальный политический спектр распался на три совершенно различные группы: наряду с пангерманскими сектантами в Чехии сложилось, вместе с «немецкими радикалами» Вольфа, особое региональное направление, которое незадолго перед этим сблизилось с истеблишментом и даже надеялось получить министерские почести на имперском уровне. Но, сверх того, появилось еще одно широкое направление в общественной жизни, которое напомнило о времени Линцской программы с тем, чтобы при помощи государственно-правовых реформ защитить позиции немцев в Австрии. К этому направлению в первые годы войны принадлежали многие либеральноконсервативные персоны, в том числе высшие чиновники и аристократы, прежде находившиеся на противоположном, «черно-желтом» фланге национальнолиберального лагеря.

Пангерманцы усматривали, как они утверждали, «непримиримое противоречие» между австрийским имперским мышлением и немецким национальным самосознанием. Начало войны сделало это различие слабым; оно утонуло в ура-патриотизме. Пангерманские авторы были очень горды тем, что «до последнего мгновения и до пределов, допустимых законом, выступали против войны»[296]. Это утверждение было вполне обоснованным; ведь даже в июле 1914 г. «Пангерманская ежедневная газета» писала: «Мы должны вдолбить в каждую немецкую голову тезис, что будущее Германской империи – не в конфликте, а в союзе с Россией»[297]. И даже в день объявления Австрией войны там можно было прочесть:

---

[292] Здесь следует отметить особенность регионального развития; три из четырех избирательных округов находились в Эгерланде, который исстари занимал в Чехии особое место.

[293] Alldeutsches Tagblatt. 1913. 8. Aug.

[294] Alldeutsches Tagblatt. 1913. 26. Juli. Двойственный Союз характеризовался «таким внутренним соотношением сил, что славянскому государству Австрии была отведена роль ширмы для возможности уничтожения немцев Восточной марки» (Ibid. 13. Juli).

[295] PAAA. Österreich 91/12. 15.5.1906.

[296] Alldeutsches Tagblatt. 1917. 25. Aug.

[297] Alldeutsches Tagblatt. 1914. 2. Juli. Передовая статья Виктора Цайдлера.

«Непременный долг всех истинно свободных немецких мужчин — открыто сказать, что они не присоединяются к этим воинственным крикам»[298].

Результат получился весьма парадоксальным: мировая война лишила пангерманское движение Шенерера права на существование. Издание «Пангерманской ежедневной газеты» было прекращено осенью 1914 г.; три из четырех пангерманских депутатов между 1915 и 1917 гг. присоединились к «правительственному немецкому» Национальному союзу. Один, будучи 60 лет, пошел на фронт добровольцем и вскоре оказался в Перемышле в русском плену[299]. Зато во время войны вновь нашли отклик первоначальные идеи Шенерера и Линцской программы о «неизменной тесной связи» между двумя империями.

Диалектика войны проявилась и во внутриполитической жизни: в первой ее фазе в пылу военного восторга она соединила всех в общем порыве, уничтожила существовавшие противоречия; зато во второй фазе открылись новые, до тех пор скрытые линии разлома. Исчезли фронты между мировоззренческими лагерями, прежде всего, ушла на задний план борьба между либералами и клерикалами. Зато ужесточились экономические (и национальные) конфликты вокруг вопросов распределения. Надпартийное «движение средних слоев» обратилось против организованного капитализма «центральных ведомств» и крупных банков с его парагосударственным аппаратом управления хозяйством; немецкое население городов требовало усиления продовольственных реквизиций, что в централистском смысле было направлено против венгров и чехов. Даже такой абсолютный конформист, как христианско-социальный бургомистр Вены Рихард Вайскирхнер, уже в 1916 г. философски изрек: «Угрозу массового гнева можно предотвратить лишь в том случае, если возглавить движение»[300].

Что касалось отношения к Германской империи, то диалектика войны проявилась здесь, как и во всем. Для правящих элит были явными потери от трений внутри коалиционного военного командования: император Франц Иосиф обижался на берлинских дипломатов, которые настоятельно просили его уйти из итальянских областей [301]. Начальник Генерального штаба Конрад фон Гетцендорф неистовствовал: пруссаки-де «заработали, чтобы казаки пришли в Берлин», и писал о предстоящей аудиенции у кайзера Вильгельма II: «Я пойду для того, чтобы по-буддистски выразить десятую степень самоотречения»[302]. Юный наследник престола Карл иронизировал насчет «блестящей победы немцев ради краха Австрии» [303].

---

[298] Alldeutsches Tagblatt. 1914. 28. Juli.

[299] *Höbelt L.* Hochverräter aus Größenwahn oder Don Quixote von der Weinstraße? Vinzenz Malik – ein «Original» der altösterreichischen Politik // Zeitschrift des historischen Vereins für Steiermark. Jahrgang 93. Graz, 2002. S. 255–277.

[300] *Redlich J.* Schicksalsjahre Österreichs: Das politische Tagebuch / Hrsg. F. Fellner. Bd. II. Graz; Köln, 1954. S. 128. 12.7.1916.

[301] Kriegsarchiv Wien (далее – KA). B/16. Tagebuch Marterer. 18.1.1915, 5.5.1915.

[302] KA. B/15.2. Abschriften der Tagebücher Rudolf Kundmanns. 15.4.1915 bzw. Beilage zum 12.5.1915. Письмо Конрада фон Гётцендорфа начальнику военной канцелярии императора генералу Артуру фон Больфрасу.

[303] *Kovacs E.* Untergang oder Rettung der Donaumonarchie? Die Österreichische Frage: Kaiser und König Karl I. (IV.) und die Neuordnung Mitteleuropas. Wien, 2004. S. 173. О враждебном в отношении немцев высказывании Карла см. также: Steiermärkisches Landesarchiv. Archiv Herberstein. 65/1. F. 114 (27.11.1914), 123 (2.12.1914).

Потому неудивительно, что его министр Йозеф Мария Баернрайтер жаловался на «слепую, глупую ненависть к немцам в военных и аристократических кругах»[304].

Вместе с тем стало популярным восхищение «старшим братом». Австрийский писатель-сатирик Карл Краус в своей драме «Последние дни человечества» вкладывает в уста одного из героев такие слова: «Посмотрите, господа, вы можете сказать, все, что хотите, против германцев, но одно вы должны за ними признать – у них есть организация»[305]. Германские офицеры руководствовались девизом «беречь человеческий материал», – никакого сравнения с «кровопролитной храбростью» австрийцев, которым один пленный русский сделал сомнительный комплимент: «Совсем так же как мы не раз атаковали японцев»[306]. Перед концом войны появилась надежда на поставку продовольствия из Баварии или Саксонии, раздался призыв к «общей продовольственной диктатуре Центральных держав»[307].

На этом фоне возродилась Линцская программа. Пангерманский ирредентизм умер; прежние пангерманцы вошли в «мейнстрим», который воспринял их тезисы. Уже 23 августа 1914 г. Густав Гросс в качестве председателя Национального союза начал дискуссию о том, как конституционно укрепить Двойственный союз, учредив своеобразный Совет земель и таможенный парламент [308]. Эти дебаты о государственно-правовой связи Австрии и Германского рейха велись под лозунгом «Срединной Европы»[309]. Свою известнейшую публицистическую формулировку он нашел в одноименной книге Фридриха Наумана, появившейся осенью 1915 г. Название попало в самую точку, так как обещало обратить в позитив обусловленную войной изоляцию Центральных держав.

С конкретными предложениями Наумана его австро-немецкие собеседники, разумеется, не всегда были согласны; например, когда он рекомендовал искать взаимопонимания с чехами, которые «ныне составляют часть Срединной Европы»[310]. Один пангерманец отмечал, негодуя: «Посол Чиршки в Вене зорко и педантично следит за тем, чтобы в адрес любых австрийских славян в австрийской и германской прессе не употреблялись даже незначительные оскорбительные выражения»[311]. Другой депутат из подобных наблюдений сделал логический вывод:

---

[304] HHStA. Nl. Baernreither. Tagebuch. Bd. XVIII. F. 122.

[305] *Kraus K.* Die letzten Tage der Menschheit. Frankfurt/M., 1996. S. 73.

[306] *Höbelt L.* «So wie wir haben nicht einmal die Japaner angegriffen»: Österreich-Ungarns Nordfront 1914/15. // Die vergessene Front: Der Osten 1914/15 / Hrsg. G. Groß. Paderborn, 2006. S. 98, 105, Anm. 78; *Schneider C.* Die Kriegserinnerungen 1914–1919. Wien, 2003. S. 116, 351. См. также: Steiermärkisches Landesarchiv. Archiv Herberstein. 64/4. F. 275. 25.9.1915. «Теперь мы выступаем под германским командованием; это мы с друзьями приветствуем, поскольку уверены, что будем продвигаться спокойно и систематично, устремляясь вперед не бессмысленно и имея резервы».

[307] Politische Tagebücher. 1918. 14. Sept.

[308] HHStA. Nl. Gross 4. Циркуляры от 23.8.1914. Гросс при этом еще исходил из того, что Венгрия не будет принимать участия в такой «Срединной Европе». Следовательно, Цислейтания могла бы представлять собой срез двух империй. См.: *Höbelt L.* Kornblume… S. 313f.

[309] О различных трактовках этого лозунга представителями политической и интеллектуальной элиты Германии см. подробно в статьях С. С. Трояна и Г. М. Садовой во втором томе данной книги.

[310] Ср. исследование: *Müller A.* Zwischen Annäherung und Abgrenzung: Österreich-Ungarn und die Diskussion um Mitteleuropa im ersten Weltkrieg. Marburg, 2001. Оно обобщает и вышедшую до той поры научную литературу по данному вопросу.

[311] Allgemeines Verwaltungsarchiv Wien (далее – AVA). Nl. Pichl 36. Iro 12.1.1915; *Müller A.* Op. cit. P. 142f, 149, 152, 154f.

«Для немцев Австрии является жизненным вопросом приобретение влияния на германское имперское правительство»[312].

Двуединая монархия держалась на неустойчивом равновесии между ее половинами и коронными землями. Приращение (или потеря!) территорий могли, даже должны были привести к изменениям конституционной конструкции[313]. Внутренние и внешние цели войны обусловливали друг друга. Дискуссия обострилась вокруг австро-польского решения и связанных с ним последующих действий: Польша должна была вновь воссоединиться под эгидой Габсбургов, предполагавшееся отделение Галиции было проявлением заботы о немецком большинстве в Цислейтании – совсем как было записано в Линцской программе. В Вене шутили: «Кто проиграет, тот получит Галицию»[314]. И все же: если Польша в результате займет позицию «третьей половины империи», тогда возникнут не только арифметические проблемы. Не попадет ли в таком случае Цислейтания, в которой преобладают немцы, в подчиненное положение перед двумя другими, доминирующими «половинами империи»? Останется ли тогда монархия Габсбургов надежным союзником? Германский канцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег выразил свое сомнение вопросом: «Сможет ли Австрия «переварить» Польшу?»[315] Поэтому в Германии стала привлекательной мысль о слиянии воедино Габсбургской монархии и Германской империи в нерасторжимый Среднеевропейский блок, но не в качестве немецкого национального государства, а как имперский концепт, как новое издание «империи 70 миллионов» 1848 г., которая тем временем выросла до 120 млн человек, а с Польшей составила бы почти 140 млн человек. Разумеется, при этом имперский центр находился бы в Берлине, а отнюдь не в Вене.

Однако проблема коренилась в деталях, поскольку в денежных делах дружба кончается. Полный таможенный союз нанес бы ущерб австрийской индустрии и прусским аграриям. В Австро-Венгрии рассчитывали прежде всего – если описывать события, не прибегая к эвфемизмам, – на «восстановление валюты при взаимной поддержке». Одна памятная записка уже в заглавии содержала наводящий вопрос: «Желательно ли экономическое сближение с Германским рейхом? Нет, это не только желательно, это необходимо»[316]. В пользу такого сближения приводил доводы и бывший министр иностранных дел граф Леопольд Берхтольд: «Именно потому, что Германский рейх превосходит нас, следует его привлекать к нам, а не удивлять, причем не всегда приятно»[317].

Проект «Срединной Европы» в той форме, которую форсировал в 1915–1916 гг. и Бетман-Гольвег, сводился к экономическим уступкам рейха взамен на возможности политического контроля[318]. Для австрийских немцев, руководящих государством, – но, вероятно, не династии, – в целом это было приемлемо. Ведь они полагали, что влияние Германского рейха приведет к положительным для них

---

[312] HHStA. Nl. Gross 4. F. 140. Eingabe des deutschen Volksrates für Mähren.
[313] HHStA. Nl. Gross 4. Beurle 16.9.1914.
[314] *Redlich J.* Op. cit. S. 7. 8.1.1915.
[315] HHStA. Nl. Berchtold 5. Tagebuch 14.4.1916. Вебер еще более заострил формулировку: «Из-за предложения уступить австрийцам Польшу Бетман может оказаться на фонаре».
[316] AVA. Nl. Max Wladimir Beck 38. Beilage zur Korrespondenz mit Szterenyi; *Müller A.* Op. cit. S. 253.
[317] HHStA. Nl. Berchtold 5. Tagebuch. 26.6.1916.
[318] *Shanafelt G.* The Secret Enemy: Austria-Hungary and the German Alliance 1914–1918. N.Y., 1985. P. 77–79.

результатам. Зато «фактические плательщики» рейха не выказывали достаточного восторга. Пангерманский союз в Германском рейхе разделял этот скепсис и принял в 1918 г. резолюции против любой «далекоидущей общности с Австрией»[319]. Как и в 1848 г., так и теперь бóльшая часть немецкой общественности предпочитала не обременять себя проблемами «отсталого» многонационального государства.

В Венгрии концепцию «Срединной Европы» обсуждали открыто: премьерминистр Иштван Тиса был против, его соперник Дюла Андраши-младший – за[320]. В Австрии политическая дискуссия годами проводилась в «задних комнатах». Австрия – с 1915 г. она даже официально называлась Цислейтанией – являлась единственной страной, которая вступила в войну без действующего парламента. Рейхсрат не собирался с марта 1914 до мая 1917 г.; здание парламента даже было превращено в госпиталь [321] . Без соответствующего форума парламентарии подвергались опасности быть обойденными самоназначенными органами «гражданского общества» при формировании общественного мнения. Немецко-национальные объединения, организованные в так называемые «народные советы», представили в 1916 г. в «Пасхальном послании пожеланий» большой перечень требований. Это создало сложную ситуацию: там отвергалось австро-польское решение, но содержался призыв ввести в Галиции на продолжительное время военное управление, а наряду с этим помочь созданию независимого украинского государства[322]. Национальный союз, напротив, разработал вместе с Христианско-социальной партией свою программу переустройства Австрии. Она предполагала прежде всего осуществление их довоенных требований: немецкий государственный язык и автономия для немецкой Богемии. Особая позиция Галиции в рамках австро-польского решения казалась подходящим рычагом для осуществления их требований.

Но Национальный союз раскололся по тактическому вопросу: должен ли быть вновь созван рейхсрат? Премьер-министр граф Карл Штюргк был против. Как и все политики, рассчитывавшие на краткосрочную войну, он придерживался девиза: спокойствие – первейший гражданский долг. Реформы же, по его убеждению, служат лишь причиной споров. Поэтому следует подождать до конца войны. Между тем, с целью поддержания спокойствия в тылу, премьер раздавал всем бодрые обещания. Если бы рейхсрат собрался, все эти необеспеченные векселя были бы предъявлены. В то же время возрастала тяжесть проблем: множество критиков – из военных, из членов палаты господ рейхсрата, из дискуссионных кружков буржуазных реформаторов – все громче требовали созыва парламента или же отставки правительства.

Штюргк не скрывал своего скептического отношения к энтузиастам «Срединной Европы»; он также был против ареста руководителя чешской партии Карела

---

[319] HHStA. Nl. Baernreither. Tagebuch. Bd. XIX. F. 48 (20.5.1918); *Müller A.* Op. cit. S. 140f, 203, 247f. См. также: *Tokody G.* Ausztria-Magyarország a pángerman szövetség (Alldeutsches Verband) világuralmi terveiben (1890−1918). Budapest, 1963.

[320] HHStA. Nl. Berchtold 5. Tagebuch. 4.1.1916, 26.3.1916; *Müller A.* Op. cit. S. 240. См. также статью И. Бертени-мл. в данной книге.

[321] Politische Tagebücher. 1916. 31. Okt.; *Redlich J.* Op. cit. S. 132. 27.7.1916.

[322] HHStA. Nl. Gross 4. F. 542−555. Osterbegehrschrift. Против украинского государства выступили немцы из Буковины (Ibid. F. 526. Keschmann 26.3.1916).

Крамаржа[323], – все это по согласованию со своим императором. Но поддерживал Штюргка до конца и его систему даже после его гибели не кто иной, как Карл Герман Вольф и немецкие радикалы[324]. Язвительное пророчество бывших пангерманцев как «немцев из правительства» было убедительно подтверждено. Вольф не хотел созыва парламента до тех пор, пока поляки не будут окончательно отделены и не состоится фактическое разделение Богемии на немецкие и чешские округа. Он делал ставку на октроирование, на «государственный удар сверху». Идея окружного управления содержательно была возвращением к концепциям 1848–1849 гг., к конституционному проекту, выработанному тогда австрийским рейхстагом в Кромержиже (Кремзире). В свое время Франтишек Палацкий и чехи согласились с этим проектом, правда, потому, что автономия немцев в Чехии должна была быть уравновешена автономией словаков в Венгрии[40]. Во время же мировой войны на позитивные положения, содержащиеся в

[323] Об этом см. подробнее в статье Т. Готовской-Хенце в данной книге.
[324] *Redlich J.* Op. cit. S. 95. 20.1.1916; S. 132. 27.7.1916; *Höbelt L.* Kornblume… S. 334–339.

Но для современников конъюнктура 1917 г. представлялась иначе, а именно в благоприятном для Четверного союза свете. С Октябрьской революцией, если не раньше, война на два фронта была на исходе. Была ли абсурдной возрожденная немецкими националистами надежда на «победный мир»? В вечерних сумерках монархий прежние оппозиционеры выказали себя большими католиками, чем римский папа. Они делали ставку на «стратегию стойкости», точно так же, как и кадеты в России, и, подобно кадетам, немецкие радикалы поставили не на ту лошадь. Внутриполитический спор усилился во время мирных переговоров в Брест-Литовске в 1917–1918 гг. Социал-демократы присоединились к призыву заключить «мир без аннексий и контрибуций». Немецкие радикалы агитировали против «мира, связанного с отказом от чего бы то ни было». (Это свидетельствует о параллели с основателями «партии Отечества» в Германском рейхе[325], но прямых связей между ними очень мало.) Противоречие, связанное с событиями в Бресте, было ликвидировано при помощи избирательного введения в действие многокрасочной формулы «право народов на самоопределение». Еще до заключения мира с Россией Центральные державы признали независимость Украины. Этот так называемый «хлебный мир» вызвал противоречивую реакцию. Поляки были возмущены уступкой Холмщины, немцы же надеялись покончить с голодом благодаря поставкам зерна с Украины. Поезд, в котором возвращался из Бреста министр иностранных дел граф Оттокар Чернин, в Польше будто бы забросали грязью, в то же время от Люнденбурга (Бржецлава), крупного железнодорожного узла на границе Чешских земель и Нижней Австрии, его сопровождали овациями[326]. Как только поляки отказались безусловно поддерживать правительство, оно сделало в парламенте ставку на поддержку социал-демократов. Немецкие радикалы, с другой стороны, грозили переходом в оппозицию. Правительство нуждалось и в тех, и в других – и поэтому лавировало[327].

Несколькими неделями позже, в апреле 1918 г., вскрылась афера Сикста Бурбон-Пармского. Немецкая общественность была возмущена тайными «мирными контактами» императора Карла с Францией. Чернин не защищал своего императора, представляя себя в качестве поборника «немецкого курса». Один наблюдатель писал: «Никогда еще ни один государственный деятель не был так популярен, как Чернин, даже Люегер в свои лучшие времена»[328]. В рейхсрате разразилась буря против императора и премьер-министра Эрнста фон Зайдлера. Как и при Штюргке, немецкие радикалы предложили им свою помощь. Карл Герман Вольф и восходящая «звезда» немецких радикалов Оскар Тейфель пытались использовать внешнеполитические неудачи династии для получения внутриполитических дивидендов. Предстояло вступление в силу административного распоряжения по

---

[325] Fürstlich Fürstenbergisches Archiv Donaueschingen. Max Egon. Mappe Politik 1917/18, Titta 26.11.1917; Politische Tagebücher. 1918. 10. Jän. О «партии Отечества» см.: *Hagenlücke H.* Deutsche Vaterlandspartei: Die nationale Rechte am Ende des Kaiserreiches. Düsseldorf, 1997. Ведель писал перед концом войны: «…пангерманская и «отечественно-партийная» шайка представляет собой опасный нарыв на нашем народном теле» (PAAA. Nl. Brockdorff-Rantzau 2/3. 27.8.1918).

[326] HHStA. Nl. Baernreither. Tagebuch. Bd. XVIII. F. 131; *Bihl W.* Österreich-Ungarn und die Friedensschlüsse von Brest-Litovsk. Wien, 1970.

[327] *Höbelt L.* Late Imperial Paradoxes: Old Austria's Last Parliament 1917–1918 // Parliament, Estates & Representation. 1996. Vol. 16. P. 207–216.

[328] HHStA. Nl. Baernreither. Tagebuch. Bd. XIX. F. 26. См. также: *Griesser-Pecař T.* Die Mission Sixtus. Wien, 1988.

Богемии, должна была быть гарантирована автономия для богемских немцев; в то же время для югославян и украинцев она не предусматривалась. Карл Герман Вольф торжествовал: «Нынче ветер дует в нашу сторону»[329]. Но едва только на этом пути были сделаны первые шаги, ветер вновь переменился. В июле 1918 г. военное поражение Четверного союза стало явным. Таким образом, все соглашения императорского правительства, краткосрочные или долгосрочные, стали недействительными. Кабинет Зайдлера пал (и Тейфель вместе с ним); но и преемники Зайдлера не смогли удержать Монархию от распада[330].

С провозглашением Австрийской Республики державшиеся в тени приверженцы Шенерера, которые в годы войны благоразумно молчали, вдруг вышли на поверхность в сопровождении «рыцарей конъюнктуры», желавших «всегда быть против». Распад империи, которого они так страстно желали, произошел; «мейнстрим» поворачивал в их сторону, поскольку недоставало альтернатив. В великогерманской Народной партии, которая образовалась в 1920 г., шенерианцы, как, например, редактировавшие «Alldeutsches Tagblatt» с 1914 г. Виктор Цайдлер и Виктор Лишка, заняли влиятельные позиции. Республика, при поддержке подавляющей части всех политических лагерей, провозгласила аншлюс к Германии. Социал-демократ Вильгельм Элленбоген говорил о «хладнокровном, позорном нарушении верности» императора в отношении Двойственного союза; Отто Бауэр, вернувшийся из русского плена и еще недавно заклейменный предателем, праздновал «первое немецкое воссоединение» и говорил о том, что теперь настало время, когда пали границы, возведенные в 1866 г. искусственно[331].

Зато для Тейфеля, Вольфа и немецких радикалов распад Монархии означал катастрофу. Их политическая база в немецкой Богемии была потеряна с уходом ее в Чехословакию, сами они сидели в венской «эмиграции», немецкие националисты республики отвернулись от них как представителей «старого режима». Для этих «свободных пангерманцев», которые в свое время, при Монархии, поднялись в истеблишмент и вместе с Монархией пришли к своему краху, Рафаель Пахер – их вечный кандидат в министры – сформулировал их жалобы в милом парадоксе: «События подтверждали нашу правоту, но исход мировой войны воспрепятствовал конечному результату»[332].

Перевод с немецкого О. И. Величко

---

[329] *Redlich J.* Op. cit. S. 278. 12.6.1918.

[330] *Höbelt L.* Karl I., der «Teufelspuk» und die Deutschböhmen // Karl I. (IV.), der Erste Weltkrieg und das Ende der Donaumonarchie / Hrsg. A. Gottsmann. Wien, 2007. S. 47–58.

[331] Arbeiterzeitung. 1918. 31. Okt.; Fremdenblatt. 1919. 3. Feb.

[332] *Höbelt L.* Deutschnationale, Nationaldemokraten, Großdeutsche, Bauernpartei: Das nationale Lager 1918 bis 1922 // Niederösterreich 1918 bis 1922 / Hrsg. W. Rosner, E. Bezemek. St. Pölten, 2007. S. 105.

И. Бертени-мл.

Две войны венгров в 1914–1919 гг.

По итогам Первой мировой войны наибольшие потери из всех побежденных стран понесла Венгрия: в результате Трианонского мирного договора территория страны сократилась с 325 до 93 тыс. км^2, страна потеряла более половины своего населения, в том числе несколько миллионов венгров. Уничтожение исторического государства стало для венгров крупной трагедией, возможность которой могла являться им лишь в кошмарных снах. Эта трагедия стала прежде всего следствием поражения в мировой войне, поэтому можно с полным правом поставить вопрос: стоило ли вступать в борьбу, имевшую столь трагический исход?

Как известно, являясь частью Габсбургской монархии, Венгрия не могла вести самостоятельную внешнюю политику, поэтому можно было бы утверждать, что Вена принудила венгров принять участие в трагически закончившейся мировой войне силой, не спрашивая их мнения, и в этом гипотетическом случае поставленный нами выше вопрос, конечно, потерял бы всякий смысл. Значительная часть венгерского общественного мнения военных лет действительно думала, что в результате деятельности венгерских политиков, обслуживавших властные устремления Вены и пренебрегавших национальными интересами, мнения венгерской нации действительно не спросили. Вследствие этого война, начатая без учета пожеланий венгров, велась, дескать, во имя не венгерских, а чужих интересов. Но неужели война велась только исключительно во имя чуждых интересов? За что же воевали сами венгры? Что могла бы выиграть Венгрия, если бы она не потерпела поражение, а одержала победу в войне? Каковы были военные цели венгров в Первой мировой войне? Попытаемся дать ответ на эти вопросы.

Хотя система дуализма действительно делала невозможным ведение независимой венгерской внешней политики, венгерское правительство все же вполне могло влиять на великодержавную политику Габсбургской монархии. Таким образом, не соответствует действительности мнение, что Франц Иосиф вовлек Венгрию в мировую войну без ведома или вопреки желанию венгерского руководства. Однако для того, чтобы хотя бы конспективно ответить на вопрос, как же все-таки это произошло, необходимо коротко остановиться на предпосылках, иначе говоря, на том, как венгерская политическая элита представляла себе национальные интересы Венгрии в начале XX в.

Общеизвестно, что историческое венгерское королевство было многонациональным государством, в котором, однако, венграм, благодаря их экономическому, политическому и культурному весу, удалось добиться влияния, намного превышавшего долю венгров в населении страны, вследствие чего Венгрией – особенно после австро-венгерского соглашения 1867 г. – по существу управляли венгры. (Конечно, за исключением Хорватии, располагавшей значительной автономией.) Это означало, что национальные цели венгерского этноса реализовывались несравненно лучше, чем политические устремления остальных

народов Венгрии. В результате доминирующего положения венгров воля так называемых национальностей (румын, словаков, сербов и т.д.) была полностью оттеснена на задний план и если и учитывалась, то лишь временно и частично (как, например, пожелания румын на инициированных премьер-министром Иштваном Тисой переговорах в 1910 г.). Несмотря на то что руководители национальных меньшинств, внешние и внутренние враги венгров объясняли этот факт осуществляемым венграми национальным угнетением, имеет смысл указать на то, что в эпоху национализма XIX в. влияние, участие в политической жизни этнических меньшинств (находившихся на различных стадиях развития) практически ни в одном из многонациональных государств того времени не соответствовало их процентной доле в населении данной страны. Подобно тому, как в большой политике кайзеровской Германии не проявлялись интересы поляков или датчан, а в политике Британии – интересы ирландцев, никто не удивлялся и тому, что в царской России устремления польского, татарского и других этносов, которые, по данным переписи 1897 г., вместе с украинцами и белорусами составляли в совокупности более половины населения страны, совершенно не находили выражения по сравнению с властными интересами великороссов. Похожим было и положение в Венгрии, где, вопреки разнородному этническому составу населения, венгерская элита была склонна управлять страной как национальным государством, то есть полагала, что в Венгрии государство должно было прежде всего и в растущей степени служить венгерским национальным интересам.

Такое положение называлось в то время венгерской супремацией, с необходимостью поддержания которой полностью соглашались все парламентские силы. Различия существовали самое большее в методах обеспечения супремации. Некоторые (главным образом сторонники правительства) были готовы проявить определенную умеренность, руководствуясь отчасти внешнеполитическими соображениями, а отчасти – стремлением обеспечить себе лояльность национальных меньшинств. В противовес им оппозиция, почти всегда настроенная более националистически, чем правительственная партия, настаивала на меньшем количестве компромиссов и проведении последовательной венгерской национальной политики[333].

Наряду с соотношением сил внутри страны (то есть экономическим, культурным и политическим перевесом венгерского и в большинстве случаев солидарного с ним немецкого этноса), важную роль в поддержании венгерской супремации сыграла и сама система дуализма, предоставлявшая Транслейтании практически полную самостоятельность во внутренних делах. Иначе говоря, в отличие от периода до 1867 г. национальности не могли рассчитывать на помощь Вены и династии Габсбургов против венгров. Для Франца Иосифа стабильность империи была гораздо важнее «справедливости», поэтому он оказывал примирительное влияние на иногда горячие споры между венграми и проживавшими в Венгрии меньшинствами лишь в тех случаях, когда эти споры уже начинали угрожать великодержавному престижу и боеспособности Австро-Венгерской монархии. Однако национальные меньшинства не

[333] См.: *Bertényi I. ml.* Smiesnost' zabíja? Dodatky k pochopeniu šovinizmu na prelome 19. a 20. storočia v Uhorsku // Maďarsko – slovenské terminologické otázky. Materiály medzinárodných konferencií usporiadaných 8. júna a 1. decembra 2006 v Ostrihome / Red. B. Ábrahám. Pilišska Čaba; Ostrihom, 2008. S. 114–128.

могли рассчитывать на его защиту или поддержку им своих национальных устремлений.

Помимо этого, в австро-венгерском соглашении предусматривался паритет, то есть полное равноправие венгерских и австрийских интересов, а также подчеркивалось, что за общую внешнюю политику, наряду с австрийским, ответственен и венгерский премьер-министр, который, таким образом, естественно, получал и право влиять на нее. Правда, в самом законе, оформившем соглашение, содержалась довольно туманная формулировка – «дипломатическое и торговое представительство империи за границей, а также распоряжения, необходимые для заключения международных договоров, относятся к ведению общего министра иностранных дел, действующего в согласии с министерствами обеих сторон и с их одобрения»[334] – однако права и ответственность венгерского премьер-министра в области определения общей внешней политики были общепризнанными и реализовывались на практике. Как писал ведущий проправительственный публицист того времени Густав Бекшич, «…Венгрия не только обладает титулом, провозглашающим ее государственность, но и посредством своего парламента может влиять на ход дел в мире. Она не располагает собственным представительством и собственным министром иностранных дел; но может требовать отчета о руководстве внешними сношениями не только с помощью делегации (имеется в виду венгерское представительство в общем Совете министров Австро-Венгрии, включавшем в себя общих министров иностранных дел, обороны, финансов, а также премьер-министров обеих половин дуалистической монархии. – *Ред.*), но и в парламенте. В делегации за это руководство ответственен общий министр иностранных дел, а в парламенте – премьер-министр»[335]. Из этого следует, что поддержание дуализма входило в круг венгерских национальных интересов, так как принцип паритета обеспечивал существование Венгрии как (в первую очередь) страны венгров.

Хотя система дуализма оказалась прочной, у нее было много противников в обеих частях Монархии. В Цислейтании многие видели наиболее логичный способ укрепления Габсбургской империи в изменении соглашения 1867 г., которое, по их мнению, предоставило венграм слишком большую власть и самостоятельность. Венские централисты и часто сотрудничавшие с ними на почве антивенгерских настроений славянские (по преимуществу) федералистские группы одинаково стремились к сокращению венгерского влияния, политического веса Венгрии. В Транслейтании значительная часть общественного мнения также считала австро-венгерское соглашение плохим компромиссом. Для этих людей, опиравшихся на романтические воспоминания о национально-освободительном движении 1848–1849 гг., соглашение с Францем Иосифом было равносильно отказу от принципов; в программе оппозиции от Партии независимости выдвигалась цель ликвидации дуализма и введения чисто персональной унии. Однако, поскольку эта программа была невыполнима на практике, на передний план все в большей степени выступало мнение о том, что необходимо повышать роль Венгрии в управлении империей, оставаясь в

[334] 1867: XII. tc. a magyar korona országai és az Ő Felsége uralkodása alatt álló többi országok között fennforgó közös érdekű viszonyokról s ezek elintézésnek módjáról. 8. §. Magyar Törvénytár. 1836–1868. évi törvényczikkek. Budapest, 1896. 335. old.

[335] *Beksics G.* A dualismus: Története, közjogi értelme és nemzeti törekvéseink. Budapest, 1892. 109. old.

рамках дуализма. В популярной формулировке это звучало так: из Австро-Венгерской монархии нужно сделать Венгерско-Австрийскую монархию.

Таким образом, венгерские национальные цели в эпоху дуализма можно обобщить в трех пунктах: 1) само собой разумеющейся считалась неприкосновенность территориальной целостности и самостоятельности страны, а также венгерской супремации; 2) для достижения этой цели руководство страны настаивало на сохранении дуализма; 3) существовало стремление по возможности увеличить политическое влияние Венгрии в рамках Австро-Венгерской монархии.

Следовательно, можно видеть, что цели венгерской политики имели явную внутриполитическую направленность, и во внешней политике Австро-Венгрии венгры стремились отнюдь не к экспансии и завоеванию новых территорий. По мнению Бекшича, после создания политического государства венгерская национальная идея должна быть нацелена на создание венгерского национального культурного государства, которое должно означать единый венгерский национальный характер интеллигенции и культуры, а не полную языковую ассимиляцию. „Пока венгерская нация еще не готова, нельзя проводить национальную политику, направленную *вовне.* До тех пор наши цели и устремления не должны выходить за границы нашего отечества», – заявил он[336].

В то время, когда венгры занимались созданием национального государства, было бы преждевременным и опасным присоединять к стране новые невенгерские территории. Но венгерским интересам не соответствовало и значительное территориальное расширение Австрии, так как в этом случае было бы нарушено равновесие между двумя частями Монархии, что поставило бы под вопрос важный для венгров дуалистический паритет. Кажется, что соглашение 1867 г., открывшее двери венгерскому влиянию, действительно связало Габсбургам руки: венгры не были заинтересованы ни в каких завоеваниях, вследствие чего Монархия была обречена на пассивную или, если выразиться благожелательнее, миролюбивую внешнюю политику, поскольку не сумела справиться с противодействием венгров более активной политике.

Во многих отношениях это соответствовало и имперским интересам. После 1866 г. экспансия в западном направлении стала уже невозможной, а в связи с будущим слабевшей Османской империи существовали сильные аргументы в пользу необходимости до последней возможности поддерживать ее существование. Венгерский национализм был сильно заинтересован в продлении существования слабых и безопасных турецких соседей, однако в том случае, если это уже стало бы невозможным из-за дряхлости Османской империи, венгры считали меньшим злом возникновение независимых государств освободившихся балканских народов и не поддерживали завоевательные планы определенных кругов Австро-Венгрии на Балканах. Однако националисты балканских народов, несмотря на то что их маленькие, завоевывавшие независимость государства не принадлежали к одной весовой категории с Австро-Венгрией, выдвигали в перспективе цель этнического объединения, то есть создания национальных государств, в которые вошли бы румыны, сербы и – шире – южные славяне, жившие в границах Дунайской монархии. Правда, у них не было шансов добиться этого своими силами, однако, пользуясь

[336] *Atticus [Beksics G.].* Uj korszak és politikai programmja: Második, változatlan kiadás. Budapest, 1889. 13. old.

поддержкой Российской империи, традиционно интересовавшейся этим регионом, они уже представляли собой опасность.

Таким образом, Российская империя была серьезной угрозой для Австро-Венгрии, обеспечивавшей благоприятные условия для достижения венгерских национальных целей. Венгерские либералы уже с 1830-х гг. считали царскую Россию опасной державой, которая подавляет свободу народов своим тираническим государственным строем. Поэтому они даже были готовы умерить свои требования по отношению к Габсбургам. Лучшим примером этого был «величайший венгр», граф Иштван Сечени. Но и более решительный оппозиционер, либерал Ференц Деак, заключивший с венгерской стороны соглашение 1867 г., еще в 1836 г. полагал, что венское правительство «всегда может рассчитывать на бóльшую, рассудительную часть Государственного собрания, которая уже хотя бы из-за России проникнута чувством необходимости крепкого единения с Австрией»[337].

Подавление национально-освободительного движения 1848–1849 гг. лишь усилило эти антирусские опасения, которые казались тогда вполне естественными всем европейским либералам. К тому же венгры – тогда еще без достаточных оснований – боялись и того, что царь намерен под знаком панславизма распространить свое влияние на славянское население Габсбургской монархии, иначе говоря, Россия внушала опасения даже в отношении минимума венгерских национальных целей, то есть сохранения территориальной целостности страны. Перед лицом угрозы со стороны России Венгрия нуждалась в сильных союзниках, так как царская империя и лишь складывавшееся венгерское национальное государство безусловно принадлежали к разным весовым категориям. Эта русофобия в значительной мере способствовала заключению компромисса 1867 г. Показательно мнение наиболее значительной в то время венгерской газеты «Pesti Napló», опубликованное в 1866 г.: «На наш взгляд, тот, кто не считает Россию главной угрозой для Венгрии и видит естественных союзников Венгрии не в естественных противниках России, не заслуживает названия венгерского политика»[338]. Конечно, нельзя считать случайностью и то, что именно первый венгр, ставший общим министром иностранных дел, граф Дюла Андраши, добился заключения Двойственного союза с Германией, обеспечившего эффективную защиту против русской угрозы, так как, будучи сильнейшей континентальной державой, Германия была для венгров достаточной гарантией против России. С этого времени необходимость дружественных отношений с Германией логично стала почти аксиомой во внешнеполитическом мышлении практически всех политических сил Венгрии, поскольку в данном регионе лишь Германия была способна гарантировать территориальную целостность Австро-Венгрии в случае нападения России. Лишь в качестве обособленного явления можно назвать венгерских политиков, которые не были убеждены в важности дружбы с Германией. К их числу относился руководитель одной из фракций оппозиции сторонников независимости, франкофил Габор Угрон, полагавший, что союз с Германией требует слишком больших жертв и поэтому опасен, а в период длительного мира к тому же

[337] Цит. по: *Diószegi I.* Hungarians in the Ballhausplatz: Studies on the Austro-Hungarian Common Foreign Policy. Budapest, 1983. P. 123.

[338] Pesti Napló. 1866. 28 okt. Цит. по: *Diószegi I.* Op. cit. P. 129.

и не является необходимым [339]. Неоднократно критиковал абсолютистские устремления немецкого руководства, а также агрессивные выступления кайзера Вильгельма II и Вильмош Важони, лидер и единственный парламентский представитель Демократической партии, которую поддержива ли прежде всего будапештские буржуа еврейского происхождения [340]. Критиком германского милитаризма стала и Социал-демократическая партия Венгрии, особенно после революции 1905 г., когда появилась надежда на демократические преобразования в России, однако с угасанием этой надежды критика социалдемократов тоже ослабла[341].

В общем же в предвоенные годы все руководители партий, доминировавших в венгерском парламенте, были германофилами, включая и лидеров умеренной оппозиции, Дюлу Андраши-младшего, Альберта Аппони и Ференца Кошута. «Горе было тому, кто тогда не одобрял официальной немецкой политики, основанной на Тройственном союзе», – вспоминал граф Тивадар Баттяни, один из немногих антигермански настроенных представителей партии независимости[342].

Было единственное казавшееся серьезным исключение из всеобщего германофильства и русофобства: небольшая, радикально оппозиционная парламентская группировка графа Михая Каройи, сочетавшего национализм, ориентированный на 1848 г., с демократическими лозунгами. Но тогда еще он совершенно не воспринимал устремлений национальных меньшинств. Каройи полагал, что наибольшую опасность для независимости Венгрии представляют гнет Габсбургов и многократно усиливающие его империалистические цели Германии[343]. Поэтому он сделал все возможное для того, чтобы предотвратить победную для Германии войну, и даже был готов пересмотреть ради этого вековую антирусскую позицию венгров [344]. Однако в этом отношении он был совершенно одинок в венгерском общественном мнении.

Обобщая, можно сделать вывод, что на пути реализации венгерских национальных целей стояли три противника различной силы: 1) представлявшие национальные меньшинства политические деятели, которые не собирались мирно склонить голову перед венгерским национализмом и не желали способствовать построению единого венгерского национального культурного государства; 2) соседние Сербия и Румыния, которые, оказывая культурное и политическое влияние

---

[339] *Diószegi I.* Op. cit. P. 280–289.

[340] *V. V.* Korhadó alkotmányok. Pesti Hírlap. 1898. 23 júl.; *Ibid*. Caesarok és királyok. Pesti Hírlap. 1898. 2 aug.; *Ibid*. Véres imádság. Pesti Hírlap. 1900. 4 aug. Цит. по: *Vázsonyi V.* Beszédei és írásai. Az Országos Vázsonyiemlékbizottság kiadása. Első köt. Budapest, 1927. 103–106. és 111–113. old.

[341] *Erényi T.* A Magyarországi Szociáldemokrata Párt és a Monarchia külpolitikája (1908–1914) // *Idem.* Szocializmus a századelőn. Tanulmányok a magyarországi munkásmozgalom történetéből. Budapest, 1979. 138–170. old.

[342] *Battyány T.* Beszámolóm. I. köt. Budapest, 1928. 16. old.

[343] «Война, победоносная для Австрии и тем более для Тройственного союза, была бы бедственной для Венгрии», – писал он осенью 1912 г., готовясь к запланированной встрече с Раймоном Пуанкаре. См.: Károlyi Mihály levelezése I. 1905–1920 / Red. G. Litván. Budapest, 1976. 64. old. Ср.: *Hajdu T.* Károlyi Mihály: Politikai életrajz. Budapest, 1978. 141–145., 150–171., 175–177., 181–190., 193–196., 202–211. old.

[344] Весной 1914 г. Каройи даже собирался ехать в Санкт-Петербург, но его отговорили от этой поездки товарищи по Партии независимости. *Dolmányos I.* Mihály Károlyi et le voyage de Saint Petersbourg. (L'idée d'une alliance russo-hongroise en 1914) // Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis. Sectio historica 5. Budapest, 1963. P. 147–184.

на родственные им по языку национальные меньшинства, в благоприятной ситуации охотно аннексировали бы населенные этими меньшинствами территории; 3) Россия, чьи завоевательные устремления и балканская политика, осуществляемая при поддержке южных соседей дуалистической империи и тем самым Венгрии, могли привести к такому значительному ослаблению Габсбургской монархии, которое поставило бы под угрозу и территориальную целостность Венгрии. Наиболее опасной из перечисленных угроз была последняя. Хотя официальная российская политика не предусматривала в любом случае претензий на венгерские территории, в российском интеллектуальном пространстве существовало несколько проектов присоединения к России земель закарпатских русинов, считавшихся русскими[345]. Достаточно сильным ударом по территориальной целостности Венгрии был бы и возможный разгром АвстроВенгрии с последующей передачей некоторых ее территорий югославянским и румынским сателлитам России.

В то же время венгры нашли и казавшуюся достаточной защиту против всех трех противников. Во-первых, венгры чувствовали себя достаточно сильными для оказания противодействия нелояльным руководителям национальных меньшинств и нуждались лишь в том, чтобы Габсбурги не вступали с этими руководителями в союз за их спиной. При жизни Франца Иосифа система дуализма позволяла предотвратить такой союз. Во-вторых, Габсбургская империя как великая держава была настолько сильнее Румынии и Сербии, что это заведомо исключало нападение на Венгрию ее южных соседей. И, наконец, в-третьих, нападение России принудило бы Австро-Венгрию вести борьбу за существование, но защиту от такого нападения обеспечивал союзник, казавшийся сильнее России, – Германия.

Однако эта ситуация таила в себе и крупные противоречия, а также факторы неопределенности. Прежде всего нельзя было с уверенностью рассчитывать на сохранение системы дуализма после смерти Франца Иосифа, так как было известно, что престолонаследник Франц Фердинанд смотрит на этот вопрос совершенно иначе. В начале XX в. именно его планы представляли наибольшую опасность для венгерской национальной политики, поскольку смена монарха повлекла бы за собой оказание поддержки национальным меньшинствам, а может быть, и преобразование системы дуализма. Как известно, эта проблема была «решена» 28 июня 1914 г. сербским студентом из Боснии, и после сараевского убийства лишь немногие венгерские политики искренне оплакивали эрцгерцога…

В то же время, наряду с постоянной озабоченностью в связи с предстоявшим правлением Франца Фердинанда, существовала и еще более глубокая проблема. Как уже говорилось, для противодействия южным соседям требовался великодержавный статус, авторитет, устрашающая сила Австро-Венгрии. Однако, в то время как остальные великие державы набирали силы, Дунайская империя начала слабеть. Это проявилось в несостоявшейся модернизации армии, ответственность за которую можно было возложить на венгерскую оппозицию, а также в несостоявшихся завоеваниях. В венских военных кругах экспансия на Балканах отнюдь не являлась запретной темой, ведь династия Габсбургов была способна включить в свою

[345] *Hajdu T.* A cári Oroszország hadicéljai Magyarországgal szemben az első világháborúban // Magyarország és a nagyhatalmak a 20. században. Tanulmányok / Red. I. Romsics. Budapest, 1995. 29–35. old. О восприятии Венгрии и ее славянских подданных в России в годы войны см. подробно в статьях И. В. Крючкова в третьем томе данной книги.

наднациональную империю южных славян и/или румын, в крайнем случае пришлось бы преобразовать ее на федеративной или триалистической основе. Однако венгры, будучи решительными защитниками дуализма, отвергали подобные проекты и выступали против экспансии на Балканах.

В то же время и им пришлось признать, что влияние Австро-Венгрии на Бал канах совершенно необходимо в целях поддержания великодержавного статуса империи, ведь при отсутствии такого влияния на южных соседей последние ориентировались бы на Россию, родственную им по религии и отчасти по языку. А это, само собой разумеется, было бы невыгодно венграм, не желавшим появления русских на своих южных границах. Поэтому венграм приходилось идти на компромисс в вопросе балканской политики, чтобы позже продолжать прежнюю политику, но уже на измененной (причем по возможности минимально измененной) основе.

Именно поэтому Венгрия – ценой огромных внутриполитических бурь и «полупадения» правительства – согласилась на оккупацию Боснии и Герцеговины в 1878 г. Как объяснял позже Бекшич, «ее толкнула на это не страсть к завоеваниям, а *horror vacui*: было невозможно опереть границу страны на эти две провинции, находившиеся в состоянии постоянной анархии»[346]. По той же причине венгерское правительство, между прочим состоявшее отчасти из политиков Партии независимости, – уже при значительно меньшем сопротивлении – пошло и на аннексию Боснии и Герцеговины в 1908 г. Те же соображения стояли, наконец, и за согласием Тисы на объявление войны Сербии в 1914 г.

Известно, что в течение двух недель после сараевского покушения венгерский премьер-министр выступал против войны и лишь с трудом переменил свое мнение. С тех пор было высказано много предположений о том, какие факторы побудили его изменить свою позицию, но несомненно, что к числу этих факторов нужно отнести и германское влияние[347]. Поначалу Тиса доказывал, что для преподнесения урока Сербии война не нужна, поскольку сложившаяся в то время ситуация на Балканах явно не благоприятствовала войне: Румыния, отвернувшись от Австро-Венгрии, перешла к русофильской политике, а выбранная для нейтрализации румын Болгария еще не приобрела боеспособность после поражения во 2-й Балканской войне. Поэтому, будучи ответственным руководителем Венгрии, Тиса в то время не считал развязывание войны правильным решением. Однако ему пришлось согласиться с тем, что Сербии необходимо преподнести урок, ведь южная соседка в течение многих лет методически подрывала великодержавный статус, престиж Австро-Венгрии[348]. Уже 15 марта 1914 г. Тиса изложил на бумаге свои соображения о том, что более благоприятного для Габсбургской монархии соотношения сил на Балканах можно было бы добиться путем заключения тесного союза с Болгарией. Это было бы более медленным, но зато мирным решением вопроса[3493507]. Однако в июле из

---

[346] *Beksics G.* A dualisztikus Monarchia. Sepsiszentgyörgy, 1896. 135. old.

[347] См. подробно: *Ifj. Bertényi I.* Tisza István és az első világháború // Mítoszok, legendák, tévhitek a 20. századi magyar történelemről / Red. I. Romsics. Budapest, 2002, 28–86, 61–79. old.; За балканскими фронтами Первой мировой войны / Отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 2002. С. 68−72.

[348] См.: Tisza István összes művei. II. köt. Budapest, 1924. 5–6. old. Меморандум Тисы Францу Иосифу I от [349] .07.1914; ÖUA. T. VIII. S. 316, 371–374; Protokolle… S. 141–150.

[350] ÖUA. T. VII. S. 974–979.

Берлина поступили недвусмысленные сигналы о том, что Германия не только окажет поддержку, но и прямо ожидает жестких шагов со стороны Австро-Венгрии.

Тиса вынужден был продумать возможные последствия отдаления Германии от Австро-Венгрии. Учитывая, что противоречия между Австро-Венгрией и Россией были гораздо острее российско-германского противостояния, такой поворот в политике Берлина мог привести к германо-российскому сближению. Для предотвращения этой возможности необходимо было доказать, что АвстроВенгрия – сильная и жизнеспособная великая держава, являющаяся не просто прислужницей, а достойной союзницей Германской империи. Для этого, конечно, нужно было, прежде всего восстановить великодержавный престиж, то есть дать отпор провокациям сербов.

Вместе с тем Тиса хотел добиться этого по возможности без большого риска. Несмотря на то что под давлением Берлина приходилось действовать без промедлений, он все же постарался сделать все возможное, чтобы акция АвстроВенгрии осталась локализованным конфликтом. Для этого в конце июля Тиса уже стремился ужесточить требования ультиматума, который должен был быть послан в Белград, чтобы сербы смогли принять его только с большим уроном для своего престижа. Он просил военное руководство начать наступление сразу же после вероятного отклонения ультиматума, надеясь поставить тем самым Россию, медленно мобилизующую свои силы, перед свершившимся фактом и избежать большой войны. Кроме того, и это, быть может, наиболее важно с нашей точки зрения, Тиса неоднократно подчеркивал, что Австро-Венгрия не ставит своей целью полное уничтожение Сербии. Он опасался того, что Николай II не будет пассивно наблюдать за столь радикальным – и насильственным – изменением соотношения сил на Балканах, зато, получив обещание о сохранении существования Сербии, он, возможно, мог бы согласиться на урегулирование конфликта путем переговоров[351].

Практически ни одно из намерений Тисы не осуществилось, и вместо быстротечной карательной экспедиции вспыхнула мировая война. В качестве премьерминистра Тиса в 1914 г. был, по существу, единственным венгерским политиком, который мог оказывать влияние на развитие событий. Остальные политические силы могли лишь следить за новостями, оставаясь на заднем плане. Тем не менее граф Альберт Аппони, авторитетный руководитель умеренной оппозиции, выразил мнение большинства венгерской политической элиты, завершив свою непривычно краткую парламентскую речь по поводу известия об объявлении войны словами: «Ну, наконец-то!» Всем уже надоели издевательские, провокационные действия маленькой Сербии, поэтому считавшаяся совершенно справедливой карательная акция пользовалась восторженным одобрением общественного мнения.

---

[351] На заседании общего Совета министров, состоявшемся 19 июля 1914 г., Тиса добился единогласного заявления о том, что «с выступлением против Сербии не связаны никакие завоевательные планы для Монархии, и что последняя не хочет аннексировать ни одного куска Сербии помимо исправлений границы, диктуемых военными соображениями». Protokolle… S. 153. Даже через два года после начала войны в интервью американскому журналисту он подчеркнул, что имеет в виду лишь некоторую коррекцию границы с Сербией и что Австро-Венгрия не ведет войны с целью захвата чужих территорий. *Glant T.* William C. Bullitt amerikai újságíró interjúja gróf Tisza Istvánnal 1916. szeptember 3-án. // Történeti tanulmányok. Debrecen, 1997. 21–26. old.

Итак, с венгерской стороны нападение на Сербию считалось в конечном итоге превентивной войной, целью которой было лишь изменение соотношения сил на Балканах, а не завоевание новых территорий. И в дальнейшем, уже в ходе войны Тиса со всей очевидностью подчеркивал, что война не должна привести к аннексии Сербии. Когда осенью 1915 г. Центральные державы в конце концов заняли Сербию, а через несколько месяцев Черногорию и бóльшую часть Албании, венгерский премьер-министр предпочел согласиться на утоление сербскими терри ториями безмерного аппетита болгар, чтобы не допустить присоединения слишком больших территорий к Австро-Венгрии[352]. При этом он старался отложить окончательное решение вопроса о военной оккупации, поскольку постоянно чувствовал, как крепнут великохорватские планы перехода к триализму, то есть замыслы объединения Хорватии, Боснии и Сербии под руководством хорватов. Для предотвращения такого поворота событий Тиса в начале 1916 г. добился назначения гражданским комиссаром Сербии Лайоша Таллоци, прекрасного эксперта по балканским делам, заместителя общего министра финансов. Более того, Тисе удалось настолько расширить юрисдикцию Таллоци, что это уже само по себе предотвратило реализацию триалистических замыслов[353].

Принципиальное возражение Тисы против аннексий проявилось и в его польской политике. В 1915 г. Центральные державы изгнали русских с большей части территории бывшей конгрессовой Польши, в результате чего практически все земли, населенные поляками, перешли под власть Германии и Австро-Венгрии. Хотя после этого немедленно появились различные планы объединения отвоеванных у русских территорий с Галицией, Тиса, как и остальные министры, выступал против такого решения[354]. Более того, на заседании венгерского Совета министров 2 октября 1915 г. многие его участники выразили мнение, что лучше было бы вернуть завоеванные территории русским в интересах заключения сепаратного мира, чем присоединить их к Австро-Венгрии. Министр по делам религии и народного образования даже пожертвовал бы ради этого частью Галиции! Тем не менее в качестве официальной позиции правительства было принято решение согласиться на аннексию польских земель лишь в том случае, если они перейдут к Австрии при сохранении дуализма и паритета. Для того чтобы с приобретением польских территорий Австрия не получила перевеса, было предложено взамен присоединить Далмацию к Хорватии, а Боснию – к венгерским коронным землям[355]. Однако на основании подробностей этого дела было очевидно, что данное решение явилось вынужденным и должно было лишь спасти дуализм и паритет, в то время как на самом деле венгерские руководители не были рады даже возможному приобретению южнославянских территорий. (Они считали необходимым длительное сохранение там временной

[352] *Szabó D.* A magyar álláspontok helye a Szerbiával szembeni hadicélok rendszerében (1915–1918). Budapest, 1976. 29. old.

[353] См.: *Vermes G.* István Tisza: The Liberal Vision and Conservative Statecraft of a Magyar Nationalist. N.Y., 1985. P. 325–326.

[354] Обобщающее исследование вопроса см.: *Szokolay K.* Az osztrák-magyar kormány lengyel politikája az első világháború idején. Budapest, 1967.

[355] Magyar minisztertanácsi jegyzőkönyvek az első világháború korából 1914–1918 / Össz. E. Iványi. Budapest, 1960. 189–197. old.

военной администрации и намеревались управлять этими территориями так же, как и Хорватией, но в качестве обособленной от нее области.)

Однако в польском вопросе мнение венгерского правительства уже не отражало мнение всего спектра венгерских политических сил. Наиболее авторитетный лидер умеренной оппозиции, граф Дюла Андраши-младший публично поддерживал в печати объединение польских земель под властью Габсбургов, более того, не исключал и перехода к триализму[356]. Однако план Андраши нужно рассматривать не как особое мнение по вопросу о венгерских национальных целях. Андраши желал осуществления тех же целей, что и Тиса, но другими средствами. Как и в случае борьбы с парламентской обструкцией, обсуждения вопроса военных реформ или позже – дискуссии о расширении избирательного права, позиции Андраши и Тисы могут быть в целом охарактеризованы так, что если Тиса намеревался защищать выгодное для венгров положение путем категорического отказа от всяких изменений, то Андраши надеялся с помощью мелких уступок и добровольного осуществления умеренных реформ избежать более крупных перемен. Именно об этом шла речь и в польском вопросе: в то время как Тиса всеми силами боролся за неизменное сохранение дуалистического *status quo*, Андраши понял, что мировая война привела к таким большим изменениям, что, вероятно, придется примириться с тем, что в случае победного или компромиссного завершения войны Австро-Венгрия подвергнется значительной структурной перестройке. По сути дела, Андраши старался упредить неизбежное и полагал, что после печального падения системы дуализма меньшим злом было бы такое триалистическое государственное устройство, в котором третьим элементом стали бы поляки, не враждебные по отношению к венграм, а не чехи или южные славяне. Его замыслы, однако, не были осуществлены сначала из-за противодействия венгерского правительства, а позже – из-за растущих претензий Германии на польские земли. Поэтому план, серьезно угрожавший системе дуализма, был временно снят с повестки дня.

Затянувшаяся война, умножение признаков слабости Австро-Венгрии, а также тот факт, что без помощи Германии она все в меньшей степени сохраняла способность к сопротивлению, в определенной степени изменили ситуацию. Американский консул в Будапеште Уильям Коффин докладывал в государственный департамент 27 сентября 1914 г.: «…Какая бы сторона ни победила, Австро-Венгрия и особенно Венгрия обречены оказаться в числе проигравших. Я слышал разговоры о том, что в случае победы Центральных держав Австро-Венгрия в будущем будет не более чем одним из великих герцогств Германии»[357]. С каждым новым германским успехом становилось все яснее, что, став частью управляемой из Берлина «Срединной Европы», Австро-Венгрия безвозвратно скатилась бы на уровень второстепенной державы. Поэтому венгерская политическая элита (прежде всего Тиса) с 1915 г. была вынуждена с растущей энергией защищать самостоятельность Австро-Венгрии, а также Венгрии внутри дуалистической монархии. Слишком большой перевес Германии вызвал у венгерских политиков болезненное раздвоение сознания. В то время как со все большей очевидностью

[356] О польской политике Андраши см.: *Szalai M.* Ifjabb Andrássy Gyula élete és pályája. Budapest, 2003. 118–130. old.

[357] Цит. по: *Vermes G.* Op. cit. P. 278.

выяснялось, что без немцев Австро-Венгрия бессильна, приходилось и каким-то образом противодействовать этому гнетущему превосходству Германии. Лидер радикальной оппозиции граф Михай Каройи, *enfant terrible*, заведомо бросивший вызов истеблишменту, пытался вырваться из этого заколдованного круга с помощью растущей германофобии и пацифизма и в конце концов стал сторонником Антанты[358]. Однако подавляющее большинство венгерской политической элиты по-прежнему оставалось на стороне немцев, поскольку превосходство Германии было все же меньшим злом по сравне-

[358] Согласно не всегда достоверным воспоминаниям Каройи, он уже 22 марта 1917 г. на первой аудиенции у нового монарха обратился к Карлу с вопросом: «Одобряете ли Вы, Ваше Величество, создание мною партии, фундаментом которой является антигерманская политика?» Károlyi Mihály: Egy egész világ ellen. Második kiadás. Budapest, 1965. 151. old.

нию с поражением в войне. Средства и в этом случае были различными. Тиса видел выход в упрямой и неуступчивой защите старого порядка и вежливо, но решительно отвергал немецкие планы установления господства в Центрально-Европейском регионе. Другие, особенно Андраши, предпочитали опередить события: умеренный оппозиционный политик, и без того располагавший прекрасными связями в немецких кругах, был готов сам инициировать углубление союза с Берлином, надеясь избежать, ссылаясь на договор, еще более крупных жертв после ожидаемой (и желаемой) победы Германии и отклонить чрезмерные требования Германской империи, которая станет еще сильнее в результате военной победы[359].

В то же время затянувшаяся война все чаще наводила венгров на страшную мысль о том, что мир можно будет заключить лишь ценой территориальных потерь. Впервые эта проблема возникла в ходе переговоров с итальянцами. Поначалу венгры резко возражали против уступки Трентино, опасаясь того, что уступчивость создаст прецедент, и следующую жертву, необходимую для удержания Румынии от войны против Центральных держав, должна будет принести именно Венгрия. Позже в результате ухудшения военного положения Тиса дал свое согласие, однако к тому времени итальянское правительство уже решило вступить в войну на стороне Антанты[360]. Если военные цели итальянцев непосредственно затрагивали интересы Венгрии только в отношении Фиуме, то русские и румыны, не говоря уже о побежденных осенью 1915 г. сербах, стремились к отторжению венгерских территорий. Чтобы избежать вступления Румынии в войну, Тиса готов был пойти на уступки, но он не желал купить нейтралитет Румынии ценой передачи ей венгерских территорий. Во время войны были сделаны небольшие уступки проживавшему в Венгрии румынскому меньшинству [361] . Однако эта политика, заведомо столкнувшаяся с противодействием националистического общественного мнения, не могла получить продолжения. Тиса не хотел дать слишком много, чтобы это не было воспринято признаком слабости и не повлекло за собой нападения Румынии. Он ясно понимал, что позиция Румынии зависела в первую очередь от военных успехов Австро-Венгрии[362][363]. Хотя тогда уже были более или менее известны намерения Антанты оплатить услуги малых союзников частью территории Венгрии, политическая элита последней поначалу не восприняла эти намерения всерьез. С одной стороны, она верила в то, что война в худшем случае окончится компромиссным миром и Центральные державы сохранят достаточно сил для того, чтобы избежать столь тяжелых потерь. С другой стороны, сохранялась уверенность и в том, что, имея возможность заключить приемлемый мир, державы Антанты не будут продолжать борьбу только для того, чтобы выполнить данные малым

[359] *Irinyi K.* Mitteleuropa-tervek és az osztrák-magyar politikai közgondolkodás. Budapest, 1973. 254–259. old.

[360] *Vermes G.* Op. cit. P. 294–308.

[361] См. подробно: Iratok a nemzetiségi kérdés történetéhez Magyarországon a dualizmus korában. VII. köt. 1914–1916; Kemény G. Gábor gyűjtését kiegészítette és jegyzetekkel ellátta Szarka L., Szász Z. Budapest, 1999. 95–158. old.

[362] «Мы получили бы большую выгоду, если бы сумели заручиться поддержкой румын, однако это достижимо только в случае победы над русскими»,– писал Тиса германскому послу в Вене Генриху фон Чиршки 5 ноября 1914 г. Цит. по: Tisza István összes művei. 2. köt. Budapest, 1924. 267. old.

[363] «…Мы можем быть уверены в том, что, если придется защищать Марну, Антанта будет мало заботиться о Висле», – успокаивала своих читателей в целом антигермански настроенная газета буржуазных радикалов «Világ». См.:A szlávok önálló állama. Világ. 1918. 9 jún.

союзникам обещания[30]. Никто не рассчитывал на такую затяжную войну, а также на то, что эта война приведет к гибели великих империй, поэтому в планах на ближайшее будущее серьезно учитывалась роль России и, конечно, все более усиливавшейся Германии. И подобно тому, как в планах венгерских политиков не предусматривался распад России, так они исходили и из того, что АвстроВенгерская монархия и Венгрия в ее рамках сохранят свое существование даже в случае поражения в мировой войне.

21 ноября 1916 г. ушел из жизни Франц Иосиф, однако новый монарх, Карл, не тронул систему дуализма − во время войны было бы неразумно вступать в конфликт с венграми, доблестно сражавшимися на фронтах[364]. Однако доблесть венгров подняла вопрос о награде, который стал излюбленной темой венгерской оппозиции. Поскольку венгры не желали завоевания новых территорий, их устремления были направлены на укрепление самостоятельности Венгрии в рамках дуалистической монархии и усиление венгерского влияния внутри ее. Между прочим, последнее большей частью осуществилось само собой из-за диспропорций в производстве продовольствия. К тому же решительный Тиса, как правило, результативно проводил волю венгерской стороны в противовес своим менее талантливым и твердым австрийским партнерам по переговорам. Так случилось и в 1915 г. при создании общего герба Монархии в соответствии с венгерскими геральдическими запросами, что было давним пожеланием венгров, восприимчивых к символической политике[365]. Также давним требованием венгерской оппозиции было введение в венгерских частях общей армии военных команд на венгерском языке, а также венгерской эмблематики. В начале 1918 г. король Карл пообещал выполнить это требование, правда, только после войны.

К 1917 г. силы Австро-Венгрии начали иссякать, поэтому ее миролюбивый монарх поставил перед собой главную цель − как можно скорее заключить мир. Карл не посвящал венгерских политиков в свои тайные дипломатические маневры, но можно сказать, что в принципе они не выступили бы против заключения мира, если бы оно не было связано с отказом от венгерских национальных целей. Принимая во внимание, что в число этих целей не входили завоевания, венгры не помешали бы заключению мира. Однако, с другой стороны, они вряд ли согласились бы на такой вариант, при котором выход Австро-Венгрии из кровавой войны достигался бы ценой сепаратного мира и разрыва с Германией. Как уже упоминалось, компромиссный мир означал бы небольшую коррекцию довоенного положения и, таким образом, по-прежнему предполагал наличие сильного соседа, портить отношения с которым было нецелесообразно, а с точки зрения венгерских национальных целей – просто гибельно, так как Антанта не могла, да, возможно, и не хотела бы дать венграм ту же гарантию, которую им давал Берлин. Германия же не желала заключения компромиссного мира, так как лучше переносила тяготы войны, да и рисковала меньшим, чем ее союзница. Поэтому Австро-Венгрия была вынуждена продолжать войну, ибо Карл, по понятным причинам, не решался повернуть против Германии.

---

[364] *Höbelt L.* Karl I, der «Teufelspuk» und die Deutschböhmen // Karl I (IV), der Erste Weltkrieg und das Ende der Donaumonarchie / Hrsg. A. Gottsmann. Wien, 2007. S. 49–50.

[365] *Vermes G.* Op. cit. P. 327–328.

К тому же война стала приносить некоторые успехи. Оправившись от последствий Брусиловского прорыва, к 1917 г. австро-венгерская армия – правда, с германской помощью – справилась с румынским нападением, нанесла тяжелый удар итальянцам, а к концу года развалился и ее главный противник, Россия. Весной 1918 г. Восточного фронта уже не существовало, и это создало новую ситуацию. Несмотря на то что в войну вступили США, германское наступление на Западном фронте, начатое в марте 1918 г., на некоторое время пробудило веру в возможность победы и убеждение в том, что (как, например, заявил тогда же общий военный министр Рудольф Штегер-Штейнер) «на самом деле война на Востоке для нас уже закончилась»[366].

Действительно, она закончилась, причем полной победой Центральных держав. Россия разрушилась, Румыния потерпела поражение, почти весь Балканский полуостров находился под контролем государств Четверного союза. Однако у победителей возникли разногласия относительно способа и пропорций реализации этих успехов. В ходе переговоров о заключении Брест-Литовского и особенно Бухарестского мирных договоров, затрагивавшего прежде всего интересы Австро-Венгрии, выяснилось, насколько агрессивным и эгоистичным партнером является торжествующая Германия. В то же время в качестве второго по силе члена Четверного союза, получившего абсолютную власть в регионе, Австро-Венгрия также смогла осуществить часть своих военных целей.

Поскольку Берлин претендовал практически на все восточные завоевания, весной 1917 г. там были готовы передать Австро-Венгрии Румынию и Балканы, а после победы над Румынией – уже только Балканы[367]. На заседании общего Совета министров Австро-Венгрии 22 марта 1917 г. Тиса остался в одиночестве со своим мнением о том, что был бы выгоден и мир, заключенный на основе принципа *status quo ante bellum*, вследствие чего он вынужден был согласиться на передачу Валахии Австро-Венгрии. Более того, он настаивал и на том, чтобы в таком случае именно Венгрия получила румынские территории, предложив взамен включить в состав Цислейтании Боснию и Герцеговину[368].

Казалось бы, тем самым Тиса отказался от тех принципов, которых он придерживался ранее, и превратился в сторонника аннексионистской политики. Однако на самом деле речь шла скорее о том, что Тиса уступил лишь по тактическим соображениям и надеялся на то, что завоевание не состоится. Его расчет оправдался, поскольку австрийцы не приняли менее ценной балканской провинции, а вскоре изменилась и позиция Германии: в начале 1918 г. она уже жаждала контроля и над Румынией[369]. При заключении Бухарестского договора от 7 мая у кормила Венгрии – после ухода Тисы и кратковременной деятельности правительства Морица Эстерхази – уже стоял испытанный друг Германии, престарелый Шандор Векерле[370]. Его кабинет управлял страной, опираясь на парламентское меньшинство и

[366] Világ. 1918. 23 már. 6. old.

[367] *Szabó D.* Op. cit. 155–165. old.

[368] Protokolle… 482–499.

[369] *Szabó D.* Op. cit. 157–159 old.

[370] О нем см. подробно: *Geyr G. A. von.* Sándor Wekerle 1848−1921: Die politische Biographie eines ungarischen Staatsmannes der Donaumonarchie. Münich, 1993.

пропагандируя прежде всего лозунг демократизации избирательного права. Поэтому он оказался в зависимости от возглавляемой Тисой консервативной Партии труда, и всесильный экс-премьер сохранил свое влияние.

Спорным был вопрос об аннексии и масштабах извлечения экономических выгод из достигнутого успеха. Несмотря на то что необходимость гарантий против мести и ответного удара румын требовала жестких условий мира и аннексии значительных территорий, единственным из венгерской политической элиты, кто выступал с серьезным требованием аннексий, был граф Иштван Бетлен (будущий премьер-министр), принимавший близко к сердцу венгерские интересы в Трансильвании. В своей парламентской речи 3 марта 1917 г. он выразил желание, чтобы, помимо значительных румынских территорий, к Венгрии была присоединена и Сербия, которая получила бы особый статус, подобный статусу Хорватии. Однако за этой единственной венгерской аннексионистской позицией стояло в первую очередь не стремление к завоеваниям, а убеждение, что румынское или сербское государство никогда не отказались бы от своих ирредентистских целей, поэтому было бы целесообразнее уничтожить саму базу ирредентизма, получив тем самым, гарантии защиты венгерских национальных целей[371]. Таким образом, позиция Бетлена может считаться выражением превентивной политики, хотя, конечно, в крайней форме. К тому же в сентябре 1917 г. Бетлен пересмотрел ее и предлагал теперь присоединить к Венгрии лишь приграничные румынские территории[372].

Обособленная точка зрения Бетлена может считаться всего лишь интересным эпизодом. Ведь, даже обладая политическим весом, граф еще не располагал позицией, позволявшей серьезно влиять на принятие решений. Карл Габсбург, именно стремясь предотвратить полный срыв своих планов заключения сепаратного договора, был противником предъявления слишком жестких условий, однако венгерские политики не желали остаться с пустыми руками после вероломного нападения Румынии. Достигнутый компромисс и на этот раз соответствовал соображениям венгров: от Румынии была отторгнута стратегически важная, но по возможности незаселенная территориальная полоса, которая, естественно, перешла к Венгрии, но не нарушила существенно этнический баланс в дуалистической монархии[373].

В 1918 г. изменились и проекты относительно Балкан. Так как из Берлина сообщили о своем согласии признать эти территории исключительной сферой интересов Австро-Венгрии, то для решения проблемы нужно было «лишь» преодолеть сложное сплетение интересов в самой дуалистической монархии. Венское руководство предлагало объединить югославянские территории, тем самым стараясь предложить конкурентоспособную альтернативу концепции югославизма, которую выдвинули некоторые эмигрантские круги[374]. Однако венгры, настаивая на сохранении дуализма, отвергли это предложение и поддержали вариант, при котором различные югославянские территории перешли бы в зависимость от

---

[371] *Romsics I.* Bethlen István. Politikai életrajz: Második, átdolgozott kiadás. Budapest, 1999. 89–93. old.

[372] *Szabó D.* Op. cit. 124–130. old.

[373] *Galántai J.* Hungary in the First World War. Budapest, 1989. P. 283–284.

[374] *Szabó D.* Op. cit. 51–53. old. О концепции югославизма см. подробно в статьях Ю. В. Лобачевой и М. Радоевич в данной книге.

венгерской короны по отдельности, как *corpus separatum*. Таков был план Векерле, но чувствуется, что в данном случае цель венгров состояла в первую очередь в сохранении дуализма и в предотвращении угрозы триалистической перестройки, а не в захвате боснийских, далматинских или сербских территорий[375]. Той же концепции, хотя и несколько умереннее, придерживался и Тиса[376].

Конечно, все эти проекты уже в тот момент считались анахронизмом, однако венгерское руководство, принеся огромные жертвы, не собиралось делать добровольных уступок и надеялось на победу немцев во Франции.

Весной 1918 г. стало ясно, что австро-венгерские попытки заключения сепаратного мира провалились, но после побед на Востоке это в первое время казалось не столь важным. Все внимание тогда сконцентрировалось на Западном фронте. От победы или поражения немцев зависело и будущее Габсбургской монархии, а также Венгрии, ибо у Австро-Венгрии уже почти не осталось средств для оказания серьезного влияния на свою собственную судьбу. Это относилось и к Венгрии: крупномасштабный союз, хорошо функционировавший в течение десятилетий, на этот раз обернулся оборотной стороной медали. Судьба венгерской нации оказалась неразрывно связанной с судьбой Германии. И хотя эта война лишь опосредованно была войной венгров, выйти из нее было невозможно[377].

Президент США, вступивших в войну в 1917 г., Вудро Вильсон провозгласил новые принципы, в том числе принцип самоопределения народов. До весны 1918 г. он был нацелен лишь на федерализацию Австро-Венгрии на этнической основе, то есть на сохранение целостности Габсбургской империи. Однако венгерские политики под влиянием сознательного самогипноза полагали, что вильсонизм, по существу, означает принятие неделимой Венгрии, а отчасти даже и венгерской супремации, ведь в Венгрии существовала лишь венгерская (политическая) нация. Этим фальшивым аргументом особенно охотно пользовалась антигерманская партия Каройи, по-прежнему старавшаяся доказать бессмысленность войны. Есть ли смысл продлевать страдания, если в случае победы американцев станет не хуже, а лучше и Венгрия получит право на самоопределение?![378] Правда, властная элита понимала новые принципы не столь превратно, но не объяснила в доступной форме их значение общественному мнению. Принципы Вильсона могли перенести европейскую политику, покоившуюся до тех пор, как правило, на фундаменте политического равновесия, на этническую основу, что ставило в особенно опасное положение многонациональную Габсбургскую империю, а также Венгрию.

Для внешних наблюдателей гражданская война, вспыхнувшая после прихода большевиков к власти, и Брест-Литовский сепаратный мирный договор были однозначны распаду России. Однако тем самым была разрушена вся система европейского равновесия, и западные державы больше не нуждались в традиционной уравновешивающей роли Австро-Венгрии. К тому же, чтобы сломить сопротивление немцев, одержавших слишком крупную победу на Востоке,

---

[375] *Szabó D.* Op. cit. 166–172. old.

[376] *Vermes G.* Op. cit. P. 434–440.

[377] Общее освещение вопроса см.: *Ifj. Bertényi I.* A tragédia előszele? A budapesti sajtó Magyarország sorsáról 1918 tavaszán // Kisebbségkutatás. 2008. № 3. 475–503. old.

[378] *Hajdu T.* Károlyi Mihály... 254–256. old.

необходимо было разгромить слабую Австро-Венгрию. Поэтому весной 1918 г. Антанта и США поддержали этнический принцип и включили в число своих военных целей отделение народов Габсбургской империи. Летом того же года они признали воюющей стороной Чехословацкий национальный совет и выступили за создание независимой единой Чехословакии. В том же направлении, хотя и медленнее (из-за сопротивления итальянского и, в какой-то степени, сербского правительства), но поступательно, Союзники продвигались в вопросе официального признания лондонского Югославянского комитета и, соответственно, в деле публичного изъявления своей позиции о будущей судьбе югославянских провинций Монархии[379]. Тем самым участь Габсбургской монархии, а в том числе и Венгрии, была решена. В том случае, если бы Германии не удалось выиграть войну на Западе, самое позднее к 1919 г. Центральные державы потерпели бы поражение в результате истощения сил Австро-Венгрии и волнений национальных меньшинств. Как известно, Германия не смогла победить.

В октябре 1918 г. Австро-Венгрия совершенно потеряла силы, необходимые для продолжения борьбы. Как на фронтах, так и в тылу чувствовалось, что дальнейшее сопротивление невозможно. Опережая события, император Карл принял этнический принцип применительно к Австрии и примирился с тем, что следствием этого будет отделение по-прежнему казавшейся более сплоченной Венгрии и ослабление связи с ней до уровня всего лишь персональной унии[380]. Венгры старались покинуть тонущий корабль, надеясь пережить бурю и цепляясь за неправильно понятый вильсонизм. Несмотря на крах дуализма, ставшее независимым венгерское государство по-прежнему стремилось защитить свою территориальную целостность, больше того, венгерскую супремацию в ее максимально полной форме. Из довоенных противников удалось победить Румынию, Сербию, больше того, даже и Россию, поэтому, по сути дела, оставалось «лишь» достигнуть соглашения с национальными меньшинствами. В принципе персональная уния составляла максимум национальных целей – до поражения в войне. Теперь же она означала, что Венгрии придется в одиночку столкнуться лицом к лицу с национальностями, располагавшими поддержкой извне. Ей предстояло сохранить венгерскую супремацию на своих исторических землях самостоятельно, без помощи Австрии, более того, в условиях вероятных антимадьярских настроений в этнических образованиях, которые должны были возникнуть на территории Цислейтании. Теоретически Венгрия, возможно, могла бы рассчитывать на поддержку Германии, однако она потерпела полное поражение, и было неясно, будет ли она вообще иметь влияние в данном регионе после окончания войны. Поскольку поначалу казалось вероятным, что будет, венгры не спешили порывать с ней отношения, однако после поражений немцев, во время недолгого пребывания Андраши-младшего на посту общего министра иностранных дел, был сделан решающий шаг и в этом направлении. По его рекомендации 26 октября Карл Габсбург денонсировал ставший роковым для Австро-Венгрии союзный договор с Германией. Тот самый,

[379] *Romsics I.* Der Friedensvertrag von Trianon. Herne, 2005. S. 49–50; *Lederer I.* Yugoslavia at the Paris Peace Conference. New Haven; L., 1963. P. 27–40.

[380] *Rumpler H.* Das Völkermanifest Kaiser Karls vom 16. Oktober 1918: Letzter Versuch zur Rettung des Habsburgerreiches. München, 1966. S. 32–34, 55–59.

что был сотворен в 1879 г. родным отцом последнего в истории Монархии министра иностранных дел − Дюлой Андраши-старшим.

В конце октября 1918 г. в Венгрии царили правительственный кризис и полная неразбериха. С ними не удалось справиться, так как оказалось невозможным прийти к согласию с Каройи, опиравшимся на внепарламентские левые силы, относительно создания правительства национального единства, поскольку Каройи претендовал на всю полноту власти. В качестве альтернативного решения можно было, ориентируясь исключительно на правые силы, разрушить замыслы Каройи и его сторонников, теперь уже открыто симпатизировавших Антанте (то есть официально все еще считавшихся изменниками родине), но на это не решились[381]. Так как венгерская политическая элита не могла верить ни в способности Каройи, ни в то, что Антанта пощадит его кабинет, в течение нескольких дней она оставалась в нерешительности. Наконец, уличная революция в Будапеште, почти единственной жертвой которой стал Тиса, привела к власти Каройи, и старая элита вынуждена была принять это с хорошей миной на лице[382].

В начале ноября 1918 г. Каройи отказался повиноваться королю, и 16 ноября его правительство социал-демократического толка провозгласило создание народной республики. Сутью его пацифистской концепции была надежда на то, что в случае одностороннего разоружения Антанта будет рассматривать его правительство не как побежденную сторону, а как партнера. В условиях разрушенного порядка правительство и не решилось сохранить оружие вернувшейся домой армии, поэтому Венгрия оказалась беззащитной именно тогда, когда началась наиболее ожесточенная борьба[383]. Теперь приходилось защищать не дуализм и паритет и даже не венгерскую супремацию, от которых уже пришлось отказаться; на карту были поставлены первостепенные национальные интересы, территориальная целостность страны. Это была настоящая борьба не на жизнь, а на смерть, без оружия…

Каройи и его министр по делам национальностей Оскар Яси предложили национальным меньшинствам демократическую республику, земельную реформу и кантональное право на самоопределение. Однако те знали, что смогут добиться гораздо большего от победившей Антанты, поэтому даже подбадриваемые румынами и чехами словаки отклонили венгерские предложения[384]. Напрасной оказалась и поддержка, оказанная в этом бедственном положении Каройи правыми. Даже общими усилиями не удалось защитить Венгерское королевство от вторжения чешских, сербских и румынских войск. Все бóльшие территории Венгрии оккупировались на юге, наряду с французскими вооруженными силами на Балканах, сербской, на востоке – реорганизованной румынской армией, а на севере –

---

[381] На заседании палаты представителей 16 октября 1918 г. представитель партии Каройи, Мартон Ловаси, воскликнул: «Пожалуйста, примите к сведению, что мы являемся сторонниками Антанты!» Цит. по: *Salamon K.* Nemzeti önpusztítás, 1918–1920: Forradalom – proletárdiktatúra – ellenforradalom. Budapest, 2001. 41. old.

[382] О хаотических событиях октября 1918 г. см., например: *Szalai M.* Op. cit. 145–147. old.

[383] Военный министр Бела Линдер в одной из своих речей даже заявил: «Я больше никогда не хочу видеть ни одного солдата». О возможностях венгерской армии в этот период см.: *Pollmann F.* Trianon felé: A magyar hadsereg ügye a kiegyezéstől Trianonig. Budapest, 2009. 39–68. old.

[384] *Romsics I.* Der Friedensvertrag... 70–71., 79–81. old. О деятельности Яси в тот период см. подробно в статье А. Г. Айрапетова в четвертом томе данной книги.

вооруженными отрядами чехов. По мере отступления – без боя! – сохранившихся венгерских войск росло недовольство правительством. Политическая жизнь снова поляризовалась, однако в противовес сложившейся в условиях национальных неудач правой оппозиции Каройи проявлял бóльшую уступчивость в отношении коммунистов, демагогически пользовавшимся социальными бедствиями. Когда 20 марта 1919 г. по условиям новой ноты Антанты возникла необходимость эвакуировать войска уже и с венгерских этнических территорий, Каройи ушел в отставку и передал власть социал-демократам, которые немедленно объединились с коммунистами и провозгласили Венгерскую Советскую Республику. Большевистская диктатура пролетариата стояла на позиции интернационализма и классовой борьбы, но с оружием в руках оборонялась от нападения румынской «буржуазии», а в мае достигла кратковременных успехов в военных действиях против чехов. В то же время Бела Кун и другие руководители диктатуры пролетариата ясно продемонстрировали, что не придерживаются принципа территориальной целостности[385] и, подобно большевикам на переговорах в Брест-Литовске, ставят своей целью выиграть время. Они были готовы отказаться даже от огромных территорий, чтобы спасти свой режим. Однако к концу июля Красная армия развалилась, и 4 августа румынские войска заняли Будапешт. О быстроте поражения Венгрии свидетельствует то, что всего годом раньше венгерские войска находились в Бухаресте.

Несмотря на то что весной 1918 г. еще казалось, что все противники побеждены, в двух последовательных войнах, которые хронологически даже трудно разделить, Венгрия потерпела полное поражение. Империя Габсбургов проиграла мировую войну, и Венгрия выделилась из Монархии побежденной, теперь уже стараясь защитить свое национальное государство. Однако в 1918–1919 гг. в этой смертельной борьбе ее лозунгами стали пацифизм и интернационализм, поэтому истощенная и дезориентированная страна потерпела поражение и в этой второй войне, которая велась уже не ради чужих целей и не по принудительной логике союзнической системы, в которую ранее входила Венгрия. Эта борьба велась уже исключительно в интересах национальной самообороны. Эта война, бесспорно, была войной венгров, но и она была проиграна.

Перевод с венгерского С. Филиппова

[385] Kun Béla nyilatkozata a Neue Freie Presse c. Bécsi napilapnak, 1919. március végén. Цит. по: *Kun B.* Válogatott írások és beszédek. I. kot. Budapest, 1966. 214. old.

М. Главачка Причины распада Габсбургской монархии: взгляд из Праги

Ответ на давний вопрос центральноевропейской историографии – почему в конце 1918 г. Габсбургская империя распалась – не будет дан в настоящей работе в полном объеме. Автор лишь пытается обозначить, во-первых, несколько тезисов, которые призваны продемонстрировать амбивалентное отношение чехов к дуалистической монархии в конституционный период 1861–1918 гг., а во-вторых, определить роль неких неизбежных цивилизационных и социополитических тенденций, которые подрывали общественный и институциональный фундамент империи перед Первой мировой войной.

Чехи были славянским народом, а также народом историческим. Благодаря исторической памяти, многолетней историографической продукции, а также стихийной национальной мифологизации воспоминания о средневековом чешском государстве постоянно противопоставлялись в начале XX в. тогдашнему положению народа. В 1910 г. в Чехии, Моравии и Силезии проживало более 6 млн чехов. Годовой прирост населения составлял более 1%. Чехи насчитывали в Богемии 63%, в Моравии – 72%, а в Силезии – 24% населения. В общей же численности населения Цислейтании доля чехов составляла 23%. В Чехии они проживали относительно гомогенно в центральной части страны, в Моравии по всей территории, за исключением двух языковых «островов», а в Силезии – прежде всего в пространстве между Остравой и Бескидами. Доля чехов и немцев в Чешских землях на рынке труда в 1910 г. была примерно равной. Чехи были представлены во всех профессиональных группах, за исключением оптовой торговли. К началу века 93,7% этнических чехов были грамотными. Им принадлежало несколько тысяч общеобразовательных и более ста средних школ, один университет, Академия наук, основанная меценатом Йозефом Главкой; в их распоряжении находились два утраквистских технических вуза в Праге и в Брно. Также они создали две превосходные энциклопедии. Одним словом, жили богатой общественной и культурной жизнью. Все эти факты свидетельствуют об успешной культурной эмансипации населения Монархии. У него были собственные политические представители. Но для полного воплощения эмансипационных устремлений чехам не хватало только возможности совершенно самостоятельно и в полной мере принимать решения о собственной судьбе, другими словами – чехи в начале XX в. были обычным европейским народом с полным культурным, политическим и экономическим багажом, но они не были государствообразующей нацией.

Так называемое «чешское государственное право» было консервативной идеей национальной и государственной автономии, а также идеологией. В конце концов, оно являлось и практической политикой, которая совершенно определенно в 1848–1879 гг. составляла основную отправную точку и ценностную ориентацию чешских политических представителей. Ее «золотой век» наступил после разделения Монархии в 1867 г. и длился недолго, до середины 70-х гг. Тогда казалось, что эта идея может быть воплощена в виде так называемых «Фун даментальных статей», то есть в виде соглашения между правителем и чешской политической элитой.

Предполагалось, что такое соглашение гарантировало бы возникновение или восстановление политической и государственной автономии Чешского королевства [386] . После отказа от принятия «Фундаментальных статей» и стабилизации дуализма этот максималистский чешский политический девиз постепенно и незаметно был оставлен и применялся лишь как предвыборная агитация и идеологическое обоснование борьбы в долгосрочной политической перспективе.

Каждая попытка разрешения чешско-австрийского противоречия, а после 1890 г. – уже только чешско-немецкого административно-языкового уравнивания соперничающих этнических групп в Чешском королевстве, то есть чехов и немцев, представляла, в сущности, однозначное отрицание чешской «государственно-правовой» программы 60-х гг. Политическая программа восстановления чешской государственной автономии была прежде всего идеей, основанной на территориальном принципе. Она предполагала распространить чешскую автономию на все земли короны св. Вацлава, в том числе и на те ее территории, которые в XIX в. уже населяли преимущественно немцы. После неудачи с принятием в 1890–1891 гг. так называемых «Пунктаций» – очередной попытки чешско-немецкого примирения[387] – на чешской политической сцене возникла новая расстановка сил. Ввести национально-административное деление страны не удалось, главные политические гаранты примирения и первоначальные носители политической концепции «государственного права» – старочехи и партия консервативных помещиков, то есть чешская политическая элита, были значительно ослаблены. Новыми гегемонами чешской политической сцены стали младочехи, которые – сознательно или интуитивно – поняли, что административное деление земель по национальному принципу в будущем может воспрепятствовать максимальной реализации концепции «государственного права». Потому младочехи тщательно национализировали программу и молча – что было наибольшим новшеством – распространили ее также на Моравию и «чешскую Силезию».

Хотя Франтишек Палацкий был старочехом, его самое знаменитое политическое высказывание 1865 г. прозвучало как предупреждение непосредственно перед установлением дуализма в серии статей, посвященных поиску новой идеи австрийского государства, и заключалось в том, что чехи были до Австрии и будут после нее (то есть вне зависимости от формы государственности). После 1891 г. за него ухватились младочехи и сделали на будущее из этого девиза Палацкого политический и экзистенциальный капитал. Эту новую идейную перспективу выгодно отличало то, что она не вызывала фрустрации обязательностью немедленного ее воплощения. Напротив, для ее осуществления можно было воспользоваться политическим преимуществом – выжидать наиболее подходящее время и при этом не быть обвиненным в измене.

Таким образом, в Чехии и отчасти в Моравии на переломе веков были противопоставлены две различные политические и «государственно-правовые»

---

[386] См. подробно: Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма / Отв. ред. В. И. Фрейдзон. М., 1981. С. 134–135.

[387] См.: Краткая история Чехословакии. М., 1988. С. 235; A History of Czech Lands / Ed. J. Pánek, O. Tůma. Praha, 2009. S. 331–378.

концепции. Одна стремилась воплотить идею «государственного права» хотя бы в виде автономии Чешского королевства под главенством чехов, вторая последовательно настаивала на целостности Цислейтании и сохранении существующего положения. Исторический и «государственно-правовой» (то есть чешский) федерализм был в непреклонной оппозиции к либеральному (то есть австрийсконемецкому) централизму. Такова была основная расстановка сил перед Первой мировой войной, и она – в том числе с помощью национально-нейтральной позиции императора, который никогда не был коронован чешским королем, – не давала возможности воплотить как максималистскую чешскую амбицию восстановления «государственного права», так и далекоидущие требования немецкоязычного населения (например, придание немецкому языку статуса государственного). Хотя идея «чешского государственного права» и не вела к обеспечению более прочных «государственно-правовых» и геополитических рамок существования чешского народа, но благодаря этой идеологии в подсознании миллионов представителей народа осталось нечто, что помогло «государственно-правовому» сознанию продержаться до более подходящего момента.

Еще больший конфликтный потенциал, чем идейная борьба, представляло собой совершенно конкретное обстоятельство, – а именно, что немецкие либералы в союзе с так называемыми «верными конституции» помещиками не могли, начиная с середины 80-х гг. XIX в., оказывать прямое влияние на официальную земскую политику в Чехии, поскольку после изменения избирательного законодательства, точнее, его демократизации они оказались в чешском земском сейме в постоянном меньшинстве и тем самым не могли играть иной роли, кроме как сугубо оппозиционной. Иными словами, в чешском сейме у них исчезла существовавшая ранее возможность препятствовать политическому и главное – экономическому наступлению чехов легальными политическими средствами. Поэтому они начали использовать по большей части непарламентские средства давления, чтобы с их помощью изменить незавидную для себя политическую ситуацию. Результатом изменения политической тактики богемских немцев стало, однако, то, что работа чешского сейма оказалась фактически заблокированной, – после 1900 г. он был способен принимать только временные бюджеты. В 1905 г. уже стало практически очевидным, что автономная финансовая система Чехии из-за немецкой обструкции чешского сейма вскоре окажется в состоянии банкротства. Немцы в Богемии, для того чтобы отразить продолжающееся политическое и экономическое наступление чехов, использовали угрозу финансовой несостоятельности страны в качестве эффективного средства давления и политического шантажа. Безвыходная ситуация в финансовой сфере должна была заставить чехов вести переговоры об изменении политического устройства Чехии и избирательного законодательства. Все политические переговоры между немцами и чехами завершились крахом, и летом 1913 г. действительно была ликвидирована земская автономия – поскольку в ином случае стране грозил финансовый крах. Земский сейм в качестве единственной легальной платформы земской политики и воплощения чешско-немецкого политического сосуществования перестал существовать навсегда. Неспособность чешских и немецких политических элит найти выход из кризиса путем политического консенсуса привела не только к мрачным политическим прогнозам о

возможности политического сосуществования обоих народов на данной территории. Эта неспособность привела и к поискам иных – «внеавстрийских» – решений, которые могли бы привести к вы ходу из данного политического тупика – «славянских» у чехов (в частности, у Карела Крамаржа) и «ирредентистских» у немцев (например, у Карла Германа Вольфа[388]). До тех пор, пока эти поиски осуществлялись в относительно стабильных политических и экономических условиях, единство государства, спасавшего финансовую систему Чехии дотациями из имперского бюджета, еще сохранялось. Эта ситуация латентной, но еще более или менее корректной политической борьбы, однако, полностью изменилась после начала Первой мировой войны[389].

Отношение чехов к австрийскому государству было скорее негативным, нежели позитивным. Это отрицание не возникло вследствие любви к воображаемому или реальному чешскому государству и праву на государственность. Скорее, оно являлось реакцией на политический опыт, который чехи приобрели в этом государстве после 1848 г. Сначала они пережили период неоабсолютизма с символикой мученичества Карела Гавличека-Боровского. Затем в либерально-конституционную эру их постигли разочарования, связанные с несколько раз отвергнутой коронацией (в то же время в Венгрии коронация прошла при полном параде) и не доведенным до конца «языковым равноправием». Все это ослабляло австрийский патриотизм чешских общественных элит. Освободившееся место подлинно аутентичного патриотизма занимали уже лишь чешский или немецкий национализм. Австрийское государство – часто сведенное исключительно к правящей династии – очень часто воспринималось чехами как безымянный аппарат, который мало дает, но много требует (главным образом налоги и солдат). Все слабеющий интерес чешских политических партий к судьбе государства следовал также из самой австрийской конституционно-правовой системы. Ведь *de iure* она не признавала никаких политических партий – в ней доминировала исполнительная власть, а партия, победившая на выборах, никогда не назначала главу правительства. Партии участвовали в осуществлении политической власти только *extra legem* и, таким образом, могли вести себя в отношении австрийского государства совершенно безответственно. С другой стороны, чешская буржуазная политическая элита была лишь в очень редких случаях представлена в высших органах исполнительной власти империи (например, в должности министра – представителя чешской нации), и австрийское государство было для нее скорее союзником инкогнито или объектом подозрения, чем уважаемым партнером.

Младочехи уже программно боролись против правительства, предлагая вместо поддержки государства лишь поддержку чешского земского, районного и местного самоуправления. Только так называемые «реалисты» и политики с экономическим образованием, например Йозеф Кайзл или Альбин Браф, могли отважиться подвергать в чешской среде публичной критике этот политический нигилизм в

[388] О взглядах К. Вольфа см. подробно: *Wingfield N.* Flag Wars and Stone Saints: How the Bohemian Lands Became Czech. Cambridge (Mass.), 2007. S. 48–78, а также статью Л. Хёбельта в данной книге.

[389] *Hlavačka M.* Das böhmische Staatsrecht in der historischen Retrospektive der letzten Jahrhunderte // Etudes Danubiennes. 1994. № 10. S. 77–94; *Urban O.* Die tschechische Gesellschaft 1848–1918. Wien; Weimar; Köln; 1994.

исполнении Юлиуса Грегра, который был постоянно представлен, например, в газете «Národní listy». Внутренняя связь с австрийским государством, таким образом, с течением времени действительно была сведена лишь к отношению к династии и империи как «более широкой родине». Этот династический монархизм, конечно, мог характеризоваться достаточно широкой шкалой формальных и неформальных символов лояльности, которые распространялись от ежегодных празднований дня рождения императора (18 августа) до прошений о даровании дворянства представителям чешской предпринимательской элиты. Но, с другой стороны, появились и случаи его полного отрицания, например, в форме демонстративного набрасывания петли на шею статуи императора Франца I на пражской набережной реки Влтавы[390].

Внешняя политика Австрии была одним большим табу. Критиковать официальную внешнюю политику означало продемонстрировать личную храбрость и стать объектом недовольства государственных учреждений, поскольку речь шла о сфере деятельности непосредственно императора. Младочехи первыми в 1891 г. отважились в венском парламенте публично критиковать австрийскую внешнюю политику в связи с восстановлением Тройственного союза, но поступали при этом очень неуклюже и неубедительно, и их примеру никто не последовал. Отношения Монархии с Россией, а чехов – к славянству и славянскому вопросу были щекотливыми темами, в которых таился потенциал будущих конфликтов. В качестве примера можно привести в той или иной степени открытую «войну» Масарика с министром иностранных дел Австро-Венгрии графом Алоисом Лексой фон Эренталем в 1908–1911 гг. о доказательствах невиновности 53 югославян, обвиненных в государственной измене[391].

Отношение к России и славянам в самой Габсбургской империи и за ее пределами также претерпело на чешской политической сцене после 1891 г. принципиальные изменения. В то время как старочехи строили свои внешнеполитические концепции в соответствии с пониманием австрославизма Франтишеком Палацким и Франтишеком Ригером, младочехи недвусмысленно выступили против данной внутри- и внешнеполитической концепции. Идеи австрославизма и австрофедерализма были вычеркнуты из их политической программы. Это означало, что федерализированная Австрия уже не представляла для них идеального окончательного решения проблемы государственности. Она становилась лишь временным убежищем, которое можно будет покинуть в подходящий момент. Для Грегра, владельца наиболее влиятельной чешской газеты «Národní listy», австрославизм был «изменой чешскому народу», поскольку, по его мнению, в ключевых вопросах политики Цислейтании никогда нельзя было положиться ни на австрийское государство, ни тем более на австрийских славян. Логичный вопрос о том, какая же концепция заполнит эту политическую и, еще важнее, – идеологическую лакуну, если австрославизм в будущем перестанет быть позитивной идеей чешской политики (неославизм, экономический панславизм или, быть может,

[390] *Velek L.* Národní strana svobodomyslná (mladočeská) 1889–1907: Příspěvek k dějinám politického stranictví v habsburské monarchii v období procesu modernizace. Praha, FFUK, 2004. Manuskript. S. 620.

[391] См., например: *Masaryk T. G.* Der Agramer Hochverratsprozeß und die Annexion von Bosnien und Herzegowina. Wien, 1909; *Idem.* Rakouská zahraniční politika a diplomacie. Praha, 1911.

идея пригласить на чешский трон представителя династии Романовых), остался, однако, без ответа. В глубине души ожидалось, что однажды все решит большая война на Востоке и российская карта вступит в игру лишь в случае реальной угрозы распада Габсбургской монархии.

Чехи, вопреки этому, всегда оставались для русских отщепенцами от славян ской культуры и славянской письменности, а главное – русские панслависты никогда не связывали с чехами каких-либо геополитических надежд, поскольку те, по их мнению, были слишком пропитаны немецкой культурой, полонофильством, прозападным христианством или атеизмом и являлись якобы неизлечимыми сторонниками федерализма[392]. Во всех этих ценностях они видели опасность распада государственной власти – если бы вдруг чехи «заразили» ими Россию.

Вновь создаваемое самоуправление на уровне населенных пунктов и районов, начиная с середины 1860-х гг., быстро стало в Чехии основой национального политического наступления или массовой национальной мобилизации и интеграции. Ритуализированный национализм очень скоро нашел поддержку в новых структурах самоуправления, поскольку оно изначально рядилось в одежды национальной агитации – как в форме празднований, демонстраций, так и в виде реального административного сопротивления государственной, то есть немецкоязычной, бюрократии. Таким образом, при помощи надличностных, то есть национальных культовых приоритетов весьма эффективно создавалось чувство принадлежности к единому коллективу. В конце XIX в. именно в этих органах произошло наиболее радикальное переплетение идеологии чешского права на государственность с новым пониманием идеи национальной и государственной автономии, которая в то время скрывалась за термином «собственная законность, полноправность и самобытность». Всем понятные постулаты – опора на свои силы, осуществление все более интенсивной национальной работы и инструментализация экономического национализма (например, девиз «свой к своему») – данные национально гомогенные и политически весьма уверенные в себе чешские органы самоуправления в населенных пунктах и районах, а также организации, их объединяющие (Союз районных представительств и Союз чешских городов), декларировали уже совершенно публично и открыто. В этих национально-либеральных лозунгах о «собственной законности и полноправности» также негласно заключалась предпосылка тому, что они хотели самостоятельно принимать решения по своим собственным проблемам – причем не только на местном уровне[393].

Самоуправление в 1862–1914 гг. в некотором смысле заполняло собой возникший странный государственно-правовой вакуум. У чехов в это время отсутствовало естественное отношение к собственному государству. Чешское государство было для них *de facto* очень близким, но пока что недостижимым идеалом, на тот момент связываемым с Чешским королевством, австрийское же государство и государственная бюрократия воспринимались по большей мере негативно, поскольку блокировали осуществление идеи чешской государственности в любом

[392] *Doubek V.* Česká politika a Rusko. Praha, 2004. S. 160; *Štaif J.* František Palacký: Život, dílo, mýtus. Praha, 2009. S. 256.

[393] *Urbanitsch P.* Zentralmacht und die regionale Selbstverwaltung im 19. Jahrhundert // XXIII. Mikulovské sympozium 1993. Brno, 1995. S. 85–105; *Hlavačka M.* Zlatý věk české samosprávy. Praha, 2006. S. 28–36.

виде. Органы самоуправления, таким образом, помогали чешскому *homo politicus* создать естественное отношение к наиболее близкому национальному органу власти и усилить чувство гражданской ответственности, по крайней мере в рамках местной политики. Не следует забывать, что органы самоуправления были коммуникативно доступны для каждого чешского гражданина, поскольку в отличие, например, от чешского сейма или земского комитета были моноязычны. Таким образом, система самоуправления в Чехии характеризовалась чешско-немецкой параллельностью. Отсутствие взаимной коммуникации между чешскими и немецкими органами самоуправления на самом низком уровне (населенных пунктов) и среднем – районном – уровне также сыграло весьма значительную роль в духовном и материальном расколе страны. Тем самым усилилась убежденность обеих сторон, что для развития их собственной политической, экономической и культурной деятельности сотрудничество с адекватным партнером с другой стороны вовсе не нужно.

Итак, чешское самоуправление за несколько десятилетий своего существования создало некий самостоятельный политический микромир, в котором установились свои собственные формы гражданской правовой и политической деятельности, а также весьма прагматическое, прямое и честное отношение к чешской государственности, или, выражаясь языком того времени, к «собственной законности, полноправности и самобытности». Самоуправление, таким образом, способствовало формированию постоянной готовности страны не только к гражданской коммунальной, но и к высшим формам государственной жизни. Зачатки более поздних «кадровых резервов чиновничества» нации без государства, а затем – конституционных республиканских институтов чешской или чехословацкой государственности – как духовные, так и материальные – формировались уже в это время[394].

В последние десятилетия перед Первой мировой войной существенно изменились и отношения между эмансипированными гражданами и исполнительной властью – то есть правительством и подчиненными ему административными органами. Можно полагать, что именно в деятельности органов самоуправления может быть найден ответ на вопрос о причинах этой кардинальной психоментальной перемены в отношении представителя чешской нации, обладающего гражданской сознательностью, к консервативному монархическому государству.

В начале XX в. австрийская бюрократия, которая кичилась своей репутацией надпартийной силы, верной и ответственной только императору, стала более массовой, более гражданской, чем военной, а также менее австрийской. В органах государственного управления все большее значение приобретали вопросы, связанные с неполитической деятельностью – скорее с цивилизационной, то есть экономической, технической и строительной. Это вело к новой социальной и национальной стратификации бюрократии. Следствием того, что низшая бюрократия стала приобретать более массовый характер, что можно описать как повышение доли участия низших слоев общества в осуществлении исполнительной

[394] Даже названия некоторых возникших позже конституционных институтов (например, Чешский национальный совет) проистекают именно из этого периода.

власти, стало ослабление внутреннего единства государства. Бюрократия начала делиться на высшую и низшую, политическую и техническую, государственную и местную.

Внешним выражением национализации нижних слоев чиновничества можно считать, например, постепенный переход административной деятельности на чешский язык или начало издания чешских профессиональных и специализированных журналов – «Samosprávný obzor» («Горизонт самоуправления») в 1890 г. и «Český úřednik» («Чешский чиновник») в 1909 г. Если государствен ная бюрократия в Чехии и Моравии была или должна была быть во внутреннем документообороте немецкоязычной, а во внешнем двуязычной, то перед Первой мировой войной на территории, населенной чехами, особенности ее бюрократизированной коммуникации радикально изменились. Документы венских архивов свидетельствуют, что использование чешского языка во внутренней коммуникации органов государственного управления становилось все более интенсивным и перенеслось даже в «государственные сферы исключительного использования немецкого языка», то есть на коммуникацию в армии, государственной полиции, налоговых управлениях. Постепенное завоевание позиций чешским языком во внутренней административной деятельности государственных органов в Чехии, в особенности судов, прокуратуры, а также управлений – полицейского, государственных железных дорог, почт и телеграфов, стало возможным благодаря опыту участия в правительствах всех чешских министров-профессионалов и министров – представителей чешской нации в кабинетах Цислейтании. Это были Алоис Пражак, Йозеф Кайзл, Франтишек Фидлер, Антонин Ранда, Йозеф Форжт, Карел Прашек, Бедржих Пацак, Антонин Резек, Йохан Жачек и Альбин Браф. Расширению сферы использования чешского языка способствовали их внутренние распоряжения и целенаправленная кадровая политика, а также сам процесс огосударствления ранее в большой мере частных интегрированных сетей, распространенных на все государство, то есть железных дорог, телеграфа, телефонной связи и частично почты. Эти бесспорные «все большие чешские успехи», естественно, внимательно отмечались «немецкой партией». Очевидно, они сыграли значительную роль в радикализации позиций представителей немецких политических партий, с которых они подходили к переговорам. Одновременно предпринимались безуспешные попытки остановить этот очевидно прогрессирующий процесс всеми средствами, главным образом связывая или, точнее, фиксируя эти уже существующие уступки в вопросе чешских языковых требований с иными административными реформами. В связи с этим интересен тот факт, что только партия Масарика – Народная (позднее Прогрессивная) – первой исключила из своей программы требование последовательного двуязычия бюрократизированной коммуникации в Чехии и сделала ставку на все более реально проявляющуюся тенденцию чешской или немецкой моноязычности. А это было бесспорным признаком кризиса государственного устройства.

В ходе Первой мировой войны также несколько раз менялось отношение бюрократии к государству. Сначала эти отношения укрепились, поскольку после ликвидации конституционности, а позже – после введения военной системы

хозяйства возросло значение директивных и автократических методов принятия решений. В конце войны, однако, под влиянием всеобщего освобождения от иллюзий, деморализации и голода в тылу бюрократическая солидарность ослабла, и бюрократия начала в интересах самосохранения очень быстро национализироваться. Именно региональный – не только экономический – партикуляризм способствовал быстрому переходу государственной бюрократии в административные структуры новых государств, образованных после распада империи. Манифест императора Карла I от 16 октября 1918 г., возвестивший о предстоящем преобразовании Цислейтании на федеративных началах, позволил впоследствии бюрократам, занимавшим высокие посты, совершить формально гладкий – то есть без угрызений совести – переход в новую политическую реальность[395].

После начала Великой войны были отвергнуты все правила парламентской культуры, и на место парламентских дебатов пришло политическое молчание или даже политические преследования, вершиной которых, с чешской точки зрения, стали арест в мае 1915 г. депутатов рейхсрата Карела Крамаржа и Алоиса Рашина и вынесение им смертного приговора. В обосновании приговора указывалось, что они стремились к «соединению с венгерской Словакией». Хотя суровый приговор не был приведен в исполнение, а смертную казнь заменили 20-летним тюремным заключением, идея «чешского государственного права» наконец получила своих привлекательных мучеников. Однако самым большим символическим унижением во время войны чехи считали умышленное «исправление» государственного герба, то есть «разделение гербов земель Чешской короны и их умышленное включение в гербы других земель австрийской короны», а также «очистку» учебников истории от национальных сюжетов. Это можно интерпретировать как последнюю и безнадежную попытку заменить национальную символику и мифологию опять-таки всего лишь династическими. Однако, вероятно, самым важным ментальным фактором было то, что вся накопленная злоба, тайные идеи, альтернативные программы и негативные ментальные и национальные стереотипы, которые до сих пор представляли собой лишь потенциальный материал для конфликтов, в военное время в условиях политического и морального кризиса и голода в тылу обострились и превратились в реальное отрицание существующих порядков. Возможность иного, т.е. «неавстрийского» государственно-правового решения – а в конце концов, и манящая перспектива возложить ответственность за проигранную войну на кого-то иного – приобрела реальные очертания после крушения всех империй в Центральной и Восточной Европе. После этого уже действительно было необходимо только подобрать с мостовой брошенную на нее власть и отважиться реализовать в условиях послевоенного абсолютного кризиса ценностей выработанные ранее представления о национально-государственном устройстве.

[395] *Mertl J.* Byrokracie: Studie politickosociologická. Praha, 1937. S. 36–72.

В. Доубек

Карел Крамарж и Томаш Гарриг Масарик: чешская концепция развала Австро-Венгрии

Нет необходимости представлять профессиональному сообществу Карела Крамаржа и Томаша Гаррига Масарика. Речь идет о чешских политиках, которые вступили на публичную сцену почти одновременно как представители поколения, менявшего чешскую политику в рамках общенационального политического движения. Типичной для этого поколения была вера в новые основы политики и связанное с ней представление о новых условиях чешского политического развития в рамках Австрии. После периода последовательной оппозиционной стратегии общенациональная политика в 1890-х гг. превратилась в активистскую. Пришло последнее поколение чешских представителей реальной политики, которое давало Австрии последний шанс. Это происходило во многом в связи с возрастающей социальной ролью государства. «Срастание государства и общества, или, как это называют, социализация государства, в направлении которой развиваются события, имеет, таким образом, не только тот смысл, чтобы все так или иначе принимали активное участие в деятельности государства, но и тот, чтобы все также в самих себе могли видеть предмет заботы и деятельности оного»[396]. Тогдашний чешский реализм вновь задавал себе вопросы о праве на государственность и отношениях между нацией и государством, чтобы, исходя из ответов на них, с начала 1890-х гг. обозначить чешскую заинтересованность в прогрессивном развитии Австрии. «...Ведь все мы... искренне хотим, чтобы Австрия существовала, – обратился Масарик к своим избирателям в одном из первых политических выступлений: – Я, господа, хочу в столь важном программном вопросе выразиться ясно и главное – честно; если я так говорю, то я хочу в это верить и в соответствии с этим – действовать»[397]. Именно Карел Крамарж в то же самое время опять поднял на щит давно отвергнутую идею австрославизма и попытался вновь сформулировать ее в условиях дуалистической империи. Позже его мысли вылились в идею сильной славянской Австрии в качестве второго после Российской империи крупного государства с преобладающим славянским населением. Эта возрожденная вера в Австрию, однако, предполагала, с одной стороны, значительные политические уступки, а с другой – успехи чешской политики. Тем не менее они не могли быть достигнуты – в своих национальных требованиях в рамках Австрии чешские политические деятели находились на грани своих возможностей. Общенациональная политика, таким образом, постепенно характеризовалась все большим скептицизмом и следующим из него латентным сопротивлением. Уже перед началом Первой мировой войны и Масарик, и Крамарж оказались в радикальной оппозиции к Австрии. Подходы к этой оппозиции были разными. Масарик вступал в столкновения с представителями государственной власти или силами, которые он отождествлял с архаичной, ус

таревшей системой власти, ведя споры с

[396] *Kaizl J.* Finanční věda II. Kn. III–IV. Praha, 1892. S. 154–155.

[397] Z řeči říšského poslance T. G. Masaryka ve Strakonicích // Čas. 1891. 26. Září. № 5 (39). S. 623.

министерством иностранных дел или с клерикалами. Крамарж еще перед войной осуществил конспиративный шаг – написал Конституцию славянской империи, которую по тайным каналам передал министру иностранных дел России Сергею Дмитриевичу Сазонову.

Хотя политические события постепенно превратили Масарика и Крамаржа в соперников, принадлежавших к разным партиям, с началом войны стала очевидной близость их интересов. Однако их судьбы во время войны мало похожи. Масарик развил активную деятельность по сопротивлению Австрии за рубежом. Он быстро реагировал на смену событий на фронтах войны. Крамарж с мая 1915 г. стал заключенным, в следующем году был приговорен к смертной казни и лишь в 1917 г. амнистирован. В это время Крамарж как политическая фигура, осужденная на смерть, действовал лишь в качестве опосредованного символа нации. Только после своего возвращения из заключения он вернулся к прежней деятельности, однако уже в существенно изменившейся политической ситуации.

Несмотря на это, попытаемся обозначить исходные пункты размышлений обоих политиков с точки зрения чешских интересов. В Первую мировую войну оба они вступили с представлением о неотвратимом распаде Австро-Венгрии. Однако к этому мнению они пришли разными путями. Крамарж до войны воспринимался как конструктивный активистский политик, его идеи были построены на модернизации концепции австрославизма. Соединение предвоенной деятельности Крамаржа с программой неославизма было ошибочным с политической точки зрения. Программа неославизма предполагала, что ее политические аспекты неосуществимы, и потому сознательно ориентировалась на развитие экономических и культурных связей. Если Крамарж хотел по-прежнему придерживаться своей позиции конструктивной лояльности Австрии, ему следовало ориентироваться главным образом на внутриавстрийских союзников и с их помощью воссоздать Австрию в качестве прежде всего славянской державы. Эту концепцию Крамарж развивал с самого начала своей политической карьеры в качестве единственной реализуемой программы политического объединения славянства[398]. По сути, речь шла о концепции, которая противоречила существующему устройству власти в Монархии. Однако она по-прежнему исходила из возможности его изменения и реформы. Так же и Масарик в период мирного развития искал возможности создания компактной антиавстрийской оппозиции, а вовсе не пути, ведущие за пределы Австрии или к ее разрушению. Можно утверждать также, что в предвоенный период оба политика потеряли веру в способность Австрии осуществить данную реформу, перестали идентифицировать себя с Австрией и испытали разочарование от собственных нереализованных амбиций.

Проект конституции Славянской империи, разработанный Крамаржем в преддверии войны, был уже типичной программой создания больших политических конструкций. Здесь обращалось внимание прежде всего не на способ их возникновения, а на их обоснование. Только так можно объяснить создание геополитического гиганта с огромным по тем временам населением в 250 млн человек, который не только загнал бы в угол предполагаемых в концепции Крамар-

[398] *Kramář K.* Na rozcestí // Čas. 1890. 11 října. Цит. по архивной копии: ANM. F. K. Kramář, V – Vlastní články… Články z Času 1889–1890. Kart. 50. S. 11.

жа соперников, но и маргинализировал союзников [399]. Однако уже в ходе войны Масарик высказывался в своей пропагандистской работе подобным же образом: «Мы пытаемся осуществить демократическую федерацию славянских наций. Только в этой форме могут быть сосредоточены различия нашей (славянской. – *В. Д.*) цивилизации и наших национальных характеров таким образом, который пошел бы на пользу славянскому миру, из всех сил, которые сейчас разбросаны по нашим разнообразным народам»[5]. Эта формулировка свидетельствовала об идеях, которые, подобно идеям Крамаржа, были направлены на организацию Восточной и Юго-Восточной Европы в соответствии с национальным принципом, и в пропагандистской концепции Масарика создавали противовес якобы исторически присущей немцам экспансии. В связи с иным характером работы Масарика, эти идеи были соотнесены с интересами Союзников, однако исходная точка размышлений была приблизительно той же, что и у Крамаржа. Это касалось и отношения к России. Уже после своего отъезда в эмиграцию Масарик 24 декабря 1914 г. встретился в Риме с Всеволодом Сватковским – в прошлом руководителем венского отделения Петроградского телеграфного агентства, чтобы через него передать информацию Сазонову. Масарик полностью поддержал высказанные Крамаржем идеи о необходимости создания Чехословацкого королевства во главе с русским монархом. Осознавая слабость чешской позиции в то время, Масарик подчеркнул: «Самостоятельность и сила Чехословацкого королевства может быть обеспечена только прочной постоянной российской оккупацией чешских и словацких земель». По его представлению, такая самостоятельность «должна с самого начала иметь не только военный, но и четко выраженный политический характер»[6]. Таким образом, славянские концепции приобретали в свете тогдашних военных событий совершенно новое значение. Речь шла не только о развитии событий на Восточном фронте и все более пророссийской атмосфере в Чехии, но все в большей степени проявлялся целый арсенал аргументации в пользу политических связей между славянами. Масарик строил свою концепцию на той же ее упрощенной интерпретации войны как конфликта германцев и славян, которую защищал и с которой солидаризировался Крамарж. Дело в том, что у него не было большого выбора возможностей представить чешский вопрос в качестве одного из ключевых вопросов военного противостояния. Еще в начале 1917 г. в британской печати вышло его интервью, в котором он повторял свою идею о личной унии: «Форма независимости (будущего государства. – *В. Д.*) может быть разной. Династия российского происхождения была бы особенно популярной. Вероятно, достаточной оказалась бы личная уния с Россией. В любом случае я должен подчеркнуть, что все наши политические партии являются в полной мере русофильскими. …В любом случае, мы хотели бы предоставить инициативу России во всех славянских вопросах»[7]. Как Крамарж в начале войны, так и Масарик в ее ходе искали реальные пути 114 I. Национальные движения в «сердце» Австро-Венгрии нового включения Чешских земель в меняющееся геополитическое положение Центральной и Восточной Европы.

Разница в их интерпретации самой войны, по нашему мнению, не была столь значительна, как принято считать. Дело в том, что эти оценки исходят из более поздних

[399] *Kramář K.* Ústava slovanské říše //

текстов Масарика, завершенных суждениями, высказанными в итоговой «Мировой революции» (1925). В текстах, написанных в конце войны и по ее завершении, Масарик уже однозначно следовал своей оценочной линии развития европейского общества, известной нам по иным его важным работам. Эта линия заключалась в противопоставлении прогрессивных демократических, гуманистических сил и движений – регрессивным, консервативным и авторитарным. В этом смысле Масарик развивал посредством дедукции свою философию истории – уже со времен своей ключевой работы «Чешский вопрос» (1895) – как постепенное разложение консервативного блока и усиление демократических сил в мире. Следуя этой линии, он интерпретировал мировую войну как конфликт демократических и антидемократических сил или же как последующее поражение консервативных держав (Германии, Австро-Венгрии, Турции) и победу прогрессивных государств и режимов, к числу которых относились и государства-наследники Австро-Венгрии, в том числе Чехословакия. В действительности, однако, в пропагандистский период 1914–1917 гг., когда Масарик пытался убедить правительства и склонить общественное мнение стран Антанты к необходимости решения специфического чешского вопроса, он был вынужден принять иную интерпретацию. Она была подобна той, которую мы находим у Крамаржа. Эта интерпретация исходила из широкого понимания чехо-славянского вопроса; в соответствии с ней причины и главная линия войны понимались как конфликт славян и германцев. Чешское сопротивление, таким образом, было на стороне «...борющихся славянских народов... Мы верим в окончательную победу славян и Союзников и убеждены в том, что эта победа славян и Союзников послужит пользе целой Европы и всего человечества» [400]. Именно со славянами Масарик отождествлял вожделенный идеал демократизма: «Славянский идеал – это идеал мира и согласия, идеал демократический»[401]. Отход от данной славянской интерпретации чешских политических интересов, «концепции Крамаржа», мы можем найти у Масарика лишь только в связи с крахом Российской империи и приходом к власти большевиков. Только эти события на самом деле отделили друг от друга концепции Масарика и Крамаржа. Прежде всего потому, что оба политика совершенно по-разному подошли к представлению о государственности как таковой. В то время как политические соображения Крамаржа в этом отношении были развитием политических концепций XIX в., позиция Масарика была уже более гибкой и более соответствовала времени. Крамарж так и не отказался от идеи необходимости связи Чешских земель с сильным государством имперского масштаба и с большой территорией. Если оказалось невозможным приспособить под его чехо-славянские идеи Австрию, то эту имперскую государственность должна была осуществить Россия как глава всеславянской империи. Крамарж, уехав после отставки с поста премьера первого чехословацкого

правительства в 1919 г. для встречи с генералом Антоном Ивановичем Деникиным, лишь утвердился в своих опасениях, что самостоятельная Чехословакия без поддержки великой державы в лице небольшевистской России останется неравноправным и

[400] Prohlášení Českého komitétu zahraničního // Zvláštní vydání Československé Samostatnosti. 14. listopadu 1915. S. 1.
[401] *Masaryk T. G.* Svět a Slované... S. 11.

слабым государством. Масарик, напротив, еще до войны в своих размышлениях подчеркивал иные критерии политического величия, разрабатывал свою концепцию «величия в малом». Именно на нее опиралась идея о возможности самостоятельной чешской политики и вне державного контекста. В то время, когда Крамарж после возвращения из тюрьмы объединил и возглавил чешских политиков внутри страны, Масарик за границей написал свою важнейшую теоретическую работу из числа созданных во время войны – «Новую Европу». Именно в ней он завершил свои предвоенные размышления об относительности соотношения силы и размеров государства – в пользу уникальности нации и ее характера, в которых видел обоснование будущего требования о самостоятельной Чехословакии и ее важной роли в будущей Европе: «Сторонники пангерманизма... ставят государство выше нации, в государстве видят *summum* организации общества, высшую и ведущую силу...», но вопреки этому «правильно полагать нацию и народ целью общественных устремлений, а государство – средством...». Крамарж в своих размышлениях делал упор на политическую силу, Масарик же главной ценностью считал моральное право. Это различие, однако, проявлялось только на теоретическом уровне, на котором Крамарж никак не мог сравниться по точности формулировок с философом Масариком. Несмотря на это, в том, что касается актуальных политических практических программ, во время войны их представления о поражении Австро-Венгрии и видоизменении Центральной Европы существенно пересекались.

Е. П. Серапионова

Чехословацкое национальное движение и планы образования государства во время Первой мировой войны (по материалам российского МИД)

Название статьи весьма условно, так как речь пойдет о национальном движении чехов и словаков в годы Первой мировой войны, в ходе которого выкристаллизовалась и в конце концов победила идея единого чехословацкого государства.

В XIX и в начале XX в. целью чешского национального движения являлось восстановление единства Чешских земель и их автономия в рамках Австро-Венгрии либо федерализация двуединой империи. Государственное историческое право, за которое выступали чешские политики, предполагало независимость Чешских земель в рамках Австрии[402].

Словаки до войны выступали за равноправие народов в Венгерском королевстве (в том числе языковое), федерализм Венгрии и Австрии, уважение прав меньшинств, чешско-словацкую культурную взаимность, союз Габсбургской монархии со славянской Россией[403]. В программе Словацкой национальной партии (март–май 1914 г.), в частности, говорилось: «…Мы, словаки… живем и хотим жить в отчизне, которую история окрестила Венгрией, и которую мы считаем своей и крепко любим…; но мы хотим жить не только как простые статистические цифры и данные, а как живой элемент в государственном организме, не как слуги, а как хозяева тысячелетней своей матери-родины»[404].

Начало мировой войны в корне изменило ситуацию, появилась возможность решения чешского и словацкого вопросов вне границ Габсбургской монархии. Именно накануне и в годы войны деятели чехословацкого национального движения стали активно разрабатывать различные варианты послевоенного европейского устройства. Само национальное движение не было единым, оно развивалось за границей, на Западе и в России, а также на родине. В Париже в 1915 г. был образован Чешский заграничный комитет, деятельность которого в феврале 1916 г. продолжил Национальный совет чешских земель, позднее переименованный в Чехословацкий национальный совет (ЧСНС). Во главе его встал депутат австрийского рейхсрата

---

[402] Российский дипломат С. Н. Свербеев сообщал в Санкт-Петербург из Вены 2 февраля 1910 г., что все чешские партии «ставят себе целью достижение полного господства чехов в Богемии и соединение ее с Австрией приблизительно на тех же основаниях, на каких Венгрия соединяется с последней». АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 204/120. Л. 2.

[403] Программу Словацкой национальной партии (март–май 1914 г.) см.: Dokumenty slovenskej národnej identity a štatnosti. Zv. I. Bratislava, 1998. S. 400–406.

[404] Ibid. S. 405.

профессор Томаш Гарриг Масарик. В него входили также М. Р. Штефаник[405], Й. Дюрих[406] и Э. Бенеш[407].

ЧСНС вел активную борьбу за подчинение своему влиянию всего чехословацкого заграничного сопротивления, что ему удалось сделать, создав в 1917–1918 гг. филиалы в Италии, России, США и Канаде.

В Праге с декабря 1914 г. действовала подпольная организация Тайный комитет Маффия, в руководство которой входили Э. Бенеш, К. Крамарж[7], А. Рашин[8], Й. Шейнер[408] и П. Шамал[409]. После ареста в мае 1915 г. Крамаржа, Рашина и Шейнера и отъезда за границу Бенеша во главе Маффии стал Шамал. Этот центральный орган внутреннего сопротивления возглавлял и координировал деятельность целой сети нелегальных организаций Чешских земель, проводивших в годы войны разведывательные, политические и подрывные акции.

В России представители чешской и словацкой диаспор создали Союз чехословацких обществ, занимавшийся формированием чехословацких воинских частей. На II съезде союза в апреле 1916 г. его председателем был избран деятель киевской группы В. Вондрак[410]. Внутри союза шла борьба двух направлений, прозападного и пророссийского, представленных соответственно петроградской и киевской группами. В мае 1917 г. во главе чехословацкого движения в России стал

---

[405] Штефаник Милан Растислав (1880–1919) – словак, гражданин Франции, астроном, летчик, участник заграничного сопротивления, политик, дипломат, в конце войны бригадный генерал французской армии, с весны 1917 г. заместитель председателя ЧСНС, с октября 1918 г. военный министр, погиб в авиакатастрофе в 1919 г. Подробнее о нем см.: Милан Растислав Штефаник: Новый взгляд / Отв. ред. В. К. Волков. Мартин, 2001.

[406] Дюрих Йосиф (1847–1927) – депутат австрийского парламента от аграрной партии, член тайного комитета Маффия, с мая 1915 г. за границей, заместитель председателя ЧСНС.

[407] Бенеш Эдуард (1884–1948) – социолог, политик, один из организаторов заграничного сопротивления, с весны 1916 г. секретарь ЧСНС, после образования Чехословацкой республики в 1918 г. министр иностранных дел.

[408] Шейнер Йозеф (1861–1932) – глава «Сокола», участник сопротивления, член Чешского заграничного комитета, в 1918–1920 гг. депутат Национального собрания, в 1918–1919 гг. управляющий в чехословацком войске, председатель комитета национальной обороны, в 1919 г. генеральный инспектор чехословацкой армии, с 1920 г. занимался сокольской деятельностью.

[409] Шамал Премысл (1867–1941) – лидер внутреннего сопротивления, до войны один из деятелей Чешской прогрессивной партии, сподвижник Масарика, в 1918–1920 гг. – депутат Национального собрания, в 1918–1919 гг. глава Праги, в 1919–1938 гг. управляющий канцелярией президента республики.

[410] Вондрак Вацлав (1880–?) – активный деятель чешского землячества в России, с 1908 г. земский представитель, с августа 1914 г. один из организаторов Чешской дружины, автор нескольких меморандумов, член руководства Союза чехословацких обществ в России, военной комиссии, в 1917 г. вступил в Русскую добровольческую армию, организовал в ней чехословацкие части, весной 1919 г. переехал в ЧСР.

филиал ЧСНС в России, в состав руководства которого были избраны Б. Чермак[411], Й. Клеканда[412], И. Маркович[413] и др., а председателем стал Т. Г. Масарик.

[7] Крамарж Карел (1860–1937) – с 1903 г. глава партии младочехов, депутат австрийского парламента, за антиавстрийскую деятельность в 1915–1917 гг. находился в тюрьме. В 1918–1919 гг. премьер-министр ЧСР, в дальнейшем председатель партии национальных демократов, депутат Национального собрания. См. о нем: *Серапионова Е. П.* Карел Крамарж и Россия. М., 2006.

[8] Рашин Алоис (1867–1923) – экономист, депутат австрийского парламента, участник внутреннего сопротивления, в 1915–1917 гг. в заключении за антиавстрийскую деятельность, зам. председателя Чешского заграничного комитета, автор закона о провозглашении самостоятельного государства, в 1918–1920 гг. депутат Национального собрания, в 1918–1919 и 1922–1923 гг. министр финансов, погиб в результате покушения.

Российский МИД пристально следил за развитием национального движения чехов и словаков, как в России, так и за границей, в Австро-Венгрии и на Западе, получая сообщения от своих представителей и резидентов. И это не случайно: в Российской империи еще до войны существовали достаточно большая чешская и менее многочисленная словацкая колонии, а в годы войны количество чехов и словаков многократно увеличилось за счет пленных солдат и офицеров австро-венгерской армии. В 1916 г. МИД России предпринял попытку перехватить инициативу Масарика, пытавшегося объединить зарубежное сопротивление под своим руководством, и создать оппозиционный ему пророссийский центр чехословацкого сопротивления во главе с Дюрихом.

В исторической литературе нередко чехословацкое национальное движение в годы войны рисуется весьма схематично. Утверждается, например, что планы Масарика изначально были направлены на создание независимой чехословацкой демократической республики, а проекты Крамаржа и Дюриха основывались на консервативных идеях включения Чешского королевства в состав монархии Романовых. Между тем, хотя среди участников чехословацкого национального движения и были две разнонаправленные ориентации – прозападная и русофильская, существовало множество планов относительно послевоенного будущего чехов и словаков. Эти планы трансформировались и уточнялись в зависимости от менявшейся ситуации на фронтах, определявшей настроения и позиции военно-политической элиты стран Антанты. Все эти проекты составлялись, обсуждались и часто представлялись на рассмотрение в российский МИД. В АВПРИ сохранилось много документов той эпохи, знакомство с которыми проливает свет на процесс

[411] Чермак Богумил (1870–1921) – участник заграничного сопротивления, с 1902 г. предприниматель в Петербурге, получил российское гражданство, с началом войны встал во главе чехословацкого движения в России, с марта 1915 г. во главе Союза чехословацких обществ в России, сторонник Масарика, с мая 1917 г. зам. председателя филиала ЧСНС в России, после возвращения в ЧСР посланник в Румынии.

[412] Клеканда Йиржи (1890–1918) – журналист, участник заграничного сопротивления. До войны жил в России, организатор антиавстрийского движения, инициировал контакты с русским правительством, с мая 1917 г. генеральный секретарь филиала ЧСНС в России. См. о нем: Slovník prvního československého odboje 1914–18. Praha, 1993. S. 64–65.

[413] Маркович Иван (1888–1944) – словак, участник заграничного сопротивления, в 1909–1914 гг. редактор ревю «Prúdy», в ноябре 1914 г. попал в плен на Русском фронте, один из первых словаков, вступивших в Чешскую дружину, работал в редакции петроградской газеты «Čechoslovak», с мая 1917 г. секретарь филиала ЧСНС в России, в июне 1918 г. выехал во Францию и стал секретарем ЧСНС, работал в редакции издания «La Nation Tchéque», последний редактор журнала «Čechoslovacká samostatnost», с октября 1918 г. секретарь МИД ЧСР, в 1919–1925 гг. депутат Национального собрания, в 1920 г. министр обороны.

формирования идеи чехословацкого государства, борьбу вокруг планов его создания. Знакомство с ними позволяет лучше представить и понять картину чехословацкого национального движения и кристаллизацию концептуальных идей. Задачей настоящей статьи является проследить формирование идеи независимого чехословацкого государства в разных центрах национального движения и на разных этапах войны.

В чехословацком национальном движении в годы войны участвовали представители различных политических партий, но наиболее значимыми фигурами стали реалист Масарик, возглавивший зарубежное сопротивление, и младочех Крамарж, олицетворявший собой внутреннее сопротивление[414].

Для специалистов не секрет, что Масарик в первый период войны, когда русская армия одерживала победы, вовсе не противился проекту Крамаржа о создании после войны Чешского (чехословацкого) вице-королевства под скипетром Романовых[415]. Этот проект лидер младочехов передал российскому императору еще накануне войны [416]. Наоборот, Масарик считал выгодным для чехов таможенный союз с Россией и высказывался за общую дипломатию и единые военные силы[18]. Он выступал за союз с южными славянами, с которыми предполагал установить общую границу в полосе хорватских островов между Австрией и Венгрией. Будущий президент настаивал на как можно большем ослаблении Германии и Венгрии, высказывался за выселение «наиболее вредных мадьярских элементов» с окраин будущего Чехословацкого королевства. Границы же его предлагалось определить исходя из этнического и исторического принципов и из стратегических соображений. При этом он ратовал за включение в его состав и земель лужицких сербов, «чтобы грозить Берлину». Уже в 1914 г. Масарик обдумывал границы будущего государства и полагал, что восточная часть австрийской Силезии, хотя она «наполовину» польская, должна войти в состав Чешского королевства «в силу исторического права». В то же время и «включение в пределы Чешского королевства некоторых русских меньшинств в этой (близ Ужгорода) области было бы желательно, так как дало бы повод к провозглашению русского, конечно литературного, языка официальным наравне с чешским, немецким и польским языками»[19]. Русский в качестве второго официального в будущем государстве предлагал ввести и Крамарж.

В меморандуме Масарика «Независимая Богемия», переданном в конце мая 1915 г. министру иностранных дел России Сергею Дмитриевичу Сазонову из российского посольства в Лондоне, говорилось, что Богемское государство будет состоять из Богемии, Моравии и Силезии плюс словацкие районы Северной Венгрии. Автор предлагал создать территориальный коридор с Сербо-Хорватией и под

---

[414] В секретной записке российского агента В. П. Сватковского из Цюриха от 8 января 1915 г. указывалось: «Крамарж и Масарик являются в настоящее время главными идеологами чешского будущего и посредниками между партиями…» АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 19.

[415] В апреле 1915 г. Масарик соглашался не противодействовать планам Крамаржа, но лишь хотел знать позицию самой России в этом вопросе. См.: МОЭИ. М.; Л., 1935. Т. VII. Ч. 2. № 470. С. 76–77. Секретная телеграмма посла в Риме А. Н. Крупенского от 3 апреля 1915 г. № 59.

[416] Проект был изложен еще в июне 1914 г. в «Уставе славянской империи» и предполагал в качестве программы-максимум создание королевства или вице-королевства из чешских и словацких земель под скипетром российского императора, с полной суверенной автономией, но при единстве армии,

впечатлением успехов России на фронтах подчеркивал, что для Богемии и балканских славян дружба и помощь России необходимы. Здесь же Масарик добавлял, что Богемия планируется как монархия, а за Богемскую республику выступают лишь несколько радикальных политиков. Предполагалось во главе Чешского королевства поставить принца из династий союзных стран либо заключить унию с Сербией. Указывалось, что русская династия была бы в Чешском королевстве наиболее популярной. «В любом случае, – утверждал будущий чехословацкий президент, – богемские политики хотят создать Богемское королевство в полном согласии с Россией. Российские пожелания и планы будут иметь определяющее влияние». Он добавлял, что будущее государство будет конституционным и демократическим, а в конце приносил клятву верности Антанте и выражал пожелания русским братьям поскорее оккупировать богемские и словацкие районы[20].

Лишь с изменением положения на фронте (отступлением русской армии) отношение Масарика к проекту Крамаржа становилось все более критичным. По

дипломатии и таможенной территории. Согласно этому плану границу Чешского королевства было желательно распространить на юг в Верхнюю и Нижнюю Австрию до Дуная, но без включения Вены в границы государства. Венгерские и словацкие земли должны были отойти к Королевству до Дуная и от поворота его прямой линии на восток. Обосновывалось это необходимостью ослабить Венгрию, негативно относившуюся к славянству и России, отняв у нее значительную территорию с невенгерским населением. Интересно, что Крамарж настаивал на полной внутренней автономии будущего Чешского королевства и на непременном условии, чтобы пост вице-короля не был наследственным. Тесный чешско-российский союз предлагался в качестве основы славянского союза, построенного по примеру Германской империи. АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 19.

[18] МОЭИ. М.; Л., 1935. Т. VI. Ч. 2. Секретная телеграмма Крупенского от 26 декабря 1914 г. № 210. О планах Масарика и Крамаржа см. также: АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 19–22. Секретная записка Сватковского от 8 января 1915 г.

[19] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 22.

[20] Там же. Д. 204/120. Л. 77.

словам эксперта российского МИД Алексея Юлиановича Геровского, в феврале 1916 г. программа Масарика стала сдержаннее и осторожнее. В тот момент он выступал уже за полную независимость будущего Чешского королевства от России, присоединение к Чехии словаков и западной половины Угорской Руси (Закарпатья), агитировал в пользу английского принца как будущего чешского короля[417]. Во всяком случае, Масарик с самого начала не скрывал, что реализация проекта Крамаржа будет целиком зависеть от могущества России и ее международных позиций в конце войны. Он стал предлагать королевство во главе с английским, датским либо бельгийским принцем, а затем во главе с сербским престолонаследником Александром, высказывал сомнения в целесообразности включения чехов и словаков, в большинстве своем католиков, в состав православной

[417] Там же. Д. 209. Л. 36.

Российской империи[418], а также опасался возражений со стороны западных союзниц России по Антанте[419].

Планы Крамаржа относительно послевоенного решения «чешского» вопроса изменились позже, лишь в 1917 г. в связи с Февральской революцией в России, когда стал очевидным крах его проекта славянской федерации под скипетром Романовых. Весной–летом 1917 г. он стал высказываться за независимое чехословацкое государство, причем форма государственного строя (монархия или республика) не имела для него принципиального значения[420].

Представляют интерес и планы послевоенного преобразования, исходившие от деятелей чехословацкого национального центра в России, так как именно в нем отчетливо проявилась борьба за различную ориентацию движения. Если в самом начале войны среди представителей чешской колонии в основном преобладали русофильские настроения, а решать «чешский» или «чехословацкий» вопрос предполагалось в духе идей Крамаржа, то со временем настроения изменились, и большинство объединилось вокруг Масарика, признав его руководителем заграничного движения. Однако произошло это далеко не сразу.

В самом начале войны представители Чешского комитета в Москве А. Тучек[421] и С. Коничек[422] опубликовали в газете «Русское слово» статью «Чешский вопрос», в которой выступили за «свободное чешское государство под сенью Святой Руси», подчеркивая славянофильство и русофильство чехов[423]. Более подробно эти же идеи излагались в записке на имя императора Николая II от 2 сентября 1914 г. и при аудиенциях чешских представителей у императора. Основная мысль, изложенная в документе, – восстановление Чешского королевства во главе с представителем династии Романовых. Интересно, что в границы чешского государства предполагалось включить Вену, так как «население Вены наполовину славянское». Подчеркивалось, что все лучшие представители чешской нации были настроены русофильски[424].

По сообщениям Сватковского, на первом этапе войны планы чехословацких деятелей всех центров в общих чертах совпадали, так как целью признавалось восстановление Чешского королевства с династией Романовых[425]. Причем в этот период особо подчеркивались «славянские сантименты», русофильство чехов и словаков и их антипрусские настроения.

---

[418] В беседе с В. Гирсой Масарик высказался в том духе, что 17 млн поляков и 10 млн чехов и словаков составили бы значительное число католиков в православной России, а католическая церковь, как считал чешский политик, всегда будет в оппозиции к правительству страны, в которой католичество не является господствующей религией. Там же. Д. 204/120. Л. 42.

[419] Там же. Л. 67.

[420] Сравнительному анализу идей Масарика и Крамаржа посвящена статья В. Доубека в данной книге.

[421] Тучек Алоис (1881–1925) – чешский предприниматель, возглавлял в Москве филиал фирмы «Лаурин и Клемент», с осени 1914 г. заместитель председателя Чешского комитета в Москве, один из организаторов чешских легионов в России. См. подробно: Slovník prvního československého odboje 1914–18... S. 146.

[422] Коничек-Горский Сватоплук (1866–1931) – чешский политик, жил в России, с 1909 г. возглавлял чешское общество «Славия», в августе 1914 г. создал Чешский комитет в Москве, инициатор организации чешских добровольческих формирований, сотрудничал с российским МИД и Генеральным штабом. См. подробно: Ibid. S. 67.

[423] Русское слово. 1914. 23 авг.

[424] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204/120. Л. 12–21.

[425] Там же. Л. 11.

Один из организаторов чехословацкого движения, в дальнейшем ближайший соратник Масарика в России, Клецанда в середине декабря 1914 г. в докладной записке о чехословацком вопросе на имя статского советника А. М. Петряева (будущего заместителя министра иностранных дел) указывал, что заветной мечты чехов о самостоятельном государстве можно достигнуть лишь при помощи русского государя императора, его правительства и «великого русского народа». По его словам, раздел Австро-Венгрии, объединение чехов и югославян были направлены против германского *Drang nach Osten*. В документе также обосновывалась этническая сущность чехов и словаков как единого народа. Любопытно, что самым большим славянским городом Венгрии он называл Будапешт, где, по его данным, проживало 60 тыс. чехов и словаков. Наиболее близкими к чехам по географическому положению и языку автор считал лужицких сербов[426].

Особо следует сказать и о планах решения «словацкого вопроса». В письме редактору петроградской газеты князю Трубецкому уполномоченные съезда чехословаков в Петрограде Ф. Пауль и Ф. Дедина указывали, что словацкие представители в России не были едины в представлениях о послевоенном будущем: одни стояли за независимое словацкое государство, другие – за автономию в составе России, остальные за «единение с чешским народом». В этом документе также обосновывалось единство чехов и словаков как единой западнославянской ветви, подобно восточнославянской, включавшей русских, украинцев, белорусов, и южнославянской в составе сербов, хорватов и словенцев. Авторы писали: «Образовать из 2 млн словаков отдельное крохотное государство рядом с мадьярским и румынским или как автономную единицу причленить их к России – вряд ли послужило бы на пользу самим словакам и ослабило бы Чешское королевство как стража славянского мира на Западе»[427].

В материалах по решению чехословацкого вопроса в российском МИД отложился и план французского слависта Андрэ Шерадама, опубликованный в газете «Биржевые ведомости». Французский историк полагал, что после войны Австро-Венгрия должна быть ликвидирована, а на ее развалинах надо создать самостоятельные государства, «руководствуясь принципом национальности». По его мнению, в первую очередь необходимо образовать независимое чехословацкое государство, «так как чехи и словаки своею успешной борьбой с германизмом завоевали себе полное право на самоопределение». Он утверждал, что Чешскословацкое государство с выходом в Адриатическое море будет надежным барьером против немецкого проникновения, а «свобода народностям Австро-Венгрии подкосит в корне пангерманский план». В газетном комментарии отмечалось, что взгляды Шерадама разделяет значительная часть французского общества[428]. А это можно уже считать определенным результатом пропагандистской деятельности Масарика и его сторонников за границей.

Несколько уточняя позиции чешских политиков, д-р философии В. Штепанек в обширных черновых заметках «Чешский вопрос с русско-славянской точки зрения» от 8 июня 1916 г. отмечал, что вначале Крамарж и Шейнер просто склонялись к

[426] Там же. Л. 35–40.
[427] Там же. Л. 44.
[428] Там же. Л. 148; Биржевые ведомости. 1916. 27 мая. № 15583.

включению Чехии в состав России на автономных правах и при наместничестве великого князя. Но затем все перешли на программу самостоятельного Чешского королевства в союзе со славянством и непременно с русской династией во главе. Масарик уже в то время намекал на возможность английской или «бурбонской» династии. Та же эволюция планов происходила и в России. По словам Штепанека, еще в 1915 г. на I съезде чехов в Москве была принята резолюция о славянском короле и чешской короне «в лучах русской короны Романовых», а на II съезде в Киеве в 1916 г. Б. Павлу[429] высказался за «полную самостоятельность» и «по возможности» со славянским королем[430].

Подводя итоги, можно констатировать, что в годы войны разрабатывалось множество планов послевоенного устройства Европы, которые тщательно отслеживались и анализировались российским МИД, при этом какая-то единая позиция выработана не была. С одной стороны, отсутствовало единство между отдельными ведомствами и возглавлявшими их лицами. Российские дипломаты несколько отставали с принятием решений, а может быть, шли на это сознательно, не желая до конца войны связывать себя политическими обещаниями в отношении послевоенных границ в Европе.

Планы решения «чешского/чехословацкого» вопроса преображались под воздействием менявшейся действительности, военных и дипломатических успехов и поражений.

Основные принципы построения чехословацкого государства, формирования его границ, которые впоследствии отстаивались в Версале (а в какой-то степени повторялись и после Второй мировой войны), были намечены еще в 1914 г. Масариком и его сторонниками.

Провал проектов Крамаржа и в целом русофильского направления в чехословацком национальном движении был связан не столько с «наивностью», «нереалистичностью», «романтизмом» этих планов, сколько с революционными событиями в России, приведшими к краху монархии, ослаблению и распаду империи, ее досрочному выходу из войны, не позволившему ей вместе с Союзниками определять контуры новой Европы.

---

[429] Павлу Богдан (1883–1938) – участник чехословацкого национального движения, позже дипломат. Воевал на русском фронте, в ноябре 1914 г. перешел на сторону России. С июня 1915 г. во главе редакции газеты «Čechoslovak», поддерживал линию Масарика в сопротивлении, с мая 1917 г. член филиала ЧСНС в России, с декабря 1917 г. – шеф-редактор газеты «Československý denník». С августа 1918 г. зам. председателя филиала ЧСНС, с октября – официальный представитель Временного правительства ЧСР в России, с января 1919 г. глава Особого корпуса в России. См. о нем: Slovník prvního československého odboje 1914–18… S. 102.

[430] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204/120. Л. 156.

Т. Готовска-Хенце

Младочехи и Антанта: контакты в нейтральной Болгарии в 1914–1915 гг.

Уже в августе 1914 г., с началом европейской войны, бóльшая часть чешской общественности отчетливо осознала, что эвентуальная победа Центральных держав обернется усилением германизаторских процессов в Габсбургской монархии, а это серьезно угрожало позитивному решению чешского национального вопроса. Поэтому уже вскоре возникли первые центры сопротивления. Так, в Прогрессивной государственно-правовой партии сформировалось ядро вокруг д-ра Льва Сыхравы. Среди младочехов, которые тогда официально назывались Национальной свободомыслящей партией, выделялась в этом смысле группировка Карела Крамаржа. У реалистов неоспоримым лидером был Т. Г. Масарик[431].

Масарик уехал в эмиграцию и там сосредоточил свою политическую деятельность на решении «чешского вопроса», получении признания правительства еще не созданного независимого чехословацкого государства и создании за границей воинских формирований, сражающихся на стороне Антанты. В отличие от него Крамарж остался в Монархии. В начале войны он ожидал вступления русских войск в пределы Австро-Венгрии и полагал, что нельзя упустить момент, благоприятный для взятия власти. В своей партии он создал нелегальный центр, который тоже добивался сотрудничества с антантовской коалицией, но при этом ожидал, что решение чешского вопроса произойдет в результате решительного вмешательства России.

В начальный период войны для установления первых контактов с Антантой и привлечения внимания России, а также для передачи разведывательных данных о состоянии дел в Австро-Венгрии лидеры младочехов использовали Болгарию, которая пока еще оставалась нейтральной. Данное исследование нацелено на рассмотрение именно этого нелегального канала связи с Антантой, осуществлявшегося через Софию. Автор использовала материалы личного фонда Крамаржа, хранящиеся в Архиве Национального музея в Праге[432]. Речь идет о нелегальной деятельности, которая, как правило, скудно документируется. Поэтому в качестве дополнения использованы мемуары Франтишека и Владимира Сиса, написанные в 1929 г., равно как и воспоминания других современников.

Еще в начале XX в. Крамарж проявил себя как политик неославистского толка, ориентировавшийся на Россию[433]. Поэтому он тяжело переживал постепенное, но

---

[431] *Paulová M.* Tajný výbor Maffie a spolupráce s Jihoslovany v letech 1916–1918. Praha, 1968. S. 13; *Мархолева К.* Чешкият национален въпрос в концепциите на Карел Крамарж и Т. Г. Масарик // Исторически преглед. София, 2001. № 5–6. С. 125–130.

[432] Archiv Národího Muzea (далее − ANM). Pozůstalost Karla Kramáře (далее – КК).

[433] См. подробно: *Готовска-Хенце Т.* Неославизмът и чешко-българските връзки от началото на XX в – две лични съдби // Ролята на чешката интелигенция в обществения живот на следосвобожденска България / Ред. М. Черни. Прага, 2008 (далее – Две лични съдби...). С. 57; *Она же.* Неославизмът, българите и руската политика 1908–1912 г. // България – Русия – между признателността и прагматизма / Ред. Г. Марков. София, 2008. С. 217–231; *Ненашева З. С.* Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX

необратимое вовлечение Габсбургской монархии в фарватер политического курса Берлина. Начало войны, в которой подданные Габсбургов и Гогенцоллернов воевали плечом к плечу против подданных династии Романовых, поставило Крамаржа перед самой тяжелой в его жизни дилеммой. Ведь этот лояльный трону и Монархии чешский политик, бессменный член рейхсрата и его комиссии по внешней политике[434], со временем превратился в символ позитивной чешской политики «малых шагов», благодаря которой чешская нация политически и культурно крепла в лоне старой Монархии. Теперь же он должен был выбирать между преданностью Вене и своими прославянскими и пророссийскими пристрастиями. Импульсивный политик колебался недолго. Хотя еще в предвоенные месяцы Крамарж пришел к убеждению, что решение «чешского вопроса» следует искать вне Габсбургской монархии, момент истины настал с началом европейской войны. «День объявления войны России был и днем расставания с Австрией навсегда» – так отметил он самым категорическим образом переход своего политического Рубикона. Одновременно он зарекся никогда более не ездить в Вену, тем самым положить конец «позитивной» политике[435].

Категоричное решение о разрыве со старой Монархией вскоре приняли и самые близкие его партийные соратники, в том числе Франтишек Сис, его «правая рука»[436]. Талантливый мастер пера, он возглавлял партийный орган младочехов – газету «Národní listy», а к концу войны исполнял и функции генерального секретаря партии. К заговору присоединился и Алоис Рашин, один из самых солидных экономистов в партии. В обстановке строгой секретности трое обсуждали вопрос, как обмануть бдительность военных властей и установить контакты с правительствами стран Антанты. Под кодовым именем «папаша» Крамарж через нейтральные страны вел шифрованную корреспонденцию с внешним миром.

Один тайный канал для обмена информацией с руководящими кругами Российской империи был активирован в декабре 1914 г. и проходил через Швейцарию. Здесь связь осуществлял Всеволод Сватковский, информатор российского МИД, действовавший под прикрытием представительства Петроградского телеграфного агентства. Он был давно знаком с Крамаржем и его семьей[437]. Другой канал начал действовать непосредственно после начала войны и функционировал через Болгарию – до вступления ее в войну – при посредстве младшего брата Франтишека Сиса – Владимира.

Выбор Софии не был случайным. Болгария все еще оставалась нейтральной, и, кроме того, там находился исключительно доверенный человек, обладавший широкими связями среди болгарской политической элиты. Вследствие своей личной

в. М.; 1984. С. 94–95; *Серапионова Е. П.* Карел Крамарж и Россия. М., 2006. См. также статью В. Доубека в данной книге.

[434] Впервые он вошел в зал заседаний парламента в далеком 1891 г. в качестве младочешского депутата и самого молодого представителя в рейхсрате (а с 1894 г. и в ландтаге Богемии) и оставался там до конца конституционной жизни многонациональной империи.

[435] *Kramář K.* Pět přednášek o zahraniční politice. Praha, 1922. S. 57.

[436] В архиве отложилась их многолетняя корреспонденция, связанная с обсуждением различных идейно-политических вопросов и проблем партийного строительства. ANM. KK. Osobní korespondence – František Sís.

[437] См. подробно: *Lustigová M.* Karel Kramář: první československý premiér. Praha, 2007. S. 121.

близости к Крамаржу Владимир Сис был хорошо известен и в местных русофильских и славянофильских кругах[438]. А благодаря своей журналистской деятельности в качестве военного корреспондента газеты «Národní listy» во время 1-й Балканской войны[439], он стал известен в придворных кругах и даже самому царю Фердинанду Саксен-Кобург-Готскому[440].

Болгарский «канал» заработал почти сразу же после начала войны. Еще в августе 1914 г. Владимир получил письмо от брата, в котором содержалась просьба прозондировать мнения британского, французского и российского посланников в Софии о будущем решении чешского вопроса[441]. «Это особенно важно для д-ра Крамаржа», – подчеркивал Франтишек, поручая брату вести переговоры от имени председателя младочешской партии[442].

С самого начала войны почти ежедневно Франтишек встречался с Крамаржем и Рашиным в кабинете последнего в редакции газеты «Národní listy». После установления контактов с представителями Антанты все трое начали собирать разведданные из различных областей. На их основе они готовили тайные донесения, содержавшие, по возможности, самую актуальную информацию о дислокации и передвижениях австро-венгерских воинских соединений, о производстве оружия и снаряжений. Одновременно, помимо конкретных сведений, составлялись углубленные обзоры и прогнозы по поводу экономического и финансового состояния дуалистической империи – некоторые из них вышли из-под пера самого Рашина[443]. В зашифрованном виде эти документы направлялись в Софию и там передавались представителям стран Антанты. В Генштаб русской армии они попадали через военного атташе в Софии полковника Александра Александровича Татаринова, с которым Владимир Сис поддерживал постоянную связь[444].

Интересен способ функционирования тайного информационнного канала между Прагой и Софией. Как объяснял сам Сис, с самого начала он получил из Будапешта невинную на первый взгляд книжку Оскара Уайльда с неразрезанными страницами. Почти одновременно с этим итальянский журналист из Кремоны Д. Адони написал Сису письмо, в котором проинструктировал его о способе обмена информацией: белые поля книги были обработаны особыми чернилами и несли в себе разведывательную информацию, которую можно было прочитать лишь после обработки страниц специальной жидкостью. Доступ же неформального чешского

---

[438] Буквально накануне 1-й Балканской войны глава болгарского правительства Иван Евстратиев Гешов воспользовался близостью молодого журналиста с лидером неославистов для того, чтобы поручить ему важную неофициальную дипломатическую миссию. См.: *Готовска-Хенце Т.* Нови сведения за мисия на Владимир Сис при обявяването на Балканската война // Архивен преглед. София, 2008. № 1–2. С. 106–112.

[439] Часть репортажей в переводе на болгарский язык см.: *Готовска-Хенце Т.* Репортажите на Владимир Сис от навечерието на Балканската война 1912 г. // Историята – професия и съдба: Сборник в чест на чл.-кор. д. ист. н. Г. Марков. София, 2008. С. 205–225; *Она же.* Младочешката преса за Балканската война 1912 г. (ч. 1) // Клио: Юбилеен сборник в чест на ст. н. с. I ст. Милен Куманов. София, 2008. С. 517–533.

[440] Во время Балканской войны царь Фердинанд дал ему аудиенцию в городе Мустафа паша (ныне Свиленград), во время которой на странной смеси чешского и словацкого языков выразил свои симпатии к Крамаржу и к газете «Národní listy». См. подробно: Две лични съдби... С. 61.

[441] ANM. KK. K. 2. Inv. č. 639. Sís V. Příspěvek k dějinám Maffie.

[442] *Sís V.* Dr. Karel Kramář. Praha, 1930. S. 237.

[443] ANM. KK. K. 2. Inv. č. 639. *Sís V.* Příspěvek… S. 1.

[444] *Soukenka J.* Karel Kramář 1914–1918. Praha, 1930. S. 39; *Zeman A.* The break-up of the Habsburg Empire. L., 1961. P. 74–75.

информатора к представителям иностранных миссий в Болгарии обеспечило имя Крамаржа, который в тот момент был одним из двух (наряду с Т. Г. Масариком), а по оценке крупнейшего французского слависта Эрнеста Дени, самым известным в Европе чешским политическим деятелем[445].

В конце сентября 1914 г. Сис уведомил Прагу, что поведение антантовских дипломатов «обнадеживало», но они настаивали, чтобы чехи на деле показали себя подлинными союзниками[446].

С особым вниманием в Праге ожидали тогда информации о позиции официального Петрограда. Впоследствии Крамарж остался доволен и преисполнен надеждой, вызванной появлением статьи в газете «Новое время» от 23 августа 1915 г. Здесь независимость славянских народов Австро-Венгрии указывалась в качестве одной из военных целей России[447]. Не только Крамарж, но и остальные заговорщики свои самые большие надежды возлагали на Россию. Как вспоминал впоследствии Франтишек Сис, «после начала мировой войны вера в русскую помощь была нашей надеждой. Мы верили в дружбу французов, надеялись приобрести симпатии англичан, но с Россией нас связывал единокровный союз. Здесь мы имели право рассчитывать на нечто большее. В отношении России мы чувствовали себя в том же самом положении, в каком находились балканские славяне во время османского владычества»[448]. Другой вопрос, насколько правящие круги Российской империи были готовы тогда разделить эти чувства...

Помимо зондажей позиции антантовских дипломатов, Владимир Сис внимательно отслеживал и перипетии взрывоопасных сербско-болгарских отношений вокруг «яблока раздора» – Вардарской Македонии. Сообщаемые им сведения о возможной войне из-за нее встревожили пражских конспираторов. В октябре 1914 г. Крамарж направил в Софию новую шифрованную инструкцию. Наряду с основной целью – включением чешского вопроса в повестку дня Антанты и передачей разведданных – Сису предписывалось использовать свое влияние в русофильских кругах Софии для того, чтобы убедить их воздействовать на болгарское правительство с целью преодоления противоречий с Сербией. Тем самым Крамарж стремился предотвратить самое роковое событие – вступление Болгарии в войну на стороне Центральных держав[449]. Понять его тревогу несложно – ведь сербско-болгарская война неизбежно похоронила бы мегаломанский проект «Карела Великановича», предполагавший создание «Славянской империи» под эгидой династии Романовых. Эта империя должна была включать всех славян, в том числе и болгар.

Как показал дальнейший ход событий, вмешательство Сиса не оказало никакого влияния на определение внешнеполитического курса софийского кабинета. Более ощутимый результат дали его переговоры с дипломатами стран Антанты. Хотя эти переговоры были неофициальными и ни к чему не обязывающими, представители

---

[445] *Sís V.* Jmeno Dra. Karla Kramáře v cizině // Sbornik Dra Karla Kramáře k 70-tým narozeninám. Praha, 1930. S. 333; *Denis E.* Dr. Karel Kramář a Evropa // Sbornik Dr. Karel Kramář – k šedesatým narozeninám. Praha, 1920. S. 3; *Soukenka J.* Op. cit. S. 40.

[446] *Sís V.* Dr. Karel Kramář… S. 237.

[447] *Soukenka J.* Op. cit. S. 39.

[448] ANM. KK. Inv. č. 2041. L. 1.

[449] *Sís V.* Dr. Karel Kramář... S. 238.

стран Антанты все-таки прозондировали мнения своих правительств по чешскому вопросу и уведомили о них Сиса.

Эту информацию Сис передал в Прагу в своем третьем секретном донесении. Оно не содержало удивительных или неожиданных для Крамаржа новостей. Британская сторона все еще придерживалась политики сохранения традиционного баланса сил в Центральной Европе, то есть выступала за сохранение дуалистической Монархии, хотя и выражала понимание необходимости ее реформирования в интересах подвластных народов. Прежде всего, Форин оффис не одобрял идею появления нового славянского государства в сфере российского политического влияния. Как впоследствии отмечал сам Владимир Сис, лишь с лета 1915 г., после приезда в Софию нового посланника, Хью О'Бейрна, много лет прослужившего в России и находившегося в хороших отношениях с русскими дипломатами, сочувствие со стороны британцев стремлению чехов к независимости стало проявляться определеннее. Осторожно вела себя и французская дипломатия. Ее представитель Андрэ де Панафье приятельски общался с Сисом и был благорасположен к чехам, но не оставлял идею сохранения старой Монархии. Поэтому он советовал чехам обратить свои усилия на ее реформирование и синхронизировать их в этом направлении с действиями венгров. Что же касается Италии, то она тогда еще сохраняла нейтралитет в войне, хотя формально и оставалась связанной с Центральными державами «мертвой буквой» союзного договора. Тем не менее итальянский посланник в Софии Фаусто Куки Боассо во время разговора с Сисом не проявил заинтересованности в сохранении *status quo ante bellum*. По понятным причинам, он не был против уничтожения многонациональной империи и замены ее менее значительными территориально-государственными образованиями[450].

Владимир Сис знал, что для Крамаржа наиболее значимой является позиция России. Поэтому в следующем донесении он уделил особое внимание мнению российского посланника в Софии Александра Александровича Савинского. Сис сообщал о «живом» интересе дипломата к проекту создания будущего государства на руинах Габсбургской монархии. Савинский уверял, что чешские стремления к независимости восприняты в Петрограде «самым искренним образом», и рекомендовал изложить их конкретно в отдельном меморандуме[451].

Российская сторона учла и чешские пожелания по поводу рубежей будущего государства. Для младочехов стратегически значимым была предусмотренная в будущем общая граница с Россией. Поскольку на раннем этапе войны стремления поляков к независимости еще не рассматривались серьезно великими державами, из Петрограда посоветовали, чтобы будущая Чехословакия выдвинула притязания на включение в свой состав и прусской Силезии с Бреслау (Вроцлавом). «Очевидно, он (то есть Савинский. – *Т. Г.-Х.*) имел в виду прежде всего русские интересы в то время, когда о восстановлении Польши еще не было и речи»,– комментировал позднее Сис слова российского дипломата[452].

Получив это донесение в декабре 1914 г., лидеры младочехов решили последовать совету Савинского и систематизировать политические пожелания

---

[450] ANM. KK. K. 2. Inv. č. 639. *Sís V.* Příspěvek… S. 3; *Soukenka J.* Op. cit. S. 40.
[451] *Sís V.* Dr. Karel Kramář… S. 238.
[452] ANM. KK. K. 2. Inv. č. 639. *Sís V.* Příspěvek… S. 3.

чешского сопротивления в едином документе. Он должен был включать два основных пункта: государственно-правовое положение чехов по окончании войны и новые государственные границы. Первый вопрос требовалось изложить как можно детальнее, поскольку будущая политическая судьба чехов напрямую зависела от окончательного исхода войны, а его пока еще трудно было предугадать. Что же касается границ, то здесь необходимо было добиваться обеспечения максимальной жизнеспособности нового государства и его стратегической защиты.

С учетом различных обстоятельств, которые могли повлиять на исход войны, документ предусматривал три возможных варианта решения чешского национального вопроса: полная независимость, уния с Россией и, в случае сохранения дуалистической монархии, восстановление исторического чешского государственного права, то есть поднятие статуса Чешских земель до уровня Венгрии[453]. По понятным причинам Крамарж советовал Сису обсуждать вопрос об унии только с Савинским, а не с британским посланником Генри Бакс-Айронсайдом, который не скрывал своего недоверия к России, а также своего сдержанного отношения к идее решения чешского вопроса за счет старой Монархии[454].

В вопросе о будущих границах младочешские лидеры проявили единодушие и высказались за «максималистский» вариант, то есть за включение терриорий, помимо исторических областей Чешского королевства и Словакии. Они воспользовались поданным из Петрограда советом и пожелали включить в состав будущего государства прусскую Силезию, а также дополнительно присоединить Кладско и Лужицу. России они предназначали роль основного гаранта стратегической безопасности будущего славянского государства в сердце старого континента.

Подготовленный младочешскими конспираторами документ достиг Софии в январе 1915 г. Помимо проекта меморандума, Франтишек направил брату письмо с дополнительными разъяснениями и инструкцией о дальнейших действиях[455]. В конце письма содержался совет не упускать из виду конкретных обстоятельств в Софии и настроений антантовских дипломатов.

Учитывая «их (то есть представителей Антанты в Софии. – *Т. Г.-Х.*) советы и в то же время придерживаясь инструкций пражской Маффии», в марте 1915 г. Владимир Сис завершил доработку меморандума[456]. И в его версии сохранились уже очерченные альтернативы политического будущего страны. Здесь важен пункт 3, который предусматривал предоставление новому государству железнодорожных коридоров – на юг к Адриатике с портом Риека и на восток, к Балканам[27]. Естественно, этот вопрос «тактично» опускался в разговорах с итальянским представителем. Владимир Сис сопроводил меморандум собственноручно подготовленной картой будущего государства. По его собственным словам, в качестве модели он использовал карту Чехии времен ее «золотого века» при

---

[453] Эти пожелания подробно изложены и в документе Сиса. В нем также категорически заявляется, что в случае унии с Россией не ставится вопрос о превращении Чешских земель в одну из российских губерний. См.: ANM. KK. K. 2. Inv. č. 639. *Sís V.* Příspěvek… S. 2–3.

[454] *Sís V.* Dr. Karel Kramář… S. 239.

[455] *Soukenka J.* Op. cit. S. 41.

[456] Оригинальный текст на французском языке см.: ANM. KK. K. 2. Inv. č. 639. *Sís V.* Příspěvek… S. 4. [27] См. подробно: *Soukenka J.* Op. cit. S. 42–43.

императоре Карле IV, то есть действительно самую «максималистскую» версию, какая только была возможна.

Документ снова «отправился» в путь. Доработанная Владимиром версия была направлена на одобрение в пражский штаб младочехов. Там намеревались внести дополнительные поправки – Франтишек Сис, помимо прочего, настаивал на том, чтобы из окончательного текста документа был удален параграф, предусматривающий возможное сохранение дуалистической империи. Этого, однако, не произошло, и данная поправка не была внесена, поскольку в то же самое время младший брат, сообразуясь с конкретными обстоятельствами (взятие русской армией Перемышля и сильное впечатление, произведеннное этим событием в Болгарии), вручил меморандум дипломатическим представителям Британии, Франции, России и Италии, аккредитованным в Софии [457]. Иными словами, представители стран Антанты получили именно ту версию текста, которую разработал Владимир Сис. По тактическим соображениям и следуя инструкциям Крамаржа, только в тексте, врученном Савинскому, упоминалось о связи будущего независимого государства с Россией в форме унии.

Конкретный акт вручения меморандума можно датировать лишь приблизительно, причем дата определялась впоследствии самим Владимиром. В оригинальном документе, находящемся в архиве Крамаржа, он указывал, что данное событие произошло в конце марта[458]. В другом месте Сис еще более конкретен, указывая в качестве наиболее вероятных дат 20 или 22 марта 1915 г. При определении этой даты он, скорее всего, руководствовался отъездом из Софии ирландца Пирса О'Махони, своего близкого знакомого, который, покидая болгарскую столицу 24 марта 1915 г., также получил копию документа Сиса[459]. В мемуарной же литературе вручение меморандума датируется еще более поздним сроком – апрелем[460]. По нашему мнению, эти различия обусловлены тем фактом, что речь идет не о разовом вручении одного документа, а о распространении нескольких идентичных копий, происходившем сообразно обстоятельствам и поэтому в разное время. Адресаты находились в разных местах, и необходимо было изготовить несколько копий одинакового содержания[461]. В условиях войны и цензуры не было никаких гарантий, что этот документ не будет «перехвачен» и уничтожен прежде, чем дойдет по назначению, поэтому и Сис перестраховался, используя максимально возможное количество способов его доставки.

До настоящего времени известны несколько версий документа, разосланных в различных направлениях и с разными людьми. В основном они предназначались для ознакомления официальных кругов в странах Антанты и обнародования с помощью прессы. В Лондон были отправлены по меньшей мере две копии. Как уже упоминалось, одну из них, предназначенную для правительственных кругов, доставил О'Махони, который выразил готовность поддержать меморандум самым

[457] Ibid. S. 43.

[458] ANM. KK. K. 2. Inv. č. 639. *Sís V.* Příspěvek… S. 1.

[459] *Sís V.* Dr. Karel Kramář… S. 239.

[460] *Soukenka J.* Op. cit. S. 44.

[461] Подлинник этого документа, хранящийся в архиве Франтишека Сиса, обнаружила К. Мархолева, которая подготовила его публикацию. В архиве же Крамаржа находятся тексты двух других версий, одна из которых написана по-французски, то есть именно та, которую получили посланники.

горячим образом. Другой экземпляр, предназначенный для газеты «Таймс», следовало передать Генри Уикхэм Стиду, личному знакомому Крамаржа. В этом отношении посредничал софийский корреспондент газеты Джеймс Баучер. Французскому правительству один экземпляр меморандума доставил известный славист профессор Луи Леже. В Россию отправились несколько копий. Одну из них, предназначенную для Генштаба, Сис передал через Татаринова, который успешно выполнил свою функцию [462]. Другую получил лидер кадетской партии Павел Николаевич Милюков[463]. Так по различным каналам чешский документ все-таки беспрепятственно достиг столиц стран Согласия.

Как Сис сообщил в Прагу, антантовские дипломаты заверили его в том, что меморандум привлек внимание в Лондоне и в Париже. Панафье в то же время рекомендовал, наряду с дипломатическими акциями, организовать и «революцию» в Чешских землях. Как и следовало ожидать, итальянская сторона имела замечания по вопросу выхода Чехии к Адриатическому морю, а российская настаивала на фиксировании ее будущего государственно-правового устройства[464]. В целом же Сис полагал, что чешское дипломатическое наступление получило положительный резонанс.

Молодой чешский журналист и конспиратор продолжил поставлять разведывательную информацию представителям Антанты в Софии. Здесь важно упомянуть, что в декабре 1914 г. предпринималась попытка связать швейцарский и болгарский каналы нелегального младочешского сопротивления. Эта попытка, однако, была совершена не с помощью младшего Сиса, а при содействии другого постоянно пребывающего в Софии чешского журналиста – более пожилого и опытного Эмила Чермака, который также имел доступ к болгарским правящим кругам. Уже упомянутый Сватковский, который из Швейцарии поддерживал связь с Крамаржем, вступил в контакт с Чермаком и попросил его выехать в Прагу для сбора новой важной информации. Чермак сумел успешно выполнить задание. Он встретился с Крамаржем и Масариком, собрал необходимые сведения и затем доставил их в Цюрих Сватковскому, который, со своей стороны, находился в контакте с российскими властными структурами. Однако на обратном пути Чермак был арестован австрийской полицией и более двух лет провел в тюрьме. Так прервался этот канал связи[465].

Софийский же канал продолжал действовать до самого вступления Болгарии в войну. За день до отъезда из Софии дипломатов стран Антанты Сис сумел передать им актуальные сведения о передвижении австро-венгерских войск, о производстве оружия и некоторых военных нововведениях, о настроениях солдат. Эта ценная стратегическая информация сопровождалась обзором общего финансового состояния империи. В то же время в секретном донесении уделялось место и внутриполитической информации: Владимир сообщал о настроениях среди

---

[462] ANM. KK. K. 2. Inv. č. 639. *Sís V.* Příspěvek… S. 5.

[463] *Sís V.* Dr. Karel Kramář… S. 239.

[464] ANM. KK. K. 2. Inv. č. 639. *Sís V.* Příspěvek… S. 5.

[465] См. подробно: *Вачкова К., Вачков В.* Нови данни за живота и дейността на българския и чешкия журналист Емил Чермак // Чехи в България: Ролята на чешко присъствие за българското национално развитие. София, 2009. С. 67.

различных народов Монархии, обращая особое внимание на политику военных властей, которые преследовали чехов и славян в целом[466].

Разрыв дипломатических отношений с Болгарией и отъезд представителей стран Четверного согласия из Софии положили конец функционированию болгарского канала связи между младочехами и Антантой. Впрочем, к тому моменту данная связь и без того была уже серьезно расстроена вследствие ареста Крамаржа по распоряжению военных властей 21 мая 1915 г. Это событие нанесло сильный удар по ядру сопротивленцев в младочешской партии. Процесс начался 6 декабря 1915 и закончился 3 июня 1916 г., то есть длился 122 дня. В соответствии с § 58 Уголовного кодекса против Крамаржа было выдвинуто обвинение в государственной измене. Оно излагалось на 105 машинописных страницах и состояло из 14 глав[467]. Курьезным в данном случае было то, что, хотя разнородная и многолетняя политическая деятельность Крамаржа рассматривалась чуть ли не под лупой, следствие и суд искали «днем с огнем» прямые доказательства его шпионской и антигосударственной деятельности, но так и не нашли. Показания же многочисленных свидетелей, среди которых были и крупнейшие австрийские политики, были недостаточно уличающими. В сущности, Крамарж вызвал гнев военных властей стремлением не допустить ожидаемого австрийскими верхами проявления чехами лояльности императору.

Владимир Сис делал все возможное для ознакомления болгарской общественности с правдивой информацией о процессе. Едва завершив миссию по установлению связи с дипломатами стран Согласия, Сис с не меньшим рвением занялся новой деятельностью – спасением Крамаржа. В своем последнем рапорте, врученном посланникам стран Антанты перед их отъездом из Софии, он сообщал и конкретные данные о ходе так называемого «панславистского» процесса в Праге[468]. В последующие месяцы этим процессом были озабочены и славянофильские круги в Болгарии[469].

Из всего сказанного выше очевидно, что софийский канал стал первым, по которому деятели младочешского сопротивления установили контакт с представителями Антанты. Используя имя Крамаржа, младочехи представили Союзникам свои взгляды на решение национального вопроса в форме меморандума. Однако на раннем этапе войны Союзники еще не были готовы взять на себя обязательства по радикальному решению чешского вопроса. Кэ д'Орсе и Форин оффис приняли «к сведению» младочешский меморандум, однако он едва ли мог повлиять на формирование позиции союзнической дипломатии. Даже официальная Россия тогда не была готова недвусмысленно поддержать чехословацкие стремления к независимости[470]. В этом смысле Владимир Сис несколько преувеличивал, сообщая в Прагу, что реакция посланников была «обнадеживающей». На самом деле эта реакция была чисто «нейтральной», то есть Союзники приняли к

---

[466] *Sís V.* Příspěvek… S. 5.

[467] См. подробно: Proces d-ra Kramáře a jeho přátel / Vyd. Z. Tobolka. Sv. 1–5. Praha, 1918–1920; *Lustigová M.* Op. cit. S. 133–137.

[468] ANM. KK. K. 2. Inv. č. 639. *Sís V.* Příspěvek… S. 5.

[469] *Готовска-Хенце Т.* Две лични съдби... С. 64–65.

[470] *Она же.* Томаш Гарик Масарик: изповедта на един набеден русофоб // Минало. 1999. № 3–4. С. 87–96.

сведению этот документ и ознакомились с ним, но не более того. Для того, чтобы «дозреть до практического применения» чешских пожеланий, Союзникам еще предстояло пройти долгий путь.

Хотя софийский меморандум и не оказал прямого и незамедлительного эффекта на «большую политику», он все же не остался без определенного политического значения. Врученный в первый год войны и представляющий концепцию считавшегося лояльным Монархии чешского политика и многолетнего парламентария, а также его влиятельной партии, данный документ представлял собой важное доказательство коренного и решительного перелома политических настроений чехов. Преданная изнутри, многонациональная Монархия уже агонизировала, и Союзники рано или поздно должны были учесть этот факт.

Перевод с болгарского Г. Д. Шкундина

Е.Ф. Фирсов

Чешские историки и деятели культуры в национальном движении Чешских земель Монархии в 1917–1918 гг.

Основное внимание в исследовании уделено подъему чешского национального движения в австрийских условиях начиная с весны 1917 г. Рубежным событием в этом смысле стало принятие усилиями чешского культурного фронта знаменитого Манифеста чешских писателей от 17 мая 1917 г. Борьба за его появление и распространение среди чешского народа всколыхнула наконец долгое вынужденное общественное молчание в годы военного положения. К культурному фронту, без сомнения, относится также плеяда чешских историков, именуемая обычно исторической «школой Голла» по имени патриарха чешской историографии Ярослава Голла (1846–1929), сформировавшего многочисленную школу своих учеников в Карловом университете. Не только представители чешских писателей во главе с маститым прозаиком и историком по образованию Алоисом Ирасеком (1851–1930), но и представители других ответвлений культуры (ученые, художники, скульпторы и т.д.) включились в борьбу за платформу чешского национального самоопределения. В обсуждении животрепещущих проблем национальной жизни особенно активно проявили себя чешские историки, причем не только в публицистике и прессе (в условиях строгой австрийской цензуры), но и особенно в личной корреспонденции, которую автор тщательно изучил в пражских архивах[471].

Нас интересовала прежде всего реакция чешских историков на все важные происходившие события, на самые значимые аспекты национальной борьбы на заключительном этапе Первой мировой войны. Вставала также со всей очевидностью проблема идейно-политического размежевания внутри «школы Голла». В противовес очевидной австрофильской охранительной ориентации Ярослава Голла и Йозефа Пекаржа (1870–1937) новое поколение историков выступило за создание независимого чешско-словацкого государства и радикализацию форм и методов национальной борьбы. Особый интерес для исследователя представляют в корреспонденции места с характеристикой обстановки в чешских землях и отношения к основным событиям и вехам национально-освободительной борьбы чехов и словаков. Важно то, что эти характеристики исходили от профессионально подготовленных историков, более адекватно отражавших в личной корреспонденции состояние и уровень национально-освободительного движения в тот период, чего нельзя сказать о прессе, подвергавшейся, как правило, цензуре.

[471] Автор выражает благодарность известному чешскому историку, вице-президенту АН Чешской Республики Ярославу Панеку за содействие в получении ксерокопий многих архивных документов. Эти материалы автор активно использует в ежегодно читаемом курсе лекций по чешской и словацкой историографии на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова.

К числу основных источников относится и том документов, опубликованных Литературным архивом Памятника национальной письменности Чешской республики под названием «Чешские писатели и образование республики.
К 80-летию образования ЧСР»[472]. Книга содержит личную переписку Ирасека с чешскими писателями и деятелями культуры, резолюции широкой чешской общественности в поддержку Манифеста писателей от 17 мая 1917 г., за активизацию чешского национального движения в противовес Вене. Именно здесь был опубликован с внесенными уточнениями текст Манифеста и другие важные документы программного характера. Фрагмент Манифеста, а также одного из писем приводятся в приложении к данной статье.

Реалии рассматриваемого периода чешской истории подробно описаны автором в ряде научных статей, посвященных положению и борьбе чехов и словаков в годы Первой мировой войны[473].

На изменение обстановки весьма надеялись после вступления на австрийский престол в ноябре 1916 г. Карла I, тем более что он на определенное время, чтобы лучше узнать Чехию, поселился в Пражском замке и изучал право в 1906–1908 гг. в Пражском университете. К нему во дворец для чтения лекций и проведения занятий приходили ведущие специалисты всех специальностей с философского и юридического факультетов. Чешскую, австрийскую и всеобщую историю ему преподавал лично профессор Голл, прекрасно владевший немецким языком. Да и сам Карл делал заметные успехи в чешском языке. Голл с удовольствием водил его по Праге и показывал исторические достопримечательности. Профессор души не чаял в своем ученике, вдумчивом и способном. К занятиям он относился серьезно и искренне радовался похвалам за успехи в учебе. Авторитет Голла в Вене, в свою очередь, рос. Благосклонность Вены к Голлу способствовала решению разных вопросов в пользу Карлова университета. Голл с пиететом относился к династии, к венским властям и идеализировал их. Порой утрачивалось критическое отношение к Вене и усиливался идейно-политический консерватизм. Многое устраивало его в

---

[472] Čeští spisovatelé a vznik republiky. K 80. výročí ČSR / Ed. R. Frolková, Y. Dörflová. Praha, 1998.

[473] См., например: *Firsov E.* Boj Čechů a Slováků v Rusku o Masarykův program v letech 1916–1917 a Masarykův odkaz moderní demokracii (ve světle archivních nálezů) // První světová válka, moderní demokracie a T. G. Masaryk. Praha, 1995. S. 103–114; *Idem.* Boj za orientáciu českého a slovenského národnooslobodzovácieho hnutia v Rusku v rokoch 1915–1917 // Historický časopis. Bratislava, 1995. № 1. S. 47–68; *Idem.* Český historik Jaroslav Papoušek v Rusku a jeho neznámé dopisy z Butyrek N. F. MelnikovéKedrové-Rivnáčové // Bezděz. Vlastivědný sborník Ceskolipská. Ceská Lipa, 1998. № 7. S. 57–78; *Idem.* Hektografické materiály a korespondence v propagandě patriotického hnutí českých a slovenských zajatců v Rusku // Historié a vojenství. Praha, 2003. № 1. S. 23–36; *Idem.* Slovensko a slovutný Slovák Milan Rastislav Štefánik v archivných dokumentoch Ruska // Fidei et Patriæ. Jubilejnik na počest' 80. narodenín Františka Vnuka. Bratislava, 2008. S. 121–133; *Фирсов Е. Ф.* Борьба за политическую ориентацию чешской и словацкой колоний в России в 1915–1917 гг. Масарик или Дюрих? // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 111–135; *Он же.* Милан Растислав Штефаник в России (по оперативным материалам царской и колчаковской власти) // Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд. Мартин, 2001. С. 35–56; *Он же.* Словацкие сюжеты и знаменитый словак М. Р. Штефаник (по архивным материалам России) // Меценат и мир. 2002. № 17–20. С. 508–518; *Он же.* Счастливый финал бутырской love story чеха Ярослава Папоушека (из архивных изысканий) // Меценат и мир. 2003. № 21–24. С. 261–274; *Он же.* Рукописные журналы на родном языке чешских добровольцев в России в 1916–1917 гг., или Чехия – Земля обетованная // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 221–236; *Он же.* Т. Г. Масарик и российская интеллектуальная среда. Ч. 1. М., 2005; *Он же.* Bojovník za národnú slobodu M. R. Štefánik vo svetle rusky´ch prameňov// M. R. Štefánik v zrkadle prameňov a najnovších poznatkov historiografie. Bratislava, 2010. S. 33–45.

венском истеблишменте. Чем больше он льнул к династии, тем больше отдалялся от понимания насущных проблем Чешских земель и утрачивал чутье к политическим и национальным чаяниям самих чехов. Голл ни в коей мере не воспринимал линию заграничного движения сопротивления во главе с триумвиратом Масарик – Бенеш – Штефаник.

Критика в адрес его политической ориентации им никак не воспринималась.

Взваливший на себя тяжелый груз власти император Карл I на первых порах, не имея опыта управления государством, вынужден был опираться на более компетентное окружение. Постепенно Карл пришел к мысли о необходимости прекращения войны и коренной реконструкции Монархии, чтобы получить поддержку населяющих ее народов. И к началу 1917 г. ему удалось сломить влиятельную военную верхушку.

При Карле I возобновились заседания парламента, в какой-то мере он пошел на уступки чехам (например, помиловал осужденных чешских деятелей К. Крамаржа и А. Рашина, пытался назначить чехов на высшие государственные посты и т.д.). Однако вскоре взяла верх другая линия, и интересы Чешских земель вовсе перестали учитываться монархом.

Вплоть до весны 1917 г. приоритет в антиавстрийском движении принадлежал заграничному центру сопротивления во главе с Т. Г. Масариком. Чешское общество продолжало занимать выжидательную позицию.

Лишь в 1917 г. и в первой половине 1918 г. после революционных событий в России и радикализации внутренней обстановки в Австрии ситуация стала меняться. На этом этапе мировой войны страны Антанты согласились наконец с идеей ликвидации Австро-Венгрии и реконструкции Центрально-Европейского региона.

Хотя решение покончить с Монархией уже было принято за границей Масариком и Бенешем, на этом этапе национальной борьбы весомое слово о ее судьбе должно было прозвучать и внутри Чешских земель[474].

Накануне открытия в Вене парламентской сессии, назначенной на 30 мая 1917 г., чешские политики в ускоренном темпе готовили свое программное заявление в духе чешского государственного исторического права. В выработке программных документов принимал активное участие Пекарж, менее консервативный, чем Голл[475]. В отношении будущего государственного устройства Чешских земель это была своего рода программа-минимум, в духе компромиссной лояльности Вене. О чешском национальном самоопределении даже не шло речи.

В решающий момент благодаря решительным и радикальным по тем временам действиям ведущих представителей чешского культурного фронта внутреннее движение сопротивления в Чешских землях заявило, наконец, о себе в полный голос и выступило в поддержку платформы национального самоопределения.

В Манифесте чешские писатели 17 мая в решительной форме обратились к чешским депутатам, заседавшим в австрийском рейхсрате, с требованием, чтобы те как следует отстаивали национальные права чешского народа и считались впредь с

---

[474] См.: Korespondence T. G. Masaryk – Edvard Beneš. 1914–1918 / Ed. D. Hájkova, I. Šedivý. Praha, 2004. S. 12.

[475] Публицистические выступления Й. Пекаржа в чешской прессе собраны и изданы в брошюре: Pekař Josef. Na cestě k samostatnosti / Ed. J. Hanzal. Praha, 1993.

его волей. «Мы обращаемся к вам,– говорилось в Манифесте,– и имеем не только право, но и обязанность выступать от имени всего народа, поскольку тот пока высказаться не имеет возможности»[476].

И вот с весны 1917 г. прежнее чувство страха постепенно исчезало, Чешские земли духовно преображались. Многочисленные резолюции, постановления и письма простых людей приходили на адрес загородного дома Ирасека в местечке Гронов близ города Наход на северо-востоке Чехии. Он стал своеобразным координационным центром чешского национального движения в Чехии, Силезии и Моравии. Ирасека буквально засыпали письмами изо всех чешских и моравских уголков. Таким образом, была продемонстрирована готовность большинства чешского населения (а не только подписантов из кругов чешской науки и культуры, общественных деятелей и предпринимателей, которых насчитывалось более двухсот) поддержать программу чешского национального самоопределения. По призыву Ирасека Манифест опубликовало большинство чешских периодических изданий, после чего подписная кампания под Манифестом продолжилась. Недавно было уточнено точное число подписантов – 223, а не 222 деятеля, причем было бы теперь неточно называть документ лишь манифестом чешских писателей.

Безусловно, удачным было решение Ирасека и драматурга Ярослава Квапила – собрать под воззванием как можно больше подписей, а не ограничиться подписями лишь нескольких деятелей культуры. Ведь на массовые аресты в то время Вена вряд ли бы уже отважилась пойти.

Манифест писателей заявлял, что чешский народ вправе сам определять, кого наделять парламентскими мандатами, и требовал осуществления на практике защиты избирательных прав простого населения. В тексте Манифеста впервые употреблялся завуалированный термин «права чехославянского народа» (вместо «чехословацкого»), причем тем самым подразумевались права братского словацкого народа. В Манифесте делался упор на том, чтобы чешские политики выступили более решительно: «И ныне, и впредь на вас, уважаемые господа, как представителей чешского народа будут обращены все взоры, и совершенно очевидно, что от вас требуют… Европа сегодняшняя и будущая – это Европа демократическая, Европа равноправных и свободных народов. Народ требует от вас быть заодно с народом в этот важный исторический момент, помните об обязанностях перед своим народом», – заключал Манифест.

Чешские депутаты 30 мая 1917 г. выступили с парламентским заявлением, в котором выдвигали требование преобразования Монархии в государство свободных и равноправных народов. Хотя заявление депутатов еще не означало полного расхождения с австрийской монархией, но это уже был существенный сдвиг в концепции государственно-правового устройства Чешских земель. Это особенно осознал Голл, который не преминул заявить, что посредством Манифеста практически делается опасный прецедент оказать давление на Чешских депутатов и их парламентскую практику. В журнале «Union» появилась статья Голла «Auf Befehl» («По приказу»), в которой тот осудил Манифест. Но Голл и Пекарж, не

[476] Projev českých spisovatelů k českým poslancům na říšké radě. Praha, 17 května 1917 // Čeští spisovatelé a vznik republiky. K 80. výročí ČSR / Ed. R. Frolková, Y. Dörflová. Praha, 1998. S. 228−229.

поставившие свои подписи под Манифестом в ходе развития широкой подписной компании, остались в одиночестве. Большинство чешских историков поддержало текст Манифеста, подготовленный патриархом чешской литературы Алоисом Ирасеком и главным драматургом филиала чешского Национального театра Ярославом Квапилом. Текст Манифеста был сформулирован и подвергся редакции историка Яна Гейдлера. Среди подписантов значились имена многих чешских историков, вышедших в свое время из исторического семинара Голла (Камил Крофта, Ян Опоченский, Вацлав Войтишек, Рудольф Урбанек, Зденек Неедлы, Ян Гейдлер, Карел Гох, Владимир Гельферт, Вацлав Новотный, Властимил Кибал и др.)[477]. Таким образом, консерваторы очутились тогда в своего рода изоляции от радикализирующегося фронта чешской науки и культуры, да и от широкой общественности в целом.

При содействии Ирасека и Квапила была создана своеобразная координирующая структура чешского внутреннего движения сопротивления под названием Совет чешских писателей. Появление этого Совета стало результатом широкой общенародной акции в Чешских землях в поддержку Манифеста.

В председатели Совета был избран Ирасек, а членами стали Квапил и видные чешские писатели Виктор Дык, Йозеф Махар, Антал Сташек и Йозеф Томайер. Таким образом, чешская писательская организация, а точнее, Совет стал важной организационной структурой внутреннего движения сопротивления, которая даже была представлена в обновленном Национальном Комитете, ведущем представительном политическом органе Чешских земель.

Думается, что история подготовки нашумевшего и поддержанного широкой общественностью Манифеста чешских писателей проходила не без ведома и не без связи с заграничным движением сопротивления во главе с Масариком. Известно, что Квапил был тесно связан с деятелями оппозиционной подпольной группы под названием Чешская Маффия, работавшей в тесной связи с масариковским центром эмиграции[478].

Теперь обратимся вплотную к личной корреспонденции чешских историков, принадлежащих, как правило, к научной школе Голла. Много сведений в переписке о первых годах войны. Ограничимся лишь теми местами, где наиболее ярко охарактеризована духовная обстановка в Чешских землях до появления Манифеста.

Ценный материал содержит письмо Яна Опоченского (1885−1961) Вацлаву Халоупецкому (1882−1951) от 19 марта 1916 г.: «…Нового здесь страшно мало. Стагнация полная, мы гнием в болоте. Это видно и по политике, депутаты принимают решение о том, о чем интеллигенция в нынешней обстановке не может открыто говорить: избирательный корпус по большей части – в окопах, господам таким образом развязаны руки, ведь не секрет, что они рассматривают избирателей лишь как стадо, пригодное для выборов. В науке тоже ничего нового, ожидается крупная полемика Новотный – Пекарж о гусизме…»[479]

---

[477] См. об этом также: *Marek J.* Jaroslav Goll. Praha, 1991. S. 279.

[478] См. об этом: *Paulová M.* Tajný výbor Maffie a spolupráce s Jihoslovany v letech 1916−1918. Praha, 1968.

[479] Ústřední archiv AV ČR (ÚA AV ČR). F. Chaloupecký. J. H. Opočenský V. Chaloupeckému. 9.III.1916.

Такого же плана письмо обнаружено в Москве в отделе письменных источников Государственного исторического музея. С помощью палеографического анализа рукописи произведена атрибуция письма – оно принадлежало Яну Опоченскому и адресовывалось в Россию военнопленному Ярославу Папоушеку (впоследствии личному секретарю Масарика в России). Он сообщал: «Профессор Пекарж начал свои лекции перед поредевшими рядами слушателей, вспомнив тех коллег, которые находятся сейчас на поле брани. Историческая наука пока себя никак не проявила, и мы занимаемся ею лишь для того, чтобы развеяться. Пекарж верит в будущее чешского народа, в его лучшую долю после войны. Война ужасна, но и мир был бы еще ужаснее»[480].

В переписке чешских историков ярко отразилось изменение обстановки, наступившее здесь под влиянием революционных февральских событий в России. Письмо Опоченского от 28 июня 1917 г. начинается следующими словами: «История и историки ныне под знаком политики. Политизирует Голл, Пекарж и все молодое поколение. *Семимильными шагами* (курсив мой. – *Е. Ф.*) наверстывается упущенное в первые годы войны, и оттого радостней жить!» Огромный интерес представляют те места письма, в которых содержится отношение автора, а также современников к таким важным национально-политическим (программным) документам как известный Манифест деятелей чешской науки и культуры от 17 мая 1917 г. и Заявление чешских депутатов в австрийском рейхсрате от 30 мая 1917 г. Для национально-освободительного движения эти документы стали важный отправной точкой движения от программы-минимум к программе-максимум – к созданию самостоятельного чехо-словацкого государства. Опоченский в уже цитировавшемся письме (июньском 1917 г.) отмечал, что летом этого года центром всей политики в Чешских землях стало именно Заявление чешских депутатов рейхсрата от 30 мая. Опоченский, вскрывая его компромиссный характер, одновременно подчеркивал, что широкая чешская общественность усматривает смысл этой программной декларации именно в той ее части, где говорится о необходимости создания суверенного «чехо словацкого» (так в тексте письма. – *Е. Ф.*) государства («за это выступает все самое лучшее»), а вовсе не о реорганизации австро-венгерской монархии («за это все прогнившее и сенильное»)[481]. Особенно Опоченский отмечал, что за образование независимого чехо-словацкого государства стоит большинство чешского народа. Он характеризовал следующим образом расстановку сил в Чешском союзе депутатов рейхсрата: в этом органе имеется сильное меньшинство (от 70 до 95 человек), которое находится «на стороне народа»; сторонников «примиренческой» по отношению к монархии позиции – примерно столько же, их поддерживает, подчеркивал Опоченский, и Голл; остальные занимают нерешительную позицию, однако все больше и больше депутатов молчаливо склоняется на сторону первых.

В тот период значительно оживилась и чешская журналистика. Опоченский писал: «В журналистике наблюдается союз “Národní listy” и “Právo lidu”. Против них

---

[480] Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва). Ф. 151. Н. Ф. Мельникова-Папоушкова-Ривнач. Письмо Яна Опоченского Ярославу Папоушеку. Б. д. (Точная дата письма не установлена).

[481] ÚA AV ČR. F. Chaloupecký. J. H. Opočenský V. Chaloupeckému. 28.VI.1917.

– “Venkov” с близким ему “Večer” и “Lidovy´ deník”…» При этом он особо выделял радикальную позицию (в смысле поддержки требования создания независимого государства) нового чешского периодического издания «Česká demokracie». По оценке Опоченского, широкая чешская общественность была на стороне требования создания независимого государства, а не на стороне компромиссной реорганизации монархии. В чешском народе Заявление от 30 мая 1917 г. воспринималось совсем иначе, радикальнее, нежели его политическими творцами.

Предыстории появления упомянутых Манифеста и Заявления Опоченский касается в другом письме – от 13 июля 1917 г.: «…А теперь что касается политики. Начну с родины. Когда в нынешнем году лед тронулся, правительство заявило о своем намерении созвать парламент, депутаты стали съезжаться и принимать государственно-правовые заявления. Среди интеллигенции возникло недовольство – было очевидно, что в каждой политической партии ряд деятелей так называемого Президиума Чешского союза ведет австрофильскую политику, *явно вступая в противоречие с волей народа* (курсив мой. – *Е. Ф.*) – Тоболка, Шмераль, Фидлер, Удржал, Габрман. Названные господа подписали когда-то первое официальное Заявление Чешского союза, а именно то, которое было им предложено министром иностранных дел Черниным…»[482]. Опоченский также подчеркивал несомненное влияние Манифеста деятелей чешской науки и культуры (его авторами он называет Квапила и Гейдлера) на изменение позиции чешских депутатов рейхсрата и принятие ими Заявления от 30 мая 1917 г. Для нас особенно важно свидетельство той части данного письма, в которой говорится, что именно широкое общественное мнение вынудило депутатов в мае 1917 г. покинуть Прагу и направиться в Вену, а также заставило их активизировать свою деятельность в парламенте в защиту национальных интересов и принять видоизмененную в соответствии с изменившейся обстановкой национально-политическую программу. Опоченский касается и отношения чешских историков к Манифесту деятелей науки и культуры, компании сбора подписей под ним. Так, Пекарж полагал, что в данном документе содержится отход от так называемого государственно-правового принципа и фигурирует требование присоединения Словакии. Опоченский оправданно критикует позицию Пекаржа: «Можно определенно сказать, что Пекаржу – а ему как историку свойственны недостатки – чужда естественно-правовая концепция (то есть признание права наций на самоопределение. – *Е. Ф.*). Он постоянно выступает против требования чешско-словацкого (подчеркнуто в оригинале. – *Е. Ф.*) государства. Он признает государственно-правовые претензии венгров; словацкий же вопрос, как он считает, лишь усложняет чешское движение, будучи невыполнимым якобы требованием… Однако очевидна более глубокая причина такой позиции: Пекарж просто не способен к восприятию демократии и процесса демократизации, в этом отношении в нем сидит консерватор. Да и статьи его путаные с этой точки зрения; раз он предлагает оставаться в рамках монархии, то естественно оказывается в конфронтации с позицией большинства народа, выступающего за пункт 3-й Заявления от 30 мая»[483].

[482] Ibid. 13.VII.1917.
[483] Ibidem.

Манифест деятелей науки и культуры, по свидетельству Опоченского, отказались подписать и другие историки – представители консервативного направления в историографии, а именно Йозеф Шуста и Ярослав Бидло. Лишь после активной поддержки Манифеста в народе Шуста спохватился и подписался под документом. В том же письме Опоченский сообщал, что в поддержку требования создания независимого государства Гейдлер основал два новых периодических издания – «Národ» и «Česká demokracie». Опоченский, как следовало из письма от 13 июля 1917 г., отчетливо представлял себе задачу включения в программу чешского национального движения словацкого вопроса и ориентации на создание единого государства чехов и словаков. С этой целью он занялся журналистской деятельностью, в частности, стал сотрудничать в моравской газете «Lidové noviny». Опоченский писал, что в Моравии «гуситские традиции слабее». Он продолжал: «Моравия в этом отношении нуждается в истории больше, чем Чехия… Как только представится возможность, мне надо проникнуть и в Словакию. В Чехии деятелей хватает, а вот Моравия и Словакия – совсем девственный край. Хотелось бы быть ближе к народу и иметь возможность в большей степени, чем в Чехии, на него воздействовать»[484]. Он призывал и своего адресата Халоупецкого активизировать деятельность в пользу формирования национального самосознания у чехов и словаков.

Сдвиги, происходившие в позиции ряда представителей школы Голла, отражены также в переписке историков Бедржиха Мендла (1892−1940) и Камила Крофты (1876−1945). В письме от 23 октября 1917 г. Мендл писал Крофте в Прагу: «С большим вниманием я слежу за событиями в Праге. Я радуюсь не только сдвигам во внутриполитической обстановке, но и культурному подъему. С чувством благодарности мы читали Ваши статьи в «Národ», и я считаю просто счастьем, что в Вашем лице *осуществился контакт школы Голла со здоровым политическим национальным течением* (курсив мой. – *Е. Ф.*). Мне и ранее были известны Ваши взгляды, еще, будучи студентами, мы Вас чтили особо. Важно именно то, что Вы оставили ряды просто критиков и взяли на себя смелость ответственности за нынешние дела…»[485]. Мендл, как видим, одобрительно оценил процесс включения активной части позитивистской школы Голла, ее демократического направления, в национально-освободительное движение, в противовес позиции «иерархов» Голла и Пекаржа.

Последующее развитие реальностей в Монархии, однако, показало, что даже «консервативная» концепция ее реорганизации на основе так называемого исторического права, исходившая от Пекаржа и других, оказалась также неприемлемой для правящих кругов Австро-Венгрии. Ведь ее воплощение на практике влекло бы за собой существенные изменения в статусе Чешских земель в прежних государственных рамках. Даже на грани наметившегося развала Монархии императорский манифест от 16 октября 1918 г. далеко не отражал тех требований, которые содержались в упомянутом Заявлении чешских депутатов, которое, хотя и

[484] Ibidem.
[485] ÚA AV ČR. F. K. Krofta. B. Mendl K. Kroftovi. 23.X.1917.

было выдержано в лояльном духе, все же вступало в явное противоречие с существующей политической системой.

Историк Ярослав Верштадт (1888−1970) в письме Пекаржу (оно относится, правда, уже к периоду после образования независимого государства, но в нем как бы продолжается прежний спор представителей младшего поколения чешской исторической школы с Пекаржем) следующим образом характеризовал позицию Пекаржа на заключительном этапе национально-освободительной борьбы: «Я не могу игнорировать то, что в период, когда решался вопрос о направлении внутренней политики, какой избрать путь – путь борьбы или примирения и компромиссов с монархией и династией, Вы высказались в пользу последней ориентации, т.е. против революции»[486]. Как видим, Верштадт в основе критерия «революционности», примененном им при оценке позиции Пекаржа, усматривал прежде всего степень радикальности национально-политической ориентации. Верштадт полагал, что позиция Пекаржа в последние годы войны находилась в противоречии с антигабсбургским освободительным движением, что он «выступал против программы полного национального освобождения и объединения (со Словакией. – *Е. Ф.*)»[17]. Верштадт далее утверждал (хотя Пекарж с его выводами вовсе не согласен): проавстрийская позиция Пекаржа весной 1917 г., без сомнения, может трактоваться как сознательное выступление против программы представителей чешской антиавстрийской эмиграции за рубежом. Конечно, продолжал в своем письме Верштадт, «Вы выдвигали программу новой Австрии, которая бы возможно в определенной мере реализовала государственно-правовую идею, но выступали за то, чтобы чешский вопрос считать лишь внутренним делом Австрии, и против того, чтобы чешский вопрос сделать международным вопросом. Вы осуждали (по каким бы то ни было тактическим соображениям) вмешательство стран Антанты, включая революционную уже тогда Россию, в австрийские дела и утверждали также о виновности чешской заграничной эмиграции перед монархией и династией и т.д. И это еще раз означает, что Вы открыто выступали против той программы и тех усилий, которые были направлены на полное чехо-словацкое освобождение, а следовательно – Вы были против нашей антигабсбургской революции» [487]. Поведение Пекаржа в тот период Верштадт расценивал как существенный тормоз в развитии национально-освободительной борьбы, поскольку был убежден в необходимости более активной поддержки силами чешской внутренней национальной оппозиции заграничной деятельности Масарика и др. Пекарж не должен был осуждать деятельность чехов за границей, мешая ее успешному исходу [488]. «Вы не верили в возможность полного освобождения, взвешивая и определяя вероятность успеха лишь на 15–20%… своими действиями Вы препятствовали нашему освобождению. И я убежден в том, что подобное отношение было грубым заблуждением и ошибкой»[20],– писал далее Верштадт

[486] Archiv Národního Muzea – Praha. F. J. Pekař. J. Werstadt J. Pekařovi. 8.X.1930. [17] Ibidem.
[487] Ibidem.
[488] Ibidem.
[20] Ibidem.

Пекаржу. Неверие в успех национальной борьбы и присущий адресату скептицизм Верштадт считал основными причинами его «нереволюционности».

Отношения Пекаржа к проблеме включения словацкого вопроса в программу борьбы касался и Опоченский в письме Халоупецкому, которое, видимо, относится к лету 1918 г. (точной его датировки нам установить не удалось). Тот писал: «Я разговаривал с Пекаржем: уже и он начинает надеяться, что мы добьемся большего, чем имеют в настоящее время венгры. Только в дело Словакии он по-прежнему не верит. И боится как бы М. (видимо, Масарик. – *Е. Ф.*), будучи доктринером, не согласился на национальный принцип, и таким образом не уступил Deutschböhmen (то есть немецкую часть Чехии. – *Е. Ф.*) немцам из-за пределов монархии. Я думаю, что здесь сказываются былые споры о «чешском вопросе»»[489]. В том же письме Опоченский под влиянием революционных идей подходит к новой трактовке понятия естественно-правовой аргументации, вместо него он впервые применил термин «право народов на самоопределение». И позже, в своей научной работе о распаде Австро-Венгрии, Опоченский отдавал должное революционным событиям в России, признавая еще раз глубину социально-политической и национальной радикализации населения в австрийской империи[490]. «Что касается Голла, – писал далее в цитируемом выше письме Опоченский, – то я полагаю, что нам, молодым, не стоит на него оглядываться.

В конце концов, нас не понимают ни Голл, ни Пекарж. Мы смотрим на будущее, исходя из совершенно других посылок, чем они»[491]. И о политике есть что сказать, подчеркивал Опоченский в своем письме: «Видимо, мирные предложения Австрии, которая должна учесть все 14 пунктов Вильсона – не за горами… Господа в Вене цепляются за автономию для славянских народов Австрии, и они думают, что тем самым спасут себя. Но я не верю, чтобы кто-либо в нынешние времена мог теперь удовлетвориться так называемой автономией. Примечательно, что и поляки ныне также, наконец, на той же радикальной линии, и их линия согласуется с нашей, чехословацкой. Надежда растет – радостно жить, тучи расходятся, и повеяло свежими ветрами…»[492]

К 1918 г. относится пусть и не обширный, но весьма показательный для эволюции позиции Опоченского материал, свидетельствующий о развитии его социальных взглядов. Он писал: «Ныне шляхта (особенно из молодого поколения) вроде бы проявляет склонность к так называемой государственно-правовой политике с одной целью – удержать свое влияние на обстановку в чехо-словацком государстве и сохранить нетронутыми свои латифундии. Нет уж, благодарим покорно!»[493]

Для характеристики обстановки в Чешских землях и в Словакии в последующий период и особенно событий октября 1918 г., предшествовавших провозглашению 28 октября чехословацкой независимости, и для оценки первых шагов по организации государственной власти на местах ценной явилась переписка еще одного историка –

---

[489] ÚA AV ČR. F. Chaloupecký. J. H. Opočenský V. Chaloupeckému. 1918.
[490] См.: *Opočenský J.* Konec monarchie Rakousko-Uherské. Praha, 1928. S. 367–368.
[491] ÚA AV ČR. F. Chaloupecký. J. H. Opočenský V. Chaloupeckému. 1918.
[492] Ibidem.
[493] ÚA AV ČR. F. Chaloupecký. J. H. Opočenský V. Chaloupeckému. 4.X.1918. [26]
Ibid. F. B. Mendl. V. Vojtíšek B. Mendlovi. 26.XI.1918.

Войтишека (1883–1974) с Мендлом. В письме от 26 ноября 1918 г. Войтишек подробно делится своими впечатлениями о пражских событиях 28 октября: «В полдень колонны народа шли потоком к Гусу на Староместскую площадь. Вот тогда, наконец, свершилось правое дело, то, чего так давно и при таких лишениях, но с неиссякаемой верой, мы ждали. Всю вторую половину дня я пробыл на улицах, и следующий день тоже»[26]. И далее продолжал: «Я видел ликующие, разукрашенные, многоголосые улицы, следил за процессом внутреннего очищения, и так трудно передать обуревавшие в тот момент меня чувства. Последующие дни также не носили налета повседневности: то мы встречали прибывающих легионеров и делегацию из Швейцарии, то состоялась процессия на Белую Гору, которая завершилась сносом колонны св. Марии на рынке (на Староместской площади. – *Е. Ф.*) – правда, я осуждаю этот акт сноса; кроме того, это придало мне хлопот с транспортировкой обломков… Затем 8 ноября была присяга перед памятником Гусу, а накануне вечером воздавались почести мученикам белогорским»[494]. Но вскоре приподнятый в целом тон письма Войтишека сменяется растущей озабоченностью: «Но уже в эти праздничные дни появились трудности… Теперь касательно некоторых… теневых сторон нашей нынешней обстановки. Правительство осуществляет руководство все еще весьма поверхностно, по-любительски; имеет место сокольское (национально-патриотической гимнастической организации «Сокол». – *Е. Ф.*) на него влияние, что скорее взбудоражило людей, чем упрочило положение правительства. Национальный комитет был и является теперь (последние два слова в оригинале были зачеркнуты. – *Е. Ф.*) по своему характеру органом общественным; политико-административное управление находится в ненадежных руках и не на прочной основе, решения принимаются на ходу, и особенно плохо дело с армией»[495].

В письме Войтишека Мендлу содержится также характеристика обстановки в Словакии сразу после провозглашения независимого Чехословацкого государства. Он писал: «В Словакии невеселая ситуация. Неделю назад я получил известия от д-ра Поллака, который прибыл из Нитры. Словаки – несознательные и забитые. Венгры стремятся склонить их на свою сторону с помощью подкупа; они, кроме того, запуганы, несмелы и не представляют себе, что их ждет в будущем. Воинские части, направленные в Словакию, – малочисленные и, как будто, состоят из ненадежных элементов. Мобилизация спасена социалистическими партиями… Нужна бы всеобщая мобилизация… Неудачи в Словакии связаны с тем, что под рукой не было аппарата, который бы вытеснил венгров с железных дорог, почт и т.д., служащие оказались ненадежными и изменяли»[496].

Касается Войтишек и своей партийно-политической ориентации. Он писал, что в партию чешских социалистов ему как служащему вступить было нельзя (эта партия не принимала тогда в свои ряды представителей трудящейся интеллигенции, и социал-демократия тоже тогда считала, что служащие и рабочие не могут одновременно состоять в партии). Войтишеку пришлось вступить в партию национальных демократов (на первых порах она называлась государственно-

[494] Ibidem.
[495] Ibidem.
[496] Ibidem.

правовой). Он подчеркивал в письме, что намерен стоять на левом крыле партии, а именно – на стороне радикальной бывшей государственно-правовой прогрессивной партии.

Как видим, в личной переписке ряда чешских историков нашла отражение реакция чешской общественности на важнейшие программно-политические декларации 1917–1918 гг. чешского национального движения. Начиная с 1917 г. наблюдалась его радикализация под давлением настроений широкой чешской общественности и революционной обстановки в России. Как следует из материалов, положение изменилось за самое короткое время. Проанализированные в работе письма позволяют выявить отношение историков к основным вехам и событиям в борьбе за национальное государство и оказываемое ими влияние на выработку национальных программ чешского национального движения. Одновременно можно заключить, что в целом накал борьбы в Чешских землях на завершающей стадии Первой мировой войны был бóльшим, чем исследователям казалось ранее. Вспомним хотя бы свидетельство переписки об энергичной обструкции общественностью чешских депутатов австрийского рейхсрата, которые вынуждены были спешно отправиться в Вену и активизировать там свою деятельность в национальных интересах.

Подчеркнем, что корреспонденция чешских историков в 1917–1918 гг. заметно выросла в количественном отношении. Отчасти это связано с отменой военного положения. В письмах обсуждались самые насущные проблемы борьбы за национальное самоопределение и за создание независимого государства. Тактика чешских политических партий на этом этапе значительно активизировалась.

В чешском общественном сознании, бесспорно, происходили существенные сдвиги, последовавшие сразу вскоре после обнародования Манифеста Чешских писателей и вызвавшие подъем национального движения, все более отчетливо ставившего задачу борьбы за национальное самоопределение.

Если сравнить ключевые этапы исторического развития Чешских земель (период национального возрождения, революцию 1848–1849 гг., борьбу за независимое государство, «бархатную революцию» конца XX в.), можно прийти к выводу, что в чешском обществе наблюдается определенная закономерность возрастания роли деятелей национальной культуры, включая литераторов и историков, как наиболее сознательной в национальном отношении части интеллигенции, весьма озабоченной будущим развитием своего народа.

Р. Голец 1918 г.: словаки между лояльностью Габсбургам, Венгерскому королевству и новой республике

Лояльность является категорией социального действия и понимания, которая не исчерпывается ни обыкновенной послушностью, ни исполнением обязанностей в рамках закона. Наоборот, под ней понимается позиция, находящаяся как будто бы на заднем плане, за кулисами. У лояльности много общего с верностью. И если верность относится к отношениям индивидуальным, то есть реализуется в личной сфере, лояльность является проявлением социального отношения (на основании конкретного социального договора) между личностью и институтом, и, в отличие от любви и чувства ответственности, она требует реальных предпосылок в отношениях к конкретной сущности. Лояльность и верность проходят сквозь существующие отношения и создают основу для их сохранения. Лояльность – это феномен, тесно связанный с историческим временем; у нее есть свое зарождение в прошлом и продолжение в будущем. Таким образом, речь идет об особенном духовном и социологическом состоянии, которое длится во время появления первого конкретного соотношения. Имея определенное историческое постоянство, лояльность приобретает интегрирующую функцию коллективных чувств и идей и репродуцируется посредством постоянно повторяющихся ритуалов, посредством школы, церкви и государственных авторитетов. Государство требует лояльности иногда и самим законом[497]. Его неисполнение позволяло использовать репрессивные меры.

Словацкая политика до Первой мировой войны преследовала в связи с неблагоприятными политическими обстоятельствами в Венгрии относительно скромные цели. Однако и весьма скромная форма автономии, намеченная еще в 1861 г. в Меморандуме словацкого народа в качестве главной политической программы словаков в период дуализма, в действительности оказалась нереальной и неосуществимой и была буквально заморожена «до лучших времен» или отложена в архив. Под влиянием либерального политического течения все бóльшие масштабы приобретала политика чехо-словацкого сотрудничества и даже единства, в первую очередь в области культурной и хозяйственной. Политическая жизнь сталкивалась с объективными препятствиями как с чешской, так и со словацкой стороны, и, в сущности, говорить о ней неправомерно, если, разумеется, мы не допускаем, что любая форма сотрудничества с Чехией со стороны Будапешта политически контролировалась.

Традиционно лояльная словацкая политика со своими скромными амбициями навряд ли могла являться хоть какой-либо опасностью для титульной нации. Перспектива чешско-словацкого сотрудничества в будущем была довольно туманной, однако было ясно, что потенциально его участники в критической ситуации могли войти в противоречие как с государственной, так и с династической

---

[497] *Schulze Wessel M.* Loyalität als geschichtlicher Grundbegriff und Forschungskonzept // Loyalitäten in der Tschechoslowakischen Republik 1918−1939: Politische, nationale und kulturelle Zugehörigkeiten / Ed. M. Schulze Wessel. München, 2004. S. 2−8.

лояльностью. Традиционная словацкая политика русофильства не имела ни малейших реальных оснований и являлась скорее неисполнимой мечтой отдельных личностей. Да и не менее традиционная ориентация на Вену в период дуализма становилась тупиковой.

Наиболее реально, без каких-либо оговорок и словесной шелухи свою позицию в отношении Монархии и династии обозначил «Slovenský denník» в феврале 1913 г. в статье, написанной, вероятно, видным словацким политиком, в будущей Чехословакии занимавшим различные министерские посты, вплоть до председателя правительства, Миланом Годжей: «…Если династия будет по-прежнему придерживаться исключительно венгерско-немецкой, т.е. антиславянской политики, то мы не сможем предвидеть, как будет развиваться ситуация и у нас [....] Народ словацкий в последние годы все быстрее развивается, все интенсивнее воспитывается в направлении радикализма и чисто чехословацкого и демократического образа мысли [...] Наконец, нам, словакам, нечего терять, еще больше национально давить и душить нас уже невозможно... Просьбами и попрошайничеством в Пеште и в Вене мы не приобрели пока что ничего. Пойдем же поэтому собственным путем медленного, но необратимого прогресса, внутренней консолидации и в конце концов все-таки победим! Просить больше уже не пойдем, дверные ручки полировать во дворцах нам вовсе не хочется...» [498] Монархия в понимании Годжи стала «живым трупом».

Впрочем, ориентация на наследника трона Франца Фердинанда и ожидаемый демонтаж дуализма была весьма притягательной картой для того, чтобы политик масштаба Годжи ее проигнорировал. Особенно тогда, когда она могла органично соединиться с развивающимся чешско-словацким сотрудничеством и при этом с обеих сторон имела неприкрытую антивенгерскую и, даже более того, антиугорскую тенденцию [499]. Ввиду пожилого возраста и состояния здоровья царствующего императора перемены на троне, казалось, были не за горами. Престолонаследник Франц Фердинанд обещал существенные изменения в политическом устройстве Монархии. В многочисленных статьях словаки называли Франца Фердинанда своим «искренним приятелем», который так же искренне ненавидит венгерских националистов. В интересах ликвидации венгерского национализма было бы, по мнению Годжи, обидно не использовать венскую карту: «И если Вена желает этого, то почему бы ей не помочь? Предположим, что приходит правитель, который будет хотеть, чтобы не только венгры правили здесь, но вместе с венграми и румыны, словаки, немцы, хорваты, все как Господь Бог приказал»[500]. Накануне войны Годжа сформулировал свою позицию предельно ясно. Если Габсбургская монархия не развалится, то должна прекратиться мадьяризация: «Здесь все обстоит так, как будто бы разваливалась старая прогнившая хата. Та самая хата, в которой целые нации находились, словно в темнице. Крючкотворы-нотариусы, слуги и их каста подпирали хату со всех сторон и изо всех сил, но что разваливается, то разваливается»[501].

---

[498] [*Hodža M.*] Náš pomer ku monarchii a dynastii // Slovenský denník. № 34. 19.02.1913.

[499] Слово «венгерский (мадьярский)» имело смысл скорее этнический, тогда как «угорский» – государственный.

[500] [*Hodža M.*] Neklamme sa // Slovenský týždenník. № 23. 6.6.1913.

[501] [*Idem.*] Či sa oratujú... // Slovenský týždenník. № 23. 5.6.1914.

Мы обратили особое внимание на амбивалентность взглядов Годжи, поскольку остальная политическая элита, не говоря уже о широких массах, была в своей лояльности в отношении государства и династии на редкость едина. В действительности содержание понятий «авторитет императора» и «династическая лояльность» уже, в определенной мере, выхолащивалось, менялось, они приобретали иные смыслы. Традиционная верность династии не принесла словакам перемен, о которых они столько мечтали, и надежды многих из них, связанные с личностью императора (или наследника) и его справедливостью, безнадежно остались ничем не подкрепленными иллюзиями.

В сущности, только в народе удерживалось еще традиционное уважение, а австрийский гимн, хоть и поющийся по-словацки, все более приобретал характер пустого текста без адекватного содержания. То же самое касалось и патриотических стихов и статей о династии и государе в школьных учебниках.

Пропасть, возникшую между династией и народом, Габсбургам преодолеть уже не удалось. Важнейшей причиной этого стало то, что Монархия уже не была в состоянии предложить своим подданным привлекательную картину будущего. Миф о династии распространялся исключительно на прошлое, что только увеличивало всеобщее неверие в способность правящей элиты решать не только проблемы модернизации и общественной мобилизации, но и удовлетворить национальные амбиции многих народов[502].

Призыв в армию во время Балканских войн на территории Словакии впервые окончился катастрофическим результатом. Весной 1914 г. увеличилось количество приговоров, вынесенных словакам за оскорбление Его Величества. Парадоксом, в конечном счете, было и то, что с началом мировой войны многих представителей словацкой элиты арестовали и в качестве примера осудили именно за оскорбление всеми игнорируемого императора или его семьи.

Хотя уважение и лояльность пожилому императору все еще существовали, но нарастающие социальные и национальные проблемы отдаляли образ Франца Иосифа все дальше от реальности, а государство (Венгрию) от его невенгерских граждан. Именно против этого были направлены усилия по отождествлению государства (родины) с монархом. Хотя это и вытекало из все еще традиционного феодально-династического единства правителя и его Монархии, однако в XIX в., столетии национализма, все шло уже в направлении того, чтобы монарх был заменен родиной и народом. «Хозяином» и носителем государства была государствообразующая (венгерская) нация, а не чужой правитель. Все это должно было привести к акцептации власти, признанию ее легитимности и к лояльности в отношении государства и его политико-бюрократической верхушки.

Словацкая политическая элита должна была определиться со своим отношением к династии. В конечном счете и терпеливое ожидание нетерпеливого наследника трона не дало результатов и завершилось сараевским убийством. Оно вызвало разочарование и чувство безнадежности, выражением которых стал траурный венок с лентой в национальных цветах и с надписью: «Утраченной надежде – глубоко

[502] *Urbanitsch P.* Mýtus pluralismu a realita nacionalismu. Dynastický mýtus habsburské monarchie – zbytečná snaha o vytvoření identity? // Kuděj. Časopis pro kulturní dějiny. Praha, 2006. № 2. S. 51–52.

скорбящие словаки», который словацкая делегация возложила на катафалк престолонаследника.

Отношение к политической мотивации покушения было неоднозначным, симпатии к наследнику и к сербам иногда вели к скорее нейтральной позиции либо к взгляду на покушение как на «несчастное недоразумение». Католическое течение словацкой политики на страницах своей газеты «Slovenské ľudové noviny» с точки зрения религиозной резко осудило террористов как анархический, социально-демократический, революционно-антиклерикальный и схизматический элемент, а погибшую супружескую чету возвела в ранг католических мучеников. Перу смолинского католического священника Яна Доновала (Тихомира Милкина) принадлежат два стихотворения, с одной стороны, как дань покойному, с другой – как поддержка новому наследнику и призыв приготовиться к вооруженной борьбе за династию. Строки «Меч, словак, точи за трон!» или «Словаки, вокруг трона сплотитесь преданно и не бойтесь никаких жертв!» говорят сами за себя. Курс на войну получил здесь бóльшую поддержку, нежели в любом другом словацком политическом направлении[503].

Без сомнения, причиной тому было и положение католической церкви как церкви государственной, в рамках которой лояльность государству, правящей династии и монарху относилась к основным постулатам каждого верующего и являлась частью его системы ценностей. Отличный пример этого представлял выдающийся политик католического направления и одновременно священник Фердинанд Юрига. С 1910 г. он являлся одним из словацких депутатов в будапештском парламенте, более того, во время войны был единственным, кто участвовал в его работе. Его лихорадочная активность в военные годы находилась в ярком противоречии с пассивностью большинства остальных депутатов. Он не смог избежать чрезмерного проявления лояльности, а католическая «Slovenské ľudové noviny», как мы видели, с самого начала целиком и полностью включилась в военную агитационную кампанию.

Развитие политической ситуации лишь подтверждало то, что было ясно уже на протяжении длительного времени, а именно что лишь радикальные перемены в международной политике смогут вызвать принципиальные изменения во внутриполитической ситуации Венгрии и положении там словаков. Такой перелом наступил с началом войны, которая приобрела неожиданно огромные масштабы и изнуряющую продолжительность. Политикам домашней сцены понадобилось достаточно продолжительное время для того, чтобы осознать возможные последствия войны и начать размышлять в направлении сразу двух крайностей – меж лояльностью, с одной стороны, и представлениями о новом государстве, – с другой. Особенно если учесть, что речь все-таки шла о представлениях, казавшихся неправдоподобными и даже фантастическими...

Стало явным, что словаки должны будут приготовиться к длительному и политически сложному процессу поиска адекватного пространства в процессе сотрудничества с остальными невенгерскими народами Транслейтании, а также надеясь на определенные изменения в угорско-венгерской политической культуре и на приход новой политической элиты.

---

[503] *Holec R.* Poslední Habsburgovci a Slovensko. Bratislava, 2001. S. 270.

Первая мировая война создала абсолютно новую ситуацию, при которой старые понятия (лояльность, патриотизм) наполнились новым содержанием. Война привнесла новые социальные отношения и декларировала идентификацию граждан и государства (индивид как частичка общего, его потенциальная геройская смерть соотнесена с коллективным воспоминанием и культом мертвых), а также соединение интересов отдельных социальных слоев (первостепенный общий интерес гражданского коллектива). Одновременно с этим постоянно усиливающееся государство получило новые пропагандистские и репрессивные инструменты. Вместе с растущими требованиями военного времени на поверхность, однако, стало всплывать до тех пор скрытое напряжение, и от кажущейся идентификации граждан с государством наметился переход к различным стадиям их взаимного отдаления.

Посмотрим, как реагировали отдельные слои словацкой общественности и отдельные субъекты словацкой политики на развитие военного конфликта. Народ, а именно крестьянские массы и существенно менее многочисленный пролетариат, войну не приветствовал и находился в страхе и неуверенности, проявлением чего вновь стали большие недоборы призывников в армию, а также попытки демобилизации из-за воинской непригодности. Непосредственно в армии, однако, проявлялась династическая лояльность словаков, которую столетиями укореняли в сознании простых людей, то есть сознание того, что династия, трон и государь – понятия святые и неприкосновенные. Без сомнения, это было связано и с наднациональным характером династии, поскольку именно такой образ сохранялся в сознании людей, вопреки тому, что уже начиная с конца XVIII столетия происходила явная германизация политики и внешнего образа дворцовой жизни.

Начало войны привнесло в понятие лояльности до тех пор невиданные требования. Лояльность стала теперь тесно связана с военными целями Монархии и в условиях войны приобрела для государства судьбоносное значение. Всеобщее отдаление от Монархии и Венгрии в результате национальной политики, проводимой во времена дуализма, поставило словаков в начале войны в сложные условия, поскольку они не могли отождествить свои интересы с военными целями государства, абсолютно им чуждыми. Кроме того, традиционных исторических союзников они находили скорее во вражеском лагере и, наоборот, традиционно исторические враги вдруг стали союзниками. С течением времени, когда быстрое окончание войны, вне зависимости от ее результатов, все более становилось иллюзией, и с появлением все новых и новых альтернатив развития событий традиционная лояльность подвергалась сомнениям, становилась в тягость, балластом, и в конце концов международные и внутриполитические изменения весьма быстро сделали ее излишней и непродуктивной. Этот в общих чертах обрисованный процесс, разумеется, имел множество проблематичных моментов и был намного более болезненным, нежели это нам сегодня кажется с точки зрения исторической ретроспективы.

Военное сумасшествие и патриотизм, взвинченный до проявлений венгерского шовинизма, абсолютно парализовал «большую» словацкую политику. Этому в большой степени способствовали репрессии против отдельных личностей (интернирование, тюрьма, призыв в армию и отправка на фронт) и против организаций (государственный контроль, призыв в армию служащих, абсолютное

запрещение деятельности). В результате союзы и организации бездействовали, цензура в печати и на почте мешала расширению информации, а законы о чрезвычайном положении делали невозможной обычную политическую и общественную жизнь. Это, однако, не означало полный отказ от любой активности, особенно в провинции в это время велась интенсивная работа. И хотя народ целей войны не понимал, однако клятва государю представлялась святой, и он считал своей обязанностью ее исполнить. Свидетельства такой верноподданнической позиции словацкого воина в действующей армии, его мужества и жертвенности, можно найти во множестве сообщений и рапортов. Для мужчины, конечно же, было нелегко оставить привычный круг жизни, хозяйство или ремесло и уйти в неизвестность, оставив семью на произвол судьбы. Другое дело, что над вопросом, идти или нет, он, в сущности, и не имел возможности раздумывать. Клятва, данная монарху, была в его глазах чем-то неизменным, и он считал своей обязанностью полностью соблюдать ее. Даже словаки в США под влиянием обращений австро-венгерских консульств, писем родственников из дома и несмотря на предостережения местных юристов были полны решимости вернуться и поступить на военную службу. «Словацкая лига должна была проделать тяжелую работу, пока не разъяснила нашим людям, что они не обязаны уезжать на войну. Это была действительно тяжелая работа. Многие фанатично верили в клятву, данную Францу Иосифу, за которого хотели идти на смерть»[504].

Успехи австро-венгерской армии в Люблин-Холмском сражении близ Красника и Комарова в августе 1914 г. были достигнуты в первую очередь благодаря словацким воинам, которые получили за свое мужество награды. В связи с героизмом словацких солдат под Рудником будапештский журнал «Alkotmány» в апреле 1915 г. опубликовал обширную статью о словацких полках, полную похвал, что остро контрастировало с разговорами об их русофильстве, ненадежности и нежелании воевать: «Словацкий воин крестьянского происхождения непобедим. Смелость, твердая мораль и честность делают из словаков элитное войско, которое хорошо не только в наступлении, но, благодаря своему национальному характеру, и в обороне»[505]. 17 декабря того же года начальник Генштаба Франц Конрад фон Гетцендорф докладывал в военную канцелярию императора и военному министру о словаках, что «воевали они геройски и часто проявляли одухотворенность, патриотизм и верность династии»[506].

Героизм словацких воинов стал фактом, который отмечается главным образом в беллетристике и в мемуарах и в гораздо меньшей степени в историографии. Историческая память, таким образом, как всегда, преподносит героями только победителей. А большинство словаков воевало на фронте за «своего» государя и государство, и это государство в них видело героев. С какими чувствами они должны были возвращаться домой по окончании войны, когда героями провозгласили лишь тех, кто стоял на стороне победившей Антанты, кто вовремя дезертировал или сдался в плен, а на родину вернулся в форме легионера? Именно им возводили

---

[504] *Gessay I.* Rozpomienka na uzavretie Československej dohody. Bratislava, 1928. S. 6.

[505] *Hronský M.* Slováci na frontoch prvej svetovej vojny // Slovensko na začiatku 20. Storočia / Ed. M. Podrimavský, D. Kováč. Bratislava, 1999. S. 286.

[506] *Martinek F.* Maršal Conrad z Hötzendorfu o Slovákoch // Prúdy. 1928. № 8. S. 494–495.

памятники, и их имена записаны в учебниках. Среди словацких воинов таковых было немного, остальные должны были радоваться и тому, что выжили.

Донесение высшего военного командования от 18 октября 1915 г., адресованное премьеру Иштвану Тисе, характеризует словаков следующим образом: «Из одного сообщения, из источника надежного и верного, мы, военное командование, понимаем, что словацкое население Северной Венгрии абсолютно лояльно размышляет и не тянется к русофильству, однако приблизительно уже 17 лет под воздействием внешних сил образовалось в стране течение, целью которого является сближение, а в конечном счете и воссоединение словаков с чехами». Далее следует обобщение: «Характерной для всех является всеобщая безусловная лояльность и глубоко укорененная ненависть к сербам, преумноженная изза судьбы любимого погибшего престолонаследника». И делается заключение: «Словаки сегодня образуют единственный в отношении государства и династии верный элемент»[507]. Тиса же с присущей ему надменностью даже в 1917 г. заявил, что «из окопов вернется домой верующий, богобоязненный народ и вновь будет заполнять все костелы»[508].

Словацкие интеллектуалы, которым пришлось надеть военные шинели, в первые годы войны искренне пытались своей активностью на службе достигнуть повышения в чине или наград, которые должны были им помочь в дальнейшей карьере. Так действовали даже те люди, которые потом оказались в русском плену и в рядах легионеров, в качестве словацких протагонистов чехословацкой государственности. Само собой разумеется, что после войны они уже не хотели вспоминать свой энтузиазм первых лет войны, когда все еще верили, что она будет краткой и победоносной.

Весьма любопытны в этом смысле обширные дневниковые записи Йозефа Тисо, ставшего впоследствии, в 1939–1945 гг., президентом Словацкой республики. Во время же Первой мировой войны, будучи военным священником, он в 1914–1915 гг. участвовал в боевых действиях в Галиции. Его мысли типичны для способа мышления большинства лояльной части словацкой интеллигенции: «Восторженное настроение с уверенностью в победе пробуждается в душах наших воинов... мы доверяем Божьему всемогуществу и нашим генералам, которые до сей поры не жертвовали зря нашими жизнями...»[509] В своих статьях, опубликованных в газете «Nyitramegyei Szemle» в 1915−1916 гг., Тисо подчеркивал объединение народов в интересах победы и общих целей: «...Почти все нации Монархии смешались здесь в одну общую группу... – и мы прекрасно уживаемся! Венгр здесь уже не “пройдоха”, словак не “шалопай”, румын перестал быть “бедняжкой”, немец “плутишкой” и т.д.! Как братья стоим мы рядом и помогаем друг другу! Не могло бы так же точно быть и в мирные времена?»[510] С позиции священника он видит в войне и инструмент «религиозного возрождения», так как на фронте, где каждую минуту человека

[507] Magyar Országos Levéltár, Budapest. Miniszterelnökség K-26. 1915−XII.−1034. cs. 5807. alapszám. K. u. k. Armeeoberkommando an I. Tisza, 18. 10. 1915.

[508] *Holec R.* Op. cit. S. 279; *Krajčovič M.* Medzinárodnopolitické koncepcie riešenia slovenskej otázky 1918−1922 // Historické štúdie. T. 39. Bratislava, 1998. S. 23−24.

[509] *Tiso J.* Prejavy a články. T. I. 1913–1938. Bratislava, 2002. S. 61.

[510] Ibid. S. 68.

подстерегает смерть, души людей, как к убежищу, тянутся «к помощи и утешениям религии»[511]. Далее он продолжает в подобном духе: «Все мы себе от всей души желаем: хорошо бы, чтобы победа и далее сопровождала наши войска и оружие союзников, чтобы победили правда и моральный порядок, и пусть настигнет заслуженная кара русских за то, что они постоянно нарушали мир в Европе, пусть позором покроют себя англичане из-за своей надменной и эгоистически расчетливой политики и пусть же почувствуют ударную силу в нравах и вере более высоко стоящей германской армии нервозные, извращенные и отталкивающие от себя свое прошлое французы»[512].

Однако чем дольше затягивалась война и множились страдания и жертвы, которые приносила война, энтузиазм и вера в ее победное окончание все более уменьшались. Все чаще словаки начинали задумываться о возможности поражения Центральных держав и его последствиях. Смерть Франца Иосифа как символа Монархии совершенно не подействовала на словацкое общество, теперь чувствовавшее войну непосредственно на «своей коже». Еще менее значимым в сознании людей стало восхождение на престол императора Карла. Парадоксально, но росту его популярности не помог тот факт, что по настоянию Тисы он поспешно − по мнению венских придворных, даже чересчур поспешно − 30 декабря 1916 г. короновался и короной св. Иштвана. Тем самым молодой монарх окончательно рассеял сомнения (или надежды, все зависит от того, с какой стороны смотреть) в том, что собирается что-либо предпринять с системой дуализма. Таким образом, Карл сам себя «вытолкнул» из венгерской политики, и последующие его планы уже могли касаться только Цислейтании.

Свержение российского царизма в марте 1917 г. стало тем решающим переломом в умах, когда повсюду уже начались разговоры о последующей абсолютно новой альтернативе. Сформированные за границей политические силы уже длительное время рассуждали о возможности падения Габсбургской монархии. Еще более укрепили эти надежды российская революция и последующее вступление США в войну. Чехословацкие общества в России освободились из-под опеки царизма, и начались обсуждения идеи нового государства на развалинах АвстроВенгрии, его конкретного образа и характера чехо-словацких отношений.

Внутри страны носителем идеи усиления чехо-словацкого сотрудничества, и в области политической, и в области государственной, стали Вавро Шробар и его соратники. Неудивительно поэтому, что именно они совместно с чешской неполитической интеллектуальной элитой подтолкнули чешских политиков к решающему государствообразующему заявлению в мае 1917 г. Подтверждались слова Франтишека Палацкого: «Мы были и до монархии Габсбургов, будем мы и после нее».

Для демонстрации изменения настроений лояльности и верности многих словацких воинов характерным является письмо бывшего военнопленного Яна Штрбу из казарм в Братиславе, куда он попал после двукратного побега из российского плена. Вместо почестей дома его ожидали лишь недоверие и

[511] Ibid. S. 37.
[512] Ibid. S. 75.

преследования. Наученный горьким опытом, он окончательно избавился от лояльности и в этом настроении 20 января 1918 г. писал своим друзьям в русский плен, куда, скорее всего, его письмо цензура не пропустила: «Однако, братья мои, лучше Вам в России. Преступником является тот, кто уезжал из России к нам на родину. Никогда раньше я не подумал бы, что буду из-за своей верности носить камень на душе. Вы, вместе с кем я был, знаете лучше всего, что в России меня наказали за побег, 20 палок мне назначили в наказание, так что тело мое абсолютно добили. Поэтому не было мне покоя, чувствовал я обязанность служить императору и воевать за отчизну, в которой я клялся. Я был готов пожертвовать для этого и жизнью. Я уехал ночью, пройдя через страшные болота, как сумасшедший, несмотря на колючую проволоку. Восемь дней и ночей голодный, мокрый, с голыми ногами, я стремился добраться до родины. И что дала мне родина, мне, глупому барану? Тюрьма и мучения мне за то наградой. Но так мне и надо, глупому ослу, ведь зачем я бежал на родину? Да, братья мои, Бог с Вами, верьте мне, что я Вам завидую из-за той свободы, которой вы наслаждаетесь в России»[513].

И хотя несколько раз предпринимались попытки увеличить политический вес словаков в результате пролитой словацкой крови и сохранения верности династии и Монархии, все более четкие контуры приобретали политические концепции, предусматривавшие выход за рамки Венгрии и распад Монархии. По мере приближения конца войны любые переговоры с государем начинали казаться предательством национальных интересов.

Венгерская правящая элита сделала попытку путем независимой политики в 1918 г. отделить австрийские проблемы от венгерских. Этому способствовал и тот факт, что статус государя потерял свое былое значение. Вопреки, а может быть, даже благодаря этому между народом и королем не стало конфликтов. В связи с этим часто вспоминают восторженный прием, который был оказан императорско-королевской фамилии на традиционном словацком празднике «дожинок» в августе 1918 г. в Братиславе. Хотя, с точки зрения словаков, Братислава не являлась городом, определяющим атмосферу в стране, и жила всегда своей, весьма далекой от словацких проблем жизнью. Но в конце войны неудивительным стал бы более холодный прием со стороны населения. Даже сам Карл с супругой Зитой были приятно удивлены. И много десятилетий спустя Зита так вспоминала о Братиславе: «Это одно из самых прекрасных воспоминаний, один из прекраснейших моментов, который в моих воспоминаниях об утраченной Монархии останется навсегда. Прием превзошел все наши ожидания; невозможно даже описать те чувства, которые переполняли нас − императора, наших детей и меня. Мы уже давно знали, что ситуация наша отчаянна, и, несмотря на это, мы вернулись из Венгрии даже отчасти успокоенные, нет, не успокоенные, но даже счастливые, потому что мы увидели, что люди о нас думают, и потому что еще существовали такие верные города»[514].

В Братиславе, несмотря на войну, проводили праздник «дожинок», и императорская семья, как будто бы вопреки войне, вернулась в старые добрые времена. Торжественная процессия, овации, делегация от шести венгерских краев,

[513] *Hanák P.* A Kert és a Műhely. Budapest, 1988. 244−245. old.
[514] Цит. по: *Galandauer J.* Karel I. Poslední český král. Praha; Litomyšl, 1998. S. 243.

слова о верности и лояльности – все это вдохновило Карла к восторженным словам о его «горячо любимом венгерском народе» и к пению венгерского гимна.

Еще в апреле 1918 г. германский генеральный консул в Будапеште сообщал своему непосредственному начальнику − послу в Вене графу Бото фон Веделю и через него в министерство иностранных дел в Берлине, что венгерская пресса и общественность до сегоднящнего дня избегают признания того, что в Венгрии есть недовольные народы: «Особенно каждый остерегается выразить любые сомнения по поводу лояльности северо-венгерских словаков, позиция которых во время войны не давала повода для недовольства»[515]. Такая позиция была действительно характерна для венгерской прессы, которая выходила во время войны в Словакии и которой даже удалось поменять десятилетиями укоренявшиеся стереотипы в восприятии словаков. Из народа («*nép*») получилась национальность («*nemzetiség*»), и даже самостоятельная национальность, которая составляет часть венгерской государственности. Абсолютно иначе начала восприниматься и словацкая политическая элита, которая теперь стала законным представителем словацкой нации[516].

А в дипломатических отчетах последовательно ставился знак различия между словацким народом и его политическими представителями. Еще в апреле 1918 г., когда уже были ясны цели внутреннего чешского сопротивления – союза депутатов и Национального комитета – в отчете германского генконсульства в Будапеште констатировалось: «Словаки все еще молчат. Психология народа и его понимание вещей живет своей отдельной жизнью от словацкой интеллигенции и словацких политиков». Вслед за этим следовало уточнение: «Они вообще-то даже и не политики, а маленькие провинциальные людишки, которые какую-то ясную и определенную политику совершенно не могут проводить»[517]. Это подтвердило и сервильное отношение к династии на тайном заседании Словацкой национальной партии в мае 1918 г., которое, однако, в конце концов вынесло постановление о чехословацкой ориентации. Благодаря быстрому развитию событий и реализации планов чехословацкой государственности подобные лояльные позиции были вскоре позабыты.

Важным явлением, в германском донесении это отмечено весьма прозорливо, было существование барьера между народом и политической элитой Словакии (разумеется, не только там), что проистекало от дефицита демократии, низкого уровня гражданского самосознания и, не в последнюю очередь, военного положения. Что касается народа, то его, скорее всего, просто уносило потоком событий 1918 г. В его поведении можно увидеть целую гамму импульсивных и рациональных оттенков − от равнодушия к тому, какие именно армии приносят спокойствие и освобождение, безразличного отношения к монарху и всей династии до восприятия новой государственности с недоверием и опасениями. Томаш Гарриг Масарик как глава нового государства был для народных масс абсолютно неизвестным человеком.

---

[515] PAAA. Oesterreich 92. Nr. 1. R 8866. Wedel an Hertling. Wien, 19.4.1918.

[516] *Vörös L.* Premeny obrazu Slovákov v maďarskej hornouhorskej regionálnej tlači v období rokov 1914–1918 // Historický časopis. 2006. № 3. S. 419−450.

[517] PAAA. Oesterreich 92. Nr. 1. Bd. 25. Wedel an Auswärtiges Amt. Budapest, 19.4.1918.

Словацкая элита тем временем разрывалась между новой государственностью («журавль в небе») и уступками с венгерской стороны («синица в руках»). Ей делает честь тот факт, что обещания автономии со стороны венгров ее, наученную горьким историческим опытом, не удовлетворили. Династия и государь здесь уже не играли ни малейшей роли.

Чехи же, не особо разбираясь в тонкостях венгеро-словацких отношений, часто не различали венгров и словаков, которые говорили по-венгерски. Они даже не отличали провенгерски и прословацки настроенных личностей (а у обеих групп по разным причинам существовали претензии к концепции чехословацкой идентичности). Также чехи слишком преувеличивали влияние венгров на словаков.

С точки зрения лояльности и отношения к новому государству стали важны первые противоречия между чехословацким государством и словацкой национальной идентификацией. Внешне это проявлялось в чувствительном вопросе увеличения количества чешских служащих и чиновников. Наиболее важным критерием в вопросах персонального назначения на какой-либо пост была степень лояльности в отношении новой государственной власти, а также, разумеется, и государственной идеологии. Другими словами, государственная идеология стала органичной составляющей бюрократического администрирования. Многие квалифицированные кандидаты были отвергнуты лишь по причине неуверенности в их лояльном отношении к новому государству. Носителями государственной идеи стали члены некоторых государствообразующих партий, таких как национальные социалисты, члены организации «Сокол», а со словацкой стороны главным образом евангелики. По мнению финского историка Исмо Нурми, хотя и можно утверждать, что чехословацкая государственная идеология и словацкая национальная взаимно противоречили друг другу, но степень этого явления и конкретные последствия очень трудноопределимы. В результате практического отсутствия совместного опыта проживания и неукрепившегося исторического сознания национального единства чехов и словаков осенью 1918 г. лояльность в отношении чехословацкого государства у словаков почти полностью отсутствовала[518]. С другой стороны, после принятия 30 октября 1918 г. Мартинской декларации отдельные словацкие национальные советы начали хотя бы формально проявлять преданность новой республике.

Различия в отношении к государственной лояльности между представителями словацкой политики и широкими слоями населения показывают всю сложность тогдашней ситуации в Словакии. Это проявлялось иногда и в кровавых столкновениях между чехословацкими государственными органами и словаками. Многие национально (античешски) мотивированные военные бунты словаков удивляют прежде всего осознанием собственной принадлежности к словацкому народу (парадоксально, но иногда демонстрируемой венгерскими песнями и языком). Национальные бунты в казармах проходили под лозунгом «Сарай новый, а свиньи те же».

Всю неоднозначность тогдашней словацкой реальности демонстрируют многочисленные инциденты между чехословацкими государственными

[518] *Nurmi I.* Slovakia – a Playground for Nationalism and National Identity, 1918–1920: Manifestations of the National Identity of the Slovaks. Helsinki, 1999. P. 72 etc, 92 etc.

институтами (ведомствами, армией) и словаками. В результате некоторых из них имелись даже человеческие жертвы. Конкретных причин несколько: кроме щекотливых религиозных вопросов, это были проблемы со снабжением, конфискации и лживая пропаганда о вывозе словацких продуктов в Чехию[519]. Нурми обращает внимание на внешнюю схожесть в выражении политического и национального недовольства словаков в последний «венгерский» и первый «чехословацкий» период. Возможно, это был признак определенной политической незрелости, но не отсутствия национального самосознания. По мнению Нурми, если и существовала теоретическая возможность будущей самоидентификации словаков как чехословаков, то она в значительной мере была утрачена в 1918–1920 гг. в результате допущенных ошибок, взаимного непонимания и незнания[520].

Способствовали тому и экономические проблемы нового государства, так как обострение социальной ситуации также значительно воздействовало на рост недовольства в ЧСР и самоидентификацию граждан с республикой (необходимость установления новых экономических связей, проникновение в Словакию чешского капитала, проблемы безработицы, денежная реформа, ликвидация нерентабельного промышленного производства, нестабильность экономики и др.). Люди обвиняли новое государство во всех грехах, даже тех, в которых оно совершенно не было виновно[521].

К удивлению всех чешских словакофилов, в Словакии относительно быстро возникло недовольство новым государством, что являлось следствием всех объективных и субъективных причин, вытекавших из противоречий чехословацкой государственной и словацкой национальной идентичности, а также экономических и социальных проблем.

Ранее считалось, что национальное самосознание словаков было слабо развито. В этой связи интересно заключение Нурми о том, что в отличие от XIX столетия осенью 1918 г. деятели национального движения играли меньшую роль, нежели словацкие народные массы, которые уже находились в движении. Предположения о приспособляемости и слабом национальном сознании словаков абсолютно не подтвердились. Доказательством тому были и добровольцы, воевавшие в рядах чехословацкой армии против венгров, вопреки антивоенным настроениям и массовому дезертирству из армии Монархии. Нурми полагает, что в конце 1918 г. словаки были способны использовать крушение Австро-Венгрии в своих национальных и политических интересах[522].

Потребность определения и воспитания отношения к новому государству, а также необходимость пропагандистской деятельности и агитации в пользу

---

[519] О подобных инцидентах см.: *Steier L.* Ungarns Vergewaltigung: Oberungarn unter tschechischer Herrschaft. Wien, 1929. S. 51f. Похожие мотивы можно найти и в художественной литературе. См., например: *Gráf Š.* Zmätok. Bratislava, 1974.

[520] *Nurmi I.* Op. cit. S. 188. Степень национального самосознания словаков значительно различалась и в зависимости от социального положения. Возникновение республики и первые годы ее существования ускорили самоидентификацию словаков и формирование современной словацкой нации.

[521] *Holec R.* Hospodársky vývoj Slovenska bezprostredne po vzniku ČSR v kontexte česko-slovenských vzťahov // Československo 1918–1938: Osudy demokracie ve střední Evropě / Ed. J. Valenta, E. Voráček, J. Harna. Praha, 1999. S. 273−278.

[522] *Nurmi I.* Op. cit. S. 185−186.

чехословацкой государственной идеологии в Словакии явились причиной создания единственной в своем роде организации – Чехословацкой канцелярии пропаганды. Новое государство пыталось таким образом противостоять весьма массивной античехословацкой пропаганде с венгерской и польской стороны. Особенно польская агитация была достаточно эффективной в борьбе за «словацкие души». В отличие от венгерской пропаганды она была сосредоточена в регионе Оравы и Спиша и именно там приводила в смятение души местных жителей, которые «разрывались» практически между признанием четырех идентичностей одновременно (венгерской, чехословацкой, словацкой и польской). На самом деле, сам того не желая, венгерский террор 1918−1919 гг. укреплял в людях сознание национальной принадлежности и повышал либо создавал лояльность в отношении новой республики, в первую очередь среди до этого не определившихся словаков. Они точно не знали, чего хотят, однако весьма точно знали, что не хотят. И именно поэтому, вопреки двойственному отношению к новому государству, обе попытки реставрации власти Габсбургов в Венгрии со стороны последнего императора в марте и октябре 1921 г. встретились у словацкой общественности с непониманием и с нескрываемым отвращением. Венгрия как альтернатива изжила себя значительно раньше, чем появилось приятие нового государства и отождествление себя с ним.

Обострение внутриполитической ситуации в конце 1918 г., война с венгерскими большевиками – все это влияло на то, что последние остатки старой лояльности пропадали и все большее значение приобретало новое государство. Чехословацкая пропаганда с самого начала ошибочно предполагала слабое развитие словацкого национального самосознания и не считалась с возможностью его повышения и новых проявлений. Пропаганда с трех сторон – венгров, чехов и поляков – была тупиковой, в которой каждая исключала другие. И, таким образом, словак приходил к осознанию, что он ни венгр, ни чех и ни поляк, а что-то особое, – и оставалась ему только словацкая альтернатива. И так стало очевидным, что чехословацкая государственная пропаганда – вопреки своему замыслу – привела к совершенно противоположным результатам, а значит − к укреплению сознания словацкой национальной принадлежности. Это происходило одновременно с усилением лояльности словаков новому государству, с которым они стали себя отождествлять.

Парадоксально то, что относительно крепкие корни в рядах заграничного сопротивления сохраняла идея монархии как будущей формы государственного правления. Ее носителем был, например, Милан Растислав Штефаник, хотя в данных рассуждениях речь, конечно, шла не о Габсбургах. Их историческая роль в Средней Европе после 1918 г. уже была исполнена. Однако портреты Франца Иосифа люди в своих домах заменяли изображениями Масарика далеко не сразу, а то и вообще не заменяли. Ничуть не лучше обстояло дело и в государственных учреждениях. Например, в Лученце портреты Франца Иосифа (вместе с Лайошем Кошутом и Ференцом Деаком) исчезли со стен городской мэрии только в октябре 1920 г., и то после того, как на них обратила внимание местная пресса вечером накануне визита председателя правительства Яна Черного[523].

[523] Predseda vlády Dr. Černý // Slovenský juh. № 29. 21.10.1920.

Парадоксом (или закономерностью?) было и то, что институт президента демократической парламентской республики заимствовал множество символов, атрибутов, ритуалов и обычаев со времен монархии и императора, и таким образом народ мог быстрее свыкнуться с изменением границ, политической системы и государственно-правовой реальности.

Л. Гарбулёва

Образование Чехословацкой республики и восточно-европейский фактор

Конец Первой мировой войны определил дальнейшее развитие всего Центрально-Европейского региона. На обломках Австро-Венгерской монархии возникли новые государственные образования, к которым принадлежала и Чехословацкая республика (ЧСР). Ее будущий президент Томаш Гарриг Масарик еще во время войны осознавал, что его концепция переустройства Центральной Европы и идея будущего общего государства чехов и словаков нуждаются в поддержке великих держав, причем не только Западной Европы, но и России. Поэтому для реализации своей концепции он искал поддержку от близких ему по духу российских политиков.

Сторонником Масарика на российской политической сцене стал Павел Николаевич Милюков, с которым его связывали давние профессиональные контакты. В письме к Эдуарду Бенешу в мае 1916 г. Масарик так характеризовал важность Милюкова и его значение для пропаганды своих политических представлений в России: «Я буду информировать Милюкова. Ему можно сказать все, то есть информировать его детально. Я послал ему Меморандум («Независимая Чехия». – *Л. Г.*) и жду, когда и где мы с ним встретимся. Очень важно проинформировать хотя бы одного русского, и еще важно то, что у него есть “Речь”»[524].

Встреча двух политиков произошла в 1916 г. в Лондоне, куда Милюков прибыл с визитом в составе делегации Государственной думы. Масарик подробно ознакомил его со своим пониманием места будущей Центральной Европы в борьбе за демократический мир, а также с ролью будущей Чехословакии «как клина на дороге германского расползания на юг по тогдашней оси Берлин – Багдад»[525]. Взгляды обоих политиков сходились в том, что на развалинах Австро-Венгрии должны появиться новые независимые государства. Позже в своей книге «Мировая революция» Масарик, оценивая эту встречу, написал: «Милюкова я убедил в поддержке нашей программы уже в Англии»[526].

После возвращения в Россию Милюков начал пропагандировать предложенную Масариком концепцию переустройства Европы. Тогда же, в 1916 г., в ежегоднике газеты «Речь» он опубликовал статью, в которой подробно изложил концепцию Масарика об объединении чехов, словаков и карпатороссов в единое демократическое государство. К статье прилагалась карта будущей Чехословакии.

После Февральской революции и падения российского царизма в марте 1917 г. Милюков стал министром иностранных дел Временного правительства. Узнав об

---

[524] T. G. Masaryk E. Benešovi. Bournemouth 14. 5. 1916 // Korespondence T. G. Masaryk – Edvard Beneš 1914–1918 / Ed. D. Hájková, I. Šedivý. Praha, 2004. S. 107.

[525] *Милюков П. Н.* Мои встречи с Масариком // Последние новости. 1937. 23 сент. С. 2.

[526] *Masaryk T. G.* Světová revoluce. Za války a ve válce 1914–1918. Praha, 1925. S. 189.

этом, Масарик направил ему 18 марта из Лондона телеграмму, в которой напомнил об их лондонской встрече и об основах, на которых должна быть создана новая Центральная Европа: «Объединенная Польша, объединение сербов, хорватов со словенцами, а также освобождение чехов и словаков»[527]. Об этой программе и о целях Масарика Милюков не забыл. В качестве главы российской дипломатии он пропагандировал и по возможности поддерживал идею отдельного государства чехов и словаков. Например, на встрече с представителями российской печати 24 марта Милюков заметил, что созданием чехословацкого государства будет одновременно поставлена преграда для немецких захватнических планов. Корреспонденту британской газеты «Times» 4 апреля он заявил, что «усилия Союзников направлены к такому изменению карты Юго-Восточной Европы, чтобы оно могло считаться окончательным. Эта карта предполагает освобождение и объединение Польши, разделение Австро-Венгрии, образование независимого чехословацкого государства, объединение сербских территорий»[528]. Милюков и при неофициальных встречах с иностранными политиками, когда речь заходила о будущем Центральной Европы, защищал идею самостоятельного чехословацкого государства. В своих воспоминаниях он описывает, например, встречу с руководителем британской дипломатии Эдуардом Греем: «Переходя к другим вопросам, связанным с разделом Австро-Венгрии, я касаюсь прежде всего Чехии и спрашиваю, осведомлен ли Грей о чешских желаниях от Масарика.
Грей не помнит мемуара Масарика, поданного в феврале 1916 г.»[529]

Своей позицией в отношении идеи возникновения самостоятельного государства чехов и словаков Милюков *de facto* сформировал на российской политической сцене основные направления политики в чехословацком вопросе. Он признавал Масарика в качестве единственно возможного вождя чехословацкого движения и открыто выступал против действий Йозефа Дюриха, целью которых было образование организации в противовес Чехословацкому национальному совету (ЧСНС) в Париже. Масарик рассчитывал на помощь Милюкова и при формировании чехословацкого военного корпуса на территории России, который мог быть создан из чехов и словаков, находившихся в российском плену. Предполагалось, что таким образом сформированный корпус сможет включиться в борьбу с Германией на стороне Антанты, и это создаст важные предпосылки для возникновения самостоятельного объединенного государства чехов и словаков. В книге «Мировая революция» Масарик открыто написал об этом: «Когда лично знакомые мне люди после революции получили силу, а некоторые даже пришли к власти, я решил поехать в Россию, чтобы добиться образования армии из наших военнопленных. Рассчитывал я, прежде всего, на Милюкова»[530].

Масарик действительно поехал в Россию, но пока он туда добрался, первые шаги в чехословацких делах уже предпринял сам Милюков. Военный министр Временного правительства Александр Иванович Гучков был против организации

---

[527] *Beneš E.* Účast P. N. Miljukova v boji za naše osvobození // Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милюкову 1859–1929. Прага, 1929. С. 10.
[528] Ibidem.
[529] *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 2001. С. 525.
[530] *Masaryk T. G.* Op.cit. S. 157.

иностранных воинских формирований. Но под влиянием Милюкова военный совет Временного правительства утвердил указ об организации чехословацкого корпуса, и тем самым была создана база для его дальнейшего расширения. Масарик приехал в Петроград 16 мая 1917 г., через день после того, как Милюков подал в отставку со своего поста. Хотя они и встретились, но Милюков в чехословацком вопросе уже не мог сделать более того, что сделал. Поэтому Масарик был вынужден искать иной путь и обратился к другим российским политикам, у которых стремился получить поддержку идеи самостоятельного государства чехов и словаков и создания чехословацких военных формирований в России. Он встретился с Петром Бернгардовичем Струве, Георгием Валентиновичем Плехановым, Максимом Горьким и с другими представителями политических и научных кругов. Масарик выступил с лекцией, в которой представил свой проект послевоенного устройства Центральной Европы. Свои заметки о поездке в Россию он привёл в уже указанной книге «Мировая революция», отметив, что во время пребывания узнал, что отношение России к Чехии определяется, помимо прочего, и опасениями по поводу чешского либерализма и католицизма. Затем Масарик заметил, что взгляд России на общее государство чехов и словаков изменился после того, как с такой альтернативой стали считаться также в Париже и в Лондоне. Под влиянием этой реальности, по словам Масарика, и Россия стала серьёзнее относиться к его предложениям о переустройстве Центральной Европы.

Перелом в развитии отношения России и ее политических деятелей к идее создания совместного самостоятельного чехословацкого государства произошел в октябре 1917 г., когда власть в свои руки взяли большевики. Страна оказалась расколотой Гражданской войной. Милюков тогда выехал из Петрограда в Ростов-на-Дону, где включился в организацию вооруженных сил против большевиков. Генерал Михаил Васильевич Алексеев искал помощь и поддержку для организации белогвардейской армии, во внимание брался и уже сформированный чехословацкий корпус в России. По его просьбе Милюков обратился с письмом к Масарику. Ответ, однако, пришел со значительным опозданием. Масарик не питал надежд насчет реставрации монархии в России и не верил в победу войск генералов М. В. Алексеева и Л. Г. Корнилова. Очевидно, он не хотел вступать в открытую схватку с большевистскими властями потому, что ему было необходимо вывести чехословацкие войска из России. В своей «Мировой революции» Масарик написал об этом так: «Правило, по которому мы действовали в России, а также на Украине и вообще по отношению ко всем новым формациям в России, было не вмешиваться во внутренние дела России, избегать какого бы то ни было ввязывания в споры и схватки отдельных сторон»[531].

Чехословацкий военный корпус, постепенно все-таки втянутый в водоворот российских внутриполитических событий, оказался в течение 1918 г. важным политическим фактором и реальной военной силой, к которой проявляли интерес все политические субъекты на российской политической сцене. Масарик по этому поводу высказался следующим образом: «Против нашего ухода из России были политики и военные добольшевистской России. На меня давили Корнилов,

[531] *Masaryk T. G.* Op.cit. S. 222.

Алексеев, да и Милюков, чтобы мы присоединились к ним и выступили притив большевиков. Но и большевики были против нашего ухода, и тоже стремились получить нашу армию для себя»[532].

Точка зрения Милюкова по поводу того, стоит ли оставлять чехословацкий корпус на территории России или нет, отражена в его дневнике за 1918–1921 гг. Так, он описал свою встречу с представителями корпуса в ноябре 1918 г. На их вопрос, считает ли он их миссию оконченной одновременно с завершением войны против Германии, Милюков якобы ответил: «Большевики являются настоящим союзником Германии, против которого продолжают бороться наши союзники. Чехи заслужили свое государство именно борьбой не с германцами, а с этим их союзником, и задача будет окончена лишь тогда, когда признают ее оконченной наши союзники»[533]. Также Милюков интересовался настроениями в корпусе и внутриполитической ситуацией в новообразованном чехословацком государстве. После указанной встречи он отметил в дневнике: «Из масариковской ориентации остается в Сибири только доктор Павлу. Остальные – Чечек, Гайда и др. – ближе к Крамаржу. Между ними и сибирскими войсками существуют трения. Сибиряки уже предлагали им уходить. Чехи вообще считают, что не должны вмешиваться в русские дела»[534].

Итак, в конце 1918 г. чехословацкий корпус в России все более становился не только военным фактором, но и политическим. Представители Сибирского временного правительства, а также Всероссийского правительства (Директории) прекрасно понимали значение корпуса в борьбе с большевиками. Не случайно в октябре 1918 г. парижский представитель Директории представил в ЧСНС ноту, в которой тот признавался в качестве законного правительства чехословацкого государства. В ноте говорилось, что правительство «готово поддерживать с братским народом те сердечные отношения, которые так упрочились благодаря взаимной поддержке в борьбе с общим врагом»[535]. Об этой ноте Директория информировала и российский филиал ЧСНС.

Осенью 1918 г. Центральная Европа приобрела новый облик благодаря вновь созданным государствам. Особое внимание им, в первую очередь славянским странам, уделяли в своих внешнеполитических планах правительства А. И. Деникина и А. В. Колчака. Так, в Омске понимали, что чехословацкий, сербский и болгарский вопросы могут послужить укреплению славянства и одновременно усилить значение России в международном контексте. Особое место в этих планах отводилось Польше, Королевству Сербов, Хорватов и Словенцев, а также Чехословакии.

Возникновение ЧСР и ее официальное признание международным сообществом послужило стимулом для того, чтобы министр иностранных дел Омского правительства поставил вопрос об открытии дипломатического представительства в Праге. По мнению авторов этого проекта, для российского правительства было особенно важно начать быстро следить за политической жизнью в возникших

---

[532] Ibid. S. 223.
[533] Дневник П. Н. Милюкова 1918–1921. М., 2005. С. 183–184.
[534] Там же. С. 184.
[535] ГАРФ. Ф.200. Оп. 1. Д. 356. Л. 15.

славянских странах, среди которых особое место принадлежало Чехословакии. Предполагалось, что открытие представительства в Праге улучшит довольно сложные отношения между Омским правительством и филиалом ЧСНС в России и подготовит почву для будущих экономических отношений между ЧСР и Россией[536].

В ноябре 1918 г. по сигналу из Омска находившийся в Париже дипломат Василий Алексеевич Маклаков запросил Прагу о возможности обмена дипломатическими представителями между Россией, представленной правительством Колчака, и Чехословакией. В ответ правительство ЧСР осторожно отмечало, что оно приветствует создание правительства в Омске, но его официальное признание Чехословакией предлагалось отложить и произвести одновременно с Союзниками[537]. 23 ноября Маклаков переадресовал этот ответ в Омск.

Несмотря на этот ответ, Колчак продолжил установление дипломатических отношений с ЧСР. 17 января 1919 г. он утвердил постановление Совета министров о создании российской дипмиссии в Праге. В марте чрезвычайным посланником и полномочным министром в Чехословакии был назначен товарищ министра иностранных дел Владимир Григорьевич Жуковский, до 1914 г. бывший российским консулом в Праге[538]. Под влиянием внутренних событий, связанных с подготовкой Парижской мирной конференции, Жуковский из Омска не выехал, и Совещание послов в Париже назначило в Прагу В. Т. Рафальского. Исходя из ноябрьского ответа Маклакову, Прага разрешила принять российскую миссию, но вновь подчеркнула, что официальное отношения и признание миссии *de iure* станут реальными только одновременно с признанием Колчака Союзниками.

Благодаря этому шагу, а также тому факту, что чехословацкий корпус продолжал оставаться на территории России, в поддержке с его стороны был заинтересован и Колчак. Преследуя свои цели в славянском вопросе, министерство иностранных дел Омского правительства подготовило аналитический материал о ситуации в ЧСР, уделив особое внимание территориальным вопросам. В документе говорилось: «В настоящее время идеалом чехо-словаков является не только национальное объединение всех чехо-словаков, но и восстановление чешского государства в пределах исторических границ. Если на предстоящей мирной конференции суждено будет осуществиться всем требованиям виднейших чехословацких деятелей, в состав Чехословакии войдут следующие австро-венгерские области: целая Чехия и Моравия, срединная часть австрийской Силезии и Словачина, приблизительно от реки Моравы до города Ужгород»[539]. Далее в документе отмечалось отношение России к новому государству: «Ради поддержки чехов в их борьбе с немцами, следует стремиться к присоединению Словачины к Чешскому государству. Для России присоединение Словачины к Чехии имеет то значение, что в случае воссоединения Прикарпатской Руси с Россией, границы чешско-словацкого государства будут соприкасаться с территорией России»[540].

---

[536] *Кононова М. М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.). М., 2004. С. 99.

[537] *Миронова Е. М.* М. Дипломатические ведомства антибольшевистской России // Проблемы истории Русского зарубежья. Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2005. С. 86.

[538] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 9. Л. 57.

[539] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 356. Л. 34.

[540] Там же. Л. 35.

Это было вполне в русле славянской политики Омского правительства.

Его внешнеполитические интересы на мирной конференции в Париже представляло Русское политическое совещание. Министерство иностранных дел Омского правительства еще в декабре 1918 г. разработало инструкции для своих зарубежных представителей с указанием линии поведения на конференции. Общей задачей было предоставить Союзникам такую информацию, которая обеспечила бы России хорошие позиции по вопросу границы с Польшей и позволила провести ее так, чтобы Белоруссия, Литва и Прикарпатская Русь стали составной частью России. В отношении же чехословацкого государства в документе были намечены следующие действия:

«1. Надо поддержать все требования чехов относительно территорий, добиваясь объединения чехов, мораван и словаков и включения в состав чешского государства Верхней и Нижней Лужицы, а также не допускать отделение от Чехии северной и западной полосы, населенной немцами.

2. Стремиться к непосредственному соприкосновению с чешским государством через Словачину и Угорскую Русь.

3. Отстаивать необходимость выхода Чехии к морю путем рождения сербскочешского коридора или, в случае невозможности этого, желательно обеспечить транзит через Австрию путем выхода на Дунай в Пресбурге»[541].

Как видим, стратегическая линия России в отношении чехословацкого государства была выработана, и придерживаться ее были обязаны также члены Политического совещания в Париже, представлявшие интересы небольшевистской России. Хотя они официально не участвовали в мирной конференции, но неофициально всячески пытались защитить интересы белого движения, в том числе используя частные встречи с отдельными участниками конференции. Не остались вне их внимания и члены чехословацкой делегации в Париже.

22 января 1919 г. состоялась встреча Эдуарда Бенеша, Карела Крамаржа и Бориса Савинкова. На ней Бенешу было предложено обеспечить участие ЧСР в подготовке интервенции против большевистской России. Такое предложение совпало с усилиями европейских держав, особенно Великобритании, по организации интервенции в Россию и созданию на ее территории антибольшевистского фронта.

Хотя Крамарж поддерживал эти усилия и выступал за активное включение Чехословакии в антибольшевистскую борьбу, позиция Бенеша была сдержанной. Он стремился координировать все шаги чехословацкого государства в данном вопросе с Союзниками. Была поддержка у Бенеша и в самой ЧСР. Так, министр финансов Алоис Рашин советовал ему отнестись к предложениям Колчака осторожно, тем более что на территории России все еще находился чехословацкий военный корпус, личный состав которого не желал более воевать, а жаждал только одного – скорейшего возвращения домой. Но для этого чехословацкому правительству необходимо было договориться с российскими властями, в том числе и с Колчаком.

---

[541] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 356. Л. 37. Пресбург – старое немецкое название Братиславы. В документе рекомендовалось также заключение политического и экономического союза, создание единой монетной системы. В планы входило учреждение русско-чешской торговой палаты в России и всеславянского банка в Праге.

Итак, до середины 1919 г. правительство ЧСР колебалось в своем выборе – поддержать или нет предложение Колчака об участии чехословацкого корпуса в антибольшевистской интервенции. Под влиянием событий в Сибири летом 1919 г. чехословацкие политики все более склонялись к выводу, что планы интервенции нереальны и что возрождение демократической России вряд ли можно связывать с белыми генералами. Это подтверждает и секретная телеграмма из Парижа в министерство иностранных дел Омского правительства от 9 августа 1919 г.: «В Чехии отношение к русским среди народа сочувственное, но среди интеллигенции сдержанное. Помощи от чехов против большевиков ожидать нельзя»[542].

В начале 1920 г. Бенеш заявил, что возрождение России немыслимо с оружием Деникина и Колчака и заодно объявил новую линию в политике Праги по российским делам. Этот курс должен был основываться на невмешательстве во внутренние дела и на договоре с союзниками об экономических отношениях с отдельными частями России. Программа политического нейтралитета и экономического сотрудничества стала доминирующей уже в 1920 г. Подтверждением этому стали и последующие шаги Бенеша. В апреле 1920 г. он дал понять наркому иностранных дел РСФСР Георгию Васильевичу Чичерину, что Прага нацелена на экономическое сотрудничество с Советской Россией, а в июне 1920 г. уже обсуждал с Леонидом Борисовичем Красиным в Лондоне возможность установления торговых отношений.

Вопреки этой официальной линии Праги в чехословацком обществе в начале 1920-х гг. все же существовало мнение или надежда, что большевистское правительство в России долго не просуществует, а трансформируется в некую более демократическую форму. Роль Чехословакии в этой трансформации некоторые представители ее политической и интеллектуальной элиты усматривали в эвентуальной подготовке на ее территории демократической русской интеллигенции. Имея в виду эти планы, ЧСР согласилась на размещение политических эмигрантов из России на своей территории. Но последующее развитие событий в Советской России и в мире уже спустя несколько лет сделало очевидной бесперспективность подобных планов и надежд.

[542] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 364.

II

НациоНальНые движеНия в галиции,
Закарпатье и буковиНе

Я. Рыдель Поляки Габсбургской монархии в 1914–1918 гг.: причины, характер и пределы лояльности

процесс поиска поляками своего места в габсбургской монархии продолжался долго. он начался с драматических событий февраля 1846 г. тогда прекрасному с точки зрения идеологии и программы, но плохо подготовленному польскому восстанию шляхетских демократов, австрийцы нанесли в галиции ответный удар – самый эффективный и одновременно самый коварный из возможных. а именно – на защиту императорской власти призвали польских крестьян, которые еще со времени отмены крепостной зависимости императором иосифом II окружили монархический институт необыкновенным уважением, нередко граничившим даже с религиозным культом. таким образом, борьба за свободу романтических польских патриотов превратилась в продолжавшуюся весьма недолго, но невероятно жестокую гражданскую войну, а точнее, резню. в ней погибло более тысячи галицийских шляхтичей, усадебных служащих, лиц духовного звания и горожан.

таким образом, польско-австрийские отношения оказались на низшей точке. именно тогда ультраконсервативный политик, маркграф александр велепольский отправил знаменитое открытое «письмо польского шляхтича князю Меттерниху», в котором объявлял о своем разрыве с австрией. велепольский продал свои галицийские владения и уехал в царство польское, входившее в российскую империю, поставив свой политический талант на службу царю. правда, уже в 1848 г. появились признаки возможного примирения поляков с веной, однако по-настоящему заметный прогресс в этом вопросе проявился лишь тогда, когда обе стороны потерпели ощутимые поражения. войны 1859 и 1866 гг. привели к тому, что габсбурги утратили итальянские провинции, были вытеснены из объединяющейся германии, а существовавшая в австрии неоабсолютистская система правления скомпрометирована. до той поры, несмотря на перманентное увеличение роли выходцев из галиции в венском политическом истеблишменте, еще, тем не менее, не существовали узы солидарности и лояльности между поляками и императором Францем иосифом I. так, в 1866 г., после поражения австрийцев под Садовой (кениггрецем), в галиции с удовольствием повторяли двустишие:

«Бенедек, бывай здоров! // Кениггрец – тебе не Гдов!»

Это был намек на тот факт, что потерпевший поражение австрийский генерал начинал свою военную карьеру с разгрома польских повстанцев в 1846 г. в сражении под гдовом в галиции. для поляков такой окончательной цезурой в отношениях с австрией стало антироссийское январское восстание 1863–1864 гг. в нем в качестве добровольцев принимало участие большое число галицийских поляков. Среди них выделялась целая плеяда весьма талантливых демократов и консерваторов младшего поколения, которые если не попадали в руки русских, то встречались, как правило, с серьезными репрессиями со стороны австрийцев. январское восстание – эта святая с многих точек зрения, но притом кровавая и безнадежная борьба за свободу – позволило как политикам в галиции, так и польским эмигрантам в париже, осознать необходимость смены парадигмы. как говорил Флориан Земялковский, львовский радикальный демократ, ставший потом австрийским министром, «через десятки лет, может быть, напрасно будет искать поляков на берегах вислы, у подножия карпат, но придется искать их у подножия алтая»[543].

если поляки не могли продолжать свою борьбу за свободу против всех трех захватчиков одновременно, поскольку она влекла столь большие потери, что ставилось под угрозу само существование польской нации, то было бы логичным пытаться договориться с одним из захватчиков. Но с кем? С россией это было абсолютно невозможно! ведь еще стояли виселицы, на которых были повешены сотни повстанцев, еще гремели кандалами 30 тыс. поляков – каторжников и ссыльных. договариваться с пруссией бисмарка, который недвусмысленно декларировал враждебность к полякам? исключено! если рассуждать методом исключения, то ответ напрашивался сам собой. в результате подобных размышлений был создан знаменитый адрес сейма галиции императору Францу иосифу, принятый 10 декабря 1866 г. в нем содержались такие ключевые слова: «Мы питаем также, ваше величество… эту возвышающую сердца веру, что… австрия, дабы… сильнее, чем когда-либо расцвести, будет по внутреннему своему устройству сильнейшим выражением уважения свободы, а вовне – щитом для западной цивилизации, прав национальностей, человечества и справедливости. …такая миссия была нашим уделом на протяжении долгих веков. и без опасения отступить от мысли национальной нашей, с верой в миссию австрии… из глубины сердец наших заявляем, что рядом с вами, ваше величество, мы стоим и стоять желаем»[544]. как можно заметить, за верноподданнической стилистикой адреса скрывалось предложение стратегического польско-австрийского соглашения, основанного на принципах партнерства и общих интересов. польское предложение было принято, ибо вена, оказавшись перед необходимостью совершенно по-новому выстраивать отношения с венграми, а также опасаясь нараставшего конфликта с чехами, не могла позволить себе новое поле конфликта в галиции. кроме того, австрийские политики полагали, что, делая уступки полякам, они ничем не рискуют, ибо у них в руках есть козыри, которыми можно будет воспользоваться против поляков, если те окажутся нелояльными. важнейшим из этих козырей были галицийские украинцы,

[543] *Grodziski S.* Franciszek Józef I. Wrocław, 1983. S. 121.

[544] *Idem.* Sejm Krajowy galicyjski 1861–1914. Źródła. Warszawa, 1993. S. 255–256.

справедливо добивавшиеся равноправия в сфере языка, культуры и политики. вена могла, лишь слегка переводя свои преференции в пользу украинцев, *de facto* в любой момент нанести удар по основам польского доминирования в галиции, а именно этого поляки панически опасались на протяжении десятилетий. исходя из таких реалистических предпосылок, польские и австрийские политики в 1867–1873 гг. договорились о принципах так называемой галицийской автономии. Эта автономия, если рассматривать ее с точки зрения государственно-правовых решений, была более чем скромной. она касалась статуса польского языка как официального в галиции, местного самоуправления в сферах местной администрации, образования, здравоохранения и в социальной сфере, а также сельскохозяйственной политики. остальные фундаментальные вопросы, такие как обороноспособность, внутренние дела и полиция, промышленная политика, железные дороги, а также университеты, – все это относилось исключительно к компетенции австрийского правительства или назначенного императором наместника галиции, которым всегда был поляк. Министр без портфеля в австрийском правительстве, представляющий интересы галиции, тоже всегда был польского происхождения [545] . именно такая доброжелательная в отношении поляков позиция императора и большинства австрийских правящих кабинетов привела к тому, что в рамках такой ограниченной автономии в галиции возникло поле для развития подлинной, многообразной и современной польской жизни. С этой точки зрения отношения, существовавшие в галиции, резко отличались от ситуации, в которой находились поляки в российской и прусской частях польши. поляки ответили императору и австрийскому государству полной готовностью к сотрудничеству, а помощь поляков была тем более ценной, что польский парламентский клуб в венском рейхсрате, в котором галицийские консерваторы имели подавляющее большинство и умело этим клубом руководили, был самой сильной или одной из сильнейших парламентских группировок, представляя до 20,5% голосов. причем поляки составляли около 17,5% населения цислейтании и 9,9% всего населения австро-венгрии. поляки неоднократно становились министрами в австрийском правительстве и так называемыми общими министрами австро-венгрии. Например, много лет должность министра иностранных дел занимал агенор голуховский-младший. высокую оценку получила деятельность министров финансов Юлиана дунаевского и леона билиньского. 1895–1897 гг. иногда называют периодом «польского правления» в австрии, ибо поляк казимеж бадени был премьером, и одновременно поляк был министром иностранных дел, председателем парламента и даже главой социал-демократической оппозиции. после падения бадени, который предпринял последнюю серьезную попытку реформировать Монархию путем оздоровления чешско-немецких отношений, поляки уже не играли столь большой роли. Заметное снижение их влияния произошло в 1907 г., когда после введения всеобщих и равных

[545] *Fras Z.* Powstanie i charakterystyka uzzędu «Ministra dla Galicji» // Acta Universitatis Wratislaviensis. Historia. T. 78. Wrocław, 1991. S. 59–77.

выборов консерваторы утратили контроль над польским клубом, а кроме того, не все депутаты-поляки вошли в состав клуба[546].

На всем протяжении эры автономии подавляющее большинство поляков в галиции выказывало императору Францу иосифу I и австрии уважение, лояльность и симпатию. в августе 1880 г. император совершил длительную поездку по галиции, во время которой его с энтузиазмом встречали жители этого коронного края. в поездке монарха сопровождал русский генерал-губернатор царства польского князь петр павлович альбединский, который хотел проникнуть в тайну успеха австрийцев в деле управления польшей[547]. ведь, по существу, польско-австрийские отношения можно было рассматривать как успешную политику захватчиков. в случае с поляками в галиции мы можем говорить о всеобщем, осознанном и постоянном согласии быть подданным государства-захватчика, об идентификации поляков с целями политики австрии и о полной готовности нести бремя и жертвы ради австрии, хотя бы в форме военной службы в австро-венгерской армии. кстати, до настоящего времени не описан надлежащим образом и не объяснен феномен раздвоенного самосознания поляков из галиции, которые сочетали осознание себя «стопроцентными» поляками с несомненным ощущением принадлежности к габсбургской монархии, а многочисленные реликты прогабсбургских симпатий и ностальгии по «бабке-австрии» можно обнаружить на землях прежней галиции по сей день. поэтому нет ничего удивительного в том, что поляки из галиции полностью поддержали политику австрии в период международного кризиса, предшествовавшего первой мировой войне в 1914 г., и без колебания выполняли свои обязанности, вытекающие из всеобщей мобилизации армии и экономики. Настроение, господствовавшее в период мобилизации, отражает текст любительской театральной постановки в галицийских вадовицах. в нем мы можем, в частности, прочитать:

«– Матушка, приготовь ты мне ранец и исподнее, только поскорее!

– ты так торопишься на эту войну.

– да вот, его величество дал приказ, чтобы через 48 часов нам быть готовыми и прибыть в казарму в вадовицах. так потому я и спешу, жду еще янека, чтоб с ним попрощаться. ведь кто знает, увидимся ли когда, а он ведь такой патриот, что не будет сидеть в доме сложа руки, а пойдет бить москаля».

в этой же пьесе отец прощается со своим сыном, отправляющимся на войну, такими словами: «иди, мое дорогое дитя, во имя бога, сражайся, защищая родину, как добрый поляк и солдат его величества нашего императора. пусть в сражении с неприятелем благословит тебя Матерь божья Ченстоховская, как я тебя, седой отец твой, старый солдат, благословляю и крест кладу на чело твое…» Неприятель и враг давно определены. отправляющийся на войну сын оставляет дом и поет:

Люди в Вадовицах сегодня веселятся –

---

[546] См. подробнее: *Litwin-Lewandowska D.* O polską rację stanu w Austrii: Polacy w życiu politycznym Austrii w okresie monarchii dualistysznej (1867–1918). Lublin, 2008.

[547] *Wiech S.* Rządy warszawskiego generała-gubernatora Piotra Albiedynskiego – lata nadziei, lata złudzeń // Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku / Ed. A. Szwarc, P. Wieczorkiewicz. Warszawa, 2002.

Ведь вся молодежь идет бить москалей[548].

для кругов, связанных с движением стрельцов Юзефа пилсудского, еще недавно социалиста-заговорщика и российского подданного, разразившаяся война означала возможность реализовать великий политический план, заключающийся в создании добровольческих польских военных формирований и поднятии с их помощью антироссийского восстания в царстве польском. в случае успеха всей операции это должно было привести к тому, что вопрос о независимости польши вновь стал бы важным вопросом в международных отношениях. однако действительность оказалась гораздо сложнее. поляки, проживавшие на территориях, вошедших в результате разделов в состав россии, определенно не доверяли галицийским инициативам и совершенно игнорировали призывы к восстанию против россии. австрийско-венгерские войска на галицийском фронте, после первых незначительных успехов, начали быстро отступать под натиском русских войск, отходя на запад и юг, отдали львов, а потом бóльшую часть галиции, так, что под конец 1914 г. остановились лишь на окраинах кракова и карпатских перевалах. оказалось также, и это важно, что предложение простого и эффективного решения польского вопроса в этой войне, с которым выступили политики из галиции, руководствуясь положительным опытом сотрудничества с габсбургами, было отвергнуто мощными силами в самой австро-венгрии. а именно, еще в августе 1914 г. министр финансов поляк леон билиньский предложил реорганизовать в результате войны двуединую австро-венгерскую монархию, превратив ее в триединую австро-венгерско-польскую, в которой все части имели бы одинаковые права. польская часть такой триединой монархии должна была состоять из галиции и отвоеванного у россии царства польского. в последующем предполагалось провозгласить польское национальное правительство и создать сейм в варшаве.

Эта инициатива встретилась с сопротивлением со стороны набиравших силу в австрии пангерманцев, которые не желали дальнейшего ослабления немецких позиций в Монархии. категорически против проекта высказался также премьерминистр венгрии иштван тиса, будучи сторонником дуализма. он совершенно справедливо полагал, что венгерское королевство в предлагаемом треугольнике в значительной степени утратит свое прежнее исключительное положение. официально же тиса заявил, что «введение в конституционный организм австро-венгрии нового польского организма как составной части, эквивалентной австрии и венгрии, чревато риском для будущего политики габсбургов»[549]. кроме того, оказалось, что германский союзник австро-венгрии, правда, не имеет никаких готовых и конкретных планов относительно польских земель, которые предстоит захватить у русских, но наверняка не намерен все эти завоевания отдать вене. возражения относительно триединой концепции билиньского и стоящих за ним консерваторов появились и в самой галиции. Здесь против него выступали как польские национальные демократы (националисты), так и окружение пилсудского. оппоненты билиньского обращали внимание на тот факт, что этот план – в том

[548] *Kotlarczyk S.* Z doby dzisiejszej. Za matkę Ojczyznę. Dwie sztuki sceniczne. Wadowice, 2007. S. 69, 75–77.
[549] La Pologne. Sa vie économique et sociale pendant la guerre. T. I / Red. M. Handelsman. P., New Haven, 1933. S. 26.

случае, если он будет воплощен в жизнь, – предопределит будущее поляков, живущих на землях, вошедших в результате разделов в состав пруссии, оставляя их навсегда под властью берлина. Между тем на протяжении последних лет перед началом войны именно прусский захватчик, а не российский, в глазах поляков был «врагом номер один». итак, через несколько недель с момента начала войны самые прозорливые наблюдатели политической сцены поняли, что вариант, связывающий судьбу поляков с габсбургами и австрией, который так прекрасно оправдал себя в галиции, не годится для тех вызовов, которые поставила перед поляками первая мировая война. естественно, это положение вещей не осознавалось ни большинством польских политиков в галиции, ни тем более обществом. представители большинства политических партий создали единое представительство польских интересов в австро-венгрии под названием главный национальный комитет. а польские солдаты и офицеры в форме австро-венгерской армии по-прежнему самоотверженно сражались под черно-желтыми знаменами, завоевывая в ходе войны все большее признание австрийских и немецких военных, которые еще долго после войны вспоминали достоинства польских солдат. так же пилсудский и его стрельцы, после того, как потерпел неудачу план организации восстания против россии, вошли в состав создаваемого *ad hoc* польского легиона, превращавшегося *de facto* во вспомогательное формирование австрийской армии.

в 1915 г., когда ход войны повернулся в противоположную сторону и российская армия стала отступать как в галиции, так и в царстве польском, произошли события, которые раскрыли перед поляками неизвестную им сторону австровенгрии. имеются в виду происходившие – по причине фатального сочетания некомпетентности и антиславянских предубеждений, существовавших у значительной части офицерского корпуса, – эксцессы со стороны австро-венгерских войск в отношении польского, а еще более украинского населения. Эти эксцессы начались после отступления русской армии. проводились бесчисленные экзекуции мнимых русских шпионов и саботажников, репрессии в отношении лиц, которым по своей должности – например, бурмистрам – приходилось сотрудничать с российскими оккупационными властями. все это создало среди населения во многих местностях галиции впечатление, что известная им и преимущественно пользовавшаяся симпатией австро-венгерская армия превратилась непонятным образом во врага, в силу с просто звериными замашками, на фоне которой германские войска производили впечатление культурных и доброжелательных. для галицийских украинцев символом этих трагических событий стал лагерь интернирования в талергофе возле граца, через который прошло около 14 тыс. заключенных[550]. ухудшение польско-австрийских отношений, причины которого следовало бы искать прежде всего в ложном ощущении веной своей силы, выразилось в 1915 г. в нескольких принципиальных решениях австрийских властей. так, в январе австро-венгерским министром финансов перестал быть билиньский. причиной отставки послужил его протест против нерешительного поведения правительства в польском вопросе. С момента отставки билиньского больше ни один поляк не занимал высокого министерского поста в вене. после освобождения

[550] о зловещей истории талергофа см. статью М. Э. клоповой в данной книге.

львова от русской оккупации администрацию этого края в августе 1915 г. впервые за полвека возглавил не поляк, а австрийский немец, генерал герман фон колард. тогда же решилась судьба отвоеванного у россии царства польского. Несмотря на повторявшиеся из галиции призывы, оно было разделено на германскую оккупационную зону со столицей в варшаве и австрийскую – с центром в люблине. и в данном случае генеральным губернатором был назначен не поляк, а австрийский немец, генерал Эрих фон диллер. разочарование в связи с такими решениями в глазах галичан усиливал тот факт, что австро-венгерская оккупационная политика была пассивной и явно не содержала какой бы то ни было концепции. в то же время политика германии совершенно очевидно была направлена на завоевание симпатии поляков, проживающих в царстве польском. действительно, вена как бы по собственному желанию отдавала берлину инициативу в польских делах, вследствие чего центр польской политики постепенно перемещался из кракова в варшаву.

Этот процесс был окончательно закреплен в положениях акта от 5 ноября 1916 г. Совместным манифестом вильгельм II и стоявший одной ногой в могиле

ские оккупационные административные органы. в галиции вернули бóльшую часть полномочий автономной гражданской администрации. Закрыли концлагерь в талергофе. Молодой император карл I вместе с супругой Зитой посетил галицию, пытаясь завоевать симпатии ее жителей, в частности дав понять, что он готов претендовать на польский королевский трон, а это означало неожиданное возвращение к идее триединой габсбургской монархии. однако эти шаги сильно запоздали. Через три недели после визита императора в краков, 5 мая 1917 г., в этом же городе польские депутаты сейма галиции и депутаты венского рейхсрата на совместном заседании приняли решение, в котором говорилось, что «единственным стремлением польского народа является обретение объединенной и независимой польши, имеющей доступ к морю»[9]. в течение нескольких последующих недель, летом 1917 г. произошла принципиальная переориентация польской политики, которая – исходя из того, что к побежденной уже россии вскоре присоединятся австро-венгрия и германия, – своей целью избрала игру ва-банк за независимость польши, понимая ее таким образом, как это было сформулировано в процитированном выше краковском заявлении. исходя из таких именно посылок, пилсудский спровоцировал громкий конфликт с германскими и австрийскими властями, когда его легионеры отказались приносить военную присягу, в тексте которой шла речь о союзнической верности поляков германии и австро-венгрии. вследствие этого отказа пилсудский и его ближайшие сотрудники были арестованы немцами, польские солдаты, происходившие с тех польских земель, что входили в состав россии, были интернированы в лагерях, а солдаты, являвшиеся австрийскими подданными, дисциплинарно включены в австро-венгерские части и отправлены на фронт. одновременно в лозанне, а вскоре после этого и в париже начал действовать Национальный польский комитет, который западные державы признали легальным представителем интересов польши. На территории галиции и польского королевства польские политики вели уже лишь своего рода игру на выживание до конца войны без лишнего напряжения и потерь. в таких условиях какие-либо декларации или шаги со стороны правительства в вене и императора карла, касающиеся будущего польши и поляков, не имели особого значения.

Событием, которое имело большое психологическое значение для польскоавстрийских отношений, стало заключение 9 февраля 1918 г. в брест-литовске мирного договора между центральными державами и только что созданной украинской центральной радой. С польской точки зрения главное значение имело то, что на основании этого, как тогда надеялись в германии, «хлебного» мира украина должна была получить некоторую часть прежнего российского царства польского, а именно Холмскую губернию[10]. кроме того, австрия обязалась по завершении войны разделить галицию: на западную часть – польскую, и восточную, со львовом, – украинскую. Эти решения вызвали волну возмущения по всей польше, в том числе в галиции. в большинстве галицийских городов прошли массовые демонстрации протеста, соответствующие резолюции принимали городские советы, в отставку ушли многие польские чиновники и офицеры,

[7] Kronika Krakowa / Red. M. Michalik. Warszawa, 1996. S. 292.

[8] См. подробно: *Михутина И. В.* украинский брестский мир. М., 2007.

императору отсылали австрийские награды. Свидетели событий сообщали, что на улицах городов видели собак, увешанных австрийскими орденами. поляков, особенно галичан, разозлило то, что австрийцы, которые до тех пор отвергали предложения о стратегическом и партнерском сотрудничестве со стороны поляков, теперь за счет независимой польши, которой предстояло вскоре появиться, делали подарки какому-то виртуальному украинскому государству. условия мирного договора с украиной способствовали тому, что из сознания поляков исчезли последние ощущения симпатии и лояльности в отношении габсбургской монархии.

С весны 1918 г. в галиции продолжались частью открыто, а частью подпольно приготовления к разрыву государственной связи с австрией. Независимость настала в последние дни октября. 29 октября первыми разоружили австро-венгерский гарнизон поляки в тешине, 30-го в уездном тарнове, а 31-го – в кракове и львове. о реализме и чувстве достоинства обеих сторон свидетельствует то, что в момент ликвидации структур австрийской государственной власти нигде в галиции дело не дошло до стычек, самосуда и эксцессов. к сожалению, период мира продолжался всего несколько часов, ибо уже в

ночь с 31 октября на 1 ноября в львове вспыхнули бои с украинскими отрядами, пытавшимися взять власть в городе от имени Западно-украинской Народной республики. однако эти сражения относятся уже к иному разделу истории.

Авторизованный перевод с польского Е. Л. Шиманьской

Н. Р. Литвин Украинский вопрос в годы Первой мировой войны: проблема исследования

великая война, как называли ее современники, стала катализатором новой волны национального духа и шовинистических настроений в австро-венгрии, германии и россии [551]. известный психоаналитик Зигмунд Фрейд в начале августа 1914 г. написал: «впервые за 30 лет я чувствую себя австрийцем»[552]. Наверное, под этой фразой могли бы подписаться многие украинцы, которые в национальных воинских формированиях австро-венгрии и россии стремились к возрождению полноценной национально-культурной жизни и возрождения собственного независимого государства [553]. вторжение русских войск в галицию и заявления главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича о притязании россии на австро-венгерские территории, в частности на украинские этнические земли, актуализировали не только распад дунайской монархии, но и возможность реализации права угнетенных наций на самоопределение. тем более что в ходе войны, особенно в 1917–1918 гг., в умонастроениях западных украинцев, как и других народов габсбургской империи, все отчетливее стало проявляться разочарование в ней, неверие в способность Монархии гарантировать совместное существование различных народов и их безопасность. геополитика первой мировой войны изучена историками разных стран досконально. поэтому рассмотрим лишь украинскую составную мирового конфликта. в изучении украинской проблемы в годы войны необходимо выделить несколько историографических этапов. первый – межвоенный период XX в., когда война 1914–1918 гг. автономно исследовалась историками в уССр и на западноукраинских землях, которые пребывали в составе польши, Чехословакии и румынии. Советская историография оценивала все процессы с классовых позиций, а предпосылки и следствия войны подчиняла, с одной стороны, обоснованию закономерностей победы октябрьской социалистической революции, установлению власти большевиков на украине и сохранению целостности многонационального российского государства (впоследствии СССр), а с другой – намерению доказать реакционный характер украинского национально-освободительного движения и его руководства, которое изображалось сообщником международного империализма.

Западноукраинские авторы, недавние участники и свидетели тех драматических событий, освещали хронику мировой войны с позиций борьбы украинцев за государственную независимость и воссоединение украинских земель, а также отношения противоборствующих военно-политических блоков к украинско-поль

---

[551] См.: *Критский П.* взятие львова. М., 1914; разгром австрийской армии и взятие львова в галиции. М., 1914; *Лаговъ Н. Н.* галичина, ея история, природа, население, богатства и достопримечательства. пг., 1915; *Погодин А. Л.* Зарубежная русь. пг., 1915; *Верещагин В.* Старый львов. пг., 1915; *Janusz B.* 293 dni rządów rosyjskich we Lwowie (3.IX.1914–22.VI.1915). Lwów, 1915; Lwów w zimie 1914–1915. Lwów, 1915; *Rutkowski T.* Lwów: 3 września 1914–19/20 czerwca 1915. Lwów, 1917; *Bandrowski J.* W płomieniach: Lwów w lecie 1914. Kijów, 1917.

[552] См.: первая мировая война: исторический очерк / отв. ред. г. д. Шкундин. М., 2005. С. 437.

[553] *Литвин М., Науменко К.* Історія галицького стрілецтва. львів, 1990; *Они же.* українські січові стрільці. київ, 1992.

скому и украинско-российскому противостоянию. при этом особое внимание уделялось освещению боевого пути и культурно-просветительской деятельности в составе австрийской армии легиона украинских сечевых стрельцов (уСС) в 1914–1918 гг., созданию на осколках империй габсбургов и романовых украинской Народной республики и Западно-украинской Народной республики[554].

в 40–80-х гг. советская историография освещала события 1914–1918 гг. исключительно с позиций апологетики внешней политики россии как освободительницы славянских народов; с другой стороны, планы западноевропейских государств в карпатском регионе рассматривались как имперские, экспансионистские. в то же время деятельность национально-демократических сил в украине характеризовалась как контрреволюционная, антинародная. как это ни парадоксально, однако официальная советская наука «признавала» право поляков, чехов и венгров на национально-государственное самовыражение и выход из империй романовых и габсбургов.

Современная украинская историческая наука только пребывает на пути создания научной версии истории украины в ее национально-государственном измерении, которая соизмерялась бы со всемирной историей. к сожалению, не одно десятилетие доминирующие, или «великие», нации руками своих политиков, писателей и ученых, как правило, интегрировали истории «малых» или «младших» народов в свои национальные истории[555]. в институте истории украины НаН украины в настоящее время ведется подготовка фундаментального издания, посвященного истории первой мировой войны. руководит авторским коллективом александр реент, известный исследователь социальной истории украины начала XX в.[556] к сожалению, до сих пор эта проблема комплексно освещалась только в двух сборниках научных статей[557]. военные операции в галиции раскрыты в спецвыпуске «первая мировая. львов» львовского журнала «галицька брама». в нем опубликованы материалы о галицийской битве 1914– 1915 гг. (и. карпинец), состоянии львовского гарнизона в начале XX в. (М. Слободянюк), боях легиона украинских сечевых стрельцов (и. головацкий), об авиатаране 1914 г. под жолквой штабс-капитана п. Н. Нестерова (я. янчак), пребывании российского императора Николая II в галиции в январе 1915 г. (т. костенко), реквизициях церковных колоколов в годы войны (Ю. Смирнов), библиография «львов и первая мировая война» (а. Шишка) и др.[558]. Частично проблема освещена в новой «истории львова»[559]. Защищены первые диссертации о региональных аспектах войны, известных военно-политических деятелях

---

[554] *Петрович І. (Крип'якевич І.)* галичина під час російської окупації: серпень 1914 – червень 1915. відень, 1915; *Думін О.* Історія легіону українських січових стрільців. львів, 1936; *Кузьма О.* листопадові дні 1918 р. львів, 1931; *Левицький К.* Історія визвольних змагань галицьких українців з часу світової війни 1914–1918. Ч. 1–3. львів, 1929–1930; *Паліїв Д.* листопадова революція. львів, 1929; *Голубець М.* 1914 – рік грози і надій. львів, 1934.

[555] *Потульницький В.* україна і всесвітня історія. Історіографія світової та української історії XVII–XX століть. київ, 2002. С. 436.

[556] См.: *Реєнт О.* україна в імперську добу (XIX – початок XX ст.). київ, 2003; *Реєнт О., Сердюк О.* перша світова війна і україна. київ, 2004.

[557] перша світова війна: історичні долі народів центральної та Східної Європи. Чернівці, 2000; проблеми історії україни XIX – початок XX ст. вип. 4. київ, 2002.

[558] перша світова війна. львів // галицька брама. львів, 2007. № 7–8.

[559] *Мазур О., Патер І.* перша світова війна // Історія львова. т. 2. львів, 2007. С. 492–536.

 Симоне петлюре, павле Скоропадском, Николае капустянском, украинской военной эмиграции в межвоенной польше и Чехословакии, украинском военноисторическом обществе (1920–1939).

Многочисленные документы подтверждают, что украинский политикум в начале войны так и не смог консолидировать свои ряды и унифицировать политические программы. большинство приднепровцев, в том числе депутаты госдумы россии, редактор московского журнала «украинская жизнь» социал-демократ Симон петлюра, поддержали планы российского правительства по защите отечества. правоцентристское товарищество украинских поступовцев (киев) заняло выжидательную, нейтральную позицию. представители украинских политических партий галиции и буковины, создавшие в июле 1914 г. в львове главную украинскую раду (председатель – депутат галицийского сейма, национал-демократ кость левицкий), призвали «украинский народ стать единодушно против царской империи», пожелав создать на ее руинах независимую украину. аналогичную позицию занял внепартийный Союз освобождения украины, который создали 1914 г. в львове социалисты-политэмигранты из приднепровья (владимир дорошенко, дмитрий донцов, андрей жук, Марьян Меленевский, александр Скоропис-Йолтуховский, Николай Зализняк). Согласно платформе Союза, 30-миллионная украина после войны должна была стать конституционной монархией с демократическим устройством, однопалатной системой законодательства, с общественными, языковыми и религиозными свободами для всех национальностей, самостоятельной украинской церковью[560]. украинская парламентская репрезентация (создана галичанами 6 ноября 1916 г. в вене на базе украинского парламентского клуба, председатель Юлиан романчук) выступала против предоставления галиции широкой автономии под польским владычеством. венскую трибуну украинские депутаты в первую очередь использовали для популяризации лозунга создания федерации самостоятельных национальных государств австрии[561]. при этом главные надежды возлагались на властные структуры вены, на согласие с этим планом австрийского императора.

Ноябрьское (1918) вооруженное восстание в львове и в большинстве населенных пунктов восточной галиции и частично буковины, в ходе которого власть перешла к украинской национальной раде (создана 18–19 октября 1918 г.; президент евген петрушевич) и провозглашена Западно-украинская Народная республика, фактически инициировали молодые офицеры-украинцы австрийской армии. в частности, они служили в двухтысячном полку уСС, который в октябре дислоцировался в Черновцах. руководителем вооруженного восстания был молодой сотник этого полка, в недавнем учитель дмитрий витовский. действенную помощь на местах – в галицийских местечках и селах − ему оказали местные общественные деятели – руководители «просвіт», члены украинской национально-демократической и радикальной партий, активисты довоенных паравоенных обществ – «Сечь», «Сечевые стрельцы», «Сокол», «пласт», спортивного общества

[560] *Патер І. Г.* Союз визволення україни. львів, 2002. С. 73−112.

[561] *Доброжанський О. В.* українські депутати австрійського парламенту та місцевих сеймів в роки першої світової війни // перша світова війна: історичні долі… С. 42−46.

«украина»[562]. документы этих структур сохранились в государственных архивах львова – историческом и областном, а также в коллек ции Научного общества им. Шевченко в Национальной библиотеке польши.

Не секрет, что карпаты стали эпицентром галицийской битвы 1914–1915 гг. и других операций, послуживших причиной огромных материальных и человеческих жертв, которые понесли галичане, буковинцы и закарпатцы, защищая чужие геополитические интересы. приднепровцы составляли около трети солдат и офицеров царской армии: в начале 1917 г. среди 6,8 млн воинов действующей армии и 2,3 млн человек запасных частей украинцев было около 3,5 млн. в то же время свыше 300 тыс. украинцев галиции, буковины и Закарпатья служили в австро-венгерской армии[563]. поэтому трагизм ситуации состоял в том, что западным украинцам на 600-километровом Юго-Западном фронте (от припяти до румынской границы) нередко противостояли этнические побратимы – приднепровские украинцы, казаки кубанских полков. в частности, это показала битва на карпатской горе Макивка весной 1915 г. Хроника галицийской битвы (бои под львовом, взятие перемышля и др.) отображена в монографии польского историка Ю. батора[564].

участие солдатских масс Юго-Западного и румынского фронтов в общественно-политическом движении, антивоенных акциях, процессе украинизации российской армии в 1917 г. раскрывают фонды украинского военного комитета при центральной раде (ф. 811), Министерства военных дел украинской державы п. Скоропадского (ф. 1074), военного министерства уНр (ф. 1075, 1076) цдавову. Заметим, что летом 1917 г. в украинизированных частях российской армии насчитывалось свыше 1,7 млн украинцев[565]. однако украинской центральной раде во главе с историком М. С. грушевским (создана в марте 1917 г. в киеве) – революционному парламенту украины так и не удалось приобщить к национально-демократической революции эти огромные солдатские массы. украинские политики вместо регулярной национальной армии ошибочно решили создавать народную милицию. все это, а также большевистская экспансия в приднепровье привели к падению центральной рады и ликвидации независимой украинской Народной республики (провозглашена в январе 1918 г.). Эти события нашли отражение в двухтомном сборнике документов и материалов “украинская центральная рада”, изданном в 1996–1997 г. институтом истории украины НаН украины[566]. группа киевских историков под руководством владислава верстюка издала в 2003 г. сборник документов «украинское национально-освободительное движение. Март–ноябрь 1917», раскрывающий деятельность не только центральной рады, но и влиятельных партий и общественно-политических групп – украинской социал-демократической

---

[562] *Литвин М., Науменко К.* Історія ЗуНр. львів, 1995. С. 12−105; *Литвин М.* українсько-польська війна 1918–1919 рр. львів, 1998. С. 5−70.

[563] *Голубко В.* армія української Народної республіки 1917–1918: утворення та боротьба за державу. львів, 1997. С. 24; Історія україни. львів, 1998. С. 214.

[564] *Bator J.* Wojna galicyjska: Działania armii austro-węgierskiej na froncie północnym (galicyjskim) w latach 1914–1915. Kraków, 2008.

[565] цдавову. Ф. 115. оп. 1. Спр. 2. арк. 86−87.

[566] українська центральна рада. документи і матеріали. т. 1 (4 березня – 9 грудня 1917 р.). т. 2 (10 грудня 1917–29 квітня 1918 р.). київ, 1996−1997.

партии, украинской радикально-демократической партии, товарищества украинских поступовцев, «просвиты»; там же опубликованы материалы украинских военных веч и съездов, украинского военного клуба имени гетмана павла полуботка, всеукраинс-

кого совета военных депутатов, всеукраинского юнкерского союза, вольного казачества, украинских структур Черноморского флота[567]. Нельзя не отметить, что в книге практически отсутствуют материалы об украинском движении в 1917 г. на Северном и Западном фронтах (там служило 960 тыс. украинцев), в петроградском гарнизоне (250 тыс. украинцев)[568]. однако некоторые современные российские авторы до сих пор продолжают

утверждать, что центральная рада как «объединенный орган буржуазных и мелкобуржуазных партий и организаций на украине» являлась «одним из центров общероссийского антиреволюционного движения»[569]. С негодованием встретила украинская общественность и публикацию очерка о легионе уСС (1914–1918) в книге С. Чуева «проклятые содаты: предатели на стороне III рейха»[570]. вне серьезных научных исследований осталась тема церковно-религиозной жизни, государственно-церковных отношений. Не секрет, что новая российская военная администрация стремилась в 1914–1915 гг. нейтрализовать в карпатском крае иерархию и клир греко-католической церкви, большинство деятелей которой симпатизировало и даже сотрудничало с украинской национально-демократической партией (создана в 1899 г.). ее политическим лозунгом было создание независимого соборного (единого) украинского государства. поэтому не случайно царизм накануне войны морально и финансово активно

поддерживал москвофилов – немногочисленные православные приходы, «Народный дом» (открыт в 1864 г.) в львове, общество им. М. качковского (создано в 1874 г.) и его библиотеки-читальни[571]. в москвофильское движение активно втягивали греко-католическое духовенство, которое осуждало латинизацию и полонизацию края. в годы войны многие греко-католические священники были депортированы на восток, а их приходы передали новым православным священникам. указанный процесс исследователь может глубже проследить по материалам сборника, составленного а. Н. Сухим[572]. основу книги составляют документы архива внешней политики российской империи, в частности материалы российского посольства в вене, консульств в праге и львове, а также коллекция документов, изъятая у митрополита андрея Шептицкого во время ареста в сентябре 1914 г. (к сожалению, уже в ходе второй мировой войны часть архива митрополита была уничтожена – церковные бумаги использовались солдатами Советской армии летом 1944 г. для разжигания вечерних костров; немало порезано на макулатуру.) в

---

[567] український національно-визвольний рух: березень–листопад 1917 р. док. і мат. / відп. ред. в. верстюк. київ, 2003.

[568] *Дещинський Л., Панюк А.* Міжнародні відносини україни: історія і сучасність. львів, 2001. С. 139.

[569] центральная рада // военный энциклопедический словарь / гл. ред. а. горкин. М., 2001. С. 1574.

[570] См.: *Чуев С.* проклятые содаты: предатели на стороне III рейха. М., 2004. С. 308–322.

[571] *Сухий О. М.* від русофільства до москвофільства: російський чинник у громадській думці та суспільнополітичному житті галицьких українців у XIX ст. львів, 2003. С. 250–351.

[572] Москвофільство: документи і матеріали / упор. о. Сухий. львів, 2001.

ходе первой мировой войны российская военная администрация арестовывала неугодных деятелей культуры, священников греко-католической церкви. Шептицкого до 1917 г. интернировали в Суздальском монастыре [573] . после Февральской революции глава церкви продолжил общественно-политичес кую и миротворческую деятельность. он был оппонентом политического устройства сначала царской россиий, а впоследствии большевистской, однако никогда не чувствовал себя врагом русского народа. Шептицкий считал русских, как и украинцев, «народами жизнестойкими, трезвого мышления». 29–31 мая 1917 г. под его руководством в петроградской мужской гимназии при церкви св. екатерины состоялся архиепархиальный собор, который провозгласил создание русской греко-католической церкви во главе с леонидом Федоровым. Собор призвал почитать русских святых, разрешил крещение дома, запретил священникам курение табака, использование причесок, духов, посещение театров, цирка, кино, увеселительных кафе и садов, появление с женщинами в общественных местах. о том, как устанавливались контакты между украинской и русской духовной интелигенцией и создавалась русская греко-католическая церковь, читатель может узнать в соответствующем сборнике документов [574] . его составители богослов Юрий аввакумов и архивист оксана гаевая собрали в новой книге уникальные неопубликованные документы российского государственного исторического архива в Санкт-петербурге, архива постуляции митрополита а. Шептицкого в риме, центрального государственного исторического архива украины в львове. к сожалению, в тени исследований остались депортационные акции российской и австрийской администраций в галиции и Холмщине, военные мемориалы российской, германской, австро-венгерской и других армий, разрушенные в советский период и частично возобновленные в последнее двадцатилетие. отметим, что только в 1915 г. с прифронтовой Холмщины во внутренние российские губернии, на дон, поволжье и в туркестан было выселено, по разным оценкам, от 120 до 300 тыс. западных украинцев[575]. так и не возвратилась в Холм типография местного Свято-богородицкого братства, десятки его древних евангелий и разных книг XV–XVI вв.[576]ожидают публикаций оригинальные коллекции материалов украинских политических партий, легиона уСС и украинской галицкой армии, отдельных украинских политических деятелей в других иностранных архивах – центральном военном архиве польши, Национальном архиве Чехии (коллекция Музея освободительной борьбы украинцев), Национальном архиве канады (архив андрея жука), архивах ватикана (документы эмиграционного правительства ЗуНр, уНр,

[573] *Полецук Т.* Історія росії XIX – початку XX століття. львів, 2008. С. 372; вивезенне росіянами українське духовенство // Нива. львів, 1916. № 4. С. 262–264; *Кострова М.* українські бібліотеки і музеї львова в часі першої світової війни: доля фондів // Записки львівської наукової бібліотеки ім в. Стефаника. львів, 2005. вип 13. С. 320–335.

[574] Митрополит андрій Шептицький і греко-католики в росії. кн. 1. док. і мат. 1899–1917. львів, 2004.

[575] *Горний М.* українці Холмщини і підляшшя: видатні постаті XX століття. львів, 1997. С. 22–23; *Он же.* трагедія Холмщини та підляшшя у першій світовій війні // перша світова війна: історичні долі народів центральної та Східної Європи. Чернівці, 2000. С. 171–172; *Берест І.* депортаційні рухи, виселенство та біженство з галичини, волині й Холмщини в роки першої світової війни // україна–польща: історична спадщина і суспільна свідомість. вип. 2. львів, 2007. С. 142.

[576] *Макар Ю.* Холмщина і підляшшя в першій половині XX століття. львів, 2003. С. 19.

греко-католической церкви). поэтому можно полагать, что издательско-археографическую деятельность в украине следует координировать с историками и архивистами россии, польши, австрии, германии, Франции, США, канады, ватикана. Не до конца изучены и украинско-российские отношения в период мировой войны, в частности на уровне общественного сознания, исторической памяти.

И. В. Михутина

Национальное движение русинов Галиции во время Первой мировой войны

первые учреждения, пропагандировавшие этническую самостоятельность восточных славян габсбургской монархии, называвших себя русинами, руськими, руснаками, появились во время революции 1848 г., когда австрийское правительство для острастки восставших мадьяр и постоянно бунтовавших поляков стало поощрять этнокультурное самоопределение русинов. для русинов галиции самоопределение означало обособление от поляков, которые, называя их частью «исторической польской народности» и добившись уже полонизации их высших слоев, стремились к полной ассимиляции своих восточнославянских соседей. Этому процессу препятствовали социальный и конфессиональный факторы. крестьяне-русины не ощущали общности с поляками-помещиками и городской верхушкой, а распространенное среди галицийских русинов греко-католичество, связанное с признанием юрисдикции Святого престола при сохранении православного обряда богослужения, не сблизило их с поляками римо-католиками. Напротив, с распространением идеи нации принадлежность к греко-католичеству сделалась одним из главных признаков этнонациональной особости русинов. в начале национального возрождения, по словам одного из русинских публицистов, «достаточно было бросить клич “мы не поляки!”, чтобы собрать всех, кто, так или иначе, считал себя принадлежавшим к руськой народности, в одну когорту»[577].

Но если в противодействии включению в польское этнокультурное и религиозное пространство преобладало единомыслие, то дальнейшее национальнокультурное самоопределение русинов осложнилось тем, что не удавалось восстановить давно прерванную местную традицию высокой культуры. естественным в этих условиях сделалось освоение родственных образцов в россии. Но там в это время наряду с общерусским культурным процессом шла кристаллизация этнического самосознания южной ветви восточного славянства – малороссовукраинцев, непосредственных соседей русинов австро-венгрии. в 1860-х гг. выбор направления развития разделил образованные сословия русинов на сторонников формирования литературного языка и высокой культуры в общерусском потоке, так называемых русофилов или москвофилов, и народовцев-украинофилов, стремившихся приобщиться к украинскому национально-культурному процессу. в настоящее время в украинской историографии

[577] цит. по: *Середа О.* Місце росії в дискусіях щодо національної ідентичності галицьких українців у 1860–1867 роках (за матеріалами преси) // россия – украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 167.

культивируется та точка зрения, что перспективу развития объективно имело лишь народовское течение, получившее в дальнейшем непривычное для восточной галиции название украинского. утверждается, будто оно было прогрессивнее и потому единственное могло модернизировать общественно-политическую жизнь этноса. а москво фильство по причине своего традиционного консерватизма якобы было обречено на естественное угасание[578].

Но это не так. Народовское украинское течение хотя в конце XIX в. и структурировалось по европейскому партийному образцу, с выделением среди прочего партий левого спектра, но доминирующей в нем оставалась одна – украинская национально-демократическая партия. Эта традиционно умеренная, далекая от социально-политического радикализма партия мало отличалась по данным параметрам от образованной москвофилами в 1900 г. русской народной партии.

если мерилом эффективности любого движения является широта его общественного влияния, способность заинтересовать и повести за собой массы, то народовское и москвофильское течения развивались долгое время на равных, до тех пор пока не сделались объектами мощного политического воздействия извне. активисты обоих направлений, среди них немало было лиц духовного звания, приходских священников, организовывали сельское население одинаковыми методами. они исходили из того, что массовость движения достигается в условиях легальной деятельности, позволяющей присоединиться к ней всем заинтересованным, не опасаясь порицания со стороны властей. и москвофилы, и народовцы занимались культурным и профессиональным просветительством: издавали популярные газеты и журналы для крестьян, в которых наряду с общественно-политической информацией и литературными произведениями помещались рекомендации по агрономии, по использованию сельскохозяйственной техники, основам кооперации и т.д.; заботились о распространении своих изданий, для чего создавали сельские библиотеки и читальни. важное место занимала организационно-хозяйственная деятельность по учреждению кооперативов, касс взаимопомощи, кредитных и страховых товариществ; на общественных началах крестьянам и их хозяйственным учреждениям оказывалась юридическая поддержка. Словом, велась работа, которая способствовала улучшению качества жизни преимущественно крестьянского этноса «здесь и сейчас» – в реальном времени и условиях[579]. именно такая работа стала эффективным средством социализации русинов в рамках их национального движения.

Между тем соперничество народовцев-украинцев и москвофилов за влияние на массы оставалось фактом всего лишь внутренней жизни восточной галиции до тех пор, пока на европейской сцене не оформилось противостояние, в котором россия и дунайская монархия оказались в противоположных группировках. вена в этих

---

[578] См., например: україна: політична історія. XX – початок XXI століття. київ, 2007. С. 136–137.

[579] *Грушевський М.* Ілюстрована історія україни. київ, 1918. С. 508, 533; *Мэгочи П. Р.* культурные институции как инструмент национального развития в XIX в. в восточной галиции // Славянские и балканские культуры XVIII–XIX веков. Советско-американский симпозиум. М., 1990. С. 124–136; *Пашаева Н. М.* и. г. Наумович как общественный, политический и религиозный деятель галичины второй половины XX века // вестник Юго-Западной руси. М., 2006. № 1. С. 82–86.

условиях, чтобы приобрести инструмент воздействия на внутрироссийскую ситуацию, стала поддерживать народовцев, имевших широкие связи со сторонниками украинской идеи в россии, и одновременно разными способами начала притеснять москвофилов как проводников российского влияния среди восточных славян монархии габсбургов. им не было позволено участвовать в системе школьного образования, в то время как народовцы получили право от-

крывать национальные школы и пользовались в этой области государственны ми дотациями. вена субсидировала и другие культурные, научные, издательские программы народовцев, а также поощряла приток частных средств на эти цели из российской украины. одновременно усиливалось экономическое и политическое давление на русофилов: власти провоцировали банкротства хозяйственных и финансовых учреждений, питавших их культурно-просветительные мероприятия, притесняли православные приходы, способствовали передаче под юрисдикцию римской курии православных монастырей с их обширным имуществом и т.д.

Несмотря на то что русофилы оставались лояльными австро-венгрии и, демонстрируя аполитичность, подчеркивали лишь свое моральное и культурное родство с русским народом, их стали преследовать политически, предъявляя грозные обвинения в государственной измене. по такому обвинению в 1882 г., после случая перехода в православие церковной общины имения гнилички, возникло нашумевшее дело против самых известных церковных и общественных деятелей, издателей и литераторов русофильского направления. перед судом предстали зачинатель национального движения русинов в прикарпатской руси (Закарпатье) адольф иванович добрянский, его дочь ольга грабарь – мать известного в дальнейшем художника, реставратора и искусствоведа игоря грабаря, выдающийся русинский деятель, публицист, издатель и организатор хозяйственной жизни крестьян в своих приходах священник иван григорьевич Наумович с сыновьями, редактор первой и самой популярной газеты русинов «Слово» венедикт площанский и многие другие.

Суд присяжных всех оправдал по основному обвинению, но добропорядочный Наумович, площанский и двое крестьян все же понесли наказание «за нарушение общественного порядка»[580]. обвинения в государственной измене за принадлежность к православию и русофильские настроения предъявлялись священникам и крестьянам и в последующих судебных процессах. в результате многие активисты вынуждены были уезжать из родных мест, чаще всего в россию. большой общественный отклик вызвал завершившийся в июне 1914 г. суд над публицистом, секретарем общества им. М. качковского Семеном Юрьевичем бендасюком, священниками Максимом Сандовичем, игнатием гудимой и студентом василием колдрой по фальшивому обвинению в государственной измене и передаче россии сведений оборонного характера. Защитником выступал один из лидеров москвофилов, депутат галицийского сейма, адвокат и издатель владимир Феофилович дудыкевич. Суд оправдал представших перед ним лиц[581]. Но уже через несколько недель австрийские власти стали расправляться с москвофилами без судебных разбирательств. в целом представляется, что русофильство было одним из органичных явлений народной жизни русинов австро-венгрии. в подтверждение стоит привести свидетельство дмитрия ивановича дорошенко, безусловно далекого от этого направления, известного деятеля украинского движения в россии, в дальнейшем – крупного историка украинского зарубежья. в 1918 г. он так писал о предвоенной ситуации в национальном движении русинов: «течение, называемое (в

[580] *Марков Д. А.* русская и украинская идея в австро-венгрии // «украинская» болезнь русской нации. М., 2004. С. 199.

[581] *Dąbrowski J.* Dziennik 1914−1918. Kraków, 1977. S. 199.

австро-венгрии. – *И. М.*) украинским.., пользовалось полной поддержкой австрийского правительства… приверженцы же “русской народной партии” подвергались преследованиям. во взаимную борьбу украинцев и “москвофилов” втягивалось сельское население, значительная часть которого сознательно или бессознательно разделяла принципы этой последней партии»[582]. иными словами, объективный наблюдатель, не понаслышке знавший о положении дел – в 1917 г. дорошенко был комиссаром временного правительства в занятых русскими войсками частях галиции и буковины, – признал, что русофильское направление, несмотря на гонения, не потеряло под собой почвы, каковой оставались сочувствие и популярность в народной среде. приближавшаяся мировая война сделалась для русинов драматическим ру-

бежом, глубоко затронувшим все стороны их жизни. галицийские сторонники украинства заранее определили свою позицию в будущем противостоянии держав и наметили связанные с войной цели. в декабре 1912 г. представители их главных партий – украинской национально-демократической, русско-украинской радикальной партии и украинской социал-демократической партии, депутаты австрийского рейхсрата и галицийского сейма выступили с заявлением, что в случае войны поддержат австро-венгрию против россии, которую они назвали «историческим врагом украины». тогда же возник проект провозглашения в приднепровье при занятии его австрийской армией украинского королевства под скипетром габсбургов[583].

На второй день войны украинские галицийские партии образовали главную украинскую раду (совет) и выпустили декларацию о «самостоятельном» украинском государстве на землях, которые, по их расчетам, австрийская армия отвоюет у россии. одновременно в меморандуме главной украинской рады, адресованном германскому правительству, говорилось о такой же готовности признать в будущем «независимом» украинском государстве власть гогенцоллернов[584]. в свою очередь, по версии главы греко-католиков митрополита андрея Шептицкого, приднепровье под контролем австрийской военной администрации должно было превратиться в «независимую» область во главе с назначенным императором гетманом[585]. причем относительно восточной галиции во всех этих проектах речь шла лишь о провозглашении русинской национально-территориальной автономии, которая в случае преобразования дуалистической австро-венгрии в многонациональное федеративное государство сделалась бы отдельной, равной с другими административной единицей. украинские галицийские и буковинские лидеры инициировали создание по примеру польских военно-политических формирований в галиции легиона сечевых стрельцов. «Сечами» в восточной галиции в подражание

---

[582] *Дорошенко Д.* галицька руїна. 1914–1917 рр. (Спогади й враження) // Наше минуле. київ, 1918. № 3. С. 21.

[583] українська суспільно-політична думка в 20 столітті. документи і матеріали. Мюнхен, 1983. С. 212; україна: політична історія… С. 184–185.

[584] україна: політична історія… С. 189.

[585] *Нагаєвський І.* Історія української держави двадцятого століття. київ, 1994. С. 53–54.

Запорожской сечи именовались пожарно-гимнастические общества, куда украинские функционеры привлекали русинскую сельскую молодежь, пропагандируя в ее среде традиции приднепровского казачества. иници аторы создания легиона рассматривали его как военную составляющую буду щей национальной государственности. На призыв о вступлении в ряды сечевых стрельцов откликнулось 28 тыс. добровольцев (австрийские власти ограничили численность легиона 2,5 тыс.), вдохновленных образом отвоеванной у россии украины со столицей в киеве, с землями «донщины, кубанщины и берегом Черного моря», размашисто нарисованным в воззвании главной украинской рады. С подобным воззванием выступил и Союз украинских депутатов австрийского рейхсрата и сейма буковины.

Начало войны принесло русинам, сторонникам украинства, первые разочарования. обнаружилось, что австрийская армия, на чьи ожидаемые успехи были рассчитаны эти проекты, не способна была наступать, чтобы штыками прочертить в российской империи границы будущего украинского государства. она оказалась не в силах защитить даже собственную государственную территорию и в военной кампании 1914 г. оставила бóльшую часть восточной галиции и буковины. открытое позиционирование лидеров галицийского украинства в стане военных противников россии с приходом русской армии привело к закрытию всех украинских организаций и учреждений. Наиболее активные и влиятельные деятели, если не эвакуировались с отступавшими австрийскими войсками, были изолированы и сосланы в глубь россии, по официальным данным – 578 человек, включая 34 греко-католических священников[586], в их числе – митрополит Шептицкий, активно выступавший на политическом поле.

Москвофилов же с первых дней войны постигла настоящая катастрофа. при отступлении австрийской армии официальная пропаганда объявила их прямыми виновниками военных неудач. по обвинению в пособничестве русской армии их подвергали казням, по подозрению в симпатиях в россии – интернировали целыми семьями и годами держали в получивших зловещую известность концентрационных лагерях. казнили священников, женщин и глубоких стариков, толпами, без судебного разбирательства вешали крестьян. За русофильство арестовывали 11–12-летних школьников и депутатов рейхсрата, юристов, врачей и рядовых подписчиков газет данного направления, наконец, просто неугодных своим соседям лиц, на которых можно было донести в полицию как на москвофилов и получить за это вознаграждение. кровавые расправы над гражданскими лицами нередко совершались конвоирами сразу после ареста или по пути следования в лагеря для интернированных[587]. в течение войны расстреляны и повешены были, по сведениям лидера польских социалистов в галиции, депутата австрийского рейхсрата игнацы дашиньского, до 30 тыс. русинов; 80 тыс. заключены в концентрационные лагеря,

[586] *Дорошенко Д.* указ. соч. С. 25.

[587] *Казанский П. Е.* Современное положение Червонной руси. австро-венгерские зверства // «украинская» болезнь… С. 506−532; талергофский альманах. вып. 1. львов, 1924. С. 31, 102−107; *Ланцуцкий Ст.* воспоминания. М.; л., 1931. С. 77−79.

-
-

где из них погибли еще 30 тыс. человек. по другим данным, казненных оказалось 36 тыс. гражданских лиц, столько же замучено в лагерях[588].

в период русского управления краем москвофилы воспрянули духом. возобновилась работа их известных культурно-просветительных учреждений – Ставропигийского института, общества им. М. качковского, стали выходить газеты. русская администрация приступила к осуществлению созвучной их идеям программы школьного обучения на русском языке. планировалось открытие русскоязычных школ и гимназий. в крупных городах действовали курсы подготовки учителей для них. в приходах, оставшихся из-за военных бурь без духовных пастырей, вакансии заполнялись православными священниками. разумеется, преобразования, насаждаемые административными средствами в
условиях политической поляризации русинского общества, не могли сравниться по результатам с прежней «органической работой», характерной для национального движения русинов. они не только вызывали неприятие ущемленных сторонников украинства, но подвергались критике и со стороны российской левой и либеральной оппозиции[13]. преобразования резко оборвались в июне 1915 г., когда русская армия под на-
тиском германских войск, пришедших на помощь австрийцам, оставила бóльшую часть провинции. организованное москвофильство подверглось окончательному разгрому: его учреждения были вновь запрещены, средства и имущество переданы украинским институциям, оказавшимся после этого единственными в национальном движении русинов организационными очагами. впрочем, это не означало угасания стихийного русофильства, распространенного, как заметил дорошенко, среди немалой части сельского населения. Напротив, оказалось, что в связи с пребыванием русских солдат оно даже окрепло у русинской бедноты. вот как описал это явление в своем дневнике евгений Харлампиевич Чикаленко, выдающийся деятель украинского движения в россии, приехавший в 1919 г. в восточную галицию и волею обстоятельств наблюдавший жизнь этого края, как в городских центрах, так и в самых отдаленных, забытых богом уголках, таких, как небольшое гуцульское село жабье: «Здесь, как и в Славско (село и железнодорожная станция неподалеку, где тоже побывал автор. – *И. М.*), народ вспоминает добром москалей потому, что люди получали от них и хлеб, и сахар, и табак… особенно вспоминают добром москалей гуцулки, которые, оставшись во время войны дома без мужей, находили утешение и провизию у москалей, которые… так сжились с населением, что много гуцулок пошло с москалями в россию, когда они отступали из галиции»[14].

Среди галицийских сторонников украинства уход русских войск вызвал энтузиазм в расчете на дальнейшие военные успехи австро-германского блока. онно-повстанческих проектов Союза на российской территории, но вскоре убе дились в его незначительном идейно-политическом влиянии, отсутствии сто ронников и агентуры в россии и выдворили организацию с ее руководством из вены. германское

[588] *Нагаєвський І.* указ. соч. С. 58.

военное командование не дало Союзу совсем уйти в небытие, но ограничило его задачу ведением пропаганды и агитации в лагерях для военнопленных [589]. приднепровские сторонники украинской идеи, искавшие тогда ее воплощения в национально-территориальной автономии украины в рамках российского государства, с самого начала отмежевались от сепаратистской программы Союза освобождения украины и просили организаторов Союза не выступать от их имени[590]. тем не менее один из его руководителей был приглашен во всеукраинскую раду в качестве представителя от приднепровской украины.

всеукраинская рада в декларации «ко всем народам цивилизованного мира» подтвердила свой курс на разрушение российской империи австрийским и германским оружием. Это мотивировалось целью образования в приднепровье украинского государства, а для русинов – создания национально-территориальной автономии в пределах австро-венгрии при разделении галиции на украинскую и польскую части, а также присоединения к восточной галиции Холмщины и волыни[591]. брусиловский прорыв в июне 1916 г. поставил под вопрос эти планы: российская армия вновь заняла значительную часть галиции, буковины и волынь. к тому же при вступлении в войну на стороне антанты румынии ей были обещаны некоторые территории австро-венгрии, в том числе буковина.

Но главный удар всеукраинская рада получила от своих австро-германских покровителей. в ноябре 1916 г. император Франц иосиф перед подписанием совместно с германским кайзером манифеста о создании на территории оккупированных западных губерний россии королевства польского направил главе правительства в вене Эрнсту керберу рескрипт о расширении автономии галиции. послание начиналось похвалой жителям провинции «за многолетние свидетельства преданности и верности» престолу, равно как и за «тяжелые и большие жертвы, которые понес этот край в нынешней войне… жертвы, которые гарантируют ему постоянную, горячую и отцовскую опеку» императора. обещанная опека должна была материализоваться в «предоставлении краю галиции самостоятельного строения своих внутренних отношений в самом широком понимании… в согласии с его принадлежностью к государственному организму» монархии габсбургов [592]. главный политический постулат национального движения русинов – выделение восточной галиции в самостоятельную автономную область – остался без августейшего внимания. так что обещанное расширение автономии оказалось бы на руку только полякам, и без того занимавшим командные позиции в многонациональной провинции. иначе и не могло быть, потому что обещанное расширение галицийской автономии планировалось веной как подготовительная стадия австро-польского варианта решения польского вопроса. берлин намерен был удовлетворить поляков образованием на оккупированных землях так называемой русской польши подконтрольного себе королевства польского, оставив территории

---

[589] подробно см.: *Лавров Ю. П.* початок діяльності Союзу визволення україни // український історичний журнал. 1998. № 4, 5; *Михутина И. В.* указ. соч. С. 171–184, 237. См. также статью и. б. гирича в данной книге.

[590] *Дорошенко Д. И.* война и революция на украине // историк и современник. берлин, 1922. № 1. С. 227.

[591] *Дорошенко Д.* Історія україни 1917–1923 рр. доба центральної ради. київ, 2002. С. 41–42.

[592] цит. по: *Karpiński S.* Pamiętnik dziesięciolecia 1915–1924. Warszawa, 1931. S. 53–54.

германского и австрийского захватов в прежнем владении. венские же политики предполагали преобразование австро-венгрии в триединое австро-венгеро-польское государство, чтобы сосредоточить под скипетром габсбургов бóльшую часть польских земель. для этого необходимо было нераздельной сохранить «большую галицию» и добиваться присоединения к ней “русской” польши. интересы галицийских русинов были принесены в жертву этой задаче. перед ними неожиданно обострилась традиционная мучительная проблема – и далее остаться на своей земле под польской властью.

всеукраинская рада безуспешно протестовала против сохранения «большой галиции» и в знак несогласия объявила о самороспуске. руководство национальным движением переняло украинское парламентское представительство. Формально оно отмежевалось от австро-германского покровительства, но выступало с обычной умеренностью и осмотрительностью. в декларации представительства от 19 декабря 1917 г. повторялась прежняя формула, что украинская проблема в австро-венгрии может быть решена путем «разделения галиции на ее естественные, то есть национально-исторические части и восстановления тем самым староукраинского галицко-владимирского королевства как национально-исторической целости» [593]. Между тем 7 ноября 1917 г. в приднепровье образовалась украинская народная республика (уНр) со столицей в киеве, что открывало путь к образованию «соборной» украины из всех этнических земель. Эта стратегическая цель была сформулирована в программе влиятельной галицийской украинской национально-демократической партии[594] и разделялась украинским движением в целом. однако украинское парламентское представительство хотя и признало в декларации от 12 декабря, что присоединение к уНр «отвечало бы наивысшему идеалу украинской нации», но до конца войны не считало это актуальным, а по окончании ее не находило возможным, если в формулу грядущего мира будет заложен принцип «без аннексий» или если австро-венгрия останется в прежних границах. в последнем случае, по мнению авторов декларации, «украинское государственное строительство окажется возможным только в рамках монархии»[21]. австро-польскому проекту не суждено было осуществиться по причине слабой позиции австро-венгрии в ее «тандеме» с германией на фоне их общих военных неудач. прошло немногим более года после распоряжения императора премьеру подготовить документ о расширении автономии одной только галиции, как правительству пришлось задуматься о конституционной реформе более широкого охвата, способной, по замыслу ее сторонников, предотвратить крушение австро-венгрии. в январе 1918 г. президент США вудро вильсон предложил свою програм-
му послевоенного устройства мира – известные «14 пунктов», – из которых 10-й был посвящен будущему дунайской империи: «Народам австро-венгрии, место которых

[593] цит по: *Пилипів В.* Ідеї соборності україни в історичних джерелах 1918 р. // україна в революційних процесах перших десятиліть XX століття. київ, 2007. С. 388−389.

[594] програма української національно-демократичної партії, прийнята в 1899 р. // українські політичні партії кінця XIX – початку XX століття. київ, 1993. С. 23; *Михутина И. В.* указ. соч. С. 52. [21] цит. по: *Пилипів В.* указ. соч. С. 389.

в сообществе наций мы хотим видеть защищенным и обеспеченным, должна быть предоставлена возможность автономного развития». возникала не которая неясность при переводе понятия «автономное развитие». Но в результа те прошедших в Швейцарии в декабре 1917 – марте 1918 г. тайных переговоров агентов государственного департамента США и посланцев австрийского правительства последние могли убедиться, что президент имел в виду самоуправление национально-территориальных единиц в рамках существующей австро-венгрии, а не их государственную самостоятельность [595]. такое толкование находим и в известной публикации документов советника президента полковника Эдварда Хауза[596].

в последний год войны кризис дуалистической монархии зашел так далеко, что умозрительный постулат десятого из 14 пунктов американского президента утратил в глазах заинтересованных народов всякое значение. На фоне глубокого социально-экономического разлада и приближавшейся военной катастрофы национальные требования народов империи приобрели логически завершенный характер. большинство из них не удавалось уже смягчить ни приглашением национальных лидеров в состав предполагаемого коалиционного правительства, ни обещанием преобразовать австрию в союз национальных государств, изложенным в манифесте императора от 16 октября 1918 г.

Народы не только требовали, но и практически приступили к осуществлению своего государственного самоопределения. 25 октября 1918 г. образовался оппозиционный венгерский национальный совет, потребовавший разрыва с австрией и независимости венгрии. 28 октября в результате столкновения с верными старой власти войсками в венгрии началась революция. демократическая революция началась 30 октября и в австрии. после всеобщей политической стачки 14 октября в праге на волне продолжавшихся массовых манифестаций Чешский национальный комитет провозгласил самостоятельность Чехословацкого государства. 29 октября Хорватское собрание (сабор) объявило о разрыве с монархией габсбургов и образовании суверенного государства словенцев, хорватов и сербов. На следующий день это решение поддержал Национальный совет боснии и герцеговины[597]. в начале октября польские депутаты австрийского парламента заявили на заседании государственного совета о своем требовании воссоздания польского государства из всех польских земель. 28 октября они образовали ликвидационную комиссию, которая должна была прийти на смену австрийской администрации в галиции и включить край в ожидаемую единую польшу[598]. Чтобы в результате всего этого земли русинов вопреки их воле не попали в состав будущего польского государства, украинское парламентское представительство приняло свои меры: 10 октября оно

---

[595] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Supplement. The World War. Washington, 1933. P. 82–105. об этих переговорах см. подробно: *Турок В. М.* очерки истории австрии 1918–1929. М., 1955. С. 50–63.

[596] архив полковника Хауза. т. 3. М., 1939. С. 236.

[597] *Турок В. М.* указ. соч. С. 90–109; *Balcerak W.* Powstanie państw narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej. Warszawa, 1974. S. 116–130.

[598] Historia Polski. T. 4. Cz. 1. Warszawa, 1966. S. 82.

постановило создать новый орган национального движения – украинскую национальную раду. до решающих событий оставалось совсем немного времени.

в россии, уже пережившей крушение монархии и ощутимо задетой центробежным процессом национальной окраски, внимательно следили за подобными событиями, развернувшимися в австро-венгрии, сравнивали и анализировали их. в зависимость от произведенного анализа ставился характер будущих отношений с вновь образующимися государствами. причем заинтересованность в установлении таких отношений мотивировалась иначе, чем известное стремление большевиков-радикалов использовать дипломатию как инструмент пропаганды и агитации в стане капиталистических партнеров. правда, 3 ноября 1918 г. из Москвы в радиоэфир было пущено воззвание всероссийского центрального исполнительного комитета, Совета народных комиссаров и Московского совета с приветствием «к свободным народам австрии: венграм, чехам, словакам, русинам» и с призывом к образованию советов, объединению между собой и с русскими рабочими, солдатами и крестьянами для совместной борьбы против мирового капитализма[599]. Но отвечавший за внешнюю политику нарком по иностранным делам георгий васильевич Чичерин в документах служебного пользования комментировал такого рода обращения как чисто пропагандистские акты, далекие от реальной дипломатической практики. «Характер политики по необходимости отличается большой двойственностью, – писал он 15 октября 1918 г. полпреду адольфу абрамовичу иоффе в берлин, – линия определенной пролетарской политики – на будущее… но приходится решать текущие вопросы, продолжать прежнюю политику приноравливания к существующим международным отношениям»[600]. по ходу завершения мировой войны и наступавших в центральной европе перемен нарком все чаще возвращался к этой мысли. у него не было ложного представления, будто новые государства стоят на пороге социалистической революции. «исторические противоположности представляются мне еще далеко не сведенными до своих основных форм… – читаем в его письме к иоффе от 31 октября. – противоположение мировой революции и мирового капитализма еще далеко не господствует безраздельно… Наше положение далеко еще не упрощено так, как это многим представляется… Наша тактика поэтому должна отличаться сложностью и двойственностью»[28]. такой областью, где рано было говорить о пролетарской революции, Чиче-

рин называл монархию габсбургов, на глазах распавшуюся на свои этнические составляющие. в том же его письме можно прочесть: «возникающие на почве австро-венгрии новые государства являются абсолютно не искусственными формациями, а действительными выражениями нынешнего момента в процессе развития широких масс, соединяют в себе самые противоположные элементы… в разбитии большой агломерации и обширной территории на мелкие единицы есть

[599] декреты Советской власти. т. 3. М., 1964. С. 504−506.
[600] авпрФ. Ф. 04. оп. 13. п. 993. д. 70. л. 62. [28]
там же. л. 82.

элемент регресса, связанного с возобладанием регрессивных слоев, особенно мелкобуржуазных… Но в то же время с этим возобладанием регрессивного элемента связывается прогрессивное явление выступления на сцену более широких, чем прежде, народных масс, и в частности пролетариата, хотя еще в его соглашательских, оппортунистических выражениях»[601].

выделив в образовании национальных государств зерно прогресса, выражен ное в переходе к политике, совершаемой массами, Чичерин полагал, что это ста ло возможно благодаря зрелости национальных движений народов австро-венгрии, особенно заметной в сравнении с некоторыми скороспелыми или инспирированными извне политическими всплесками под национальными лозунгами на территории бывшей российской империи. в письме к иоффе от 28 октября он указывал, что «в австро-венгрии… образуются новые государства, которые имеют корень в массах, в национальном развитии, имеют долгую предварительную историю и не являются искусственными, мошенническими и интриганскими (государственными. − *И. М.*) образованиями… Фактически имеется налицо самоопределение, а не фикция. Но в этом самоопределении руководящую роль играют, по-видимому, силы антипролетарские… поскольку эти государства будут настоящими, имеющими почву политическими единицами… вряд ли можно будет не признавать их, наоборот, придется поддерживать с ними сношения… вслед за уже решенною нами посылкою дипломатического представителя в варшаву, мы пошлем представителя во вновь образующуюся венгрию… и в новую Чехию, и в новую Югославию… очень вероятно, что те шаги, которые нам придется предпринять, будут совершены уже в ближайшие дни»[602]. в письме от 31 октября Чичерин развивал тему новых государств на пространстве бывшей австро-венгерской монархии, полагая, что при их образовании сталкиваются две противоположности: народное начало, «и в частности пролетарское, хотя еще в его соглашательских, оппортунистических выражениях», и буржуазное, проводимое, по его словам, англо-американским империализмом. «Немецко-австрийское государство с виктором адлером в качестве министра иностранных дел, – продолжал нарком, – есть яркая иллюстрация этой путаницы и соединения вместе противоположностей… Эта путаница ведет к тому, что просто нельзя рассчитать, с чем завтра выступят эти конфузионные образования (в данном случае – государства, возникшие на описанных автором противоречивых, «несогласуемых» началах. – *И. М.*). Например, чехословацкое правительство может выступить в самом ярком черносотенном антантовском духе и может также выступить в антиимпериалистическом духе с революционными склонностями. Может быть, процесс выведения наружу несогласуемых элементов будет происходить быстро, но в настоящий момент конфузионизм там в полном блеске. Эта именно путаница дала нам возможность выступить с нашим обращением к Чехословацкому временному правительству, которому мы предлагаем вступить с нами в переговоры относительно возвращения чехословаков безоружными на родину (советская нота на эту тему была передана по радио 31 октября; в ней речь шла о Чехословацком

[601] там же.
[602] там же. л. 76−77.

корпусе, созданном в 1917 г. с разрешения временного правительства из военнопленных чехов и словаков; в мае 1918 г. корпус, оставив занятую германскими и австрийскими войсками украину, двинулся на восток и вступил в борьбу против советской власти на стороне антибольшевистских сил. – *И. М.*). в этом же чехословацком правительстве и вокруг него имеются, по-видимому, как определенно черносотенные элементы, так и честные, хотя ограниченные пролетарские соглашательские элементы из чешских социал-патриотов. кто именно из них в касающемся нас вопросе возьмет верх, еще не знаем. во всяком случае, положение не таково, чтобы было как ножом отрезано, – с одной стороны, империализм и реакция, а с другой стороны, пролетарская революция»[603]. далее нарком сообщал, что все в большевистском руководстве считают тактику «голого пролетарского революционизма» несвоевременным форсированием событий и находят необходимым сочетать отложенную на будущее «положительную революционную политику… с реально-политическим лавированием». в конце письма автор от руки сделал приписку о принятом руководством решении «признать австро-венгерские государства» [604] . Эти инициативы угасли, не встретив положительного отклика у тех, кому были адресованы. коалиционное правительство Чехословакии, ориентировавшееся на приобщение к политической системе Запада, сочло за лучшее не спешить с выводом корпуса из россии, ибо его действия разворачивались в русле западного антибольшевистского интервенционизма, а также отвечали некоторым другим международным проектам великих держав. курс с оглядкой на победившие в мировой войне державы взяли и другие выхо-

дившие из австро-венгерского «гнезда» национальные государства, в том числе и то, которое создали проживавшие в распавшейся империи русины. в его короткой истории, правда, со временем наступил момент, когда советская поддержка сделалась жизненно необходимой, но согласие принять ее созрело слишком поздно [605] . пока же галицийские украинские организации шли к переменам, рассчитывая совершить их привычным для себя легальным способом, без отступления от законодательных норм доживавшей последние дни империи. 18 октября украинская национальная рада во главе с евгеном петрушевичем, в составе украинцев – парламентариев и депутатов галицийского и буковинского сеймов, представителей украинских партий и духовенства – собралась во львове. она намеревалась принять меры в соответствии с объявленной в императорском манифесте от 16 октября реорганизацией австрии «в одно федеративное государство, в котором каждая нация образует свое краевое государство»[606]. после основательного обсуждения, к утру следующего дня был принят Статут, по которому украинская национальная рада превращалась в «конституанту

---

[603] там же. л. 82–82 об.

[604] там же. л. 82 об., 83.

[605] См.: *Павлюк О. В.* радянофільство Є. петрушевича: переконання чи вынушеність? // український історичний журнал. 1997. № 3, 4; *Винниченко В.* відродження нації. Ч. 3. київ; відень, 1990. С. 322.

[606] цит. по: *Бородайко В.* до 10-річча Західно-української республіки // літопис революції. 1928. № 6. С. 306.

(учредительное собрание. – *И. М.*) той части украинского Народа, который живет в австро-венгерской монархии на всей его этнической территории». Срочно собравшийся в украинском Народном доме «съезд уездных и общинных организаторов и доверенных лиц из всей галиции и буковины» одобрил и тем самым узаконил постановление украинской национальной рады о создании на демократических началах «украинского государства в украинских областях австро-венгрии»[607], о чем 20 октября было объявлено на многолюдном городском митинге во львове. поступательному процессу пришел конец 31 октября, когда стало известно,

что венское правительство медлит с утверждением решений украинской национальной рады и передачей восточной галиции украинцам, а польская ликвида ционная комиссия готова переехать из кракова во львов, чтобы перенять у авс трийской администрации власть над провинцией в целом. Эти неблагоприятные обстоятельства вынудили украинские военные организации по согласованию с политическим руководством занять в ночь на 1 ноября все стратегические объекты во львове. в полдень того же дня представитель императорского наместника подписал документ о передаче власти в восточной галиции украинской национальной раде[608]. 9 ноября 1918 г. было образовано правительство – державный секретариат, представлявшее коалицию основных украинских партий во главе с одним из лидеров уНдп костем левицким. правительство определило направление финансовой, социальной, продовольственной политики молодого государства. постановлением украинской национальной рады от 13 ноября оно было названо Западно-украинской народной республикой (ЗуНр). в тот же день рада приняла закон о внутреннем устройстве, вместе с правительством издала распоряжение об организации вооруженных сил и объявила мобилизацию в их ряды. в ближайшие дни, благодаря развитой периферийной сети национальных организаций, взамен прежних австрийских были сформированы новые местные органы власти, сочетавшие государственное администрирование с институтами самоуправления[609]. государственное строительство в ЗуНр с самого начала оказалось подчинен-

ным задаче вооруженной защиты республики, так как галицийские поляки не признали украинской власти и в первый же день выступили против нее с оружием в руках, положив начало польско-украинской войне, в которую после восстановления польского государства самым активным образом включилась его регулярная армия.

Но организаторам власти ЗуНр при вставших перед ними трудностях – более чем скромных материальных и финансовых средствах, безотлагательных социальных проблемах, ограниченных внешних связях и т.д. – удалось создать 125-тысячную украинскую галицийскую армию (уга). она почти 9 месяцев стойко защищала республику, сражаясь на равных с войсками польши, которая во много раз превосходила ЗуНр по численности населения, широко пользовалась материальной, военной, политико-дипломатической поддержкой и, в конце концов, прямым попустительством Запада.

---

[607] цит. по: *Пилипів В.* указ. соч. С. 392–393.

[608] *Литвин М. Р., Науменко К. Є.* Історія ЗуНр. львів, 1995. С. 28–36.

[609] *Nieścioruk J.* Z zagadnień ustroju i polityki wewnętrznej Zachodnio-Ukraińskiej Republiki Ludowej w latach 1918–1919 // проблеми вивчення історії української революції 1917–1920 рр. київ, 2002. С. 254–278.

-
-

Судьбу ЗуНр на мирной конференции в париже решили великие державы своим выборочным подходом к признанию за народами права на самоопределение. ликвидация военного очага в восточной галиции являлась одной из задач конференции. лидеры великих держав, задававших тон в ее работе, неоднократно направляли посреднические миссии с целью замирения воюющих, но всякий раз посредники подыгрывали польше, которая пользовалась безоговорочной поддержкой Франции, желавшей укрепить ее в качестве мощного противовеса на восточной границе германии. На лидеров других западных стран польская делегация воздействовала, утрируя опасность распространения большевизма. в париже поляки, с одной стороны, выступали с лживыми утверждениями, будто ЗуНр и ее армия превращаются в рассадник бандитизма и большевизма [610], а с другой – предупреждали политиков и дипломатов, будто непризнание восточной галиции за польшей вызовет в ней «немедленную революцию и крах порядка»[611]. в мае 1919 г. председатель Межсоюзнической комиссии по польско-украинскому перемирию представитель великобритании генерал луис бота[612] попытался на заседании Совета четырех – одного из руководящих органов конференции – представить положение дел без предвзятости. «поляки находятся под защитой высшего совета и получают помощь военным снаряжением и продовольствием, – говорил он, подчеркивая вопиющее неравенство сторон. – Сражающиеся украинцы не имеют признания и не получали никакой помощи от Союзников. их край разорен войной, и велики страдания населения… обе стороны своим нынешним существованием обязаны Союзным державам… и в интересах поляков было бы прислушаться к пожеланиям высшего совета. им уже сказано относительно территории, которую они заняли вооруженной силой. Это не будет приниматься во внимание при определении окончательных границ. разговоры о большевизме − это пугало, и недопустимо, чтобы высший совет позволил соседу захватить малый народ под предлогом оборонительных стратегических действий против большевизма, который в настоящее время удален более чем на 100 миль от границы польши… если взглянуть на проблему со стороны украинцев, то им должно казаться, что Союзники их обманывают. посланная полякам военная помощь в виде армии галлера (польская армия, сформированная и экипированная во Франции, была направлена в польшу с условием не использовать ее на галицийском фронте; польское руководство нарушило это условие, обеспечив себе военный перевес. – *И. М.*), снабжение и т.д. используются для захвата соседнего государства… Настало время, чтобы Совет принял решительные меры» [613]. однако президент вильсон, еще недавно

---

[610] Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r.: Dokumenty i materiały. T. 2. Warszawa, 1967. S. 275, 284−285, 308.

[611] Ibid. S. 260−261; Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919 (далее – PPC). Vol. V. Washington, 1947. P. 712, 713.

[612] Южноафриканский генерал и политический деятель л. бота в 1910–1919 гг. являлся премьер-министром Южно-африканского Союза и именно в этом качестве входил в британский имперский военный кабинет в 1917–1919 гг. – *Прим ред.*

[613] Foreign Relations… PPC. Vol. V. P. 775−777.

предлагавший отстранить польскую делегацию за дерзкое нарушение перемирия от участия в мирной конференции, на этот раз выразил опасение, что решительные действия вызовут в польше революцию и победу большевизма [614] . глава правительства великобритании дэвид ллойд джордж вяло возражал против польского наступления, а французский премьер вовсе не имел резона мешать военным действиям опекаемой им польши[615]. Недаром главнокомандующий уга генерал Михаил владимирович омельяновичпавленко (полковник старой российской армии) писал, что в весенние месяцы 1919 г. «молодая республика противоборствовала уже не с одной польшей, а боролась с могущественной антантой»[616]. окончательное решение западные лидеры приняли в той логике, что восточную галицию все-таки следует оградить от большевистской опасности и единственной силой в регионе, подходящей для этой роли, была признана польская

[614] Ibid. P. 676, 677.
[615] Ibid. Vol. VI. P. 194–196.
[616] *Омельянович-Павленко М.* Спогади командарма (1917−1920). київ, 2007. С. 130.

армия. 25 июня 1919 г. высший совет конференции решил «уполномочить вой ска польской республики на дальнейшее проведение военных операций до реки Збруч (река, по которой проходила граница между россией и австро-венгрией. – *И. М.*)... уполномочить польское правительство использовать в восточной галиции все элементы его вооруженных сил, в том числе армию генерала галлера»[617]. польские войска, опираясь на санкцию мирной конференции, вытеснили уга из восточной галиции. галицийская армия не была деморализована и разбита. она числом около 50 тыс. строевых военнослужащих, исчерпав последние боеприпасы, вынуждена была отступить на правобережье днепра. туда же эвакуировалось политическое руководство Западной области уНр, лишенное государственной территории. при всей краткости истории ЗуНр эта республика представляется государством, состоявшимся благодаря единению народа, подготовленного национальным движением к осознанию и защите своей этнонациональной самостоятельности. Наличие же в самом движении двух течений, по-видимому, можно считать внутренней особенностью, не разрушившей региональную общность этноса.

С гораздо меньшей убедительностью проявил себя в рассматриваемых обстоятельствах принцип «соборной украины». идея государственного единства на почве этнического родства для приднепровцев и русинов австро-венгрии, живших несколько столетий порознь, в государствах с неодинаковыми социально-политическими условиями, во многом оказалась абстрактной категорией. к тому же в той и другой группах этноса национальное движение формировалось разными путями и в период исторических решений проявило неодинаковую степень зрелости и влияния в народной среде[618]. два возникших украинских государственных образования имели несовпадавшие внешнеполитические задачи и предпочтения, что в конечном счете послужило прямой причиной разрыва.

На первых порах организаторы ЗуНр сторонились соединения с уНр из опасения, что это приведет их край в государственную систему россии, так как великие державы не стремились к ее территориальному распаду и, в частности, к отделению украины. Но в январе 1919 г. все-таки произошло формальное объединение уНр и ЗуНр, получившей после этого название Западной области уНр (ЗоуНр). киевские власти вначале оказывали сражавшимся галицийцам помощь оружием, военной техникой, боеприпасами[619]; на высшие командные должности в уга поступили офицеры из уНр; на помощь было направлено также несколько приднепровских воинских подразделений. Но если прибывшие артиллерийские части существенно укрепили уга, то с другими отрядами, посланными в декабре, когда галицийцы отчаянно сражались, чтобы вернуть захваченный поляками львов, получилось неладно. «С первыми серьезными потерями, – вспоминал омельянович-павленко, – в рядах приднепровцев послышалась громкая критика и рассуждения: “Зачем мы будем воевать за чужую землю, что у нас своей мало? поляки тоже наши братья…” а в это самое время “братья” немилосердно били из орудий… когда все “аргументы” были исчерпаны,

---

[617] Sprawy polskie… T. 2. S. 353.

[618] См.: *Михутина И. В.* украинское национальное движение и государственная власть (вторая половина XIX – начало XX века): два типа отношений // власть и общество: непростые взаимоотношения. М., 2008. С. 31–44.

[619] *Олійник С. В.* українська галицька армія та директорія і уряди уНр // Формування та діяльність українських національних урядів періоду революції 1917–1921 рр. кам’янець-подільський, 2008. С. 115–116.

приднепровские части просто отказались продолжать наступление… Надо было принять меры, чтобы гангрена не перекинулась на здоровую душу галицийских стрелков. главное командование решило перебросить днепровскую бригаду назад, за Збруч… разоружение бригады произошло не без крови и значительной. около 140 человек было ранено и убито»[620]. в отличие от этого трагически неудавшегося опыта с частями армии уНр, посланными на помощь галицийцам, когда наступила развязка в восточной галиции, и защитники ЗуНр вынуждены были, оставив родной край, отступить в приднепровье, уга явила редкий в такой ситуации случай сохранения организованности и высокого боевого духа. галицийские корпуса при наличии собственно армии уНр составляли в 1919 г. самую многочисленную и боеспособную часть войск, сражавшихся на стороне директории уНр.

осенью 1919 г., когда эти войска постигла военная катастрофа, глава директории Симон васильевич петлюра дал согласие на поддержку со стороны польши, обусловленную признанием за ней восточной галиции и части волыни. русины были возмущены таким предательством и разочарованы идеей украинства. Чикаленко в своем дневнике день за днем фиксировал рост русофильских настроений в восточной галиции. «22 ноября, львов… галицийцы, кто потихоньку, а кто и вслух, говорят, что ничего не имеют против омосковления, потому что “и эти – русины, и те – русские”… 25 ноября, перемышль… в разговорах со здешними интеллигентами… я прихожу к убеждению, что за исключением двух-трех… все они, как и почти весь галицийский народ – дудыкевичевцы (последователи дудыкевича, то есть москвофилы. – *И. М.*)… 27 ноября… Москвофильство в галиции так распространяется, что стало заметно влиять на язык газет, в них появилось множество русских слов»[621]. такое размывание граней, совсем недавно деливших русофилов и сторонников украинства, показало, что преобладающими в русинском движении оставались региональные цели, то, что канадский исследователь п. р. Мэгочи назвал, относя, правда, к более раннему периоду, «местным галицийским патриотизмом». иными словами, русинская общественность в критических обстоятельствах выбирала ориентацию на те силы, которые, в ее представлении, благоприятствовали самостоятельности народа. в связи с разгромом войск директории уНр в критическом положении ока-

залась и уга. кроме военных неудач, с наступлением холодов ее ряды стали выкашивать эпидемии. Чтобы спасти личный состав армии, которая для галицийцев в связи с утратой государственной территории значила гораздо больше, чем инструмент вооруженной борьбы, – она осталась олицетворением и главным символом их государственности, главнокомандующий уга генерал Мирон тарнавский вступил в переговоры с противником – добровольческой армией, занимавшей еще значительную часть украины, о переходе на ее сторону. товарищам по оружию, усомнившимся в допустимости такого решения, генерал объяснил: «я должен… спешить с заключением перемирия, так как в госпиталях полно наших больных. если мы начнем отступать, то должны будем всех их оставить на милость и немилость врага… я вывел армию из галиции, и я отвечаю за ее целость»[622]. подписанное соглашение действительно

[620] *Омельянович-Павленко М.* указ. соч. С. 123, 124–125.
[621] *Чикаленко Є.* указ. соч. С. 165–167.
[622] цит. по: *Мазепа І. П.* україна в огні й бурі революції. т. 2. прага, 1942. С. 132–133. [51]
Чикаленко Є. указ. соч. С. 158.

предусматривало сохра нение автономности уга и оказание ее личному составу медицинской помощи в госпиталях вооруженных сил Юга россии. к тому же антон иванович деникин собирался вступить в борьбу за восточную галицию. при первых же, еще не подтвержденных известиях о разрыве между руководством уНр и командованием уга Чикаленко, не одобряя его, выявил, тем не менее, причинно-следственную связь случившегося и записал в дневнике: «возможно, петлюра отрекся от восточной галиции в пользу польши, и это так возмутило галицийцев, что они решили перейти к деникину, потому что все галицийцы считают, что лучше утонуть в русском море, чем быть втянутым в польское болото»[51]. Это образное выражение бытовало у русинов с середины XIX в. и, как видно, актуализировалось в трудную минуту.

продолжая анализировать менявшуюся общественно-политическую атмосферу в восточной галиции, в январе 1920 г. Чикаленко заметил, что галицийские украинцы «после разгрома деникина все свои надежды возложили на большевиков, так как это тоже “русские”, и ожидают, что большевики придут освободить их из-под польского ярма»[623]. автор, принципиальный противник большевизма, все-таки признавал логику в том, что «если большевики, покончив с деникиным, пойдут возвращать белоруссию (захваченную поляками. – *И. М.*), то в стратегических целях они могут пойти и в галицию», где, согласно выразительной метафоре автора, «против поляков поднимутся даже мох и трава»[624].

для Москвы это была новая ситуация. до тех пор руководство ЗуНр избегало с ней любых контактов и уклонилось даже от советского предложения помощи боеприпасами, столь необходимыми уга в период войны с поляками. главной причиной тому явился страх вызвать порицание со стороны держав Согласия, на поддержку которых был расчет в осуществлении государственного самоопределения восточной галиции[625]. в свою очередь, советское руководство, поглощенное в течение 1919 г. борьбой на фронтах гражданской войны, не обладало достаточными ресурсами, чтобы рассматривать восточную галицию объектом своих интересов. к тому же на рубеже 1919−1920 гг. на первый план в Москве вышло настойчивое стремление не допустить возобновления военных действий на польском фронте. в связи с этим варшаве были сделаны официальные предложения о начале мирных переговоров, в том числе 28 января 1920 г. направлено обращение СНк рСФСр за подписями в. и. ленина, г. в. Чичерина и л. д. троцкого к правительству и народу польши. в нем, среди прочего, заявлялось, что до начала мирных переговоров «красные войска не переступят нынешней линии белорусского фронта, проходящей вблизи… г. дисна, г. полоцк, г. борисов…», и на украине «не будут совершать военных действий к западу от занимаемой ныне линии… вблизи м. Чуднова, м. пилявы, м. деражни и г. бара»[626], то есть линии в правобережье днепра, значительно восточнее пределов галиции.

Между тем галицийские подразделения на украине, не имея возможности после катастрофы армии уНр вернуться на родину, где распоряжалась польская

---

[623] там же. С. 210.

[624] там же. С. 205.

[625] подробнее см.: *Павлюк О. В.* указ. соч. С. 110−111.

[626] документы внешней политики СССр (далее − двп СССр). т. II. М., 1958. С. 332.

администрация, перешли сначала к деникинцам, а затем присоединились к красной армии. и. в. Сталин, член реввоенсовета Юго-Западного фронта, как видно, рассудил, что такое пополнение революционных войск может естественным образом сделаться ударной силой при продолжении борьбы за восстановление государства галицийских украинцев на новой, революционной основе, и предложил выступить с заявлением о заинтересованности Советской россии в независимости восточной галиции. инициативе Сталина решительно воспротивился Чичерин. «Это есть полнейшее нарушение нашей линии по отношению к польше… чтобы избегать с нашей стороны всякого наступления, – написал он 14 февраля 1920 г. в докладной записке для Секретариата цк, – …вступление теперь в сношения с восточной галицией и обещание ей всяких благ было бы самым определенным наступлением на польшу. Этим мы сразу уничтожили бы все значение всех наших обращений к польскому правительству…»[627]реакция ленина оказалась не такой однозначной. в его телеграмме, в тот
же день направленной Сталину в Харьков, говорилось: «Сообщите точнее, какие меры предлагаете для создания галицийского ударного кулака и для того, чтобы не тасовать дивизий; дипломатия наша должна не шуметь, а молчать о галиции»[628]. иными словами, большевистский лидер согласился с наркомом относительно несвоевременности принципиального политического заявления, но заинтересовался идеей сохранения галицийских бригад как единого целого, по-видимому, не исключая политических перемен, способных актуализировать борьбу большинства восточногалицийского населения за государственное самоопределение. однако в дальнейшем так называемый кулак «разжался», не получив возмож-
ности сформироваться: бригады оказались рассредоточены по разным дивизиям красной армии, и к началу польской атаки на киев (25 апреля 1920 г.), вдохновленной Начальником польского государства и верховным главнокомандующим Юзефом пилсудским, личный состав двух из трех галицийских бригад, разочарованный и дезориентированный, переметнулся на сторону наступавшего противника. перебежчиков постигла незавидная участь. поляки их обезоружили и интернировали. украинцы восточной галиции с болью наблюдали, как на северо-запад потянулись составы: это бывших офицеров уга везли в зловещей известности лагерь для военнопленных тухоля в поморье. из вагонов слышалось пение украинского гимна[629]. в понимании советского руководства с началом киевского похода пилсудс-
кого польский фактор перестал быть препятствием к постановке галицийского вопроса. прежде осторожничавший Чичерин 22 июня – после беседы с прибывшими в Москву галицийскими коммунистическими деятелями – направил в политбюро докладную записку такого содержания: «по словам галицийских коммунистов, восточная галиция изжила националистические иллюзии и созрела

[627] польско-советская война: Сборник документов. Ч. 1. М., 1994 (далее − пСв). С. 46.
[628] владимир ильич ленин: Неизвестные документы. 1891−1922. М., 1999. С. 326.
[629] *Чикаленко Є.* указ. соч. С. 323.

для Советизма. восстание в тылу поляков было бы громадным плюсом. Но мы можем идти на содействие такому восстанию и на содействие советизации галиции лишь в том случае, если мы решили в той или иной форме распространить там сферу нашего могущества… вполне целесообразно создание галицийского ревкома. Члены ревкома намечены галицийскими коммунистами… одно должно быть сделано сейчас – принятие решения о том, можем ли мы вообще расширить так далеко сферу наших действий»[630]. решение политбюро, принятое в тот же день, было сформулировано следующим образом: «утвердить предложение тов. Чичерина об осторожной политике, охраняющей независимость восточной галиции»[631]. вскоре советские войска, выбив поляков из киева и правобережья в целом,
вступили в борьбу за восточную галицию. Стоит заметить, что те западные политики, которые не одобряли польского экспансионизма, признали случившийся поворот в войне отвечавшим настроению основной массы местного населения. «большевики сейчас продвигаются в глубь восточной галиции и не склонны оставить ее для того, чтобы отдать полякам. Сами местные жители воспротивились бы этому»,– констатировал британский премьер дэвид ллойд джордж 10 июля на заседании высшего совета стран Согласия в присутствии главы польского правительства владислава грабского, настаивавшего на польской принадлежности края[632].

позиция британского премьера нашла отражение в направленной советскому правительству на следующий день ноте с предложением посредничества в прекращении польско-советской войны. будущая демаркационная линия в восточной галиции описывалась в ноте ровно по линии этнического разграничения в крае, так что львов мог остаться на советской стороне [633]. Москва отклонила британское посредничество, но, очевидно, приняла к сведению представленную в ноте трактовку галицийского вопроса, негласно сделав его решение одной из своих целей в войне с польшей[634].

в занятой красными войсками части восточной галиции ревком, образованный коммунистами галиции и приднепровья во главе с владимиром петровичем Затонским, провозгласил галицийскую Советскую Социалистическую республику [635]. Но катастрофа советских войск под варшавой и неудачи на подступах к львову остановили дальнейшую советизацию. На мирных переговорах, в сентябре 1920 г. перенесенных из Минска в ригу, задачей советской русскоукраинской делегации стала скорейшая остановка военных действий, чтобы ограничить территориальные потери в результате польского контрнаступления в белоруссии. тем не менее проблема восточной галиции пока еще оставалась в поле зрения советского руководства. 16 сентября ленин телеграфировал председателю советской делегации иоффе в ригу: «пленум цк 20-го. пришлите 19 ночью ваше заключение о настроениях поляков, возможен ли мир, скоро

---

[630] большевистское руководство: переписка. 1912−1927. М., 1996. С. 136−137.

[631] там же. С. 137.

[632] Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. 3. Warszawa, 1964. S. 159.

[633] двп СССр. т. III. М., 1959. С. 54−55.

[634] подробнее см.: *Михутина И. В.* польско-советская война 1919−1920 гг. М., 1994. С. 164−178.

[635] из имеющейся исследовательской литературы о галицийской Советской Социалистической республике необходимо выделить монографию М. климецкого. См.: *Klimecki M.* Galicyjska Socjalistyczna Republika Rad: Okupacja Małopolski (Galicji) Wschodniej przez Armię Czerwoną w 1920 roku. Toruń, 2006. – *Прим. ред.*

ли и на каких условиях, в частности, как стоят вопросы о литве, белоруссии и восточной галиции»[636]. Но признаки масштабной военной катастрофы стремительно нарастали, в том числе и на галицийском фронте. 21 сентября советские войска оставили пределы края. Затонский через день в докладной записке констатировал: «галиция потеряна для нас» [637] . доклад ленина на открывшейся 22 сентября IX партийной конференции изобиловал откровенными признаниями: «глубокое… катастрофическое… громадное… гигантское, неслыханное поражение в войне», из чего делался вывод относительно тактики на возобновившейся накануне мирной конференции. «Мы предлагаем сказать…, что зимней кампании мы не хотим. угодно подписать мир за 10 дней, и тогда мы отказываемся от галиции и предлагаем границу значительно восточнее линии керзона. как для нас эти уступки ни тяжелы, но для нас важнее избежать зимней кампании…»[638]вместе с тем во 2-й статье советского проекта прелиминарного мира говорилось о «признании в принципе независимости восточной галиции… [и] окончательном решении ее судьбы… путем опроса местного населения на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования»[639]. при этом с советской русско-украинской делегацией в ригу прибыли посланцы советской галиции Михаил лукич баран и Нестор Хомин. в ночь на 22 сентября иоффе запросил Москву: «как быть с бараном и Червяковым (представителем советской белоруссии. – *И. М.*)? у первого мандат галицийского (советского. – *И. М.*) правительства на ведение мирных переговоров, до́лжно ли передать этот мандат?»[69] Чичерин в разговоре по прямому проводу 22 сентября предложил не спешить с решением [640] . в дальнейшем уполномоченный галицийской советской республики получил статус эксперта русско-украинской делегации. правительство ЗуНр в изгнании тоже не осталось в стороне от рижских пе-

реговоров. петрушевич распорядился направить в ригу делегацию. один из ее участников в своих воспоминаниях поведал, что делегаты выехали без инструкции, которая была получена уже в пути – 14−15 сентября, и поначалу всех разочаровала: петрушевич предписал делегатам развернуть вокруг мирной конференции пропаганду и агитацию, но не участвовать в переговорах, чтобы в случае признания края за польшей не оказаться причастными к такому неблагоприятному решению, способному ослабить международное звучание восточногалицийского вопроса[641].

трудности поездки помешали представителям ЗуНр прибыть к открытию конференции, о чем они сообщили в телеграмме на имя наркома по иностранным делам советской украины, члена русско-украинской делегации дмитрия Захаровича Мануильского. 22 сентября иоффе доложил в Москву о делегации ЗуНр: «я полагаю, что следует перетянуть этих господ на нашу сторону и из наших галичан совместно с этими создать что-нибудь вроде галицийского представительства… украинское

---

[636] *Ленин В. И.* полн. собр. соч. т. 51. С. 282–283.

[637] пСв. С. 84.

[638] «я прошу записывать меньше: это не должно попасть в печать»: выступления в. и. ленина на IX конференции ркп (б) 22 сентября 1920 г. // исторический архив. 1992. № 1. С. 15, 17, 21, 23−25.

[639] документы и материалы по истории советско-польских отношений. т. 3. М., 1965. С. 403. [69]
ргаСпи. Ф. 5. оп. 1. д. 2001. л. 34.

[640] пСв. С. 58.

[641] *Назарук О.* галицька делегація в ризі 1920 р.: Спомини учасника. львів, 1930. С. 4−9; *Павлюк О. В.* указ. соч. С. 114.

представительство внутри российско-украинской единой делегации может быть чрезвычайно полезно. если нет возражений, думаю вокруг Мануильского такое представительство создать… Это, я думаю, следует подчеркивать вовне»[642].

Мануильский, со своей стороны, в сообщении на имя Чичерина так характеризовал состав делегации ЗуНр и атмосферу вокруг нее: «председатель – небезызвестный национал-демократ кость левицкий, доктор Эрнест брайтер, дикий (независимый. – *И. М.*) социалист, чудак, протестовавший против войны, бывший депутат рейхсрата, радикал доктор Назарук и Мишуга (в тексте ошибочно – Макуха. – *И. М.*). она послана Национальным советом восточной галиции, в свое время протестовавшим перед антантой и лигой Наций против договора.., на основании которого восточная галиция была отдана петлюрой польше. если не считать брайтера, относящегося к нам с большими симпатиями.., то вся эта делегация пытается использовать нас на предмет заявления на конференции своих прав представлять галицийское население… ее заявления заострены главным образом против польши, проникнуты требованием референдума и создания самостоятельного галицийского государства. Не ангажируясь с этой делегацией.., мы… ее выступления в прессе и за стенами конференции попытаемся использовать для дискредитирования польской точки зрения. делегация эта предполагает… подать заявление конференции с протестом против аннексионистских планов польши. такого рода демонстрация была бы в высшей степени полезна»[643].

Неофициальные контакты делегатов д. З. Мануильского, л. л. оболенского и галицийских экспертов с представителями ЗуНр в дальнейшем действительно установились и, по воспоминаниям мемуариста, проходили в доброжелательной атмосфере[644].

Но «главным звеном переговоров» с большевиками руководство ЗуНр, по словам Назарука, считало брайтера[645]. во время конфиденциальных встреч с иоффе он должен был склонить русско-украинскую делегацию «к идее полного освобождения галиции из-под польского господства». Согласно документам из архива правительства ЗуНр, последнее было готово к тому, чтобы советские представители потребовали присоединения восточной галиции к Советской украине[646]. однако эта готовность созрела слишком поздно: в сентябре 1920 г. советское
правительство не имело ни политических, ни военных возможностей для постановки и, тем более, реализации подобного проекта. более того, иоффе опасался и делился своими тревожными ожиданиями с брайтером, что польская делегация, следуя федералистской идее пилсудского, потребует территории для петлюровского государства в ущерб советской украине[647].

тем не менее 28 сентября он официально огласил на конференции советский проект прелиминарного мира с вышеприведенной 2-й статьей о независимости восточной галиции. правда, в других вопросах глава советской делегации отступил от широко

---

[642] авпрФ. Ф. 04. оп. 32. п. 3452436. д. 205. л. 47.
[643] ргаСпи. Ф. 5. оп. 1. д. 2001. л. 30.
[644] *Назарук О.* указ. соч. С. 57–78.
[645] там же. С. 85.
[646] цит. по: *Павлюк О. В.* указ. соч. С. 114.
[647] *Назарук О.* указ. соч. С. 85–86.

известных условий мира, изложенных в Заявлении вцик от 23 сентября. польская делегация, обнаружив эти различия, задержала обсуждение предложений Москвы. в связи с этим 30 сентября Чичерин направил иоффе инструкцию с требованием ускорить подписание договора[648].

Ситуация прояснилась лишь во время неофициального секретного совещания главы польской делегации яна домбского с иоффе вечером 1 октября. «я указал, – телеграфировал последний в Москву по итогам совещания,– что от независимой украины и белоруссии отказаться ни в коем случае не можем» [649]. домбский не возражал. деятель крестьянского движения, он, как и некоторые другие члены польской делегации, включавшей представителей основных политических партий, не был сторонником территориальной программы пилсудского. На страницах воспоминаний главы польской делегации находим такое пояснение: как только при открытии конференции польская сторона признала полномочия представителей уССр – «этим сразу была предрешена судьба украины.., которая осталась в сфере российского влияния… Федералистская программа была перечеркнута ходом событий»[650].

Но относительно советской идеи плебисцита в восточной галиции польская делегация проявила большую твердость. Накануне некий посредник, репортер, довел до сведения иоффе слова домбского о том, что «допущение левицкого (то есть делегации ЗуНр. – *И. М.*) в качестве представителя правительства восточной галиции произвело бы падение нынешнего кабинета в варшаве»[651]. Заметим, кабинета, который − в отличие от военного руководства во главе с верховным главнокомандующим пилсудским − добивался скорейшего заключения мира. после начала переговоров в риге авторитетные представители правительства и члены Совета обороны государства (Сог) – высшего государственного органа военного времени – на заседаниях Сог с беспокойством говорили о том, что незамедлительному окончанию войны мешает форсированное продвижение польской армии на восток, далеко за линию, намеченную Сог и правительством, что на украине военное командование запланировало новый рейд на железнодорожные узлы, от которых рукой подать до киева, что, несмотря на успешное сражение на Немане, продолжается наступление в белоруссии и т.д. вместе с тем, по свидетельству главы правительства, выдающегося крестьянского лидера винценты витоса, персонал мирной делегации из службы военной разведки и контрразведки грозил от имени пилсудского в случае необходимости своими специфическими методами помешать работе польской делегации[652]. тем не менее главы обеих делегаций не отказались от неофициального общения. в результате после совещания с домбским иоффе телеграфировал в Москву: «выяснилось в разговоре, что они (польские представители. − *И. М.*) считают предложение о восточной галиции

[648] пСв. С. 68–69.
[649] ргаСпи. Ф. 5. оп. 1. д. 2001. л. 66.
[650] *Dąbski J.* Pokój ryski: Wspomnienia. Pertraktacje. Tajne układy z Joffem. Listy. Warszawa, 1931. S. 78.
[651] ргаСпи. Ф. 5. оп. 1. д. 2001. л. 61.
[652] См.: Protokoły Rady Obrony Państwa // Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały. T. 1. Warszawa, 1965. S. 310, 312−314; *Witos W.* Moje wspomnienia. T. 2. Paryż, 1964. S. 368−369.

абсолютно неприемлемым и предлагают этот вопрос снять с обсуждения и не включать в договор»[653], что и было сделано.

делегаты и правительство ЗуНр, со своей стороны, отчаянно протестовали против рижского мира, оставившего восточную галицию за польшей, и уповали на будущее справедливое решение вопроса учреждениями парижской мирной конференции[654]. Но западные демократии в очередной раз не оправдали чаяний галицийских украинцев. Совет послов великих держав использовал вынужденную уступку Москвы в восточногалицийском вопросе как одно из оснований для своего решения от 15 марта 1923 г. об официальном признании польского суверенитета над восточной галицией[655], спешно переименованной поляками в восточную Малопольшу. тот факт, что украинское население края в 1919 г. не допустило участия своих представителей в работе Законодательного сейма польши и в дальнейшем организованно и эффективно бойкотировало парламентские выборы 1922 г., демонстрируя упорное неприятие польской власти[656], западными послами не был принят во внимание. в целом можно признать, что украинцы восточной галиции благодаря развитому национальному движению смогли в результате первой мировой войны реализовать национально-государственную идею, сформировав дееспособную Западно-украинскую народную республику. Сохранить ее не удалось вследствие неподвластных им внешних обстоятельств.

Несправедливость и цинизм, проявившиеся при устроении послевоенного порядка, произвели переворот в мироощущении поборников ЗуНр, ветеранов уга – людей, полных нереализованных устремлений. в своем желании продолжить начатое дело они восприняли идейно-политический экстремизм побежденных и, приняв в рядах украинской военной организации, организации украинских националистов и прочих подобных структур покровительство германских нацистов, не смогли прийти к поставленной цели. украинское государство, объединившее все этнические земли, – член организации объединенных Наций – было создано силами, против которых они во второй мировой войне направили оружие.

[653] ргаСпи. Ф. 5. оп. 1. д. 2001. л. 66.
[654] *Павлюк О. В.* указ. соч. С. 115.
[655] Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów. Warszawa, 1984. S. 694.
[656] *Próchnik A.* Pierwsze piętnastolecie Polski niepodległej. Warszawa, 1957. S. 130–142.

М. Э. Клопова

Терезин и Талергоф: трагедия «тирольцев Востока»

одной из малоизученных страниц истории первой мировой войны является трагедия русинов галиции, буковины и угорской руси. Эти регионы вошли в состав габсбургской империи в конце XVIII – начале XIX в. их неоднородное население в значительной части было восточнославянским и именовало себя русинским. аналогичным было и название этих подданных габсбургской монархии в официальных документах – рутены («Ruthenen»). С легкой руки императора Франца иосифа еще со времен революции 1848–1849 гг., когда из галицийских русинов-добровольцев был сформирован отряд горных стрелков, их часто называли «тирольцами востока». поскольку жители тироля считались самыми преданными австрийскими монархистами, то обыватели полагали, что по преданности габсбургам русины стояли на втором месте после них. вступив в эпоху «национального возрождения» позже других народов империи, русины прошли, тем не менее, те же стадии развития национального самосознания. Наиболее активно этот процесс шел в одной из русинских провинций империи – галиции, точнее, в восточной ее части. Начало этого процесса связано с деятельностью первых национальных активистов – «галицких будителей», направленной на сохранение и развитие русинского культурного и исторического наследия. Затем возникли первые культурно-просветительские, а позднее и политические организации русинов галиции. тогда же началось формирование двух альтернативных вариантов национального движения – украинского и русофильского. в основе идеологии русофильского движения лежала концепция, согласно
которой восточная галиция, а также другие русинские земли габсбургской империи являлись неотъемлемой частью единого русского мира, частью общего русского культурно-исторического пространства[657]. об этапе сознательного русофильства можно говорить с 1860-х гг. в сентябре 1866 г. на страницах галицийской газеты «Слово» была опубликована статья священника ивана григорьевича Наумовича «взгляд в будущее». в ней Наумович, в то время уже депутат галицийского сейма, обосновывал необходимость сближения русинского населения галиции «со всем русским миром». он заявил, что «многолетние усилия дипломатов и поляков сделать из нас особый народ рутенов-униатов оказались тщетными» и что «русь галицкая, угорская, киевская, Московская, тобольская и пр. с точки зрения этнографической, исторической, языковой, литературной, обрядовой – это одна и та же русь… Мы не можем отделиться китайской стеной от наших братьев и отказаться от языковой, литературной и народной связи со всем русским миром»[658]. говоря о солидарности с россией, Наумович имел в виду не современную ему российскую империю, а

---

[657] о неоднозначности идеологии галицийских русофилов см.: *Wendland A.* Die Russophilen in Galizien: Ukrainische Konservative zwischen Österreich und Russland, 1848−1915. Wien, 2001.

[658] *Пашаева Н. М.* и. г. Наумович как общественный, политический и религиозный деятель галичины второй половины XIX века // вестник Юго-Западной руси. 2006. № 1. С. 82.

общерусское культурное пространство, вхождение в которое даст новый импульс культурному и духовному развитию русинского народа в галиции.

Наметившийся в 1870–1880-х гг. рост напряженности в австро-российских противоречиях привел к тому, что вена начала рассматривать русофильское движение как нежелательное и ужесточила политику в отношении его. другим фактором, приведшим к значительному ослаблению влияния русофильских идей в среде восточнославянского населения австро-венгрии, стало интенсивное развитие украинского движения. после принятия ряда антиукраинских мер в российской империи именно восточная галиция стала его центром. тем не менее русофилы в значительной мере сохранили свои позиции и популярность в народе. основной для себя они считали культурно-просветительскую работу, сознательно уклоняясь от политизации движения. Это коренным образом отличало русофильство от стремительно политизирующегося украинского движения.

Ситуация начала меняться в начале XX в. С одной стороны, коренным образом изменилось само русофильское движение. На смену старшему поколению, во многом еще «старорусинскому», лишенному ясной политической и идейной платформы, пришло поколение так называемых «молодых русофилов». Современные украинские исследователи характеризуют их как «группу, которая ориентировалась не на панрусский культурный простор, а именно на россию, четко видела различие между россией и украиной и отрицала существование последней»[659]. Молодые руководители русофильского движения стали активнее искать контакты с «державной русью». то сближение с русским обществом, к которому они стремились, началось после проведения весной 1908 г. славянского съезда в праге. На съезде, как сообщал российский посол в вене князь л. п. урусов, «представители галицкой руси открыто примкнули к русским представителям»[660]. Это, несомненно, способствовало подъему русофильского движения, но одновременно таило в себе и немалую опасность для него. С одной стороны, именно демонстрация ярко выраженных пророссийских симпатий частью активистов движения привела к расколу внутри самого движения. в 1909 г. русская народная партия, политическая организация русофилов, разделилась на две группы. одна из них сохранила старое название партии и редакцию газеты «галичанин», другая приняла название русской народной организации, чьим органом стала газета «прикарпатская русь». Среди наблюдателей этот конфликт был воспринят как противостояние консервативных «старых» русофилов, не отказавшихся до конца от привычного для них «рутенизма», и их «молодых» оппонентов, открыто заявлявших о своей принадлежности к единому русскому племени. в отличие от «старых» русофилов «молодые» гораздо реже подчеркивали свою лояльность габсбургам, не включая, тем не менее, в свою программу политические требования, которые могли бы быть истолкованы как проявления сепаратизма. конфликт внутри русской народной партии стал непосредственной причиной ослабления политического влияния русофилов в галиции. ярким тому примером послужила избирательная

---

[659] *Аркуша О., Мудрий М.* русофільство в галичині в середині XIX – на початку XX ст. // вісник львівського університету. Сер. історична. вип. 34. львів, 1999. С. 231–268.

[660] авпри. Ф. 135. оп. 470. д. 133. л. 195–196. донесение посла в вене л. п. урусова министру иностранных дел а. п. извольскому от 19 июля 1908 г.

кампания в галицийский сейм 1910 г., в ходе которой русофилы потеряли бóльшую часть своих мандатов.

другим следствием усиления пророссийских симпатий в среде русофилов стало усиление подозрительности по отношению к ним со стороны австро-венгерских властей. На фоне роста напряженности в отношениях между двумя монархиями правящим кругам дуалистической монархии было очень выгодно обвинить россию во вмешательстве в ее внутренние дела и скомпрометировать как самих русофилов, так и их российских единомышленников. имперскими властями были организованы два политических, «шпионских» процесса – в венгерском Марамарош-Сигете в 1913 г. и в львове (лемберге) в 1914 г. обвиняемыми на этих процессах выступали как активные деятели русофильского движения, так и его рядовые участники. вина подсудимых в обоих случаях заключалась в их приверженности православию и контактах с русской православной церковью. и хотя в обоих случаях подсудимые были оправданы судом присяжных, для русофильского движения в австро-венгрии это был тяжелый удар. практически русофилы лишились возможности открытой, легальной деятельности в русинских провинциях габсбургской монархии.

Но подлинной трагедией для русофильского движения стали события первой мировой войны. С ее началом политика вены в отношении русофилов и их единомышленников стала максимально жесткой. уже в ночь с 30 на 31 июля 1914 г. были арестованы депутаты рейхсрата д. а. Марков и в. М. курылович, ряд других активистов русофильского движения. десять месяцев они провели в тюрьме в ожидании суда, который начался 11 июня 1915 г. Суть обвинений сводилась к тому, что подсудимые после начала войны и объявления мобилизации продолжали состоять в русофильских организациях, что являлось, по мнению обвинения, государственной изменой. На суде Марков настаивал на лояльности русофилов, подчеркивая, что «мы… не выступали ни против династии, ни против государства и никто из нас, даже никто из депутатов не выступал никогда с антимилитаристской пропагандой» [661] . Марков утверждал, что вся деятельность русофилов была направлена лишь на сохранение национального самосознания русинского населения австро-венгрии. а это ни в малейшей степени не могло нести угрозу безопасности и целостности империи. Характерно, что свидетелями обвинения выступали также депутаты, но уже украинского клуба – и. колеса, лидер клуба к. левицкий и другие видные представители украинского направления, настаивавшие на том, что деятельность подсудимых носила антигосударственный характер и была направлена на отторжение галиции от австровенгрии. как заявил один из свидетелей обвинения, «кто употребляет русский язык, не может бытъ хорошим австрийцем»[6]. в то же время никаких реальных примеров антигосударственной деятельности русофилов их противники не привели. обвиняемых приговорили к смертной казни, которая по ходатайству Николая II при посредничестве испанского короля была заменена пожизненным заключением. На свободу Марков и другие смогли выйти лишь после смерти императора Франца иосифа I.

---

[661] талергофский альманах. пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время всемирной войны 1914–1917 гг. // русская галиция и мазепинство. М., 2005. С. 199.
[6] там же. С. 215.

Массовые репрессии развернулись в галиции. как писали составители «талергофского альманаха», самого полного на сегодняшний день собрания воспоминаний очевидцев и участников событий: «весь ужас и мучения, перенесенные русским населением в австро-венгрии, главным образом, на первых порах войны, т.е. до момента вытеснения русской армией австро-мадьярских войск за дунаец и по ту сторону карпатского хребта, не имели предела: это была сплошная полоса неразборчивого в средствах, бессистемного террора, через которую прошло поголовно все русское население прикарпатья» [662]. «талергофский альманах» содержит подробные сведения о расправах над мирным населением. арестам и казням подвергались крестьяне, учителя, священники. далеко не все из них были сторонниками идеи «общерусского единства», сознательными русофилами. Многие были просто подписчиками русофильских изданий, членами созданного еще в 1874 г. просветительского общества имени Михаила качковского. по словам очевидцев, «много народа погибло только за то, что не научилось говорить по-немецки»[663], носили православные кресты, просто стали жертвами наветов. по свидетельству одного из местных священников, пережившего австрийские репрессии, незадолго до своего ареста он ознакомился со служебной инструкцией галицийского жандармского управления. в ней содержались указания из вены: за арест неблагонадежного интеллигента выдавать сумму 50 крон, за крестьянина – 8 крон, а за изобличение диверсантов или лиц, могущих совершить диверсию, предлагалось вознаграждение 200 крон[9]. как горько заметил автор воспоминаний, «темные личности, желающие выручить грош хотя бы ценой жизни своего ближнего, находятся везде в изобилии». активную и притом весьма неприглядную роль в расправе над своими политическими конкурентами сыграли украинские активисты. руководители украинского движения, в том числе и лидеры парламентского представительства, обвиняли своих недавних коллег по парламентской деятельности в государственной измене, рядовые же участники движения не только доносили на своих соседей-русофилов, но и принимали участие в арестах и расправах над ними.

Страдало и городское население. в львове с началом военных действий были закрыты все русофильские учреждения – организации, приюты, редакции газет, их имущество было разграблено. активно шли аресты, и уже к концу августа 1914 г. в тюрьме оказалось около 2 тыс. человек. Многие из них были повешены. василий романович ваврик, автор воспоминаний о судьбах русофилов в годы войны, писал: «в темном углу бригидок (известной львовской тюрьмы. – *М. К.*) шла экзекуция за экзекуцией»[664], в которых участвовали палачи-добровольцы.

С началом наступления российской армии в галиции террор приобрел новый размах. Чем ближе подходили российские войска, тем более жестокими становились действия военных и гражданских властей. 15 сентября в перемышле были зверски убиты 45 человек, в основном крестьяне из окрестных сел и члены их семей. Сначала

---

[662] там же.

[663] там же. С. 250. [9] там же. С. 364.

[664] *Ваврик В. Р.* терезин и талергоф: к 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа. М., 2001. С. 68.

их избивали, затем начался расстрел. как писал ваврик, «из тел изрубленных людей образовалась сплошная груда размозженного мяса»[665].

то же самое происходило и в буковине. как и в галиции, здесь в первую очередь арестовали священников и представителей интеллигенции, подозреваемых в русофильстве. большинство арестованных отправили в лагеря терезин и талергоф, часть казнили. Здесь также нередки были случаи «экзекуции населения», то есть массовых расправ над крестьянами. Следует отметить, что русинское население буковины было православным, поэтому обвинения в православной агитации тут звучали особенно часто. в то же время в предвоенный период межнациональные отношения в буковине не отличались той напряженностью, которая была характерна для галиции или Закарпатья. Здесь так же существовала конкуренция между русофильским и украинским движениями, однако население было вовлечено в этот процесс в значительно меньшей степени. тем более неожиданным для него стало столь негативное отношение австрийской и венгерской военной администрации. расправе подверглось и русинское население угорской руси. большинство было казнено без суда и следствия. Но и те, кто предстал перед судом, были обречены. Наиболее известным и в то же время показательным стал процесс в Новом Сонче, когда 26 августа перед судом предстали семь человек, обвиняемых в государственной измене. все подсудимые были активистами русофильского движения, некоторые из них еще до войны подвергались судебному преследованию по обвинению в государственной измене. Но если судебный процесс в львове весной 1914 г. проходил в соответствии с общепринятыми нормами правосудия, что и привело к вынесению оправдательного приговора, то теперь обвинявшиеся русины были лишены всяческих прав. они не имели возможности защищаться, суд заслушал лишь свидетелей со стороны обвинения, заявлявших о том, что подсудимые придерживались русофильской ориентации и вели агитацию «против украинства». Суд усмотрел в этом признаки государственной измены и на данном основании вынес обвиняемым смертный приговор.

Небывалую жестокость австрийские власти объясняли соображениями безопасности. один из руководителей австрийской контрразведки Макс ронге писал: «Мы столкнулись с враждебностью, которая не снилась даже пессимистам. пришлось прибегнуть к таким же мерам как в боснии – брать заложников»[666]. в подтверждение своих слов о крайней неблагонадежности русофилов ронге приводил брошюру «Современная галиция», составленную отделом военной цензуры при штабе Юго-Западного фронта российской армии. в этой брошюре, составленной в виде справочника по политическим группам и организациям галиции, перечислялись, помимо прочего, и лица, сочувствующие россии. однако стоит отметить, что брошюра попала в руки австрийской контрразведки только в 10-х числах октября, в то время как репрессии против населения начались сразу с началом войны.

Местные власти с трудом размещали огромное, к тому же постоянно возраставшее количество арестованных. опасаясь эпидемий, а также возможного

---

[665] там же. С. 73.

[666] *Ронге М.* разведка и контрразведка. Спб., 2004. С. 104.

возмущения, они поспешили организовать вывоз арестованных в глубь страны. такой поспешности способствовало, безусловно, и стремительное продвижение по территории галиции российской армии. арестованные ехали в чудовищных условиях. помимо скученности, духоты, отсутствия еды и воды, они вынуждены были переносить резко негативное отношение, а нередко и просто ненависть со стороны польского и венгерского населения. очевидцы вспоминали, как практически на каждой станции около вагонов с арестованными русофилами собиралась толпа, выкрикивающая оскорбления. конвоиры не только не препятствовали этому, но и принимали участие в оскорблениях, а нередко и избиении[667]. первым лагерем, куда были привезены арестованные, стал терезин, крепость в Северной Чехии. до начала мировой войны крепость использовалась, с одной стороны, в качестве казармы, а с другой – как место заключения военных и политических преступников. 3 сентября 1914 г., в день взятия русскими войсками львова, в терезин прибыли первые заключенные, которые находились здесь до весны следующего года. ваврик, активист русофильского движения, один из бывших заключенных, в своих воспоминаниях отмечает, что, несмотря на полную неприспособленность старой крепости к нахождению в ней нескольких сотен человек разных возрастов, условия содержания здесь были относительно мягкими[14]. Этому способствовало, не в последнюю очередь, и благожелательное отношение местного чешского населения. еще по пути к терезину, по воспоминаниям очевидцев, они встретили горячее сочувствие и поддержку со стороны как мирных жителей, так и чешских солдат, едущих на фронт. «На пути через Чехию не было станции, где бы нам не дали кое-чего, по крайней мере братского привета и доброго слова», – писал один из участников событий[668]. в самом терезине заключенные также ощущали доброжелательное отношение чешского населения, в том числе части администрации лагеря. именно благодаря снисходительности администрации, позволявшей местным жителям оказывать помощь заключенным, жизнь в терезине была относительно легкой. Несмотря на постоянные допросы, а также ужесточившийся после развития наступления русской армии в галиции режим, смертных случаев в лагере было немного.

Недалеко располагался также лагерь русских военнопленных, с которыми заключенным в терезине изредка удавалось контактировать. С особым чувством вспоминали заключенные о праздновании пасхи весной 1915 г., объединившем всех русофилов лагеря − как российских, так и австрийских подданных. Но недолго радовались заключенные терезина. уже через несколько дней основной контингент был отправлен в другой лагерь, талергоф, условия содержания в котором были намного хуже. талергоф находился в Штирии, в предгорьях альп. в первые месяцы своего существования лагерь представлял собой участок невозделанного поля в виде длинного прямоугольника. На первых порах эту площадь солдаты отделили деревянными кольями и колючей проволокой. первые заключенные, около 2 тыс. человек, прибыли сюда также в начале сентября 1914 г. к концу осени, согласно

[667] талергофский альманах… С. 322.

[14] *Ваврик В. Р.* указ. соч. С. 83.

[668] талергофский альманах… С. 324.

официальным австрийским документам, в талергофе в то время находилось 5700 русофилов. имеются сведения и о том, что осенью того же года в лагере было уже 8 тыс. человек. большинство их составляли русины, чехи, словенцы. в 1915 г. насчитывалось тут уже и свыше 500 поляков[669].

условия пребывания в талергофе были крайне тяжелыми. первые дни заключенные находились под открытым небом, позднее их стали размещать в ангарах (неподалеку находилась летная часть). в каждом помещалось несколько сотен человек. Скученность, а также несоблюдение каких-либо санитарных норм стали причиной постоянных эпидемий. практически во всех воспоминаниях бывших узников упоминается громадное количество вшей, трудности борьбы с ними. как писал ваврик, «смерть в талергофе редко была естественной. там ее прививали ядом заразных болезней. о каком-либо лечении не было и речи. к заключенным враждебно относились даже врачи»[670]. уже в конце октября в талергофе вспыхнула первая эпидемия тифа, продолжавшаяся до конца марта. Свирепствовали также грипп, дифтерия, холера, дизентерия. тифозные и другие инфекционные больные не изолировались, а умерших от этих болезней хоронили здесь же, на территории лагеря. еще одним источником постоянных страданий был голод. о крайне скудном рационе вспоминали практически все бывшие узники лагеря.

Смертность в таких условиях была чрезвычайно высокой. 14 июня 1917 г. депутат австрийского рейхсрата, чех Юрий Стршибрны отметил в своей речи, что имеет сведения от 70 заключенных, что в талергофе умерло 2 тыс. человек другой депутат, поляк Зыгмунт лясоцкий, пытался лично собрать сведения о талергофе на месте. в декабре 1914 г. он поехал туда, но не был допущен на территорию лагеря военной комендатурой. и впоследствии лясоцкий неоднократно пытался прояснить ситуацию с талергофом и терезином у официальных чиновников из австрийского министерства внутренних дел. по собранным им сведениям, через круги талергофского ада до весны 1917 г. прошло 7 тыс. человек, в основном русинов[18]. в своей речи 12 марта 1918 г. он заявил, что в талергофе до 20 февраля 1915 г. лежало 1360 тяжелобольных, из которых свыше 1100 умерло в страшных условиях. по утверждению ваврика, в течение полутора лет умерли 15% талергофцев, то есть свыше 3 тыс. галичан и буковинцев[19].

Моральный настрой в лагере был тяжелым. постоянные издевательства охраны, допросы военных следователей, тяжелый физический труд подрывали душевные силы узников. Многие из них с горечью вспоминали о том, что «мы подняли народ на значительный культурный уровень, а теперь, когда австрийское беснование завело нас, русскую интеллигенцию и наше, будто бы к лучшему преобразованное простонародье, сюда… с изумлением увидели, что многие из них с враждебностью к нам относятся и даже досаждают нам всячески». лишь «малая, лучшая часть прихожан осталась нам верною, хорошо понимая, что терпят вместе с нами за народ,

---

[669] *Пашаева Н. М.* очерки истории русского движения в галичине XIX–XX вв. М., 2007. С. 107; *Kurpierz T.* Zygmunt Lasocki (1867−1948): Między polityką a działalnością społeczną. Toruń, 2009. S. 200.
[670] *Ваврик В. Р.* указ. соч. С. 90.
[18] *Kurpierz T.* Op. cit. S. 198−201.
[19] *Ваврик В. Р.* указ. соч. С. 91.

за обряд, за народную русскую речь, за русскую историю, за правду, за идею»[671]. Многие узники упрекали священников, бывших активными участниками русофильского движения, в том, что именно они виноваты в злоключениях своих прихожан. таким настроениям способствовало и то, что находившиеся в лагере сторонники украинского направления были относительно быстро освобождены, благодаря активным действиям украинских политиков. уже упомянутый кость левицкий вел активную борьбу за освобождение из талергофа «сознательных украинцев», поскольку, согласно его заявлению на втором венском процессе, «те, кто принадлежат к этому направлению, со своей стороны не допустили никакой измены». его инициатива нашла поддержку у центральных властей, и зимой 1915 г. в грац прибыла комиссия, в составе которой находился, наряду с представителями наместничества и военных и полицейских властей, видный украинский политик Микола ганкевич. Задачей комиссии было выявление среди заключенных членов украинской партии, а также ее сторонников. по воспоминаниям одного из узников лагеря, священника генриха полянского, уже в начале зимы 1914 г. украинские агитаторы вели работу среди русинов, убеждая их признать себя украинцами[21]. Часть заключенных сделала это и через какое-то время была освобождена из лагеря, поскольку «эти личности попались только по ложному недоразумению или же ложным доносам»[22]. их нахождение в лагере было признано нецелесообразным, поскольку принадлежность к украинской партии являлась, по мнению властей, гарантией благонадежности. всего усилиями комиссии было освобождено из лагеря около 200 человек. постепенно заключенные добились постройки церкви, устроенной «как
костел, без царских врат», но все же ставшей центром духовной жизни лагеря. Налаживался и быт. родные находившихся в лагере узников получили

[671] талергофский альманах… С. 470.

проживания в галиции или без такового, а также на имеющих материальные средства и не имеющих таковых. Не все смогли вернуться к родным местам, но большинство бывших узников, особенно представителей интеллигенции и священников, уже 10 мая были дома.

Не все из них, однако, нашли своих родных. Многие галицийские русины покинули свои дома и ушли вместе с отступавшей российской армией. в первой половине мая 1915 г. германо-австрийским войскам удалось прорвать фронт под горлице, и российская армия была вынуждена оставить восточную галицию. Множество мирных жителей бежало при приближении германо-австрийских войск в россию, опасаясь мести со стороны властей. 22 июня воинские соединения центральных держав вступили в львов. только за последнюю неделю перед этим событием канцелярия российского генерал-губернатора выдала 10 926 пропусков. они выдавались на мужчин призывного возраста от 18 до 50 лет, а также в пропуске указывалось количество членов их семей. тысячи беженцев покидали свои родные места без пропусков. о стихийном и трагическом отступлении из галиции вспоминал антон иванович деникин в «очерках русской смуты»: «За войсками стихийно двигалась, сжигая свои дома и деревни, обезумевшая толпа народа, с женщинами, детьми, скотом, скарбом»[672]. после долгого, мучительного для многих пути основная масса беженцев (около 6 тыс. человек) осела в ростове-на-дону. во главе массы беженцев встал один из лидеров русской народной партии владимир Феофилович дудыкевич, незадолго до начала войны выехавший в россию. он приложил немало усилий к тому, чтобы для беженцев были созданы приемлемые условия существования. одним из его достижений стало создание гимназии для детей русских галичан, о которой многие ее выпускники сохранили теплые воспоминания[673]. однако жизнь беженцев все же была нелегкой. большинство жило во временных жилищах, отношение местного населения было неоднозначным, иногда прямо враждебным. после российской революции 1917 г., а затем и распада в 1918 г. габсбургской империи основная часть беженцев вернулась на родину. однако восстановить свое влияние в регионе в полной мере русофильское движение уже не смогло. помимо огромных человеческих потерь (цифры колеблются от 15 до 30 тыс. человек), оно лишилось практически всей материальной базы. были уничтожены все русофильские институции, газеты, общества. практически отсутствовала какая-либо политическая структура, да и в целом, по словам Н. М. пашаевой, «собственно русское движение в межвоенной галичине не имело политических союзников» [674] . ему было не по пути ни с коммунистами, ориентировавшимися на III интернационал, ни с русской эмиграцией. полонизаторская политика польского правительства, хотя и не отличалась особой жесткостью, тоже была неприемлема для галичан-русофилов, тем более чужд им был украинский национализм. деятельность немногих русофильских организаций в межвоенный период была направлена прежде всего на продолжение культурной и общественной деятельности. постепенно возродились русофильские организации – общество им. качковского, галицко-русская матица, общество русских дам. в 1924 г.

---

[672] *Деникин. А. И.* путь русского офицера. М., 2002. С. 132.
[673] *Пашаева Н. М.* очерки истории русского движения… С. 115.
[674] там же. С. 123.

был восстановлен русский православный приход в львове. однако в полной мере восстановить свои позиции русофилам не удалось, а осенью 1939 г., после вступления в галицию частей красной армии, русофильские организации были распущены. одним из важнейших направлений деятельности русофилов в межвоенной польше стало сохранение памяти о жертвах мировой войны. велась активная работа, чтобы память о талергофе, ставшем для переживших его символом мученичества за симпатии к россии, не угасла со временем. в 1928 г. в львове состоялся талергофский съезд, в котором приняло участие несколько тысяч человек. С 1924 г. издавался «талергофский альманах», содержавший сборники воспоминаний очевидцев, официальные документы, произведения фольклора. всего вышло четыре выпуска альманаха, и до сих пор это издание является наиболее полным источником по истории одной из трагических, но малоизвестных страниц первой мировой войны.

И. Б. Гирич

Андрей Жук – основатель Союза освобождения Украины: политическая и культурно-просветительская деятельность в годы Первой мировой войны

в истории украинской общественно-политической мысли и практики незаурядная личность андрея ильича жука (1880−1968) стоит особняком среди других известных фигур национального движения и революции 1917−1921 гг. его вклад в интеллектуальное развитие украины прошлого века недостаточно оценен. Место, занимаемое им в иерархии деятелей новейшего времени, не соответствует его значению в украинской истории[675]. еще в 1908−1909 гг. жук публично выступил за достижение полной политической независимости украины. однако не он, а его тогдашние соратники по украинской социал-демократической рабочей партии (уСдрп) Симон петлюра и владимир винниченко, стоявшие на федералистских позициях вплоть до октября–ноября 1917 г., ныне олицетворяют собой путь к независимости в историческом сознании украинского народа. С точки зрения практической деятельности − а эти люди возглавляли правительственные органы украинской народной республики (уНр) − такая оценка, наверное, оправданна. Но в формулирование идейно-политических основ украинского общества вклад жука весомее. он воспринимал общество как органичное целое, которое составляют все социальные прослойки, без антагонизма классового подхода. учитывая в практической деятельности реалии международного положения, андрей ильич системно подходил к решению насущных проблем, отбрасывал доктринальные схемы ортодоксальных марксистов. его мысли сегодня выглядят куда более дальновидными и глубокими, чем далекие от реалий постулаты ведущих украинских социал-демократов предреволюционной и революционной эпохи. ведь вплоть до конца 1917 г. они находились под идейным влиянием российских большевиков и ставили во главу угла решение социальных, а отнюдь не национальных проблем.

---

[675] Монографического исследования о жуке нет до сих пор. первая попытка комплексно представить его как политического деятеля, мыслителя, историка революционного движения и создателя архива украинского национального движения была предпринята в № 3 (24) альманаха «Молода нація» за 2002 г. там помещены следующие статьи: *Гирич І.* у тіні в. липинського: андрій жук як політичний мислитель й дослідник історії визвольного руху (С. 8−45); *Осташко Т.* а. жук в добі національних змагань (С. 46−57); *Патер І.* андрій жук і Союз визволення україни; *Гирич І.* «Федераліст» очима «самостійника» (до історії написання статті а. жука «М. грушевський і Сву») (С. 83−110); *Гирич І.* канадський архів а. жука (С. 168−176); *Ясь О.* андрій жук у світлі сучасної української історіографії (С. 250−258). в том же номере альманаха опубликованы некоторые материалы из архива жука: его воспоминания, отдельные письма, статьи и автобиографии.
о деятельности жука в Союзе освобождения украины см.: *Патер І.* Союз визволення україни: проблеми державності і соборності. львів, 2000. С. 51−52, 62−63, 306−308. о работе жука в лагерях военнопленных см.: *Срібняк І.* діяльність Союзу визволення україни серед полонених старшин-українців в таборах Німеччини й австро-угорщини (1915−1918 рр.). київ, 1996; *Он же.* полонені українці в австро-угорщині та Німеччині (1914−1920 рр.). київ, 1999. С. 36−38, 47, 50, 130, 152−153, 222−226. его публицистическая деятельность отражена в ст.: *Сніцарчук Л.* жук андрій // українська журналістика в іменах: Матеріали до енциклопедичного словника. львів, 1996. вип. 3. С. 130−131. перу автора этих строк принадлежат статьи о жуке в энциклопедических изданиях: Історія україни: енциклопедичний довідник / ред. І. підкова, р. Шуст, І. гирич. київ, 2008. С. 399−401; енциклопедія історії україни. т. 3. київ, 2005. С. 170−171.

С другой стороны, именно жук являлся ключевой фигурой в разработке национальных концепций развития украинского общества. однако и в этой сфере пальма первенства принадлежит не ему, а двум классическим теоретикам «самостийности» и одновременно антиподам в украинской политической мысли − консерватору вячеславу липинскому и революционному интегральному радикалу дмитрию донцову. андрей ильич занимал в этом вопросе свою нишу. даже деятельность жука в Союзе освобождения украины (Соу) оценивается в историографии наравне с другими членами Союза − владимиром дорошенко, александром Скоропис-Йолтуховским, Марьяном Меленевским. основными деятелями Соу часто называют его временных членов дмитрия донцова и Николая Зализняка, хотя идейным руководителем и вдохновителем организации являлся прежде всего андрей жук.

Свою политическую деятельность в габсбургской монархии он начал в 1907 г., переехав во львов после пребывания под арестом в киеве. конституционные законы австрийской империи и свобода политической деятельности для социалистов способствовали эволюции политических взглядов андрея ильича. в 1909 г. он выступил в львове на форуме газеты «праця» с идеей создания единого фронта украинских партий широкого политического спектра, которых должна объединять идея политической обособленности украины, выделения ее как самостоятельного государства из границ австро-венгрии и россии. жук и его сторонники, к которым относился и эсер Зализняк, стремились превратить уСдрп в локомотив политического движения за утверждение украинской государственности. подобную роль в польском освободительном движении сыграла ппС (польская социалистическая партия). как показал опыт украинской революции 1917−1921 гг., именно такой под-
ход мог бы привести к сохранению завоеваний революции и выживанию уНр. Этим путем шла польша, политические партии которой, несмотря на различия программ в сфере социальных приоритетов, создали совместный фронт для защиты польской суверенности. Но тогда, в 1909 г., жука и его сторонников не поддержали лидеры уСдрп, которые выступили за сохранение чистоты классовых рядов и за верность ортодоксальным марксистским постулатам о непримиримом антагонизме интересов буржуазии и пролетариата внутри одной нации. они уповали на то, что пролетарские партии австро-венгрии и российские социал-демократы поддержат в национальном вопросе своих украинских коллег. время опровергло их прогнозы. идея «самостийности» не сразу стала доминирующей в украинском нацио-
нальном движении. так, его лидер Михаил грушевский продолжительное время выступал за создание автономной украины в пределах федерализованной российской империи, по образцу и подобию империи габсбургов, с ее краевыми сеймами и центральным парламентом. жук одним из первых стал активно и всесторонне пропагандировать идею «самостийности». он полагал, что не следует вуалировать ее от широких кругов общественности федералистскими лозунгами, а наоборот, на идеях независимости необходимо воспитывать широкие массы интеллигенции и народа. в этом он нашел общий язык с лидером украинских римо-католиков липинским, с которым познакомился еще в начале 1900-х гг., когда тот

уже являлся убежденным приверженцем «самостийности». в 1911 г. они попытались создать прототип Соу, хотя, судя по воспоминаниям жука, инициатива создания такой организации принадлежала прежде всего ему[676]. целью этого надпартийного политического образования стала пропаганда идеи независимости украины в европе и среди украинцев по обоим берегам Збруча. Членами организации могли стать представители разных партий, которых объединяет идея независимости.

в марте 1911 г. в львове состоялось совещание, в котором, помимо жука и липинского, участвовали лидеры уСдрп левко Юркевич и владимир Степанкивский, а также редактор венского «Ukrainische Rundschau» в. кушнир. было решено создать политическую группу «Свободная украина». позднее к ней подключились Зализняк и дорошенко. решено было издавать журнал аналогичного названия. однако реальной деятельности группа так и не развернула. Юркевич не поддержал «буржуазной» идеи надпартийного союза. кушнир, Степанкивский и Зализняк заняли откровенно проавстрийскую позицию. ожидая поддержки независимости украины со стороны возможной победительницы в будущей войне – австро-венгрии, они создали альтернативную «младоукраинскую» группу. идею такой группы поддержал митрополит андрей Шептицкий, но с большой осторожностью к ней отнесся грушевский. жук и липинский же отстаивали принцип опоры на собственные силы. последний затем охладел к идее «Свободной украины», а жук создал в 1912 г. украинский информационный комитет, который, в меру возможного, знакомил мировую общественность с постулатом украинской независимости. уже в 1911−1912 гг. в воздухе ощущался запах будущего мирового конфликта. перед украинскими политиками встала задача выбора стратегии и тактики поведения в случае начала такой войны, которая открывала возможность реализации украинской независимости. при отсутствии поддержки идеи независимой украины со стороны ведущих стран европы, неготовности самого украинского общества накануне войны к осуществлению такой задачи единственной возможностью достижения этой мечты являлась ориентация на тот блок государств, который в случае победы будет заинтересован в создании независимой украины. украинские политические круги габсбургской монархии (прежде всего крупнейшая национал-демократическая партия) сделали ставку на победу австро-венгрии и германии. Эти государства были заинтересованы в ослаблении россии и создании между центральными державами и россией буферных государств, в том числе и украинского. российские же правящие круги, наоборот, надеялись на поддержку галицийских москвофилов, были заинтересованы в ослаблении украинского движения и подавлении его в приднепровской украине и − в случае оккупации − в галиции жесткими репрессивными мерами.

положение украинских политиков было хуже, чем у поляков или чехов. ведь в великобритании, Франции и США с украинской проблемой были знакомы в основном лишь отдельные ученые-слависты. Широкая же общественность и

[676] *Жук А.* як дійшло до заснування Союзу визволення україни (Спомини у 20-ліття „Союзу») // Молода нація. 2002. № 3. С. 135−150 (перепечатано из календаря „дніпро» на 1935 г. львів, 1934. С. 103−117).

политические круги об украинском вопросе знали очень мало. почти полностью отсутствовала украиноведческая литература на немецком, английском, итальянском, французском и других европейских языках. британия и Франция, в качестве союзников россии, рассматривали украинскую проблему через призму российской политики в национальном вопросе и стремились не допустить ослабления военных усилий своего союзника. поражение россии от австро-венгрии и германии вовсе не являлось главной
целью Соу. просто объективно оно ослабило бы главную сторону, не заинтересованную в достижении украиной независимости. Соу даже не связывал свою деятельность с обязательной оккупацией австрией правобережной украины. Меленевский писал в письме к митрополиту Шептицкому, что их организация, независимо от того, оккупируют центральные державы украину или нет, главной своей задачей видит проведение широкой пропагандистской и разъяснительной работы в зоне военных действий. основная цель этой деятельности − поставить австро-венгрию и германию перед свершившимся фактом украинской самостоятельности, который бы заставил эти государства считаться с ним и подтолкнул их к передаче власти в руки самих украинцев [677] . деятели Соу рассчитывали, что австро-венгрия не решится аннексировать восточную украину как часть органичной территории. они надеялись, что вена создаст квазигосударственное образование под своим протекторатом, которое со временем перерастет в полноценное государство со всеми необходимыми атрибутами. жук и другие политэмигранты из российской части украины придерживались идеи соборности и решение украинского вопроса рассматривали вне зависимости от государственной австрийско-российской границы. в начавшемся мировом конфликте было необходимо, чтобы украина стала не объектом, а субъектом войны, чтобы она на послевоенном форуме наций выступила отдельной единицей, имеющей свои далекоидущие интересы, не совпадающие с интересами ни россии, ни других империй и государств, в пределы которых входила украинская этническая территория. боевые действия фактически разрушили российско-австрийскую границу по Збручу, и уже в ходе войны состоялось первое объединение двух частей украины, входивших в состав двух враждовавших империй. в статье «Стирайте границу!», опубликованной позднее, в марте 1915 г., жук писал: «На мирных переговорах судьбу украинцев будет решать результат войны, а не их правовой статус до ее начала. Нет сейчас австрийской и российской украины, есть только одна украина, которая вся ждет освобождения из-под ярма… в мировой войне действующими лицами выступают не единицы или малые группы. ими являются государства… выступают нации. в этой всемирной борьбе… право на существование и развитие есть только у ее участников, для них светит надежда. отсутствующие будут оставлены без внимания и забыты. тот, кто хочет выиграть, должен прежде всего сказать: “я существую!” – и доказать это. украина это должна сказать, и не только сказать, но и доказать внешнему миру своим общим выступлением… пускай же восстанет она как Феникс из пепла, единая и неделимая!

[677] центральний державний історичний архів україни у львові. Ф. 358. оп. 2. Спр. 60. арк. 5.

пускай же в переломном… 1915 г. встанет единое, соборное, верховное представительство народа и провозгласит, что украина живет и хочет жить» [678].

жук солидаризировался со своими западноукраинскими товарищами. поскольку только центральные державы имели прагматический интерес в украинской независимости, ставку в решении украинского вопроса приходилось делать на них. тактическим австрофилом стал и жук, который уже 2 сентября 1914 г. проинформировал председателя главной украинской рады (гур, позднее всеобщая украинская рада − вур), ведущего западноукраинского политика костя левицкого, о создании Соу. гур объединила все украинские партии галиции, депутатов краевого сейма и австрийского парламента. жук заявил левицкому, что по его замыслу Соу должен представлять не находящихся под диктатом российского императора украинцев приднепровья, которые публично провозглашают курс на создание там независимого украинского государства. в учредительном собрании Соу 4 августа 1914 г., созванном по инициативе

жука, приняли участие также дорошенко, донцов, Назариив. вскоре к ним присоединились Зализняк, Меленевский и Скоропис-Йолтуховский. всех их, кроме вскоре вышедшего из организации по личным мотивам Назариива, принято считать членами-основателями Соу. в связи с оккупацией галиции российскими войсками Соу перебрался из львова в вену. Здесь к нему присоединились другие эмигранты из приднепровья: М. троцкий, в. козловский, е. любарскийписьменный, о. Семенив, п. бензя, М. гаврилко, е. бачинский, М. Матиевский, п. дятлив, и. бочковский, М. рижий [679]. в работе Сву активно участвовала западноукраинская интеллигенция: писатели, историки, общественные деятели. Среди них были такие известные деятели украинской культуры, как будущий министр иностранных дел Западно-украинской Народной республики (ЗуНр), публицист, главный редактор газеты «діло» л. цегельский; министр объединенного министерства иностранных уНр и ЗуНр в. темницкий; профессора истории львовского, Черновицкого, краковского и варшавского университетов, ученики грушевского С. томашивский, М. кордуба, и. кревецкий и и. крипякевич (позднее академик аН уССр); профессора Черновицкого университета этнограф З. кузеля, литературоведы и филологи С. Смаль-Стоцкий (позднее первый академик вуаН) и в. Симович; выдающийся этнограф в. гнатюк (чл.-корр. петербургской академии наук и академик вуаН); основоположник национальной географической науки С. рудницкий (позднее академик вуаН), видный социолог в. Старосольский; известные писатели и поэты б. лепкий, п. карманский, а. Чайковский, в. пачовский; публицисты, литераторы и политики в. панейко и я. весоловский (оба были главными редакторами львовского «діла»), М. лозинский, в. будзиновский, л. ганкевич, о. Назарук, о. грицай и др. активное участие этих людей в деятельности Соу не было случайным. по терминологии украинской общественно-политической мысли того времени, великой украиной называлась российская украина. для нее же восточная галиция (Западная украина) являлась своеобразным инкубатором, в котором в конституционных условиях австрии вырастала общая для двух частей разделенной украины литература и в целом

[678] [*Жук А.*] ломіть кордон // вісник Сву. відень. Ч. 13. 14.03.1915. С. 7.

[679] *Жук А.* персональний склад Союза визволення україни і внутрішня організація // *Жук А.* Із спогадів / Молода нація. 2002. № 3. С. 215−216.

национальная культура. Этот факт отразился в так называемой теории «галицийского пьемонта». всего же в деятельности Соу принимали участие более 250 человек.

председателем Союза был избран донцов, позднее Зализняк и СкорописЙолтуховский. однако реально Союзом управлял президиум из четырех человек. дольше всего членами президиума были жук, дорошенко, Меленевский и Скоропис-Йолтуховский. Но настоящим идейным руководителем и мотором организации был фактический секретарь Соу – андрей жук, на него было возложено общее руководство президиумом. жук требовал от каждого члена Союза строгого подчинения личной деятельности интересам и задачам организации в целом. попытки отдельных членов руководства Соу вести собственную политику без соглашения с президиумом резко пресекалось, и провинившееся покидали организацию. так, именно жук настоял на отставке с поста председателя Союза донцова и Зализняка. последний, связавшись с представителями австро-венгерской разведки, убеждал военные круги габсбургской монархии в реальности поднятия антироссийского восстания кубанским казачеством.

печатным органом Соу стал «вісник Сву». в его первом номере национально-политической платформой Союза провозглашалась государственная независимость украины, а реализация этих стремлений связывалась с поражением россии в войне[680]. «вісник Сву» в 1914 и в начале 1915 г. выходил дважды в месяц, а затем стал еженедельником. официальными редакторами являлись бачинский и троцкий, но фактически редакционную работу вели дорошенко и жук[681]. С октября 1914 до ноября 1918 г. вышло 226 номеров «вісника» тиражом 5 тыс. экземпляров. каждый номер имел 16 страниц, достаточно хорошо иллюстрировался фотографиями и готовился на высоком редакторском уровне. в годы войны он стал одним из лучших украинских периодических изданий. там печатались статьи общеполитической тематики, историко-публицистические исследования, рассказы из фронтовой жизни, хроника боевых действий, а также некрологи на всех известных деятелей украинской общественной жизни, умерших в годы войны. отдельное место занимала лента культурных и общественных новостей украинской жизни, а также библиография изданий Соу. отдельные номера посвящались тарасу Шевченко, ивану Франко, Михаилу грушевскому, украинским сечевым стрельцам. перу жука принадлежит несколько десятков подписанных статей (первая из них появилась только в октябре 1915 г.), однако бóльшая часть материалов выходила без авторских подписей, и только по литературному стилю можно догадаться, что их авторство принадлежит андрею ильичу.

Соу имел и периодические издания на других европейских языках. так, в вене выходили на немецком языке «Ukrainische Nachrichten». С сентября 1914 по январь 1917 г. было напечатано 100 номеров общим тиражом около 3 тыс. экземпляров. Соу

---

[680] вісник Сву. Ч. 1. 5.10.1914. С.1

[681] С. Нарижный в своей книге об украинской эмиграции, к изданию которой имел отношение и жук, называет фактическими руководителями редакции «вісника Сву» в 1914−1917 гг. в. дорошенко и М. возняка (позднее известного историка литературы, профессора львовского университета, академика вуаН), а в 1918 г. а. жука. См.: *Наріжний С.* українська еміграція: культурна праця української еміграції між двома світовими війнами. Ч. І. львів; кент; острог, 2008. С. 14.

проводил активную пропагандистскую деятельность и в странах антанты (кроме россии), а также в нейтральных государствах. в швейцарской лозанне выходил франкоязычный ежемесячник «La Revue Ukrainienne» (появилось 9 номеров). редактировали это издание сначала а. Зелиб, затем е. бачинский, а жук был членом редакции.

5 августа 1914 г. андрей ильич выступил на заседании гур. он подчеркнул, что Соу признает главенство гур не только в западноукраинской политике, но и полагает, что в определенной степени она также отражает и основные политические цели украинцев россии. в гур Союз имел представительство из двух делегатов с совещательным голосом[682]. как правило, это были председатели Соу и жук, который участвовал в большинстве заседаний гур, разъясняя позицию восточноукраинской эмиграции и ее отношение к ключевым моментам общеукраинской политики[683].

в программной статье-передовице «Союз освобождения украины» в его печатном органе жук указывал цели и задачи Соу. он отмечал, что мысль об основании подобной организации возникла у «видного репрезентанта украинской политической мысли» (намек на липинского) еще в 1912 г. (на самом деле как минимум на год раньше), а основали Союз политэмигранты, в среде которых еще 15 лет назад вызрела идея независимой украины[684]. отвечая за внешнюю политику организации, жук прилагал максимум усилий, чтобы Соу не воспринимался креатурой разведок центральных держав. он неоднократно подчеркивал в прессе, что позиция Соу продиктована не «предательскими» мотивами, которые вменялись Союзу русской прессой на всем протяжении его существования, а идейными стремлениями, опирающимися на реалии международной политики. в этом смысле украинцы не являются первопроходцами, а используют большой исторический опыт других народов, которые в свое время таким же способом добились независимости. политические эмигранты-украинцы опираются на собственные силы и используют материальные ресурсы заинтересованной стороны, однако проводят не чуждую, а свою национальную политику в интересах всего украинского народа. так, в статье «Собственными силами» предположительно жук писал: «Современную борьбу… украинского народа на широком просторе украины можно сравнить с освободительной борьбой итальянцев эпохи гарибальди или болгар эпохи их освобождения. поэтому тем, кто упрекает теперь украинский народ и его руководящие организации в том, что они ищут помощи для своего освободительно-национального дела у правительств австрии и германии, можно напомнить, что и благородные революционеры-демократы освободительно-объединительного периода италии искали помощь у реакционного монарха Франции Наполеона III, а болгарские борцы за свободу и демократию призывали на помощь даже русского царя-деспота. Значит, дело не в том, какая сила падает в данную историческую минуту на мельницу свободы. иногда объективные исторические обстоятельства и

---

[682] *Патер І.* андрій жук і Сву... С. 58–60.

[683] в канадском архиве жука сохранились протоколы заседаний гур и вур за первую половину войны. большинство из них составляют рукописи, написанные самим жуком, частично есть и машинописные копии. National Archive of Canada (далее – NAC). A. Zhuk Collection. MG30, C167. Vol. 9. F. 1–35.

[684] *Жук А.* Союз визволення україни / вісник Сву. Ч. 37–38. 10.10.1915. С. 1–3.

политический интерес заставляют политически и общественно другие силы выступать на стороне тех групп и лозунгов соседних народов, против которых они борются в пределах собственных государств. Но от этого ни данные лозунги, ни цели у порабощенных народов… не меняются и не покрываются туманом. дело их остается чистым, каким бы грязным именем ни старались нагло и по-фарисейски клеймить его враждебные силы»[685]. подавляющее большинство украинских деятелей российской империи вы-

ступило в поддержку русского оружия в войне против центральных держав. так, на приглашение осипа Назарука петлюре сотрудничать с Соу будущий диктатор директории уНр и непримиримый борец за независимость в годы украинской революции ответил отказом. он высказал удивление позицией Соу и выразил уверенность, что в этой войне победит антанта, а значит, и россия. от этой победы петлюра ожидал облегчения судьбы украинцев и благоприятных перспектив для украинского национального движения[686]. особенно большие надежды жук и другие деятели Соу возлагали на львовского университетского профессора, лидера украинского движения грушевского. Соу организовал вывоз профессора с семьей с дачи в карпатах, где застала его война и где он оказался в районе боевых действий, в вену. руководители Соу желали, чтобы по примеру т. Масарика именно историк, только не в странах антанты, а в центральных державах, возглавил движение за обретение независимости украины. однако грушевский отказался от предложения возглавить Соу, хотя и заинтересовался некоторыми культурно-просветительными проектами, и прежде всего изданием своих произведений на европейских языках. жук имел две встречи с грушевским и вынес из этих разговоров впечатление, что тот не является принципиальным противником идеи Соу. Но реальное положение вещей и постоянные обвинения российских политиков и прессы в антирусской деятельности подталкивали грушевского к тому, чтобы с началом войны вернуться в россию. позднее, когда жук писал статью об отношении грушевского к Соу, он письменно запросил известного историка д. дорошенко о нюансах информирования грушевским совета товарищества украинских «поступовцев» (прогрессистов) по поводу своих встреч с деятелями Соу в вене. действительно ли Михаил Сергеевич однозначно негативно отозвался о Союзе как о факторе, компрометирующем украинское движение в глазах российского правительства и общественности? [687] дело в том, что опасаясь обвинений в предательстве и усиления преследований украинского движения и культуры, лидеры «поступовцев» просили Соу не выступать от имени всего украинского народа.

а. жук и в. дорошенко большое внимание уделяли популяризации в европе научно-популярных произведений грушевского. За 1914–1918 гг. отдельными

---

[685] власними силами // вісник Сву. Ч. 15–16. 24.04.1915. С. 1–2. Здесь и далее перевод с украинского автора статьи.

[686] лист [С. петлюри] до д-ра о. Назарука [18.XII.1914] // *Петлюра С.* Статті, листи, матеріали. Нью-Йорк, 1956. С. 188–190. оригинал письма находится в канадском архиве жука, его передал для опубликования вуаН в Нью-Йорке сам андрей ильич.

[687] См.: *Жук А.* проф. М. грушевський і Союз визволення україни в роках першої світової війни // Молода нація. 2002. № 3 (24). С. 111–134. об истории написания этой статьи и взаимоотношениях жука и грушевского см.: *Гирич І.* «Федералист» очима «самостийника» (до історії написання статті а. жука «М. грушевський та Сву») // там же. С. 83–110.

книжками и статьями в «віснике Сву» и в его продолжении «віснике політики, літератури і життя» вышло 26 научных трудов грушевского. бóльшая часть публикаций − научно-популярные брошюры по истории украины, переведенные на английский, немецкий, французский, итальянский, болгарский и турецкий языки. в одной из брошюр, изданной на турецком языке – «украина, россия и турция», под одной обложкой были изданы статистическая работа жука «российская украина в цифрах»[688] и научно-популярный очерк грушевского «краткий обзор украинской истории». 60-летию выдающегося историка был посвящен отдельный номер «вісника Сву»[15]. в статье о взаимоотношениях Союза и грушевского в качестве председателя

центральной рады жук с горечью писал: «На всех политических шагах центральной рады лежала печать принудительных обстоятельств, а не осознания наперед ясно определенных целей»[689]. С этим утверждением трудно не согласиться. опасение какой-нибудь неожиданной «интриги» постоянно довлело над грушевским, и такие мотивы встречаются в целом ряде его публицистических работ времен украинской революции. в то же время грушевский в последнем издании «иллюстрированной истории украины» отмечал позитивные моменты деятельности Соу: четко поставленное перед австрийским правительством требование организации из украинских уездов Холмщины отдельной украинской губернии, дабы избежать ее слияния с польшей, а также выделения галиции и буковины в отдельную автономную провинцию. похвально относился грушевский к работе Соу с военнопленными, в частности к культурно-просветительской деятельности по формированию среди пленных украинского национального самосознания[690]. были среди российских украинцев и такие политики, которые явно симпатизировали Соу. к ним относились прежде всего некоторые лидеры уСдрп, в частности евген голицинский и дмитрий антонович, проживавшие во время войны в киеве. в апреле 1915 г. там состоялось совещание сторонников Соу в российской украине с нелегально приехавшим представителем Союза. в следующем месяце голицинский приехал в вену и там провел совещание с президиумом Соу. Это дало жуку формальное основание говорить, что в киеве создан цк Соу, а венский Соу считает себя Заграничным комитетом Соу[691]. в середине мая в пловдиве и Стамбуле с участием голицинского, жука и Меленевского состоялось еще одно совещание по координации действий эмигрантов и российских украинцев. однако серьезных реальных действий в приднепровье члены Союза не дождались, ибо своих обещаний голицинский не выполнил. первая оккупация Западной украины русскими войсками привела к повсе-

местному закрытию всех украинских культурных учреждений и запрещению украинских школ и языка как средства официального общения, греко-католической церкви, депортации во внутренние районы россии самых видных представителей

---

[688] Это был перевод отдельного оттиска статьи жука, напечатанной в третьем номере журнала «Ukrainische Nachrichten» под названием «Die Russische Ukraina». она же вышла и в риме на итальянском языке: *Zuk A.* L'Ucraina Russa. (вісник Сву. Ч. 9. 10.II.1915. С. 23.) [15] вісник Сву. Ч. 128. 3.12.1916.

[689] *Жук А.* проф. М. грушевський і Союз визволення україни… С. 133.

[690] *Грушевський М.* Ілюстрована історія україни. відень, 1921. С. 542, 562−563.

[691] *Жук А.* Союз визволення україни... С. 3.

украинского общества, в том числе митрополита Шептицкого. Эти факты дали в руки Соу дополнительные аргументы в пользу того, что на милость царского правительства украинцам надеяться не следует. однако затяжка войны убеждала российское правительство в необходимости поиска компромисса в украинском вопросе. после брусиловского прорыва и нового овладения частью галицийской территории российское правительство старалось заигрывать с западными украинцами, обещая облегчение в вопросах национальной политики.

На эти обещания жук отреагировал статьей «Не заманите и не запугаете!»[692].

андрей ильич полагал, что для украины как единого целого от этих запоздалых одолжений ничего, по сути, не меняется и курс Соу и всей украинской политики должен оставаться прежним. рассматривая отношение россии и германии к украинскому вопросу, он склонялся к тому, что ориентация на берлин для украинцев предпочтительнее. «Немцы, − писал жук, − ведут войну… во имя своих интересов. они не брали на себя никаких «освободительных» задач, как это сделала россия… и когда им посчастливится не только себя защитить, но и разбить своего врага, − они окажут не только украинцам, но и всем народам россии большую услугу. тогда станет возможной борьба народов россии за свое освобождение, за обновление своей жизни… Хотят немцы или не хотят, но они должны будут в своих собственных интересах поставить украинский народ, который окажется вне пределов уменьшенной россии, в условия самостоятельного, государственно-правового существования. Немцы не могут нас подарить полякам, а сами они непосредственно с украинцами не соседствуют, для того чтобы прибрать их себе». подвижки в отношении к украинскому вопросу затронули и российских либералов. так, лидер кадетов павел Николаевич Милюков в интервью лозаннской газете «україна» заявил, что его партия будет выступать за разрешение украинского языка на Западной украине. однако взамен он надеялся, что среди украинцев найдется группа людей, которая за пределами россии будет выступать за ее победу в мировой войне. в ответ появилась статья жука «по поводу «заявления» Милюкова». в ней он отмечал, что в странах Четверного союза украинцы и так уже пользуются свободой на украинское слово. такая свобода более актуальна для российской части украины. и вообще свобода печати − очень незначительная и запоздалая уступка, учитывая, что перед войной украинцы выдвигали требование территориально-административной автономии, а во время войны уже поставлена задача достижения полной независимости украины[693].

в своей внешнеполитической деятельности Соу не ограничивался только государствами Четверного союза. он также старался максимально использовать для пропаганды украинской независимости страны антанты и нейтральные государства, в том числе США, остававшиеся таковым вплоть до апреля 1917 г. в октябре 1915 г. а. жук и в. дорошенко напечатали приветствие в адрес первого украинского политического представительства в америке. там же они просили организовать сбор материальной помощи и обеспечить поддержку украинцами США идеи

[692] *Жук А.* Не заманите й не залякаєте! // вісник Сву. Ч. 58 (118). 1.10.1916. С. 633−634 (в «віснике» со второго года издания употреблялась сплошная пагинация).

[693] *Жук А.* З приводу «заяви» Мілюкова // вісник Сву. Ч. 61 (121). 22.10.1916.С. 1−2.

независимости. в обращении авторы поясняли, почему они отказались от республиканской формы правления. по их мнению, в текущий момент, к сожалению, при организации украинского национального государства осуществима только монархическая форма правления[694].

Не все благополучно складывалось у жука и Соу в отношениях с гур (вур). Не все члены последней признавали Соу в качестве представительства украинцев приднепровья, некоторые противились деятельности Союза на территории, оккупированной австро-венгерской армией. Но самое главное – гур зачастую не поспевала за ходом событий, действовала в замедленном темпе. поляки опередили украинцев в оформлении своей национальной государственности, получив совместный манифест двух кайзеров 5 ноября 1916 г.[695][696] жук отреагировал на это важное событие статьей, в которой выступал против того, чтобы польша претендовала на украинские этнические территории в галиции. «украинский народ… не хочет быть навозом для других культур и господствующих над ним народов, а хочет стать самостоятельным хозяином своей земли»[697]. отсутствие консолидированной позиции в гур (вур) давало о себе знать
при общении украинских политиков с представителями австро-венгрии, германии и польши. жук выступал за созыв всеукраинского национального съезда для укрепления и легитимации гур как всеукраинского представительства. он призывал к централизации идейного руководства и децентрализации практической деятельности[698].

Некоторые изменения в тактике и стратегии Соу вызвала Февральская революция в россии. президиум Союза принял в начале мая 1917 г. резолюцию за подписями дорошенко, жука, Меленевского и Скоропис-Йолтуховского. Скорее всего, текст этой резолюции составил жук, и она отразила его взгляды на внешнюю политику последнего периода мировой войны. резолюция содержала восемь пунктов. в отношении к войне теперь провозглашался нейтралитет, с повестки дня снималась поддержка центральных держав. Соу выражал надежду, что временное правительство, в отличие от царизма, поддержит украинское движение. Соу признал центральную раду (уцр) в киеве как представительство российской украины и обязался согласовывать с ней свои действия. Соу ограничивал свою деятельность политической сферой – представительством интересов украинцев россии на мировой арене, а также защитой прав украинского населения на территориях, занятых войсками центральных держав. в качестве одной из задач Соу провозгласил недопущение на территорию волыни и Холмщины польской администрации возрождающейся речи посполитой. Союз намеревался и далее работать с военнопленными украинцами в австро-венгрии и германии, добиваясь улучшения условий их жизни и организуя культурнопросветительскую работу, направленную на повышение национального самосознания. и, наконец, Соу собирался продолжить

---

[694] *Дорошенко В., Жук А.* привітання першому українському соймові в америці // вісник Сву. Ч. 67–68. Х. 1915. С. 61.

[695] а. жук виступал (Надзвичайне засідання Загальної української ради) // вісник Сву. Ч. 64 (124).

[696] .XI.1916. С. 730.

[697] *Жук А.* тільки своя рація стану // вісник Сву. Ч. 60 (120). 15.10.1916. С. 1–2.

[698] *Жук А.* в ціли сконсолідування національних сил // вісник Сву. Ч. 1 (131). 1.01.1917. С. 3–4.

представлять интересы приднепровских украинцев среди их соплеменников в габсбургской монархии[699].

легализация украинского движения в приднепровье и создание уцр означали реализацию первоначальных задач Соу. поэтому жук уже в конце марта – в апреле 1917 г. начал подготовку по сворачиванию деятельности Союза. однако он понимал, что говорить об окончании борьбы за независимость еще слишком рано, а вновь возникшие проблемы не менее сложны. в письме к своему побратиму на протяжении более чем шестидесяти лет в. дорошенко от 7 апреля 1917 г. андрей ильич писал: «Наша борьба фактически с данного момента только начинается. а она будет тяжелой не столько в связи с воинствующим московским национализмом, сколько из-за большого количества его украинских адептов. ведь вся интеллигенция, капитал, земля, церковь – все, с чем связана власть и сила на украине, встанет против нас. только позднее, когда мы завоюем школу, десятки лет работы в народе могут поставить нас на ноги, но теперь… теперь я боюсь нашего полного бессилия и… компрометации… одно мне ясно, что свою политическую миссию мы должны ликвидировать, и не только потому, что украинцы на месте получили возможность говорить и творить, но также и потому, что здесь (то есть в австро-венгрии. − *И. Г.*) наша политика обанкротилась»[700]. жук и все члены Соу оказали максимально возможную поддержку делегации уНр на мирных переговорах в брест-литовске. они разъясняли в прессе позицию рады, с одной стороны, и делегации Советской россии и зависимого от нее харьковского большевистского правительства – с другой, пытаясь доказать, что именно уцр представляет интересы украинского народа. жук непосредственно вел неофициальные переговоры с членами делегации уНр и с германским военным командованием по поводу скорейшей отправки в украину сформированных дивизий.

30 июня 1918 г. жук подписал официальное заявление о самороспуске Соу. в нем говорилось, что Союз считает свою миссию выполненной, появились новые организации, которые продолжают его дело, а потому Союз вступает в период самоликвидации[701].

основными направлениями культурно-просветительской деятельности жука являлись, во-первых, поднятие уровня национального сознания среди военнопленных украинцев для создания из них первых национальных вооруженных формирований, а во-вторых, деятельность в сфере начального и среднего образования, открытие украинских школ на волыни, Холмщине и в подляшье. рассмотрим эти аспекты его деятельности подробнее. уже с первых месяцев войны жук и его соратники вынашивали план со-

здания отдельных лагерей для военнопленных украинцев в австро-венгрии и германии и проведения в них широкой культурно-массовой работы. было организовано четыре таких лагеря: один в австрии − во Фрайштадте и три в германии

---

[699] *Дорошенко В., Жук А., Меленевський М., Скоропис-Йолтуховський О.* ухвали президії Союза визволення україни // вісник Сву. Ч. 19 (149). 6.05.1917. С. 1−2.

[700] NAC. A. Zhuk Collection (MG 30 C 167). Vol. 21. F. 10−12.

[701] *Жук А.* розв'язання Союза визволення україни // вісник політики, літератури й життя. 1918. № 26 (209). С. 393.

– в вецларе, Зальцведеле и раштатте[702]. отдельные офицерские лагеря были созданы в гмюндене (Миндене) недалеко от ганновера и в терезине на севере Чехии. в них находилось около 200 тыс. пленных. в каждом лагере имелся свой печатный орган – украиноязычный еженедельник, выходивший на хорошей полиграфической базе, с черно-белыми фотографиями: во Фрайштадте – «розвага», в Зальцведеле – «рідне слово», в вецларе – «громадська думка», в раштатте – «розсвіт»[703]. жук лично «опекал» лагеря, часто их посещал, делал доклады о лагерной жизни на заседаниях вур. в лагерях он старался внедрять самоуправление с проведением практических занятий по домашним промыслам, чтобы пленные могли сами себе зарабатывать деньги[704]. жук очень чтил первое украинское воинское формирование в составе армии австро-венгрии – украинских сечевых стрельцов (уСС)[705]. печатный орган Соу с первых месяцев войны помещал материалы об их участии в боевых действиях на восточном фронте, отдельные биографии рядовых и офицеров, много фотографий уСС на позициях и в тылу, списки погибших и раненых. во главе этого формирования стояла боевая управа, переименованная позднее в центральную управу уСС. 30 июля 1917 г. членом этой управы был избран и андрей жук в качестве референта по издательской деятельности[706]. показательно, что до 1917 г. членами центральной управы являлись только украинцы из восточной галиции.

Соу осуществлял значительную книгоиздательскую деятельность. он имел даже свой книжный магазин в лозанне (Швейцария). при непосредственном участии жука Союз издавал солидные научно-популярные исследования, публицистические эссе, иллюстрированные альбомы, календари. основной акцент делался на пропагандистские брошюры объемом от 30 до 50 страниц, однако были и книжки объемом в сто и более страниц. Среди таких изданий назовем вышедшую на немецком языке книгу львовского профессора-географа С. рудницкого «украина и украинцы», брошюру л. цегельского «Не освободительница, а угнетательница народов» на болгарском языке, «краткий обзор украинской истории» М. грушевского (на нескольких европейских языках).

в. дорошенко и а. жук определяли содержание отдельных изданий информационно-пропагандистского характера. они старались печатать небольшие брошюры на различные исторические и общественно-политические темы, которые во всем своем единстве представляли бы своеобразный компендиум знаний о прошлом украины и ее борьбе за национальное освобождение, о соборности украинских земель и воинской доблести национальных вооруженных сил. жук ставил перед собой сложную для исполнения задачу «перезарядки» исторической памяти украинца, воспитанного всей атмосферой жизни в российской империи на

---

[702] подробнее о деятельности Соу в лагере раштатт см.: *Терлецький О.* Історія української громади в раштаті. ляйпціг, 1919.

[703] *Наріжний С.* указ. соч. С. 14–15; *Патер І.* андрій жук і Сву... С. 76–77. обо всех лагерных украинских изданиях см. подробно: *Сидоренко О.* українська таборова преса часів першої світової війни: анотований бібліографічний покажчик. київ, 1995. о печатных изданиях прокламационного характера см.: *Гермайзе О.* Матеріали до історії українського руху за світової війни // український археографічний збірник. т. 1. київ, 1926. С. 271–354.

[704] вісник Сву. Ч. 117. 24.IX.1916. С. 630 [Заседание вур по вопросу населения, эвакуированного из галиции и буковины].

[705] о деятельности уСС см. подробно в статьях М. климецкого и в. дорника во втором томе данной книги.

[706] в справі українського легіону уСС // вісник Сву. Ч. 32 (162). С. 508.

категориях общности «единого русского народа». перечислим только некоторые названия научно-популярных книжек, изданных Соу по этой проблематике. Среди них произведения о. Назарука «по следам украинских сечевых стрельцов», М. лозинского «галиция в жизни украинцев», л. цегельского «русь-украина и Московщина-россия», в. гнатюка «Национальное возрождение австро-венгерских украинцев (1772−1880)», С. томашивского «церковный аспект украинского вопроса», а. Скоропис-Йолтуховского «Значение самостоятельной украины для европейского равновесия», и. Шишманова «роль украины в болгарском возрождении», б. Заклинского «Что нужно знать каждому украинцу?». в лагере Фрайштадт на 1916−1917 гг. вышел 340-страничный календарь «розвага» тиражом 2400 экземпляров. отдельными изданиями печатались объявления, листовки, театральные афиши. в начале лета 1917 г. из этого лагеря было разослано 600 пакетов книжек для рабочих команд украинских военнопленных в количестве 25 тыс. штук. причем рассылались не только издания Соу, но и книжки, полученные от референтов по культуре вур. Среди них были «кобзарь» т. г. Шевченко, «история украины» М. аркаса, „иллюстрированная история» М. грушевского, тома «русской письменности» из серии «украинская литература». Финансировали издание Соу и лагерный кооператив «власна поміч». для газеты «розвага» материалы писали около 80 человек (по социальному составу половина из них была крестьянами и сельскими учителями). За 1915−1917 гг. вышло 126 номеров газеты [707]. каждый лагерь представлял собой целый город, в котором бурлила общественная и культурная жизнь. там действовали православные церкви, украинские школы, курсы иностранных языков, любительский театр, оркестры, библиотеки, культурно-образовательные, спортивно-физкультурные и политические организации, кооперативы и др. так, 1 августа 1916 г. во Фрайштадте было основано общество «просвіта» («просвещение») им. М. драгоманова. при нем действовал институт народного веча, члены которого готовили рефераты, доклады, устраивали дискуссии на исторические, социально-экономические и международно-политические темы[708]. референтом от Соу во Фрайштадтском лагере работал и андрей ильич. Через прапорщика к. курило он помог создать в офицерском лагере терезин украинскую библиотеку, где распространялся «вестник» Союза. в результате количество членов украинского кружка в этом лагере увеличилось с 12 до 50 человек[709].

жук принимал непосредственное участие в формировании дивизии «синежупанников», которая, наряду с «серожупанной» дивизией, стала одним из элитных формирований армии уНр. 2 марта 1918 г. жук и козловский выступили на собрании в лагере гмюнден перед сформированным полком им. ивана богуна и куренем им. гетмана ивана выговского накануне их отправки в украину. 20−23 мая того же года жук и козловский отправляли эшелоны из лагеря Зальцведель на родину[710]. жук гордился «синежупанниками» и сожалел, что сразу после гетманского переворота павла Скоропадского это воинское соединение было расформировано. очень символично, что именно в день гетманского переворота жук оказался в киеве,

[707] вісник Сву. Ч. 155. 17.06.1917. С. 399.
[708] *Срібняк І.* полонені українці в австро-угорщині та Німеччині (1914−1920 рр.). київ, 1999. С. 50.
[709] там же. С. 130.
[710] там же. С. 152−153.

находился в здании центральной рады, стал свидетелем ареста и вывода членов уцр из здания, а затем и свидетелем разоружения «синежупанной» дивизии, на организацию которой им было положено столько сил и энергии. в июле–августе 1918 г. андрей ильич прилагал максимум усилий для того, чтобы уберечь от роспуска, по примеру «синих жупанов», «серожупанной» дивизии, которая дислоцировалась во владимире-волынском[711]. позднее она участвовала в военных действиях, защищая независимость украины. Формирование этих двух дивизий жук считал одним из самых больших достижений Соу. Фактически они были единственными регулярными формированиями уНр после провозглашения IV универсала и прихода германских войск в украину по подписании брестского мира.

интересна состоявшаяся *post factum* печатная полемика жука с главой уНр грушевским. последний полагал, что в формировании украинских дивизий были заинтересованы прежде всего центральные державы и что именно они занимались формированием этих дивизий. Этой трактовкой грушевский, таким образом, опосредованно признавал существование некой «интриги». его точку зрения разделяло, наверное, большинство украинских политиков, которые находились в сфере русского влияния, что свидетельствует о силе инерции негосударственного развития украины.

жук сделал очень важное уточнение в этом вопросе: «Специально умалчивается (грушевским. − *И. Г.*), что дело государственной самостоятельности украины выдвинула великоукраинская политическая эмиграция, организованная в Соу, в контакте с политической репрезентацией австрийских украинцев; что именно Соу, добившись, не без больших трудностей и помех, разрешения у правительств германии и австро-венгрии на ведение культурно-просветительской работы среди пленных, развил эту работу в широком масштабе, воспитал при участии выдающихся украинских культурных и политических деятелей галиции и буковины десятки тысяч сознательных украинских граждан… из которых, собственно, и были сформированы дивизии украинского войска. Заслугой германского и австро-венгерского правительств в этом деле было только то, что они позволили эту работу проводить и ее материально поддерживали, а вооруженные формирования из пленных обмундировали и вооружили! вообще же это было чисто украинское дело, сделанное при чужой помощи, но исключительно в украинских, а не в германских интересах»[712].

одним из основных средств формирования украинского национального самосознания жук считал школу, поэтому образовательной сфере в годы войны он уделял особое внимание. в феврале 1915 г. в вене была основана совместная культурная организация украинцев из приднепровья и приднестровья – Загальна українська культурна рада (общий украинский культурный совет). его главой был избран старейший депутат австрийского рейхсрата Юлиан романчук. Совет имел три секции: народных школ; средних школ; высшего образования, просвещения, науки и искусства. в третью секцию от Соу заместителем председателя избрали

[711] *Липинський В.* З епістолярної спадщини. київ, 1996. С. 76, 83.
[712] *Жук А.* проф. М. грушевський і Союз визволення україни… С. 132−133.

андрея ильича[713]. темой постоянного внимания жука было внедрение украинского языка в начальное и среднее образование на Холмщине и волыни, где с осени 1915 г. пребывала австро-венгерская армия. в начале ноября 1915 г. в статье «текущие потребности», автором которой предположительно являлся жук, ставилась задача введения украинского языка как обязательного в сфере общения местного населения с военными властями, печатания публичных объявлений, официальных документов и заявлений, допущения украинского языка в судебные и правительственные учреждения. также ставилась задача открытия украинских гимназий в Холме, грубешове, Замостье (ныне все эти города находятся на территории польши), бресте (в современной белоруссии), владимире-волынском, ковеле, луцке, дубно[714].

благодаря активной деятельности жука украинское народное образование на волыни достигло больших успехов. в конце 1916 г. в районе ковеля и владимира-волынского действовало 26 школ, из них 24 начальных и 2 гимназии. в них обучались около 2 тыс. детей. Самой крупной была гимназия им. т. Шевченко во владимире-волынском. всего же в этом регионе в 1917–1918 гг. было открыто более ста украинских школ. они были рассчитаны на 2 и 4 года обучения. только три школы содержались на деньги австрийского правительства, остальные – на средства общественности, пожертвованные через бюро культурной помощи. также существовали курсы ликвидации неграмотности для взрослых и курсы немецкого языка. в связи с военными действиями и бедствиями местного населения организаторам школ приходилось брать на себя и материальное содержание детей, одевать их и кормить. в этих школах работал 31 учитель. из них было 13 сечевых стрельцов, 10 украинок из галиции, 7 местных учителей и 1 австриец-военный[715].

Школы содержались фактически на пожертвования западноукраинской общественности. а она не имела возможностей собрать такие суммы, какие выделяло польское общество для содержания своих школ на этой же территории. в целом поляки почти за весь 1916 г. направили около полумиллиона крон на цели польского начального и среднего образования. украинцы же смогли собрать в десять раз меньше средств. борьба с польским влиянием в сфере образования на волыни, которую вел жук в качестве представителя Соу, упиралась еще в одну проблему. ключевые посты в органах местной оккупационной администрации занимали поляки, украинцы же в них почти отсутствовали. в результате вместо украинского священника детям Закон божий часто преподавал румынский православный поп или польский ксендз. вследствие тотальной эвакуации волынь практически полностью осталась без местной украинской интеллигенции.

получить дополнительное финансирование образовательных проектов андрей ильич намеревался за счет экономической самоорганизации волынских крестьян. поэтому на протяжении всего 1916 г. он старался оживить экономическую ситуацию на волыни, организовать крестьян в сельскохозяйственные кооперативы. На заседаниях гур и в других публичных выступлениях жук неоднократно призывал собирать деньги в специальный фонд украинского школьного образования. его

[713] вісник Сву. Ч. 9–10. II 1915. С. 22.
[714] [*Жук А.*]. біжучі потреби // вісник Сву. Ч. 45–46. 7.XI.1915. С. 1–2.
[715] українське шкільництво на волині // вісник Сву. Ч. 35 (165). 25.VIII.1917. С. 546–547.

деятельность на этом поприще находила поддержку и понимание Зур[716]. интересен вопрос об отношении жука к национально-освободительным дви-
жениям других народов австро-венгрии. как и большинство других украинских деятелей в галиции, он относился к этим движениям дифференцированно. так, вполне позитивно отзывался о национальных чаяниях югославянских народов (хорватов и словенцев), поскольку они, в отличие, например, от поляков, «не переходили дорогу» украинским стремлениям в восточной галиции. в целом же отношение к хорватам, словенцам, боснийцам и сербам эмигранты
из приднепровья и украинские политики из галиции увязывали с развязыванием так называемого «балканского узла». как известно, он являлся основным источником противоречий между россией и австро-венгрией, двумя империями, владевшими украинской этнической территорией, а это значит, что балканские перипетии экстраполировались и на украинский вопрос. украинские политики, в том числе жук, надеялись, что в борьбе интересов между россией и австрией им удастся поставить на повестку дня лозунг украинской независимости. тактически вена в ней была заинтересована, но галицийские украинцы эту заинтересованность не переоценивали. в стратегическом плане они стремились к поэтапному государственному обособлению от вены и поэтому симпатизировали балканским государствам, которые, находясь между «молотом» романовской империи и габсбургской «наковальней», тоже противопоставляли себя как российским, так и австрийским интересам. еще в начале балканских войн, 11 ноября 1912 г., Зализняк писал жуку: «Самым важным, на мой взгляд, является то, что теперь славянские государства на балканах займут место турции в концерте великих держав. За этим последует абсолютная эмансипация этих государств от россии. для австрии эти победы балканских государств могут дорого стоить… балканские страны захотят экономически встать на ноги и закрыть австрии дорогу на балканы и через балканы. а это может повлечь за собой следующие перспективы: 1) или будет война с Сербией, и неизвестно, чем это кончится и не вмешается ли россия; 2) или австрия будет принуждена сконцентрироваться на упорядочении своих внутренних отношений (что маловероятно); 3) или она должна будет обратить свое внимание и аппетит в сторону украинских провинций россии. Мой основной вывод таков: в течение 10−20 лет балканские страны будут для австрии непреодолимой стеной для ее экономического развития в этом направлении. поэтому единственным выходом будет только украина»[717]. С учетом такой перспективы болгары были естественными союзниками украинских политических аспираций. Не случайно поэтому один из первых официальных визитов руководители Соу, в том числе жук, нанесли в болгарию. гораздо сложнее обстояло дело с поляками. они не признавали притязаний украинцев на восточную галицию, а потому являлись для них, в том числе и для жука, соперниками, а не союзниками, хотя сам жук признавал, что в тактическом смысле украинцы строили свои отношения с веной по образцу польско-австрийских отношений. поляки мобилизовали свои силы перед грядущей войной для построения независимой польши «от моря до моря». по их примеру галицийские

[716] вісник Сву. Ч. 100. V.1916. С. 358; там же. Ч. 110. VII.1916. С. 517.
[717] NAC. Vol. 4. F. 5.

украинцы пытались активизировать общество, выдвинув идею государственной самостоятельности восточной (российской) украины и постулат объединения украинских земель австрии в отдельную автономную единицу[718].

жук выступал против польской ориентации и впоследствии, когда, начиная с 1918 г., открылся новый этап его деятельности − работа в дипломатической сфере нескольких государственных образований: украинской державы, уНр периода директории и ЗуНр. по приезде в киев жук сразу же провел переговоры с новой властью − гетманом п. Скоропадским, главой Совета министров М. василенко, министром иностранных дел д. дорошенко[719]. последнего жук убедил взять на дипломатическую службу в европейские страны деятелей Соу. в письме к министру он привел список подходящих кандидатур на должности секретарей дипмиссий: в германию – в. козловского, который ранее был представителем Соу в берлине, в австро-венгрию – М. троцкого, в Швейцарию − о. коваленко[720]. по рекомендации жука украинским посланником в берне назначили известного мецената барона М. тышкевича.

С назначением в июне 1918 г. посланником в вене липинского жук оказался при нем в должности советника по делам украинских военнопленных. одновременно он занялся ликвидацией имущества Соу в центральных державах. так, библиотека, типография и реквизит театра фрайштадтского лагеря были переданы в ужгородскую «просвіту», а имущество издательств в лозанне и женеве – в украинскую миссию в берне. ликвидационная работа длилась до конца 1920 г.

архивные материалы о деятельности Соу и архивы лагерей военнопленных, военная амуниция, некоторые личные вещи были позднее переданы в Музей освободительной борьбы украинского народа в праге, а оттуда уже попали в цдавову, в так называемые «пражские фонды», где вплоть до распада СССр находились на секретном хранении[721]. однако часть архива Соу жук хранил до конца жизни у себя в личном архиве, и уже после его смерти эти документы были перевезены в оттаву, в Национальный архив канады[722]. в настоящее время это одно из ценнейших собраний исторических источников об освободительной борьбе украинского народа в начале XX в.

Несмотря на занимаемую скромную должность в венской миссии, жук стал одним из ведущих координаторов деятельности министерства иностранных дел уНр. в вене он прослужил до лета 1919 г., хотя формально еще в январе директория отозвала липинского с должности украинского посланника в австрии. когда после акта объединения от 22 января 1919 г. состоялось слияние внешнеполитических ведомств уНр и ЗуНр, а министром иностранных дел стал бывший член Соу темницкий, жук стал заниматься стратегическим планированием украинской политики в условиях войны на несколько фронтов. во время работы парижской

---

[718] *Жук А.* проф. М. грушевський і Союз визволення україни… С. 117.

[719] подробнее см.: *Осташко Т.* указ. соч. С. 50−57.

[720] цдавову. Ф. 3766. оп. 1. Спр. 1. арк. 101.

[721] цдавову. Ф. 4405.

[722] *Гирич І.* канадський архів а. жука…; *Он же.* архів а. жука як джерело для дослідження українського суспільно-політичного життя початку XX ст. // до джерел: Збірник наукових праць на пошану о. купчинського з нагоди його 70-річчя. київ; львів, 2004. т. 1. С. 441−454.

мирной конференции он советовал петлюре назначить в украинскую делегацию грушевского и липинского, последнего предлагал оставить посланником украины во Франции. в этом предложении усматривается постоянное желание жука объединить консерваторов и демократов ради построения украинской государственности. Но ставка на решение украинского вопроса парижскими миротворцами себя не оправдала[723]. в начале июня 1919 г. темницкий назначил жука главой своей походной кан-

целярии. андрей ильич выполнял функции секретаря на двух совещаниях глав дипломатических представительств уНр, состоявшихся в вене (18–22 июня) и карлсбаде (6–14 августа). На них обсуждались основные принципы внешней политики уНр. участники совещаний пытались оценить текущий момент с национально-государственной точки зрения. Но изменить неблагоприятную ситуацию дипломатическими средствами было уже невозможно.

жук обращался с письмами к главе директории уНр и ее членам, к государственному секретарю ЗуНр и членам ее правительства с предложением сосредоточить общие усилия двух украинских государств на решении одной стратегической проблемы. андрей ильич полагал, что в условиях враждебного окружения и военных поражений можно сохранить только часть территории украинского государства, но при этом чрезвычайно важно не утратить саму государственность, сохранить украину в качестве субъекта системы международных отношений. он снова призывал к реалистичной политике, предлагал центром украинской государственности признать Западную украину, даже не полностью совпадающую с украинской этнической территорией бывшей габсбургской монархии, но, возможно, с волынью и подолией, и сосредоточиться на войне с польшей. дело становления уНр в приднепровье он уже в 1919 г. считал проигранным. Эта тактика полностью противоречила политике петлюры, который стремился с помощью польши и за счет восточной галиции сохранить украинскую государственность на территории исчезнувшей российской империи. 1 февраля 1920 г. жук написал петлюре резкое официальное письмо, в котором проводил мысль о превращении галиции в новый пьемонт для будущего расширения украинского государства до его естественных этнических границ. он утверждал: «На протяжении длительного времени сознательная национально и зрелая политически часть нации служила бессловесным исполнителем воли политически ребяческих и незрелых украинцев из приднепровья. а между тем… можно было бы галичан и галицию чудесно использовать для строительства нашего государства. главная ошибка вашей политики после антигетманского восстания… (заключалась в том – *И. Г.*), что вы… все внимание обратили на киев и на борьбу с большевиками, тогда как нужно было базой для воссоздания государства выбрать галицию и львов, стянуть сюда все силы, подчиниться во всем галичанам, как людям более культурным, зрелым, солидным в труде, отбросить поляков за Сан и тогда же подписать с ними мир»[724]. концепция, предложенная жуком, скорее всего, действительно была реалистичнее. так, литовцам не удалось в те годы отвоевать у поляков вильнюс, и они построили свое

[723] *Осташко Т.* указ. соч. С. 53.

[724] лист а. жука до С. петлюри // Молода нація. 2002. № 3 (24). С. 232–233.

государство на части своей этнической территории вокруг каунаса. однако внутри литовского этноса не было такой ментальной раздвоенности, как среди украинцев, воспитанных в двух различных цивилизационных системах. Западные украинцы в большей степени воспринимали восточную украину как свою этническую территорию, чем восточные украинцы галицию. жук последовательно выступал против ориентации на польшу со времен
украинско-польской войны в галиции (1918−1919) на протяжении всего периода, когда функционировало правительство ЗуНр во главе с евгеном петрушевичем, то есть до 1923 г. андрей ильич являлся советником этого правительства по внешнеполитическим вопросам. думается, не случайно он и вернулся в польский львов только в 1930 г. в выборе между российскими большевиками и польшей жук стоял на стороне первых. С помощью большевиков он надеялся укрепить украинскую галицийскую армию и направить ее в галицию одновременно с ударом большевиков по польше. исходя из тактических соображений, дабы вытеснить поляков из восточной галиции, жук был готов даже признать федерацию с Советской россией. в этом вопросе его точку зрения разделяли ведущие украинские политики из приднепровья и приднестровья − петрушевич, панейко, Назарук, винниченко, василий вышиваный (вильгельм габсбург) и частично липинский. последний не принимал ориентацию на федерацию, а упорно продолжал даже в январе 1920 г. отстаивать постулат украинской самостоятельности[725]. в 1920 г. в правительстве петрушевича жук занимал должность референта по северо-западным украинским землям (волыни и Холмщине), вошедшим в состав польши. Это была его последняя официальная дипломатическая должность. она отвечала его главным устремлениям начала 1920-х гг., когда андрей ильич прилагал усилия для сохранения территориального единства галиции и волыни (поляки прозорливо развели эти территории по разным воеводствам и препятствовали экономическим и культурным отношениям между ними). жук же вынашивал геополитическую идею возрождения галицко-волынского государства времен князя даниила галицкого, которое в перспективе эвентуально могло бы стать оплотом украинской государственности. и впоследствии, в 1923−1928 гг., сотрудничая в выходящем в вене и берлине органе правительства ЗуНр «український прапор», жук в ряде статей развивал идею противостояния польскому государственному влиянию в Западной украине. он пропагандировал необходимость объединения в одной автономной единице всех украинских земель польши. одновременно он популяризировал идею федерализации с уССр[726]. андрей жук прожил долгую жизнь – 88 лет, но настоящим временем его де-
яний, как человека, вошедшего в историю, стал относительно краткий период, когда андрею ильичу было от роду всего 34−38 лет. впервые за 250 лет, со времен Филиппа орлика, он возродил украинскую политическую эмиграцию европейского масштаба, которая возвестила на весь мир о независимой украине. За четыре года благодаря жуку об украине и украинском вопросе было напечатано на разных языках столько

[725] NAC. Vol. 1. F. 17. C. 1−3. дневник жука. Записи за 8−10 января 1920 г.

[726] См.: в пошукуванні нових шляхів // український прапор. Ч. 18. 5.05.1923; про панукраїнський фронт // там же. Ч. 20. 19.05.1923; похибка мусить бути направлена // там же. Ч. 24. 16.06.1923 и др.

книг и статей, сколько не было издано за все предыдущее время. андрей жук вошел в историю национальной общественно-политической мысли как оригинальный мыслитель уровня липинского, как один из первых и последовательных «самостийников». он оставил выразительный след в национально-исторической памяти украинского народа.

М. Ю. Дронов

К вопросу о влиянии Первой мировой войны на формирование этнонациональной идентичности южнокарпатских русинов

проблематика этнонациональной идентичности[727] южнокарпатских русинов[728] в последнее время привлекает особое внимание со стороны исследователей. Не в последнюю очередь этому способствует явная незавершенность национальных процессов в русинской среде, выражающаяся в одновременном бытовании сразу нескольких конкурирующих (преимущественно взаимоисключающих) идентичностей. при этом современная конфронтация между южнокарпатскими русинами, отстаивающими собственно русинскую идентичность, и теми из них, кто считает себя украинцами или русинами-украинцами, уходит своими корнями еще во вторую половину XIX – начало XX в. естественно, процессы зарождения, кристаллизации и активного распространения конкурирующих модерных национализмов в русинской среде были теснейшим образом взаимосвязаны с актуальной общеевропейской общественно-политической ситуацией. во многом именно события, казалось бы, не имевшие прямого отношения к национально-языковым спорам русинов, в итоге в значительной степени определяли их направление и интенсивность. отталкиваясь от данного тезиса, в рамках настоящей краткой статьи мы предпринимаем попытку на основании известных фактов (однако не претендуя на полноту) кратко проанализировать, какое влияние на формирование этнонациональной идентичности (точнее – идентичностей) южнокарпатских русинов оказали конкретно события первой мировой войны.

еще в начале XIX в. в землях венгерской короны среди немадьярских народностей, включая и русинов, началось постепенное распространение венгерской национальной идентичности. На практике ее проявления во многих случаях легко перепутать (и часто просто невозможно разделить) с государственно-территориальной, культурной или языковой идентичностями. популяризировавший эту идентичность венгерский национализм, следуя известной классификации бенедикта андерсона, является одним из характерных примеров так называемого «официального» национализма. обычно он представляет собой реакцию правящих кругов на национальные движения подчиненных народов и выражается в

---

[727] под этнонациональной идентичностью мы подразумеваем форму этнической идентичности, обязанную своим появлением распространению модерных национализмов.

[728] Здесь и далее мы используем его исключительно в этноязыковом смысле, подразумевая под этим словом всех коренных восточнославянских жителей карпатского региона вне зависимости от конкретных форм их этнонациональной идентичности. вводя указанный *terminus technicus*, мы тем самым прибегаем к сознательному, однако, по-видимому, неизбежному в подобных случаях упрощению. Соответственно, под южнокарпатскими русинами понимаются русины, проживающие на территории современной Закарпатской области украины (подкарпатской руси) и восточной Словакии (пряшевщины).

ассимиляции инородцев[729]. данный процесс получил у современников название мадьяризации. Несмотря на доминирующие в славянских историографиях негативные свидетельства о ней, было бы тенденциозным отказывать мадьяризации в легитимности. по сути, речь шла о трансформации средневековой *natio Hungarica* в модерную венгерскую нацию, что, учитывая изначально полиэтничный характер населения региона, не могло пройти безболезненно. важнейшую роль играло расширение сфер функционирования венгерского языка, который постепенно вытеснял официальную латынь и языки многочисленных народностей венгрии. качественно новый этап мадьяризации начался после австровенгерского соглашения 1867 г.[730] практические формы, в которых она проявлялась в южнокарпатском русинском обществе накануне первой мировой войны, нагляднейшим образом охарактеризовал видный русский карпатовед алексей леонидович петров (1859–1932): «На угорской руси кто хоть сколько-нибудь зависит от властей (хотя бы и в частных предприятиях) – от чиновника, священника, учителя и т.п. до сельского писаря («нотара»), железнодорожного рабочего, сторожа в канцелярии или в частном банке – если не пожелает лишиться куска хлеба, а то еще и более серьезно поплатиться (до тюремного заключения за *házaárulás* – «государственную измену»), не смеет себя назвать иначе, как мадьяром, признать какой-либо иной язык, а не мадьярский, своим материнским»[731].

Незадолго перед началом войны (29 декабря 1913 г. – 3 марта 1914 г.) в условиях возрастающей напряженности международного положения состоялся известный Мараморош-Сигетский процесс, инсценированный венгерскими властями против 94 русинских крестьян, перешедших в православие. кроме прочего, подсудимым инкриминировалось стремление к отторжению комитатов Мараморош, угоча и берег от венгрии и присоединению их к россии. процесс закончился осуждением 33 человек в общей сложности на 37 лет заключения и 6800 крон штрафа[732]. примечательно, что, хотя сознательное русофильство жертв судилища часто подвергалось сомнению[733], в межвоенный период МараморошСигетский процесс стал символизировать не только страдания за «прадедовскую» православную веру, подкрепляя движение за возвращение в православие, но и общерусскую идею, тем самым способствуя распространению среди русинов модерной русской идентичности. «царство мадьярской злобы распалось и православная вера, а с нею и русскость, охватили бурным потоком всю южнокарпатскую русскую землю»,– например, в конце 20-х гг. заключал свое повествование о предвоенном

[729] *Андерсон Б.* уявлені спільноти: Міркування щодо походження й поширення націоналізму. київ, 2001. С. 131–140.

[730] подробнее см.: *Крючков И. В.* венгрия и славянский мир в последней трети XIX – начале XX в. Ставрополь, 2001. С. 78–91.

[731] *Петров А.* об этнографической границе русского народа в австро-угрии, о сомнительной «венгерской» нации и о неделимости угрии. пг., 1915. С. 8–9.

[732] *Поп И.* Энциклопедия подкарпатской руси. ужгород, 2006. С. 245.

[733] См., например: *Пекар А. В., ЧСВВ.* Нариси історії церкви Закарпаття. т. І. Єрархічне оформлення. рим; львів, 1997. С. 110.

православном движении в регионе, окончившемся упомянутым процессом, один православный автор[734].

С началом военных действий мадьяризация русинского населения стала принимать крайние формы, что было вызвано обострением давних опасений, вызванных этноконфессиональным родством русинского населения и русских противников. известная своими мадьяризаторскими тенденциями греко-католическая церковь, к которой на тот период принадлежало подавляющее большинство русинов, исходя из верноподданнических чувств пошла на радикальные реформы. первоначально осенью 1915 г. пряшевский епископ Стефан Новак по собственной инициативе ввел в епархии грегорианский календарь и венгерскую латиницу в церковно-приходских школах и в печати. в 1916 г. решением парламента подобные изменения было предписано провести в своей епархии и мукачевскому греко-католическому епископу антонию паппу. общественное мнение военных лет рассматривало кириллицу и юлианский календарь как «два моста к москалю»[735].

однако мадьяризация, приостановившаяся с образованием Чехословакии, все-таки успела затронуть только привилегированные слои населения, достаточно поверхностно коснувшись преобладавшего среди русинов крестьянства [736]. упомянутые церковные нововведения военного времени, изначально встреченные паствой без энтузиазма и сразу же отмененные после вхождения южнокарпатских русинских земель в ЧСр, лишь усилили негативное отношение к венгерской национальной идее, тем самым противодействуя дальнейшему распространению венгерской этнонациональной идентичности среди этнических русинов.

особенно большое значение для утверждения различных идентичностей имели многочисленные людские перемещения военных лет, осуществлявшиеся в обоих направлениях от прежних границ и линии фронта. кроме этого, позитивно влияло на отношение русинов к родному языку и культуре их совместное несение службы с представителями других славянских народов в рядах австровенгерской армии[737]. Можно условно выделить две большие группы ситуаций: пребывание южнокарпатских русинов за пределами венгерского королевства и, напротив, нахождение уроженцев других регионов, в частности российской империи и соседней австрийской галиции, в южнокарпатской русинской среде. военнослужащие (или пленные), таким образом, вступали в контакт с мирным населением. результатом подобных встреч, как правило, становилось непосредственное знакомство русинов венгрии, в основной массе еще не обладавших модерной этнонациональной идентичностью, с одной стороны, и собственно русских и украинцев (правда, также далеко не всегда «сознательных»),

---

[734] *Бескидский.* из истории восстановления православной веры в южнокарпатской руси. (I. история довоенного православного движения) // православный русский календарь на 1930 г. владимирова, 1929. С. 63).

[735] *Пекар А. В., ЧСВВ.* указ. соч. С. 102–103. подробнее об этих событиях см.: *Волошин А.* вибрані твори. ужгород, 2002. С. 67–75.

[736] *Магочій П. Р.* Формування національної самосвідомості: підкарпатська русь (1848–1948) / автор. пер. з англ. ужгород, 1994. С. 44–45.

[737] там же. С. 49.

которыми русинам предлагалось стать, – с другой. в то же время южнокарпатские русины, конечно же, обладали донациональной этнической идентичностью, которая теснейшим образом переплеталась с конфессиональной принадлежностью. в употреблении находились традиционные эндоэтнонимы *«русин», «руснак»* (причем притяжательным прилагательным от них было – *«рускый», «руськый»* и т.п.). «по наблюдениям, наш народ называет себя русским, но его русскость какого-то иного типа, чем русскость оригинальная…»[738] – например, писал о представлениях крестьянства русинский деятель Симеон Сабов (1863–1929). по сути, эту недостаточно определенную идентичность можно было бы сравнить с фундаментом, на котором впоследствии возводились более или менее гармонировавшие с ним конструкции.

в данном случае модерная русская идентичность, думается, *a priori* имела особенные шансы на успех. Нельзя игнорировать давнее бытование, хотя бы у части русинов, смутных представлений о собственных этноконфессиональных связях с жителями географически удаленной россии. есть основания утверждать, что в народной памяти на южных склонах карпат сохранялись некоторые отголоски венгерского похода русской армии 1849 г., которые способствовали превалированию позитивного образа россии и ее населения в русинской среде. вместе с этим наивно было бы думать, что население различных населенных пунктов, особенно удаленных от маршрута похода 1849 г., в одинаковой мере сохраняло до первой мировой войны связные воспоминания о проходе через регион русской армии[739]. также русины осознавали значительную (особенно по сравнению с венграми) языковую, конфессиональную и этнонимическую близость с русскими. Механизмы русинского народного русофильства тонко уловил п. р. Мэгочи: «все, что связано с россией, имело неизгладимое влияние на подкарпатскую жизнь. решающим было само название «русь». для подкарпатских русинов русь стала символом их самих, их рода, села, родины... вследствие этого, несмотря на географическую отдаленность и лингвистические различия, россия казалась русинам более близкой − именно потому, что российская цивилизация, так или иначе, поддерживала тезис про единую русь»[740]. видимо, именно подобные чувства в значительной степени объясняют предварительные симпатии русинов к русским, которые накануне и в период первой мировой войны известны особенно хорошо. да и сама россия, со своей стороны, пыталась способствовать русофильским настроениям среди русинов[741]. в данном контексте показателен, например, следующий инцидент, произо-

---

[738] краткая биография д-ра Симеона андреевича Сабова // д-р Симеон андреевич Сабов / приложение к журналу «карпатский Свет». вып. 53. ужгород, 1929. С. 3.

[739] о влиянии похода 1849 г. на южнокарпатских русинов см.: *Панас И. О.* карпаторусские отзвуки русского похода в венгрию в 1849 г. // карпаторусский сборник. ужгород, 1930.

[740] *Магочій П. Р.* указ. соч. С. 166.

[741] См., например: *Бабенко Ф. М.* дружні зв'язки російського і українського народів з трудящими Закарпаття (1914–1944 рр.). Із спогадів учасників революційно-визвольної боротьби на Закарпатті // Наукові записки ужгородського державного університету. т. XXXIX. ужгород, 1959; *Качій Ю.* Зв'язки населення Закарпаття з російськими військами в роки першої світової війни // архіви україни. 1965. № 6; *Магочій П. Р.* указ. соч. С. 48–49.

шедший в одном из сел поблизости дуклянского перевала и дошедший до нас благодаря словацкому историку бартоломею крпельцу. русские военные подошли тогда к одному из лагерей крестьян, покинувших по приказу венгерской жандармерии свои дома и расположившихся за селом. «…Сразу же русские и пришли к лагерю. Запуганный народ просил на коленях: «оставьте нас в покое, ведь и мы русские люди!» русские отвечали им: «вы наши, а мы ваши, не бойтесь!» когда народ этим ободрился, он постепенно начал возвращаться в село»[742]. конечно же, упомянутая «русскость» русинских крестьян, скорее всего, не была оформлена в модерные формы, однако однозначно сближала местное население с русскими солдатами, причем неся для него очевидные практические выгоды. также передвижение солдат русинского происхождения на территорию других восточнославянских регионов австро-венгрии и россии позитивно влияло на представления о границах проживания просто родственного населения, аналогично исповедующего восточное христианство и говорящего на более или менее близком языке. Эти ощущения дополнительно обострялись за счет того, что южнокарпатские русины служили в венгерских частях. при этом, конечно же, крестьянские массы в глубинке галиции, буковины и россии также еще далеко не всегда размышляли в модерных этнонациональных категориях.

в качестве примера впечатлений южнокарпатских русинов от общения с крестьянами удаленных регионов приведем фрагмент воспоминаний селянина Юрия Чорнанича (1895–?), записанных в свое время известным в восточной Словакии фольклористом Михаилом гиряком (1933–2007). в 1916 г., находясь в галиции, Чорнанич зашел в канун рождества в одну крестьянскую хату. там уже располагались венгерские солдаты. как вспоминал этот информатор, хозяева не очень приветливо относились к венграм, которых не понимали, однако совершенно иначе реагировали на русина:

«…а я поклонился: –

Слава иисусу Христу!

а эти: как услышали, что я поклонился Слава иисусу Христу, все около меня. помогли мне положить вещи. а мадьяры смотрели так, как на чудо. Не знали, что происходит, потому что думали, что я дома, что я пришел домой»[743]. примечательно, что Чорнанич, которого гиряк опрашивал уже в 70-х гг. – когда южнокарпатские русины официально признавались украинцами, идентифицировал себя все еще как *«руснак»* и *«русин»*. в данном случае также налицо преимущественно домодерная этническая идентичность, не вылившаяся в сознательную русскость или украинство. однако, очевидно, она только укрепилась после пребывания среди галицийских крестьян, этноязыковое родство с которыми так ярко запомнилось Чорнаничу.

Смешанность самых первых ощущений южнокарпатского русинского простонародья от знакомства с дальней восточнославянской «родней», как и

---

[742] *Krpelec B.* Bardejov a jeho okolie dávno a dnes. Bardejov, 1935. цит. по: *Slepcov I.* Prvá svetová vojna na východnom Slovensku v rokoch 1914–1915 // Prvá svetová vojna. Pozabudnuté cintoríny. Svidník, b. m. S. 22.

[743] *Гиряк М.* Народна проза Старинської долини // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. т. 9. кн. 2. пряшів, 1979. С. 487.

толерантно-космополитичные особенности менталитета русинов, прекрасно передает, например, следующий пассаж, который был опубликован в конце 20-х гг. на страницах ужгородского русофильского журнала «карпатский Свет». его автор, известный русинский деятель греко-католический священник о. ириней кондратович (1878–1957) описал первую для своих прихожан (а возможно, и для него самого) встречу с русскими военными: «21 ноября, на Михаила, в нашем селе появилось два “поляка” на маленьких сильных кониках. Наш русин еще никогда не видал живых казаков, и не чудо, что принимал их за поляков. Этих “поляков” приняли мы по-братски, угостили доброй водкой, а к ночи пришло еще 20 оренбургских казаков с хорунжим. Хорунжий василий Федорович Михайлов был приятный молодой человек и, как только увидел на столе русские книги, начал совсем благосклонно относиться и ко мне и к селянам. радовался, что мы русские книги читаем. позднее он пел нам, а мы ему пели русские светские и духовные песни; за чаем до утра веселились, радовались, что идет к нам царьбатюшка. На утро неожиданно появились мадьярские гусары. казаки отступали. Хорунжий напомнил мне: “петрова-то (книгу а. л. петрова. – *М. Д.*) брось под стол!” пришли гусары, и на столе царствовали уже мадьярский Himnusz и “Wacht am Rhein”. Спустя короткий срок отступили гусары и снова пришли казаки. опять петров на столе, а гимны под столом. и такие перемены происходили до самого полудня, когда казаки ушли окончательно: гимны царствовали на столе, а петров журился под столом» [744]. интересно, что невольные гости были для местных русинов «поляками», то есть людьми, появившимися со стороны расположенных неподалеку границ исторической польши. отметим, что в этом наименовании стоит видеть не столько этнический, сколько географический смысл, так как «поляками» на южных склонах карпат традиционно назывались соседние галицийские русины[745]. поэтому данный отрывок опять-таки свидетельствует об отсутствии модерных этнонациональных представлений, вместо которых у русинского крестьянства бытовал сложный комплекс идентичностей, тяжело поддающийся современному интерпретированию.

Значительный интерес в контексте нашей темы представляют другие свидетельства, основанные на более длительном и близком контакте южнокарпатских русинов с русскими и украинцами. На их основании можно сделать вывод о том, что русины имели возможность не только глубже задуматься о взаимной дистанции к ним (тождественности, близости, удаленности), но и под влиянием различных обстоятельств принять ту или другую этнонациональную идентичность.

в данном контексте бросается в глаза опыт культурного воздействия на южнокарпатских русинов со стороны украинских сечевых стрельцов (уСС), галичан, воевавших на стороне австро-венгрии. бойцы данного формирования уже обладали модерной украинской идентичностью. львовский исследователь ярослав грицак охарактеризовал их следующим образом: «Что касается своего состава, то уСС была элитарной воинской частью: многие из сечевых стрельцов как до войны, так и после нее получили известность как политические лидеры, ученые, литераторы,

[744] *Кондратович И. М., о.* воспоминания об а. л. петрове // карпатский Свет. 1932. № 1–3. С. 1251.
[745] *Петров А.* Материалы для истории угорской руси. т. IV. Спб., 1906. С. 16.

журналисты, художники. благодаря этому они оставили хорошо документированную историю уСС и богатое литературно-песенное наследие, которое стало интегральной частью национального сознания галицийских украинцев в XX в.»[746]. в 1914–1917 гг. стрельцы неоднократно по нескольку дней и даже месяцев
пребывали в южнокарпатских населенных пунктах (Страбичево, горонда, Нижние верецки, ужок, Забродь, великий березный, Чинодеево, Хуст и т.д.). известно, что стрельцы активнейшим образом общались с местным населением, обучали молодежь украинским патриотическим песням, сами давали музыкальные концерты. в результате их деятельность попала во внимание венгерской тайной полиции, которая проинформировала министерство внутренних дел в будапеште об «антигосударственной» агитации, и бойцы уСС были вынуждены осторожнее соприкасаться с местным населением[747].

очевидно, пребывание уСС действительно оказало какое-то влияние на дальнейшие этнонациональные симпатии части южнокарпатских русинов. как отмечал видный местный деятель украинофильской ориентации августин Штефан (1893–1986), «почти во всех селах, где были стрельцы, уже в первые годы чешского режима, когда у закарпатцев было больше свободы, чем под мадьярами, открывались читальни «просвіти»»[748]. вряд ли речь идет о совпадении.

в связи с принятием русинами украинской идентичности не менее любопытен рассказ о своем отце, участнике первой мировой, нашего современника ярослава Шуркалы (1938 г.р.) – проживающего в Словакии издателя, местного русина, считающего себя украинцем. в качестве главной причины собственного украинства он называет влияние отца, который познакомился с украинской национальной идеей, находясь в российском плену: «папа как солдат австрийской армии на фронте добровольно перешел к русским. когда там его спросили, кто он такой, папа гордо заявил: “я русский из русского села в карпатах”. и в доказательство своего утверждения начал говорить по-регетовски (регетовка – название родного села отца. – *М. Д.*). Члены комиссии, которая его допрашивала, рассмеялись: “какой же ты русский? ты настоящий хохол!” и направили его на принудительные работы в какое-то село на полтавщине. крестьянин, у которого он жил и работал, был сознательный украинец. у него были книги с произведениями Шевченко, коцюбинского, леси украинки, которыми папа зачитывался и вел с хозяином дебаты об истории украины, а также о разнице между украинцами и русскими. На украине папа вступил в Чехословацкий легион и возвратился домой сознательным украинцем» [749] . естественно, многие детали процитированного повествования Шуркалы вызывают вопросы, однако в сути этой семейной легенды – приобретении украинской этнонациональной идентичности в российском плену – сомневаться не

---

[746] *Грицак Я.* Нарис історії україни: Формування модерної української нації XIX–XX століття. київ, 2000. С. 108–109.

[747] *Штефан А.* українське військо в Закарпатті // http://komb-a-ingwar.blogspot.com/2009/ 03/blogpost_03.html (дата обращения 15 апреля 2011 г.).

[748] там же.

[749] *Мушинка М.* розмови з однодумцями. пряшів, 2004. С. 134–135. перевод с украинского языка наш. прямая речь, приписываемая отцу Шуркалы и членам комиссии, в оригинале на русском языке.

приходится. к слову, известно, что опыт побывавших во время войны в россии русинов,
познакомившихся там с не полностью им понятным собственно русским языком, в межвоенный период использовался в качестве одного из аргументов в пользу украинофильства. так, известный местный журналист, вошедший в историю южнокарпатских русинов как один из наиболее радикальных местных украинских националистов, василий гренджа-донский (1897–1974), еще в 1922 г. писал: «братья и сестры, вы очень ошиблись, если подумали, что москальский язык – русский. Нет! Наше малорусское слово – истинно русское. Среди вас многие были в россии и знают, что есть большая разница»[750]. утверждать подобное гренджа-донский имел моральное право потому, что сам принимал участие в войне на русском фронте[751].

однако были и другие примеры, которые свидетельствуют об отсутствии универсального опыта для разных людей. так, заметный в будущем русинский деятель русофильской национально-языковой ориентации иосиф каминский (1878–1944), попав в плен, после краткого пребывания в лагере, был устроен домашним учителем в дворянскую семью в глубоком тылу, где даже публиковался в местной газете «уральская жизнь»[752]. конечно же, в данном случае речь идет об интеллигенте, сыне другого русинского деятеля, видного сторонника венгерского государственного патриотизма виктора каминского (1854–1929)[753]. Но можно предположить, что знакомство с русским обществом и, конкретно, его образованным слоем укрепило русскую этнонациональную идентичность и. каминского. воспоминания о первой мировой войне – достаточно распространенный жанр в южнокарпатской русинской периодике, особенно межвоенного периода. проходят они, как правило, и в мемуарах видных русинских деятелей разных ориентаций, сознательная жизнь которых совпала с военными событиями. однако при чтении этих воспоминаний очень часто возникает подозрение, что события давно ушедших военных лет подаются в свете если не потребы дня, то в полном соответствии с исповедуемой ими национальной идеологией, с которой они познакомились, несомненно, позднее. в качестве примера приведем отрывок из воспоминаний о знакомстве с плен-
ными русскими, которые оставил видный украинский националист-эмигрант, уроженец села баранинцы под ужгородом викентий Шандор (1907–2003). в книге его мемуаров одна из глав так и называется «Москали в селе». «…и вот пришел день, когда папа, а вместе с ним и 60 москалей, появились в селе. для баранинчан, особенно для нас, детворы, это было незабываемое событие.

папа привел пленных на двор школы, который скоро заполнился любопытными людьми. Селяне свободно пустились в разговор с ними и, к своему величайшему удивлению, одних москалей полностью понимали, а других очень мало или вообще не понимали… пленные запели «ой не ходи, грицю…» (известную украинскую народную песню. – *М. Д.*). люди были восхищены не только красотой мелодии, но и

---

[750] *Гренджа-Донський В.* а що хотять вони? // *Гренджа-Донський В.* я теж українець. публіцистика. ужгород, 2003. С. 20.
[751] *Сенько І.* Ментальність русинів-українців. ужгород, 1996. С. 92.
[752] *Поп И.* указ. соч. С. 202.
[753] там же. С. 201–202.

тем, что всё понимали. интересно, что к этому кружку украинцев не присоединялись те из москалей, которых селяне не понимали… у соседа был москаль из тулы. в селе его едва понимали. он был расхристанный, невнимательный, что одевал – все на нем рвалось. когда хозяин спросил его, где снова порвал штаны, он ответил, что это ветер на нем порвал. Смеху было на все село»[754]. получается, что уже тогда у Шандора все позитивное было связано с теми из пленных, которые, как потом он для себя выяснил, являлись украинцами.

Совсем по-другому запомнили попавшего к ним «москаля» члены русинской семьи проданов, из которой вышел местный литератор, в годы молодости убежденный русофил, петр продан (1919 г. р.). «в нашей семье, – вспоминает писатель в недавно вышедших мемуарах,– сохранялась память о русских военнопленных с первой мировой войны… об одном из них, который проживал в нашем селе, часто рассказывала мать. он был добрый, работящий, молился, как и у нас молятся… Мама всегда с любовью говорила про него, и эти чувства впитали и мы, дети…»[755] как можно догадаться по отсутствию упоминаний об особой языковой близости, речь, скорее всего, идет о великороссе. однако в процитированном пассаже нет и йоты желчи Шандора.

если абстрагироваться от сомнений в точности деталей и акцентов, знакомство с подобными свидетельствами наталкивает нас на мысль, что в каждом из многочисленных случаев восприятия русинами русских и украинцев имело место уникальное сочетание таких факторов, как особенности диалекта одних и других, произношение, слух, кругозор, черты внешности и характера и т.п. все это имело значение для симпатий или антипатий, которые, при благоприятных условиях, позднее использовались в качестве аргументов для принятия или отторжения южнокарпатскими русинами русскости и украинства. условия для подобного, первоначально вынужденного, знакомства предоставила именно первая мировая война.

Некоторые россияне, находившиеся в австро-венгерском плену, даже осели в подкарпатской руси и восточной Словакии, при этом принимая участие в русофильском сегменте русинской национальной жизни[756]. Наиболее ярким примером может являться многогранная деятельность александра васильевича попова (1893–?) – писателя, журналиста, педагога. попав в 1917 г. в австрийский плен, этот уроженец города ряжска рязанской губернии первоначально находился в лагере военнопленных в Чехии, а после создания ЧСр по приглашению ее правительства перебрался в подкарпатскую русь. Здесь он подготовил совместно с русинкой верой Феделеш (1879–1967) несколько учебников на русском языке, издавал русофильский журнал «карпатский край» (1923–1924), активно сотрудничал с другим журналом – «карпатский Свет», в 1930 г. составил сборник «карпаторусские достижения», написал целую серию популярных очерков о видных деятелях русинской культуры: Юлии Ставровском-попрадове, адольфе добрянском,

[754] *Шандор В.* Спомини. т. І. карпатська україна 1938–1939. ужгород, 1996. С. 15–16.

[755] *Продан П.* од отчого порога. ужгород, 2006. С. 65.

[756] впрочем, подавляющая часть россиян, принимавших участие в национальной жизни южнокарпатских русинов в межвоенный период, – это представители послеоктябрьской эмиграции, которую все-таки не совсем корректно рассматривать в контексте первой мировой войны.

александре духновиче, иване раковском, евмение Сабове, иване Сильвае. Эти популярные работы легли в основу изданной позже антологии «карпаторусские писатели: очерки жизни и творчества» (1930). интересно, что даже художественные произведения попова – повесть «в карпатах» (1923) и роман «Сила любви» (1934) – также основаны на местных русинских сюжетах[757].

Не только живые, но и павшие воины оказывали воздействие на укрепление среди русинов позиций русскости. речь идет о кладбищах – местах массового захоронения русских солдат, разбросанных по селам Закарпатья и восточной Словакии[758]. в некоторых местах забота о кладбищах приобрела черты культа, устраивались памятные мероприятия, велись заупокойные богослужения. так, например, в ужгороде по проекту известного архитектора-эмигранта о. всеволода коломацкого к 1932 г. была построена церковь покрова божьей Матери – храм-памятник русским воинам, павшим на полях великой войны. Специальная памятная часовня была построена и в 1938 г. освящена в русинском селе ладомирова, где расположилась русская православная миссия[759]. естест-

[757] *Разгулов В.* александр васильевич попов // россияне в жизни Закарпатья: история и современность. ужгород, 2003. С. 49–50.

[758] См., например: *Buraľ M., Slepcov I.* Vojenské cintoríny z prvej svetovej vojny na východnom Slovensku // Prvá svetová vojna. Pozabudnuté cintoríny. Svidník, b. m. S. 70–101.

[759] *Harbuľová Ľ.* Ruská emigrácia a Slovensko (Pôsobenie ruskej pooktóbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939). Prešov, 2001. S. 179–180.

 венно, эти храмовые сооружения предназначались не только для относитель

К. Зелиньски

Галицийские евреи в 1914–1918 гг.

в XIX в. численность населения иудейского вероисповедания в городах галиции заметно возросла. Это стало результатом традиционно более высокого в еврейских семьях естественного прироста, а также улучшения медицинского обслуживания. в 1900 г. в галиции проживало более 811 тыс. евреев, что составляло 11,1% народонаселения австрии и почти 70% всех евреев, проживавших в габсбургской монархии. Спустя десять лет численность евреев в галиции составляла уже 871 тыс., в том числе 213 тыс. проживало в Западной галиции. к этим статистическим данным следует подходить с определенной осторожностью. ведь в австро-венгрии данные в перепись населения вносились на основании декларации о языковой принадлежности, однако идиш и иврит не признавались, и евреям рекомендовалось выбирать другой язык. Чаще всего они выбирали немецкий или польский, несмотря на то что знание этих языков могло быть весьма слабым. в западной части региона евреи были сосредоточены прежде всего в восточных и южных уездах позднейшего краковского воеводства, а в восточной галиции, где их было гораздо больше, они расселялись равномернее[760]. в национальной структуре региона евреи составляли третью группу по численности после поляков (50%) и украинцев, называемых также русинами (42%) [761] . подавляющее большинство населения иудейского вероисповедания проживало в традиционных *штетлах*, небольших местечках и поселениях сельско-городского типа, и относительно небольшая часть – в более крупных городских центрах. в структуре вероисповедания и национального состава городских центров в западной части региона евреи явно уступали полякам, а в восточной галиции они представляли собой одну из самых многочисленных групп наряду с поляками и украинцами (обычно около трети общей численности населения)[762].

Хотя еврейские общины двух частей региона обладали некоторыми отличительными чертами, все-таки в целом галицийские евреи относились к восточноевропейскому типу. в большинстве своем они были религиозными ортодоксами, в структуре занятости преобладали занятия, связанные с торговлей и посредничеством, а также мелкое ремесло и услуги[4].

более $^2/_3$ галицийских евреев было занято в торговле, мелкой промышленности и ремесле; немногие, хотя значительно больше, чем на остальных польских землях, – в сельском хозяйстве и непосредственно с ним связанной переработке сельхозпродуктов. Несмотря на то что не существовало формальных препятствий для работы в промышленности, на железной дороге или в административ-

---

[760] *Wanatowicz S.* Ludność żydowska w regionie mieleckim do 1939 roku // Mielec: Studia i materiały z dziejów miasta i regionu / Red. F. Kiryk T. 3. Mielec, 1994. S. 42; *Wróbel P.* Zarys dziejów Żydów na ziemiach polskich w latach 1880–1918. Warszawa, 1991. S. 54–55.

[761] *McCagg W. O.* jr. A History of Habsburg Jews 1670–1918. Bloomington; Indianapolis, 1992. P. 182–183.

[762] *Mendelsohn E.* Żydzi Europy Środkowo-Wschodniej w okresie międzywojennym. Warszawa, 1992. S. 40–42. [4] Ibidem.

Средний уровень образования еврея в галиции был выше, чем у его единоверца из царства польского или западных губерний россии. в связи с политикой властей в сфере просвещения и ввиду того, что в еврейских семьях придавалось большое значение образованию, процент евреев, не владеющих государственным языком, был в галиции относительно низким, не только в сравнении с еврейским населением в других регионах, но и в сравнении с населением христианского вероисповедания. Это касалось не только общего образования. именно в кракове в 1917 г. открылись первые религиозные школы для еврейских девочек, а за несколько лет до войны уже предпринимались, хотя и без особого успеха, попытки реформировать *хедеры*, служившие основой традиционного воспитания и обучения еврейских мальчиков[763]. при рассмотрении вопросов, связанных с религией, важно отметить, что мультикультурность галиции вместе с традициями политической жизни и формальным равноправием способствовали религиозному разнообразию также внутри самого еврейского общества. Несмотря на многочисленность хасидов в регионе, довольно влиятельными, хотя и не слишком многочисленными были приверженцы реформистского иудаизма, представленные более состоятельными, ассимилированными так называемыми поляками иудейского вероисповедания, с сильными центрами в кракове, львове и перемышле (пшемысле).

Не обошли галицийских евреев стороной и процессы аккультурации и ассимиляции. На рубеже XIX–XX вв. эти процессы, исключая Черновцы, были уже ориентированы в сторону польской культуры. Немногочисленными и маловлиятельными были те еврейские организации и круги, которые тяготели к немецкой или австрийской культуре[764]. Среди сподвижников Юзефа пилсудского, в польских организациях, борющихся за независимость, в военизированных формированиях, в рядах польской социалистической партии было много евреев[765].

галицийские евреи участвовали в рабочем движении, поначалу польском и австрийском, или создавали собственные профсоюзы, часто религиозного характера и сосредоточенные вокруг собственной синагоги, и лишь потом создавали свои, еврейские рабочие организации. однако в галиции из-за слабой индустриализации региона отсутствовало массовое еврейское рабочее движение. до первой мировой войны бунд, самая крупная еврейская рабочая партия в центрально-восточной европе, до галиции не добрался. более заметным было сионистское движение, которое выделялось на фоне

---

[763] *Baumol Y.* A Blaze in the Darkening Gloom: The Life of Rav Meir Shapiro. N. Y., 1994. P. 42–43; *Eisenstein M.* Jewish Schools in Poland 1919–1939: Their Philosophy and Development. N. Y., 1950. P. 86–87; *Hyman P. E.* Gender and Assimilation in Modern Jewish History: The Roles and Representation of Women. Seattle; L., 1995. P. 59.

[764] *Kapralska Ł.* Op. cit. S. 109–111; *Mendelsohn E.* Op. cit. S. 42–43; *Wróbel P.* Op. cit. S. 62.

[765] *Konic W.* Żydzi w Legionach (1914–1917) // Żydzi w Polsce Odrodzonej: Działalność społeczna, gospodarcza, oświatowa i kulturalna / Red. I. Schiper, A. Tartakower, A. Hafftka. T. II. Warszawa, 1936. S. 542–549; *Majchrowski J. M.* Problem żydowski w programach głównych obozów politycznych // Znak. 1983. № 2. S. 389; *Zielecki A.* Żydzi w polskim ruchu niepodległościowym w Galicji przed pierwszą wojną światową i w czasie jej trwania // Żydzi w Małopolsce: Studia z dziejów osadnictwa i życia społecznego / Red. F. Kiryk. Przemyśl, 1991. S. 289–296; *Zygmuntowicz Z.* Żydzi w Legionach Józefa Piłsudskiego // Żydzi w służbie Rzeczypospolitej / Red. A. K. Kunert, A. Przewoźnik. T. 1. 1918–1939: Żydzi bojownicy o niepodległość Polski. Warszawa, 2002. S. 163; *Gałęzowski M.* Na wzór Berka Joselewicza: Żołnierze i oficerowie pochodzenia żydowskiego w Legionach Polskich. Warszawa, 2010.

других еврейских группировок, создавая временные союзы, в частности с украинскими движениями. оно безуспешно пыталось принудить правительство к созданию еврейской избирательной курии. тем не менее в значительной степени благодаря деятельности сионистов стало возможным создание – после выборов в австрийский рейхсрат в 1907 г. – первой в мире еврейской парламентской фракции. возникновение в галиции современного антисемитизма привело к тому, что бóльшая часть ассимилированной в культурном отношении еврейской молодежи оказалась в рядах сионистов. Накануне войны сионизм пользовался в регионе серьезным влиянием и тяготел к парламентаризму и соглашательству, отмежевываясь от радикализма, характеризовавшего это движение в россии и царстве польском[766].

Хотя в городах можно было без труда определить границу между христианскими кварталами и гетто, тем не менее отношения между поляками и евреями в галиции были хорошими. Несомненным фактом является то, что уже существовала враждебность галицийских крестьян к евреям. Но поводом для нее служили не столько националистические побуждения, сколько причины экономического и религиозного характера, а также методы завоевания популярности, которыми пользовались некоторые политики (в частности, ксендз Станислав Стояловский), для которых антисемитизм был удобным средством пропаганды и завоевания поддержки для своих партий. в условиях повсеместной нищеты и неграмотности «легко было использовать враждебность к евреям в борьбе за голоса избирателей», а в борьбе «с алкоголизмом и невежеством обращались чаще всего к антиеврейским аргументам»[767]. тот факт, что в автономной галиции поляки были правящим слоем, то есть им не угрожала утрата национальной самобытности в результате русификации или германизации, способствовал также и тому, что здесь влияние антисемитских лозунгов было меньше. Этому способствовали демократические, либеральные и парламентские традиции, а также позиция местных и центральных властей в вене, почти не оставлявшая возможностей для активной деятельности группировок крайне националистического и шовинистического характера. в галиции, хотя и она не была свободна от антиеврейских эксцессов, долгое время не происходило погромов. тем не менее на рубеже веков свой отпечаток на отношения между поляками и евреями накладывало нараставшее польско-украинское противостояние, а начало мировой войны и события, ей сопутствующие, стали впоследствии мощным катализатором для развития недоброжелательных взаимоотношений. трагическим завершением конфликта стали антисемитские выступления и еврейские погромы в 1918–1919 гг.

перед войной большинство галицийских евреев были верными и лояльными гражданами австро-венгрии. Существовала вера в скорую победу центральных держав. в массе своей евреи были против войны. тем не менее для некоторых из них, как и в остальных регионах Монархии, массовое участие в мобилизации должно было служить доказательством того, что они полностью отождествляют себя с

[766] *Mendelsohn E.* Op. cit. S. 42; *Wróbel P.* Op. cit. S. 64.
[767] *Wróbel P.* Op. cit. S. 67–68.

родиной и что в ее победе над россией видят не только славу австрийского оружия, но также «отмщение за кишинев»[768].

«евреи габсбургов» встали на сторону своего императора. Несмотря на то что в австро-венгрии военный энтузиазм был слабее, чем в германии, все же и в Монархии еврейская молодежь из либеральных кругов в довольно большом количестве являлась на вербовочные пункты. Многие евреи оказались в армии в качестве добровольцев на один год[769]. в кракове «от имени всех слоев и оттенков еврейского сообщества» местная еврейская община выпустила воззвание, в котором речь шла о «давно ожидаемом и весьма желаемом сведении исторических счетов между цивилизацией и варварством». одновременно краковские евреи, сохраняя «полную и непоколебимую гражданскую верность конституционному австрийскому государству», отдавали должное «непреходящему значению законов и идеалов польши». в львове совет еврейской религиозной общины поддержал постановление главного национального комитета об экипировке и содержании отрядов легионеров и, кроме того, обязался выделить из фонда общины пожертвование в размере 50 тыс. крон на военные цели. подобное происходило во многих местностях галиции[770]. в этой ситуации поражение австрии в галиции в начальной фазе войны стало полной неожиданностью для еврейского населения. дороги заполонили тысячи беженцев, искавших убежища в виду приближавшейся русской армии. они бежали за линию фронта, в венгрию, в Чехию, в австрию; столица империи стала центром, куда отовсюду устремлялись беженцы. Несмотря на помощь со стороны местных органов администрации и местных еврейских общин, положение беженцев ухудшалось с каждой неделей. вскоре растущей конкуренции и борьбе за рабочие места стали сопутствовать акты антисемитизма, зазвучали популистские выступления с требованиями насильственного вытеснения евреев в оккупированную русскими галицию[771].

Хуже всего сложилась ситуация для тех, кто не желал или не сумел бежать, их судьба зависела от русских[772]. генерал-губернатор оккупированной галиции георгий алексеевич бобринский издевательски «пообещал» делегации львовских евреев, что если они будут вести себя лояльно, то он им «обеспечит» такие же права, какими пользуются евреи в россии. какими же были эти «права»? русские отряды, чаще всего состоявшие из казаков, вешали евреев под любым предлогом, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков, грабили еврейское имущество, насиловали женщин и девушек, часто на глазах их отцов, мужей и детей, жестоко при этом избиваемых. военный врач, ставший свидетелем событий в галиции, в послании к еврейским

---

[768] *Zieliński K.* Stosunki polsko-żydowskie na ziemiach Królestwa Polskiego w czasie pierwszej wojny światowej. Lublin, 2005. S. 106–108. имелся в виду кишиневский погром 19–20 апреля 1903 г.

[769] *Schmidl E. A.* Juden in der K. (u) K. Armee 1788–1918. Eisenstadt, 1989. S. 125.

[770] *Zieliński K.* Stosunki polsko-żydowskie… S. 108. См. также: *Kramarz H.* Lwów i jego samorząd w chwili wybuchu Wielkiej Wojny // Studia Historyczne. 1992. № 2. S. 191–192.

[771] *Речистер Б.* к истории антисемитизма: разгром галицких евреев в годы первой мировой войны // Єврейська історія та культура кінца XIX – початку XX ст. / ред. г. аронов, л. Фінберг. київ, 2003. С. 104; *Wróbel P.* Op. cit. S. 71; *Zieliński K.* Relations between Jews, Poles and Russians at the beginning of World War I (1914–1915) // Pinkas. Annual of the Culture and History of East European Jewry. 2008. Vol. 2. P. 112–113.

[772] подробнее об оккупации русскими галиции см.: *Бахтурина А. Ю.* политика российской империи в восточной галиции в годы первой мировой войны. М., 2000.

организациям петрограда писал, что для многих простых, «оболваненных» пропагандой русских солдат, словосочетание «враг-австрияк» было почти равнозначно слову «еврей». он писал также, что с ужасом слушал рассказы офицеров, которые с удовольствием рассказывали друг другу, как казаки «очищали» от еврейского населения местечки и сельские поселения, встречавшиеся на их пути, и спорили об эффективности «методов», применяемых конкретными отрядами[773].

Среди сотен сообщений о варварстве русских отрядов есть и такое, которое врач в бродах, поляк по фамилии ясиньский, передал своему коллеге гильману: в местечке бжостек казаки поймали двух евреев, отца с сыном, и заявили им, что обоих повесят за шпионаж. однако потом сказали, что, если сын своими руками повесит отца, они подарят ему жизнь. отец якобы начал умолять сына, чтобы тот его повесил и спас себя: «Сын согласился… повесил отца. потом казаки повесили и его»[774].

Насколько это сообщение соответствует правде, установить невозможно; а преступления, которые совершали действовавшие в галиции русские отряды в отношении гражданского населения, наверняка нельзя приписывать исключительно казакам[775]. тем не менее не без причины в коллективной памяти еврейских жителей галиции, из поколения в поколение передававших рассказы о погромах времен богдана Хмельницкого, снова закрепился образ пьяных и измазанных кровью казаков, грабящих и поджигающих, насилующих и убивающих евреев. по мнению одного из историков, ужас, ставший уделом еврейского населения в первый год войны, превосходил то, что им выпало пережить в XVII в. во времена казацких восстаний[776].

в 1915 г. войска центральных держав вытеснили русских с большинства оккупированных территорий. Несмотря на это, многие беженцы решили остаться в австрии и в других регионах Монархии, вопреки экономическим трудностям и нараставшему недоброжелательному отношению к ним местного населения. Часть беженцев вернулась в свои дома, часто разрушенные и разграбленные. поляки и украинцы не слишком приветливо встречали возвращающихся; случалось, что их имущество и дома были уже заняты. результатом русского правления стала нищета, приобретавшая все более острые формы, и с этим не могла справиться широкомасштабная акция по спасению[777]. результатом всеобщего обнищания стали не только подрыв авторитетов и крушение социальной иерархии, но также рост уголовной преступности, падение традиционной нравственности, распад семей, распространение сутенерства и проституции[778]. в 1915–1917 гг. культурная жизнь евреев в галиции значительно ослабла, а политическая, по существу, сошла на нет. еврейские общины занимались главным образом акциями по спасению, и хотя не

---

[773] гарФ. Ф. 9458. бомаш М. Х. оп. 1. д. 159. л. 26–27.

[774] там же. л. 15. См. также: *Клиер Дж.* казаки и погромы: Чем отличались «военные» погромы? // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / отв. ред. О. в. будницкий. М., 2005. С. 47–70.

[775] Например, сообщения в материалах д-ра бомаша: гарФ. Ф. 9458. оп. 1. д. 168. л. 12–14.

[776] *Yarmolinsky A.* The Jews and other Minor Nationalities under the Soviets. N. Y., 1928. P. 51.

[777] *Wróbel P.* Op. cit. S. 72; *Żbikowski A.* Żydzi krakowscy i ich gmina w latach 1869–1919. Warszawa, 1994. S. 302–303.

[778] *Шустер Ф. М.* «дай мне хлеба, и я дам тебе девушку»: бедность, контрабанда, шпионаж и проституция во времена первой мировой войны в еврейском контексте // Мировой кризис 1914–1920… С. 10–28.

утихали партийные споры, вопросы «большой политики» почти не затрагивались. оживление наступило лишь после Февральской (1917 г.) революции в россии.

в январе 1918 г. IV универсалом центральная рада украины провозгласила независимую украинскую Народную республику (уНр). Хотя ее территория не должна была включать галицию, последующие события привели к тому, что разногласия, сопровождавшие создание уНр, в значительной степени отразились на отношениях между поляками и евреями.

На основании брест-литовского мирного договора от 9 февраля 1918 г. между центральными державами и уНр ее западная граница проходила по линии, разделявшей до войны габсбургскую монархию и россию, и включала уезды Холмщины и подляшья[779]. Это вызвало волну демонстраций протеста и забастовок в королевстве польском и в галиции[780]. объединение польских депутатских фракций в вене, польское коло, заявило, что «немецко-украинская дружба, которой предстоит укрепляться на трупе польши и литвы, имеет целью посеять ненависть между польским и украинским народами»[781]. по вопросу о Холмщине должны были высказаться и евреи, да и сам вопрос в целом повлиял на взаимоотношения между поляками и евреями не только на спорной территории, но и в галиции. евреям предстояло стать жертвами «польско-украинской ненависти», упомянутой в депутатском воззвании. для еврейских общественных кругов в галиции не остался незамеченным де-
кларативный либерализм, характеризовавший начинания центральной рады в отношении их единоверцев на «русской украине». в январе 1918 г. центральная рада приняла Закон о национальной и личной автономии. в силу его автоматически обретали право на автономию три самые крупные национальные группы: русские, поляки и евреи. действительно, позиция центральной рады в отношении евреев была одобрена лидерами еврейских политических партий, подчеркивавших почти образцовый характер статуса евреев и тех автономных институтов, которые были для них предусмотрены в данном законе[782].

С другой стороны, не остались незамеченными и погромы в провинции, которые не сумела предотвратить власть. Это сразу привело к углублению разногласий между евреями и украинцами и стало дополнительным фактором, приведшим к тому, что еврейские политические партии в галиции и королевстве польском полностью солидаризировались с поляками по вопросу о Холмщине[783].

---

[779] *Hrycak J.* Historia Ukrainy 1772–1999. Narodziny nowoczesnego narodu. Lublin, 2000. S. 130; *Bihl W.* Österreich-Ungarn und die Friedensschlüsse von Brest-Litowsk. Wien; Köln, 1970. S. 123–125.

[780] *Zieliński K.* Stosunki polsko-żydowskie... S. 347, 352–355.

[781] *Grosfeld L.* Sprawa Chełmszczyzny w 1918 r. // Kwartalnik Historyczny. 1974. № 1. S. 40–41; *Lewandowski J.* Królestwo Polskie wobec Austro-Węgier 1914–1918. Warszawa; Łódź, 1986. S. 146.

[782] *Abramson H.* A Prayer for the Government: Ukrainians and Jews in Revolutionary Times, 1917–1920. Cambridge, 1999. S. 46, 54, 84; *Hrycak J.* Op. cit. S. 131–132; *Jabłoński H.* Polska autonomia narodowa na Ukrainie 1917–1918. Warszawa, 1948. S. 83, 136–137.

[783] *Романчук О.* Зірка давида і тризуб володимира на тлі кремля. «український антисемітизм» 1917–1920 рр.: міфи і реальність // дзвін. 1991. № 10. С. 85; *Щетиніна Т.* Єврейське містечко в документах української центральної ради (1917–1918 рр.) // «Штетл» як феномен єврейської історії / ред. г. аронов, І. Сергєєва, М. Феллер, л. Фінберг, о. Мубразель. київ, 1999. С. 218–221; *Троцкий И. М.* еврейские погромы на украине и в белоруссии 1918–1920 гг. // книга о русском еврействе 1917–1967 / ред.

позиция еврейских масс на Холмщине и в подляшье, как и во всем королевстве польском и в галиции, была сдержанной. тем не менее высказывались и мнения, авторы которых не скрывали своей антипатии к украинцам, считавшимся явными антисемитами. официальные представительства в галиции протестовали. Со страниц еврейских газет звучало мнение, что совершенно необходимо, чтобы евреи вместе с поляками оказались по одну сторону в движении против «внуков жестоких гайдамаков»[784]. по сути, в память галицийских евреев надолго запало поведение казаков во время русской оккупации.

пресса, выходившая на идиш, хотя и поддерживала мысль о том, чтобы спорные территории оставались в руках поляков, все же не избежала спекуляций на тему о том, обладают ли евреи правом, так сказать, решающего голоса и есть ли у них шанс на получение определенных уступок, концессий или хотя бы обещаний со стороны польских властей[785]. расчет был на то, что различные противоречия, возникавшие по ходу решения польского вопроса и отражавшиеся на отношениях между австрией и германией, позволят ожидаемым для евреев образом решить еврейский вопрос. дополнительно заявлялось, что следует анализировать ситуацию евреев на украине, в галиции и литве, требовать для себя культурной автономии и национальных прав, но сохранять, безусловно, нейтралитет в национальных конфликтах[786]. в том, что касается положений брестского договора, польские и галицийские евреи почти везде солидаризировались с поляками. Этой позиции не изменил тот факт, что – абстрагируясь от актов террора, которые позволяли себе в отношении еврейского населения пренебрегавшие дисциплиной украинские отряды, – в определенных формах еврейская автономия на самом деле начала осуществляться[787]. однако вопрос о Холмщине не сблизил обе нации. вопреки демонстрации многими евреями польского патриотизма и лояльной позиции подавляющего их большинства, что отмечалось практически на всех уровнях – от ассимилированных, через представительства сионистских, фолькистских и социалистических партий, и заканчивая рядовым, чаще всего ортодоксально религиозным жителем *штетла* – замешательство, вызванное брестским договором, в конце концов должно было негативно сказаться на польско-еврейских отношениях.

Неприязненное отношение к евреям в 1918 г. еще более подогревалось доходившими из революционной россии вестями, касавшимися их роли и участия в

я. г. Фрумкин, г. я. аронсон, А. А. гольденвейзер. Минск, 2002. С. 70–72; The Pogroms in the Ukraine under the Ukrainian Governments (1917–1920): Historical Survey with Documents and Photographs. L., 1927; *Lewin I.* The Political History of Polish Jewry, 1918–1919 // A History of Polish Jewry during the Revival of Poland / Ed. I. Lewin. N.Y., 1990. S. 29–30; *Zieliński K.* Reperkusje traktatu brzeskiego z 1918 roku dla stosunków polsko-żydowskich // Studia Judaica. Biuletyn PTSŻ. 2003. № 1. S. 105–115.

[784] HHStA. Ministerium des Äußern (далее – MA). Sygn. P.A.I 1012 LK 56a/2. K. 363.

[785] *Zieliński K.* Reperkusje traktatu brzeskiego… S. 104–112.

[786] YIVO Institute for Jewish Research, New York (далее – YIVO). Lucien Wolf & Dawid Mowschowitch Papers (далее – WM). Sygn. 37. F. 10539. См. также: YIVO. WM. Sygn. 80. F. 8206–8208.

[787] См. подробно: *Abramson H.* Op. cit.; *Goldelman S.* Jewish National Autonomy in Ukraine 1917–1920. Chicago, 1968; *Гусєв В.* бунд і центральна рада: якою має бути українська держава (березень 1917 – квітень 1918 р.) // доля єврейських громад центральної та східної Європи в першій половині XX століття (до другої світової війни) / ред. г. аронов, л. Фінберг, в. богуславська, І. Злотнік, а. кержнер, І. Сергєєва. київ, 2004. С. 62–67; *Погребинська І.* Єврейська національна автономія та діяльність Національного Секретаріату в україні (1918–1919 рр.) // Єврейська історія та культура… С. 98–104.

новом, большевистском правительстве. углублявшаяся пауперизация населения, инфляция и трудности со снабжением – все это не могло не отразиться на взаимных отношениях. все более заметные признаки того, что военный потенциал центральных держав будет вот-вот исчерпан, способствовали радикализации настроений в обществе. в этой ситуации вопрос о Холмщине, вызывая, впрочем, справедливое возмущение польской стороны, привел к усилению не только патриотических, но и шовинистических позиций. поляки полагали, что они не нуждаются в поддержке евреев для своего «священного возмущения», они не верили, что евреи могут сыграть какую-либо роль в польско-немецко-австрийском или польско-украинском конфликте. Зато во многих случаях включался хорошо известный механизм: «во всем виноваты евреи». в некоторых газетах даже утверждалось, что за планами очередного «раздела» польши стоит Натан айдингер, якобы еврейский советник министра иностранных дел дуалистической монархии оттокара Чернина[788]. более всего пострадали галицийские евреи, которых считали ярыми сторонниками политики австрийцев. евреям в галиции оказали «медвежью услугу» также выступления их австрийских единоверцев: издаваемые ими венские еженедельники поздравляли уНр с заслуженной свободой, тем более что она должна была гарантировать неограниченные национальные права и соответствующее влияние в правительстве другим национальностям, проживающим на украине[789]. во многих городах галиции дело дошло до антиеврейских эксцессов, в некоторых – до серьезных беспорядков. против евреев выступала как учащаяся и студенческая молодежь в львове, так и крестьяне из небольшого села Нароле в окрестностях пшемысля; нападали на евреев, пользующихся железнодорожным сообщением пшемысль–Мшана, а в Стрые дошло до грабежей магазинов в еврейском квартале. однако наиболее крупные антиеврейские беспорядки, имевшие самые серьезные последствия, произошли в кракове 17−18 апреля. грабили и уничтожали магазины, мастерские и дома в еврейском районе казимеж; в результате этих событий были отмечены также факты нанесения тяжких телесных повреждений и даже смертельные случаи[790]. дело приобрело широкую огласку, о нем писала австрийская и германская пресса. резкая статья, осуждавшая виновников беспорядков в кракове, появилась также в «Wiener Mittag Zeitung», где краковские события прямо были названы еврейским погромом и высказывалось предположение, что это была «месть поляков за Холмщину»[791].

Четвертый год войны также ознаменовался активизацией в данном регионе политической жизни евреев, которая со времени русской оккупации словно бы находилась в состоянии сна. правда, споры внутри религиозных общин не прекращались, но высказываниями по общеполитическим вопросам они не сопровождались. Наиболее заметными были сионисты, и это несмотря на то, что

---

[788] *Gelber N. M.* The National Autonomy of Eastern-Galician Jewry in the West-Ukrainian Republic, 1918−1919 // A History of Polish Jewry... S. 226.

[789] *Zieliński K.* Stosunki polsko-żydowskie... S. 362.

[790] *Golczewski F.* Die polnisch-jüdische Beziehungen 1881−1922: Eine Studie zur Geschichte des Antisemitismus in Osteuropa. Wiesbaden, 1981. S. 170−171.

[791] *Żbikowski A.* Op. cit. S. 304; *Małecki J. M.* Zamieszki w Krakowie w kwietniu 1918 r.: Pogrom czy rozruchy głodowe? // The Jews in Poland / Ed. A. K. Paluch Vol. I. Cracow, 1992. S. 245. См. также: HHStA. MA. Sygn. P.A.I 1014 LK 56a/4-6. K. 84; Sygn. P.A.I 1051 LK 68. K. 245−246.

традиционно подавляющее большинство еврейского населения галиции было ортодоксально религиозным и далеким от идеи создания центра еврейской национальной оседлости в палестине[792]. по-прежнему большое влияние, особенно в городах, имели поляки иудейского вероисповедания, которые были приверженцами польской государственности и поддерживали идею аккультурации и ассимиляции евреев внутри польского общества.

Через несколько недель после подписания брестского договора во многих регионах королевства польского стала набирать силу начавшаяся еще ранее акция под лозунгом: «Не позволим себя скупать». в газетах публиковались «черные списки» поляков, которые продали принадлежавшую им недвижимость евреям, и печатались призывы к экономическому и общественному бойкоту «предателей»[42]. в галиции наиболее влиятельным рупором этой акции выступал краковский „Głos Narodu», в котором то и дело размещались истерические тексты, снабженные следующими заголовками: «в чужие руки»; «против предателей»; «За польскую землю»; «в еврейские руки»; «евреи скупают дома». отовсюду поступала информация о том, что продаются поместья и сельскохозяйственные угодья, земельные владения, огороды в предместьях. беспардонным нападкам подвергались как горожане и крестьяне, так и титулованные землевладельцы и католические священники, если последним случалось сдать в аренду приходский сад еврею[43].

Столь преувеличенное представление об угрозе «скупки» усиливало неприязнь к евреям. Хотя призывы не продавать дома и землю были обращены к небольшой группе продающих, тем не менее они были так же «убедительны», как и призывы бойкотировать еврейские товары. благодаря использованию таких лозунгов можно было если не сколотить, то, по меньшей мере, упрочить политический капитал, не слишком рискуя вызвать недовольство со стороны масс потенциальных избирателей: ведь «массы» не торговали недвижимостью, но «массы» голосовали на выборах в органы самоуправления, а в будущем им предстояло голосовать на парламентских или президентских выборах. в галиции, как сообщало издание «Wyzwolenie», благодаря шинка́м, «находящимся преимущественно в руках евреев, а также ростовщичеству, $^{1}/_{3}$ земли Нарастание польско-украинского конфликта привело к тому, что в общественном мнении меньше внимания уделялось октябрьской революции в россии. в галиции, из-за отсутствия крупных рабочих центров, она, а значит и доля в ее руководстве представителей еврейской национальности, не получила столь громкого резонанса, как в королевстве польском. Стереотип «жидокоммуны», охотно используемый антисемитами в россии и в королевстве польском и становившийся все более популярным на Западе, значительно медленнее проникал в общественное мнение галиции. правда, в венских вузах обучалось довольно много представителей еврейской национальности, – среди них были и те, кто проживал за пределами габсбургской монархии, – которые придерживались социал-демократических взглядов, но среди галицийских евреев эти взгляды особой популярностью не пользовались. поэтому галиция довольно

[792] *Żbikowski A.* Op. cit. S. 303–304.

долго казалась свободной от того, чтобы «автоматически» отождествлять понятия «еврей» и «большевик»[793].

Это, однако, не означает, что положение евреев в галиции было лучше. все более активная акция против продажи имений подогревала антисемитскую кампанию. протесты со стороны еврейских кругов касались не столько горстки тех, кому вследствие предпринятой контракции не удалось более или менее заработать. важнее было то, что евреи признавались недостойными покупать польскую землю, а тем самым им отказывалось в праве проживать на ней. в условиях галиции данное явление, даже если оно имело поддержку лишь в общественном мнении, не подкрепленную авторитетом правительства, было чем-то новым. возникали опасения, что не только в вопросах политических, но также в сфере экономической и общественной жизни к евреям в будущей польше будет отношение как к гражданам второго сорта. к слову сказать, в эти месяцы антисемитские настроения нарастали по всей австро-венгрии. Широко распространялось мнение о евреях, которые во время войны «нещадно эксплуатировали население». Не обошла эта волна и армию. так, весной и летом 1918 г. тыловые гарнизоны страны захлестнула волна мятежей, ударной силой которых стали «возвращенцы» с русского фронта. по убеждению солдат, евреи и капиталисты, нажившие на военных поставках громадные барыши, были двумя сторонами одной медали. «Мы видим, что война ведется не из-за нас, бедных, а чтобы капиталисты могли набить карманы… почему евреи не на фронте? каждый зажравшийся хорошо одет и целую вечность в тылу, а бедные должны воевать и умирать…» так рассуждали в мае 1918 г. словаки, вернувшиеся из русского плена и проходившие проверку на благонадежность в лагере недалеко от сербского города крагуеваца [794]. бывшим фронтовикам приходилось контактировать с чиновниками. острие их ненависти, провоцировавшей агрессивное поведение, было обращено против евреев, окопавшихся, по их мнению, в тыловых канцеляриях. поражения армии, дороговизна продуктов, достигшая внутренних районов Монархии волна беженцев-евреев из галиции − все это превращало офицера-еврея в излюбленную мишень. На нем вымещал-

[793] См., например: *Pulzer P.* The Development of Political Anti-Semitism in Austria // The Jews of Austria: Essays on Their Life, History and Destruction / Ed. J. Fraenkel. L., 1967. S. 429−443; *Schwarz R.* Anti-Semitism and Socialism in Austria 1918−1962 // The Jews of Austria… S. 445−447.

[794] *Plaschka R., Haselsteiner H., Suppan A.* Innere Front: Militärassistenz, Widerstand und Umsturz in Donaumonarchie 1918. Wien, 1974. Bd. I. S. 387−388.

-

ся «праведный» гнев уставших от тягот войны австро-венгерских солдат. анти семитизм военнослужащих имел мощную подпитку в корреспонденции родственников, страдавших в тылу от недоедания и считавших евреев единственной группой населения, извлекшей выгоду от войны [795] . тем временем развитие международной ситуации и нарастающее в течение последнего года войны стремление к обретению независимости способствовали продвижению польши по пути достижения суверенности. принимая во внимание результаты революции в россии и брестские постановления, отдельные политические партии начали формулировать основы своей политики по польскому вопросу. практически исчезла ориентация на вену, от которой отмежевались даже самые горячие ее сторонники. активизировались левые круги сторонников независимости, которые умело использовали антигабсбургские настроения и указывали на правильность своей прежней политики, направленной против центральных держав. брестские постановления, жесткие меры по восстановлению спокойствия, применяемые оккупационными властями в королевстве польском, вести, доходившие из россии и районов, оккупированных немцами на востоке, способствовали радикализации настроений в обществе[49]. рост патриотических настроений, убежденность в том, что австрия слаба и

что лишь военные и политические неудачи германии могут быть выгодны польше, усугубляли неприязнь к евреям, ассоциируемым с оккупантами. отношения между поляками и евреями, несмотря на то что евреи демонстрировали польский патриотизм и декларировали по разным поводам солидарность с польской стороной, систематически ухудшались [796] . Немалую роль в этом играли и все большее обнищание, и инфляция, и трудности со снабжением, и ширящаяся спекуляция, в которой повсеместно – отчасти справедливо – обвиняли евреев. поэтому в последний год войны все чаще стали звучать лозунги о необходимости «национализации» промышленности и торговли, в том числе в многонациональной галиции, которая еще помнила либеральные и относительно демократические времена правления Франца иосифа[797].

Начиная с лета 1918 г. все четче стали проявляться признаки того, что исчерпывается военный потенциал и наступает внутреннее расслабление уже не только австро-венгрии, но и германии. изменения в расстановке сил и в самой политической ситуации отмечались еврейскими кругами на Западе; они оказывали еще больший нажим на государства антанты с тем, чтобы те гарантировали равенство и национальные права меньшинствам в центрально-восточной европе. высказывалось мнение, что евреи в этих странах, особенно в «польше, должны в национальных конфликтах сохранять абсолютный нейтралитет, но одновременно требовать для себя предоставления автономии и национальных прав»[798].

---

[795] первая мировая война: исторический очерк / отв. ред. в. л. Мальков, г. д. Шкундин. М., 2005. С. 536. [49] *Lewandowski J.* Op. cit. S. 150–153.

[796] YIVO. WM. Sygn. 131. F. 16225.

[797] The Bulletin of the Joint Distribution Committee of the American Funds for Jewish War Sufferers. 1918. Vol. 2. № 7. S. 3–13.

[798] YIVO. WM. Sygn. 37. F. 10539; Sygn. 80. F. 8206–8208.

Чувство радости по поводу близкого окончания войны у галицийских евреев омрачалось существовавшими опасениями. антисемитские настроения в польском обществе усиливались, а события, непосредственно предшествовавшие созданию в кракове 28 октября польской ликвидационной комиссии, а в королевстве польском – люблинского правительства, и день 11 ноября не внушали оптимизма.

Свое отношение к происходящим в стране в последние месяцы войны событиям должны были выразить также евреи. почти во всех, не охваченных борьбой с украинцами, галицийских городах еврейские представительства декларировали свою поддержку и желание участвовать в создании структур польской государственности[799]. однако события в россии, популярность сионизма, интерес к которому особенно возрос после опубликования 2 ноября 1917 г. британским правительством так называемой декларации бальфура [800], вынудили лидеров еврейских партий определить свою позицию и по другому вопросу. речь шла об автономии, которой добивалась значительная часть еврейских партий, кроме ортодоксов и ассимиляторов[801]. ареной споров по поводу этой автономии стало королевство польское. позиция польского общества была такова, что надо отвергнуть требования об

автономии – в опасении, что и другие этнические общности, оказавшись в пределах будущего государства, могут потребовать таких же прав, а это может серьезно ослабить польский элемент в стране и усилить центробежные тенденции. при этом указывалось на конфликт с украинцами в восточной галиции[802]. Франтишек буяк, в то время профессор ягеллонского университета, в своем докладе на тему «еврейский вопрос в польше» в ноябре 1918 г. указывал, что навязывание автономии привело бы к углублению расхождений между евреями и поляками [803]. действительно, согласие на предоставление евреям автономии могло бы сыграть роль важного и опасного прецедента в многонациональной польше. концепция культурно-национальной автономии евреев в польше не получила своего воплощения, но несомненно, что появление таких требований способствовало ухудшению отношений с поляками, особенно если учесть, что еврейские круги, пытаясь найти поддержку своим планам на Западе, проводили антипольскую пропагандистскую кампанию[804]. Защитники еврейской автономии не нашли поддержки на парижской мирной конференции, но на польшу теперь распространились международные обязательства, гарантирующие защиту прав национальных меньшинств. однако, как

---

[799] См., например: *Wierzbieniec W.* Społeczność żydowska a Polacy i Ukraińcy w Przemyślu w okresie II Rzeczypospolitej // Żydzi i judaizm we współczesnych badaniach polskich: Materiały z konferencji / Red. K. Pilarczyk. Kraków, 1997. S. 283.

[800] Эта декларация, опубликованная в форме письма главы Форин оффис артура бальфура банкиру лорду ротшильду, заявляла, что британское правительство «относится благосклонно к установлению в палестине национального очага для еврейского народа и приложит все свои усилия, чтобы облегчить достижение этой цели».

[801] *Żyndul J.* Państwo w państwie? Autonomia narodowo-kulturalna w Europie Środkowowschodniej w XX wieku. Warszawa, 2000. S. 84−96.

[802] Archiwum Akt Nowych (далее − AAN). Komitet Narodowy Polski w Paryżu (далее − KNP). Sygn. 20886. K. 123−125.

[803] AAN. KNP. Sygn. 20884. S. 116−117.

[804] *Mich W.* Obcy w polskim domu: Nacjonalistyczne koncepcje rozwiązania problemu mniejszości narodowych 1918−1939. Lublin, 1994. S. 37.

представляется, гражданское равенство, гарантированное польскими конституциями, было бы в послевоенной атмосфере утверждено и без нажима великих держав-победительниц[805].

в галиции на рубеже октября и ноября 1918 г. началось бескровное, как пра вило, разоружение австрийских солдат и занятие помещений военной администрации. участие в этом принимали также и евреи. в кракове в ответ на призыв польской ликвидационной комиссии от 4 ноября, адресованный евреям (речь шла об активной поддержке еврейским населением процесса передачи власти австрийской стороной), через два дня была организована массовая политическая демонстрация. были созданы, в частности, еврейский военный комитет, еврейская академическая лига (в задачу обоих образований входило также исполнение функций еврейской самообороны) и еврейский национальный совет для Западной галиции. ликвидационная комиссия поначалу признала эти представительства, однако спустя несколько дней членам обеих военизированных организаций было предписано вступать в ряды городской милиции[806]. в других городах галиции подобные попытки также предпринимались, но в восточной галиции им сопутствовала атмосфера более напряженная, чем в кракове.

организации самообороны создавались не случайно. была еще жива память об апрельском краковском погроме и о том, что происходило в других местностях галиции после объявления о подписании брестского договора. опасения перед погромами, как очень скоро оказалось, были вполне обоснованными. в материалах American-Jewish Joint Distribution Committee, популярно называемого джойнт, касающихся зарегистрированных случаев погромов и актов насилия в отношении евреев в октябре–декабре 1918 г., можно найти названия десятков местностей, главным образом в галиции, и несколько находившихся в королевстве польском[807].

Хаос, экономический кризис и вполне понятная боязнь всего «нового», несомненно, создавали благоприятную почву для всякого рода революционных выступлений и провозглашения радикальных социальных лозунгов. вести из революционной россии лишь подогревали подобные настроения. для галицийского села имели также значение события, связанные с коротким периодом существования так называемой тарнобжегской республики, руководители которой добивались, в частности, раздела помещичьих владений. в местности розвадов 4 и 13 ноября дело дошло до грабежей имущества еврейского населения польскими солдатами. участие в этих инцидентах принимало в массовом порядке местное население и окрестное крестьянство, подстрекаемое о. Эугениушем оконем, одним из лидеров самозваной тарнобжегской республики[808].

---

[805] *Рудницкий Ш.* отношение евреев к восстановлению независимости польши // Мировой кризис 1914–1920… С. 172–173; *Tomaszewski J.* Niepodległa Rzeczpospolita // Najnowsze dzieje Żydów w Polsce / Red. J. Tomaszewski. Warszawa, 1993. S. 156.

[806] *Mroczka L.* Przyczynek do kwestii żydowskiej w Galicji w progu Drugiej Rzeczypospolitej // Żydzi w Małopolsce… S. 298–300; *Żbikowski A.* Op. cit. S. 305–306.

[807] YIVO American Jewish Joint Distribution Committee. Records (далее – AJDC). Sygn. RG 347.8.

[808] Ibidem.

Хотя не все из тех происшествий, о которых свидетельствуют еврейские источники, можно классифицировать как погромы (иногда это могла быть просто драка двух соседей или торговца с клиентом), не подлежит сомнению, что в галиции осенью 1918 г. имел место взрыв антисемитизма в неслыханном до той поры масштабе. приведем несколько показательных примеров. Например, в ропчицах еврейскому депутату пинкасу Фридриху, в то время уже пожилому человеку примерно 70 лет, велели раздеться, а затем назначили ему наказание розгами за то, что он занимался скупкой краденого[809]. такое происходило во многих местностях. Мы не знаем, действительно ли Фридрих занимался скупкой краденого, но вызывает возмущение способ назначения наказания для представителя городских властей, без суда и на глазах у толпы. публичное унижение само по себе служило дополнительным наказанием. легко также представить себе, что публичное наказание розгами депутата-еврея могло служить своего рода поощрением и для других, принимавшихся «наводить справедливый порядок собственными руками». позиция городских и гминных властей была неоднозначной. действительно, их авторитет довольно часто был недостаточен для того, чтобы сдержать разбушевавшуюся толпу, но отмечено также немало случаев, когда представители властей вели себя пассивно и даже двусмысленно. Например, в местности ранижов 7 ноября именно солтыс (староста) возглавил толпу крестьян, грабивших имущество евреев; в тот же день солтыс в кальварии Зебжидовской отказал евреям в защите от крестьян, прибывших из расположенных поблизости вадовиц; бургомистр местности кольбушова лишь спустя три дня дал согласие на формирование отрядов еврейской самообороны (1−4 ноября); в радомысле великом комендант жандармерии и магистрат запретили местной милиции вмешиваться в случае нападений на еврейское население. в ивониче, например, комендант местной милиции сам возглавил отряд из более чем 100 вооруженных крестьян, которые 2 ноября напали на местных евреев; в беспорядках и грабежах во многих местах участвовали и солдаты[810]. военные, действительно, иногда не вмешивались, а некоторые сами принимали участие в беспорядках. Это, впрочем, не всегда были мародеры, дезертиры или демобилизованные австрийские солдаты. Случались и такие ситуации, когда за защиту еврейских домов вооруженные люди требовали плату. такой случай имел место, в частности, в городе прухник, где солдаты из города ярослав, находящегося под жешувом, потребовали плату в размере 500 крон с каждого владельца еврейского магазина. в местечке Ниско от жителей-евреев потребовали ежемесячную контрибуцию за охрану. в Мостисках за разрешение организовать оборону местные власти истребовали с евреев оплату в сумме 25 тыс. крон, а если учесть, что в происшедших позднее инцидентах пострадали 300 еврейских семей, то, вероятно, эти обязательства даже не были выполнены, хотя и значились в «договоре»[811].

[809] Ibidem.
[810] Ibidem.
[811] Ibidem.

-

Столь же редко местные элиты, интеллигенция и духовенство вставали на защиту преследуемых евреев. доминировали пассивность и выжидательная позиция, хотя бывали случаи, когда они вставали на сторону преследуемых, в частности, в дынове, пильзне и в елесне. однако достаточно было и противоположных примеров, когда священники, зачастую симпатизировавшие Национал-демократической партии («эндекам»), подстрекали толпу к нападению на евреев[812]. известно, что в некоторых местностях (в частности, в лимановой и ее окрес-
тностях) добычей крестьян оказывались и местные усадьбы или дома мещан, что также может объясняться пассивностью элит и городских властей, вынужденных выбирать, кого им защищать, уже не задумываясь относительно правиль ности такого выбора. такая ситуация имела место, в частности, в кольбушовой, где христиане, зажиточные горожане, организовали собственный отряд самообороны, состоявший примерно из 100 мужчин, хотя, как указывалось ранее, евреям было разрешено организовать подобный отряд лишь спустя несколько дней после начала беспорядков. кольбушова не была исключением. евреям запретили формировать отряды самообороны или разоружали их во многих других местностях: ярославе, ясле, розвадове, Мельце. евреев исключали также из рядов городской милиции, как это происходило в местечке Мшана дольна, а это, в свою очередь, ставило еврейское население в еще более трудное положение[813].

в маленьких местечках, как в восточной, так и в Западной галиции, практически не было крупных промышленных центров, где концентрировались бы рабочие, которые, как это видно на примере королевства польского и крупных городов, легче организовывались и оказывали сопротивление. в королевстве польском этому способствовал тот факт, что часть деятелей польских и еврейских рабочих партий уже имели за плечами боевое крещение, которым стали для них события 1905 г. или участие в жестоко подавляемых царским режимом демонстрациях и забастовках рабочих[814].

Можно размышлять, почему возмущение сельского населения столь часто находило выход в нападении на еврейское население. галицийские евреи наверняка не относились к разряду самых зажиточных, однако вследствие агитации антисемитского характера возмущение населения обращалось против них, ибо бытовало всеобщее мнение, что они являются скупщиками краденого и спекулянтами. Мнение о евреях, которые во время войны «нещадно эксплуатировали население», было распространено по всей стране, а также среди

---

[812] Ibidem.

[813] *Lis E.* Dzieje Żydów w Kolbuszowej do 1939 roku // Prace Historyczno-Archiwalne. 2002, T. XI. S. 189–190; *Zieliński K.* Uwagi na temat pogromów i zajść antysemickich w Galicji jesienią 1918 roku // Rocznik Mielecki. 2007–2008. T. X–XI. S. 119–127. См. также: Evidence of Pogroms in Poland and Ukrainia (Documents, Accounts of Eye-witnesses, Proceedings in Polish Parliament, Local Press Reports etc). N. Y., 1919. S. 7–54.

[814] *Zieliński K.* Polski i żydowski ruch robotniczy w Królestwie Polskim w latach I wojny światowej // Studia Judaica. Biuletyn PTSŻ. 2004. № 1. S. 49–78.

поляков за границей[815]. в подготовленных еврейскими агентствами на Западе отчетах о том, что про-

исходило на польских землях в 1918 и в январе 1919 г., высказывалось мнение, что на евреев нападали, чтобы таким образом «отметить обретение польшей независимости» (так объяснялись причины событий, происходивших, в частности, в местечке Мшана дольна)[816]. однако более вероятно, что крестьяне, особенно в подкарпатье, видя, как бегут австрийцы, почувствовали себя безнаказанными и долгое время подавляемая ненависть нашла выход в физических нападениях. Свою роль сыграло также стремление обогатиться, тем более что эти события совпали по времени с бедствием неурожая, эпидемией тифа, а также с усилением радикальных настроений, главная причина которых, как считают некоторые исследователи, заключалась в царившем в галицийском селе земельном голоде, а также в необходимости реформы сельского хозяйства[817].

трудно сказать, что больше способствовало нападениям на еврейское население: желание пограбить и безнаказанность или антисемитская пропаганда. позиции «эндеков» в галиции не были особенно сильны, но тем не менее их антисемитские лозунги нашли здесь, как представляется, благоприятную почву. действительно, «антисемитская пропаганда подхватывала любые оппозиционные выступления евреев и их критические высказывания в адрес польских властей, чтобы затем, сознательно их искажая, представить еврейское население как элемент, неприязненно относящийся к польскому государству, что не соответствовало истине»[818].

в галиции на положение евреев в большой степени повлияли их торговое посредничество и польско-украинский конфликт. Спор с украинцами в восточной галиции стал очередным больным вопросом в отношениях между поляками и евреями. евреи не хотели играть роль «третьей силы» в конфликте и заняли нейтральную позицию, но, несмотря на это, им не удалось избежать обвинений в предательстве, выдвигавшихся как с польской, так и с украинской стороны[819]. результатом стали не только громкие события в львове 22–24 ноября, десятки погибших во время погрома в городе и сотни раненых. в местечке Сондова вишня обвинения в адрес евреев в том, что они приняли сторону украинцев, стали непосредственным поводом для репрессий, которые устроили польские солдаты. подобная ситуация возникла также в пшемысле, где количество жертв достигло 15. Слухи о том, что в галиции евреи заняли сторону украинцев и «стреляют в спину польским солдатам», добавили к традиционным обвинениям против евреев еще одно, которое быстро распространилось на другие польские земли[820].

---

[815] цит. по: *Radzik T.* Stosunki polsko-żydowskie w Stanach Zjednoczonych Ameryki w latach 1918–1921. Lublin, 1988. S. 24.

[816] YIVO. AJDC. Sygn. RG 347.8.

[817] *Zieliński K.* Uwagi na temat pogromów… S. 124.

[818] *Lis E.* Op. cit. S. 189–190.

[819] *Hagen W.* The Moral Economy of Ethnic Violence: The Pogrom in Lwów, November 1918 // Geschichte und Gesellschaft. 2005. H. 2. S. 203–226; *Меламед В.* евреи во львове (XIII – первая половина XX века). львов, 1994. С. 134–135; *Różański P.* Pogrom lwowski 22 listopada 1918 roku w świetle zeznań Organizacji Syjonistycznej złożonych przed Komisją Morgenthaua // Kwartalnik Historii Żydów. 2004. № 3. S. 347–358.

[820] *Zieliński K.* Uwagi na temat pogromów... S. 126.

-

тем не менее в галиции, особенно в ее западной части, главным мотивом преступлений стала вовсе не «большая политика», а жажда обогащения и безнаказанность за грабежи. Здесь – в противоположность, скажем, львову, где в беспорядках принимали участие горожане, – нападавшими оказывались главным образом крестьяне окрестных деревень. еврейские организации называли «патриотическими» предпосылки погромов – организуемых «в ознаменование независимости польши», но такие предпосылки были сравнительно редкими, и этому не приходится удивляться, если учесть, что национальное самосознание крестьян в данный период было еще слишком слабым. в галиции на такое положение вещей повлияла относительно мягкая и весьма далекая от идеи денационализации политика габсбургов. обвинения в «жидокоммуне» также не приобрели в галиции такого масштаба, как, скажем, в варшаве, люблине или других городах королевства польского. Несомненно, однако, что те, кто совершал нападения на еврейское население, руководствовались желанием отомстить за мнимое сотрудничество с австрийцами, за все болезненные аспекты, связанные с трудностями в снабжении, и за «галицийскую нищету». и еврейское население стало, таким образом, пресловутым козлом отпущения, а если принять во

внимание тот факт, что еврейский купец или торговец всегда располагал хотя бы небольшой денежной наличностью, на отсутствие которой «вечно» жаловался крестьянин, то евреи тем самым становились объектом ненависти, а значит, и нападения. грабеж и жажда мести были главными причинами погромов в галиции осенью 1918 г. отступление австрийцев, связанный с этим хаос, уверенность в том, что война скоро закончится, экономический кризис и радикализация настроений крестьянской массы – все это, безусловно, формировало своего рода базу для будущих погромов. Свою роль сыграли здесь также застарелые предубеждения и стереотипы, подпитываемые представителями некоторых политических кругов и духовенством. польско-украинский конфликт в восточной галиции и обвинения евреев в том, что они поддерживают украинцев, несомненно, стали мощным катализатором погромов. Но в последние месяцы 1918 г. в селах и небольших городках Западной галиции они не приобрели еще такой действенной силы, как на львовской, пшемысльской земле или на Холмщине, которой угрожала опасность быть отторгнутой от польши в силу брестского договора.

Мировая война не только значительно ослабила, но в прямом смысле уничтожила основы материального существования тысяч галицийских евреев. «С началом первой мировой войны, в 1914 г., почти все вокруг было уничтожено на 90 процентов… вся жизнь евреев, прежде столь идиллическая, была разрушена до основания», – вспоминал Хаим ратхойз, проживавший в местечке белжце[821]. подобные сообщения касаются сотен местечек в галиции.

Многие галицийские евреи больше никогда не вернулись в свои дома, многие вынуждены были заняться поиском совершенно новых источников заработка. а найти его было нелегко в разоренной стране при государственной политике, делавшей ставку на национализацию (полонизацию) промышленности и торговли. более того, вопреки галицийским традициям, новая польша систематически «национализировала» государство, его администрацию, органы самоуправления и вооруженные силы, почти совсем лишая возможностей всех неполяков.

Современный антисемитизм, который уже присутствовал, но, возможно, был еще не слишком заметен в галиции накануне 1914 г., во время войны праздновал триумф. канули в прошлое «золотые времена» габсбургов и относительно дружественное или, во всяком случае, нейтральное сосуществование евреев с поляками и украинцами[822]. Этнический национализм не был чужд ни одному из вновь образовавшихся государств центрально-восточной европы. Что же касается польских земель, особенно галиции, то здесь он собирал особенно кровавую жатву. более того, на еврейское население, пережившее казацкие погромы, обрушилась очередная волна погромов – на сей раз организованная их польскими и украинскими соседями.

Авторизованный перевод с польского Е. Л. Шиманьской

---

[821] *Rathojz Ch.* Żydzi w Bełżcu // Tam był kiedyś mój dom: Księgi pamięci gmin żydowskich / Red. M. AdamczykGarbowska, A. Kopciowski, A. Trzciński. Lublin, 2009. S. 122.

[822] *Himka J. P.* Dimensions of a Triangle: Polish-Ukrainian-Jewish Relations in Austrian Galicia // Polin: Studies in Polish Jewry. 1999. Vol. 12. P. 26–31.

А. В. Добржанский Украинское национальное движение в Буковине в годы Первой мировой войны

к началу первой мировой войны украинское национальное движение в буковине достигло весьма значительных успехов. в крае была создана разветвленная сеть украинских национально-культурных, просветительских, профессиональных, спортивных, молодежных обществ, через которые в национальное движение вовлекались широкие слои населения из различных социальных групп. центральное и старейшее украинское общество «руська бесида» (буквально «украинский язык»), насчитывало 9 окружных филиалов и 154 местных организации – сельские читальни[823]. Фактически в каждом украинском селе было создано отделение «руської бесиды». большой популярностью, особенно среди молодежи, пользовались спортивно-гимнастические, противопожарные организации «Сич», насчитывающие 117 сельских организаций и руководимые общекраевым органом «Союз сичей». Экономическими вопросами занимались 169 крестьянских касс[824].

Накануне войны украинцы буковины имели 5 представителей в нижней палате австрийского рейхсрата и 17 депутатов (из 63-х) в буковинском сейме. интересы украинцев в общественных вопросах отстаивали 4 политические партии – национально-демократическая, радикальная, народная и социал-демократическая. все они стояли на национальных позициях и выступали за создание украинской национально-культурной автономии в пределах австро-венгрии. в качестве отдаленной перспективы в программных документах подчеркивалось стремление к созданию независимого украинского государства. русофильский (москвофильский) проект в отношении украинского населения не получил значительного распространения в буковине. Это обуславливалось незаинтересованностью в поддержке русофильских стремлений ни официальными австрийскими властями, ни крупными игроками на политической арене края из представителей румынской, немецкой и еврейской элит. поэтому с 1905 г. буковинские русофилы не имели своих представителей ни в парламенте, ни в местном сейме, ни в органах городского самоуправления. в 1910 г. против них начались открытые гонения. в частности были закрыты «русско-православный народный дом», «русско-православный детский приют», «общество русских женщин», молодежное общество «карпат», «русская дружина» и др. официальная причина – политическая деятельность, не предусмотренная зарегистрированными уставами [825]. в 1914 г. несколько ведущих русофилов подверглись аресту. Часть из них через несколько дней отпустили, а братья алексей и георгий геровские сумели бежать из тюрьмы 7 июня того же года и перебраться в россию.

С первых дней войны буковина оказалась в прифронтовой зоне. боевые действия на территории края начались уже 6 августа, а 2 сентября Черновцы были оккупированы российскими войсками. Спасаясь от них, значительная часть украинской

[823] буковинський православний календар на рік звичайний 1914. Чернівці, 1913. С. 48–51.

[824] См. подробно: *Добржанський О.* Національний рух українців буковини другої пол. XIX – початку XX ст. Чернівці, 1999.

[825] розв'язанє москвофільських товариств в Чернівцях // Народний голос. 1910. 11 трав.

интеллигенции, общественных и политических деятелей вынуждена была покинуть край. большинство буковинцев переехало в вену, часть в прагу и другие города империи.

украинские национальные партии буковины приняли участие в формировании межпартийного объединения галицийских и буковинских политиков − главной украинской рады (гур). она должна была представлять интересы украинского населения в условиях войны. один из лидеров буковинских национал-демократов Николай василько стал заместителем председателя этой организации. 4 августа 1914 г. в манифесте гур выдвигалось требование создания независимого украинского государства на территориях, входящих в состав российской империи, и объединения украинских земель австро-венгрии в отдельный коронный край с широкой национально-культурно автономией. в документе отмечалось, что только победа в войне германии и австро-венгрии может привести к созданию независимой украины[826]. в мае 1915 г. это межпартийное объединение было преобразовано во всеобщую украинскую раду (вур) с расширением представительства депутатов различных уровней. в годы войны она оставалась руководящим органом украинского национального движения в галиции и буковине. вместе с тем, определенную роль в выработке программы действий украинского национального движения (в особенности тактики) играли объединения депутатов австрийского рейхсрата и местных сеймов.

15 декабря 1914 г. украинские парламентские депутаты от галиции и буковины впервые в условиях войны собрались на общее совещание в вене. они подтвердили линию на полную поддержку австро-венгрии в войне. депутаты обсудили последствия москвофильской политики, злоупотребления польских властей относительно украинского населения галиции, военные неудачи. была разработана программа деятельности, которая включала издание в вене украинских газет «діло», «буковина» и «Ukrainisches Korrespondenzblatt», а также украинских календарей; интенсивное информирование австрийской и германской общественности об украинском народе; издание меморандумов, обращений, политических брошюр и распространение их в политических кругах габсбургской монархии. депутаты намеревались потребовать освобождения незаконно арестованных и интернированных лиц, защищать украинское духовенство, предоставить возможность беженцам вернуться домой; добиваться создания отдельного украинского коронного края в рамках австро-венгрии и независимого украинского государства из территорий, входивших в состав россии и др.

как мы видим, политическая программа украинских депутатов в первые месяцы войны была довольно скромной и не выходила за рамки традиционных требований политиков, лояльных австро-венгрии. первые четыре требования реализовывались довольно успешно и имели положительное значение для украинцев. при содействии галицийских и буковинских депутатов началась активная информационная кампания для того, чтобы разъяснить австрийским

[826] *Левицький К.* Історія політичної думки галицьких українців 1848−1914. львів, 1926. С. 720–723.

властям стремления украинцев в условиях войны и отбросить безосновательные обвинения в русофильских симпатиях. в вене возобновилось издание газет «буковина», «діло», украинских календарей и популярных брошюр. определенная помощь предоставлялась беженцам, несколько раз поднимались проблемы материального обеспечения и использования в боевых действиях легиона украинских сечевых стрельцов (уСС). в условиях войны (как и в предвоенные годы) в отношениях между буковинскими и галицийскими депутатами возникали определенные трения, обусловленные тактическими разногласиями. в конечном итоге, это привело к открытому конфликту. 8 ноября 1916 г. галицийские парламентарии заявили о роспуске украинского парламентского клуба (образовавшегося еще до войны) и создали украинскую парламентскую репрезентацию галиции. в неё вошли депутаты от национально-демократической и радикальной партий. галичане отказались объединяться с депутатами от буковины. в свою очередь, 3–5 декабря 1916 г. состоялось отдельное заседание Союза парламентских и сеймовых депутатов буковины. возглавляемые василько, они подтвердили традиционный курс, который выражался в словах «верные императору и государству». буковинские депутаты в течение всей войны оставались наиболее лояльными австрийским властям. Это в значительной мере определялось позицией самого василько, полагавшего, что все вопросы можно решать путем закулисных переговоров с представителями власти. первая оккупация Черновцов российскими войсками продолжалась с 2 сентября по 19 октября 1914 г. Затем, после месячного перерыва, Черновцы вновь оказались под русской оккупацией с 27 ноября 1914 до 17 февраля 1915 г. осенью 1914 – зимой 1915 г. на оккупированной территории Западной украины было создано галицкое военное генерал-губернаторство, в состав которого вошла Черновицкая губерния. Местную гражданскую администрацию возглавил коллежский советник С. д. евреинов. в отношении украинского движения российская администрация заняла четкую позицию, обоснованную еще до войны. она состояла в том, чтобы полностью уничтожить любые проявления украинского движения («мазепинства») как враждебного россии и по возможности быстрее русифицировать местное население. Считалось, что сделать это можно весьма просто, применяя административные и карательные меры. поэтому с первых дней оккупации были запрещены все украинские общества, газеты, издательства, а их имущество разграблено. в школах вводилось обучение на русском языке. для этого планировалось присылать учителей из российских губерний. активисты украинского движения, оставшиеся в крае, подверглись репрессиям. большую помощь в этом оказывали москвофилы, вернувшиеся в буковину вместе с оккупационными властями. в частности, по доносу алексея геровского был арестован украинский депутат австрийского рейхсрата Н. Спинул. его выслали в Сибирь, и только через полтора года по ходатайству международных организаций он смог возвратиться в буковину[827]. после отступления российских войск весной 1915 г. в буковине началось восстановление организационных структур украинского

[827] *Спинул М.* у росийскій неволі // календар для українського народу на звичайний рік 1915. Чернівці, 1915. С. 76–91.

движения, но с учетом условий войны. в Черновцах возобновилось издание украинских газет, начал работать украинский народный дом и некоторые другие общества. главными направлениями работы украинских общественных организаций стали оказание помощи беженцам, антироссийская пропаганда, восхваление доблести воинов легиона уСС и батальона гуцульских добровольцев, сбор пожертвований в пользу военнослужащих украинцев и т.п. вместе с тем, австрийские власти абсолютно безосновательно начали обвинять едва ли не всех украинцев в пособничестве российским оккупантам. в крае прокатилась волна репрессий, десятки украинцев были отправлены в печально известный лагерь талергоф[828]. в результате брусиловского прорыва 18 июня 1916 г. российские войска сно-

ва овладели Черновцами. Эта оккупация продолжалась до 3 августа 1917 г. Но теперь политика оккупационных властей несколько изменилась. было заявлено, что никаких массовых репрессий к украинцам как таковым, только за то, что они принадлежат к так называемой украинской партии, не предполагается, если они, конечно, будут полностью лояльны россии и ее интересам [829] . признавалась ошибочной выработка политики в отношении отдельных этнических групп края только на основе советов москвофилов. принимаемые запретительные меры обосновывались особенностями военного периода. Значительно меньше внимания уделялось насильственной русификации местного населения. Эта работа проводилась более взвешенно и не столь агрессивно.

Февральская (1917 г.) революция в россии изменила положение дел на оккупированных территориях. украинцы края с большим воодушевлением восприняли создание украинской центральной рады в киеве как начало возрождения украинской государственности. в присланной телеграмме из Черновцов, которая была зачитана на заседании рады 9 марта 1917 г., отмечалась важность создания такого представительного органа для украинцев всех земель[830].

Несмотря на продолжающуюся оккупацию, украинское движение начало постепенно активизироваться, причем в нем принимали участие и украинцы из приднепровья, служившие в российской армии. в апреле 1917 г. в Черновцах возобновил свою работу украинский народный дом. в нем регулярно проводились различные заседания украинских солдат, лекции, манифестации, представления. 11 апреля был создан украинский военный клуб им. павла полуботка, деятельность которого способствовала консолидации украинских солдат российской армии. большую работу по подъему украинского движения в крае в условиях российской оккупации проделал известный украинский историк и политик дмитрий дорошенко, которого временное правительств назначило 22 апреля 1917 г. краевым комиссаром буковины и галиции. За три месяца пребывания на этой должности он сумел значительно украинизировать администрацию в уездах, добился высылки в россию

---

[828] талергофскій альманахъ. пропамятная книга австрійскихъ жестокостей, изувърствъ и насилій надъ карпато-русскимъ народомъ во время всемірной войны 1914–1917 гг. вып. 2. львов, 1925. См. также статью М. Э. клоповой в данной книге.

[829] даЧо. Ф. 27. оп. 1. Спр. 4. арк. 82.

[830] українська центральна рада: документи і матеріали. т. 1. 4 березня – 9 грудня 1917 р. київ, 1996. С. 39.

наиболее агрессивно настроенных москвофилов (в том числе и алексея геровского), способствовал активизации национально-культурной жизни.

после освобождения буковины от российских войск летом 1917 г. в крае постепенно восстановились австрийская администрация и нормы довоенной жизни. в Черновцы вернулась часть украинской интеллигенции, которая ранее была вынуждена покинуть край. возобновили работу довоенные украинские общества, восстановили свою деятельность украинские политические партии, хотя и в ограниченном виде, учитывая условия войны. 20 мая 1918 г. в буковине окончательно было упразднено чрезвычайное положение. редакцию газеты «буковина» опять перенесли из вены в Черновцы.

украинцы буковины внимательно следили за развитием событий в приднепровье. они одобрительно восприняли провозглашение IV универсалом центральной рады независимости украины и заключение брест-литовского мира. во многих городках и селах края состоялись торжественные митинги под названием «праздник мира и украинской государственности». На них выдвигался и традиционный лозунг о создании украинского автономного края в составе австро-венгрии. Например, в резолюции украинцев вижницкого уезда отмечалось: «украинское население уезда вижница (буковина), собранное 14 апреля 1918 г. на манифестацию в вижнице, поддерживает заключение мирного договора с украиной, высказывает полнейшее удовлетворение присоединением староукраинских земель Холмщины и подляшья к украинской Народной республике и требует организации отдельной государственно-правовой украинской единицы в рамках австрийского государства»[9]. к гетманскому перевороту павла Скоропадского в буковине сначала отнес-

лись настороженно. в Черновцах даже был перенесен на неопределенное время праздник мира и украинской государственности, который планировалось провести 19 мая. Но со временем буковинские политики признали власть гетмана инское королевство во главе с австрийским эрцгерцогом. Это королевство вошло бы в австро-венгерскую федерацию народных федеративных государств...

во всяком случае, пусть никто не надеется на то, что украинский народ взвалит на себя добровольно чье бы то ни было чуждое иго. против всякого насилия мы готовы бороться до последнего. Наш народ так же имеет право на самоопределение, провозглашенное всеми народами»[831].

12 октября в Черновцах состоялось совещание представителей четырех украинских партий (национально-демократической, народной, социал-демократической и радикальной) для разработки программы будущих действий. На нем было решено провести на следующий день расширенную конференцию для того, чтобы заручиться поддержкой народа. кроме того, было достигнуто соглашение, что на конституанту в львов поедут, кроме депутатов, еще по три представителя от каждой политической партии.

На конференции 13 октября была принята резолюция, в которой отмечалось: «Созванная в Черновцах 13 октября конференция всех украинских партий буковины провозглашает право на самоопределение так же для украинского народа. вместе с

[831] прогноз перспектив здобуття державної самостійності українцями буковини // буковина. 1918. 11 жовт.

прочими украинцами австро-венгрии мы хотим сами принимать решение о своей судьбе.

Мы хотим в мире и согласии расстаться с нашим настоящим и ежечасным соседом румынским народом...

Мы провозглашаем свое право на украинские области буковины с их центром торговли и путей сообщения городом Черновцы, который с трех сторон окружен чисто украинскими областями, и только с четвертой примыкает к смешанной, в котором сходятся все торговые пути из украинских областей и в котором, после евреев, мы составляем преимущественное большинство»[832]. таким образом, эта резолюция четко определяла планы украинцев на будущее. в львов на конституционное собрание от буковины прибыли депутаты рейхсрата Н. василько, а. лукашевич, Н. Спинул, и. Семака и С. Смаль-Стоцкий; депутаты буковинского сейма: о. бурачинский, т. драчинский, т. иваницкий, т. левицкий, Ю. лисан и е. попович; представители партий: а) национально-демократической: М. драгомирецкий, е. иваницкий и в. Федорович; б) народной: к. билинский, М. кордуба и р. цегельский; в) социал-демократической: г. андрияшук, о. безпалко и в. Сороневич; г) радикальной: и. карбулицкий. все они приняли активное участие в создании украинской национальной рады, как представительного органа украинской государственности на западно-украинских землях (будущей ЗуНр) и стали его членами. буковинские социал-демократы, так же как и их галицийские коллеги, занимали особую позицию в вопросе о будущем Западной украины. они требовали принять решение о немедленном присоединении к украинскому государству. Но большинство, особенно депутаты австрийского рейхсрата и местных сеймов, посчитали это предложение преждевременным.

На совещании 19 октября украинская национальная рада была разделена на две секции: галицийскую и буковинскую. последней было поручено решать буковинские дела в тесном контакте с галицийской секцией.

вернувшись в Черновцы, буковинские члены Совета 24 октября расширили состав буковинской секции, введя в ее состав еще десять членов, которые представляли разные социальные группы украинцев, и назвали ее краевым комитетом. в его состав вошли: от украинского православного духовенства к. бриндзан, от педагогов а. артимович, Н. литвинович, и. кавуля, от юристов г. лисинецкий и л. когут, от мещан о. Мицак и а. левандовский, от женской общественности М. левицкая и к. добрянская.

На первом заседании 25 октября комитет избрал председателем поповича, его заместителем артимовича и секретарем литвиновича. тогда же были созданы комиссии: редакционная во главе кордубой; народной обороны (руководитель безпалко); финансовая во главе с цегельским; международная, руководимая председателем комитета поповичем, и административная, которую возглавлял лисинецкий. были определены задачи для каждой из них. как отмечал в своих воспоминаниях кордуба, редакционной комиссии поручили подготовить манифест к

[832] резолюція конференції всіх українських партій буковини стосовно права буковинських українців на самовизначення // буковина. 1918. 18 жовт.

народу, созвать всенародное вече на воскресенье 3 ноября и предложить проект организации краевой власти.

События, происходившие в империи после манифеста императора карла I от 16 октября, активизировали деятельность не только украинцев буковины, но и других этнических групп. противоречивые позиции занимали лидеры румынского движения [833] . депутат австрийского рейхсрата константин исопескул-грекул признавал право украинцев только на четыре уезда буковины без Черновцов. другой депутат аурел ончул отстаивал идею разделения края по этническому принципу, предлагая оставить Черновцы под совместным контролем. Наиболее экстремистскую позицию занимал крупный землевладелец, лидер румынской национальной партии янку Флондор, полагавший, что вся буковина должна быть присоединена к румынии. именно он и его сторонники 27 октября собрали в румынском народном доме
вече, на которое сошлось около 300 человек. к. исопескул-грекул, г. григорович, а. ончул и некоторые другие известные румынские политики края отказались участвовать в этом собрании. вече утвердило решение о присоединении всей буковины к румынскому королевству.

Немцы и евреи занимали в эти дни преимущественно нейтральную позицию, надеясь, что до раздела буковины дело не дойдет. евреи были готовы стать посредниками в переговорах между украинцами и румынами о будущем края. Но их попытки оказались напрасными из-за неуступчивой позиции румын. Немцы в целом соглашались на размежевание буковины по этническому признаку, делая акцент на том, что подавляющее большинство немецких поселений находилось на юге края. открыто враждебно к украинцам относились буковинские поляки, что являлось прямым продолжением их политики в галиции.

Созыв румынского веча заставил активизироваться украинскую общественность и убедительно показал, что времени для раздумий нет. С протестом против решения румын и в поддержку украинской национальной рады выступили собрание украинских студентов Черновицкого университета, третий съезд украинского православного духовенства буковины, съезд учителей Заставновского уезда и др. 27 октября краевой комитет принял написанный безпалко манифест к народу и разослал его по селам и городам буковины. в нем отмечалось: «буковинский украинский народ, поднимайся и ты на борьбу за свое будущее! для того чтобы наш народ принял действенное участие в отстаивании своих собственных порядков, нужно всюду создавать организации “Самообороны”. в каждом селе и городе наш народ должен сплотиться вокруг “Самообороны”, чтобы сильной организацией подкрепить свою волю на своей земле!». также в манифесте говорилось о решении социальных проблем, о наделении крестьян землей, о введении справедливого избирательного закона и т.п. Заканчивался документ призывом собраться в Черновцах 3 ноября 1918 г., «чтобы там во всеуслышание объявить свою волю всему миру»[834]. подготовка украинского веча проходила весьма успешно. особый подъем

[833] о румынском национальном движении в буковине в годы войны см. подробно статью и. а. пиддубного в данной книге.

[834] Маніфест буковинської делегації української Національної ради з закликом до буковинських українців реалізувати своє право на самовизначення // буковина. 1918. 1 листоп.

вызвало сообщение о событиях 1 ноября в львове. однако были и очевидные просчеты. Наибольшим из них, как показали дальнейшие события, оказалась недостаточно активная работа в военных подразделениях, расквартированных на территории края. в буковине с 9 октября находились уСС численностью около тысячи человек во главе с эрцгерцогом вильгельмом (василием вышиваным). На них украинские политики возлагали большие надежды. однако по приказу центрального военного комитета из львова стрельцов в ночь на 2 ноября отправили поездом в столицу галиции. василий вышиваный из-за гриппа (испанки) покинул Черновцы только 9 ноября. кроме того, в буковине располагались 41-й пехотный полк, где насчитыва-
лось немало украинцев, и 22-й полк стрельцов, в котором украинские солдаты значительно преобладали. офицерский состав этих подразделений был интернациональным. переговоры с украинскими офицерами данных частей велись с 25 октября, но краевой комитет не проявил надлежащей настойчивости, а сами офицеры также не отличались активностью. промедление привело к тому, что неукраинские офицеры организовали 2 ноября в Черновцах провокацию. они созвали собрание солдат и офицеров и объявили, что солдаты могут разойтись по домам, так как австро-венгрии больше нет, и служба закончилась. такое заявление спровоцировало массовое дезертирство солдат, грабежи военных складов и т.п. очевидец тех событий василий руснак вспоминал: «когда мы приехали в Черновцы, то увидели там полнейшую анархию. Народ растаскивал из казарм и военных складов все, что только попадалось под руки, включая оружие и амуницию. ...Местное черновицкое население, а также люди из близлежащих к Черновцам сел, бросились тысячами на военные склады и казармы и через несколько часов растащили, в первую очередь, все продовольствие, потом постельное белье, обмундирование и другие предметы военного снаряжения. кому не хватило этого, тот брал оружие и амуницию. Можно было увидеть, как дети тянули за собой по дороге ружья, так как не могли нести их на плечах»[835].

таким образом, краевой комитет не сумел сформировать из украинских солдат 41-го и 22-го полков боеспособные воинские подразделения. более того, не удалось накопить необходимые запасы оружия на случай, если бы нужно было вооружить местных украинцев для отпора врагу, хотя это в тех условиях сделать было нетрудно. воспитанные в духе австрийского парламентаризма, украинские политики, особенно старшего поколения, не верили, что дело может дойти до вооруженного конфликта и не уделяли надлежащего внимания подготовке собственных вооруженных частей. в тот же день была предпринята еще одна попытка нахождения компромисса между украинским и румынским национальными советами. однако опять же из-за неуступчивости Флондора переговоры сорвались.

важным событием, наглядно подтвердившим серьезность намерений украинцев, явилось буковинское народное вече 3 ноября. На него из всех уголков края собралось около 10 тыс. человек. как и было заранее запланировано, заседания веча проходили одновременно в украинском народном доме (ими руководил кордуба), в

[835] архів українського народного дому в Чернівцях. Ф. руснак в. оп. 1. Спр. 1. арк. 98. Спомини василя тодоровича руснака. авторський машинопис.

зале музыкального общества под председательством поповича и в рабочем доме (старый театр) под руководством безпалко. в связи с большим наплывом народа во дворе Народного дома прошло отдельное собрание, которое вёл Семака. Наиболее радикально, как и раньше, выступали социал-демократы, которые в рабочем доме призвали сразу же присоединиться к украинскому государству. они имели тесные отношения с украинским национальным союзом в киеве и с владимиром винниченко, который в это время готовил восстание против гетмана.

На собрании в зале музыкального общества произошел конфликт между депутатом е. пигуляком, продолжавшим говорить об австрийской украине, и залом, который скандировал: «Не хотим к австрии». только разъяснение и. поповича, что «мы, скорее всего, присоединимся к киеву», успокоило присутствующих. после собрания несколькими колонами через улицы руську (т.е. украинскую), головную и другие украинцы прошли на площадь елизаветы (ныне театральная), которая была полностью заполнена народом. Здесь с краткими речами выступили безпалко и Спинул. присутствующие грянули «ура!» в честь самостоятельного украинского государства и запели «вже воскресла україна». акция украинцев закончилась так же организованно, как и началась. вече показало силу украинцев и произвело чрезвычайное впечатление на
другие этнические группы. газета «Czernowitzer Morgenblatt» сообщала: «устроенная вчера украинцами манифестация имела чрезвычайно достойный и спокойный характер. в манифестации приняли участие приблизительно 10 тыс. человек. после проведения собрания в Народном доме, во время которого были приняты многочисленные резолюции, участники сплоченными рядами устроили поход через город, который импонировал своим спокойствием и порядком. во главе похода, перед которым несли флаги, видно было депутатов Семаку, Спинула, поповича и других. На площади перед театром ряд ораторов произнес речи. после этого поход в полном порядке разошелся. Спокойствие в городе не был нарушено» [836] . резолюция веча состояла из шести пунктов. она определяла территорию бу-
ковины, которая должна была перейти под украинское управление. Наивысшей властью признавалась украинская национальная рада. представителям других национальностей предлагалось направить в неё своих делегатов пропорционально их численности в крае. обосновывалось требование как можно быстрее принять конституцию украинского государства на территории бывшей австро-венгерской империи. высказывался протест против стремления некоторых неукраинских политиков захватить украинскую этническую территорию, и выдвигалось требование к буковинской секции национальной рады как можно быстрее взять власть в украинской части буковины. Эта резолюция была подготовлена заранее. Но во время веча оказалось, что значительная часть участников под влиянием агитации отдельных политических партий и роста национально-патриотических настроений высказывалась в пользу немедленного объединение всех украинских земель. поэтому в газете «буковина» был напечатан дополнительный пункт: «вече желает

[836] Czernowitzer Morgenblatt. 1918. 4 Nov.

приобщения австрийской части украинской земли к украине»[837]. казалось бы, резолюция была четкой и определяла план действий. Но в краевом комитете отсутствовало единство. поэтому немедленный захват власти не состоялся. На вечернем заседании краевого комитета 3 ноября обсуждался вопрос о формировании воинских частей. руководителем назначили сотника о. драгана, но конкретного плана действий не приняли. к тому времени украинцы имели в своем распоряжении только 150 добровольцев, среди которых, кроме демобилизованных солдат, были студенты, рабочие и крестьяне. определенная агитация проводилась по селам, чтобы набрать добровольцев, но для этого необходимо было время, а события разворачивались стремительно. в течение 4 и 5 ноября комитет занимался текущими делами и направил своих представителей киев и львов для расширения контактов. тем временем на местах украинцы действовали значительно решительнее. За эти два дня украинская власть установилась в уездных центрах кицмань, Заставна, вашковцы и в некоторых других населенных пунктах Северной буковины. Сообщение об этом, а также понимание важности момента, подтолкнули краевой комитет к решительным действиям. вечером 5 ноября собралось расширенное совещание комитета и представителей различных слоев населения. Хотя во время совещания оказалось, что с организацией украинских военных частей дело не продвигается вперед, было решено взять власть в Черновцах в свои руки и расставить во всех государственных учреждениях своих представителей. выступление было назначено на 11.30 6 ноября.

принятый план удалось выполнить в полном объеме и без большого сопротивления со стороны румын. утром было опубликовано обращение краевого комитета к населению края, в котором отмечалось: «Старая власть развалилась, и наступила необходимость создать новые органы власти для выполнения государственных функций... в этот ответственный момент украинская национальная рада, как единственная в настоящее время организованная сила, решила взять под свою опеку общественный порядок и безопасность и заявляет:

1. принимаем на себя управление Черновцами и всеми уездами края, в которых украинское население составляет большинство.
2. в городе Черновцы берем под свою защиту все центральные учреждения»[838].

в одиннадцать тридцать 6 ноября депутаты Н. Спинул, и. Семака, е. попович и поручик и. попович прибыли к дому краевого правления. С ними было около полуроты украинских солдат, которые выстроились перед зданием. краевой президент граф Йозеф Эцдорф принял украинскую делегацию и заявил, что он может передать власть в крае украинцам лишь вместе с румынами. прибывшие депутаты обратили внимание графа на безрезультатность состоявшихся переговоров с румынами и заявили: «если все останется так как есть, это приведет ситуацию в городе и крае к полной анархии». когда Эцдорф заметил, что он не получил из вены никаких инструкций, вперед выступил и. попович и сказал: „Мы не пришли сюда,

[837] буковина. 1918. 11 листоп.

[838] Звернення української Національної ради – крайового комітету буковини до населення з закликом підтримати новоутворену владу // Gemeinsame Kriegsausgabe «Czernowitzer Allgemeine Zeitung» – «Czernowitzer Tagblatt». 1918. 7 Nov.

чтобы вести с вами переговоры, господин граф, но мы пришли для того, чтобы от имени украинской национальной рады потребовать от вас передачи правительственной власти, возможно и силой, и с этой целью правительственный дом окружен войсками». На это краевой президент ответил: „ах! так! тогда я уступаю перед силой и ухожу в свои частные апартаменты» [839]. после этого назначенный украинской национальной радой руководителем края емельян попович принял власть. его по существующей традиции стали называть президентом украинской части буковины. однако после этого Эцдорф предпринял еще одну попытку договориться с румынами. после очередного отказа Флондора согласиться на раздел буковины граф передал власть над её румынской частью ончулу, который заявил, что представляет румынский национальный совет, созданный румынскими депутатами австрийского рейхсрата. в четыре часа дня состоялась официальная передача власти. протокол передачи подписали от украинцев попович, Спинул и Семака, от румын ончул. была опубликована прокламация украинского и румынского национальных комиссаров поповича и ончула о передаче власти в буковине.

в течение первой половины дня украинцы заняли главные государственные учреждения. дирекцию полиции возглавил представитель краевого комитета яворский. во всех других государственных учреждениях руководителей оставили на своих постах, приставив к ним комиссаров от комитета. так было сделано в железнодорожной, почтовой и финансовой дирекциях, краевом банке, жандармерии, суде и государственной прокуратуре. Магистрат возглавил безпалко.

в совместном выпуске газет «Czernowitzer Allgemeine Zeitung» и «Czernowitzer Tagblatt» сообщалось: «бурное утро, преисполненное многих событий для столицы края и для буковины, осталось позади. украинская национальная рада взяла власть над Черновцами и над украинскими областями Северной буковины. кто мог бы подумать, что такое разительное преобразование осуществится в полнейшем спокойствии? лишь перед домами краевого правительства и перед магистратом стояло немного прохожих в то время, когда туда прибыли господа украинцы для взятия власти. а впрочем, город выглядел совсем обычно. Манифест, который в послеобеденные часы был развешан на всех уличных перекрестках, убедительно объяснял, что передача власти в Черновцах имеет только временный характер, так как переговоры с румынами пока что не привели ни к чему. окончательное решение остается за мирной конференцией»[840]. в связи с тем, что е. попович принял на себя политическое правление и стал
президентом украинской части буковины, на вечернем заседании краевой комитет решил избрать новый президиум. председателем стал артимович, заместителем Семака. было решено снова официально называться буковинской секцией украинской национальной рады. установление украинской власти благоприятно сказалось на ситуации в Черновцах и во всей буковине. в городе почти прекратилась ночная стрельба, предупреждены попытки грабежей. возле важнейших

[839] *Попович І., Кордуба М.* до перевороту на буковині // літературно-науковий вістник. львів. 1924. т. LXXXII. кн I. С. 345.

[840] Gemeinsame Kriegsausgabe «Czernowitzer Allgemeine Zeitung» − «Czernowitzer Tagblatt». 1918. 7 Nov.

административных учреждений выставлена украинская охрана. украинские патрули обеспечивали спокойствие на улицах. Немецкие газеты сообщали: «после бурной среды вчера мы имели спокойный день. господа д-р емельян попович и д-р аурел ончул приняли департаменты в краевом правительстве и целый день проводили совещания... безопасность в городе усиливается на глазах, что вызывает у публики большое успокоение. Стрельба ночью слышна, но в большинстве случаев она возникает возле охраняемых складов и отдельных важных объектов»[841].

7 ноября попович и ончул приняли присягу государственных чиновников на верность украинской и румынской власти. безпалко собрал совещание городских служащих и обсудил с ними принципы управления городом. также украинская власть занималась снабжением продовольствия в Черновцах, обеспечением электростанции мазутом, перевозкой демобилизованных солдат, работой банковских учреждений, эмиссией денег и т.п. тем временем сторонники Флондора решили сделать основную ставку не на
переговоры, а на оккупацию края румынскими войсками. румынский национальный совет еще 27 октября направил письмо правительству румынии с просьбой начать интервенцию в буковину. однако, как явствует из дневника александру Маргиломана, тогдашнего премьер-министра румынии, её правящие круги колебались, не зная, как отреагируют страны антанты на такие действия[842]. буковинские румыны делали все возможное, чтобы ускорить приход румынской армии. в Сучавском уезде в начале ноября были спровоцированы грабежи государственных складов и еврейские погромы. воспользовавшись этим, уездное руководство пригласило румынские войска. 6 ноября в Сучаву вступил небольшой отряд румын под командованием майора ионеску под предлогом наведения порядка. однако продвигаться вглубь буковины он не осмеливался, хотя приказ Маргиломана, подтвержденный королем Фердинандом, недвусмысленно требовал этого[843].

тогда делегация румынского национального совета во главе с Флондором отправилась в яссы, чтобы просить Фердинанда ускорить оккупацию. уже 8 ноября над Черновцами появился румынский самолет, который разбросал листовки на румынском языке. в них сообщалось, что румынские войска в скором времени вступят в Черновцы для того, чтобы прекратить анархию и защитить имущество граждан. Это событие вызвало большой переполох в городе. ончул, в свою очередь, также отправился в Сучаву, а затем в яссы для того чтобы разъяснить ситуацию и добиться от румынских властей одобрения своего проекта решения буковинского вопроса. Но в румынии его уже никто не хотел слушать. ончул был интернирован и больше не смог возвратиться в буковину.

в этих условиях украинская национальная рада действовала недостаточно решительно и очень медленно. На вечернем заседании 8 ноября она решила объявить всеобщую мобилизацию населения, обратиться за военной и дипломатической помощью в львов, занять оборону по реке Серет и оказывать вооруженное сопротивление, насколько это будет возможно. кроме того, было решено обратиться

---

[841] Ibidem.

[842] *Marghiloman A.* Note poitice. Vol. III. Bucureşti, 1995. P. 212–213.

[843] Ibid. P. 214–216.

с письмом к командующему румынскими войсками генералу якобу Задику. в этом письме рада разъясняла, что взяла власть в украинской части буковины, в крае преодолена анархия, и потребности в интервенции румынских войск нет.

Это были полностью правильные решения. Но украинская национальная рада почему-то полагала, что у неё еще имеется достаточно времени. поэтому на следующий день, 9 ноября, никакой мобилизации не было объявлено. украинские военные силы насчитывали всего 450 человек, но даже и они не были приведены в боевую готовность, не говоря уже о занятии оборонительных рубежей. украинское руководство занималось второстепенными делами. тем временем, уже утром в Черновцах стало известно, что румынские войс-
ка вступили в городок глыбокая, расположенный в 20 километрах от столицы буковины. Это сообщение вызвало настоящую панику. рада уже не говорила об обороне. она обсуждала вопрос, что делать представителям украинской власти − оставаться в городе или эвакуироваться? было решено всем оставаться на местах, кроме е. поповича, который должен был покинуть буковину, оставив заместителя, а также, направить представителей в киев и львов за помощью. вечером в этот же день делегация в составе кордубы и сотника радомского прибыла в глыбокую и передала протест-мемориал от имени украинской национальной рады с объяснением ситуации. в документе отмечалось: «учитывая прокламации генерала Задика от 9 этого месяца, мы заявляем от лица и по доверенности украинской [национальной] рады в Черновцах:

Неправда, будто в крае властвует анархическое состояние; наоборот, мы, согласно императорскому манифесту, законно получили власть от краевого президента графа Эцдорфа. благодаря принятию нами решительных мер в городе и в крае сохраняется покой и порядок. таким образом, отпадают причины для вмешательства румынских войск. по-
этому мы обращаем внимание командующего королевскими войсками на то, что в случае дальнейшего продвижения вперед румынских войск будут употреблены необходимые мероприятия как перед украинской национальной радой в киеве, так и перед правительствами государств антанты, которые будут оказывать содействие восстановлению наших прав и прав нашего края»[844]. тем временем, пока кордуба и радомский передавали письма румынам, в Черновцах происходили неконтролируемые события. Несмотря на решение всем оставаться на местах, в ночь с 9 на 10 ноября большинство украинских солдат оставило Черновцы, забрав с собой, насколько это было возможно при такой поспешности, оружие и продовольствие из уцелевших к тому времени военных складов. покинули город также некоторые члены украинской национальной рады. в течение 10 ноября румыны так и не вступили в Черновцы. очевидно, Задик
решил проконсультироваться со своим руководством. однако и этот день украинская национальная рада упустила в бездеятельности. только 11 ноября в обед очень несмело румынские войска вступили в город. как упоминал очевидец событий иван

[844] *Кордуба М.* переворот на буковині // літературно-науковий вістник». львів. 1923. т. LXXXI. кн. XII. С. 329.

пигуляк, «когда перед Черновцами появилось голое и босое румынское войско, на месте не было даже и сотни организованного украинского войска»[845].

в этот день украинская национальная рада провела два заседания, на которых приняла решение назначить владимира Залозецкого президентом края вместо поповича, выехавшего в Залещики. ему было рекомендовано не уступать президентское кресло и до последнего отстаивать право украинцев на украинскую часть края. также решили перенести украинское правление в уездный городок кицмань, где оно должно было действовать во главе с тем же Залозецким. последний проявил мужество и в присутствии членов румынского национального совета во главе с Флондором, генерала Задика, представителей румынских обществ, которые отмечали захват буковины, объявил протест против «непрошеной насильнической оккупации Северной буковины, которая на север от Серета является чисто украинским краем». Через несколько часов Залозецкий был арестован.

Заняв Черновцы, румыны постепенно продвигались на север. в некоторых местностях им оказало сопротивление местное население. газета „Czernowitzer Morgenblatt» сообщала 15 ноября: «румынские войска, которые с целью успокоения занимают остальные части края, сталкиваются в отдельных местностях с сопротивлением украинского населения. в последнее время в лужанах произошло столкновение между румынами и украинцами. С обеих сторон применено оружие в стычках, и обе стороны понесли значительные потери»[846]. украинская национальная рада в кицмани просуществовала до 17 ноября. она не смогла организовать надлежащего сопротивления оккупантам и была разогнана румынскими жандармами. Часть членов рады арестовали. оккупация Северной буковины румынскими войсками длилась несколько
недель. 2 декабря были заняты уездные центры вижница и путила. На всей территории Северной буковины объявлялось осадное положение. Закрылись украинские общества, запрещена деятельность украинских политических партий, арестовано свыше 200 представителей интеллигенции, в том числе несколько членов буковинской секции украинской национальной рады. против оккупации буковины протестовали правительства ЗуНр и уНр. однако, руководствуясь собственными корыстными интересами, пренебрегая правом украинцев буковины на самоопределение, страны антанты закрыли глаза на завоевание края румынией. установилось румынское господство, которое продолжалось более двадцати лет.

таким образом, в годы первой мировой войны украинское национальное движение в буковине сумело не только выжить, но и получило шанс на практике реализовать свои программные требования. в целом, украинские политики проявили высокую организованность и целеустремленность в достижении поставленных задач создания собственной государственности. их поддерживали широкие слои населения. Но международная ситуация была абсолютно неблагоприятной для украинцев, поэтому они не смогли удержать власть и вынуждены были приспосабливаться к новым условиям пребывания края в составе румынии.

---

[845] *Пігуляк І.* український хаос на буковині // цит. по: *Піддубний Г.* буковина, її минуле і сучасне. Харків, 1928. С. 101.

[846] Czernowitzer Morgenblatt. 1918. 15 Nov.

И. А. Пиддубный

Румыны Буковины: от черно-желтого лоялизма к «великому объединению»

к началу первой мировой войны буковина имела государственно-правовой статус коронного края на востоке габсбургской монархии, который населяли представители различных национальностей. так, в 1900 г. из 723 504 жителей 297 798 являлись по языку рутенами (украинцами) и 229 018 − румынами. из других этнических групп насчитывалось 159 486 немцев, 596 чехов и словаков, 26 857 поляков, 108 словенцев, 6 сербов, 119 итальянцев, 9516 венгров. по переписи 1910 г. население буковины составляло уже 794 929 человек. к этому времени количество румын возросло до 273 254, что соответствовало 34,37% населения, тогда как численность украинцев составила 305 101 (38,38%). Немецкое население возросло до 168 851 человека, чехи и словаки составили 1005, поляки – 36 210, словенцы – 80 человек, сербы – 1, итальянцы – 36, венгры – 10 391 человек. если же принять во внимание конфессиональный признак, то численность немецкой этнической общности может сократиться на 102 919 лиц иудейского вероисповедания, а из числа говорящих на рутенском (украинском) языке следует исключить 3232 липована. Сами украинцы были распределены между греко-католической и греко-православной конфессиями, деля последнюю также с румынами[1]. как видим, наиболее многочисленными были украинцы и румыны. для обоих этносов вопрос сохранения собственной национальной идентичности, а также проблема связи с этнической родиной стали частью политической культуры конца XIX – начала XX в. однако здесь наблюдалась существенная разница − у румын имелся свой «пьемонт» − румынское королевство, украинцы же такого государствообразующего «магнита» были лишены. кстати, и сама румыния во время балканских войн усилила интерес к буковине. об этом свидетельствует публикация в газете «Nouă revista română» за 1913 г., где в анонимной статье обсуждался вопрос раздела австрии и включения в состав румынии провинций с румынским населением[2]. однако единство среди румынских политиков в крае отсутствовало. основными политическими течениями в их среде являлись центристское и автономистское. из Христианско-социальной партии в 1909 г. выделилась демократическая группа аурела ончула, издававшая газету «Foaia Poporului». вместе с ней активное участие в политической жизни буковины принимала и румынская именном журнале. его издавали ион Нистор и джордже тофан при поддержке профессора Секстила пушкариу [847] . в 1911 г. был принят новый избирательный закон, по которому депутатов начали избирать от трех коллегий сроком на 4 года. Но руководство сеймом оставалось в руках румынского политического круга.

Начало мировой войны для буковины, как пограничной территории, ставшей театром боевых действий, выявило проблему взаимоотношений власти и населения. тем не менее первые дни войны ознаменовались патриотичными выступлениями, организованными представителями официальных властей. после объявления войны

[847] *Marmeliuc D.* Viaţa politică şi presa Românilor bucovineni după Unire // Zece ani de la Unire. Cernăuţi, 1928. P. 247−248.

Сербии 28 июля 1914 г. в Черновцах была очевидной эйфория патриотизма. газета «Czernowitzer Tagblatt» 30 июля информировала о демонстрации населением города преданности императору. она же сообщала об организованном 29 июля шествии по улицам города. демонстранты остановились возле здания краевой управы, где президент края граф рудольф фон Меран с балкона произнес краткую патриотичную речь. 30 июля в ратуше собрались члены общественного совета. после краткого верноподданнического выступления бургомистра д-ра Соломона вайсельбергера, с патриотичными лозунгами к горожанам с балкона ратуши обратился Элиас вендер. после этого состоялось многотысячное шествие к краевой управе, где вайсельбергер в присутствии членов городского совета заверил Мерана в том, что город поддерживает монарха и войну. после этого демонстранты направились к памятнику австрии, где также произнесли патриотичные речи: Меран – на немецком, теодот галип − на украинском, дори попович − на румынском, Станислав квятковски − на польском языке, бено Штраухер − на идиш. все были едины, признавая необходимость «посчитаться» с россией[848].

Не остались в стороне от участия в патриотических выступлениях и румынские политические деятели буковины. так, «Viaţa Nouă» 30 июня отмечала, что убитый Франц Фердинанд намеревался превратить австрию в федеративное государство, объединив румын австрии в единую провинцию. поскольку он погиб, рассыпалась и идея, сокрушалась газета[849]. в другом номере она говорила о связанности судеб австрии и румын и высказывала надежду, что после войны румыны получат здесь новые свободы. в очередной раз отмечалось, что румыны не желают ничего иного, только быть рядом с другими народами в составе габсбургской монархии. орган крестьянской партии «Foaia Poporului» 5 июля в статье «австрия в скорби» выразил сочувствие императору Францу иосифу. в той же газете ончул акцентировал внимание читателей на том, что интересы румынского народа идентичны интересам австро-венгрии[6].

Спустя 15 лет, анализируя позицию представителей каждой этнической группы буковины, известный историк теодор бэлан подчеркивал высочайшее патриотичное расположение духа у немцев и евреев. отмечал он подобные настро ения и у украинцев, воспринимавших австрию как государство с наилучшими политическими условиями. православная церковь также благословила войну, и священники молились за «доброго и пресветлого цесаря». в то же время бэлан отметил разность чувств у представителей различных национальных групп края. подчеркнув, что немцы и евреи вынашивали немецкие государственные идеи и выступали пропагандистами войны, он назвал румын носителями националистических и ирредентистских идей. единственым австрофилом из соплеменников историк считал ончула, пропаганда которого шла вразрез с позицией румынской интеллигенции буковины, то есть с идеей владычества на землях с румынским населением. и наконец, по мнению бэлана, прокламации румынских политических лидеров не совпадали с реальной ситуацией и являлись

---

[848] Чернівці: історія і сучасність (Ювілейне видання до 600-річчя першої писемної згадки про місто) / Заг. ред. в. М. ботушанський. Чернівці, 2009. С. 148−149; *Bălan T.* Bucovina în războiul mondial // Codrul Cosminului. Cernăuţi, 1930. P. 11−13; Die Lokalitätslundgebungen der Czernowitzer Bevölkerung // Czernowitzer Tagblatt. 1914. 31 Juli. S. 4–5.

[849] *Ancuţa C.-R.* Arhiducele Franz Ferdinand şi rolul său în relaţiile româno-austro-ungare. Bucureşti, 2002. P. 247. [6] *Bălan T.* Op cit. P. 12, 14.

обычным официозом[850]. тем не менее все дальнейшие события зависели от хода боевых действий на территории буковины.

Сначала они велись незначительными подразделениями, но после боя у села раранче 23 августа 1914 г. из буковины отступили части 35-й бригады генерала арнольда Мюнцеля. Это отступление заставило губернатора перевести администрацию края в дорна ватру; из представителей администрации в Черновцах остался бургомистр вайсельбергер. 2 сентября россияне заняли город, в котором на протяжении недели действовала военная администрация во главе с генералом Сергеем Сергеевичем Навроцким. С 15 сентября ее заменила гражданская власть в лице коллежского советника Сергея дмитриевича евреинова и его помощника алексея Юлиановича геровского. близкий к последнему адвокат темистокле боканча стал главой города вместо арестованного и сосланного в Сибирь вайсельбергера. в помощь новому главе были назначены советниками д-р евгений гакман, тит ончул и д-р Скалат. делопроизводство в городе разрешили вести на румынском языке, запретив использование немецкого и украинского. выбор городского главы-румына, по мнению а. Ю. бахтуриной, не был случайным, поскольку вопрос о вступлении румынии в войну к этому времени оставался открытым. а этим назначением демонстрировались «дружеские чувства царского правительства к румынии» и, естественно, поощрялось будущее вступление румынии в войну за довольно притягательную плату – буковину[851]. возможно, на отношение русских оккупационных властей к румынам поло-

жительно повлияли некоторая симпатия румын к россии и заключение двумя странами 1 октября 1914 г. конвенции, которая признавала за бухарестом «право присоединить населенные румынами области австро-венгерской монархии». при этом оговаривалось, что в буковине разграничение должно производиться по принципу этнического большинства[852]. положительное отношение русских оккупантов к румынам демонстрирует и распоряжение командира 30-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Фердинанда Маврикиевича вебеля, сделанное

[850] Ibid. P. 15–16.

[851] *Weber J.* Die Russentage in Czernowitz. Czernowitz, 1915; *Idem.* Die Russische Invasion in Czernowitz. Czernowitz, 1915; Чернівці: історія та сучасність… С. 150; *Bălan T.* Op. cit. P. 20; *Бахтурина А. Ю.* окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 156. о геровском см.: *Буркут І. Г.* русинство: минуле і сучасність. Чернівці, 2009. С. 64, а также статьи е. п. Серапионовой и а. в. добржанского в данной книге.

[852] МоЭи. т. VI. Ч. 1. М., 1935. № 340. Нота С. д. Сазонова от 1.X.1914.

перед наступлением 28 декабря 1914 г. он призывал своих солдат щадить ру мынское население. тем не менее, вопреки приказам командования, имели место грабежи, и многие румынские хутора в Сторожинецком уезде были разорены[853]. в 1914 г. возникла идея организации румынской милиции, которую вынашивали и пытались реализовывать С. евреинов и камер-юнкер г. Муравьев, что тоже демонстрировало особое отношение к румынам, как к возможным союзникам. в частности, позиция Муравьева состояла в том, что он предлагал после ухода россиян с территории, населенной румынами, обеспечить передачу власти румынским органам. Это создавало бы в будущем трудности австрийцам, поскольку «им пришлось бы подавлять фактически осуществленную независимость буковинских румын»,– отмечает а. Ю. бахтурина. бэлан также отмечал, что пребывание россиян в буковине сопровождалось установлением дружеских отношений русских военных с местными румынскими крестьянами. приятельские отношения складывались у россиян и с функционерами румынского королевства, с которыми им приходилось контактировать на границе буковины и румынии[854].

21 октября 1914 г. австрийцы возвратились в город, организовали управление из временного городского совета и комиссара, но продержались здесь чуть более месяца. возвращение в Черновцы россиян, в свою очередь, позволило горожанам создать 26 ноября новый временный городской совет во главе с адвокатом к. гостюком. 1 декабря в городе опять появился евреинов, а вместе с ним геровский и боканча. в конце декабря россияне заняли также Сучаву[855]. в этих обстоятельствах австрийская власть решила исправить ситуацию с обо-
роной края путем формирования добровольческих подразделений из украинцев и румын. Этим вопросом занимались соответственно Николай василько и аурел ончул. бэлан подчеркивает драматизм процесса создания румынского легиона. Сам ончул обязался перед властью создать корпус румынских добровольцев и в ноябре 1914 г. прибыл в Сучаву для общения с местным населением. там распространялось подписанное им обращение «к румынским крестьянам», где делался акцент на тесной связи судеб румын и австрии. откликнувшиеся на призыв крестьяне прибыли в Сучаву 22 ноября. На собрании возле церкви Св. георгия около 2 тыс. человек обратились к правительству румынии, заявляя о верности буковинских румын императору австрии и провозгласив решимость вести борьбу совместно с другими народами Монархии. На собрании председательствовал бургомистр кымпулунга г. гуцу. он заявил, что буковинские румыны удовлетворены своим пребыванием в австрийском государстве и что в трудные времена они намерены дать клятву, подобную той, которую их прадеды дали 140 лет тому назад, когда буковина вошла в состав габсбургских владений. один из крестьян предложил направить королю румынии Фердинанду I письмо с просьбой не вступать в войну против австрии. Здесь же прозвучало пожелание не проливать румынской крови и присоединиться к

---

[853] *Лемке М. К.* 250 дней в царской Ставке. пг., 1920. С. 328; *Coman N.* Martiriul Bucovinei 1914–1915. Bucureşti, 1915. P. 36–37; *Заполовський В. М.* буковина в останній війні австро-угорщини 1914–1918. Чернівці, 2003. С. 189.

[854] *Заполовський В. М.* указ. соч. С. 49–50; *Bălan T.* Suprimarea mişcărilor naţionale din Bucovina pe timpul războiului mondial 1914–1918. Cernăuţi, 1923. P. 179–180; *Бахтурина А. Ю.* указ. соч. С. 157.

[855] *Bălan T.* Bucovina în războiul mondial... P. 20, 24.

-

императорским войскам. другой крестьянин предложил создать добровольческий румынский корпус. потребность в нем он объяснял тем, что села и города остались беззащитными; румынские же легионеры будут упражняться с оружием и в случае необходимости защитят свои села. власть тоже виде ла в этих добровольцах защитников территории буковины. по словам бэлана, создание корпуса румынских легионеров должно было доказать миру, что габсбурги властвуют над верными им народами [856]. высказанное предложение получило свое воплощение. довольно быстро появился приказ, согласно которому из каждого села должны были взять 50 рекрутов. тем не менее, добровольно румынские крестьяне не вызывались вступать в подразделение, поэтому они отбирались и рекрутировались жандармами. Это в конечном итоге позволило поставить под ружье полторы тысячи новобранцев. так, в селе беркишешть корлата взяли 50 человек, в валя Сакэ, капа кымпулуй − 100 человек. из сел Солка, дрэгоешть, Мэзэнэешть, илишешть ушло по 50 крестьян, тогда как из качики − 20, гура Хуморулуй − 44, Мэнэстиря Хуморулуй − 56, капа кодрулуй − 103, а из дорна ватры − 8. румынских легионеров собрали в кымпулунге, где им вручили винтовки и повязки черно-желтых, «габсбургских» цветов. 2 декабря 1914 г. на городской площади состоялась служба и принятие присяги. перед легионерами выступил с патриотичной речью на румынском языке начальник краевой жандармерии генерал-майор Эдуард фон Фишер. румынских легионеров присоединили к действующей армии. Новобранцы были скорее импровизированными, чем настоящими военными; большинство из них болело и нуждалось в лечении. из-за ненадлежащей военной подготовки они сами страдали, часто нарушая военную дисциплину по незнанию[14]. применение им нашли на фронте после ухода австрийских подразделений в

карпаты. так, украинских легионеров расположили в районе берегомет − Мигове − банилов. легионеров-румын задействовали на фронте в то время, когда россияне штурмовали Сучаву и могли войти в валя Молдовей. первым командиром легионеров стал лейтенант тиебергер. по приказу майора яскевича рота легионеров и взвод жандармов должны были занять пункты гура Хуморулуй, капа кодрулуй, илишешть. другая рота легионеров получила приказ перекрыть путь на Фрасин, Фрумосу и арджел. в случае атаки превосходящими силами они должны были отойти по реке к Фундул-Молдовей и пожорыте. таким образом, легионеров превратили в арьергард австрийской армии, которая с боями отступила к якобень и дорна ватре. первый боевой контакт с россиянами состоялся в районе Местекелиш, но из-за отсутствия боевого опыта и подготовки легионеры отступили к кымпулунгу. отступающих легионеров частично поймали и казнили россияне. Часть остановилась перед кымпулунгом на подул букэтарулуй. тем не менее отсюда они отступили на пожорыту, к рареу и дорна ватре, тогда как остальные перешли румынскую границу и сбежали в румынию[857].

[856] Ibid. P. 24–26.
[14] Ibid. P. 26, 28.
[857] Ibid. P. 28–29.

рядом с такими импровизированными солдатами в боевых действиях участвовали профессиональные военные. в частности, в составе армейской группы генерала карла фон пфланцер-балтина действовала 56-я дивизия генерала в. фон аттемса. На границе буковины находились ополченские части генерала г. фон лилиенгофа. в составе армии пфланцер-балтина находилась и 54-я дивизия, штабом которой руководил майор данил поп. именно в ее состав включили оба национальных легиона с буковины, превратив их в батальоны. укра инским батальоном командовал капитан Й. вайккерт, а румынским − сначала капитан роман, а позднее капитан Чернеуцян. в этой же дивизии служил майор виктор русу, уроженец Нэсэуда. С началом войны этот офицер выступил в роли франтирёра и возглавил группу солдат, им же подготовленных. они вели разведку, совершали нападения на врага, организовывали обманные действия. все это в совокупности получило название «системы русу». жандармов в буковине использовали теперь для поддержания порядка и охраны границы[858].

под натиском объединенных австро-венгерских и германских войск 17 февраля 1915 г. российская армия снова оставила Черновцы. после июньских боев австрийские части вышли на границу с бессарабией, и до июня следующего, 1916 г., линия фронта оставалась здесь неизменной. лишь во время брусиловского прорыва летом 1916 г. россияне развернули наступление возле сел добрыновцы и викно, которое заставило австрийское командование отвести войска из буковины. гражданская власть отправилась в дорна ватру, а часть чиновников гражданской администрации со временем оказались в праге. Староста Сучавского уезда во время нового русского наступления перешел румынскую границу и позднее осел в коложваре[859]. после очередного занятия Черновцов 18 июня россияне ввели там, на короткое время, военную власть, которую олицетворял командующий 9-й армией генерал платон алексеевич лечицкий. позже был назначен военный губернатор лигин, его помощником стал граф Николай константинович ламсдорф-галаган. оба подчинялись временному генерал-губернатору оккупированных областей австро-венгрии Федору Федоровичу трепову. при новой русской администрации городским главой стал нотариус Микули, которому помогал служащий − румын Н. Маковей. Заметным членом городского совета стал о. г. Шандру. все же русская власть предпочитала видеть городским главой «своего» человека, и на эту должность пришел р. витик. его деятельность вызвала многочисленные нарекания горожан, и 26 апреля 1917 г. на совещании в румынском народном доме члены городского совета избрали новым городским главой Шандру. однако официально вступить в свои полномочия он смог лишь после вмешательства в это дело генерала алексея алексеевича брусилова[860]. таким образом, представители румынской общины вновь возглавили управление Черновцами. в результате неудавшегося наступления в июне 1917 г. русские войска вынуждены были оставить буковину. в августе линия фронта установилась по границе с бессарабией, где против 9-й русской армии сосредоточились 3-я и 7-я австро-

[858] Ibid. P. 30.
[859] Ibid. P. 31−33.
[860] Ibid. P. 34.

венгерские армии, которыми командовали соответственно фельдмаршал барон герман кёвесс фон кёвесгаза и генерал-полковник карл критек. в следующем, 1918 г. административные границы буковины расширились за счет территориальных приращений, осуществленных на основании брест-литовского и бухарестского мирных договоров. в условиях войны румыны буковины, как и представители других национальностей, стали участниками боевых действий. Значительная часть крестьян мобилизовалась в армию, остальные использовались на оборонительных инженер ных работах. в частности, из уездов с преимущественно румынским населением лишь в группе гауси в городенке насчитывалось 1310 рабочих, мобилизованных на инженерные работы с ноября 1915 по январь 1916 г. по состоянию на июнь 1915 г. в инженерных подразделениях австрийской армии работали 14 тыс. жителей буковины в возрасте до 17 и свыше 50 лет. одновременно военные власти реквизировали у населения тягловую силу и транспортные средства, по большей части безвозмездно. имели место и другие виды реквизиций[861].

Несмотря на полноценное использование в интересах австрийского военного командования румын и украинцев, те и другие в равной мере подверглись действию приказа высшего командования вооруженных сил австро-венгрии от 5 августа 1914 г. о деятельности военных трибуналов. он упростил следственные действия, да и для обвинения теперь было достаточно одного свидетеля. Это дало возможность развернуть в стране шпиономанию, причем наказанию часто подвергались невиновные лица. по словам Н. комана, «вскоре после мобилизации в румынских селах и городах буковины появились виселицы». однако реальная ситуация выглядела несколько иначе. по свидетельствам адвоката из Сторожинца Эмилиана Слушанского, террор развернулся в буковине уже после первого отступления россиян. «во всех общинах появились виселицы. Священники, учителя, крестьяне заполнили венгерские тюрьмы, причем их обижали, били, оплевывали»[862]. такие эмоциональные заявления, безусловно, касались как румынской, так и украинской части населения края. илларий карбулицкий в воспоминаниях о войне отмечал, что румыны буковины лояльно относились к властям. «конечно же, между буковинскими румынами и старым королевством (то есть румынией. − *И. П.*) существовал бесспорный психологический контакт, который, в конце концов, не приводил в удивление ни одного здравомыслящего австрийца», − отмечал он. тот же автор писал и о некоторой враждебности румынской интеллигенции к Монархии, вызванной ее несбалансированной политикой в отношении румын. Но даже и эта враждебность не давала оснований говорить о пророссийских настроениях и шпионской деятельности румын в пользу россии. С началом войны ситуация не изменилась, и даже «то, что несколько румынских интеллигентов подались в старое королевство, отнюдь не могло рассматриваться как доказательство предательского способа мышления румынских народных масс»[863]. таким образом, начало войны

[861] Ibid. P. 46−62.

[862] *Заполовський В. М.* указ. соч. С. 183.

[863] *Карбулицький І.* Мої спомини (уривок про жандармський терор в 1914−1918 рр.) // *Добржанський О. В., Старик В. П.* бажаємо до україни! одеса, 2008. С. 636.

заставило силовые структуры австро-венгрии перейти в «особые условия» деятельности, и уже 19 августа 1914 г. приказ штаба армейской группы кёвесса предусматривал применение смертной казни к подданным вражеских стран в случаях осуществления ими террористических актов против австро-венгерских войск. данный приказ распространялся и на австрийских граждан, которые находились в зоне боевых действий. жандармерии также было приказано прекращать любые проявления «опасных для государства тенденций». первое освобождение буковины от россиян ознаменовали 22 (по карбулицкому) или 32 (по сведениям Й. тома) смертные казни, которые осуществлялись на основании доносов. в пропагандистской литературе, издавае мой в румынии буковинскими эмигрантами, обвинения в доносах на румын или украинцев неоднократно предъявляли евреям. примечательно, что именно евреям уделялось особое внимание в публикациях военных лет, которые беглецы из буковины издавали в румынии. так, коман в 1915 г. указывал, что в австрии евреев освободили от военной службы для того, чтобы использовать их в сфере обеспечения и снабжения армии. кроме того, именно коман особое внимание обратил на использование евреев в качестве шпионов и провокаторов, а также пропагандистов в пользу австро-венгрии. в своей работе он перечислил всех буковинских евреев, кого лично встретил в бухаресте или о пребывании которых в румынской столице знал наверняка[864]. вероятно, исходя именно из пропагандистских соображений, коман писал о

преследовании румын в австрийской армии и обращал внимание на то, что после мобилизации в селах остались лишь старики, дети и женщины. Но, несмотря на это, часть румынской молодежи, как и украинской, забрали в армию «добровольцами», направив в добровольческий корпус. критикуя за это венское правительство, коман указывал, что бойцов данного корпуса россияне казнили как франтиреров и в отместку за их действия совершали расправы над гражданским населением, которые тот же публицист причислял фактически к преступлениям австрийских властей. исходя из таких примеров, коман констатировал, что для буковинских румын присоединение к «родине-матери» являлось лишь смутным желанием, ожиданием далекого идеала; ведь небольшая румыния не могла вести борьбу против австро-венгрии самостоятельно[865]. конечно, ряд обстоятельств заставлял австрийские спецслужбы надзирать за собственными гражданами, хотя на самом деле, по выражению карбулицкого, старание бороться со шпионами являлось способом объяснения собственных военных неудач. в действительности случаев шпионажа было немного, а буковинские полки на фронте вообще не имели перебежчиков. тем не менее уже 13 сентября 1914 г. появилось распоряжение Мерана о расстрелах за антигосударственную деятельность, которое коман назвал «распоряжением мясника», направленным против крестьян[866]. более заметные проявления антигосударственной деятельности австрийские власти выискивали в среде интеллигенции. обвинение в связях с врагом они часто предъявляли учителям и священникам как лицам, которые вели «великорумынскую агитацию». в качестве

[864] *Заполовський В. М.* указ. соч. С. 184, 186; *Coman N.* Op. cit. P. 19–21; *Карбулицький І.* указ. соч. С. 648.
[865] *Coman N.* Op. cit. P. 21–24, 32–33.
[866] *Карбулицький І.* указ. соч. С. 637; *Coman N.* Op. cit. P. 30–31.

примера коман привел судьбу профессора в. лицу, который в кругу друзей заявил, что румыния никогда не будет воевать вместе с австрией. За это он был арестован и выслан в дорна ватру, а позднее через Мукачево дальше на запад империи. позднее, в июле 1918 г., Фишер отмечал, что уже в 1915 г. «румынская интеллигенция края во время русской оккупации открыто симпатизировала врагам нашей Монархии и в довольно многих случаях предоставляла им активную помощь. тем не менее после прорыва фронта на востоке и многих арестов предводителей великорумынская ирредента выглядит извне как-то неуверенно»[867].

Не доверяя местной интеллигенции, Меран и Фишер, тем не менее, понима ли, что одними репрессиями дело не поправить, благо для иных мер можно было использовать обширные финансовые средства, которые германия выделяла своей союзнице на ведение пропаганды среди румынского населения буковины и трансильвании. главным фигурантом, инициатором и организатором этой деятельности являлся крупный германский бизнесмен и финансист людвиг розелиус, являвшийся доверенным лицом, как берлина, так и вены. 19 февраля 1915 г., буквально через два дня после возвращения австрийских властей в Черновцы, он снабдил своего эмиссара, еврейского торговца Натана айдингера 3 млн румынских лей для того, чтобы тот, уже через сеть своих агентов, насаждал в буковине антирусские настроения. айдингеру предписывалось создать организацию, которая, не изменяя румынскому национальному идеалу, должна была преследовать его «полное территориальное осуществление» за счет россии, а не австро-венгрии. Фишер и айдингер намеревались создать организацию, благосклонно настроенную к Монархии, именно из представителей интеллигенции − университетских профессоров, высших чиновников местных провинциальных учреждений, учителей и журналистов, которые должны были пером и «живым» словом защищать «истинные задачи» австро-венгерской политики[868]. однако добиться поставленной цели не удалось. Хотя айдингер пытался заложить для основы для более продолжительной и кропотливой работы, но его доклады розелиусу полны скептицизма. он раздраженно констатировал наличие в буковине сильной великорумынской пропаганды, а также хорошо поставленной в пользу румынии сети осведомителей, которые якобы с точностью до деталей доносили о каждом стратегическом размещении или маневре австровенгерских войск. «если какой-нибудь австрийский солдат чихнет по эту сторону границы, то это сразу же отдается эхом в бухаресте»,− докладывал айдингер 16 октября 1915 г., очевидно, намеренно сгущая краски и желая оправдаться в глазах своих хозяев[869].

отношения румынского населения с австрийскими властями в годы войны не были гладкими. Например, Фишер как-то высказался, что в буковине он знает «только три нации: немцы, евреи и предатели». таким образом, в разряд предателей попала и румынская интеллигенция. Но выдвигаемые обвинения часто были абсурдными. Например, священника прелича из села раранче обвинили в

[867] цит. по: *Прокопович Е.* кінець австрійського панування в буковині. Чернівці, 2003. С. 15.
[868] *Лалков М.* акциите «розелиус» // българия и балканите. 681−1981. София, 1983. С. 368−370.
[869] там же.

русофильстве и арестовали за то, что за несколько лет до войны у него видели русский календарь. коман отмечал, что в условиях войны состав русофилов формировался путем причисления к ним лиц, известных жандармерии как румынофилы. по мнению этого автора, удар был направлен на учителей и священников, с тем чтобы оборвать проходившую через них связь политических деятелей с народом[870]. особо негативное отношение к духовенству отмечалось уже с начала войны. так, о. брэиляну из села Фрумоса предъявили обвинение в русофильстве, поскольку он заявил прихожанам, что австрия не имеет права на буковину, которую оторвала от Молдовы. таким образом, румынофильство приравняли к русо фильству, а за это могли приговорить и к смертной казни. Но так как брэиляну был кавалером ордена «Звезда румынии», его казнь могла серьезно испортить австро-румынские отношения. внимание общественности привлек и инцидент со священником д. цопа, арестованным по доносу в начале войны и освобожденным, когда выяснилась фальшивость доноса. именно доносы становились причиной несправедливых арестов. так, староста Серетского уезда Йозефович в октябре 1914 г. утверждал, что в уезде не было к тому времени ни одного священника, на которого не поступил донос. ротмистр тот также жаловался на бесконечный и ежедневный поток жалоб. опасность таких обвинений состояла в том, что приговоры приводились в исполнение на месте[871]. иногда обвинения были «смешными», хотя и обвиняли в симпатии к россиянам. так, о. павлюк из Серета обвинялся в этом по причине его появления на улице в новой одежде. Священнику дарийчуку инкриминировали хранение российских денег, которые после выяснения оказались лотерейными билетами, выпущенными в австрии[872].

бэлан в своей публикации подробно описал истории злоключений православных священников − румын и украинцев, обвиненных в шпионаже или русофильстве. Среди них о. Н. Михальча из села якобень (уезд кымпулунг), о. г. ланивски из вижницы, о. е. усатюк из прихода Слобозия-раранче близ Черновцов и пр. Здесь же приведены фамилии крестьян и чиновников, обвиненных в шпионаже в 1914−1916 гг. Часто их осуждали за случайно высказанные мысли[873]. Надолго запомнились буковинцам жестокости жандармских служак Фишера − поручика тробея, вахмистра пройсентанца и других, усеявших край виселицами. особое внимание бэлан уделил процессам по делам румын, которые велись буковинской жандармерией в 1917−1918 гг. так, по обвинению в связи с румынами-беженцами в 1916 и 1917 гг. был приговорен к расстрелу директор румынской типографии д. бучевски. в марте 1918 г. подобное обвинение предъявили студентам а. и т. томойага, которых освободили через 43 дня заключения. Шквал арестов обрушился на профессоров мужской гимназии в Сучаве. так, по обвинению в действиях против австрийского государства был арестован е. космюк. в марте 1918 г. та же участь постигла его коллегу дж. паламареску, которого обвинили в пропаганде интересов румынии. С марта до 15

---

[870] *Coman N.* Op. cit. P. 44−49. воспоминания Фишера дают ценный материал о жестокостях австрийских военных властей. См.: *Fischer E.* Krieg ohne Heer : meine Verteidigung der Bukowina gegen die Russen. Wien, 1935.

[871] *Coman N.* Op. cit. P. 53−60, 67, 70.

[872] *Coman N.* Op. cit. P. 83−84, 89.

[873] *Bălan T.* Suprimarea mişcărilor naţionale... P. 68−101, 102−115.

октября 1918 г. пробыл под арестом С. прокопович, которому вменили в вину организацию подрывного движения, ведущего к отделению территорий от Монархии и присоединению их к румынии. по обвинению в причастности к румынскому движению арестовали и профессора той же гимназии С. ивановича. подобные аресты проводились в Серете и рэдэуць. в большинстве случаев арестованные возвратились в места предыдущего проживания в октябре 1918 г.[874]

Существовал еще один вопрос, который болезненно воспринимался румынами буковины. в стремлении обезопасить себя от «антигосударственных действий» церковных иерархов австрийцы нанесли удар по монополии румын в управлении архиепископской консисторией буковины. 14 июля 1918 г. она была разделена на румынскую и украинскую части. по-прежнему главой консистории являлся митрополит, но теперь в ее состав входили 2 архимандрита (укра инец и румын), 2 протопопа (соответственно), 4 советника-референта (поровну от обеих этнических групп) и двое румын − преподавателей теологии. в 1918 г. архимандритами кафедры стали т. тиминский и и. воробкевич[875].

Небезынтересно проследить деятельность буковинских румын за пределами края в годы войны. когда с началом боевых действий создались условия для перехода границы, этим воспользовались некоторые австрийские граждане румынского происхождения. известны случаи перехода австро-румынской границы во время первого и второго вторжений русской армии в буковину. именно тогда в бухарест направился Слушански со своей семьей. постепенно в столице пока еще нейтральной румынии скопилось немало представителей буковинской интеллигенции (священники, учителя, преподаватели, судьи, студенты) и крестьян. они находились в довольно тесном контакте, собираясь в различных кафе, обсуждали положение дел в буковине и на фронтах. вскоре их своеобразным центром стало кафе «империал», а Слушански начал активно заниматься судьбой эмигрантов, пытаясь привлечь к этому вопросу внимание бухарестских властей. Но, кроме них, в королевстве обретались и беженцы из трансильвании.

при помощи члена комитета национального действия профессора Симиона Мындреску была предпринята попытка объединиться путем проведения совместного конгресса. после множества совещаний его решили провести 28 марта 1915 г. в зале «атенеум». С этой целью 23 февраля румынские газеты опубликовали информацию о том, что Мындреску вскоре созывает в бухаресте конгресс всех румын из-за границы. 16 марта в уездные центры румынии были разосланы письма к буковинцам и трансильванцам с приглашением прибыть в столицу 28 марта. по согласованию с униатским священником из трансильвании василе лукачем и со Слушанским было издано «обращение к румынам из-за границы, находящимся в стране», которых призывали принять участие в собрании. там же говорилось о возможности отделения от австро-венгрии и присоединения к румынии ранее оторванных частей, о желании их населения вернуться в лоно румынского

[874] Ibid. P. 203−211.
[875] *Şesan V.* Zece ani de la unirea Bucovinei cu Patria-Mamă pe terenul bisericesc // Zece ani de la unire… P. 92.

государства[876]. в назначенный день «атенеум» был заполнен представителями всех областей трансильвании и буковины. открыл конгресс глава учредительного комитета Мындреску. первым выступал Слушански. он говорил о буковине, о борьбе тамошних румын за румынизацию образования в условиях германизации и рутенизации школьного дела и церковной жизни в крае, о занятии собственной экономической ниши ремесленниками-румынами. он же говорил об уничтожении румынского населения австрией как ей неугодного. после него от имени трансильванцев выступил василе Стойка, а итог подвел Мындреску, требуя вооруженным путем реализовать общий национальный идеал. Этот призыв, прозвучавший через 6 дней после падения перемышля, был восторженно воспринят аудиторией[877]. в конце заседания в атенеуме в выступлении Мындреску прозвучало предложение изменения границ «малой румынии». после обеда дискуссии продолжились в зале «дачия», где, вторя Мындреску, писатель барбу делавранча предложил создать культурную лигу. вскоре, объединив наиболее извест ных деятелей румынской общественной жизни, расходившихся в политических взглядах, но единых в стремлении осуществить национальный идеал, лига стала играть важную роль в мобилизации масс на борьбу за объединение румын в рамках единого государства. Среди тех, кто активно участвовал в деятельности культурной лиги, были константин истрати, ион кантакузино, Николае Йорга, Николае титулеску, барбу делавранча, октавиан гога, василе лукачу и др. Фактически на конгрессе прозвучала идея создания «великой румынии». в некоторых вечерних выступлениях даже поднимался вопрос о румынской династии. от имени буковины священник лазэр герман требовал от нынешнего поколения силы духа и жертвенности[878]. позднее, 22 июня 1915 г., была создана буковинская ассоциация. На собрании, состоявшемся в помещении культурной лиги, главой ассоциации был избран уроженец буковины и румынский подданный Эусебие пашкан, секретарем – Слушански. обратившись с печатным призывом к буковинцам вступать в ассоциацию, собрание высказалось за культивирование национального идеала с целью ускорения воссоединения буковины с румынией. еще один результат собрания проявился в развертывании журналистской деятельности. буковинские эмигранты начали публиковать статьи о своем крае в бухарестских газетах «Adevărul», «Dimineaţă», «Neamul Românesc», «Epoca», «Naţionalul». Слушански приложил значительные усилия, чтобы привлечь к буковине внимание румынских правящих кругов и общественности. Этой же целью задался грэмадэ, который видел «румынское будущее» Черновцов. оба поддерживали идею ликвидации австрии и участия румынии в войне. по примеру группы беженцев, направивших в конце сентября 1914 г. главе правительства меморандум о варварском отношении австрийских властей к румынам буковины, грэмадэ составил «Меморандум против ужасов в буковине, совершенных россиянами и австрийцами». готовил он и «кровавую книгу» с перечнем преступлений против гражданского населения

[876] См.: Congresul Românilor de peste hotare aflatori în Ţară. 15 Martie 1915. Bucureşti, 1915. P. 5–7.
[877] *Bălan T.* Suprimarea mişcărilor naţionale... P. 184–187. См. также: Congresul Românilor… P. 8–37.
[878] *Bălan T.* Suprimarea mişcărilor naţionale... P. 187–188; Congresul Românilor… P. 37–45.

буковины. периодически приобщался к работе и Нистор, который в своих трудах отстаивал идею «великой румынии» и «румынский характер» буковины[879].

С 1 апреля 1916 г. буковинские эмигранты стали выпускать свою газету − «Revista Bucovinei». в передовице первого номера, подготовленной тома, выражалась надежда на скорое освобождение родного края от 142-летнего рабства. С появлением газеты росла численность ее сотрудников; наиболее активными оказались а. Морар и Н. коман (Н. котос). Наряду с газетой появились издания, раскрывавшие румынскому читателю историю и современное положение буковины. были опубликованы книги «буковина 1774−1914» и «Мартиролог буковины» комана, «буковина при россиянах» Слушанского, «буковина» Морара. плодовитый Нистор издал исторические труды − «румыны и рутены буковины», «история церкви в буковине», «Национальная борьба в буковине»[880].

Но буковинцы несколько торопили события и старались сделать больше, чем воспринималось румынским обществом. Фишер знал о том, что члены буковинской ассоциации собираются также подготовить мартиролог румын, погибших

[879] *Bălan T.* Suprimarea mişcărilor naţionale... P. 188−193.
[880] Ibid. P. 193−195; *Nistor I.* Unirea Bucovinei 28 Noemvrie 1918: Studiu şi documente. Bucureşti, 1928. P. 25.

за время австрийского владычества. дирекции полиции был известен и список эмигрантов, пропагандировавших идею включения буковины в состав румынии. помимо уже упомянутых, среди них были также и. питикариу, д. Мармелюк, а. Молдован, Э. илиуц, дж. тофан, Ф. добош, г. ротикэ и др. после вступления румынии в войну в августе 1916 г. буковинских беженцев использовали как в армии, так и в пропагандистской деятельности. Многие из них погибли − и. грэмадэ, З. брябан, Н. и д. кэтанэ и др.[881]в истории великого объединения 1918 г. свою роль сыграл и корпус румынских добровольцев, сформированный из буковинцев и трансильванцев, служивших в австрийской армии и попавших в российский плен. по данным румынского военного историка константина кирицеску, из 400 тыс. румын, призванных под знамена габсбургов, около 120 тыс. оказалось в российских лагерях для военнопленных. в одном из таких лагерей, который размещался в дарнице и посещался комиссиями из представителей эмигрантов, и шло формирование данного корпуса. именно здесь с целью духовного воспитания добровольцев комитет пропаганды учредил газету «România Mare» («великая румыния»). первое подразделение добровольцев прибыло в яссы 8 июня 1917 г. На площади единения перед памятником князю александру иону кузе прошла организованная правительством встреча. Нистор называет речь председателя Совета министров ионела иона брэтиану замечательной и зажигательной. после него гога приветствовал добровольцев из трансильвании, а затем выступил глава комитета беженцев-буковинцев Нистор. он высказал пожелание водрузить румынский национальный триколор в Сучаве и Черновцах[882]. действительно, корпус занял соответствующее место в ирредента румын буковины и поэтому вызвал интерес на бальхаусплац. так, в сообщении министерства иностранных дел от 17 августа 1918 г. указывалось, что данный добровольческий корпус был создан из буковинцев и трансильванцев, которые находились в плену или дезертировали в румынию. таким образом, возник корпус с 12 тыс. солдат и 600 офицерами под командованием генерала Марчела олтяну. в его состав входили полки «турда», «алба-Юлия», «аврам янку»; небольшие подразделения были направлены к румынским частям. также в яссах находилось бюро по делам трансильванцев и буковинцев под руководством капитана васлу. 7 мая 1918 г. румыния подписала бухарестский мирный договор со странами Четверного союза. поэтому корпус расформировали, оставив его штаб в гирлау, − солдат направили на работы в имения, а офицеров распределили между другими регулярными частями. 6 октября того же года Национальный комитет трансильванских и буковинских румын, находящихся в Молдове и бессарабии, офицерского корпуса и волонтеров призвал Фердинанда I освободить румынские этнические территории от австро-венгерского гнета и завершить войну, воплотив идеал национальной интеграции[883]. для защиты специфических буковинских интересов в кишиневе был создан
исполнительный комитет беженцев из буковины в составе академика т. в. Штефанелли, г. тофана, е. илиуца, Н. котоса. глава комитета Нистор пропагандировал идеи, провозглашенные манифестом от 6 октября. также 2 июля 1917 г. была создана

[881] *Bălan T.* Suprimarea mişcărilor naţionale… Cernăuţi, 1923. P. 196−197; *Nistor I.* Unirea Bucovinei… P. 26.
[882] *Nistor I.* Unirea Bucovinei... P. 27−28; *Kiriţescu C.* Istoria războiului pentru întregirea României 1916−1919. Vol. II. Bucureşti, 1989. P. 36−37.
[883] *Прокопович Е.* указ. соч. С. 19−20; *Nistor I.* Unirea Bucovinei… Bucureşti, 1928. P. 29−30.

-

румынская миссия в буковине, которая должна была продемонс трировать заботу короля и правительства румынии о судьбе буковинских соплеменников, в первую очередь о семьях офицеров и солдат, которые сражались под румынскими знаменами. также миссии предстояло изучить политическую, административную и экономическую ситуацию буковины перед введением румынского правления и представить соответствующий материал для определения судьбы буковины, согласно будущим мирным договорам. для достижения этой цели использовалась тесная связь между румынией и буковиной, путем распространения газет и журналов и издания пропагандистской газеты в Черновцах. 1 ноября 1918 г. правительство румынии одобрило Статут для организации службы румынской пропаганды в буковине, что также явилось результатом деятельности эмигрантов[884]. разумеется, эта деятельность не была бы результативной, если бы и в самой буковине не сложились условия для реализации объединения с румынией. даже после заключения бухарестского мира на румынской территории не прекратились пропагандистские мероприятия по поводу присоединения исторических земель, тем более что в конце марта 1918 г. состоялось фактическое присоединение бессарабии. Не отказались от идеи объединения в единое государственное образование в пределах габсбургской монархии и буковинские румыны, хотя эта мысль высказывалась исключительно на уровне парламентариев. одновременно продолжали распространяться идеи дако-романского движения, носителем которых была интеллигенция. именно ее имел в виду начальник буковинской жандармерии Фишер, отмечавший в своем отчете от 7 июля 1918 г. в министерство обороны, что «румынская интеллигенция... извне вроде бы попритихла с момента военного поражения на востоке и после многочисленных арестов предводителей великорумынской ирредены». по его словам, эта интеллигенция убеждена в скором возрождении своего идеала. в отличие от нее румынские крестьяне, по мнению Фишера, верны Монархии и остаются на службе, хотя имеют возможность дезертировать[885]. и все же с сентября 1918 г. ситуация начала меняться. под влиянием поражений Четверного союза уже в октябре в буковине начались процессы, содействовавшие распространению антиавстрийских настроений среди румын и украинцев. так, в оперативном сообщении от 21 октября отмечалось: «вследствие трудного положения Монархии румынская интеллигенция лелеет новые надежды на свои великорумынские планы, с которыми она еще в сентябре не отваживалась открыто выступать в широкой массе, а лишь выдвигала их предметом обсуждения на тихих тайных собраниях» [886] . все чаще буковинцы открыто выступали против габсбургских ставленников. в обиход вошли позорные для австрийских войск клички Marmeladesoldaten («мармеладные солдаты») и, что особенно характерно, Kriegsverlänger («продолжатели войны»).

2 октября в доме М. боди по инициативе пушкариу собрались 12 националистически настроенных представителей интеллигенции, не представлявших ни одну из существовавших партий. по предложению пушкариу организовали издание газеты

[884] *Nistor I.* Unirea Bucovinei… P. 30–32.
[885] *Прокопович Е.* указ. соч. С. 15–16.
[886] там же. С. 18.

«Glasul Bucovinei» с опубликованием в ее первом номере прокламации данной группы. 15 октября в доме а. Хурмузаки состоялось собрание с участием С. пушкариу, Н. поповича, Н. Флондора, а. цуркана, и. тарнавского и а. ончула. оно закончилось безрезультатно из-за позиции ончула. 16 октября после 8-летнего перерыва на политическую сцену буковины вернулся один из «отцов-основателей» румынской национальной партии буковины, представитель древнего боярского рода янку Флондор, который отвергал любое разделение края по этническому признаку[887]. вслед за тем буковинским румынам было направлено программное заявление «Чего мы желаем?», опубликованное в первом номере газеты «Glasul Bucovinei» 22 октября. Сучавская «Viaţa Nouă» тоже видела новое общее будущее для всех румын габсбургской монархии. к тому времени уже вероятно было известно содержание выступления 18 октября в венгерском парламенте румынского депутата александру вайды воевода, который потребовал национального самоопределения для румын трансильвании и венгрии[888]. в день выхода в Черновцах первого номера «Glasul Bucovinei» вопрос о положении румынской нации обсуждался и в австрийском рейхсрате[47].

в то же время в крае проводились мероприятия, которые, хотя и носили патриотичный (проавстрийский) характер, все же не были санкционированы властью и воспринимались ею настороженно. так, в сентябре 1918 г. д. попович организовал паломничество румынских крестьян на могилу св. ивана Сучавского. Местные власти сообщали в министерство внутренних дел о желании поповича вести собственную политическую линию через основанный им буковинский румынский крестьянский союз. Это образование, действуя на демократических началах, было откровенно националистическим. Местная власть усматривала в нем противовес румынской демократической партии ончула, но одновременно оно должно было выражать интересы крестьянства и заботиться о «сохранении патриотичного духа». Формальное празднование учреждения союза попович запланировал провести в Сучаве. причин для отказа власть не находила, поскольку полагала, что его речь будет выдержана в патриотичном духе. под последним понимали намерение поповича «разъяснить народу необходимость правительственных мероприятий по собиранию продовольственных товаров». отдельно, в дополнение к официальному сообщению, президент края граф Йозеф Эцдорф 14 сентября направил письмо министру внутренних дел Эдмунду фон гейеру, в котором указал, что попович «направит этот митинг скорее в националистическое русло... без сомнения, попович этим собранием преследует цель политической агитации и прикрывает ее патриотичным плащиком». Эцдорф считал это излишним, поскольку румынские крестьяне, по его мнению, и без того были настроены соответствующим образом. в ответе министра от 23 сентября речь шла о потребности власти «перетерпеть» собрание румынских крестьян, при условии, что не будет нарушен общественный порядок. вместе с тем безопасность на собрании следовало обеспечить, цензуруя тексты призывов, выступлений и транспарантов. признавалось

---

[887] его политическую биографию см.: *Mamina I., Scurtu I.* Guverne şi guvernanţi (1916–1938). Bucureşti, 1996. P. 171.
[888] Dr. Alexandru Vaida Voevod, corespondenţă 1918–1919 / Ed. H. Salcă, F. Salvan. Braşov, 2001. P. 139–141. [47] *Nistor I.* Unirea Bucovinei… P. 34–36; *Economu R.* Unirea Bucovinei 1918. Bucureşti, 1994. P. 1–4. [48] *Прокопович Е.* указ. соч. С. 22–23.

необходимым обеспечить участие исключительно местных жителей и «не допустить привлечения румынских подданных»[48].

немцев антон кешман. Фактически обсуждение проблемы образования федеративного государства в рейхсрате велось тогда, когда украинцы австро-венгрии на конституанте в львове 18–19 октября уже обсудили данный вопрос и, сформулировав свое видение собственного будущего в австро-венгрии, создали украинскую национальную раду. правящие круги в вене расценили создание украинской государственности в рамках Монархии как основание для тесного сотрудничества украинцев с габсбургами[889]. румынские политические деятели буковины несколько запаздывали в своих
действиях, хотя, как уже говорилось, первую попытку объединения они предприняли еще 12 октября. Но следующий шаг состоялся лишь спустя полмесяца. Эцдорф сообщал шифрованной телеграммой фон гейеру, что 27 октября румынский парламентский клуб, в частности депутаты г. григорович и г. Сырбу, а также депутаты ландтага от румынских партий созывают Национальное собрание. предполагалось, что на основе выступления председательствующего 100–150 участникам предложат резолюцию, одобренную всеми румынскими партиями. там речь шла о праве румынского народа буковины на самоопределение, которого следовало достигнуть совместно с собратьями из трансильвании и венгрии, создав для этого общую организацию. таким образом, планировалось создать конституанту из румынских депутатов рейхсрата, бывших депутатов ландтага и румынских бургомистров буковины. она должна была избрать Национальный совет в составе 36 членов в качестве представительского органа румын. На мирном конгрессе румыны должны быть представлены «исключительно их доверенными лицами». Завершающий пункт резолюции касался самой болевой точки и звучал так: «Национальный совет и общая организация оставляют за собой право на решение национального размежевания». подытоживая изложенное, Эцдорф обещал: «я буду в дальнейшем стараться избегать упоминания в резолюции или хотя бы во вступительной части о высочайшем манифесте и австрийском государстве»[890].

поводом к проведению данного собрания стало принятие шестью членами румынского парламентского клуба решения о дальнейшей судьбе буковины в составе австрийского государства. 26 октября перед собранием они намеревались требовать буковину до прута, и тогда еще, по словам Эцдорфа, его стремление упомянуть императорский манифест от 16 октября имело шансы на успех. однако во второй половине дня 27 октября под влиянием Флондора позиция изменилась, и теперь уже румыны требовали всю буковину. именно такое решение о неделимости буковины было утверждено Национальным собранием в присутствии 400 человек. также был избран Национальный совет из 50 членов. главенствующую роль в принятии решения сыграл, безусловно, председатель собрания Флондор[891]. именно его эмоциональная речь побудила участников принять следующую резолюцию:

1. представители народа буковины, собравшись сегодня, 27 октября 1918 г., в столице буковины, объявляют себя на основе национального суверенитета конституантой этого румынского края.

[889] там же. С. 31–32.
[890] там же. С. 33–34.
[891] там же. С. 38.

2. конституанта постановляет объединить всю буковину с остальными румынскими краями в единое национальное независимое государство и будет добиваться этой цели в полной солидарности с румынами трансильвании и венгрии.

3. для руководства румынским народом буковины, защиты его прав и для установления тесной связи между всеми румынами конституанта создает совет из 50 членов. Этот совет будет представлять нас через своих уполномоченных и на мирной конференции, и, кроме нее, мы не признаем ни за кем права решать или обсуждать судьбу румынского народа буковины.

4. конституанта решительно отвергает любую попытку, направленную на нарушение целостности буковины, и желает договориться с народами, которые проживают совместно»[892].

Современный историк С. григоришин, характеризуя данную декларацию, указывает, что она трактовала национальный суверенитет как право властвовать над населением края. по вопросу объединения с румынией он ссылается на работу бэлана, который утверждал, что королевскую румынию в буковине воспринимали как боярское государство, где крестьяне находились на положении рабов, из-за чего сама идея такого объединения, дескать, не была популярной. также ссылается он и на заявление Сырбу о том, что Флондора поддерживало незначительное количество румын[893]. Но, вопреки всему, после 27 октября начался процесс борьбы за власть в буковине между политическими представителями румын и украинцев. он завершился вмешательством королевской румынии и достижением того национально-государственного идеала, которого в бухаресте желали с самого начала мировой войны. в близком к решению конституанты смысле высказалась 27 октября и газета «Viaţa Nouă»: «Что касается буковины, то нам кажется, что наши депутаты в парламенте поспешили согласиться с ее расчленением... исторически и географически буковина едина и является чисто румынской территорией не только от Сучавы до прута, но и от дорна ватры до днестра. На этой земле была организована… румынская государственная жизнь. буковина досталась нам в наследство в своей целостности от наших предков, и в благодарность мы должны сохранить ее в целостности для будущих времен»[894].

в целом ситуация в стране и буковине все более накалялась. 28 октября в вену была отправлена телеграмма об угрозе вторжения румынских войск и эвакуации в Станиславов части чиновников во главе с Эцдорфом. На следующий день ответной телеграммой министерство внутренних дел одобрило его действия. Но президент края все же терял рычаги управления, и происходило это на фоне отсутствия договоренностей между румынами и украинцами. Хотя Эцдорф и отмечал, что «единства по поводу территориального разграничения национальностей еще не достигнуто, поскольку в румынском лагере главенствует большой разлад», однако он уже предчувствовал скорую передачу власти и запрашивал вену о такой возможности[895].

---

[892] Nr. 1. Hotărârile adunării reprezentanţilor poporului român din Bucovina din 27 Octomvre n. 1918 // Monitorul Bucovinei. 1918. 14 Noem. P. 1.

[893] *Григоришин С.* Метаморфози позицій румунських буржуазних діячів буковини у 1918 році // буковинське народне віче 3 листопада 1918 року. Чернівці, 1990. С. 24–25.

[894] цит. по: *Григоришин С.* указ. соч. С. 22; *Econotu R.* Op. cit. P. VI.

[895] *Прокопович Е.* указ. соч. С. 35.

такая ситуация не была случайной, поскольку уже 28 октября Эцдорфа посе тили представители румынского национального совета Флондор, Сырбу и попович с требованием передачи власти. протест украинцев против попыток румын овладеть всей буковиной и призыв к проведению 3 ноября Народного веча румыны расценивали исключительно как провокацию. такой же провокацией они считали пребывание в буковине украинских сечевых стрельцов и протестовали против этого, добиваясь их ухода. контроль над воинскими частями в тех условиях означал возможность достижения успеха в деле определения будущего буковины. именно поэтому довольно остро украинцы восприняли роспуск 2 ноября 41-го пехотного и 22-го стрелкового полков краевой обороны. ведь это свело на нет всю проведенную ранее агитационную работу в этих подразделениях. в ответ на такие действия Эцдорф был вынужден принять решение о создании отрядов самообороны[896]. день 2 ноября стал переломным в отношениях власти, украинцев и румын. в этот день президент буковины пригласил к себе румынских депутатов рейхсрата Хурмузаки, ончула и григоровича, а также представителя украинской национальной рады емельяна поповича. по словам самого Эцдорфа, Хурмузаки и григорович выступили за продолжение его пребывания на посту совместно с совещательным советом из представителей всех этнических групп. С другой стороны, ончул и попович высказались за передачу власти. позицию румын раскрыл а. артимович, указавший, что румынский национальный совет желал получить власть над всей буковиной и соглашался на возможную передачу власти украинцам только в четырех уездах. поскольку создавалось впечатление поддержки ончула румынскими крестьянами, то на этом фоне ончул и попович достигли договоренности о разделе буковины между двумя народами. вместе с тем Эцдорф не спешил передавать власть этим представителям, поскольку не считал ончула легитимным представителем румын[897].

3–5 ноября в условиях хаоса продолжались переговоры о будущем статусе буковины. 4 ноября президент буковины встретился с Флондором, который отклонил предложение украинцев и попросил Эцдорфа продолжать управление краем. тогда же он сообщил о направлении в яссы курьера с просьбой ввести в буковину королевские войска. действительно, в тот же день в яссы прибыл василе боднэреску, который встретился с главой Совета министров александру Маргиломаном и получил заверение в предоставлении оружия для создания Национальной гвардии или подразделения жандармов. о результатах поездки боднэреску сообщил Флондору 5 ноября. Смена правительства в румынии заставила румынский национальный совет использовать боднэреску в качестве дипломатического агента для связи с новым кабинетом. правда, ради получения столь нужного ему решения о введении румынских войск в буковину Флондор использовал и другие каналы, в частности просил военной помощи у номинального шефа румынского генштаба, престарелого генерала василе Зотту[898]. в результате началось продвижение в буковину подразделений 8-й дивизии генерала якоба Задика. когда 6 ноября в Сучаву вошло румынское подразделение, Эцдорф приказал главе уезда исполнять свои полномочия до того времени, пока румыны не выдвинут

[896] там же. С. 39–40; *Артимович А.* переворот на буковині. Спомини // *Добржанський О. В., Старик В. П.* указ. соч. С. 821.

[897] *Прокопович Е.* указ. соч. С. 42–43.

[898] *Marghiloman A.* Note poitice. Vol. III. Bucureşti, 1995. P. 212–213.

условия, несовместимые со служебной присягой. поскольку продвижение войск в буковину продолжалось и далее, ончул выехал в Сучаву, но был отправлен Задиком в яссы и там арестован[899].

6 ноября Эцдорф передал власть представителям украинской национальной рады и ончулу как румынскому национальному комиссару. по утверждениям некоторых историков, угроза начала антирумынских репрессий заставила Флондора и главу Национального совета, 80-летнего священника дионисие бежана укрыться в резиденции митрополита. Но постепенно, с приближением войск Задика и эвакуацией украинской власти на север, город переходил в руки румынского национального совета. Со вступлением румынских войск 11 ноября в Черновцы городским главой стал Шандру. тогда же ончула объявили врагом румынского народа. к населению Национальный совет обратился 12 ноября, указав, что буковинские румыны, основываясь на праве национального суверенитета, решили на своей конституанте 27 октября «владеть своим единым краем буковиной». в обращении указывалось, что представители австрийской власти проигнорировали права румын и передали власть рутенам. именно этим обстоятельством объяснялось обращение за военной помощью к румынскому королю. 12 ноября румынский национальный совет собрался на свое второе заседание. в нем участвовали только 34 члена, которые проголосовали за временный основной закон о власти края буковины. Согласно ему законодательная власть передавалась румынскому национальному совету, а исполнительная − государственным секретарям во главе с Флондором. также вводилось осадное положение в еще не занятых румынскими войсками Черновицком, вашковском, вижницком уездах, а также в уездах Сторожинецком, Серетском и рэдэуцком. Население этой территории было обязано в течение 24 часов сдать в жандармерию все оружие и амуницию. по предложению боднэреску был рассмотрен вопрос о создании суда для расследования действий ончула[900].

На третьем заседании Национального совета 13 ноября государственные секретари принесли присягу перед бежаном, а Флондор объявил программу правительства. 15 ноября через офицера Мармелюка он получил приглашение от нового главы румынского кабинета генерала константина коандэ прибыть в яссы. вместо себя Флондор отправил пушкариу для того, чтобы тот проинформировал правительство о ситуации в буковине. 17 ноября рапорт о состоянии дел в крае представил генералу коандэ и Мармелюк[901].

22 ноября в Черновцы прибыло 100 эмигрантов во главе с Нистором, которых на вокзале встречал Шандру. в тот же день было принято решение о ежедневном выходе газеты «Glasul Bucovinei». после встреч с Флондором и другими члена ми

---

[899] *Economu R.* Op. cit. P. 14−15.

[900] даЧо. Ф. 6. оп. 1. Спр. 1. арк. 3−4. декреты-законы о захвате буковины румынскими оккупационными войсками и ее временном управлении; там же. Спр. 2. арк. 6−10. расшифрованная стенограмма протокола заседания румынского национального совета буковины (машинописная копия 1928 г.); Nr. 4.
Legea fundamentală provizorie din 12 Noemvrie 1918, asupra puterilor ţării Bucovina // Monitorul Bucovinei. 1918. 14 Noem. P. 2−3; Nr. 3. La hotărârea Consiliului naţional al Ţării se proclamă starea de asediu // Ibid. P. 2; Nr. 2. Către poporul român // Ibid. P. 2; Cuvântul lui Vasile Bodnărescu in şedinţa Consiliului Naţional // *Nistor I.* Amintiri răzleţe din timpul Unirii. Cernăuţi, 1938. P. 62.

[901] *Economu R.* Op. cit. P. 23−27; *Marmeliuc D.* In preajma Unirii: File de carnet // *Nistor I.* Amintiri răzleţe… P. 210−215.

Национального совета Нистор развернул работу по ускорению безусловного объединения буковины с румынией. 25 ноября в четвертом заседании Национального совета принял участие восстановленный в правах митрополит буковины владимир. по предложению д. поповича в состав совета были кооптированы 50 новых членов, в том числе представители эмигрантов. тогда же было решено провести 28 ноября в большом синодальном зале митрополичьего дворца конгресс буковинского народа с участием представителей всех национальностей края [902] . Накануне проведения конгресса «Glasul Bucovinei» опубликовал заявления Флондора о том, что румынский национальный совет ведет переговоры с представителями поляков, немцев и евреев. Собственно, от евреев представители политической верхушки румын ожидали определенного решения, тогда как с украинцами сотрудничать они не собирались, ссылаясь на неприемлемую позицию последних[903]. генеральный конгресс буковины описывается румынскими историками ис-

ключительно как праздник. появившаяся накануне в «Glasul Bucovinei» статья описывала 144-летнее рабство и требовала исправить «историческую несправедливость» путем воссоединения с румынией. в 11 часов дня бежан открыл работу конгресса и, с согласия присутствующих, предоставил право председательствовать Флондору. помимо 74 членов румынского национального совета, в зале находились соответственно 6 и 7 представителей польского и Немецкого национальных советов. в качестве гостей присутствовали офицеры румынской армии, четыре депутата уже фактически упраздненного накануне бессарабского Сфатул цэрий (Совета страны), а также три члена румынского национального совета трансильвании и венгрии[904].

Секретарь конгресса раду Сбиера зачитал присланные поздравительные телеграммы. поскольку безусловное вхождение бессарабии в состав румынского королевства накануне стало свершившимся фактом, Флондор в своей речи акцентировал внимание присутствующих на общности исторических судеб буковинцев и бессарабцев. перейдя к «установлению политического отношения буковины к румынскому королевству», он зачитал проект резолюции, подготовленный заранее, отредактированный Нистором и предложенный к одобрению конгрессом. Затем сам Нистор обосновал изложенные требования, дав при этом анализ пребыванию буковины в составе габсбургской империи. квятковски на польском языке выразил согласие поляков на присоеди-

нение края к румынии. ему последовал от имени немцев алоис лебоутон, указавший на ожидаемое присоединение к румынии трансильвании и баната. Нелишним будет отметить, что немцы дали свое согласие на вхождение края в состав румынии на определенных условиях 26 ноября 1918 г. Но вскоре они ощутили на себе все «прелести» румынского владычества и в июле 1919 г. были вынуждены признать, что это присоединение не пошло на пользу немецкому этносу. позднее, 5 декабря 1918 г., на имя Флондора поступила телеграмма армянской общины за подписью в.

---

[902] *Economu R.* Op. cit. P. 27–28; *Nistor I.* Unirea Bucovinei… P. 54.

[903] Şedinţa Consiliului Naţional // Glasul Bucovinei. 1918. 27 noem. P. 3.

[904] даЧо. Ф. 6. оп. 1. Спр. 3. арк. 1. протокол заседания генерального конгресса в буковине, созванного румынским национальным советом.

прункула с согласием на объединение. подобные известия поступили от еврейских общин из рэдэуць, кымпулунга и Сучавы[68]. принятая резолюция провозглашала «объединение безусловное и навеки бу-
ковины, в старых ее границах до Черемоша, колачина и днестра, с королевством румынией». после того как прозвучал румынский национальный гимн, с обращениями выступили трансильванец в. делеу и бессарабец п. Халиппа. в заключение конгресс направил телеграммы королю Фердинанду, правительству румынии, а также дипломатическим представителям британии, Франции, италии и США в яссах. в 13 часов конгресс завершил работу, а его делегация во главе с Флондором отправилась в яссы для официального представления королю и правительству акта объединения[69]. На основе этого решения и представления «старого» нового премьера брэтиану 29 декабря 1918 г. в парламент был подан Закон-декрет о включении буковины в состав румынии. он был ратифицирован, 31 декабря подписан королем и опубликован 1 января 1919 г. теперь на мирной конференции румынской делегации во главе с тем же брэтиану оставалось «только» доказать право королевства на владение буковиной и прочими присоединенными провинциями[70].

описывая события генерального конгресса буковины, Макс витнер отметил: «Можно было посочувствовать эмоциям румын по поводу исполнения их желания из 144-летних грез, но тот, кто знает румынский характер и обычаи, кто жил на родине и имел возможность познакомиться с администрацией, ее коррупцией и черствостью, кто видел пропасть между боярством и народом, кто наблюдал за беспринципным и презирающим правила чиновничеством, кто был свидетелем угнетения национальных меньшинств, презрения к евреям – которых обижают всегда и везде, кто только пожелает, – тот с грустью чувствовал, что в создавае
в. М. ботушанский выделяет регион, в котором преобладало украинское населе ние. в него входили 7 уездов буковины: Заставновский, кицманский, вашковский, вижницкий, Черновицкий, Сторожинецкий и частично Серетский, а также город Черновцы. по его подсчетам, в той части буковины, на которую претендовали украинцы, численность украинского населения составляла 273 649, а румынского – лишь 83 561 человек.[905] исходя из этого, ботушанский доказывает право украинского населения буковины на принятие решения о последующей судьбе северной (украинской) части края.

тем не менее, представляя себя исключительной автохтонной нацией в крае, румынские политики не желали идти на компромисс с украинцами. Это обстоятельство углубило раскол между политическими деятелями двух народов буковины и определило ход событий после образования румынской конституанты, направленных на объединение всей буковины с королевской румынией, которое было проведено вопреки воле всего населения, но при согласии с частью национальных лидеров поляков и немцев. вскоре новая власть произвела перепись населения и в августе 1919 г. обна-

---

[905] *Ботушанський В. М.* участь українців буковини у творенні української державності (1918−1920 рр.) // Народне віче буковини. 1918−1993: документи і матеріали обласної науково-практичної конференції, присвяченої 75-річчю буковинського народного віча 3 листопада 1918 р. Чернівці, 1994. С. 48−49; боротьба трудящих буковини за соціальне й національне визволення і возз'єднання з українською рСр. 1917−1941: документи і матеріали. Чернівці, 1958. С. 125−126.

родовала ее результаты. так, судя по публикации в газете «Glasul Bucovinei», по сравнению с 1910 г. население буковины уменьшилось до 727 588 человек. из них насчитывалось 368 149 румын, 215 605 рутенов (хотя встречалось и число 225 605 человек), 52 914 немцев, 23 301 поляк, 43 655 евреев, 10 182 венгра, 282 армянина и 3500 лиц других национальностей[906]. в таком варианте численность румынского населения буковины возрастала до 50,6%. к тому же в самой публикации указывалась цель такой переписи, которую проводил Секретариат по сельскому хозяйству ради восстановления патриотизма и опровержения бытующего даже среди руководителей румын мнения о том, что в буковине румыны составляют только 30% населения. поэтому воспринимать такие статистические данные следует довольно осторожно. вдобавок следует учитывать, что данная перепись проводилась в преддверии принятия решения о судьбе буковины парижской мирной конференцией. Значит, помимо прочего она могла преследовать политические цели доказательства «румынского характера» буковины и отказа от подписания договора о правах национальных меньшинств. в дальнейшем при переписях 1927 и 1930 гг. власть также предпринимала попытки различными способами занизить численность украинцев в буковине[907].

[906] O nouă statistică a populaţiunei bucovinene // Glasul Bucovinei. 1919. 24 aug.

[907] См.: *Піддубний І. А.* Населення буковини за даними переписів міжвоєнного періоду та питання збереження національної ідентичності українців // питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. т. 2 (16). Чернівці, 2003. С. 75–84.

III

НациоНальНые движеНия югославяНских Народов и итальяНцев

Й. Пирьевец

Словенцы и Первая мировая война

известный австрийский социал-демократ отто Бауэр в своей книге «Национальный вопрос и социал-демократическое движение» включил словенцев в число так называемых «неисторических народов» габсбургской монархии. При этом Бауэр опирался на позиции карла Маркса и Фридриха Энгельса, правда, с некоторой поправкой. так, например, Бауэр утверждал, что «неисторические народы» не осуждены на анонимное существование в истории, в отличие от мнения обоих указанных философов, высказанного ими еще в 1848 г. «история XIX столетия окончательно доказала неправильность указанного мнения, − писал Бауэр. – Мы называем эти народы неисторическими только потому, что их национальная культура не имела своей истории, никакого развития в тот период, когда носителями культурного развития были исключительно господствующие слои общества»[908].

Бауэр был прав. словенцы – классический пример нации, которая начала формироваться в политическом отношении в конце XVIII в. и полностью сформировала свою культурную и политическую мысль только в период после революции 1848 г. словенцы как нация пережили исключительно быстрый период модернизации. Это дало им возможность уже во второй половине XIX столетия сформировать достаточно ясную национально-политическую программу. Последняя опиралась на убеждение, что у словенцев есть права на собственную территорию в рамках Монархии, так что последняя из дуалистической империи должна была стать империей с тремя составными частями − триумвиратом. На юге империи должно было быть сформировано – наряду с австрией и венгрией – еще одно, третье государственное образование – югославия, в которую следовало включить словенские провинции, хорватию с истрией, далмацию, славонию, Боснию, герцеговину и воеводину. Эта югославия должна была остаться под короной габсбургов, но иметь при этом свои правительство и парламент.

[908] *Bauer O.* Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. Wien, 1924. S. 190f.

Эти планы связывались с личностью престолонаследника, эрцгерцога Франца Фердинанда, в новаторские идеи которого верила, главным образом, самая многочисленная и католически настроенная словенская партия − Народная. когда 28 июня 1914 г. эрцгерцог стал жертвой теракта в сараево, большинство словенцев было в искреннем трауре. отмечены даже случаи антисербских выступлений, которые противоречили традиционным славянофильским настроениям широких народных масс. в любом случае словенцев охватила более или менее искренняя эйфория, когда император Франц иосиф 26 июля объявил о мобилизации. в связи с тем, что словенский народ был разделен на различные габсбургские провинции, поскольку проживал в цислейтании и в транслейтании, трудно точно сказать, сколько именно словенцев было призвано в армию. Наши расчеты показывают, что на каждую тысячу солдат в австро-венгерской армии приходилось 25 словенцев, то есть в общей сложности под ружье встали 30 тыс. человек. самым известным воинским подразделением со словенским составом был 17-й пехотный полк, который также называли «полком крайнских янезов» в лондоне. Уже 12 августа 1914 г. этот полк был отправлен на русский фронт, а ровно через две недели произошло первое сражение с его участием. в боях погибла половина офицеров и рядовых солдат этого полка. Последующие сражения были настолько кровопролитными, что в феврале 1915 г. полк едва насчитывал 320 человек[909].

Перед началом Первой мировой войны австрийский рейхсрат прекратил свою деятельность. в государстве был установлен строгий режим, особенно остро ощущаемый на себе теми словенцами, которые казались властям опасными. отмечены случаи арестов и заключений под стражу, затронувшие несколько видных словенских деятелей. Среди них были ведущий писатель того времени иван цанкар, один из лидеров либералов, бывший бургомистр любляны иван хрибар, филолог и публицист Фран илешич. отдельные лица, в особенности молодежь, сразу же после начала войны уезжали в сербию и вступали в ее войска в качестве добровольцев. еще более многочисленными были случаи сдачи в плен на русском фронте. Некоторые видные словенские политики бежали на Запад, где вместе с хорватскими коллегами в апреле 1915 г. создали югославянский комитет, действующий между лондоном, римом, Парижем и Петроградом. Находившееся в лондоне руководство комитета выдвигало цель освобождения югославян из-под австро-венгерского гнета и их объединения с сербами и черногорцами[910]. апрель 1915 г. стал для словенцев судьбоносным. 26 апреля итальянское правительство подписало в лондоне тайный договор с державами антанты, в котором приняло на себя обязательство вступить в войну на стороне союзников. взамен итальянское правительство предъявило территориальные притязания на земли австро-венгрии, куда входили и словенские этнические территории. согласно своим империалистическим планам италия желала установить стратегическую границу в юлийских альпах, на так называемой пограничной зоне вплоть до адриатического моря. такой рубеж отрезал бы приблизительно четверть словенской этнической территории и треть словенского населения. Не-

[909] Prva svetovna vojna: Enciklopedija Slovenije 9. Ljubljana, 1995. S. 401−402.
[910] Zgodovina Slovencev. Ljubljana, 1979. S. 595.

смотря на то что союзники − великобритания, Франция и россия – полагали, что требования италии противоречат принципам, за которые они борются, тем не менее эти требования были приняты. согласно лондонскому договору предусматривалась передача италии, в случае если она вступит в войну на стороне антанты, горицы, истрии и других югославянских земель. именно в этот период словенцы впервые оказались предметом дискуссий в международных дипломатических кругах, о чем свидетельствует тот факт, что российский министр иностранных дел сергей дмитриевич сазонов уже в начале 1915 г. вступил с ними в контакт. По поручению министра его агент в Швейцарии всеволод сватковский в марте–апреле того же года неоднократно пытался убедить югославянских эмигрантов, а также словенцев из триеста и хорватов из истрии в том, что россия, защищая свои жизненно важные интересы, будет вынуждена согласиться с территориальными амбициями италии[911]. Это обстоятельство вызывало оправданное беспокойство словенских политиков. ясно, что в первую очередь словенцы из триеста, объединенные вокруг политического общества «единство», оказались в очень сложной ситуации: с одной стороны, трудно было противоречить россии, с другой – так же тяжело было примириться с мыслью о том, что словенское Приморье будет фактически отдано в руки италии. Позже было найдено компромиссное решение: если бы итальянская армия заняла их территорию, словенцы не стали бы протестовать против оккупации. Протесты начались бы только в том случае, если бы римское правительство захотело аннексировать их территорию. Уже 11 апреля, то есть перед подписанием лондонского пакта, словенцы позволили себе более радикальные заявления. в документе, который они приняли, утверждалось, что перспективу временного рабства в рамках габсбургской монархии они не готовы променять на смерть, которую они встретили бы, попав под власть италии. согласно данному решению было сделано предупреждение о возможности вооруженного сопротивления итальянскому правительству[912].

Указанные факты позволяют сделать вывод, что вступление италии в войну вызвало у словенцев реакцию самосохранения и это обстоятельство австрийские власти сумели использовать с пользой для себя. сразу после открытия нового фронта, линия которого проходила от Фриули до тренто, сюда из галиции были перемещены словенские полки, поскольку австрийцы полагали, что словенские воинские подразделения будут отчаянно сражаться за родную землю. в этом смысле была развита также политическая пропаганда, которая впервые признала за словенцами право называться самостоятельной нацией. для словенского населения, проживающего в области крас и в районе реки соча (изонцо), куда начали проникать итальянские войска, открытие фронта означало настоящую катастрофу. австрийские военные власти выселяли население целых областей, жителей эвакуировали в центральные районы страны с размещением в лагерях для беженцев, где условия жизни были весьма трудными. то же самое делали итальянцы на своей стороне фронта. Это означало, что словенцы впервые в своей истории начали знакомиться с южной италией, открывая для себя всю отсталость этого региона.

[911] МоЭи. Т. VII. Ч. 2. М.; л., 1935. с. 171−172, 193−194, 233−234. №№ 546, 560, 588; *Pleterski J.* Prva odločitev Slovencev za Jugoslavijo: Politika na domačih tleh med vojno 1914−1918. Ljubljana, 1971. S. 44.

[912] *Šepić D.* Slovenci i jadransko pitanje u prvom svjetskom ratu // Zgodovinski časopis. Ljubljana, 1969. Zv. 3–4. S. 261.

На фронте вдоль реки соча, который отличался выраженным горным рельефом, в 1915–1917 гг. состоялось 11 военных операций, известных в итальянской военно-исторической науке как «сражения на изонцо». в рамках этих наступательных операций итальянцам удалось значительно продвинуться в глубь словенских земель, однако своей главной цели – лайбаха (любляны) – им так и не удалось достигнуть. люблянская долина была так важна, поскольку открывала дорогу в самое уязвимое место «в сердце» австро-венгрии. Более того, в конце октября 1917 г. итальянские войска потерпели поражение у городка кобарид (капоретто) и были отодвинуты глубоко назад на территорию Фурланской низменности вплоть до реки Пьяве. Это событие, закрепившееся в памяти итальянского народа как одно из самых тяжелых военных поражений, у словенцев вызвало последний всплеск позитивных настроений в отношении габсбургских властей. война, которая имела серьезные социальные последствия для гражданского населения, нанесла тяжелый удар традиционной (исторической) привязанности словенцев к габсбургской династии. 21 ноября 1916 г. умер император Франц иосиф. его преемник карл в мае следующего года снова созвал заседание рейхсрата, чем воспользовались южнославянские делегаты для предъявления своих национальных требований. 30 мая 1917 г. председатель югославянского клуба антон корошец на торжественном открытии парламента зачитал так называемую Майскую декларацию, в которой было выдвинуто требование установить югославянское государство в рамках габсбургской монархии. Эта декларация, которую венские власти, разумеется, не приняли, у словенцев сначала не вызвала массового отклика. однако после октябрьской (1917) революции в россии и особенно после того, как благодаря большевикам стало известным содержание тайного лондонского договора с италией, в словении началось массовое движение в поддержку идеи югославянского государства. словенцы – включая женское население – высказывались в пользу плебисцита за установление югославянского государства. рост недоверия словенцев к габсбургской монархии становился все более очевидным[913]. в указанном историческом контексте в 1917 г. произошло еще одно важное событие. в июле члены югославянского комитета и сербского правительства в изгнании собрались на острове корфу и подписали совместное заявление об установлении независимого югославянского государства на основе равноправия трех наций. для словенцев корфская декларация от 20 июня 1917 г. была весьма сомнительной, поскольку она из соображений политкорректности в отношении италии не содержала ясных указаний касательно границы на реке соча. данный факт, вместе с заявлением сазонова, который еще в мае 1915 г. на встрече в Петрограде с сербскими делегатами любомиром стояновичем и александром Беличем заявил, что россия откажется от освобождения крайны, если для этого потребуется воевать хотя бы на один день дольше, сыграл роль холодного душа[914]. все это ясно показывало, что словенцы после распада габсбургской монархии окажутся в весьма непростых условиях[915].

распад Монархии, тем не менее, был уже предрешен. словенские солдаты

[913] *Vodopivec P.* Od Habsburžanov do Karadjordjevićev // Slovenske zamisli o prihodnosti okrog leta 1918 / Ur. P. Vodopivec. Ljubljana, 2000. S. 8.
[914] *Šepić D.* Italia, saveznici i jugoslavensko pitanje 1914–1918. Zagreb, 1970. S. 101.
[915] *Pirjevec J.* «Trst je naš!» Boj Slovencev za morje (1848–1954). Ljubljana, 2008. S. 77.

массово дезертировали и восставали, да и условия жизни гражданского населения ухудшались с каждым днем. Представители трех словенских партий – клерикальной, либеральной и социал-демократической – выдвигали все более радикальные требования. в августе 1918 г. в любляне установился Национальный совет, первый самостоятельный правительственный орган в политической истории словенцев. тот факт, что именно в это время американский президент вудро вильсон решительно высказался за самоопределение народов австро-венгрии, только подлил масла в огонь, усилив радикальные настроения. 6 октября 1918 г. в Загребе представители югославянских народов габсбургской монархии установили Народное вече словенцев, хорватов и сербов в качестве своего высшего политического представительства, а 29 октября провозгласили там же создание государства словенцев, хорватов и сербов. в тот же день любляна праздновала освобождение от многолетнего габсбургского ига[916]. Находясь в пылу таких настроений, словенцы, естественно, не задумывались о том, что, хотя Монархия и была для них мачехой, она же их и защищала. На момент окончания Первой мировой войны словенцы оказались почти в безнадежном положении: без точно обозначенных границ, с тремя соседями, каждый из которых претендовал на словенскую этническую территорию. Многострадальный путь словенского народа, окруженного итальянцами, венграми и австрийцами, на момент окончания Первой мировой войны только-только начинался.

[916] Zgodovina Slovencev... S. 597.

А. Рахтен

Словенцы между Австро-Венгрией и Югославией

Накануне Первой мировой войны словенцы, жившие между альпами и адриатическим морем, были раздроблены и проживали в ряде коронных земель габсбургов: в крайне, Штирии, каринтии, горице, истрии и триесте. Небольшая их часть проживала также в Прекмурье (под венгерским управлением), а венецианские словенцы с 1866 г. находились под властью италии. Не только в пограничных словенских областях, но и в центральной словенской области крайне на протяжении столетий в экономике, культуре и политике доминировали немцы, хотя они и составляли не более 5% населения. с конца XIX в. на крайнской политической сцене, помимо немецкой партии, конкурировали также три словенских. католические национальные деятели объединились в словенскую народную партию. в 1909 г. она, под руководством адвоката ивана Шуштершича, объединилась с остальными словенскими католическими партиями в всесловенскую народную партию. ее главным противником была Национально-прогрессивная партия, которую возглавляли иван тавчар и иван хрибар. в 1896 г. также возникла югославянская социал-демократическая партия, наиболее выдающимися лидерами которой были Этбин кристан и хенрик тума, симпатизировал ей и известный писатель иван цанкар. из-за энергичной деятельности среди рабочих христианских социалистов под руководством священника янеза евангелиста крека социал-демократы лишились части избирательной базы в рабочей среде. так, вплоть до распада Монархии они не получили ни одного депутатского мандата на выборах ни в австрийский рейхсрат, ни в провинциальные собрания. с другой стороны, благодаря мобилизации народных масс, которую успешно провели католические деятели, решительно выступив за введение всеобщего и равного избирательного права, влияние либеральной партии тавчара ограничивалось лишь городами, в то время как сельские местности всецело оставались опорой партии политического католицизма.

Уже со времени создания знаменитой программы объединенной словении, в которой словенские политики в период революции 1848 г. выдвинули требование объединения всех словенских земель в самостоятельную государственно-правовую единицу, объединение с хорватами в той или иной форме стало составной частью словенской национально-политической идеологии. словенская народная партия Шуштершича в предвоенном десятилетии сформулировала «триалистическую» программу реформирования австро-венгрии. Программу триализма разработали также хорватские политики, и она была представлена в разных вариантах. словенский вариант триализма предусматривал объединение всех югославянских провинций Монархии в единую государственно-правовую единицу с центром в Загребе. Шуштершич, возглавлявший словенских и хорватских депутатов в австрийском рейхсрате и одновременно занимавший пост губернатора крайны, надеялся, что его проекты поддержит престолонаследник Франц Фердинанд [917].

[917] *Šuklje F.* Sodobniki, mali in veliki. Ljubljana, 1933. S. 252.

иначе видели решение югославянского вопроса словенские социал-демократы, принявшие в 1909 г. на конференции в любляне так называемую тиволийскую резолюцию. она называла целью южных славян их полное национальное объединение независимо от самоназвания, веры, письменности или языка; объединенный же югославянский народ будет жить «общей национально-автономной культурной жизнью как свободная единица полностью демократической конфедерации народов»[2].

Балканские войны 1912–1913 гг. выявили разногласия между креком и Шуштершичем. крек и влиятельный андрей калан, считавшийся «серым кардиналом» словенской народной партии, заняли тогда в отношении австро-венгерских правительственных кругов очень критическую позицию, от которой Шуштершич открыто отмежевался. однако его влияние среди словенских и хорватских депутатов шло на убыль. 4 марта 1914 г. председателем хорватско-словенского клуба в рейхсрате стал протеже крека священник антон корошец[3].

Убийство Франца Фердинанда явилось сильным ударом для руководителей всесловенской народной партии. ведь был убит представитель габсбургского дома, имевший серьезные намерения реформировать государство, а на престоле остался престарелый император, крепко державшийся за отжившую систему дуализма. объявление австро-венгрией войны сербии 28 июля 1914 г. стало для немецких националистов знаком того, что они могут под прикрытием «военного абсолютизма» окончательно разделаться с предполагаемыми «внутренними врагами», к которым они причисляли и многих словенских политиков. с началом войны по областям со словенским населением прокатился вал
в отношении национально мыслящих словенцев[918]. 3 сентября 1914 г. сотник 7-го пехотного полка Франц лебич, случайно оказавшийся в клагенфурте (целовце), встретил Брейца. он удивился, как это может быть, что лидер каринтийских словенцев, «сербофил», до сих пор еще находится на свободе. После чего сотник решил взять свершение правосудия в свои руки. с помощью одного солдата он, хотя и не имел на это полномочий, ворвался в канцелярию Брейца, однако там его не нашел, поэтому направился в магистрат и потребовал от местной полиции его немедленного ареста. даже бургомистру клагенфурта густаву фон Метнитцу, хоть он и не принадлежал к числу друзей Брейца, такое поведение показалось абсурдным, поскольку, по его мнению, таким образом «при следующем удобном случае какой-нибудь словенский сотник мог бы арестовать также и его самого». лебич обосновывал свое требование тем, «что люди вообще удивляются, как еще может такой человек (Брейц.– *А. Р.*) вообще открыто ходить по улице», так как он якобы «проводил в каринтии просербскую политику» и был «явным государственным изменником». Поскольку лебич не отступал от своих требований, городская полиция привела Брейца на допрос, но уже через несколько часов его пришлось отпустить. дело в том, что обвинения сотника оказались совершенно огульными. хотя государственная прокуратура провела тщательное расследование дела Брейца,

[918] обстоятельства ареста Брейца реконструированы нами на основе документов каринтийского областного архива, а также фактов, приведенных в интерпелляции югославянского клуба в австрийском рейхсрате 7 июля 1917 г. см.: Anhang zu den stenographischen Protokollen Hauses der Abgeordneten des österreichischen Reichsrates. Bd. 2. Wien, 1917. XXII. Session. 16. Sitz. (7.7.1917). S. 1621–1622.

обвинительных материалов, на основании которых его можно было бы арестовать, найти не удалось. Поэтому государственный прокурор, узнав об аресте, немедленно обратился к военному командующему, который приказал отпустить Брейца[919]. хотя против Брейца невозможно было выдвинуть никаких обвинений и командующий 3-м армейским корпусом в граце уже в середине ноября 1914 г. приказал закрыть его дело[920], в глазах каринтийских немецких националистов он и далее оставался «сербофилом» и «панславистом». Через три недели после аферы с арестом группа людей совершила нападение на дом Брейца и с громким шумом разбила все окна усадьбы, где в страхе за свою жизнь он скрывался вместе с супругой[921]. среди каринтийцев ходили слухи, что Брейц сжег свою корреспонденцию, боясь, как бы в ней не нашли обвинительных материалов, доказывающих его предполагаемое «сербофильство»[922]. единственной словенской областью, успешно сопротивлявшейся военному
абсолютизму, являлась крайна. Это была заслуга Шуштершича, который, будучи главой провинции, решительно защищал ее автономию. в начале войны Шуштершичу удалось на некоторое время консолидировать всесловенскую народную партию[923]. Под давлением военных условий лояльность ему сохранял и крек, который все еще надеялся, что габсбургская монархия сможет решить югославянский вопрос. в противном случае, по его убеждению, австро-венгрия была бы отрезана от моря и «умерла как великая держава». Мир не наступит, заверял крек, «пока у хорватского и словенского народов не будет общей независимой родины»[924]. в то время он еще верил, что удовлетворение требований южных славян австро-венгрии привело бы большинство балканских народов под скипетр габсбургов[925]. еще до убийства престолонаследника крек начал искать союзников для осуществления своих планов государственно-правовых реформ в военных кругах. Эти надежды не были совсем безосновательны, поскольку верховное командование армии в июле 1915 г. начало проводить так называемую «акцию крайна и Приморье», с помощью которой оно пыталось привлечь словенцев к обороне против возможного итальянского вторжения. руководство этой акцией было поручено словенцу виктору андрейке, сотнику при генштабе[926]. тот вовлек в нее руководителей всесловенской народной партии, а наряду с ними и триестского епископа андрея карлина. словенские политики выступили перед андрейкой с требованием создания «иллирской» автономной административной области, которая охватывала бы триест, горицу (вместе с возможными будущими австрийскими приобретениями в венецианской словении), крайну, южную

---

[919] Kärntner Landesarchiv. Landesregierung Präsidium (далее − KLA. LRP). Kast. 354. № 4169/1914, 4342/1914, 4766/1914, 4849/1914, 5143/1914, 5263/1914, 5834/1914, 6410/1914, 6415/1914. досье Брейца.

[920] KLA. LRP. Kast. 354. № 7051/1914, 7574/1914. досье Брейца.

[921] *Pleterski J.* Op. cit. T. II. S. 129.

[922] Ibid. T. I. S. 59; T. II. S. 138.

[923] о словенской политике в период Первой мировой войны см. подробнее: *Pleterski J.* Prva odločitev Slovencev za Jugoslavijo: Politika na domačih tleh med vojno 1914−1918. Ljubljana, 1971.

[924] Slovenec. 1914. 16.III.

[925] Slovenec. 1914. 22.V.

[926] о нем см. подробнее: *Kranjc M.* Legendarni slovenski obveščevalci http://users.volja.net/marijankr/dok/Andrejka_Viktor.pdf (дата обращения 10 сентября 2011 г.).

каринтию, Нижнюю Штирию, истрию и далмацию. в этой области следовало достигнуть справедливой договоренности с немецкими партиями, остальные же национальные элементы, то есть итальянцы и сербы, подлежали словенизации или хорватизации. На следующем этапе эта «великая словения» должна была объединиться с хорватией и славонией, а также с Боснией и герцеговиной, великосербский ирредентизм был бы пресечен путем хорватизации сербского населения. согласно замыслу военных верхов единый словенско-хорватский блок должен был стать составной частью Монархии, преобразованной на основах централизованного федерализма. в Монархии предполагалось наличие сильной центральной власти и парламента, при этом ее народам обеспечивалась бы автономия в сфере культуры и образования. однако, несмотря на благосклонное отношение начальника генштаба конрада фон гетцендорфа к стремлениям словенского и хорватского народов, до осуществления планов, разработанных в рамках «акции крайна и Приморье», дело так и не дошло[927].

Помимо эпизода, связанного с планами верховного военного командования, крек активно искал связи с хорватскими политиками. Первой совместной словенско-хорватской акцией стало составление общего меморандума папе римскому Бенедикту XV от 4 апреля 1915 г. главной целью меморандума было ознакомление папы с национальными требованиями словенцев и хорватов, причем в нем учитывались две возможности дальнейшего развития мировой войны. в случае победы габсбургской монархии авторы меморандума хотели бы «в соответствии с этнографическим и цивилизационным принципами» объединить все хорватские земли и присоединить к ним также словенские области. основанием для этого должны были стать сходство словенского и хорватского языков, общая история и католичество обоих народов. именно последнее особо подчеркивалось в меморандуме: словенский народ является католическим не просто по типу вероисповедания, но католическое движение словенцев процветает и приносит плоды уже три десятилетия. в меморандуме был упомянут словенскохорватский католический съезд 1913 г., подобного которому в Монархии еще не было. На нем торжественно было провозглашено «национальное и религиозное единство хорватов и словенцев и их политическое объединение в единое королевство под властью династии габсбургов». Это способствовало бы не только укреплению католичества в хорватии. объединенные словенцы и хорваты по своей численности и способностям могли бы превзойти сербов и, таким образом, стали бы сильнейшими на Балканах, где ныне преобладает православие. По мнению авторов меморандума, словенцев и хорватов нужно объединить в целостный политический организм, не имеющий общих форм государственности с австрией и венгрией, с собственными законами и органами управления, но под властью австрийского императора, который являлся бы также и хорватским королем. таким образом, выдвигалось старое требование осуществления хорватского государственного права (*iuris historici Regni Croatici... reintegratio*). в меморандуме высказывалось пожелание, чтобы в том случае, если дело дойдет до распада габсбургской монархии, было

[927] Подробнее об этом см.: *Lukan W.* Zur Biographie von Janez Evangelist Krek (1865−1917). Dokt. dis. T. I. Wien, 1984. S. 194−203.

создано независимое «южнославянское королевство». Упоминая о втором варианте, предполагавшем крах единственной оставшейся католической великой державы, авторы выразили надежду, что Бог не допустит этого[928].

После убийства министра-президента австрии графа карла Штюргка 21 октября 1916 г. и смерти императора Франца иосифа месяцем позже большинство политиков в Монархии надеялось, что наконец настало время окончательного решения национальных проблем государства. ожидали, что на смену ненавистному военному абсолютизму и «внутреннему фронту» придет период поиска компромиссов и договоренностей, которые открыли бы возможности для мирного сосуществования народов средней европы. Многие рассчитывали, что новый император карл I отменит дуализм и проведет реформу государственного устройства.

Перед молодым монархом и его правительством стояла чрезвычайно сложная задача. а именно, каким образом провести конституционную реформу в критических условиях, когда Монархия была вынуждена вести борьбу просто за выживание на полях сражений мировой войны? кроме того, австро-венгерская политическая верхушка оказалась перед лицом того факта, что вследствие роста военной, экономической и политической зависимости от германии Монархия практически превращалась в сателлита своей «нибелунгской» союзницы. Последствием этого стало вмешательство правительства второго рейха во внутриполитические дела австро-венгрии. Понятно, что в интересах германии было сохранение союза с венграми и удержание немецкого господства в средней европе. в своем государстве габсбургский император должен был принимать в расчет мощную оппозицию федерализации со стороны немецких и венгерских партий, и это в то время, когда стало очевидно, что славяне ни за какую цену больше не намерены терпеть систему дуализма. У карла на выбор было два пути. Первый – освобождение Монархии из железных тисков германии и заключение мира, затем федерализация. другим вариантом был «немецкий курс», означавший централизацию цислейтании, сохранение дуализма и тесную связь с рейхом. карл хорошо понимал, что нужно реформировать государственное устройство по пути федерализации. однако сразу же по вступлении на престол он совершил роковую политическую ошибку. 30 декабря 1916 г. он короновался как венгерский король и тем самым, по мнению славянских народов, еще более укрепил ненавистную систему дуализма. главную роль в принятии молодым монархом этого решения сыграл венгерский премьер-министр граф иштван тиса, в то время влиятельнейший политик во всем государстве. Присягнув венгерской конституции, карл торжественно взял на себя обязательство защищать целостность земель короны св. иштвана. Это означало, что он не мог более посягать на систему дуализма, разве что нанес бы военный удар, для чего ему не хватало ни решимости, ни желания. таким образом, он перечеркнул главную идею программы Франца Фердинанда, который именно путем откладывания принятия присяги намеревался обезопасить себя от венгров. объявив политическую амнистию словенцам, подвергшимся во время войны

[928] *Mrkonjić T.* Hrvatski katolički pokret i «Riječka spomenica» iz travnja 1915. (Latinski koncept) // Hrvatski katolički pokret. Zbornik radova s Međunarodnoga znanstvenog skupa održanog u Zagrebu i Krku od 29. do 31. ožujka 2001. / Ured. Z. Matijević. Zagreb, 2002. S. 437−456.

репрессиям со стороны военных властей, карл во многом привлек к себе симпатии славянских политиков, которые вскоре потерял опять. Постоянно поддерживая министра-президента Эрнста Зайдлера, с июня 1917 до июля 1918 г. проводившего ненавистный «немецкий курс», он разбил все надежды славян на то, что австрия когда-нибудь станет государством полностью равноправных народов. в обостренных политических условиях того времени действительно было трудно удовлетворить в целом национально-политические требования как славян, для которых австрия была недостаточно «славянской», так и немцев, полагавших, что ей следует быть более «немецкой». Политическая верхушка Монархии не могла принять окончательного решения ни в пользу федерации народов в духе планов славянских (и редких немецких) политиков, ни в пользу немецкого централизма. она пыталась найти выход в частичной федерализации в форме триализма или квадрализма. австрийские правительственные круги во время войны наконец поняли, что югославянский вопрос имеет первостепенное значение для существования Монархии и поэтому его нужно решить как можно скорее. Это осознавал и молодой император, склонявшийся к введению триализма[929]. однако под влиянием своих нерешительных советников, столкнувшись с натиском немецких националистов и несговорчивостью венгерской политической элиты, карл откладывал решение югославянского вопроса. тем временем взгляды словенских и хорватских политиков становились все более радикальными. 18–19 мая 1917 г. крек и корошец вместе с некоторыми видными хорватскими политиками из числа «правашей» приняли участие в совещании по югославянскому вопросу. оно было созвано под покровительством очень влиятельного австрийского политического общества и авторитетного в военных кругах карла данцера, редактора венской газеты «Danzer's Armee Zeitung». его основной целью было заручиться поддержкой словенских и хорватских политиков в вопросе об аннексии сербии. однако крек выразил готовность подписать только заявление о государственно-правовом преобразовании Монархии на основах триализма[930]. в результате этих переговоров появилась венская декларация, в которой выдвигалось требование немедленного объединения всего хорватского и словенского народа в полностью автономную государственно-правовую единицу под жезлом габсбургов и немедленного установления паритета между объединенным хорватским королевством и венгерским королевством[931]. в австрийском рейхсрате в конце концов дело дошло до образования общего клуба всех югославянских депутатов. его глава корошец 30 мая 1917 г. зачитал Майскую декларацию. в ней клуб высказал требование на основе национального принципа и хорватского государственного права объединить все земли Монархии, в которых проживают словенцы, хорваты и сербы, в самостоятельный демократический государственный организм под габсбургским жезлом[932]. 27 сентября 1917 г. заместитель председателя югославянского клуба

[929] *Polzer-Hoditz A.* Kaiser Karl: Aus der Geheimmappe seines Kabinettschefs. Zürich; Leipzig; Wien, 1929. S. 229.
[930] см. подробно: *Pleterski J.* Prva odločitev... S. 107–110.
[931] Kroatische Rundschau. 1918. № 1. S. 29; *Šepić D.* Italia, Saveznici i jugoslavensko pitanje 1914–1918. Zagreb, 1970. S. 200–201.
[932] Stenographische Protokolle über die Sitzungen des Hauses der Abgeordneten des österreichischen Reichsrates in Jahren 1917–1918. Bd. I. Wien, 1917. XXII. Sesija. 1. seja (30.5.1917). S. 34.

Матко лагиня определил в рейхсрате Майскую декларацию как «минимум» требований южных славян. 2 октября ему последовал словенский либерал владимир равнихар[933]. Через пять дней также и корошец в интервью газете «Hrvatska država» подчеркнул, что Майская декларация – это «наш последний минимум и призыв»[934].

Ультралояльному Шуштершичу такие заявления казались чуть ли не государственной изменой. однако в крайне оставалось все меньше политиков, готовых разделить с ним подобные взгляды. даже симпатизировавший ему в течение многих лет епископ антон Бонавентура еглич, подписав люблянскую декларацию 15 сентября 1917 г., поддержал декларационное движение и политику югославянского клуба. в этой декларации, которую составил ведущий словенский католический идеолог алеш Ушеничник, подчеркивалось, что «будущность габсбургской монархии возможна лишь на основе принципа действительной свободы народов», словенскому же народу «свободу и единство» может обеспечить «только самостоятельное и построенное по принципу самоопределения наций югославянское государство под скипетром династии габсбургов». в декларации также были поддержаны мирные инициативы папы Бенедикта XV и императора карла[935]. хотя Шуштершич также подписался под декларацией, однако она самим фак-

том поддержки, по его мнению, чересчур радикального югославянского клуба под руководством корошеца обозначила явное недоверие «некоронованному герцогу крайнскому». Загнанный в угол, Шуштершич решился на дерзкий шаг и добился того, что 22 ноября 1917 г. исполнительный комитет распустил словенскую народную партию и образовал «новую крестьянскую партию». епископ еглич немедленно выступил против этого и потребовал, чтобы, наряду с газетой «Slovenec», еще и «Domoljub» выступил против новой партии и поддержал прелата андрея калана, которого так называемые «молодые» избрали временным председателем словенской народной партии. Ушеничника раскол в партии сильно потряс, и он открыто сказал епископу, «что священники будут повиноваться, поскольку они хорошие священники, но многие сделают это с тяжелым сердцем и со слезами на глазах»[936].

оппозиционного отношения сторонников корошеца не поколебало и то обстоятельство, что 30 августа в кабинет «национальной концентрации» Зайдлера в качестве министра без портфеля вошел иван жолгер, ставший первым министром-словенцем в габсбургской монархии. «декларационное движение» развернулось во всех югославянских областях Монархии. его цель корошец разъяснил 3 октября 1917 г. в интервью газете «Budapesti Hirlap». он сказал, что желает образования «самостоятельного государства, в котором бы все словенцы, хорваты и сербы были объединены под жезлом габсбургов». корошец отверг идею триализма, поскольку не хотел бы, чтобы реформирование Монархии ограничилось только южными

---

[933] *Vodopivec P.* Parlamentarna dejavnost Jugoslovanskega kluba od septembra 1917 do marca 1918 in nastanek januarskega memoranduma // Zgodovinski časopis. 1973. S. 57−58.

[934] цит. по: Slovenec. 1917. 12.X.

[935] *Pleterski J.* Prva odločitev… S. 140−143, 294.

[936] Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti (далее − ZRC SAZU). Dnevnik Antona Bonaventure Jegliča (kopija) (далее − Jegličev dnevnik). 27.11, 29.11.1917.

славянами. в интервью он упомянул также о заявлениях венгерского премьер-министра Шандора векерле, требовавшего объединения далмации с хорватией и славонией. однако, по мнению корошеца, в будущем югославянском государстве триединое королевство следовало объединить с другими югославянскими землями под жезлом габсбургов, а не под короной св. иштвана[937].

Похороны крека 13 октября 1917 г., на которых корошец произнес свою знаменитую речь, вылились в крупную манифестацию югославянской идеи[938]. корошец, ставший ведущим актером на словенской политической сцене, окончательно отказался от идеи триализма. он понимал, что такому решению югославянского вопроса воспротивились бы практически все политические силы, конечно, за исключением словенских и хорватских. Подчеркивая необходимость полной федерализации Монархии, корошец хотел заручиться поддержкой прежде всего чехов, которые, естественно, были бы недовольны, если бы в результате образования югославянского блока и, может быть, еще и Польши в качестве отдельных государственно-правовых единиц они сразу же остались бы одни в немецкой государственной общности. из-за серьезности обстановки на юге Монархии австро-венгерские правительственные круги и некоторые представители высшего армейского офицерства тоже активизировали усилия, чтобы хоть в последний момент направить нарастающее югославянское движение в более мирное русло[939]. Наряду с югославянским вопросом большое внимание в то время они уделяли и польскому. ими была выдвинута квадралистическая программа, в которой предлагалось преобразовать Монархию в союз четырех государств: австрийского, венгерского, южнославянского и польского. Майская декларация имела ярко выраженный антидуалистический акцент, и это осознавали также венгерские правительственные круги. Поскольку корошец выступал за федерализацию монархии, он оказался в «черном списке» венгерской печати. она обвиняла председателя югославянского клуба в том, что он подстрекает хорватов к отторжению от короны св. иштвана и вступлению, в качестве самостоятельного государства, в австрийский федеративный государственный союз[940].

Немецкие и венгерские партии упрямо держались за отживший дуализм, поэтому молодой император оказался перед трудной дилеммой. если бы он приступил к решению югославянского вопроса по рецепту крека и корошеца, то натолкнулся бы на мощный отпор немецко-национальной и венгерской политической элиты. хотя карл хорошо понимал, что югославянский вопрос является для империи жизненно важным, он откладывал его решение. тем временем государство неудержимо приближалось к своему краху, а италия и сербия дожидались распада австро-венгрии. в таких обстоятельствах даже лидеры всесловенской народной партии, которые прежде представляли образец австро-династического патриотизма, были

[937] Slovenec. 1917. 8.X.

[938] Slovenec. 1917. 15.X.

[939] *Matijević Z.* Političko djelovanje Ive Pilara i pokušaji rješavanja «Južnoslavenskog pitanja» u Austro-Ugarskoj Monarhiji (ožujak–listopad 1918) // Prinosi za proučavanje života i djela dr. Ive Pilara. т. 1. Zagreb, 2001. S. 133–170.

[940] Slovenec.1917. 4.IX.

вынуждены искать возможности освобождения за пределами империи. лидеры каринтийских немцев не были готовы вести переговоры о разделе
провинции на немецкую и словенскую части, что произошло бы при последовательном проведении в жизнь Майской декларации. они продолжали настаивать на сохранении существующих границ провинции и подтвердили это императору, принявшему их на личной аудиенции в Бадене 25 мая 1918 г.[941] в делегацию входил 21 человек, из них 7 «словенцев, симпатизирующих немцам». такой состав делегации должен был убедить карла, что немцы и словенцы в каринтии живут в мирном согласии и что его сбивает с толку всего лишь горстка «крайнских подстрекателей» и сторонников декларационного движения за югославянское государство. Позже, в сообщениях об аудиенции, словенская печать отказала представителям «словенцев, симпатизирующих немцам» в праве выступать от имени каринтийских словенцев, поскольку они «при переписи населения записались немцами». При этом пресса язвительно констатировала, что глава провинции барон леопольд айхельбург-лабиа попал в затруднительное положение, когда убеждал императора, что в провинции словенцы составляют якобы только пятую часть населения, поскольку в делегации они составляли треть [942] . Провинциальный глава каринтии старался доказать карлу, «что также преобладающее большинство каринтийских словенцев и знать ничего не желает о разделе каринтии и присоединении к югославянскому государству». он высказал опасение, что югославянская декларационная политика отравит староавстрийское мышление словенского населения. По его мнению, необходимо было остановить дальнейшее разрушение всего государственного порядка. Немцам нужно удержать в своих руках свободный доступ к адриатическому морю. Барон подчеркнул, что интересы австрийских немцев «совпадают с интересами династии и государства». от имени альпийских немцев он попросил императора решительно встать на их сторону и указать: «досюда и ни шагу дальше!» император успокоил главу провинции, помимо прочего, следующими словами: «какие бы ни произошли изменения в постановлениях государства, постоянство его состава должно остаться незыблемым. точно так же нельзя нарушать исторические права и традиции провинций и игнорировать особенности условий в каждой из них в отдельности»[943].

словенских политиков, конечно, не могли воодушевить обещания, данные императором каринтийской делегации. Уже сам факт, что император вообще принял ее вместе с представителями немцев из Нижней Штирии, крайны и Приморья, очень негативно повлиял на отношение словенских политических вождей к императору. корошец все более убеждался в том, что компромисс с немецкими националистами невозможен. ведь последние отвергали не только решение югославянского вопроса на основе принципов Майской декларации, но выступали, например, также и против автономии словенских округов в рамках провинций [944] . император, который оставался в глазах словенцев единственной и последней надеждой на осуществление

[941] *Leitner F.* Eine Kärntner Delegation in Audienz bei Kaiser Karl I. im Mai 1918 // Die Brücke. т. 12. Klagenfurt, 1980. S. 31–34.
[942] Slovenec. 1918. 1.VI.
[943] Slovenec. 1918. 27.V.
[944] *Leitner F.* Op. cit. S. 34.

их национально-политических требований в рамках Монархии, все еще продолжал откладывать решение югославянского вопроса на будущее. Но словенским политикам уже надоело ждать. кабинет Зайдлера до самого конца своего существования исходил из убеждения, что возможно найти своего рода компромисс для разрешения югославянского вопроса в рамках дуализма. 30 января 1918 г. Зайдлер спросил делегацию депутатов югославянского клуба во главе с корошецем, удовлетворило ли бы их поэтапное осуществление Майской декларации, а именно объединение лишь югославянских земель цислейтании. ответ депутатов был категоричен: «или все, или ничего»[945].

с такой политикой ультралояльный Шуштершич не был согласен, однако корошецу с помощью еглича удалось его политически изолировать. в качестве главы провинции Шуштершич все еще мог контролировать политику партии в крайне, но на деятельность словенских и хорватских депутатов рейхсрата он более влиять не мог. югославянский клуб под руководством корошеца не пожелал выдвинуть Шуштершича представителем крайны в австро-венгерских делегациях, после чего последний в знак протеста вышел из клуба[946]. среди редких словенских политиков, которые тогда все еще верили в возможность сохранения дунайского многонационального государственного образования, был также тума, который после отъезда кристана в 1914 г. в сШа стал главным идеологом югославянской социал-демократической партии. красной нитью статей тумы было требование сохранения великого дунайского государственного объединения, поскольку только оно может предоставить маленьким среднеевропейским народам условия для свободного экономического развития и защиту от империалистических амбиций германии, россии и италии. в дунайском международном государстве тума видел образец некоего будущего европейского государственного союза, основанного на международной солидарности рабочих.

Майскую декларацию тума отверг, так как ему претила ее связанность рамками хорватского государственного права и династического вопроса. он подозревал, что ее создание инспирировано австрийским правительством. в статье о югославянском вопросе, опубликованной в феврале 1918 г. в социал-демократической газете «Der Kampf», тума так разъяснил свою позицию в отношении Майской декларации: «ограниченность декларации хорватским государственным правом и скипетром габсбургской династии, без сомнения, указывает на компромисс между словенцами и хорватами и на влияние австрийского министерства иностранных дел… Это противоречит национальным стремлениям сербов… исторического права хорватии на словенские земли никогда не существовало, ни на основе захвата, ни на основе договора. вплетение в решение вопроса хорватского государственного права разделит югославянскую общность на две части: словенско-хорватско-католическую и сербско-православную»[947]. в той же статье тума решительно высказался за образование дунайской фе-

[945] *Pleterski J.* Prva odločitev… S. 298. Op. 390 (заметка депутата вьекослава спинчича).
[946] *Erjavec F.* Zgodovina katoliškega gibanja na Slovenskem. Ljubljana, 1928. S. 269–273.
[947] *Tuma H.* Zur südslawischen Frage // Der Kampf. 1918. № 11. S. 83.

дерации свободных народов и союза европейских государств: «австро-венгрию благодаря ее внутреннему этнографическому составу и ее историческому развитию следует рассматривать как ядро и образец европейского союза государств. Установление европейской республики и руководство ею предначертаны не германии, а австро-венгерско-славянской адриатической, дунайской, судетской и карпатской державе… только освобождение всех национальных сил от Балтики до адриатики, от Эгейского моря до Черного создало бы фундамент свободного суверенного европейского союза государств… только путем образования средней европы поляков, чехов, венгров, румын и южных славян германия, россия и италия будут ограничены своими географическими и этнографическими границами, и поэтому такого рода органическое соединение европейских государств станет не только возможным, но и необходимым… Это и есть освобождение европы». для осуществления этой цели тума предлагал установить прочный союз социал-демократических партий на территории австро-венгрии и шире: «демократизацию государств и их объединение в европейский союз государств может осуществить только трудовой народ. Ни император и великие князья, ни крупная промышленность и торговля, ни национальные движения не могут создать внутренней организации демократической европы, она может быть создана только при осуществлении лозунга карла Маркса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь, только вы сами можете стряхнуть свои оковы!»»[948]

Поиски тумой единомышленников в рядах австрийской социал-демократии не увенчались успехом. левое крыло австрийских немецких социал-демократов под руководством отто Бауэра в январе 1918 г. провозгласило, что все народы имеют право на самоопределение и на образование самостоятельных, независимых от австрии государств[949]. осуществление этого принципа означало бы распад великого среднеевропейского государственного объединения.

в феврале 1918 г. тума направил Бауэру письмо, в котором выразил свое несогласие с политикой левого крыла социал-демократии. в письме он написал, что на основании изучения политических и экономических вопросов «пришел, отдельно от д-ра реннера и параллельно с ним, к выводу, что равновесие государственной конструкции в европе возможно лишь путем создания среднеевропейского объединения, охватывающего поляков, чехословаков, венгров, австрийских немцев, румын и южных славян»[950]. в противном случае, предупреждал тума, после распада австро-венгрии малые среднеевропейские государства постоянно будут предоставлены милости или немилости империалистической политики германии, италии и россии, что может привести к новой войне, по сравнению с которой страшная бойня 1914–1918 гг. показалась бы лишь небольшой прелюдией»[951]. сопротивление южнославянских и чешских политиков «немецкому курсу» Зайдлера вынудило императора в июле 1918 г. найти нового министра-президента австрии. Формирование кабинета он доверил Максимилиану гуссареку, носившему аристократический титул барона фон гейнлейна. тот намеревался решить

[948] Ibid. S. 87, 90, 93.
[949] *Redžić E.* Op. cit. S. 136–137.
[950] *Tuma H.* Pisma. Osebnosti in dogodki (1893−1935) / Ured. B. Marušič. Ljubljana; Trst, 1994. S. 15–16.
[951] *Idem.* Zur südslawischen Frage… S. 87.

южнославянский вопрос в субдуалистическом плане. к этому варианту склонялся некоторое время и сам карл, однако он снова не мог решить, как его осуществить. Знаменитый октябрьский манифест императора, иногда называемый «манифестом гуссарека» – «последняя попытка спасения габсбургской монархии», – также не удовлетворил требований югославянских депутатов [952] . даже Шуштершич охарактеризовал его как «довольно пошлый документ», который «не может удовлетворить ни одного южного славянина уже потому, что торжественно подтверждает раздробленность нашего народа» [953]. хотя теоретически манифест действительно означал шаг в направлении федерализации монархии, но это касалось только цислейтании. Земли венгерского королевства из-за требований премьер-министра векерле и далее оставались неприкосновенными, что исключало образование югославии на основе положений Майской декларации[954]. Помимо этого также и вопрос о будущем статусе адриатического порта триест остался открытым. в октябре 1918 г. император предложил корошецу, чтобы югославяне объединились в самостоятельную государственную единицу в рамках Монархии, но при условии, что триест, риека и транспортные пути до этих портов останутся под прямым контролем общего государства. корошец возразил ему, что триест должен остаться в югославянской сфере. Натолкнувшись на отпор, карл попытался апеллировать к католическим убеждениям корошеца, говоря, что в югославянском государстве словенцы и хорваты будут подчинены православным сербам, но успеха не достиг. точно так же он взывал к традиционной верности южных славян, но поколебать корошеца не смог[955].

в воспоминаниях винко габерца-габерского, в то время работавшего журналистом в редакции газеты Шуштершича «Novice», имеются также сведения, что будто бы император даже пообещал словенцам создать объединенную словению: «в вене, должно быть, очень нервничали, поскольку перед самым переворотом Шуштершич послал из вены, куда он приехал, очень длинную телеграмму на немецком языке от самого императора, в которой словенцам предлагалась объединенная самостоятельная словения, с границей по драве на севере. Это была последняя подлость, посредством которой отчаявшееся венское правительство хотело загнать нас в угол. При таком освобождении мы, конечно, оказались бы в еще худшем положении, поскольку потеряли бы в каринтии и Штирии все земли к северу от дравы. где этот любопытный документ и кто его взял, я не знаю»[956].

Этой телеграммы карла до сих пор еще никто не нашел. однако нельзя усомниться в ее существовании. габерц не входил в круг «проавстрийцев» Шуштершича, поэтому его нельзя обвинить в том, что он просто выдумал телеграмму, желая доказать благонамеренность карла. Более того, можно поставить ему в заслугу, что в воспоминаниях он не утаил телеграммы, поскольку речь идет о свидетельстве того, что карл в переломные октябрьские дни 1918 г. обещал

---

[952] *Rumpler H.* Das Völkermanifest Kaiser Karls vom 16. Oktober 1918: Letzter Versuch zur Rettung der Habsburgermonarchie. München, 1966.

[953] *Pleterski J.* Dr. Ivan Šušteršič 1863–1925: Pot prvaka slovenskega političnega katolicizma. Ljubljana, 1998. S. 437.

[954] *Matijević Z.* Op. cit. S. 166.

[955] *Ravnihar V.* Mojega življenja pot / Ured. J. Cvirn i dr. Ljubljana, 1997. S. 130−131.

[956] *Gaberc-Gaberski V.* Brez slave: Spomini na svetovno vojno. Ljubljana, 1935. S. 247.

словенцам создание объединенной словении, хотя и в несколько урезанной форме (граница по драве!). По-видимому, император все же думал об определенных уступках в отношении удовлетворения словенских национальных чаяний. об этом свидетельствует также последняя сессия имперского совета, состоявшаяся 21 октября. На ней карл потребовал от векерле, чтобы тот сообщил венгерским политикам, что теперь им следует отказаться от государственно-правовых сомнений относительно решения югославянского вопроса. карл хотел добиться того, чтобы венгерская сторона освободила его от королевской присяги. Это развязало бы ему руки при решении югославянского вопроса[957]. однако все это было уже слишком поздно. карл тогда уже не мог больше влиять на развитие событий в разваливающемся государстве.

По свидетельству люблянского епископа, корошец будто бы еще в середине сентября 1918 г. подтвердил императору, «что мы, словенцы, все еще преданы ему и династии хотя бы из тех принципиальных соображений, что она является католической»[958]. Это говорит о том, что в переломные дни словенские политики действительно столкнулись с трудным испытанием[959]. Уже на следующий день после обнародования манифеста карла сербский премьер-министр Никола Пашич в заявлении для газеты «Manchester Guardian» выразил убеждение, что габсбургские югославяне вместе с сербами создадут «великосербское государство»[960]. корошец в условиях того времени, конечно, не имел возможности читать газеты государств антанты. иначе, вероятно, он бы сильно призадумался над великосербскими планами Пашича. а так он продолжал отвергать все предложения карла, будучи твердо убежден, что решение словенского национального вопроса следует искать в югославянском объединении вне рамок Монархии.

корошец в качестве председателя Народного веча словенцев, хорватов и сербов, которое установилось в Загребе как орган верховного представительства южных славян распадающейся габсбургской монархии, отправился из вены в женеву на конференцию с Пашичем и председателем эмигрантского югославянского комитета анте трумбичем[961]. По свидетельству самого корошеца, еще за день до отъезда в Швейцарию последний староавстрийский премьер-министр генрих

---

[957] *Spitzmüller-Harmersbach A.* …Und hat auch Ursache, es zu lieben. Wien; München; Stuttgart; Zürich, 1955. S. 272–274.

[958] ZRC SAZU. Jegličev dnevnik. 25.9.1918.

[959] о словенской политике в «переломный период» см.: *Kranjec S.* Kako smo se zedinili. Celje, 1928; *Zečević M.* Slovenska ljudska stranka in jugoslovansko zedinjenje 1917–1921: Od majniške deklaracije do vidovdanske ustave. Maribor, 1977; *Dolinar F.* Odsotnost slovenske državne misli v prevratu 1918 // *Idem.* Slovenska katoliška obzorja: Izbor esejev, razprav, člankov / Ured. A. Geržinič. Buenos Aires, 1990. S. 225–261; *Balkovec B.* Prva slovenska vlada 1918–1921. Ljubljana, 1992; *Prunk J.* Slovenski narodni vzpon: Narodna politika 1768–1992. Ljubljana, 1992. S. 186–217; *Perovšek J.* Slovenska osamosvojitev v letu 1918: Študija o slovenski državnosti v Državi Slovencev, Hrvatov in Srbov. Ljubljana, 1998. см. также обширную мемуарную литературу: *Brejc J.* Od prevrata do ustave // Slovenci v desetletju 1918–1928: Zbornik razprav iz kulturne, gospodarske in politične zgodovine / Ured. J. Mal. Š. 160–214; *Prepeluh A.* Pripombe k naši prevratni dobi. Ljubljana, 1938; *Trunk J.* Spomini. Celje, 1950; *Kranjec S.* Koroščevo predavanje o postanku Jugoslavije // Zgodovinski časopis. 1962. Š. 218–229; *Golouh R.* Pol stoletja spominov: Panorama političnih bojev slovenskega naroda. Ljubljana, 1966; *Hribar I.* Moji spomini. T. I–II / Ured. V. Melik. Ljubljana, 1983–1984.

[960] Građa... Knj. I. S. 367.

[961] *Bister F.* Delovanje dr. Antona Korošca od majniške deklaracije do 1.12.1918 // Zgodovinski časopis. 1990. № 1. S. 87.

ламмаш умолял его уступить желанию императора и войти в коалиционный кабинет, который, как предполагалось, осуществит преобразование государства в конфедерацию. однако корошец остался непоколебим в своем решении. известие о распаде австро-венгрии застало его уже в женеве[962].

29 октября 1918 г. словенская столица крупной манифестацией приветствовала установление государства словенцев, хорватов и сербов (государства схс). тогдашний регент Национального совета словении иван хрибар с балкона Провинциального дворца восторженно приветствовал «граждан и гражданок свободной югославии»[963]. двумя днями позднее лидер каринтийских словенцев Брейц, уехавший в любляну от неистовствующих немецких националистов, в качестве представителя всесловенской народной партии договорился с тавчаром, лидером созданной в июле 1918 г. югославянской демократической партии, о формировании коалиционного правительства всех словенских партий. Был заключен договор, что в Национальном правительстве словенцев, хорватов и сербов в любляне будет 13 членов[964].

Затем сессия Национального совета словении председателем правительства избрала члена всесловенской народной партии Йосипа Погачника[52]. до войны он являлся заместителем председателя австрийского рейхсрата и принадлежал к более широкому кругу доверенных лиц престолонаследника Франца Фердинанда[965]. хотя в правительстве заседали и такие «вольнодумцы», как тавчар, в австрийские времена считавшийся самым отъявленным противником всеобщего и равного избирательного права, теперь все стали большими «демократами». в этом своем рвении они зашли так далеко, что вообще не желали называться министрами, а объявили себя «уполномоченными». тем самым они хотели подчеркнуть, что полномочия им дал народ[966]. разумеется, это было неправдой, поскольку в правительство их никто не избирал, они сами себя в него включили. лишь незначительная часть уполномоченных могла похвалиться тем, что получила депутатский мандат в рейхсрат или провинциальное собрание на последних довоенных выборах. так, в люблянском правительстве был также представитель югославянской социал-демократической партии, которая в австрийские времена вообще не имела своего депутата ни в рейхсрате, ни в каком-либо из провинциальных собраний. Прелат андрей калан, «серый кардинал» словенской народной партии, быть может, действительно обоснованно возглавил министерство сельского хозяйства, однако на его назначение «народ» не оказал ровным счетом никакого влияния. Насколько принималась во внимание «воля народа», показывает и тот факт, что уполномоченный внутренних дел Брейц в то время, когда он вошел в состав правительства, формально вообще не состоял в руководстве своей партии, а на выборах, после ухода из крайнского ландтага в 1903 г., никогда более своей

---

[962] *Kranjec S.* Koroščevo predavanje... S. 275.
[963] *Hribar I.* Op. cit. T. II. S. 274–279.
[964] *Brejc J.* Op. cit. S. 161–162; *Prepeluh A.* Op. cit. Š. 144; *Ravnihar V.* Op. cit. Š. 133; Sejni zapisniki Narodne vlade Slovencev, Hrvatov in Srbov v Ljubljani in Deželnih vlad za Slovenijo 1918–1921 / Ured. P. Ribnikar. T. I. Ljubljana, 1998. S. 12–14. [52] Građa... S. 431.
[965] *Šuklje F.* Op. cit. S. 251–252.
[966] *Prepeluh A.* Op. cit. S. 144.

кандидатуры не выдвигал. впрочем, не все остались удовлетворены. так, хрибар, у которого «переворот» личного отношения к габсбургской монархии начался еще в то время, когда остальные словенские политические авторитеты продолжали ревностно состязаться в доказательстве своего австродинастического патриотизма, ожидал, что за свое усердие в деле ниспровержения старой австрии он будет награжден по меньшей мере портфелем министра. однако Брейц и тавчар, очевидно, думали иначе, поэтому во время переговоров о составе правительства пренебрегли им и произвели «дворцовый переворот». хрибара тогда вообще не было в любляне, поскольку он находился на заседании Народного веча схс в Загребе. в любляну он вернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как рыцарь Погачник, в качестве председателя словенского правительства, машет рукой воодушевленным массам с балкона Провинциального дворца. такое «предательское поведение проавстрийцев», как он сам выразился, сильно разгневало одного из «первых борцов за югославию». особенно его разозлило то, что председателем «революционного» правительства стал рыцарь Погачник, который еще совсем недавно был «в австрийском рейхсрате председателем того оборонного отдела, который должен был подготовить войну немцев против славянства». По словам негодовавшего хрибара, от такого состава словенского правительства «за версту разило проавстрийством»[967]. разочарован был также и лидер «молодых» либералов альберт крамер, который, по словам Брейца, узнав, что места уполномоченных уже заняты, в обиде сказал членам правительства: «я вижу, что опоздал»[968].

Несмотря на все конфликты, словенским политическим авторитетам, однако, удалось «слепить» своего рода правительство «национального единства», в котором своих представителей имели все три словенские партии. в качестве главной задачи кабинет Погачника ставил создание политически и административно объединенной словении[969]. 14 ноября 1918 г. Национальное правительство схс в любляне издало Указ о переходном управлении областей − крайны, горицы, словенской части истрии, города триест с округой, Штирии и каринтии – «в тех границах, в каких эти области являются частью государства схс» [970] . однако уполномоченные «опереточного правительства», как его в насмешку называли его критики[971], сами не могли решить вопрос о формировании словенских границ. На западе итальянские войска в ноябре оккупировали все словенское Приморье, а из земель бывшего герцогства крайны италия захватила постойнский округ, широкую зону логатского округа, часть приходов ослица и сорица в краньском округе, приход Бела Печ (*Weißenfels*) и добрую половину прихода ратече в радовлицком округе. хотя Нижняя Штирия, благодаря энергичным действиям генерала рудольфа Майстера, была спасена для словенцев, однако в каринтии дело дошло до вооруженных столкновений с немцами. они воспрепятствовали люблянскому правительству присоединить все территории, которые должны были бы перейти под власть

[967] *Hribar I.* Op. cit. T. II. S. 279−283.
[968] *Brejc J.* Op. cit. S. 163.
[969] *Perovšek J.* Op. cit. S. 105.
[970] *Balkovec B.* Op. cit. S. 52−54.
[971] *Brejc J.* Op. cit. S. 167.

словенцев[972]. следовательно, объединенная словения, которую уполномоченные в люблянском правительстве, по их утверждениям, восстановили, была сильно урезана, поскольку треть словенской национальной территории осталась за пределами матричного государства [973] . оккупация Прекмурья, которое югославянское государство получило в августе 1919 г. в качестве награды за военную помощь в подавлении большевистской революции в венгрии, была всего лишь маленьким пластырем на двух огромных ранах словенского народа – Приморье и каринтии.

После переворота Брейц уверял, будто бы словенцы восприняли переход из состава австрийского государства в состав югославянского как нечто само собой разумеющееся. «Майская декларация – безразлично, «в рамках» Монархии или вне их – так переродила наш народ в духовном плане, что политическое освобождение в результате переворота он принял как нечто, что должно было произойти, так сказать, само собой, и поэтому его в действительности не Бог знает как удивило, когда это случилось, хотя и произошло это довольно внезапно и, по меньшей мере, неожиданным путем» [974]. кажется, однако, что Брейц несколько преувеличивал влияние декларационного движения на менталитет народа. Майская декларация действительно укрепила в сознании людей стремление к образованию югославянской государственности, однако нельзя упускать из виду, что, несмотря на это, она все еще была ограничена габсбургскими рамками. Уполномоченный по юстиции д-р владимир равнихар из югославянской демократической партии после переворота чистосердечно описал, как в действительности проходила агитация словенского народа за идею югославянского государства: «как осторожно мы должны были обращаться со своей Майской декларацией, чтобы не задеть «патриотические чувства» нашего доброго, религиозного народа. Мы не только вынуждены были скрывать от самих – некоторых – подписчиков этой декларации свои истинные взгляды, настоящее значение и цель – в нашем понимании – своей государственно-правовой декларации, но иногда на общественных собраниях, «таборах», нам даже приходилось играть на австрийской струне, если мы хотели достигнуть желаемого эффекта»[975].

особенности менталитета большинства словенцев в переломный период лучше всех отобразил в своей критической оценке один из лидеров социал-демократов альбин Препелух: «Что подумал крестьянин из наших набожных сел, когда в конце октября 1918 г. получил свою ежедневную газету, католический «Slovenec», который много лет учил его консервативной и церковной идеологии, и увидел там надпись жирным шрифтом через всю страницу: «да здравствует республика!», и с тех пор все ежедневные газеты имели новый общий заголовок: «югославская республика»? он подумал, что эти люди, вероятно, лишились разума или на них оказывают давление»[976]. По убеждению Препелуха, по меньшей мере,

---

[972] *Bogataj L.* Uprava v Sloveniji od prevrata 1918 do izvršitve Vidovanske ustave // Slovenci v desetletju 1918–1928 / Ured. J. Mal. Ljubljana, 1928. S. 374−376.

[973] *Brejc J.* Op. cit. S. 165.

[974] Ibid. S. 160.

[975] *Ravnihar V.* Op. cit. S. 270.

[976] *Prepeluh A.* Op. cit. S. 146.

некоторые словенские политики тогда все еще сомневались в том, «что мы, так сказать, католические словенцы, на самом деле и навсегда отпали от австрии и ее императора, чей портрет еще по-прежнему висел на видном месте во многих домах»[977].

Нет, руководители всесловенской народной партии тогда уже убрали портреты императора из своих домов. а наиболее дальновидные их уже заменили портретами сербского короля Петра и престолонаследника александра карагеоргиевича. Причины таких манипуляций были более чем очевидны. а именно, словенские национальные лидеры бессильно наблюдали за тем, как италия, в соответствии с имевшим дурную славу лондонским (1915) договором, отрывала словенские земли кусок за куском. Усугубляло несчастье еще и то, что в каринтии после краткого периода депрессии вновь подняли голову немецкие националисты. в условиях того времени королевство сербия вообще было единственным государством, готовым поддержать словенские территориальные требования также и с помощью военной силы. сами словенцы уже устали от военных действий, о чем свидетельствует провал мобилизаций, проводившихся по приказу новых властей[978]. Поэтому представителям словенской политической элиты, по-видимому, действительно не оставалось ничего иного, как опереться на государство карагеоргиевичей. впрочем, не подлежит сомнению, что своего союзника они, в сущности, вообще не знали.

После переворота Брейц выступал перед общественностью с утверждением, будто словения в составе государства схс имеет «самую настоящую собственную государственность»[979]. такого рода заявления Брейца, высказанные в пылу борьбы с политическими противниками, конечно, еще не являются доказательством существования словенского национального государства[980]. Уже само официальное название кабинета Погачника – Народное правительство словенцев, хорватов и сербов в любляне – говорит о том, что о правительстве независимого словенского государства речи не было. впрочем, по административным функциям и персональному составу мы можем назвать это правительство словенским. Бесспорно, что в области, находившейся под его управлением, у него были очень широкие полномочия. однако нельзя игнорировать факт, что люблянское правительство «во всех вопросах, связанных с основными принципами объединения словенцев, хорватов и сербов» и «во всех вопросах, которые депутаты, посланные в Народное вече, признают общими» было обязано следовать директивам Народного веча схс в Загребе[981].

Министерства иностранных дел словения не имела, а также не была признана государством в соответствии с постулатами международного права. Несмотря на то что Народное вече схс все же предоставило ей определенную инициативу во внешней политике, она не создала собственной дипломатической службы. Замешательство, возникшее при попытке люблянского правительства назначить

---

977 Ibid. S. 149.
978 Ibid. S. 145.
979 Slovenec. 1923. 27.II; *Bogataj L.* Op. cit. S. 377–379.
980 *Perovšek J.* Slovenska državna volja v prvem desetletju jugoslovanske krize // Slovenci in država: Zbornik prispevkov z znanstvenega posveta na SAZU od 9. do 11. novembra 1994. Ljubljana, 1995. S. 126.
981 Uradni list Narodne vlade SHS. S. 11. 21.XI.1918.

бывшего австро-венгерского консула в сШа ивана Швегла своим представителем в вене, ясно показывает, что словенские власти в вопросах внешней политики были подчинены Народному вечу схс. а именно, 6 ноября они выдвинули Швегла «консульским представителем» в вене, но уже через три дня, после предупреждения секретаря Народного веча схс крамера, были вынуждены отозвать свою рекомендацию. лишь когда словенское правительство 13 ноября получило санкцию от Народного веча схс, оно смогло сообщить Швеглу, что он назначен доверенным лицом Народного веча схс (а не словенского правительства)[982]. даже если не принимать во внимание тот факт, что словения в ноябре 1918 г. не являлась субъектом международного права, существует еще одно важное обстоятельство, указывающее на неправомерность представления о нахождении словенцев в государстве схс как о первом словенском национальном государстве. когда словенские политические лидеры в октябре 1918 г. распрощались с габсбургской монархией, они сделали это с целью объединиться с хорватами и сербами в югославянскую государственно-правовую общность. Фактически словенские политики после переворота устанавливали не независимое словенское государство, а административно автономную словению в составе югославии. так, хрибар уже тогда именовал своих соотечественников «гражданами свободной югославии»[71]. в отличие от хорватского сабора, который на сессии 29 октября 1918 г. порвал все государственно-правовые связи с венгрией и австрией, крайнское провинциальное собрание вообще никак не определилось по этому вопросу. если бы словенские политики действительно хотели создать независимое словенское государство, было бы логично, чтобы собрание объявило себя всесловенским и провозгласило объединение словенских земель в объединенную словению[983]. Ничего подобного не произошло. Не только либералы тавчара, но и сторонники корошеца видели освобождение словенского народа только в югославянском государстве.

итак, члены словенского правительства в любляне усердно обсуждали вопрос о форме будущего югославянского объединения, наивно надеясь, что Пашич примет во внимание их мнение. а в это время корошец, его коллега по югославянскому клубу Мелко Чингрия и советник из рядов югославянской демократической партии грегор жерьяв узнали в женеве действительные намерения сербских государственных деятелей. серьезные разногласия между сербским правительством и югославянским комитетом по ключевым вопросам формирования будущего государства явились полной неожиданностью для депутатов Народного веча, к тому же сами они еще не сформулировали четко своих требований. корошец и его спутники не сразу прислушались к предупреждениям трумбича о «балканских методах» Пашича[984]. Познакомились они с ними лишь тогда, когда было уже слишком поздно. сербские же дипломаты корошеца по приезде в Швейцарию приняли с распростертыми объятиями и похлопывали по плечу за его заслуги в «деле югославянства» в австрийском рейхсрате. еще больше симпатий он вызвал, когда начал объяснять, что является монархистом и «стоит на позициях единства

[982] *Dolinar F.* Op. cit. Š. 255–256; *Perovšek J.* Slovenska osamosvojitev… S. 87–88.
[71] *Hribar I.* Op. cit. T. II. S. 274–279.
[983] *Dolinar F.* Op. cit. S. 248.
[984] *Kranjec S.* Koroščevo predavanje... S. 226.

государства»[985]. По некоторым свидетельствам, председатель Народного веча схс якобы приехал на женевскую конференцию, начавшуюся 6 ноября 1918 г., как «злостный централист»[986]. однако постепенно он начал склоняться к точке зрения трумбича и других представителей югославянского комитета, выступавших за федеративную форму государства.

Наконец корошецу и трумбичу удалось убедить заядлого централиста Пашича подписать 9 ноября 1918 г. женевское соглашение. в нем предусматривалось формирование государства, которое по своему устройству очень напоминало бы дуалистическую систему австро-венгрии. а именно, предполагалось формирование общего правительства, причем половина министров назначалась бы сербским кабинетом и присягала сербскому королю Петру карагеоргиевичу. вторую часть общего министерского совета должно было делегировать Народное вече схс, а его представители присягнули своему председателю, то есть корошецу[987]. однако подписанное соглашение осталось лишь на бумаге. стоян Протич, министр из числа членов сербской Национально-радикальной партии, который был заместителем Пашича, уже 11 ноября подал в отставку в знак несогласия с женевским соглашением. Это привело к отставке всего кабинета Пашича и, тем самым, к аннулированию договора с представителями Народного веча схс и югославянского комитета[988]. Но сербские сюрпризы на этом еще не закончились.

Заместитель председателя Народного веча схс светозар Прибичевич удачно использовал отсутствие корошеца в Загребе для осуществления своих планов скорейшего объединения с сербией. Прибичевич вошел в Народное вече как представитель хорватско-сербской коалиции, которая по соглашению с тисой долгое время находилась «у власти» в хорватской бановине. лишь в последние дни австро-венгерского режима она стала сотрудничать с югославянским клубом корошеца и с другими создателями Народного веча схс. После долгих колебаний она присоединилась к последнему 8 октября 1918 г., однако, присоединившись, очень быстро взяла бразды правления в свои руки. Прибичевич нашел преданных союзников в лице секретаря Народного веча схс крамера и других словенских либеральных лидеров. Последние начали оказывать давление на руководителей всесловенской народной партии, настаивая на форсировании объединения, прежде всего из внешнеполитических соображений, чтобы дать возможность регенту александру карагеоргиевичу в переговорах с антантой относительно границ с австрией и италией защищать также и словенские национальные интересы[989].

Над словенцами сгущались черные тучи. Подавленный еглич 22 ноября записал в своем дневнике: «все мы преисполнены беспокойства о будущем. Нам угрожают венгры, наши земли занимают итальянцы, и нас притесняют немцы; у нас же нет сил; только протесты посылают наше Национальное правительство и наше Народное вече. Без сербов нет спасения! *Ergo!* как плохо нам будет, когда придем под власть

---

[985] *Zečević M.* Op. cit. S. 142–143.

[986] Arhiv Republike Slovenije. Sektor za varstvo arhivskega gradiva II. svetovne vojne. F. Izidorja Cankarja (далее – ARS. FIC). Fasc. 1. Записная книжка изидора цанкара.

[987] *Zečević M.* Op. cit. S. 152.

[988] *Popović O.* Stojan Protić i ustavno rešenje nacionalnog pitanja u Kraljevini SHS. Beograd, 1988. S. 22–23.

[989] ARS. FIC. Fasc. 1. Записная книжка цанкара.

православного короля после того, как ушли от католического императора! *Deus miseratur nostri!*»[990]

Представители всесловенской народной партии хотели повременить с принятием важных решений об определении югославского государственного устройства хотя бы до тех пор, пока из-за границы не вернется корошец. однако его возвращение на родину из-за интриг сербской дипломатии сильно затянулось. тем временем Прибичевич самостоятельно решил, что делегация Народного веча схс уже утром 27 ноября отправится в Белград на провозглашение объединения с королевством сербия. из словенских делегатов об этом хитром маневре Прибичевича вовремя узнал только крамер[991], у которого не было, конечно, никаких оснований сообщить об этом и Брейцу, поскольку, вероятно, он еще не забыл, как последний не вспомнил о нем при формировании словенского правительства.

в любляне о предполагавшемся отъезде делегации узнали лишь тогда, когда она уже усаживалась в поезд особого назначения на загребском вокзале. Брейц немедленно созвал собрание, которое Препелух описал так: «Никто ничего точно не знал, но подавленность была сильной. Неужели словенцев проигнорировали специально и эти в Загребе не хотят принять их в новое государство? Неожиданно ожило воспоминание о тех, кто утверждал, что словенцы из-за своего географического положения не попадут в югославянское государство, даже если оно возникнет… Может быть, в Загребе вывели из игры только словенских клерикалов? Но и словенских социалистов тоже не поставили в известность, и поэтому они волей-неволей остались дома». в конце концов было принято решение, что янко Брейц, изидор цанкар, Йосип Пунтар и антон кристан поедут в Загреб на автомобилях. конечно, они опоздали на поезд особого назначения. в Народном вече их приняли «приветливо», но отсоветовали им ехать железной дорогой, говоря, будто на славонских железнодорожных станциях хозяйничают так называемые «зеленые отряды» (так население югославянских земель называло дезертировавших с фронта солдат). Поскольку, по словам Препелуха, люблянской делегации «тайно запретили» ехать и на автомобилях, она все равно решила попытать счастья и отправилась по железной дороге[992]. в сербскую столицу словенская делегация успела прибыть вовремя и 30 ноября смогла принять участие в обсуждении адреса Народного веча схс принцурегенту[993]. Брейц и цанкар в дискуссии защищали точку зрения, «чтобы временно, до тех пор, пока Учредительное собрание не примет основных положений конституции нашего нового государства, сохранилось бы существующее положение, то есть чтобы под контролем государственного правительства продолжали функционировать нынешние автономные административные органы, деятельность которых была бы подотчетна также автономным представительствам»[994]. однако Протич, между тем снова занявший министерское кресло, «обратил их внимание на то, что есть противоречие между автономией и

---

[990] ZRC SAZU. Jegličev dnevnik. 22.11.1918. латинская фраза переводится как «Боже! Будь милостив к нам!» и является начальной в 67-м псалме давида.

[991] *Dolinar F.* Op. cit. S. 254.

[992] *Prepeluh A.* Op. cit. S. 183.

[993] *Zečević M.* Op. cit. S. 178.

[994] *Brejc J.* Op. cit. S. 166.

правом контроля, которым обладает центральное правительство». еще прозрачнее высказался Прибичевич, подчеркнувший, что, «если правительство хочет давать директивы и если необходимо прекратить насилия, например, в случае, если бы словенские клерикалы начали преследовать либералов или, наоборот, правительство имеет право вмешаться в такую деятельность автон[омных] властей»[995]. Заместитель председателя Народного веча схс тем самым наглядно показал словенским клерикалам, что в случае установления централизованного государства они могут попрощаться с доминирующим положением в словении, которого достигли перед войной. однако Брейц и цанкар не испугались этих и им подобных угроз Прибичевича. ведь они верили, что регент сдержит свои торжественные обещания о временном сохранении областных автономных органов до созыва Учредительного собрания. Эти обещания александр повторил и в своем ответе на адрес Народного веча схс 1 декабря 1918 г., при провозглашении образования королевства сербов, хорватов и словенцев (ксхс)[996]. в перводекабрьском акте объединения они не видели угрозы словенским национальным интересам, поскольку полагали, что хотя бы «в настоящий момент автономия словении обеспечена»[997]. видимо, так же полагал и корошец, который вместе с лидером либералов жерьявом вернулся в любляну всего через день после провозглашения ксхс. в интервью одной из хорватских газет корошец сказал, что одобряет адрес Народного веча и что его также «полностью… удовлетворяет» заявление регента [998]. руководителям всесловенской народной партии и не оставалось ничего другого, как поверить обещаниям александра. Последний 3 декабря принял Брейца и цанкара на личной аудиенции «с величайшей любезностью» и «тепло поблагодарил» их за приветственные адреса, которые они вручили ему от имени словенского народа «как члены крупнейшей политической партии в словении»[999]. вообще принц-регент очень старался завоевать симпатии словенских политиков. Уже 30 ноября он принял на аудиенции крамера[1000], а 6 декабря корошеца[1001]. Председатель всесловенской народной партии сразу же постарался «завязать связи с сербскими партиями и заручиться их поддержкой»[1002]. За свою готовность к сотрудничеству он был награжден должностью заместителя председателя в первом общем правительстве ксхс, назначенном 20 декабря[1003].

во время борьбы за словенские границы в каринтии и в Приморье, которая в январе 1919 г. была перенесена на Парижскую мирную конференцию, в ксхс началась также оживленная дискуссия о будущем государственном устройстве. словенские депутаты отправились в новый, впрочем временный, парламент в Белграде. газета «Slovenec» привела краткое сравнение их положения со статусом словенских депутатов в распавшейся габсбургской монархии: «словенские депутаты

---

[995] ARS. FIC. Fasc. 1. Записная книжка цанкара.
[996] Građa... Knj. I . S. 673–676.
[997] *Brejc J.* Op. cit. S. 166.
[998] *Zečević M.* Op. cit. S. 182.
[999] Slovenec. 1918. 5.XII, 6.XII.
[1000] Slovenec. 1918. 2. XII.
[1001] *Zečević M.* Op. cit. S. 191–192.
[1002] ARS. FIC. Fasc. 4. Письмо корошеца цанкару. 10.12.1918.
[1003] *Zečević M.* Op. cit. S. 200.

сегодня отправляются в Белград как легитимные представители нашего народа – впервые в истории. Нашим центром в австро-венгерской монархии была вена, это был центр государства, в котором мы жили и боролись, центр народа, который объявил нам борьбу не на жизнь, а на смерть. вена была нашим политическим центром, поскольку там наши словенские депутаты боролись за мелкие политические уступки, в национальном же плане эта вена всегда была нам чужда и враждебна. Мы были прикованы к ней. Начиная с 1848 г. наша словенская политика стремилась к тому, чтобы отделиться от этого национально враждебного нам очага. Правда, эта идея не всегда выражалась так буквально, но идея "объединенной словении", "иллирии", "югославии", которая в той или иной форме повторялась все чаще и решительнее в наших рядах, эта идея в действительности была не чем иным, как "Прочь от вены!". Мы дожили до осуществления мечты наших дедов, и поэтому наши депутаты как представители словенского народа отправляются в Белград, центр объединенного народа словенцев, хорватов и сербов. их путь туда означает, что навсегда ушли в прошлое века рабства и для нас началась новая историческая эпоха» [1004]. действительно, началась новая – югославская – эпоха в истории словенского народа. Но воплощения в жизнь мечты об объединенной словении она тоже не принесла.

Перевод со словенского Л. А. Кирилиной

[1004] Slovenec. 1919. 26.II.

Л. А. Кирилина

Словенская народная партия в 1914–1918 гг.

в предвоенный и военный период католики играли ведущую политическую роль в словенских землях. словенская народная партия (сНП, клерикалы) занимала преобладающие позиции повсеместно, кроме триеста, истрии и горицы. с 1908 г. она получила большинство в крайнском провинциальном собрании. в 1909 г. католические партии крайны, Штирии и горицы объединились во всесловенскую народную партию (вНП). Через год к ней присоединились и каринтийские католики. социальную базу партии составляли словенские крестьяне (около 70% населения) и мелкобуржуазные городские слои. ее программа основывалась на трех пунктах, сформулированных консервативным католиком антоном Махничем: «вопервых, социально-экономическая реформа; во-вторых, религиозное воспитание до университета включительно; в-третьих, национальные права на основе равноправия»[1005][1006]. в католическом движении долгие годы сосуществовали два течения: консервативное и христианско-социалистическое. главным идеологом и организатором христианского социализма в словенских землях был священник янез евангелист крек (1865–1917). христианские социалисты выступали за реформирование социального и экономического законодательства в пользу крестьян и рабочих, организовывали кооперативы для крестьян, ремесленников и рабочих, просветительские организации. в 1913 г. в словенских землях благодаря их энергичной деятельности функционировало уже 462 католических общества рабочих и 682 крестьянских кооператива. Прежде всего благодаря неустанной деятельности христианских социалистов партии удалось добиться такой популярности в народе.

«важны не личности, важна партия и ее значение. сегодня наша партия представляет словенский народ» – такова была установка крека[1007]. он отказался от мысли основать свою собственную партию и до конца жизни оставался в католической партии, входил в ее руководство, избирался депутатом крайнского провинциального собрания и австрийского рейхсрата, являлся редактором католической газеты «Slovenec». в предвоенные годы, когда во главе партии стоял адвокат иван Шуштершич (1863–1925), далекий от идей христианского социализма, отношения между двумя течениями обострились, но до открытого разрыва дело так и не дошло. именно благодаря плодотворному сотрудничеству этих двух выдающихся лидеров партия столь успешно функционировала. оба они были прекрасно образованны, энергичны, обладали организаторскими способностями. крек знал 20 иностранных языков, был глубоким теоретиком и прекрасным оратором. Простой в общении, обладающий душевной теплотой и щедростью,

---

[1005] *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države: Slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca [1006]. stoletja. Ljubljana, 2006. S. 114.

[1007] *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina od konca osemnajstega stoletja do 1918. Ljubljana, 1966. S. 284.

восприимчивый к новым идеям и терпимый, он привлекал к себе симпатии людей. Несомненно, он был харизматической личностью, способной увлечь своими идеями массы народа и повести их за собой. Шуштершич прекрасно разбирался в правовых вопросах, экономике и финансах. он был человеком систематичным и дисциплинированным, великолепным тактиком и организатором, лидером, имеющим огромный авторитет. Шуштершич был честолюбив и амбициозен, он жесткой рукой руководил партией, крек больше занимался пропагандой, он не стремился к высоким постам и по возможности уступал их другим. По справедливому замечанию словенского исследователя а. Примца, до 1915 г. Шуштершич и крек не были ни противниками, ни конкурентами, ни друзьями, но прежде всего были соратниками[1008]. они ценили друг друга и работали в одной упряжке, пока война не развела их по разные стороны баррикад.

в предвоенные годы в первые ряды католического движения выдвинулся ученик крека священник антон корошец (1872–1940). ему были близки социально-экономические взгляды христианских социалистов, однако в ряде национально-политических вопросов он поддерживал Шуштершича. так, он не принимал идеи крека о широкой автономии славян и скептически относился к его сербофильству. Позиция золотой середины позволяла корошецу сотрудничать с обоими течениями и проводить собственную, достаточно независимую политику по многим вопросам.

Преобладающее большинство словенцев воспринимало габсбургскую монархию как данность, они жили в австрийском мире, представлявшем своеобразное целостное культурное пространство. они лучше всего знали немецкую культуру, но сердцем были привязаны к славянству. Убежденные в тысячелетней борьбе славян и германцев, верили в победу славянства, а в империи видели защиту от притязаний германии и италии. Наряду с национальной нетерпимостью и враждебностью существовали и понимание, сотрудничество, готовность идти на компромиссы. различные программы переустройства австрии были «своего рода свидетельством, с одной стороны, кризиса государства, с другой, – также и его жизненной силы, так как в отношении умирающего обычно планов не строят»[1009]. сложно сказать, какие тенденции развития Монархии возобладали бы – к интеграции или дезинтеграции. все решила война…

Перед войной словенцы уже стали «совершенно развитым народом с развитой культурой, наукой и искусством, с полностью сформированным литературным языком и ясной политической волей»[5]. югославянскую идею принимали все три словенские партии, каждая по-своему. вопрос, в рамках какого государства объединятся словенцы, не находился в центре дискуссий.

сНП пропагандировала разновидность триализма, предусматривавшую включение в эту программу всех объединенных словенских земель. главными идеологами триализма в словении были лидеры католиков Шуштершич и крек. При реформе Монархии словенцы, по их мнению, должны были войти вместе с

[1008] *Primc A.* Dr. Janez Evangelist Krek in dr. Ivan Šusteršič – dvojec brez primere // Dr. Janez Evangelist Krek. Ljubljana. 2007. S. 171.

[1009] *Melik V.* Leto 1918 v slovenski zgodovini // Zgodovinski časopis. Ljubljana, 1988. № 4. S. 525–526. [5] Ibidem.

хорватами в состав югославянской федеративной единицы. они опасались, что при реформе их интересы не будут учтены и они останутся вместе с чехами в немецкой части империи. Поэтому, по меткому замечанию корошеца, словенские политики «всякий раз, когда появлялись опасения, что на юге возникнет какаялибо новая формация… быстрее обращали взгляды к хорватам и… выдвигали идею, что мы с хорватами один народ и нужно, чтобы у нас была одна судьба». словенские идеологи триализма опирались на хорватское государственное право, но, в отличие от хорватских франковцев, выступали за вхождение воеводины в югославянскую единицу[1010]. Наибольшим «сербофилом» в сНП был, пожалуй, крек, ратовавший за включение сербов в состав югославянского объединения. По его мнению, сначала должны были объединиться австрийские югославяне, а балканские присоединились бы к ним впоследствии. однако крек не исключал возможности того, что австрийские славяне не добьются осуществления своих прав и будут искать поддержку у балканских собратьев[1011].

Многие из католиков, однако, относились к сербам негативно. опасался их Шуштершич, а люблянский епископ антон еглич в конце 1912 г. писал в своем дневнике: «к сербам у нас вообще нет симпатий, они нам противны»[1012].

Не необходимым, но преобладающе частым признаком югославянской идеи было мнение, что югославяне являются единым народом либо же им станут. Эта идея родилась из теории о политическом народе, из ощущения своей малой значимости и экономической нерентабельности. Немцы – один народ, несмотря на множество наречий, и югославяне также должны стремиться к единству. один из главных теоретиков словенского политического католицизма алеш Ушеничник писал: «если бы мы на подобных условиях объединились с хорватами, мы на самом деле не пожертвовали бы своей национальностью, напротив, мы бы ее получили». Немцы ассимилировали бы словенцев, в союзе же с хорватами «мы бы в значительной степени ассимилировались: они бы нам дали свой более развитой и богатый язык, мы бы им дали множество элементов своей культуры». Ушеничник был убежден, что, «если абстрагироваться от языка, хорваты бы в большей степени стали словенцами, чем словенцы хорватами». Подобные взгляды были и у крека. иллюзия о возможности словенизации хорватских земель была характерна для лидеров сНП, которые, по справедливому замечанию словенского историка я. Плетерского, «словенскую модель политического католицизма… хотели перенести на все югославянское пространство Монархии»[1013].

в 1911–1912 гг. всесловенская народная партия обновила союз с хорватской партией права и была создана объединенная хорватско-словенская партия права. ее горячим сторонником являлся Шуштершич, видевший в этом объединении возможность укрепить позиции словенцев (он опасался, что иначе при составлении правительством югославянских проектов интересы словенцев могут вообще не принять во внимание). в общей резолюции отмечалось, что «хорваты и словенцы

[1010] *Rahten A.* Trialistične zamisli slovenskih in hrvaških politikov v letih pred prvo svetovno vojno // Prispevki za novejšo zgodovino. 1999. № 2. S. 68–69.
[1011] *Melik V.* Op. cit. S. 526.
[1012] *Rahten A.* Op. cit. S. 72.
[1013] *Pleterski J.* Dr. Ivan Šušteršič 1863–1925: Pot prvaka slovenskega političnega katolicizma. Ljubljana, 1998. S. 303.

являются единым национальным организмом» и что обе партии будут «совместно действовать в духе и направлении программы партии права». Но надежды словенских католиков, связанные с этим объединением, были безосновательны. абсолютное большинство голосов в хорватском саборе имела либеральная хорвато-сербская коалиция. Без нее и речи не могло идти о единой хорватско-словенской политике. в 1913 г. в хорватской партии права произошел раскол, из нее вышли «чистые праваши» Йосипа Франка, и словенские католики продолжали сотрудничество с оставшейся группой правашей под руководством Миле старчевича. одним из немногих эффективных результатов этого объединения стало сотрудничество словенских и хорватских депутатов в хорватско-словенском клубе в рейхсрате, продолжавшееся вплоть до начала мировой войны.

Накануне войны триалистические концепции лидеров сНП не поддерживались ни большинством хорватских политиков, ни немецкими христианскими социалистами, на поддержку которых они рассчитывали. оставалась последняя надежда – наследник престола эрцгерцог Франц Фердинанд с его обещаниями реорганизовать империю. с началом 1-й Балканской войны в любляне был создан благотворительный комитет в поддержку антитурецкой коалиции, словенские добровольцы отправлялись воевать в сербию. вторая же Балканская война вызвала сильное разочарование словенской общественности. в то же время сильно возрос авторитет сербии, окруженной теперь ореолом победительницы.

Перед мировой войной сторонников объединения с сербами и хорватами среди словенцев было еще немного. Широкие массы народа мало знали о сербах и хорватах. для большинства национальных политиков югославянская направленность подразумевала в первую очередь поиски союзников против немцев и итальянцев, при поддержке которых смогла бы воплотиться в жизнь идея объединенной словении – национальной автономии в рамках австро-венгрии. крестьянам ближе всего была позиция вНП, пропагандировавшей идеи триализма. Начиная с 1908 г. католические депутаты в австрийском рейхсрате (то есть большинство словенских депутатов) выступали с требованием создания словенско-хорватского государственного объединения. с 1911 г. Шуштершич возглавлял хорватско-словенский клуб 27 депутатов, в котором словенские католики объединились с далматинскими правашами и депутатами из истрии. к 1912 г. в его руках сконцентрировались все важнейшие политические функции: он был председателем вНП, главой хорватско-словенского клуба в рейхсрате и вдобавок занял должность крайнского губернатора. его называли «некоронованным герцогом крайнским». христианских социалистов беспокоили диктаторские замашки в поведении Шуштершича. в марте 1914 г. он ушел с поста главы клуба, который при активном содействии крека возглавил корошец, вскоре ставший третьим по значимости лидером вНП [1014]. сараевское убийство потрясло словенцев. они усмотрели в покушении гав-
рилы Принципа руку Белграда. рухнули надежды на реформы, проект которых готовился престолонаследником, югославянскому движению в империи был

[1014] *Rahten A.* Zadnji slovenski avstrijakant: Prispevek k politični biografiji dr. Ivana Šusteršiča // Zgodovinski časopis. 1999. № 2. S. 198.

нанесен тяжелый удар, его позиции ослабли, и положение словенцев в империи стало еще более шатким. словенские консервативные и либеральные политики резко осудили убийство Франца Фердинанда. Шуштершич на собрании вНП 5 июля 1914 г. в любляне открыто обвинил в этом убийстве сербию и призвал к войне против нее. Более умеренно выступили крек и корошец, выразив сожаление по поводу случившегося и подтвердив верность династии. объявление австро-венгрией войны сербии 28 июля вызвало протест не

только у социал-демократов, но и у либералов. Шуштершич и его сторонники поддержали правительство, вновь подтвердив свою полную лояльность габсбургам. Шуштершич развязал активную антисербскую кампанию, призывая словенцев к войне за «справедливое дело австрии». в газете «Slovenec» даже было опубликовано стихотворение «военный гром», в котором имелись и такие строки:

Приветствуем вас пушками! Вы, сербы,
дом хладный мы поставим вам у вербы[1015].

христианские социалисты во главе с креком и корошецем пропаганды войны и антисербских позиций Шуштершича не поддержали. с началом мобилизации словенские солдаты уходили на войну, надеясь на скорое возвращение. среди них было немало добровольцев. Многие словенцы, посланные в галицию, где уже в августе велись бои с русскими войсками, осенью 1914 г. оказались в плену. словенцы входили в состав 50 австрийских полков из 141. Некоторые вступили добровольцами в сербскую армию. в словенских землях, как и во всей империи, было введено военное положение. хотя правительство официально не распустило политические партии, деятельность их была ограничена исключительно внутрипартийными вопросами. Были запрещены многие газеты и общества, занимавшие антиправительственные позиции либо просто имевшие югославянскую направленность. гонениям подверглись словенские священники и учителя. в декабре 1914 г. состоялся суд над «препородовцами» − группой радикальной словенской молодежи, собиравшейся вокруг газеты «Preporod» («возрождение»). весной 1915 г. в любляне был введен военный суд. война застала словенских политиков врасплох. Политическая активность либералов и социал-демократов в словенских землях практически сошла на нет из-за правительственных репрессий. только вНП благодаря своей прогабсбургской ориентации могла кое-как функционировать. однако сложно говорить о какой-либо определенной линии в политике клерикалов в первые годы войны. они осматривались, приспосабливались, пытались хоть чего-то добиться в условиях войны и быстро меняющейся ситуации. как позднее признавался корошец, «нашей единственной мыслью было «выжить», и нам было ни до какойлибо ориентации. лишь позднее, когда гонения несколько ослабли и когда мы увидели, что «листья опадают», а мира еще нет, только тогда появилась новая политическая ориентация»[1016]. в первой половине войны только словенские эмигранты, бежавшие в Западную европу, продолжали открыто выступать с югославянскими идеями. Четверо словенцев (Богумил вошняк, Йосип едловски, Нико жупанич и густав грегорин) стали членами основанного в апреле 1915 г.

[1015] *Gestrin F., Melik V.* Op. cit. S. 329.
[1016] *Kranjec S.* Koroščevo Predavanje o postanku Jugoslavije // Zgodovinski časopis. 1962. S. 221.

югославянского комитета. его деятельность поддержали и словенские эмигранты в сШа.

По словам корошеца, именно репрессии властей в отношении словенцев в начале войны породили у крека мысль о необходимости государственного самоопределения словенцев, хорватов и сербов. тогда же он осознал необходимость отказаться от узкопартийных связей и установить связи, охватывающие «весь югославянский народ» [1017]. в ноябре 1914 г. в беседе с членом хорватско-словенского клуба вьекославом спинчичем крек выступил за организацию встречи всех хорватских и словенских депутатов цислейтании независимо от партийной принадлежности. он вновь подчеркнул принятие словенцами хорватского государственного права, которое, по его мнению, должны были признать и сербы [1018]. крек и корошец не вступали в прямые контакты с членами югославянского комитета, но были хорошо осведомлены об их деятельности.

Заседания австрийского рейхсрата не проводились с весны 1914 г., и словенские национальные деятели неоднократно (и безуспешно) выступали с требованиями возобновить его работу (например, речь об этом шла на заседании парламентской комиссии хорватско-словенского клуба в любляне в феврале 1915 г.).

лидеры словенских католиков вместе с хорватскими правашами по инициативе епископа Махнича весной 1915 г. направили римскому папе Бенедикту XV меморандум с просьбой защитить интересы хорватов и словенцев на будущей мирной конференции. в составлении меморандума от словенцев приняли участие крек, корошец, Шуштершич и еглич. основная мысль меморандума − при любой политической комбинации и при любом исходе войны хорватские и словенские земли должны стать неразделимым целым. ватикан ответил расплывчато, сославшись на то, что вряд ли папу пригласят на мирную конференцию.

со вступлением в мае 1915 г. в войну италии боевые действия переместились на словенскую территорию. линия фронта проходила по реке соча (изонцо), словенцы воевали и в австрийской, и в итальянской армиях. итальянцы заняли западную часть горицы и Посочье. тогда около 80 тыс. человек бежали с захваченных территорий в крайну, Штирию, в австрийские лагеря беженцев. в августе 1916 г. итальянцы захватили всю горицу. во время боев на соче, длившихся почти два с половиной года, до октября 1917 г., погибло около 200 тыс. человек. всего за время войны погибло около 35 тыс. словенцев [1019].

словенцы восприняли эту ситуацию как национальную трагедию. лидеры клерикалов Шуштершич и еглич призвали словенцев формировать добровольческие отряды свободных стрелков для отпора италии. крек, напротив, был активным противником военной пропаганды. он развернул тайную агитацию против того, чтобы словенцы добровольно шли в армию и проливали свою кровь за интересы немцев. По словам его единомышленника антона Мркуна, будучи сторонником антанты и полагая, что итальянцы займут словенские земли, крек в то время

[1017] *Pleterski J.* Prvo opredeljenje slovenaca za Jugoslaviju. Beogad, 1976. S. 45.
[1018] Ibid. S. 71.
[1019] *Vodopivec P.* Op. cit. S. 159.

обдумывал, как бы словенцам добиться от итальянцев признания их автономии[1020]. в это критическое время лидеры вНП стремились выторговать у правительства хоть какой-то минимум национальных прав. в мае 1915 г. корошец говорил: «если словенцам правительство и немецкие партии дадут национальную школьную автономию в тех землях, где распространен словенский язык, наша партия готова признать немецкий язык государственным». когда война опалила своим пламенем словенскую землю, разногласия между двумя течениями в сНП обозначились еще резче, назревал раскол. Шуштершич и его единомышленники были настроены проавстрийски и антисербски. второе направление, возглавлявшееся креком и корошецем, придерживалось югославянских взглядов (в рамках австрославизма) и ориентировалось на антанту. крек решился перейти к открытой конфронтации, хотя момент для начала борьбы был неудачен. общая ситуация в словенских землях стала очень тяжелой, среди сторонников партии росло недовольство чрезмерной услужливостью Шуштерича перед властями. Борьба предстояла длительная и тяжелая. Шуштершича поддерживала значительная часть крайнского духовенства во главе с егличем, крека большинство словенских и хорватских депутатов рейхсрата, а также молодые члены партии.

важными политическими акциями стали заседания хорватско-словенского клуба, ставшего после роспуска рейхсрата политическим клубом югославянских депутатов, центром их политической жизни. Первое собрание клуба состоялось в Мариборе 28 октября 1915 г. На нем было принято решение вновь потребовать от правительства созыва рейхсрата и создания югославянской территориальноадминистративной единицы. спинчич и корошец в ноябре посетили ряд венских министерств, надеясь добиться положительного решения югославянского вопроса, но результатов не добились. второе заседание клуба состоялось 16 декабря. При обсуждении национального вопроса крек, полагая на тот момент более вероятной победу центральных держав, пессимистически оценил возможности добиться образования югославянской единицы в рамках империи. он высказал мысль о субдуалистическом решении югославянского вопроса, то есть об объединении югославян в рамках венгрии на правах государственно-правовой автономии. в следующем году крек и корошец продолжали развивать эту идею. У крека была еще одна слабая надежда – на установление абсолютистской власти высших военных кругов. только они, по мнению крека, высказанному им в беседе с евгеном лампе в августе 1915 г., могли осуществить объединение словенцев и хорватов [1021] . все эти политические комбинации продумывались словенскими клерикалами в поисках выхода из казавшейся им безнадежной политической ситуации, они не означали какой-либо серьезной длительной ориентации в политике хорватско-словенского клуба[18].

На втором заседании клуба также было принято решение установить связи с югославянскими депутатами, не входившими в клуб, прежде всего с либералами владимиром равнихаром и отокаром рибаржем. те восприняли предложение о

[1020] *Benedik M.* Janez Jevangelist Krek v spominih ljudi, ki so ga poznali. Anton Mrkun // Dr. Janez Evangelist Krek... S. 58–59.

[1021] *Grdina I.* Nekronani vojvoda kranjski – dr. Ivan Šušteršič // Zgodovinski časopis. 1996. № 3. S. 379. [18] *Pleterski J.* Prvo opredeljenje... S. 94.

сотрудничестве положительно, но процесс объединения сил тормозился из-за раскола в сНП. осенью 1915 г. раздор между двумя течениями в партии обострился, само ее существование находилось под угрозой. как говорил спинчичу корошец в январе 1916 г., штирийцы выступили за сотрудничество, но крек и крайнцы опасаются, что Шуштершич, отвергавший эту идею, использует связи с либералами в борьбе против них[1022]. так, крек, являвшийся одним из инициаторов концентрации всех словенских политических сил, в тот момент из-за внутрипартийной борьбы не был готов активно действовать в этом направлении.

Убеждая епископа еглича запретить упоминания в словенской прессе о 50-летнем юбилее крека, Шуштершич так охарактеризовал суть разногласий: «австрийский вопрос, и только он привел к фронде. Безусловная верность династии… − основная программа сНП» [1023]. лояльность крека габсбургам уже давно ставилась под сомнение. в первой половине 1916 г. наблюдался некоторый застой в политике сНП, отчасти парализованной расколом. серьезные разногласия между двумя лидерами, нараставшие в течение многих лет, привели к открытому конфликту весной 1916 г., когда Шуштершич самовольно, без общего решения однопартийцев, исключил крека из сНП[1024]. характерно, что корошец открыто не защищал крека, не желая идти на прямую конфронтацию с Шуштершичем. 21 ноября 1916 г. на заседании исполкома сНП, когда сторонники крека впервые открыто выступили с требованием, чтобы Шуштершич ушел с поста председателя партии, последнему удалось, изменив свою тактику, временно изолировать крека и укрепить свое положение. лишь к концу 1916 г. окончательно оформилась общая политическая линия корошец−крек, для которой были характерны идеи югославизма, высказанные спустя несколько месяцев в Майской декларации. в конце 1916 – начале 1917 г. изменились и внутренняя обстановка в авс-

тро-венгрии, и международная ситуация. Усилились антивоенные настроения населения, начались волнения в крупных городах. После вступления на престол императора карла деятельность югославянских политиков активизировалась. 28 ноября 1916 г. в граце состоялось общее собрание хорватско-словенского клуба, на котором депутаты принесли присягу верности новому монарху. Было решено ради дальнейшей национальной консолидации югославян наладить сотрудничество со всеми политическими силами, в том числе с либералами.

в декабре 1916 г. в хорватском саборе активно обсуждался вопрос о югославянском объединении. от имени словенских клерикалов выступил корошец, выдвинув снова идею триализма. сабор решил направить адрес императору с требованием объединения южных славян на основе хорватского права под венгерской короной. в марте 1917 г. на заседании хорватско-словенского клуба в вене корошец потребовал созыва рейхсрата и решения вопроса о триалистическом переустройстве империи. весной 1917 г. резко изменилась внешнеполитическая ситуация. в россии произошла Февральская революция, в апреле сШа вступили в войну на стороне антанты. существование империи оказалось под угрозой. общим

[1022] Ibidem.
[1023] Ibid. S. 91.
[1024] *Rahten A.* Zadnji slovenski avstrijakant... S. 198−200.

убеждением, по словам корошеца, стало, что центральные державы потерпят поражение и австро-венгерская монархия перестанет существовать. «с того времени наша политика сознательно направлена в другом направлении»[1025]. весной 1917 г. снова был созван рейхсрат. словенские и хорватские депутаты договорились с чешскими о взаимной поддержке. в хорватско-словенском клубе рейхсрата и в вНП оживились дискуссии о различных вариантах объединения хорватов и словенцев. лишь в последние недели перед началом парламентских заседаний начала оформляться мысль о совместной декларации всех югославян империи, не только хорватов и словенцев (инициатором ее был крек)[1026]. За день до открытия рейхсрата 33 депутата австрийской части империи и далмации объединились в югославянский клуб. из них насчитывалось 20 словенцев, 11 хорватов и 2 серба. от их имени 30 мая 1917 г. прозвучала знаменитая Майская декларация. казалось, выдвинутые в ней требования не представляли в теоретическом
плане никаких свежих идей. в сущности, подобные идеи выдвигались еще в резолюции крайнского провинциального собрания в январе 1909 г. однако тогда они не вызвали широкого общественного резонанса[1027]. сначала и Майская декларация не привлекла особого внимания словенской общественности. даже самого корошеца удивил произведенный ею позже эффект. «Мы и не думали, что декларация даст такой толчок югославянскому движению, − признавался он впоследствии. – Эта декларация была всего лишь формулой, с которой мы собирались идти в народ и агитировать за югославию»[1028]. в сущности, для крека и корошеца, в отличие от большинства словенской общественности, осуществление требований Майской декларации уже не являлось политической целью, они были убеждены в скором распаде Монархии. Это был один из политических маневров на пути к выходу из состава габсбургской империи.

Майская декларация явилась одной из важнейших национально-политических программ, определивших историю словенцев в XX в.[1029] она представляла собой дальнейшее и более радикальное развитие идеи триализма с включением в этот проект сербов на равноправной основе. По сути, она подрывала основы империи габсбургов. Новым и очень существенным моментом было то, что эти требования поддержали представители всех словенских, хорватских и сербских партий в рейхсрате. руководители клуба еще летом 1917 г. надеялись, что правительство с пониманием отнесется к их предложениям, и поэтому поначалу активно поддерживали кабинет Зайдлера, надеясь, что он выполнит свое негласное обещание реформировать Монархию в духе триализма. однако о проведении реформ и осуществлении югославянских национальных требований и речи не было. осенью 1917 г. югославянский клуб перешел в оппозицию правительству. крек и корошец к осени решили начать активную агитацию в поддержку Майской декларации среди

[1025] *Pleterski J.* Prvo opredeljenje... S. 124.

[1026] *Bister F.* Anton Korošec državnozborski poslanec na Dunaju: Življenje in delo. 1872−1918. Ljubljana, 1992. S. 176.

[1027] *Melik V.* Op. cit. S. 527; *Stavbar V.* Majnička deklaracija in deklaracijsko gibanje 1917/18 s poudarkom na Štajerski // Dr. Janez Evangelist Krek... S. 144−145.

[1028] *Kranjec S.* Op. cit. S. 222.

[1029] *Perovšek J.* Majniška deklaracija in deklaracijsko gibanje // Slovenska novejša zgodovina 1848−1992. Ljubljana, 1995. S. 159.

югославян. они отправились в поездку по югославянским землям (корошец в сараево, крек в Загреб и сплит). в словенских землях народное движение в поддержку декларации начало развиваться в сентябре 1917 г. креку удалось убедить в своей правоте епископа еглича. 15 сентября вышла люблянская декларация, в точностью повторившая Майскую. для крека нелегко было прийти к епископу, личные отношения с которым у него были натянутые (еглич в период раскола партии поддерживал Шуштершича). также это был очень важный политический шаг, нелегкий и для епископа. в решающий момент он встал на сторону крека и корошеца против Шуштершича, выступил в защиту словенских национальных интересов, не побоявшись вызвать недовольство властей [1030]. Поддержка егличем, высшим церковным авторитетом и, по определению словенского историка а. рахтена, «верховным арбитром сНП»[1031], декларации способствовала привлечению словенцев на сторону декларационного движения. Подписались под люблянской декларацией и руководители католической (Шуштершич) и либеральной (тавчар) партий. однако Шуштершич до конца оставался на позициях лояльности империи и резко осуждал деятельность югославянских депутатов после обнародования Майской декларации, которую он не одобрял и характеризовал как «максимальную». он стремительно терял политическое влияние, чему в немалой степени способствовала и утрата поддержки еглича. в развернувшейся ожесточенной борьбе между Шуштершичем и корошецем, ставшим после внезапной смерти крека в октябре 1917 г. лидером сНП, епископ встал на сторону корошеца. когда же последнего избрали в делегацию австрийского рейхсрата, Шуштершич в ноябре вышел из югославянского клуба. Через несколько дней он незаконно распустил сНП и основал словенскую крестьянскую партию, печатным органом которой стала газета «Resnica» («Правда»), выходившая с декабря 1917 до ноября 1918 г. Шуштершич и его новая партия до конца остались приверженцами габсбургской империи. «Resnica» публиковала антисербские статьи, подчеркивая, что единственный путь спасения для словенцев – остаться в составе Монархии[1032]. Надо признать, Шуштершич не был одинок в своих взглядах. так, еглич, поддержавший Майскую декларацию, даже 5 ноября 1918 г., когда уже образовались государство схс, полагал, что связи с династией габсбургов еще не расторгнуты [1033]. однако сНП и не подумала распускаться. в декабре 1917 г. состоялось общее
собрание ее членов, признавшее действия Шуштершича незаконными и избравшее своим председателем корошеца. с этого момента и до смерти в 1940 г. он оставался бесспорным лидером словенской политики. редакция органа клерикалов газеты «Slovenec», ставшая на сторону Шуштершича, была сменена.

Поскольку вена не желала идти на компромисс и удовлетворить даже минимальные требования Майской декларации, она тем самым подрывала веру словенских депутатов в Монархию. все чаще стали раздаваться голоса о возможности решения югославянского вопроса вне рамок империи. толчком к этому послужила мирная конференция в Брест-литовске. 18 декабря три фракции нижней

[1030] *Primc A.* Majniška deklaracija in dr. Krek // Dr. Janez Evangelist Krek... S. 158–159.
[1031] *Rahten A.* Zadnji slovenski avstrijakant… S. 198.
[1032] *Gestrin F., Melik V.* Op. cit. S. 333.
[1033] *Melik V.* Op. cit. S. 527.

палаты австрийского рейхсрата − югославянский и Украинский парламентские клубы, а также Чешский союз − выступили с общим заявлением, потребовав включить своих представителей в состав австро-венгерской делегации на переговорах в Брест-литовске. обосновывая это предложение, корошец отметил, что мир может быть прочным только в том случае, если будут учтены интересы всех народов, а не одних только титульных наций − австрийцев и венгров. «Мы хотим, как это предлагает большевистская власть и как нам самим кажется правильным, чтобы мир был заключен между народами и подписан его представителями»[1034]. стремясь вынести югославянский вопрос на международное обсуждение, корошец от имени депутатов клуба обратился с меморандумом и непосредственно к мирной конференции в Брест-литовске. 31 января 1918 г. этот документ был получен советской делегацией. в нем выдвигались три главных требования: 1) заключение демократического мира; 2) признание прав народов на самоопределение вплоть до государственного отделения; 3) включение в будущее югославянское государство территории, на которой проживают сербы, хорваты и словенцы, с выходом к адриатическому морю [1035] . дополнительный кураж корошецу добавило и выступление американского президента вудро вильсона 8 января 1918 г. с его знаменитыми «14 пунктами». как известно, 10-й пункт предполагал реорганизацию австро-венгрии на принципах автономии[1036]. Поэтому, выступая в рейхсрате 25 января, корошец потребовал признать право наций на самоопределение и при этом, отвергая территориальные притязания италии, призвал к мирным переговорам с антантой[1037].

«Майское движение» достигло своего пика 24 марта 1918 г., когда в любляне корошецу торжественно вручили 200 тыс. подписей в поддержку этого документа. Большинство подписчиков, впрочем, полагали, что решение югославянского вопроса произойдет в рамках империи. в других югославянских областях империи (истрии, далмации, хорватии) таких акций не было, главную инициативу в движении за создание югославянского государства взяли на себя словенцы. социал-демократы не поддерживали политики югославянского клуба, отвергая сотрудничество с буржуазными партиями. такая позиция вызывала недовольство у некоторых рядовых членов партии. группа молодежи покинула ее ряды и весной 1918 г. присоединилась к югославянскому движению. в империи ширилось антивоенное движение. в феврале 1918 г. вспыхнуло
восстание матросов в Боке которской, в апреле выступили солдаты 97-го триестинского полка, который дислоцировался в радгоне, в мае произошли бунты военнослужащих в юденбурге, Мурау и радгоне. в них приняли участие и словенские солдаты[1038]. в том же мае 1918 г. правительство запретило агитацию в

[1034] Stenographische Protokolle über die Sitzungen des Hauses der Abgeordneten des österreichischen Reichsrates in Jahren 1917−1918. XXII Session. Bd. III. Wien, 1918. S. 2680−2683.

[1035] Građa o stvaranju jugoslovenske države (1.I−20.XII.1918) / Prired. D. Janković, B. Krizman. Knj. I. Beograd, 1964. S. 25−26.

[1036] об этом см. подробно в статье в. л. Малькова в третьем томе данной книги.

[1037] *Писарев Ю. А.* образование югославского государства. М., 1975. с. 225.

[1038] об этом см. подробно: *Ude L.* Upori slovenskega vojaštva u Austro-Ugarski armada // Zgodovinski časopis. Ljubljana. 1968. № 3−4.

поддержку Майской декларации и подтвердило немецким партиям свою решимость сохранить за немцами доступ к адриатике. После этого даже социал-демократы изменили свою точку зрения и присоединились к «Майскому движению». либералы, до тех пор еще не имевшие общесловенской организации, в середине 1918 г. объединились в югославянскую демократическую партию. Началось формирование Народного веча как надпартийного органа национального представительства. Национальный комитет словенских земель и истрии был образован в любляне 17−18 августа 1918 г. в него вошли представители всех словенских партий. в Загребе 6 октября было установлено Народное вече словенцев, хорватов и сербов как верховный орган южных славян империи. Председателем обоих органов стал корошец. так, накануне распада австро-венгрии уже возникли первые органы автономной словенской и югославянской власти, хотя никто из словенских лидеров еще не имел четкого представления о будущей югославии и ее государственном устройстве. корошец никогда не бывал в сербии и не имел реальных представлений о положении в этой стране, об обычаях и менталитете ее жителей. концепций регулирования межнациональных отношений в будущем государстве словенские политики еще не сформулировали. обсуждение этих важнейших вопросов находилось в начальной стадии, когда в конце октября 1918 г. тысячелетняя империя габсбургов прекратила свое существование. «как и славянская, югославянская идея у словенцев была связана с очень слабой осведомленностью о других югославянских народах, их жизни, проблемах, приоритетах, традициях, менталитете», − справедливо отметил известный словенский историк в. Мелик [1039]. все это впоследствии негативно сказалось на их жизни в новом государстве. образование государства словенцев, хорватов и сербов (государство
схс) явилось переломным моментом в истории словенцев. государство функционировало как конфедеративная республика, и месяц его существования стал первым в словенской истории опытом самостоятельного государственного управления[1040]. вопрос о формах государственной власти и внутреннем устройстве государства схс должно было решить Учредительное собрание, временно верховную власть осуществляло центральное Народное вече в Загребе. По иронии судьбы все краткое время своего председательства он провел за границей. 31 октября в любляне было создано словенское Национальное правительство, в котором сотрудничали представители всех трех словенских партий (6 представителей от вНП, 5 от демократической партии и один от социал-демократов) [1041]. в состав государства схс вошли все словенские территории, кроме Прекмурья. однако уже в начале ноября 1918 г. италия начала захватывать словенские территории. сначала ею были оккупированы триест, истрия и горица, затем итальянцы двинулись дальше, и в середине ноября их войска были остановлены отрядом сербских солдат всего лишь в 20 километрах от любляны. в это время корошец во главе делегации Народного веча находился в же-

[1039] *Melik V.* Op. cit. S. 527.
[1040] иную точку зрения по этому вопросу см. в статье а. рахтена в данной книге. − *Прим. ред.*
[1041] *Perovšek J.* Slovenci in država SHS leta 1918 // Zgodovinski časopis. Ljubljana. 1999. № 1. S. 73.

неве, где подписал мертворожденную декларацию об объединении государства схс и королевства сербии в федеративное государственное образование, в котором для обоих субъектов предусматривалась широкая самостоятельность. После того как Белград дезавуировал Николу Пашича, подписавшего этот документ, делегация Народного веча поспешила в Париж на переговоры с французским правительством. там корошецу не было обещано ничего конкретного, посоветовали лишь как можно быстрее объединить государство схс с сербией. На родину делегация депутатов вернулась лишь в начале декабря, когда объединение с сербией уже стало свершившимся фактом.

все три словенские политические партии поддерживали идею объединения с сербией, но их представления о форме будущего государства сильно разнились. вНП и социал-демократы выступали за создание федеративной республики и за четкую предварительную договоренность по всем вопросам, касающимся будущего устройства государства. либералы были сторонниками монархии, единого югославянского государства с сильной центральной властью. страх перед итальянской оккупацией и слухи о тайной подготовке восстановления габсбургской монархии побудил загребское руководство к быстрым действиям. 24 ноября 1918 г. вНП под давлением внешних обстоятельств также высказалась за «немедленное объединение». 1 декабря депутаты Народного веча государства схс зачитали сербскому престолонаследнику александру свой адрес, в котором выражалось желание граждан этого государства соединиться с сербией и Черногорией в единое государство под властью короля Петра карагеоргиевича.

А. И. Филимонова

Хорватское национальное движение 1914–1920 гг. сквозь призму религиозного аспекта и политики Ватикана

роль духовенства в национально-политических процессах на хорватских территориях к началу мировой войны все еще оставалась решающей, несмотря на то что на первый план общественной жизни постепенно выдвигалась светская интеллигенция. клир по-прежнему контролировал просвещение, борьбу в ходе избирательных кампаний и организации национального характера, в том числе молодежные [1042] . таким образом, единственным влиятельным представителем политических интересов хорватов к началу мировой войны, как подчеркивает современный хорватский историк ю. кришто, являлась католическая церковь. ее представители успешно отбивались от нападок, утверждая, что недовольство народа обусловлено бюрократией и коррупцией. в противовес им либералы выражали убежденность в том, что духовенство в своем «противодействии прогрессу» «оглупляет» народ. церковные же иерархи, напротив, были уверены в том, что «прогресс несет в себе неминуемую гибель»[1043].

однако в целом распространение либерализма и неразрывно связанного с ним антикатолицизма (и более широко – антихристианства) на хорватских землях заметно ослабило положение католической церкви. Большинство представителей клира, столкнувшись с этим явлением, не знали и не могли знать, как следует реагировать на него. Но римско-католическая церковь не осталась сторонним наблюдателем попыток снизить ее влияние в обществе. характеризуя либеральные движения как «изощренные спекуляции идеальными понятиями просвещения, прогресса и свободы»[1044], католические иерархи предприняли «контрнаступление» с целью расширения общественно-политического, социального и культурного влияния церкви. в первые десятилетия xx в. на хорватских землях возник так называемый «организованный католицизм»: в соответствии с европейскими моделями параллельно друг другу стали развиваться хорватское католическое движение (хкд) и католическая акция. духовным лидером и непререкаемым авторитетом хкд был епископ острова крк антон Махнич, нацеленный прежде всего на работу с молодежью и ее активное включение с раннего возраста в религиозно-политическую деятельность римско-католической церкви. особенностью хкд являлось создание многочисленных молодежных католических организаций и информационных изданий. с 1913 г. и вплоть до окончания мировой войны хкд переживало духовную метаморфозу, в ходе которой резкие, «взрывные» подъемы активности сменялись полной стагнацией и «упадком сил». в это время идеология

[1042] *Trogrljić S.* Katolička crkva u Istri pred izazovom nacionalnih, socijalnjh i idejnih podjela (kraj 19. i početkom 20. stoljeća) // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 2002. № 2. S. 476.

[1043] *Krišto J.* Dalekosežne posljedice netočnog pridijevanja: Je li bio klerikalizma u Hrvata? // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1993. № 25 (2–3). S. 7.

[1044] *Korenić S.* Prvi hrvatski katolički sastanak održan u Zagrebu dne 3., 4. i 5. rujna godine 1900. Zagreb, 1900. S. IX–XI.

хкд развилась привнесением трех новых идей: о национальном единстве хорватов, сербов и словенцев (к которому могут примкнуть и болгары), о церковной унии с использованием кирилло-мефодиевской традиции и, наконец, о необходимости смягчения антагонизма католической церкви с «либералами» ради сохранения целостности доктрины национального единства южных славян. однако все указанные идеи и методы их реализации относились не столько к конфессиональной, сколько к политической сфере, что и обусловило поворот лидеров хкд к данной области общественной жизни. Управление хкд осуществляла особая коллегия под названием сеньорат. целями же католической акции являлись консолидация католического общества, оживление католического мироощущения (*«sensus catholicus»*) и возрождение христианских принципов в различных сферах жизни католических народов в противовес либерально-демократическим и социалистическим течениям (*«Omnia restorare in Christo»*). основное внимание уделялось созданию религиозных, культурно-просветительных, общественно-политических и спортивных объединений католической церкви среди всех категорий общества. католическая акция разделялась на несколько направлений, включавших укрепление католической веры и положения церкви в обществе, создание католических организаций различного типа, усиление контроля над образованием, осуществление духовной цензуры и развитие католической прессы. таким образом, католическая акция означала активное включение паствы в социальные, культурные, политические, экономические и информационные процессы.

к началу войны три главных церковных прелата хорватских земель − загребский архиепископ анте Бауэр, его боснийский коллега Йосип Штадлер и уже упомянутый Махнич – обозначили основные «военные цели» хорватских католиков. так, в середине августа 1914 г. на официальном обеде в своей резиденции Бауэр выразил уверенность в способности хорватского бана «присоединить к нам далмацию и Боснию, хотя бы на основе соглашения», Штадлер подверг резким нападкам хорватско-сербскую коалицию и «до небес восхвалял политику Йосипа Франка» (лидера «чистой» Партии права, умершего еще в 1911 г. − *А. Ф.*)[1045], а Махнич, «властитель душ» католической молодежи, тогда высказывался за единое государство южных славян в составе Монархии[1046].

однако, вопреки громадному влиянию Бауэра и впечатляющим успехам Штадлера на просветительском, религиозном и политическом поприще, именно Махнич предугадал грядущее развитие событий и составил разносторонне продуманную стратегию действий римско-католической церкви. именно на его стороне оказались два непобедимых фактора: развитие событий на мировой арене и одержимая его идеями молодежь.

[1045] в 1895 г. в результате раскола Партии права из ее рядов выделилась так называемая «чистая» Партия права, вставшая на наиболее экстремистскую точку зрения в отношении сербского населения и создания «единого независимого хорватского государства, объединяющего все принадлежащие хорватам на основе исторического права территории». основатель Партии права анте старчевич умер в 1896 г. После распада классического старчевичанства все, что от него осталось, не являлось собственно идеологией; последующее идейное развитие Партии права – «правашей» дрейфовало в сторону все большей радикализации и клерикализации.

[1046] *Krišto J.* Katoličko priklapanje jugoslavenstva // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1992. № 24 (2). S. 29.

в конце августа 1914 г. газета Махнича «Riječki novine» была запрещена вследствие антиавстрийских и прославянских настроений. Это, однако, не остановило Махнича и для двух его весьма расторопных помощников − рудольфа Эккерта и Петра рогулю, уже 8 сентября организовавших новую газету «Novine» в Загребе. Программная статья декларировала ее как «газету демократов католического убеждения», а единственным критерием ее качества провозглашала «публикацию церковных новостей» [1047]. Новое католическое издание, хотя и в умеренном плане, уже проникло духом югославизма, со временем все увереннее поддерживая идею объединения югославянских народов. редактором газеты недолго был Эккерт, затем стал рогуля, а через два года греко-католический священник янко Шимрак. Усилиями авторского коллектива «Novine» стала наиболее читаемой газетой в Загребе[1048].

1 ноября 1914 г. папа Бенедикт XV издал энциклику *«Ad beatissimi»*. в ней исследовались причины войны, опасности, грозящие миру ее продолжением, и обосновывалась необходимость сохранения существующего политического, социального и экономического положения в европе. св. престол заявил, что все требования, в том числе и те, которые оправдываются патриотическими мотивами, нужно подчинять интересам церкви и человечества. Энциклика стала предупреждением о том, что ватикан будет проводить политику и принимать решения исходя из собственных интересов. епископы югославянских территорий Монархии периодически посещали папского нунция в вене раффаэле скапинелли, получая от него информацию о позиции римской курии и венского двора. в начале войны ватикан объявил свое отношение к сараевскому убийству. его рупор, газета «L'Osservatore Romano», решительно потребовала наказать виновных, при этом ясно указывая на связь исполнителей сараевского убийства, младобоснийцев гаврило Принципа и Неделько Чабриновича, с сербией. Непримиримую позицию занял влиятельный кардинал Пьетро гаспарри, заявивший, что армия и правительство сербии содействовали подготовке убийства престолонаследника[1049].

идею нового «крестового похода» против сербии поддержал весь хорватский католический клир. в этом аспекте заявления представителей римской курии и хорватских клерикалов взаимно дополнялись. в то время как государственный секретарь ватикана рафаэль Мерри дель валь говорил о «разрушительной болезни», которая, как подразумевалось, исходила со стороны сербов и инициированной ими «югославянской пропаганды», хорватские и словенские католические иерархи указывали, что корни этой болезни необходимо искать в слишком большой свободе, которой пользовались либеральные сербофильские газеты. ватикан стремился не признавать за сербией права быть центром югославянского объединения в соответствии с декларацией сербского правительства о военных целях, а хорватский и словенский католический клир характеризовал предполагаемый югославянский союз как самую грозную опасность для монархии габсбургов и предлагал

[1047] Ibid. S. 30.
[1048] Ibidem.
[1049] *Živojinović D., Lučić D.* Varvarstvo u ime Hristovo: Prilozi za Magnum Crimen. Beograd, 1988. S. 52.

противопоставить югославянской политике сербии объединенные усилия римской курии, властных структур империи и католического духовенства[1050].

в хорватских католических изданиях, как на территории хорватии, так и боснии и герцеговины, сербы обвинялись в экспансионистских устремлениях, в желании захватить и поработить хорватский католический народ и разорвать его вековые связи с монархией габсбургов, против которой в Белграде «правящими сербскими кругами, дескать, длительное время готовился заговор». 8 июля 1914 г. «Hrvatski dnevnik» опубликовал статью Франа Бараца, профессора теологии Загребского университета. Политически он являлся пламенным приверженцем старчевичевой Партии права и был близок к архиепископу Бауэру. Барац представил свою точку зрения на сараевское покушение. распоряжение об убийстве престолонаследника, по его мнению, исходило непосредственно из Белграда с целью разрушения Монархии, «в сербских военных арсеналах готовились бомбы и другое смертоносное оружие, Белград снабдил убийц значительными денежными средствами, и в Белграде же существовала изощренная программа совершения страшной видовданской акции… сербия долго готовилась к специфической деятельности на хорватских землях, к которой были привлечены и некоторые хорваты… Под прикрытием народного единства лидеры этого политического направления начали подготовку сербского освоения хорватских территорий...»[1051]. архиепископ Штадлер и его помощник епископ иван Шарич в своем издании «Vrhbosna» также представляли убийство Франца-Фердинанда как дело рук сербии и «ее национально-политической пропаганды», а войну австро-венгрии с сербией как борьбу хорватов с сербскими панславистскими устремлениями и противостояние католицизма с православием. в газете Штадлера осуждение «сербского национализма» переплеталось с критикой православия, идея югославянского объединения отрицалась как угроза католицизму[1052].

итак, развернувшаяся католическая антисербская обвинительная кампания представила убийство Франца Фердинанда как часть сербской национальной политики. После пропагандистских мер последовали практические акции клерикалов и франковцев против сербов, которые подвергались преследованиям по национальному и религиозному признакам. На территории хорватии-славонии, далмации, Боснии и герцеговины в июле–августе 1914 г. прошли массовые сербские погромы, в ходе которых уничтожались сербские церкви, православные святыни и имущество сербских граждан (дома, культурные и общественные учреждения, типографии, редакции газет и т.д.). Франковские легионеры совершали нападения не только на сербов, но и на тех хорватов, мнение которых не совпадало с декларируемой партией программой, в том числе и на югославянски ориентированных.

2 июля 1914 г. во время антисербской демонстрации в Броде были разграблены сербская церковь и ряд сербских учреждений. 4 и 5 июля в вуковаре также прошли антисербские демонстрации. 27 июля, когда весть о мобилизации в

[1050] *Živojinović D.* Vatican, Srbija i stvaranje jugoslovenske države 1914–1920. Beograd, 1980. S. 75.
[1051] *Barac F.* Povodom udurnog atentata // *Živojinović D., Lučić D*. Op. cit. S. 59.
[1052] *Živojinović D.* Op. cit. S. 61.

сербии достигла Загреба, франковцы совместно с клерикалами вновь организовали вооруженные демонстрации и совершили ряд нападений на сербское население и его имущество[1053]. антисербские демонстрации состоялись в Мостаре, Шамаце, добое. в целом в период этих погромов в Боснии и герцеговине было уничтожено имущество сербского населения на сумму 10 млн крон; от погромов здесь пострадала практически каждая сербская семья. в ряде мест (опузин, габели) были разрушены православные церкви. в далмации (омбе и Метковиче) католическое духовенство и франковцы возглавили ряд антисербских демонстраций. их организаторами в сплите стали приходские священники из окрестных сел. в дубровнике франковцы организовали нападения на сербские учреждения, в Загребе во время демонстраций они выкрикивали: «сербы – убийцы! истребите сербов!». После удаления франковцев из парламента банской хорватии (сабора), где их представители выступили с подобными антисербскими заявлениями, они выразили надежду, что «сабор будет распущен» [1054]. «Vrhbosna» провозгласила, что «всякий, кто распространяет идеи хорвато-сербского единства, является врагом католической церкви». сербы были вынуждены приступить к организации в селах отрядов народной самообороны[1055]. вследствие акций франковцев и клерикалов хорватское национальное дви-
жение в период мировой войны приобрело ярко выраженную антисербскую и антиправославную направленность. клерикалы пытались ограничить его воспитанием хорватской молодежи в антисербском духе и в убеждении, что православная вера – самый опасный враг хорватов. Причем, они апеллировали исключительно к помощи извне – недаром хорватские клерикальные издания выражали преданность габсбургам и Монархии. различие между хорватской и боснийской прессой заключалось в том, что боснийские издания совсем открыто обвиняли официальную сербию и всех тех, кто видит в ней югославянский «Пьемонт».

для усиления антисербских настроений архиепископ Бауэр 31 июля 1914 г. на окраине Загреба, в Черномерце, обратился к хорватским военнослужащим австро-венгерских воинских подразделений. он благословил оружие, с которым хорватские воины призывались к пролитию крови своих врагов во имя христа [1056]. врагом хорватов был объявлен весь сербский народ, ведущий в этот период тяжелейшую борьбу за сохранение собственной национальной и религиозной самобытности. в обращении к пастве представители Боснийской архиепископии также заявили о необходимости для католического населения австро-венгрии защищать свои права при помощи оружия. сербия, утверждали боснийские прелаты, напала на Боснию и герцеговину и хорватию под вымышленным предлогом освобождения их от рабства. По этому поводу Штадлер обратился к югославянским народам Монархии и призвал

[1053] *Ђоровић В.* црна књига: Патње срба Босне и херцеговине за време светског рата 1914–1918. Београд, сарајево, 1920. с. 25–35.

[1054] *Патковић М.* антисрпски и антијугословенски погроми у лето 1914. године // Зборник о Србима у хрватској. Београд, 1991. књ. IV. с. 293–295.

[1055] там же. с. 302.

[1056] Govor A. Bauera u Crnomercu 31 июля 1914 г. // *Novak V.* Magnum Crimen: Pola veka klerikalizma u Hrvatskoj. Beograd, 1986. S. 23.

их идти добровольцами на фронт. Мостарский епископ алоизие Мишич предложил имперскому наместнику сформировать добровольческие армейские подразделения для борьбы с сербским националистическим движением и недопущения его дальнейшего развития[1057].

к концу 1914 г. первый этап пропагандистской подготовки был успешно пройден. его результатами стали сформированный образ врага – сербии и антисербские настроения в Монархии, выразившиеся в массовых акциях. высказывания и заявления предыдущего папы Пия х, скончавшегося в августе 1914 г., Мерри дель валя, а также представителей высшего хорватского и боснийского духовенства свидетельствовали о том, что в начавшейся войне их совместной целью была ликвидация независимости сербии как опасного противника последнего мощного католического государства – австро-венгрии, уничтожение югославянской идеологии и объединительного движения как «разъедающих» Монархию и угрожающих основам ее существования. в противовес клерикалам широкая хорватская общественность воспринима-

ла сербию и сербов совсем иначе. так, потенциал недовольства, накопившийся к началу мировой войны, как отмечал известный хорватский литератор владимир Черина, отразился в призывах «разбить тьму, рассеять удушающий туман, который со всех сторон задавил наш несчастный, потерянный, душой помадьяризованный и деморализованный Загреб!». Этому «городу циников» следует «дать душу и мозг города героев, который называется Белградом; наш народ не нужно против воли осербливать, но его трудолюбие, энергию, серьезность, сердечность, жертвенность, энтузиазм и веру предкосовских, косовских и послекосовских ратников» следует вдохнуть в хорватов, «вдохнуть ощущение нации», но «не пристрастное, а надпристрастное, не эксклюзивистское, а унитаристское, не шовинистическое, а гуманное, не аристократическое и классовое, а демократическое…» [1058]. газета «Hrvatski pokret» вопрошала: «Может ли в Загребе хорват купить продукцию народного производства из всех наших краев? есть ли боснийские, герцеговинские, далматинские вещи, вышивка, одежда, изделия кустарных промыслов? …хорват в Загребе не может своих гостей одарить произведениями нашей народной культуры. Но дело не только в этом. Загреб вообще мало имеет в себе хорватского»[18]. сравнивая положение хорватов с чехами, констатировалось худшее государственно-правовое и национальное положение вторых, однако «смеет ли чех говорить по-немецки в общественном месте и говорят ли они по-немецки в своем доме? разве может и посмеет ли существовать у чехов газета, которая употребление неметчины оправдывала бы «системой»… так не мог бы поступить настоящий, национальный чех. а эта бесчувственная и бескультурная нехорватская франковская банда оправдывает онемчуренье Загреба «системой» и еще призывает хорватов бороться с этой системой. хорваты, которые даже не способны говорить своим языком там, куда не дотягивается мощь системы и руки государственной власти, в своем главном городе, на своей земле, которой этой системой, фундаментальным государственным законом даны гарантии господства хорватского языка как государственного…

[1057] *Živojinović D.* Op. cit. S. 233.

[1058] цит. по: *Берић Д.* хрватско праваштво и срби. Нови сад, 2005. кнь. 1. с. 92. [18]

цит. по: там же. с. 98. [19] цит. по: там же.

иностранщину прикрывают системой, а систему провозглашают необоримой – и по этой логике хорваты не могут из Загреба сделать настоящий хорватский город!»[19]

«Hrvatski pokret» выражал общее убеждение хорватских патриотов: «убийственная, вредоносная, циничная антихорватская политика должна быть вычищена из хорватского народа», «хорватам по всем направлениям нужна свежая, решительная, разумная и сильная своя собственная политика, которая откроет ему путь к успехам и не будет ему прорицать, что он не способен сделать свой Загреб хорватским городом» [1059]. Наиболее дальновидные, как указывала хорватский историк периода социалистической югославии М. гросс, среди них знали, «что мы, хорваты, можем *tandem aliquando* стать хорватами тогда, когда пройдем через сербскую духовность и душевность, когда воспримем сербов… как незараженных хорватов под другим наименованием, просто как расово лучших и чистых наших братьев, которые служат нам указателем» [1060]. Знаменитый хорватский писатель Мирослав крлежа отмечал, что на вопрос о том, какой он национальности, ему «всегда как-то было не по себе: в начальной школе, когда мы били стекла на вокзале, выкрикивали «Позор!» в адрес венгерского бана, все мы были героями… тогда я был хорватом, сторонником старчевича и кватерника, твердокаменным сторонником программы хорватских максималистов. исключительно хорватом. хорватом во всех отношениях. сверххорватом. Потом, во времена риекской резолюции (1905 г. − *А. Ф.*), мы кричали «вон!» бану ракоци и стали схоластическими сторонниками коалиции сербов и хорватов. Мы были сербами, мы жаждали отомстить за косово, мы были панславистами и говорили о славянстве как о едином органическом целом. Мы славяне! …Мы перестали признавать существование хорватов во времена австро-венгрии, мы не желали знать этих францисканских черно-желтых выродков, а за границей притворялись сербами. Помню, как я однажды, будучи на французском пароходе, целое утро спорил с каким-то геодезистом, пытаясь объяснить, что я не австриец, а хорват. я ему толковал об итальянской ломбардии времен Пьемонта, о жаждущих свободы Эльзасе и лотарингии, но он был не в состоянии понять, кто же я. тогда я в ярости выкрикнул, что я серб, и он все понял и поздравил меня с успехами нашей славной артиллерии»[1061].

Провал австро-венгерского наступления на сербию в декабре 1914 г. благоприятствовал сербскому правительству объявить всему миру о цели своей борьбы – освобождении и объединении порабощенных братьев − сербов, хорватов и словенцев (Нишская декларация от 7 декабря 1914 г.). Поражение австро-венгрии ватикан воспринял как тяжкую неудачу. Последствием стало усиление отпора клерикальных кругов идее объединения югославянских народов, поскольку реализация сербской программы означала бы включение 4 млн католиков в новое государство во главе с династией карагеоргиевичей и большинством православного населения. Эта перспектива для ватикана и югославянского католического клира представлялась совершенно неприемлемой. в течение войны хорватская национальная общественно-политическая деятельность была весьма ограниченна.

[1059] цит. по: там же. с. 99.
[1060] цит. по: там же. с. 99.
[1061] *Крлежа М.* Поездка в россию. М., 2005. с. 71–72.

Политические партии и газеты (вследствие прямого запрета или строгой цензуры) практически прекратили функционировать, общественные организации были распущены, в ряде общин введены полицейские комиссары, подавляющее большинство политически активных деятелей перед началом войны было арестовано и подвергнуто тюремным заключениям либо иным видам преследований. Политики анте трумбич, иван Мештрович, хинко хинкович, Никола стоянович, Франьо супило, душан васильевич, иво де джулли и другие посчитали необходимостью выступить перед европейской общественностью как представители и пропагандисты чаяний югославянских народов, находящихся под иностранной властью, целью которых

является «освобождение от чужеземного господства и объединение со свобод ными сербскими королевствами в единое народное государство». Большинство упомянутых политиков осело в риме, однако тогда у них еще не было возможности создать политический орган. сербский поверенный в делах в риме любомир Михайлович регулярно изве-
щал свое правительство, находившееся в Нише, об усилиях супило, трумбича и Мештровича по ознакомлению международной общественности с югославянским вопросом. однако уже с начала их деятельности в ней проявились определенная двойственность и отражение геостратегического курса св. престола. так, например, 18 сентября 1914 г. Михайлович сообщал, что относительно «далматинской проблемы» супило, трумбич и Мештрович своей миссией считают «извещение стран, благосклонно расположенных к сербии, о том, что вся далмация населена сербским элементом, чьи стремления и идеал – объединение с сербией»[1062]. однако в последовавшей затем отдельной беседе супило с советником французского посольства Шарлем луазо, как следует из телеграммы Михайловича от 22 сентября, уже «речь шла о создании независимой хорватии со славонией, далмацией и частью Боснии и герцеговины»[1063]. и далее, как сообщал все тот же Михайлович 26 сентября, британский посол сэр джеймс реннел родд указал на главный фактор противодействия планам сербии и югославян австро-венгрии: «вероятно, католические круги Франции и италии выработали комбинацию по созданию автономной хорватии, хотя ни англия, ни другие союзники не допустят создания государства на религиозной основе. Не представляется невероятным, что попытается вмешаться папа, но безуспешно, поскольку никто из союзников подобного вмешательства не допустит». При этом британский дипломат подчеркнул, что «лишь сербия имеет право на осуществление оправданных устремлений сербского народа»[25].

22 ноября 1914 г. во Флоренции на совместном совещании хорватско-словенско-сербские эмигранты достигли договоренности об основании югославянского комитета. когда же стало ясно, что италия вскоре вступит в войну, а итальянская полиция начала преследование эмигрантов, они перебрались в Париж. Здесь 30 апреля 1915 г. и был образован югославянский комитет, во главе которого встал адвокат трумбич, председатель фракции хорватской народной партии в далматинском саборе, бывший градоначальник сплита и бывший депутат от Задара в австрийском рейхсрате. Членами комитета стали уже упомянутые де джулли, хинкович, Мештрович, васильевич, стоянович, супило [1064] , а также Франко

[1062] aJ. Ф. 80. Zbirka Jovana Jovanovića Pižona. Фасц. 1.

[1063] там же.

[25] там же.

[1064] супило (1870–1917) начал свою политическую карьеру как «праваш». После 1903 г., предчувствуя близкий конец дунайской монархии, он стал сторонником идеи объединения югославянских народов и руководителем хорватско-сербской коалиции. тогда он разделял взгляд о едином народе хорватов и сербов. После удаления в эмиграцию и разочарования в политике россии, которая согласилась по лондонскому договору 1915 г. уступить италии существенную часть хорватских территорий, эволюция идеологии супило вступила в следующий этап, характеризующийся синтезом ряда политических концепций. см. подробнее: *Šepić D.* Supilo diplomat. Zagreb, 1961.

Поточняк[1065], Милан Марьянович, Йосип едловски, Мича Мичич и Нико жупанич. Профессор Павле Попович именовался «внутренним членом комитета». Местом расположения главного штаба комитета стал лондон, отделения действовали в Париже, женеве, Петрограде и вашингтоне. сербами в составе комитета были стоянович, васильевич и Попович. в мае 1915 г. из австрии прибыли председатель хорватско-словенского по-
литического общества истрии, народный депутат динко тринайстич и лидер приморских словенцев густав грегорин. вскоре к ним присоединились Богумил вошняк, лидер словенского молодежного движения, и Чиро каменарович, директор адриатического банка в триесте. в середине мая из поездки в америку вернулся Поточняк, в комитет были избраны анте Бьянкини, председатель югославянского комитета северной америки, профессор Михайло Пупин и Нико гршкович. 28 сентября в комитет приняли истринского адвоката анте Мандича. во второй половине февраля 1916 г. на пленарном заседании комитета, состоявшемся в Париже, в него были кооптированы народные депутаты Йован Банянин и Милан сршкич. При получении известия о результатах акции югославянских переселенцев в южной америке 7 июня 1916 г. в комитет были избраны председатель югославянской народной обороны южной америки Пашко Бабурица и промышленники Франьо Петринович и вьекослав Митрович. двумя днями ранее из комитета вышел супило. таким образом, в тот момент комитет в целом насчитывал 26 человек. в 1915 г. в антофагасте (Чили) была создана организация югославянская народная оборона. обе организации выступали за объединение югославян в единое государство. Финансовые средства поступали в комитет от хорватской, словенской и сербской эмиграции в северной и южной америке (подавляющее большинство пожертвований шло от хорватов). комитет знакомил правительства великобритании, Франции и россии с планами создания югославянского государственного союза и выражал свое крайнее несогласие с тайным договором, по которому италии, в случае вступления ее в войну на стороне антанты, предусматривалась территориальная компенсация за счет хорватских и словенских территорий. Этот договор был заключен в лондоне 26 апреля 1915 г., и два с половиной года его точное содержание союзники хранили в тайне. однако с самого начала секретом Полишинеля было то, какой примерно ценой и за чей счет они «купили» вступление италии в войну на стороне антанты[28]. до декабря 1915 г. югославянский комитет опирался главным образом на сербское правительство, однако после его эвакуации на остров корфу хорватская часть комитета резко поменяла позицию: теперь главным стало решение хорватского вопроса (супило еще в июне 1915 г. предлагал трумбичу переименовать югославянский комитет в хорватский). однако «югославянский мир» в эмиграции поддержал югославянскую про-

целей. единственным идеалом Поточняка была свободная хорватия. отдав дань клерикализму, позже он сблизился с социал-демократами и стал пламенным приверженцем идеи демократизации общественной жизни югославян австро-венгрии, но ни с кем не мог оставаться долго. редактируя журналы «Hrvatska domovina» и «Narodna misao», Поточняк опубликовал в них множество статей, пронизанных его идеями,

[1065] Биография Поточняка (1862–1932) довольно примечательна. Народный депутат хорватского сабора и венгерского сейма, он был «правашем» старой закалки без четко сформулированных политических

-

духом и темпераментом. впоследствии он испытал значительное разочарование «общей пассивностью и бездельем, а также узостью взглядов ведущих политиков югославянских территорий» и в 1908 г. сменил бурную политическую жизнь на уединенное затишье частного обывателя. с началом мировой войны Поточняк бежал за границу, где стал одним из активных членов югославянского комитета, пропагандируя идею единства югославян в 1915 г. в сШа, а в 1916 г. в россии.

[28] см.: Мировые войны XX века. кн. 2. Первая мировая война: документы и материалы / отв. ред. в. к. Шацилло. М., 2005. с. 425–428.

грамму, принятую на конгрессе в Чикаго 10 марта 1915 г. и одобренную серб ским правительством [1066] . камнем преткновения при осуществлении масштабного геополитического проекта по объединению югославянских народов мог стать религиозный вопрос, в котором был крайне заинтересован св. престол. Не случайно 2 апреля 1915 г. супило извещал главу сербского кабинета Николу Пашича о своей беседе по религиозному вопросу с главой российской дипломатии сергеем дмитриевичем сазоновым. супило заявил о необходимости распространения на югославянских католиков сербского конкордата с ватиканом, вступившего в силу 20 марта, «предоставляющего столь долгожданное славянское богослужение и обеспечивающего им постепенное приближение к православию»[1067]. в ответ на это «сазонов презрительно махнул рукой и заметил, что конкордат, славянское богослужение и все эти комбинации не значат ничего, пока папа признается верховным главой церкви»[31]. таким образом, супило пытался оказать давление на российскую дипломатию с целью получения ее поддержки в деле югославянского объединения. При этом основой конфессионального аспекта предусматривались положения сербско-ватиканского конкордата 1914 г. и внедрение комплекса идей о прямом и косвенном расширении влияния св. престола на югославянском пространстве. во второй половине 1915 г. римская курия проявила особую заинтересо-

ванность в решении югославянского вопроса в нужном ей направлении. Члены югославянской политической эмиграции отмечали усиление ее вмешательства в данную проблему со всеми имеющимися в ее распоряжении средствами дипломатического и политического давления. ватикан взял курс на обеспечение привилегированного положения католической церкви в югославянском союзе, в каком бы виде он ни был осуществлен. весной и летом 1915 г. члены комитета активно работали и над вопросом определения будущего статуса хорватских территорий. 30 апреля в телеграмме сербского посланника в лондоне Матея Бошковича сообщалось, что ряд западных стран, прежде всего италия, не исключают возможности превращения хорватии в независимое государство, однако с их стороны не будет сопротивления объединению сербов и хорватов [1068]. 4 августа Бошкович извещал о заявлении супило, что сербия не должна уступать в вопросе о целостности хорватии и не должна соглашаться на российские планы отделения славонии или ее части от хорватии. в этом вопросе супило, по словам Бошковича,

[1066] aJ. Ф. 80. Zbirka Jovana Jovanovića Pižona. Фасц. 19. об этом см. подробно в статье ю. в. лобачевой в данной книге.

[1067] текст конкордата см.: Concordato stipulato tra la Santa Sede ed il Governo Serbo. Roma, 1918. P. 1–12. [31] aJ. Ф. 80. Zbirka Jovana Jovanovića Pižona. Фасц. 2.

[1068] там же.

выступал на стороне хорватии, поскольку та без далмации и, особенно, без славонии нежизнеспособна. супило высказал пожелание, чтобы сербия «так энергично в Петрограде не работала и не поддавалась на русский план разделения хорватии». также он заявил, что получил от боснийских католиков заявление о поддержке его работы, они уполномочивают его и далее работать от их имени. «для меня, – указывал Бошкович, – ясно, что супило и его единомышленники работают над тем, чтобы славония, далмация и часть Боснии были увязаны с судьбой хорватии»[1069].

двое самых влиятельных членов югославянского комитета, трумбич и супило, по праву могут считаться выразителями двух подходов к решению религиозного вопроса в процессе выработки путей объединения югославянских народов. трумбич еще с начала мировой войны настаивал на установлении прочных связей с римской курией, отстаивал необходимость совместной деятельности с римско-католическим клиром хорватии и далмации. супило же основное внимание уделял государственным деятелям, политикам и дипломатам. в своих многочисленных меморандумах он, среди прочего, рассуждал и о религиозном вопросе. Будучи антиклерикалом и экскоммуницированным католиком, супило тем не менее полагал, что католицизм является воплощением западной культуры и ее ценностей, в то время как православие представляет восточную цивилизацию и наследие византии. При этом он признавал, что югославянскому объединению противостоит довольно сильное движение, во главе которого стоят клерикалы хорватии [1070]. супило и трумбич, с одной стороны, требовали создания федеративного государства и обеспечения в нем религиозного равноправия, а с другой − выказывали очевидные опасения перед гегемонией православных в будущем государстве. в конце декабря 1914 г. трумбич заявил о том, что столицей нового государства, в которой могут быть сохранены все различия, должно стать сараево. Причина лежала в конфессиональной сфере: «сараево – смешанная территория всех трех главных вероисповеданий, так что там не будет единственного влияния, как если бы столица была в Белграде. Это много значит для внутреннего равновесия. а лучше всего то, что сараево ближе к далмации – наиболее развитой в культурном и интеллектуальном отношении территории, самой близкой к Западу и в наибольшей мере подверженной его влиянию»[35]. супило вторил ему, рассматривая Боснию и герцеговину на основе хорватс-

кого исторического и государственного права как территорию, принадлежащую хорватии[36]. оба они полагали, что план объединения, выдвинутый сербской стороной, является односторонним, предусматривает выгоды только для сербии и не может принести освобождение хорватскому народу. Напротив, он сулит хорватам «новое рабство», в котором «они окажутся покоренными сербскоправославным гегемонизмом» [1071]. еще определеннее высказался Поточняк – он выступил за объединение в будущем государстве двух церквей, полагая, что это требование

[1069] там же.

[1070] *Supilo F.* Politički spisi, članci, govori, pisma, memorandumi. Zagreb, 1970. S. 3−6.

[35] *Екмечић М.* стварање Југославије 1790−1918. Београд, 1989. т. 2. С. 367. [36] *Supilo F.* Op. cit. S. 58.

[1071] Ibidem.

-

исторически обоснованно и оправданно[1072]. в дальнейшем в позиции супило обозначились проявления радикального
клерикализма. его рассуждения о православном доминировании приобретали все более широкий размах, что и послужило причиной его расхождения во взглядах не только с сербским правительством, но даже и с югославянским комитетом, в первую очередь с трумбичем. в своих беседах с представителями западноевропейской политической элиты и в меморандумах, рассылаемых представителям многих политических течений, супило все чаще идентифицировал себя как «хорват, приморец и католик». в меморандуме британскому минист ру иностранных дел Эдуарду грею от 7 января 1915 г. он утверждал, что южные славяне представляют собой связующее звено между Западом и востоком, католицизмом и православием и требовал от великобритании поддержать их политические чаяния[1073]. в беседах с сазоновым и другими российскими политиками он настаивал на таком объединении хорватов и сербов, которое должно было обеспечить «перевес культурного миросозерцания хорватов над нынешними стремлениями сербов. супило подчеркнул при этом европейский оттенок цивилизации хорватов в противоположность культуре сербской»[1074]. когда же сазонов отверг предложение супило, последний обвинил россию в стремлении воссоздать на Балканах византийскую империю.

По поводу «болевых узлов хорватского вопроса» 5 июня 1916 г. супило высказался более чем откровенно: «сербское правительство с самого начала стало допускать серьезные ошибки и просчеты»: не согласилось с «веками существующим в истории хорватским правом − гарантированным присоединением далмации к хорватии». сербский кабинет выдвинул вопрос о «парцелляции славонии на католическую и православную, не рассматривает хорватию как равноправного партнера, а смотрит на нее как на компенсацию за жертвы сербии, которые та принесет уступками в Македонии − это и есть ошибки и просчеты относительно югославянской программы!». «Мы, – утверждал супило, − разменная монета для удовлетворения эгоистичных интересов, а нашу судьбу можно сравнить разве что с судьбой Польши. я уверен, что подавляющее большинство хорватов и словенцев сразу предпочтет даже мучительное австрийское рабство». далее он указывал, что необходимо вынудить сербское правительство поставить перед европой «хорватский вопрос», отказаться «от старых критериев одностороннего менталитета и перейти к прогрессу и эволюции». в практическом плане для сербии это означает согласие на присоединение к хорватии далмации и других югославянских территорий[1075]. они были перечислены в меморандуме супило от 20 декабря 1916 г. в британский Мид. там утверждалось, что истрия с островами, хорватия, славония, Меджумурье, далмация, Босния и герцеговина, а также все территории, населенные

[1072] *Крестић В.* из историје срба и српско-хрватских односа: студије, чланци, расправе и есеји. Београд, 1994. с. 45.
[1073] Ibid. S. 83−88.
[1074] МоЭи. т. VII. Ч. 1. М.; л., 1935. № 368. с. 479.
[1075] aJ. Ф. 80. Zbirka Jovana Jovanovića Pižona. Фасц. 21.

словенцами, являются хорватскими землями. данный меморандум Форин оффис отклонил.

20 марта 1916 г. на встрече с трумбичем и де джулли супило заявил о «невозможности и далее терять время и силы на мучения с сербами – членами комитета и с сербским правительством», поскольку «необходимо перед союзниками поставить хорватский вопрос», «объединиться всем хорватским (может, и словенским) членам комитета», «разорвать связи с сербией и югославянским комитетом», «основать хорватский комитет, который будет работать самостоятельно». трумбич отклонил эти предложения, считая, в случае основания отдельного, хорватского комитета, вполне вероятными начало войны с сербией и проигрыш всего хорватского дела[1076]. 5 июня 1916 г. супило в знак протеста вышел из югославянского комитета, оставаясь приверженцем идеи федеративного или конфедеративного устройства будущей югославии.

таким образом, в целом позиция супило относительно будущего югославянского государства претерпела трансформацию от тезиса «сербы, хорваты и словенцы – единый народ, принадлежащий к одной цивилизации» к мысли об их непреодолимых цивилизационных, культурных и религиозных отличиях и о необходимости отстаивания отдельного «хорватского вопроса» со всеми вытекающими особыми «территориальными и религиозными правами» хорватов. он был тесно связан с политической линией хорватского клерикализма, несмотря на все его заявления об антиклерикализме и своей экскоммуникации. Но в отличие от хорватских прелатов супило находился в более выигрышной позиции, поскольку являлся свободным политиком и не принадлежал ни к одной группе или партии, а значит, мог открыто высказывать свои идеи о сербском православии и разделении югославян на две цивилизационные сферы – восточную и западную. в отличие от него трумбич старался заручиться поддержкой политиков хорватии, словении, далмации и истрии, стоявших за югославянское объединение. тем не менее он разделял взгляды супило на традиции и культурные ценности «западных» и «восточных» югославянских народов. в начале 1916 г. трумбич признал необходимость объединения всех политических течений австро-венгрии, включая клерикальные, для обеспечения хорватских интересов в процессе создания югославии. если супило выступал как свободный политик, не ангажированный ни на какой стороне, то трумбич представлял политические структуры, в том числе и политическое католическое течение. таким образом, югославянский комитет (прежде всего его руководство) был связан и во многом отражал интересы хорватских католических политиков и проводил их идеи закрепления за хорватией территорий с сербским и смешанным характером населения и, по возможности, максимального уменьшения геополитической значимости сербии после войны. в этот период актуализировалась проблема применения права наций на самоопределение. страны антанты объявили его одной из своих военных целей, а входящие в состав австро-венгрии народы требовали его буквального применения на практике. свое слово сказал и ватикан − 28 июля 1915 г. последовала папская энциклика *«Allorche fummo»* с призывом к воюющим странам принять участие в

[1076] цит. по: *Perić I.* Hrvatska državotvorna misao u XIX i XX. stoljeću. Zagreb, 2002. S. 344.

дискуссии «о правах и оправданных ожиданиях народов». Бенедикт XV предложил пойти навстречу малым народам и таким образом открыть путь к окончанию войны. однако формула «о правах и оправданных ожиданиях народов» в понимании св. престола означала, что не все, а только избранные народы могут рассчитывать на применение принципа национальностей. для югославянских народов австро-венгрии это означало предоставление автономии в рамках империи, но их право на отделение и создание самостоятельного независимого государства св. престол отрицал. однако и предполагаемая автономия была бы ограниченной. обоснование тезиса о невозможности выделения хорватов и словенцев из границ Монархии в 1915–1916 гг. многократно появлялось на страницах «L'Osservatore Romano» с комментариями, что они как преданные католические народы не могут рассчитывать на полное удовлетворение своих национальных устремлений. в этот период ватикан проводил двойственную политику даже в отношении католических народов европы, разделяя их на две категории. с одной стороны, выделялись этносы, право которых на создание независимого государства в соот ветствии с энцикликой *«Allorche fummo»* признавалось «оправданным». Преданность этих народов ватикану обеспечивалась его политикой, проникающей во все слои населения; получив суверенитет, они должны были «защищать» границы европы от распространения православия. другой группе этносов предназначалось стать оплотом католицизма в многонациональных государственных образованиях, предоставляя незначительную уступку их национальным интересам в виде автономии. «L'Osservatore Romano» утверждал, что среди народов, национальные чаяния которых являются полностью оправданными, в первую очередь следует выделить бельгийцев и поляков[1077]. По мысли Бенедикта XV и гаспарри, ставшего в октябре 1914 г. государственным секретарем св. престола, с предоставлением польскому народу права на создание собственного независимого государства ватикан получал надежный антироссийский заслон, противостоящий распространению православия на Запад. летом 1916 г. гаспарри в разговоре с редактором парижской газеты «Journal» высказался за ликвидацию угнетения отдельных народов, отметив, что папа выказывает особую благосклонность к католическим народам. однако хорваты и словенцы не были им упомянуты среди народов, предназначенных папой для выделения в независимые государства[1078]. вслед за св. престолом хорватские католические круги приступили к подготовке проектов создания хорвато-словенского католического союза с перспективой выделения его в особую единицу в рамках габсбургской монархии в противовес сербским объединительным тенденциям. религиозный вопрос, понимаемый как возможность объединения народов на основе конфессионального критерия или обеспечения привилегированного положения католической церкви в случае общего югославянского объединения, стал неотъемлемой частью процесса создания югославянского государства. в банской хорватии, где была остановлена практически вся политическая активность, царили разброд и смятение. Марьянович тогда так характеризовал политическую обстановку: «хорваты делятся на три

[1077] *Živojinović D., Lučić D.* Op. cit. S. 99.
[1078] Ibidem.

лагеря: «великохорваты» («австрияки»), вокруг которых собрались криминальные и дегенеративные элементы, австрийские шпионы и частично духовенство. У них выходит газета «Narodni list» (тираж – 20 тыс. экземпляров), главная задача которого – поливание сербов грязью и запугивание собственного населения. второй лагерь – неимущая интеллигенция. Эти люди считают съезд в америке, организованный Поточняком, основой работы и отзываются о нем как о легендарном событии. У них выходят две газеты − «Zastava» и «Hrvatski svijet», успех работы которых зависит от хороших журналистов и систематической работы. Между этими двумя направлениями находятся «смутьяны», которые всех задирают…»[1079]возможность выразить свою политическую позицию оставалась лишь в саборе. областные саборы – истринский и далматинский – прекратили деятельность еще до войны. однако главный хорватский сабор – загребский, и венгерский сейм в Будапеште (в работе которого, в соответствии с соглашением 1868 г., принимали участие и хорватские депутаты), продолжали функционировать и во время войны. в этом была заслуга венгерского премьер-министра иштвана тисы, настоявшего на необходимости осуществления функций конституционными институтами, несмотря на то что ряд депутатов находились в армии, ссылке или эмиграции. в середине и второй половине 1915 г. некоторые депутаты хорватского сабора выступили с государственно-национальными проектами. так, 15 июня стиепан Загорац в программной политической речи потребовал создания хорватского королевства в рамках Монархии. депутат иван Першич 29 декабря того же года провозгласил альтернативный план объединения хорватии, славонии и далмации в рамках Монархии. Першича поддержал иван лоркович, рекомендуя хорватскому народу бороться за собственные, а не чужие интересы. старчевичевцы высказались за трансформацию австро-венгрии в федерацию пяти католических государств: австрии, венгрии, Чехии, Польши и хорватии со словенией, далмацией и Боснией и герцеговиной. сходное требование содержалось в проекте обращения хорватского сабора к новому императору карлу I (декабрь 1916 г.). в нем говорилось об объединении всех народов, проживающих на территории между дравой и дунаем, сочей и адриатикой. в проекте осуждалась система дуализма; в этой связи необходимо было достигнуть соглашения о статусе хорватского королевства в Монархии в целом[1080]. 21 декабря 1916 г. депутатфранковец стипе вучетич подверг критике хорватского бана и саборское большинство – хорватско-сербскую коалицию – за «попустительское отношение к интересам хорватского народа». следствием этого, по убеждению парламентария, стали «вериги венгерской политики», тогда как в рамках габсбургской монархии необходимо создавать королевство хорватия площадью 130 тыс. кв. километров с населением около 5 млн человек, объединяющее «все хорватские территории − хорватию, славонию, далмацию, Боснию и герцеговину, истрию и области планинских хорватов» [1081]. требования переустройства австро-венгрии в федеративное государство и создание государства словенцев, хорватов и сербов в ее границах под скипетром габсбургов поддерживали все клерикальные силы. Барац и рогуля поддерживали

[1079] aJ. Ф. 80. Zbirka Jovana Jovanovića Pižona. Фасц. 19.
[1080] *Živojinović D.* Op. cit. S. 163−164.
[1081] цит. по: *Perić I.* Op. cit. S. 349.

идею преобразования австро-венгрии в федерацию, в которой всем народам будут предоставлены равные права. среди этих народов должны быть сербы, хорваты и словенцы. При этом представители высшего католического клира хорватии, продолжая югославянскую традицию Йосипа Штросмайера, неоднократно подчеркивали, что истинное югославянское единство невозможно без единства религиозного[1082]. в марте 1915 г. епископ Махнич составил документ, известный как риекский меморандум. Поскольку объективные трудности не позволили собрать подписи церковных иерархов на хорватских территориях, в далмации и словении, то обращение подписал только сам Махнич. в этой связи документ также получил название Меморандума Махнича. он требовал от папы Бенедикта XV оказать поддержку хорватии на будущем европейском конгрессе, «чтобы она не подчинилась сербии». Понтифик при-

[1082] *Жутић Н.* краљевина србија, односно, краљевина Југославија и ватикан у архивској грађи (истраживање односа краљевине србије, краљевине Југославије и ватикана) // архивска грађа као извор за историју: Међународни научни скуп 15−16 мај 2000. год. Београд, 2001. С. 113.

нял хорватскую делегацию «очень любезно и обещал сделать все возможное для хорватского народа…» [1083] . в связи с усилением политической активности эмигрантских кругов католи-
ческие иерархи буквально бросили клич «в эмиграцию!». Большого успеха в этом направлении добился Барац [1084] . именно он осуществлял связь между представителями политических партий хорватии, членами югославянского комитета и сербским Прессбюро в женеве. кандидатура Бараца была выбрана, поскольку он в это время получал дополнительное образование в Швейцарии и как католический священник и ректор Загребского университета относительно легко мог получить от габсбургских властей разрешение на выезд. в конце августа 1915 г. Барац впервые прибыл в Швейцарию. в переговорах с хинковичем, тринайстичем и главой сербского Прессбюро Божидаром Марковичем он подчеркивал, что «партия права а. старчевича считает абсолютно необходимым рассчитаться с австро-венгрией и обратить симпатии к сербии». в доказательство он привел факт, что «Hrvat», орган старчевичевой Партии права, запрещенный габсбургскими властями, опубликовал несколько статей, симпатизирующих сербам. тогда же Барац выразил позицию хорватского католического духовенства: по его словам, «кроме нескольких иезуитов, которые сами не являются хорватами, все хорватское духовенство мыслит национально». он подчеркнул, что среди католического клира «особенно прогрессивно настроенные элементы создали между собою сеть и во взаимном согласии с помощью загребского приходского священника риттига они влияют на архиепископа в национальном направлении»[1085].

Затем на встрече с Марковичем в люцерне Барац выдвинул два требования, «важных для хорватского народа»: «коронация Петра карагеоргиевича в Загребе в качестве хорватского короля» и «увеличение значимости хорватского бана назначением его из числа членов королевской династии с титулом «прорекс» (то есть вице-король. − *А. Ф.*), который со всеми соответствующими прерогативами будет пребывать в Загребе». Маркович тогда ответил, что «сербии нет дела до формы объединения», «хорваты могут созвать свой хорватский сабор, сделать заявление относительно объединения и провести выбор короля, потребовать коронации карагеоргиевича хорватским королем, а вопрос о названии государства и конституции будет решать общая скупщина»[1086]. в вопросе о внутригосударственном устройстве Барац потребовал создания государства «с такими автономными правами, чтобы в нем были не только единый центральный парламент, но и самоуправление в сфере судопроизводства и администрации, а также областные саборы и областные правительства». Маркович, напротив, высказался за «широкую компетенцию центрального парламента с тем, чтобы у государства была широкая унитарная база»[1087]. Затем Барац высказал опасение в связи с положением католиков

[1083] цит. по: *Novak V.* Op. cit. S. 46. см. также: *Mandić A.* Fragmenti za historiju ujedinjenja: Povodom četrdesetgodišnjice osnivanja Jugoslovenskog odbora. Zagreb, 1956. S. 58.

[1084] *Krišto J.* Katoličko priklapanje... S. 32.

[1085] цит. по: *Zvonar I.* Prinos političkog djelovanja dr. Frana Barca // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 2002. № 2. S. 415.

[1086] Ibid. S. 416.

[1087] цит. по: Ibidem.

в новом государстве, но Маркович уверил его в равноправии положения католической и православной церквей в будущем государстве. из этой беседы Барац вынес убеждение, что «сербы в новом государстве не будут стремиться к доминированию», «все спорные вопросы будут решаться на основе договоренностей», а «государство будет устроено на федеративных принципах, и в нем будет уважаться хорватская традиция», соответственно, «сербия будет признавать хорватский суверенитет и право на самоопределение»[1088].

Эти переговоры Бараца в Швейцарии положили начало контактам югославянского комитета с хорватскими политиками. в ходе их выявилась позиция хорватских церковных и политических кругов, выступающих за объединение с сербией − они не намеревались отказываться от своих требований сохранения широкой хорватской автономии вплоть до реализации права на самоопределение (государственности). оставались в силе и геополитические проекты. так, Штадлера заботила судьба хорватского народа после окончания войны, однако более всего его интересовала судьба Боснии и герцеговины. в октябре 1915 г. он писал Бауэру: «Приближается время, когда все могут решить без нас. Но даст Бог, чтобы все хорватские земли вместе с Боснией и герцеговиной объединились под габсбургским жезлом. Но если это никак не возможно, то хотя бы Босния и герцеговина должны объединиться с основными хорватскими землями…»[1089]

После возвращения из Швейцарии в начале 1916 г. Барац провел несколько встреч с Матко лагиней, вьекославом спинчичем и другими хорватскими политиками, прежде всего «правашами». Барац отстаивал идею югославянского объединения в соответствии с формулами, выработанными им ранее на переговорах с членами югославянского комитета. Затем Барац приступил к пропаганде своих взглядов в Загребе и сплотил вокруг себя ряд единомышленников, которые и далее распространяли идеи эмигрантской оппозиции. объединение, которое они имели в виду, являлось объединением территорий хорватского, словенского и сербского народов в рамках габсбургской монархии[1090].

Зимой 1916 г. католические политики – янко Шимрак, велимир дежелич и другие приняли участие в совещании, организованном светозаром риттигом. целью обозначалась выработка направлений хорватской политики. в результате обсуждения был сделан прогноз о победе стран антанты и, соответственно, о поражении центральных держав. в случае реализации подобного сценария группа риттига решила поддержать декларируемую антантой идею освобождения малых народов и стать тем самым на сторону хорватско-сербской коалиции против франковцев и сторонников лидера хорватской народной крестьянской партии (хНкП) стиепана радича[1091].

Программная статья рогули «Накануне», опубликованная в середине 1916 г., стала настоящей бомбой на хорватском культурно-политическом пространстве, бомбой, разбившей хорватский клир по разные стороны баррикад. рогуля, во-первых, пропагандировал идеологию югославизма и свидетельствовал о готовности

[1088] цит. по: Ibidem.
[1089] цит. по: *Krišto J.* Katoličko priklapanje... S. 33.
[1090] *Zvonar I.* Op. cit. S. 417.
[1091] *Krišto J.* Katoličko priklapanje... S. 34.

части католической молодежи присоединиться к остальной ее части – приверженцам идеи югославянского единства. во-вторых, рогуля и его соратник Эккерт, осознавая глубокую пропасть, разделяющую католических хорватов и словенцев, с одной стороны, и православных сербов – с другой, придали новый смысл идее объединения югославянских народов в единое государство: «христианское соединение» [1092]. рогуля и его единомышленники определили свою позицию как «католических националистов» [1093]. однако подобное прочтение хорватских национальных интересов и новая
роль католицизма как носителя объединительных тенденций в хорватской национальной среде получили наиболее сильное сопротивление в периферийных областях с большой частью сербского православного населения – восточной славонии (осиек и джаково), а также в Боснии и герцеговине.

в конце 1916 − начале 1917 г. изменилась международная ситуация и внутренняя обстановка в австро-венгрии. среди славян Монархии усилились антивоенные настроения, вызванные усталостью от лишений военного времени и многочисленными потерями. в индустриальных центрах проходили спонтанные народные волнения, где, помимо прочих, выдвигалось требование решения национального вопроса. вмешательство германских военно-политических кругов во внутренние дела Монархии вызывало недовольство и отпор со стороны политических элит югославянских территорий и усиливало их тяготение к югославянскому объединению. Февральская революция в россии способствовала расширению либерально-демократических настроений в империи, а вступление в войну сШа на стороне антанты вызвало серьезное беспокойство за будущее Монархии. изменения в международной обстановке повлекли за собой формирование программы-максимум − активные действия римской курии и клерикальных югославянских кругов, направленные на сохранение Монархии, и программы-минимум, предполагавшей, по крайней мере, интегрирование в «линию победителей» и привнесение в нее собственных геополитических задач. в отличие от 1914−1915 гг., когда режим проводил политику суровых реп-
рессий, ограничивая личную и общественную активность, в последние два года войны Монархия постепенно ослабляла ограничения на участие в общественной деятельности. 2 июля 1917 г. император карл I амнистировал всех арестованных и осужденных по политическим мотивам. На исходе войны судьбу югославянской идеи решали три фактора: сербское правительство на корфу, югославянский комитет в лондоне и созданный в начале мая 1917 г. югославянский клуб австрийского рейхсрата в вене. в течение 1917 г. их позиция единой не была, хотя представители стран антанты допускали возможность заключения тайных соглашений между лондонским комитетом и югославянским клубом. комитет высказался первым за выделение «нашего народа» из Монархии и повернулся к сербии – лидеру единства и независимости югославян. 18 декабря 1916 г., перед коронацией нового императора короной св. иштвана, то есть королем венгрии и хорватии, югославянский комитет в своем манифесте отрекся от габсбургской династии, «в

[1092] Ibid. S. 33−34.

[1093] *Matijević Z.* Katolici i politika: spor između stranačkoga Hrvatskoga katoličkog pokreta i izvanstranačke Katoličke akcije (1912.–1929. godine) // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1997. № 3. S. 439.

действительности являющейся проводником интересов пангерманизма… служащего интересам германской экспансии на Балканах» [1094] . католический епископат не был готов к столь радикальным действиям. равно как и сабор королевства хорватии, славонии и далмации – 9 марта 1917 г. большинство его депутатов обратилось к императору с воззванием. в нем указывалось, что «этнически единый, родственный по крови и языку, демократическому фундаменту и устремлениям… весь наш народ без каких-либо различий в названии или религии в своей душе имеет пылкое стремление к объединению, которое силой национально-культурной общности охватывает все сердца нашего народа вплоть до побережья адриатического моря и Боснии и герцеговины… Здоровым государственным инстинктом наш народ чувствует, что его стремление включает в себя не только основы для свободного развития хорватского народа и королевства хорватии, но и основы для укрепления Монархии… хорватский народ и сегодня, провозглашая свое желание и право на объединение, руководствуется не только собственными нуждами, но и… стремлением согласовать их с интересами… всей Монархии»[1095]. Манифест был подготовлен хорватской партией права и стал предтечей Майской декларации югославянского парламентарного клуба[1096].

30 мая эта декларация от имени югославянских народов габсбургской империи была обнародована на заседании австрийского рейхсрата. в нем насчитывалось 37 югославянских депутатов, из них 23 словенца, 12 хорватов и 2 серба. в декларации указывалось: «Нижеподписавшиеся народные представители, объединившиеся в югославянском клубе, заявляют, что на основании принципа национальностей и хорватского государственного права они провозглашают стремление к объединению всех земель Монархии, населенных словенцами, хорватами и сербами в единое самостоятельное, свободное от господства любых иностранных народов и основанное на демократических принципах государственное образование под скипетром габсбургско-лотарингской династии…»[63] статус православной церкви и сербского народа при объединении католических народов в рамках австро-венгрии в Майской декларации не оговаривался, принцип равенства вероисповеданий не упоминался. важно отметить, что конституция Монархии и статьи заключенного в 1855 г. конкордата австрии с ватиканом определяли католическое вероисповедание как государственную религию Монархии и обеспечивали государственную поддержку и защиту только ей. Принятие сербов в качестве равноправных граждан в югославянское государственное объединение не означало введения равноправия католического и православного вероисповеданий. в целом Майская декларация оживила политическую деятельность клери-
кальных кругов на юге Монархии и способствовала их вовлечению в решение югославянского вопроса. в начале июля 1917 г. в Загребе состоялась конференция представителей католического клира, на которой со стороны хорватов присутствовали Бауэр и Махнич. Здесь прозвучали многочисленные заявления в поддержку Майской декларации. Программу югославянского клуба поддержало

[1094] *Šišić F.* Dokumenti o postanku kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca 1914−1919. Zagreb, 1920. S. 83−84.
[1095] Ibid. S. 85−86.
[1096] *Pleterski J.* Prvo opredeljenje slovenaca za Jugoslaviju. Beograd, 1976. S. 138. [63]
Jugoslavija... S. 84.

духовенство Задарской архиепископии и сплитской епископии. известный хорватский клерикальный деятель Фран Бинички заявил, что Майская декларация является калькой с меморандума Махнича 1915 г. Боснийский архиепископ Штадлер декларацию также поддерживал, но лишь до осени 1917 г., когда он противопоставил декларации свою программу «решения государственно-правового вопроса на юге Монархии в хорватском смысле, на основании хорватского государственного права, посредством неприкосновенного сохранения хорватской национальной и государственной индивидуальности» [1097] . круг сторонников Штадлера был малочисленным, он насчитывал ряд видных римско-католических священников Загребской архиепископии, включая влиятельного Йосипа ланга, заместителя шибеникского епископа. однако сам Бауэр и подавляющее большинство духовенства его епархии Штадлера не поддержали.

религиозный вопрос стал неотъемлемой частью дискуссий в процессе создания югославянского государства. различия в подходе к его решению проявились в ходе корфской конференции, в работе которой принимали участие представители сербского правительства и югославянского комитета. После длительных дискуссий конечный вариант корфской декларации (20 июля 1917 г.) содержал положения о равноправии православного, католического и мусульманского вероисповеданий и их тождественности перед государством, запрете религиозного прозелитизма, в какой бы то ни было форме, и акций, нарушающих религиозный мир[1098]. в конце июля 1917 г. после окончания межсоюзнической конференции в Па-

риже по балканским проблемам ватиканская пресса в слабо завуалированной форме призывала союзников не признавать корфскую декларацию в качестве программы объединения югославян. в начале августа «L'Osservatore Romano» опубликовал ряд критических статей о корфской декларации[1099]. словно действуя в соответствии с линией ватикана, в ходе следующей межсоюзнической конференции, состоявшейся в августе в лондоне, делегации сШа, Франции и великобритании проявили полную готовность обойти декларацию молчанием. глава же итальянской дипломатии барон сидней соннино подверг ее критике [1100] . единственным исключением в антигерманской коалиции стало временное правительство россии, поддержавшее осуществление «единства югославян на основе принципа самоопределения, справедливого признания взаимных прав и общности политико-экономических интересов»[1101].

Полученные от сербского правительства гарантии религиозного равноправия сделали возможным для католических политиков переход к рассмотрению возможности создания самостоятельного хорватского государства (на первом этапе в рамках югославянского союза, но по типу очень слабой федерации, фактически конфедерации) с закреплением за «хорватской государственной единицей» территорий со смешанным характером населения. в августе 1917 г. в Швейцарию вновь отправился Барац. Перед отъездом он совещался в Загребе с упомянутыми

[1097] *Šišić F.* Op. cit. S. 103–104.
[1098] Ibid. S. 96–99.
[1099] *Živojinović D.* Op. cit. S. 223–224.
[1100] *Šepić D.* Italija, Saveznici i jugoslavensko pitanje 1914–1918. Zagreb, 1970. S. 229–230.
[1101] *Janković D.* Jugoslovensko pitanje i Krfska deklaracija 1917. godine. Beograd, 1967. S. 381–382.

хорватскими депутатами и политиками – лагиней, спинчичем, лорковичем, Першичем, а также с анте Павеличем и другими (кроме радичевцев и франковцев). Затем он провел переговоры с председателем югославянского клуба рейхсрата анте корошецем. Участники загребских совещаний признали необходимым для хорватии составить с сербией и словенией единое государство, которое было бы «реальной унией». Но для этого следовало «обновить прежнее хорватское государство», которое будет существовать в общеюгославянском государственном союзе. При этом хорваты получили бы возможность «провести разграничение с сербией в соответствии с территориальным континуитетом народов на спорных территориях» [1102]. Барац представил свой проект югославянского объединения, который подразумевал объединение хорватов в их этнических границах, создание самостоятельного хорватского государства и заключение им унии с сербией и словенией. По его мнению, этот план удовлетворил бы национальные чаяния хорватов.

При обсуждении вариантов создания югославянского государства наибольшие затруднения вызвал именно вопрос о территориальном разграничении сербских и хорватских земель. Большинство присутствующих согласились с идеей провести границу таким образом, чтобы не нарушалась целостность народов, при этом части какой-либо национальности, проживающие вдали от основной массы своего народа, могли быть включены в границы другого народа. в любом случае сербско-хорватское территориальное размежевание не должно было нарушать «великий современный принцип самоопределения». Наибольшую тревогу у хорватских политиков вызывала возможность реставрации сербии, увеличения ее территорий, получения выхода к адриатике и включения в ее состав Боснии и герцеговины. тогда, по мнению Бараца, «возникает вопрос: а что же останется хорватам? Поэтому в сложившихся условиях Барац предложил хорватам не приступать пока к обсуждению вопроса о внутреннем устройстве государства»[70].

таким образом, вторично Барац отбыл в Швейцарию, уполномоченный широким кругом хорватских политиков, в основном старчевичевцев, с тем чтобы довести до сведения югославянского комитета и сербского правительства их концепции, и прежде всего тезис об основном стремлении сохранить хорватскую государственность в будущем югославянском союзе. в лозанне в ходе беседы с трумбичем Барац настаивал на своей идее, что «хорваты, принимая во внимание свое историческое государственное право, стремятся, по крайней мере в первое время, видеть в союзном государстве сохраненное хорватское государство»[71]. современный хорватский историк и. Звонар, вслед за М. Пауловой и Б. кризманом, отмечает, что трумбичу удалось повлиять на Бараца. в результате тот согласился заменить свою программу «обновления триединого королевства» на «законодательную и административную децентрализацию в объединенной югославии»[72]. обсудив тот же круг вопросов с Марковичем, Барац перешел в стан сторонников корфской декларации. теперь он был убежден в том, что при объединении югославянских народов никакие препятствия не помешают общенародной скупщине выработать такую форму государственного устройства, при которой хорватская автономия

[1102] цит. по: *Zvonar I.*

станет максимальной[73]. в третий раз Барац прибыл в Швейцарию в августе 1918 г. тогда трумбич обрисовал ему основные пункты разногласий между сербским правительством и югославянским комитетом по проблеме объединения югославянских народов. Барац заявил, что и в хорватии по этому вопросу имеются серьезные сомнения, в том числе в авторитете карагеоргиевичей. Барац также выразил Марковичу

словенцы. их роднят происхождение, обычаи, взаимное сотрудничество в прошлом, общие политические и социальные устремления… католики, хорваты и словенцы, как и православные сербы, уверены в том, что только византийской политикой вызван раскол, помешавший более раннему объединению и получению независимости единым народом… если бы католики, только потому, что они католики, сопротивлялись народному объединению, они вызвали бы к себе жесточайшую ненависть целого народа. к каким роковым последствиям это привело бы католицизм, нетрудно представить, тем более в народе, в котором вера высоко чтится не только как религия, но и как народная твердыня, о которую в течение прошлых столетий разбивались вражеские вторжения… разъединенные братья должны видеть, что католицизм не является препятствием народной свободе, патриотическому сознанию, общим идеалам… именно католики… в первую очередь отстаивают великую народную цель. из-за любви к Богу и к церкви среди католиков развилась такая пламенная любовь к отечеству… Наши католики благодаря светоносному патриотизму на Балканах могут стать путеводной звездой для своих разъединенных братьев в религиозном вопросе. да, католики нашего народа уверены в том, что народная государственная независимость и объединение хорватов, сербов и словенцев не только не принесет вред католической церкви, но, напротив, принесет ей неоценимую выгоду. католицизм наших земель, которые находятся сейчас в составе габсбургской монархии, не потерпит никакого ущерба, если наш народ уйдет из Монархии и в союзе с сербией и Черногорией создаст свое независимое государство… австро-венгрия только по названию является католической, из-за католической династии, но общественные институты двух частей этого государства давно утратили свой истинный католической облик… католическая церковь практически полностью потеряла прерогативы государственного вероисповедания… в Боснии и герцеговине церковь ни до, ни после оккупации не приобрела доминирующего положения… важно, чтобы для католического населения объединение не стало новым злом. Более того, из югославянского народного союза и единства церковь должна извлечь особую выгоду – свободное и независимое государство хорватов, сербов и словенцев могло бы принести неоспоримую пользу для будущего развития католицизма среди славянских народов, это государство могло бы стать… главным форпостом для нового усилия по переводу народов восточной церкви под крыло святой матери католической церкви. Прежде всего, абсолютно необходимо, чтобы разъединенные, так называемые православные жители (это сербы) не могли бы в религиозном плане влиять на католический элемент нового государства (на хорватов и словенцев). Но они и не могут этого просто потому, что в сравнении с католицизмом в любом культурном аспекте стоят на более низкой ступени развития… Невозможно и представить, чтобы отсталые, взращенные на восточной культуре сербы могли культурно повлиять на просвещенных западной культурой хорватов и словенцев. тем более что сербы глубоко отстали и в религиозном образовании. их духовенство, школы и семинарии не могут даже сравниться с работой нашего католического духовенства... они сами чувствуют, что не способны к религиозной пропаганде вне рамок своего народа, «православного» и разъединенного, только унаследованное от отцов имя стало спасением их сербской индивидуальности. русский Священный

синод бывшего царского правительства хорошо это знал, поэтому посредством своей дипломатии любыми средствами сопротивлялся объединению сербов с хорватами и словенцами. «Полатинят они вас», − говорили они. Может быть, они это хорошо предчувствовали! в остальном история нескольких веков свидетельствует, что переход хорватов (словенцы не находятся с ними в непосредственном контакте) в «православие» очень редок, и то он происходит единично, из эгоистичных причин. среди хорватов живут примерно треть сербов, часто в компактных массах, и никогда не было слышно, чтобы какое-нибудь село или хотя бы семья перешла в «православие»… хорват слишком хорошо образован и слишком горд. хорватов и словенцев укрепляет их католическое сознание... Поэтому естественно, чтобы хорваты и словенцы как составная часть будущего государства потребовали предоставления всех возможных гарантий для своих религиозных святынь. сербы их и дадут. доказательство тому – конкордат, который нынешнее королевское сербское правительство прямо перед войной подписало со св. престолом, и корфская декларация, которую подписали председатель министров Никола Пашич (ее официально одобрил и наследник престола александр) и председатель югославянского комитета. На основе этих принципов католики могут по своей воле устроить свою религиозную жизнь. Будь то на основе прежнего конкордата королевства сербия или на основе настоящего конкордата габсбургской монархии или на какой-либо иной основе, св. престол может и далее с представителями нового государства католической веры создать такие условия, чтобы они наилучшим образом отвечали интересам церкви и народа… гарантией, что этот новый – имею в виду конкордат – сохранится, станет сам католический народ и его духовенство: поскольку в нашем новом государстве, основанном на демократических христианских принципах, право голоса принадлежит народу, и всему народу, но ни в коем случае какой-нибудь клике или камарилье какого-либо народа… Это будет не православное королевство сербия, но новое государство хорватов, сербов и словенцев. в этом новом государстве самые насущные вопросы будет решать не абсолютное большинство одного народа, например сербов, но, как говорится в упомянутой корфской декларации, «квалифицированное большинство», т.е. большинство всех трех народов. Наконец, в новом государстве едва ли сербы, поскольку они православные, могли бы составить большинство, хотя и численно они едва ли превосходят хорватов и словенцев. Поэтому опасения за католицизм хорватов и словенцев излишни, поскольку в религиозном отношении сербская интеллигенция насквозь индифферентна. сейчас в новом государстве православия не нужно опасаться; население вместе со своей странной верой скоро потеряет и свою национальную характеристику «сербство»: никто из живущих ныне не может и представить себе, что хорваты и словенцы обратятся в новую веру. Напротив, только ради сербов в нашем новом единственно народном государстве для католицизма открываются широкие врата и необозримые перспективы… с ликвидацией русского царизма и пробуждением демократии в славянском мире исчезли главные препятствия для пропаганды католической веры среди славян… гарантированному государством «свободному и явному» католическому образованию и католическому духовенству открыт путь для того, чтобы… перейти к апостольской деятельности там, где начали славянские апостолы кирилл и

Мефодий. сербский народ, представитель добродушного славянского типа, открыт к обучению и истине, прекрасной и благородной… государство, к которому стремятся хорваты, сербы и словенцы, – это мост католической веры на целые Балканы, а через них – на славянский север и дальний восток… Не зря практически весь западный мир признал за нашим народом право называться *«Antimurale Christianitatis»*... мы не требуем ничего чужого, не требуем насилия ни над кем…» [1103] . в целом меморандум Бараца показывает, что идея создания югославянского государства и ее поддержка католической иерархией в конце Первой мировой войны связывалась с продолжением католического прозелитизма и с политическими планами по изменению религиозной и национальной идентификации сербского населения и присоединению к хорватии ряда югославянских территорий. в конце 1917 г. подавляющая часть высшей хорватской иерархии встала на сторону объединительного движения − Бауэр, Махнич, рогуля и др. именно те, кто присоединился к югославизму, и вышли в итоге победителями. «югославянствующие» клерикалы опирались на «Dnevnik» – газету Бауэра. Махнич в своей «Novine» опубликовал серию статей, отстаивая идею славянской взаимности и называя ее противоядием от германского империализма. При этом он выражал идею, что православие «ранимее» католицизма и уязвимее перед протестантским рационализмом. католические хорваты и словенцы, по его мнению, должны прийти на помощь православным сербам и защитить их от губительного протестантизма, но защитить их возможно лишь в том случае, «если сербы сами сблизятся с католиками», а католики, в свою очередь, «смогут привлечь сербов своей горячей любовью». Махнич не сомневался, что эта миссия вручена католическим хорватам и словенцам самим Провидением[1104].

Новые политические воззрения Махнича обусловливались выработкой хорватскими «умеренными клерикалами-националистами» новой политической программы и переходом под их знамена большей части молодежи, выпестованной самим Махничем – вождем хкд. в результате епископ оказался создателем и проповедником идеологии «католического югославизма», в которой забота о церковном единстве сочеталась с идеей «югославянского миссионерства» католических хорватов и словенцев. дальнейшая история югославии показала, что доктрина Махнича об «особой миссии католического движения на югославянском пространстве» получила вполне успешную реализацию. идеология Махнича знаменует собой переход на принципиально новый уровень от простого использования франковцами и более или менее (скорее менее) удачной «маскировки» ими религиозными формулами сугубо политических конструкций. Махнич соединил и развил все три главные цели различных представителей хорватской национальной элиты. во-первых, он расширил тезис Штадлера об увеличении хорватских и словенских территорий идеей ассимиляции сербов католицизмом. тем самым была бы радикально решена проблема определения этнического характера территории южных Балкан. во-вторых, Махнич значительно обогатил идеологию римско-католического прозелитизма югославянской идеей. в-

[1103] Memorandum F. Baraca 7. oktobra 1917 // *Živojinović D., Lučić D.* Op. cit. S. 185−188.
[1104] цит. по: *Krišto J.* Katoličko priklapanje... S. 41.

третьих, он продемонстрировал способность католической церкви к гибкому реагированию и, удовлетворяя тем самым требования проюгославянски настроенных хорватских «националистов» и молодежных кругов, создал единую идеологическую конструкцию, ускоряя соединение католических активистов с националистически ориентированной молодежью. таким образом, в решающем 1918 г. хорватские прелаты подключились к
происходящим событиям и закрепили клерикальный компонент в качестве фундамента югославии. При этом они использовали разнообразные методы политической борьбы: проведение съездов, конференций и совещаний всех католических партий и групп с выработкой резолюций, обязательных для исполнения всем католическим клиром и верующими; развертывание пропагандистских кампаний; участие в демократических органах власти и формулирование собственных проектов внутреннего устройства государства югославян. При этом активность и специфическая поддержка югославизма высшими хорватскими церковными иерархами фактически закрыли молодым католикам доступ в политические круги «творцов реальной политики»; влияние на нее, как подчеркивает кришто, «могли оказывать только представители высшего клира»[1105].

Наряду с клерикалами активизировались и политические деятели. 3 марта 1918 г. в Загребе состоялось совещание хорватских, сербских и словенских политиков. оно по инициативе старчевичевой Партии права (во главе с Миле старчевичем) приняло резолюцию о создании основанного на демократических началах (принципах корфской декларации) государства словенцев, хорватов и сербов. в мае 1918 г. судьба австро-венгрии была предрешена. конгресс порабощенных народов в риме привел правительства сШа и великобритании к пересмотру их прежней позиции в отношении империи габсбургов[1106]. в начале мая вильсон заявил о поддержке национальных движений в Монархии. Через несколько дней и великобритания заявила об оказании полной поддержки порабощенным народам габсбургской монархии в их борьбе против австро-венгерской власти. в конце месяца стало очевидным, что попытки союзников, сШа и ватикана склонить вену к заключению сепаратного мира потерпели поражение. Надежды римской курии на сохранение габсбургской империи не оправдались. в далмации тем временем происходила концентрация политических сил. 2 июля 1918 г. в сплите прошел всеобщий съезд политических лидеров и депутатов парламента. он решил прекратить существование всех довоенных политических партий и основать вместо них Народную организацию с центральным комитетом из 16 человек. они принимали на себя руководство политическим движением в далмации с задачей подготовить участие его представителей в работе будущего Народного веча. итоговая резолюция съезда подчеркивала, что словенцы, хорваты и сербы австро-венгрии имеют «неотъемлемую обязанность» посредством права на самоопределение создать «собственное единое независимое государство»[1107]. На следующем совещании 14

[1105] *Krišto J.* Katoličko priklapanje… S. 35.
[1106] об этом см. подробно в статье л. Швеца в третьем томе данной книги.
[1107] цит. по: *Perić I.* Op. cit. S. 352.

июля в сушаке была основана Народная организация словенцев, хорватов и сербов с компетенцией на территории хорватского Приморья и истрии. в процессе концентрации политических сил приняли участие четыре партии банской хорватии – «праваши», хНкП, сербская народная радикальная партия и социал-демократы. 24 сентября они объявили об объединении с далматинской Народной организацией и словенским Народным советом. Представители этого

политического объединения основали 5 октября в Загребе Народное вече словен цев, хорватов и сербов. оно стало «политическим представителем всех словенцев, хорватов и сербов, проживающих в хорватии-славонии с риекой, в далмации, Боснии и герцеговине, истрии, триесте, крайне, горице, Штирии, каринтии, Бачке, Банате, Баранье, Меджумурье и остальных краях юго-Западной венгрии». вечу предназначалось реализовать «объединение всех словенцев, хорватов и сербов в народное, свободное и независимое государство… основанное на демократических принципах». Председателем веча стал корошец, его заместителями анте Павелич и светозар Прибичевич, секретарями Мате дринкович, иван лоркович и срджан Будисавлевич. священники станко Банич, Фердо рожич, Фран Барац, светозар риттиг, любомир галич, керубин Шегвич вошли в состав веча, а дидак Бунтич и янко Шимрак оказались в его центральном комитете.

8 октября к вечу присоединилась хорватско-сербская коалиция. Пленум Народного веча схс состоял из 80 человек (28 из банской хорватии и риеки, 7 из далмации, 3 из истрии, 14 из словенских земель, 18 из Боснии и герцеговины, 10 из Бараньи, Бачки и Баната). в заседаниях Пленума, кроме корошеца и Шимрака, принимали участие риттиг, Банич, галич и Бунтич. Позднее к ним присоединился Барац. центральный комитет насчитывал 30 человек. Президиум цк одновременно являлся Президиумом Народного веча схс. итак, католические круги поддержали проект создания югославянского госу-

дарства и приняли участие в его реализации. Представители клира, перешедшие на сторону югославянского движения, в качестве опоры отказывались от австрии и венгрии, равно как и от плана анте старчевича обретения независимости без помощи какого бы то ни было внешнего фактора. они делали ставку на сербию при осуществлении задач объединения хорватских земель и обретения ими полного суверенитета[1108]. активизировались и франковцы. На всем протяжении войны они оставались на

антиюгославянской, антисербской и антиправославной позиции, которая усилилась после принятия Майской декларации. во второй половине 1918 г. на заседании хорватского сабора бан антун Михалович представил документы, разоблачающие деятельность франковцев как австрийских агентов. в документах указывалось, что сам Франк еще при жизни, а также александр хорват, возглавивший партию после его смерти, и владимир сачс являлись не только агентами австрийских военных властей. выяснилось, что они готовили заговор против сабора и хорватского народа, предлагая генштабу и венскому двору распустить сабор и ввести власть австрийского военного командования. свое стремление лидеры франковцев мотивировали тем, что вся хорватия якобы наводнена государственными изменниками, работающими над разрушением габсбургской монархии. к окончанию войны лояльность вене (но не Будапешту!) проявляла лишь эта партия, которая, по собственному признанию ее лидеров, являлась «маленьким островком в море изменников». 14 октября 1918 г. от имени фракции франковцев в саборе депутат

[1108] *Krišto J.* Katoličko priklapanje... S. 44.

владимир Пребег потребовал «отмены венгерско-хорватского соглашения 1868 г. и объединения всех хорватских земель в единое самостоятельное государство»[1109].

16 октября император издал манифест «Моим преданным народам Монар хии», в котором провозглашал трансформацию цислейтании в федеративное государство – это была последняя судорожная попытка спасти империю. хорватов, в том числе и франковцев, подобная мера не могла удовлетворить, поскольку император не предполагал «нарушать целостность венгерского государства»[1110]. в ответ 19 октября Народное вече словенцев, хорватов и сербов обратилось к народу с декларацией. в ней вече отвергло основные положения монаршего манифеста и объявило о принятии на себя функций руководства народной политикой. Было выдвинуло требование объединения народа словенцев, хорватов и сербов на всем его этнографическом пространстве в единое суверенное государство на основе принципов политической и экономической демократии[1111]. католические прелаты и представители клерикальных хорватских кругов заявили о своей поддержке Народного веча и его политики. На собрании преподавателей архиепископского лицея в Загребе 20 октября присутствующие одобрили создание веча и выразили надежду на то, что его работа принесет словенцам, хорватам и сербам полную свободу, самостоятельность и объединение[1112]. 22 октября в Загребе прошли манифестации массовой поддержки Народному вечу.

Представитель депутатов от «чистой» Партии права тоже заявил о поддержке франковцами перехода государственной власти в руки Народного веча. Но они не оставляли своих попыток спасти Монархию и имели свое видение решения вопроса, который считали хорватским, но не югославянским, в отличие от руководителей Народного веча. разъясняя суть своих разногласий со сторонниками югославянского подхода, франковцы заявляли в те судьбоносные дни: «Мы… хотим и требуем, чтобы все *хорватские* земли – банская хорватия, далмация, Босния и герцеговина, истрия, словенские земли, вместе с возвращенными риекой и Меджумурьем − были объединены в единый государственный организм – *государство Хорватия.* они, югославяне, хотят, чтобы все *югославянские* земли, или земли, в которых живет «народ словенцев, сербов и хорватов»… были объединены в единое государство, в *Югославию.* Мы стоим на основе старого хорватского государственного права и народного самоопределения, они, югославяне, на основе только народного самоопределения». Франковцы ставили вопрос и иначе: они выступали за «малую» югославию, объединявшую хорватские и словенские земли на юге Монархии. в то же время их противники ратовали за создание «великой югославии», желая видеть в этом объединении, в соответствии с корфской декларацией, также и сербию с Черногорией[1113].

[1109] *Matijević Z.* Stranka prava (frankovci) u doba vladavine Narodnoga vijeća Slovenaca, Hrvata i Srba (listopad – prosinac 1918.) // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 2008. № 3. S. 1107–1108.

[1110] цит. по: *Krišto J.* Katoličko priklapanje... S. 43.

[1111] *Šišić F.* Op. cit. S. 179−180.

[1112] *Матиевић З.* католичка црква у хрватској и државно уједињење јужнословенских народа 1918. године // србија 1918. године и стварање југословенске државе. Београд, 1989. књ. 7. с. 234.

[1113] *Matijević Z.* Stranka prava… S. 1108–1109.

Помимо дискуссий в саборе и принятия принципиального решения о денонсации венгерско-хорватского соглашения, франковцы решили известить непосредственно императора карла о своем видении проблемы. По рекомендации венгерского премьера Шандора векерле 21 октября, то есть всего за восемь дней до окончательного разрыва с дуалистической империей, их посланцы александр хорват, иво Франк и Йосип Пазман предстали на аудиенции в Бад-ишле, где встретили полное понимание со стороны монарха. карл воспринял предложенный франковцами план решения югославянского вопроса и преобразования Монар хии на основе триализма. однако император отметил затруднительность своего положения – присягнув на венгерской конституции, он не имел права проводить в транслейтании никаких реформ без согласия будапештского правительства. только освобождение его венграми от королевской присяги могло создать юридические основания для нарушения территориальной целостности земель короны св. иштвана. именно в этом смысле карл и уполномочил действовать франковцев, которые на следующий день, 22 октября, поспешили в Будапешт, где тоже достигли видимого успеха. как впоследствии утверждал хорват, якобы «венгерский кабинет освободил императора карла как венгерского короля от его королевской присяги и разрешил ему провозгласить отделение хорватии и славонии от венгрии и объединение всех хорватских земель на юге Монархии в отдельное хорватское государство». Более того, тиса, который тогда формально уже не имел никакого официального статуса, но фактически по-прежнему оставался самым влиятельным венгерским политиком, даже заявил франковцам: «я убедился в том, что мы совершили большую ошибку в отношении хорватии»[1114].

Но этот успех сторонников «чистой» Партии права оказался мнимым, хотя ее сторонники, группировавшиеся вокруг Штадлера и Шарича в Боснии и герцеговине, а также около сплитской газеты «Dan», вплоть до последнего момента продолжали отстаивать политические цели, определенные Майской декларацией. даже в ноябре 1918 г. «Vrhbosna» призывала католическое духовенство и всех верующих сплотиться в единую дисциплинированную и мощную фалангу для обороны святой веры. однако голоса протеста против югославянского объединения утонули в общем хоре радостных эмоций по поводу ликвидации австровенгерской монархии и ожидания светлого будущего в новом едином государстве. спустя всего несколько дней франковцы капитулировали и вместе с городской администрацией Загреба присоединились к Народному вечу, что вызвало горячее одобрение архиепископа Бауэра. а 29 октября на историческом заседании сабора Пребег от имени своей фракции выступил с новым знаменательным заявлением. Поскольку, по его словам, «чистая» Партия права выполнила свою программу по вопросам разрыва с венгрией и объединения всех хорватских земель в единое самостоятельное независимое государство, то она может быть распущена[1115]. хотя, как показал дальнейший ход событий, официальная декларация о прекращении деятельности партии еще не означала ее ликвидации.

[1114] Ibid. S. 1110.

[1115] *Šišić F.* Op. cit. S. 203–204.

28 октября австро-венгрия обратилась к противникам с просьбой о заключении мира и признала право народов, населяющих ее, беспрепятственно решать свою судьбу. По предложению президиума хорватского сабора 29 октября было созвано срочное, 256-е по счету, заседание хорватского парламента последнего созыва. в приветственной речи председатель сабора Богдан Медакович определил задачу настоящего заседания – «решительно, но мирно» ликвидировать существующие государственно-правовые отношения и оформить переход хорватского народа в «новое независимое государство, которому не требуется ни наставник, ни покровитель»[1116]. По предложению депутатского большинства сабор ликвидировал все прежние государственно-правовые отношения и связи коро левства хорватии, славонии и далмации, с одной стороны, и королевства венгрии и империи австрии – с другой, аннулировал хорватско-венгерское соглашение 1868 г. со всеми поправками и дополнениями к нему. объявлялось, что «с настоящего времени далмация, хорватия и славония не имеют с королевством венгрией ни правовых, ни иных совместных государственных дел». далмация, хорватия и славония с риекой провозглашались «в отношении венгрии и австрии на основании современного права национальностей и на основании народного единства словенцев, хорватов и сербов независимым государством», приступающим к созданию «объединенного народного суверенного государства словенцев, хорватов и сербов на совокупном этническом пространстве этого народа без учета каких бы то ни было территориальных и государственных границ, в которых народ словенцев, хорватов и сербов сегодня проживает»[1117]. сабор признал Народное вече словенцев, хорватов и сербов верховной властью. Присутствовавший бан Михалович выразил согласие с только что принятыми решениями сабора и всю совокупность своей власти передал в распоряжение веча. Эти решения сабора имеют судьбоносное историческое значение: с этого момента прекратили существование государственно-правовые отношения между хорватией и венгрией, установленные в 1102 г., и государственно-правовые отношения между хорватией и австрией, ведущие отсчет с 1527 г. таким образом, была закрыта венгерско-австрийская страница в истории хорватского народа.

29 октября 1918 г. на югославянских территориях бывшей австро-венгерской империи было создано государство словенцев, хорватов и сербов, в состав которого вошли югославянские территории Монархии.

Наконец и ватикан вынужден был признать очевидное − после подписания перемирия в Падуе 3 ноября наступил поворот в отношении св. престола к созданию югославянского государства. 8 ноября Бенедикт XV извещал своего государственного секретаря о будущей политике применительно к новым государствам: «Мы предоставили наши инструкции нашему нунцию в вене об установлении благожелательных отношений с народами австро-венгерской империи, которые скоро станут независимыми... церковь без затруднений принимает легитимные изменения, политические и территориальные, произошедшие в жизни

[1116] цит. по: *Perić I.* Op. cit. S. 354.
[1117] цит. по: Ibid. S. 355.

народов». Письмо папы определило политическую позицию католического епископата накануне конференции в Загребе, состоявшейся 27–29 ноября 1918 г. она выразила поддержку созданию югославянского государства. римская курия в очередной раз проявила гибкость, стремясь сохранить свое влияние в новых геополитических условиях. Большая часть католического епископата и влиятельного клира, прежде всего Бауэр и Махнич, после обращения папы недвусмысленно высказались в поддержку югославянского объединения[1118].

в период с 29 октября по 1 декабря Народное вече схс боролось с сепаратистскими течениями, препятствующими югославянскому объединению. особое упорство в антиюгославянских выпадах проявили иезуиты. они вызвали на себя столь резкую критику либеральных депутатов веча, что оно решило изгнать иезуитов с территории государства схс[1119]. однако это решение так и не вступи ло в силу из-за вмешательства Бауэра и других видных клерикалов. 6 ноября иезуиты также поспешили подать свой голос за югославянское государство[94].

в своем обращении к духовенству загребского диоцеза от 19 ноября Бауэр подтвердил принадлежность всей полноты власти Народному вечу. архиепископ предупредил духовенство о необходимости провести мирно и праведно объединение в свободное государство словенцев, хорватов и сербов; главная задача – югославянское объединение и свобода[1120]. истинный смысл обращения Бауэра оценил Бенедикт XV. в послании загребскому архиепископу и всему югославянскому епископату папа выразил радость по поводу стремления прелатов достигнуть возвращения разъединенных церквей в центр апостольского единства и надежду на то, что весь клир этих епархий вместе с паствой во всем и всегда будет следовать своим епископам[1121].

20 ноября «Vrhbosna» опубликовала обращение Штадлера (произнесенное им 12 ноября) к католическому духовенству и своей пастве. Боснийский архиепископ приветствовал окончание войны и призвал священников поддержать загребское Народное вече. также он призвал бороться за обеспечение особого положения католической церкви в новом государстве: «Наша святая церковь должна получить полную свободу». кроме того, Штадлер не отказался от унионистской пропаганды, добавив, что «нужно молиться за единство церквей»[1122].

Параллельно развивалась экспансионистская акция италии. в конце 1918 г. римская курия начала сотрудничество с итальянскими оккупационными войсками. они не рассматривали далмацию с островами как часть югославянского государства, поэтому св. престол поддержал предложение о присоединении их к италии. осуществляя свои геополитические задачи на адриатике, итальянское правительство с помощью ватикана стремилось действовать независимо от союзников, несмотря на многочисленные дипломатические, политические и военные конфликты. После

[1118] *Žutić N.* Kraljevina Jugoslavija i Vatikan: Odnos jugoslovenske države i Rimske crkve 1918−1935. Beograd, 1994. S. 16.

[1119] *Матиевић З.* Указ. соч. С. 236; *Симић С.* ватикан против Југославије. титоград, 1958. С. 15−16. [94] *Krišto J.* Katoličko priklapanje... S. 43.

[1120] *Матиевић З.* Указ. соч. С. 238.

[1121] *Živojinović D., Lučić D.* Op. cit. S. 277−278.

[1122] асаНУ. Заоштавштина в. Новака. Бр. 14474. л. 70−73.

подписания перемирия с австро-венгрией итальянская армия, реализуя лондонский договор 1915 г., заняла словенские и хорватские территории: триест, горицу, часть крайны, истрию, риеку, кварнерские острова, Задар, далматинские острова (за исключением Шолта и Брача), а затем приступила к оккупации северной и средней далмации. На занятых территориях итальянцы запретили политическую деятельность местных органов Народного веча, ввели политическую цензуру прессы и переписки. итальянские священники выступали с антиюгославянской пропагандой. из хорватских территорий, занятых итальянцами, началось бегство насе-

ления. лидеры хкд стали первыми жертвами итальянских властей. Помимо Махнича, были изгнаны из своих диоцезов епископы котора (Франческо Уччелини-тице), дубровника (Йосип Марчелич), Шибеника (лука Папафава), сплита (юрай царич), сеня (Йосип Марушич) и триеста (андрей карлин). Политическая деятельность католического духовенства в оккупированной зоне приостановилась. клир раскололся на тех, кто поддержал итальянскую политику (задарский архиепископ вицко Пулишич), и тех, кто оказывал ей откры тое сопротивление (Махнич). в конце ноября 1918 г. истринские священники в посланиях к высшим церковным иерархам указывали на распоряжения итальянских военных властей «о проведении богослужений на итальянском языке и вообще о запрете хорватского языка» вплоть до «запрета носить хорватскую одежду» (на что хорватское духовенство отвечало: «тогда мы наденем сербскую, но итальянскую – никогда»). Представители клира также сообщали о грабежах, реквизициях и притеснениях славянского населения[1123].

тем временем из Баната, Бачки, Боснии и герцеговины и далмации – частей государства схс − все настойчивее поступали требования об ускорении объединения с сербией, в противном случае об их самостоятельном соединении с ней. ситуация в государстве схс осложнялась внутренними обстоятельствами: нарастали крестьянские и революционные бунты. в хорватии и среме в конце войны сформировалась настоящая «зеленая армия» из дезертиров, бежавших с фронта с оружием в руках и обосновавшихся в лесах, откуда удобно было совершать вылазки на помещиков и богатых торговцев. к концу войны насчитывалось около 50 тыс. таких вооруженных «лесовиков» [1124] . власти новообразованного государства показали полную неспособность пресечь разгул стихии беспорядков [1125] . центральный комитет Народного веча, дабы не оказаться вместе с «права-

шами» снесенным на обочину исторического пути, ясно определенного волей югославянских народов, был вынужден заседать 23 и 24 ноября в отсутствие корошеца. дебаты завершились принятием двух судьбоносных решений: провозглашено объединение государства схс с королевствами сербия и Черногория и избран особый комитет из 28 человек. в него вошли корошец, Прибичевич, Павелич, лоркович, радич, смодлака, трумбич, дринкович и др. клерикалов было трое − корошец, Шимрак и Барац. комитету предстояло вместе с представителями

[1123] Hrvatski državni arhiv. F. 79. Zemaljska vlada. Odjel za unutrašnje poslove. Odsjek za Istru 1918−1921. Kut. 1.
[1124] *Božić I., Čirković S., Ekmečić M.* Istorija Jugoslavije. Beograd, 1972. S. 400.
[1125] см. подробно: *Чулинович Ф.* отклики октября в югославянских землях. М., 1967. с. 53–82.

сербии и Черногории провести объединение и сформировать единое государство. На улицах Загреба возникли стихийные народные демонстрации, скандировавшие приветственные лозунги в честь династии карагеоргиевичей, короля Петра и регента александра, в поддержку монархии, вплоть до угроз физической расправы с теми, кто выступал за республику.

ключевые решения о позиции католического духовенства в югославянском государстве были приняты 27−29 ноября на загребской конференции югославянских католических прелатов. там присутствовали царич, Шарич, ланг, Уччелини-тице со своим заместителем каноником антуном Милошевичем, епископы любляны (антон еглич), Баня-луки (Йосип гарич), епископ и загребский викарий доминик Премуш, заместитель мостарско-дуваньского епископа, епископский консисторий ерко Борас и заместитель капитулярного джаковского викария, каноник антун акшамович. от имени всего югославянского епископата государства схс прелаты обратились с приветствием к папе. выражая свою полную лояльность св. престолу, они подтвердили стремление хорватского католического клира действовать на основе единой политической платформы.

в пяти резолюциях конференции прелаты объявили свою политическую волю: поддержать объединение всех словенцев, хорватов и сербов в едином независимом государстве и признать Народное вече как верховную временную власть. в третьей резолюции указывалось: «епископат выражает надежду на то, что в югославянском государстве будут сохранены права католической церкви, а все спорные вопросы будут решаться совместно со святым престолом». Прелаты одобрили деятельность сеньората − руководящего органа хкд[1126].

5 декабря газета «Katolički list» опубликовала послание епископов, составленное на загребской конференции и ставшее программой действий югославянского католического клира в условиях создания королевства сербов, хорватов и словенцев (ксхс). Послание подписали Штадлер, Бауэр, царич и др. каждому католику вменялась особая обязанность, диктовавшаяся «христианским законом любви»: «Мы и до сих пор жили, а тем более будем жить в нашем новом государстве совместно с братьями, которые говорят с нами на одном языке, в которых течет та же кровь, но они не разделяют с нами нашу веру, эти братья – сербы и мусульмане. Чужая воля, чужая власть хорошо знала, что нужно сделать, как создать камень преткновения, чтобы нас разделить и посеять ненависть среди нас… сегодня мы одни и свободны в нашем государстве, пусть же впредь не станет всего того, что разделяло нас, и обратимся к Богу с просьбой объединить нас во всеобщей свободе и любви, как уже было, когда мы приняли святую католическую веру»[1127]. рогуля в конце 1918 г. конкретизировал доктрину о реализации религиозного объединения восточного и западного христианства в югославянском государстве: «господь передал будущее южных славян в руки католической церкви. католикам он позволил выполнить задачу для хорватского, сербского и словенского народов, которая стала смыслом существования нашего государства. объединимся в единый великий фронт, создадим единую славянскую культуру, и у нас будет один пастырь и одно стадо. тогда и серб, и хорват, и словенец станут членами одной единой нации, тогда югославия станет свободным отечеством нового югославянского народа» [1128]. Махнич своим авторитететом «сцементировал» миссию римско-католического духовенства в нарождавшейся югославии: «в условиях, когда россия пала, балканские народы свободно могут стать теми, кем они являлись раньше, – католиками; хорватский народ получил особую задачу: быть первым, кого господь отправит на католическую жатву восточной нивы… всякий наш священник и каждый мирянин может стать апостолом католического движения»[1129].

1 декабря 1918 г. в Белграде делегация Народного веча обратилась к регенту александру с просьбой от имени короля Петра карагеоргиевича принять власть над всем государством. александр провозгласил образование ксхс. Шимрак и Барац 6 декабря были избраны в специальный комитет Народного веча и остались в Белграде. 20 декабря из представителей 12 ведущих югославянских партий было сформировано правительство ксхс, в котором заместителем премьер-министра стал

[1126] Jugoslavija... S. 113−114.

[1127] *Živojinović D., Lučić D.* Op. cit. S. 245−247.

[1128] цит. по: *Žutić N.* Kraljevina Jugoslavija i Vatikan: Odnos jugoslovenske države i Rimske crkve 1918−1935. Beograd, 1994. S. 17.

[1129] *Perović B.* Hrvatski katolički pokret. Moje uspomene. Roma, 1976. S. 123.

словенский клерикал корошец. среди первых акций нового кабинета было создание при министерстве вероисповедания трех отделов, отвечающих за все три главных вероисповедания (православного, католического и мусульманского). деятельность римско-католической церкви в ксхс определялась многоуровневой стратегической парадигмой, заданной св. престолом. На европейском уровне она заключалась в формировании геополитических проектов относительно государств европы, на югославском – в акциях по формированию и поддержке сепаратистских устремлений с целью создания обстановки нестабильности и конфликтов. так, в апреле 1919 г. кардинал гаспарри в беседе с корреспондентом газеты «Le Petit Parisien» подтвердил намерение ватикана создать в средней европе блок католических государств и содействовать предоставлению широкой автономии хорватам и словенцам с тем, чтобы ослабить централистскую структуру ксхс. создание югославского государства, по его мнению, «это вопрос неоднозначный», поскольку «в новом государстве хорватам и словенцам необходимо обеспечить автономию республиканского типа»[1130]. издаваемый в италии журнал «La Civiltà Cattolica» заявлял о наличии «сербского доминирования», которому якобы другие народы, особенно хорваты, «не желают подчиняться», причем новому государству приписывался экспансионистский характер. вопреки внутренней нестабильности оно «максимально стремится удовлетворить свои территориальные претензии за счет других народов», − утверждали авторы католического издания. для решения внутренних противоречий предлагалось установить федеративную государственную систему[1131].

Подогреваемые извне, собственные национально-территориальные претензии политических элит югославянских земель, объединившихся в единое государство, ярко выявились на Парижской мирной конференции, открывшейся 18 января 1919 г. в ее повестке дня, помимо прочего, стояла «балканизация» австро-венгрии, то есть трансформация габсбургской монархии в ряд независимых государственных образований.

к этому времени распри и взаимные претензии югославянских народов вылились в столкновения вплоть до широкомасштабных военных операций. консолидации политических элит территорий, создавших ксхс, остро не хватало, да и в общем на конференции разногласия были столь сильны, что ситуация вписывалась в классическую схему «все против всех». так, итальянская пресса отмечала: «югославяне между собой постоянно конфликтуют − Белград командует, сараево плетет заговоры, Загреб грызет узду, любляна сердится. римо-католики, православные и мусульмане ссорятся с оружием в руках во всех областях югославии, которая до настоящего момента существует лишь на визитной карточке министра иностранных дел а. трумбича». в целом югославяне находились в состоянии территориальных споров с италией, албанией, Болгарией, румынией, венгрией и австрией. конфликтовали между собой, конечно, не только югославянские народы: «Чехи ссорятся с немцами, венграми и поляками; поляки – с немцами, чехами и украинцами; румыны – с венграми, сербами и украинцами и т.д.». и все эти споры

[1130] *Živojinović D.* Op. cit. S. 270.
[1131] цит. по: *Novak V.* Op. cit. S. 107.

были отнюдь не журналистскими дуэлями, а полноценными военными операциями. в ответ на силовые акции захвата территорий великие державы-победительницы вынуждены были предупредить о том, что их результаты мирная конференция не признает. французский премьер-министр жорж клемансо в ответ на протесты малых стран заметил, что вся тяжесть мировой войны была вынесена великими державами, поэтому именно они будут принимать решения, а малые народы должны им доверять. в смуту по поводу будущего западных балкан значительный вклад внесла италия. согласно геополитическому проекту соннино еще от 26 апреля 1915 г., планировалось создание единой австрии, а также хорватии, отделенной от сербии и независимой черногории. кроме того, консульта (итальянское министерство иностранных дел) предполагала разделить гавани восточной адриатики между австрийцами, венграми, хорватами, сербами и черногорцами. однако ситуация изменилась: теперь итальянские притязания на адриатике, помимо территорий, предусмотренных лондонским договором 1915 г., охватили и фиуме (риеку). так было указано в меморандуме консульты за подписью соннино в адрес парижской мирной конференции от 7 февраля 1919 г.[1132] в париже премьер-министр италии витторио орландо солидаризировался с соннино, требуя присоединения ряда территорий на адриатике с преобладанием славянского населения – истрии с триестом, фиуме, всей далмации. в своих территориальных устремлениях итальянцы рассчитывали на поддержку англичан, заинтересованных в создании противовеса франции[1133]. как во многом «французское творение», консульта трактовала создание ксхс, стремясь максимально урезать его территорию и влияние в регионе. в поиске путей урегулирования спорных вопросов католические иерархи, являющиеся весомой и консолидированной частью югославянской политической структуры, как и прежде, не были самостоятельны и независимы в своих действиях. они консультировались с ватиканом не только по сугубо конфессиональным, но и по политическим вопросам. с этой целью 30 января 1919 г. на военном корабле «карло мирабелла» в рим отбыл царич. На следующий день прелат сплитского епископа Чанич выразил особую благодарность итальянскому правительству за «куртуазный прием» царича. По его словам, визит епископа носит исключительно религиозный характер. однако, как отмечала итальянская газета «Messagero», действительная цель посещения папы является более чем серьезной и находится в прямой связи с происходящими политическими событиями[1134]. таким образом, клир пытался заручиться поддержкой ватикана в хорватских национально-территориальных притязаниях, как на мирной конференции, так и в дальнейшей перспективе.

На конференции от имени ксхс коммюнике по поводу политического выбора хорватского и словенского народов составил Барац. во введении он остро выступил против австро-венгерской монархии, и в целом его позицию можно охарактеризовать как проюгославянскую. Но она была обусловлена воздействием событий, связанных с итальянской оккупацией истрии и Приморья в 1918–1919 гг.,

---

[1132] *Lederer I.* Jugoslavia at the Paris Peace Conference: A study in Frontiermaking. New Haven; L., 1963. P. 107, 153.
[1133] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. т. 2. М., 1957. с. 37–38; *Альдрованди Марескотти Л.* дипломатическая война. М., 1944. с. 162–163; *Lederer I.* Op. cit. P. 76.
[1134] aJ. Ф. 80. Zbirka Jovana Jovanovića Pižona. Фасц. 51.

и насилиями итальянцев над местным населением. однако весьма скоро позиция и взгляды Бараца и других иерархов, поддержавших югославянское объединение, исходя из расчетов о катастрофической территориальнополитической перспективе хорватов и словенцев, являющихся вместе с австро-венгрией побежденной в мировой войне стороной, претерпели обратную трансформацию и вернулись в прежнее русло клерикальной политики. так, францисканцы открыто декларировали свое отречение от прежней приверженности югославянской идее. остальные хорватские католические круги объединились вокруг Загребской епископии и также определились в сторону отказа от югославянского идеала[1135]. с января 1919 г. как на международном уровне, так и внутри ксхс, клерикальная пресса поставила «хорватский вопрос». ее особенно возмущал тот факт, что Белград предоставил административную автономию словенцам и боснийцам, но не дал ее хорватам в далмации и хорватии, хотя обязывался это сделать, наряду с заявлениями, что хорватия не станет одной из подчиненных сербских провинций. клерикалы настаивали на предоставлении хорватии независимости в едином федеративном государстве, напоминая, что в ней существует сабор, который имеет право распоряжаться судьбой хорватской государственности[1136].

Более того, хорватские клерикалы открыто призвали к созданию общего «католического сопротивления». Участились съезды, совещания и семинары организаций хкд. они охватывали все более широкие сферы, относящиеся к задаче воспитания и просвещения католической молодежи: журналистика, типографские предприятия, рабочие организации и т.д. Бауэр предоставил материальные средства для издания клерикальных газет «Narodna politika» и «Seljačke novine» (прежнее католическое издание «Nedelja»). обосновывая необходимость создания единого католического фронта, иерархи апеллировали к внешнему фактору, стремились показать свое неравноправное положение, религиозную нетерпимость, по их мнению, царящую в обществе, «представляющую угрозу для самого существования католической религии».

в 1919−1920 гг. хорватские клерикальные и политические круги, в том числе Барац и его сторонники, выражали явное недовольство по поводу способа управления ксхс, государственного устройства, «тяжких обязанностей и незначительных прав» хорватов в новом государстве. в хорватском народе, отмечает Звонар, все надежды были связаны с принятием новой конституции, которая «принесет свободу, право, равноправие и пользу всем»[1137]. Федеративное устройство государства, утверждал Барац, принесет с собой «прогресс для каждой области», поскольку «все государство будет устроено так, что каждый будет нести ответственность за свой край, не будет жалоб ни на центральную власть, ни на доминирующую нацию», и только тогда «с полным удовлетворением можно будет славить день народной свободы». Барац, помимо прочего, подчеркивал, что «хорваты как народ не желают под видом югославии раствориться в некой великой сербии», «они хотят общее государство, но это государство должно быть таким же

[1135] асаНУ. Заоштавштина в. Новака. Бр. 14474. л. 19−22.
[1136] аJ. Ф. 80. Zbirka Jovana Jovanovića Pižona. Фасц. 51.
[1137] *Zvonar I.* Op. cit. S. 428.

справедливым в отношении хорватов, как и сербов, и словенцев». он констатировал, что «хорват в совместном государстве забыт, попран и бит», к его прошлому нет уважения, свобода и равноправие ему не гарантированы. в этой связи, полагал Барац, и необходимо федеративное устройство [1138]. его политическая деятельность проявилась также в членстве во временном
народном представительстве Народного клуба. там он действовал как сторонник хорватского содружества, основанного в Загребе 17 июля 1920 г. по инициативе старчевичевой Партии права и Прогрессивной демократической партии. в качестве депутата он активно участвовал в работе парламента и даже был принят на аудиенции регентом александром. в 1920 г. Барац включился в деятельность хорватского содружества «на местах», выступая на многочисленных собраниях и открытиях его филиалов в славонии и среме. в этот период он очертил круг главных проблем хорватов на текущий момент и обозначил свое видение их будущего в составе ксхс: необходимость конституционного изменения системы государственного устройства на федеративную[1139]. в целом с 1919 г. происходило формирование единых хорватских государственно-национальных программ с курсом на отделение хорватии от югославянского государства, вырабатывалась стратегия и тактика противостояния сербским политическим силам, хорватская национальная и религиозная «оборона» объединялась в «единый фронт». в начале 1919 г. организационный центр хкд − хорватский католический народный союз − провел съезд, на котором поставил задачу продолжить деятельность просветительских, молодежных и религиозных обществ, а также всемерно способствовать укреплению христианского просвещения хорватов. Молодежным обществам предписывалось посредством просвещения изжить «рехристианизацию» народа. с этого момента отмечаются попытки вывести на первый план политической жизни хорватских земель хорватскую народную партию (хНП).

Первоначально в новом государстве членов хкд охватил оптимизм. он был обусловлен иллюзией, что «хорваты станут лидерами в югославянском государстве, в котором перевес получит католический компонент». в этом контексте первым шагом стала реорганизация руководства хкд − сеньората − с целью приспособления этой эксклюзивной организации светской католической интеллигенции и католического духовенства к деятельности в новых государственно-политических условиях. трансформация в направлении реорганизации и централизации была проведена на съезде сеньората в Загребе 6−7 мая 1919 г.[1140] именно тогда было принято решение о создании хНП, политической «партии веры». также был утвержден Устав (статут хорватского католического сеньората), одним из главных положений которого являлся запрет его членам вступать в какие-либо иные политические организации или партии. статут констатировал, что сеньорат является «верховным форумом», формирующим идеологию движения и задающим направления социальной, культурной и политической деятельности своих членов. во всех сугубо религиозных и воспитательных вопросах для «сеньоров», в соответствии

[1138] цит. по: Ibid. S. 428−430.
[1139] S. 425−430.
[1140] *Matijević Z.* Katolici i politika... S. 439.

с требованием ватикана, непререкаемым авторитетом провозглашался епископат. съезд принял новую Программу сеньората, включающую религиозное, политическое, социальное, культурное и государственное направления деятельности[1141].

При основании хНП подчеркивалось, что она не должна стать национальной партией; приоритетными декларировались культурные и социально-экономические направления деятельности по образцу германской католической партии центра. «сеньорский вестник» причиной отказа от создания партии национальной ориентации назвал позицию епископата: «высокий епископат обращает внимание на тот факт, что антитезой… национализму является интернационализм... Масса легко впадает в крайность. Поэтому неудивительно, что страны, в которых развивались племенные и националистические партии, как венгрия и россия, попали в плен большевизма, в то время как в германии и австрии, большинство населения которых является социально-демократическим, удалось остановить сползание социализма в большевизм. Партия центра как христианскосоциальная организация направила идейное развитие народа в русло социальной реформы, отведя его от социальной революции». епископат опасался чрезмерной концентрации католического и, в подавляющем большинстве, хорватского населения «в одной национальной хорватской партии, поскольку в этом случае противники получат повод обвинить католицизм в расширении сепаратистских тенденций и в сопротивлении народному объединению… среди сербов и словенцев нет ни одной чистой национальной партии… главная цель для нас − победа христовых заповедей, наша первостепенная задача – объединение церквей, это провиденциальная *raison d'être* государства сербов, хорватов и словенцев. все препятствия на путях ее реализации должны быть устранены, и прежде всего сепаратистская националистическая политика, которая и католические народы удаляет друг от друга, а тем более разъединяет сербов и хорватов»[1142].

18 июля 1919 г. сеньорат направил в адрес епископской конференции в Загребе меморандум, составленный рогулей. там подчеркивалось, что хНП не является ни национальной, ни конфессиональной партией. Поскольку «ее главная цель – объединение церквей», следовательно, необходимо «отбросить все, что может помещать ее осуществлению, и прежде всего сепаратистскую национальную политику». осознавая, что многие католические священники хорватии и Боснии и герцеговины не являются сторонниками сеньората и состоят в других политических партиях, сеньоры выразили надежду, что теперь «клир объединится в одной партии и это приведет к сильному прогрессу католического дела и усилению мощи католической церкви» [1143] . епископы одобрили программу сеньората и хНП и постановили, что в инте-
ресах церкви акции сеньората отныне должны согласовываться с епископатом. выражалось пожелание, чтобы все католики − священники и миряне − вступили в хНП. свое благоволение к ней хорватское духовенство обосновывало политикой

[1141] aJ. Ф. 14. Министарство унутрашњих послова кJ. Фасц. 21.
[1142] там же.
[1143] цит. по: *Matijević Z.* Katolici i politika… S. 441.

Белграда, «не симпатизировавшей ни хорватскому народу, ни церкви». все это дало понять, что для хорватского народа «грядут серьезные перемены в религиозной и культурной области; в этой связи необходимо создать единую партию, которая будет отстаивать точку зрения католиков»[1144].

отказываясь от поддержки не только сугубо национальных, но и религиозных партий, церковные иерархи исходили из следующих соображений. Население ксхс в большинстве своем состоит из некатоликов. все ошибки конфессиональной партии неизбежно падут на голову церкви, и именно ей же придется за них отвечать. Поэтому тактически для церкви гораздо удобнее были неконфессиональные партии с определенной свободой маневра. церковь же в этом случае не теряет ничего, поскольку нерелигиозная партия, стоящая на христианских принципах, в любом случае будет защищать интересы церкви. Поэтому декларировалось, что хНП, «находящаяся на позитивной религиозной позиции», не имеет права определять себя как партия конфессиональная. таким образом, сеньорат вмешался в политическую борьбу и создал собственную политическую партию. однако, несмотря на все предпринятые усилия, хНП так и не удалось стать значимой политической силой в ксхс. тогда сеньорат пошел на еще большее сближение с католической акцией. в середине ноября 1921 г. программы хНП и католической акции были объединены и изложены в меморандуме, разосланном епископату. с этого момента и до 1926 г. сеньорат фактически осуществлял руководство обеими структурами. таким образом, можно сделать некоторые выводы. в годы мировой войны политическая деятельность хорватских прелатов обусловливалась стремлением контролировать политические процессы, отстранить от них прогрессивные и антиклерикальные силы и решить спорные вопросы в пользу католической церкви и хорватских национальных интересов при любом исходе военных действий. Многочисленные заявления хорватских иерархов, расширение пропаганды на страницах католической прессы привели к тому, что религиозный вопрос стал камнем преткновения при определении формы и способа югославянского объединения. в период войны, особенно на ее заключительном этапе, хорватские клерикалы проводили совещания с политиками, сотрудничали с югославянским комитетом, проводили информационные кампании, непрестанно выступали с политическими манифестами. одновременно они создавали идеологическую платформу, подготавливающую духовенство и паству к новым политическим реалиям. в частности, меморандум Бараца определил стратегические перспективы деятельности римско-католической церкви в условиях югославянского государства. в результате предпринятых усилий представители хорватской католической иерархии приняли участие в работе загребского Народного веча и, таким образом, стали одним из влиятельных факторов процесса создания югославянского государства.

в результате развития католических движений и организаций в противовес сербскому центру объединения сложился мощный фронт клерикальных сил, привнесших в процесс создания югославянского государства собственную идеологию, методы политической борьбы и свои представления о конечном итоге

[1144] Ibid. S. 147.

югославянского объединения. опыт католической церкви по участию в политических событиях отразился на их деятельности − хорватские прелаты подключились к происходящим событиям и закрепили клерикальный компонент в качестве фундамента югославии. После создания ксхс хорватский клир взял курс на сплочение клерикальных кругов и организацию мощного сепаратистского «хорватского католического фронта».

Ю. В. Лобачева

Югославянский вопрос в общественной мысли и политических акциях сербов, хорватов и словенцев в США в 1914–1915 гг.

«Настоящая европейская война вызвала громадный патриотический подъем и среди русских, и среди наших соплеменников славян; вызвала к жизни именно племенной, славянский патриотизм и так объединила славян, как, я думаю, не было в истории со времени грюнвальдской битвы... хорваты, черногорцы и сербы, как из сербии, так и австрийские, вполне на нашей стороне и все время находятся в приподнятом настроении» – так писал российский консул в Номе и сиэтле Н. в. Богоявленский в Мид в сентябре 1914 г.[1145] Это лишь одно свидетельство из обширного комплекса материалов о славянской эмиграции в сШа, общественная жизнь которой заметно оживилась с началом Первой мировой войны[1146]. в данной статье мы рассмотрим взгляды сербов, хорватов и словенцев, переселившихся в конце XIX – начале XX в. из австро-венгрии и королевства сербия в соединенные Штаты, на решение югославянского вопроса и их общественно-политическую деятельность в 1914–1915 гг. обзор политических настроений и акций югославян в указанный период представляет немалый интерес, поскольку уже тогда обретало более или менее устойчивую форму их видение послевоенного государственно-политического устройства югославянских земель и закладывались идеологические основы политического движения эмигрантов в годы войны. обратимся к фактам. Появившиеся в прессе известия о сараевском убийстве Франца Фердинанда были по-разному прокомментированы югославянскими эмигрантами. По крайней мере, можно указать на две противоположные позиции – просербскую и проавстрийскую, приверженцы которой выступили сразу же и открыто[1147]. Начало войны повлекло за собой более активные манифестации переселенцев. так, определенная часть хорватских эмигрантов встала на сторону австро-венгрии. По словам редактора газеты «српски дневник» Милана ефтича, их руководителями являлись Франк Зотти и стиепан Брозович, владелец и редактор газеты «Narodni list», которая за проавстрийскую пропаганду «получает 15 000 долларов ежегодно»[1148]. с другой стороны, началось антиавстрийское движение. 31 июля 1914 г. около тысячи югославянских переселенцев собрались на политический митинг в сан-Франциско (калифорния). в его резолюции говорилось, что «хорваты и сербы в

[1145] авПри. Ф. 170. Посольство в вашингтоне. оп. 512/1. д. 364. 1914 г. л. 53 об. – 54.

[1146] Подробнее о деятельности славян в сШа см., например: россия и сШа: дипломатические отношения. 1900–1917. М., 1999.

[1147] *Čizmić I.* Jugoslavenski iseljenički pokret u SAD i stvaranje jugoslavenske države 1918. Zagreb, 1974. S. 37–38.

[1148] AJ. Ф. 80. Фасц. 20. с. 20 (*Јефтић М.* Југословенски покрет у америци). о поддержке этой газеты австрийским правительством сообщал и российский консул в Чикаго а. М. волков (авПри. Ф. 170. оп. 512/1. д. 393. 1915 г. л. 27–27 об.). известно, что Зотти неоднократно обвиняли в получении денег от австровенгерских консулов, но это никогда не было точно доказано (*Čizmić I.* Op. cit. S. 94–95).

америке, подданные Франца иосифа… порывают все отношения с габсбургской династией и душой и телом принимают священную борьбу, которую сейчас ведут сербия и Черногория за освобождение и объединение югославян»[1149]. По сведениям ефтича, среди поддержавших эту резолюцию были и хорваты, которые «с самого начала были с сербами», – редакторы газет «Jadran» и «Hrvatski sokol» Франье акачич и виктор войводич[1150]. решения, принятые в сан-Франциско, были позже одобрены и на собра-

ниях сербских и хорватских эмигрантов в ватсонвилле (9 августа), Фресно (14 августа), сан-хосе (16 августа), сакраменто (6 сентября), адамар-сити (15 сентября), сиэтле и вашингтоне (24 сентября). в этих городах были основаны и особые организации (каждая называлась «югославянская народная оборона») с целью составления списков добровольцев, сбора пожертвований для красного креста, представления югославянского вопроса в американской печати[7]. активное участие в этом процессе, по словам ефтича, приняли акачич и войводич: «оба хорватских журналиста не покладая рук работали в то время, пока весь Запад не был организован в восемь югославянских организаций, каждая из которых приняла эту резолюцию (резолюцию митинга в сан-Франциско. – *Ю. Л.*), собирала пожертвования для сербского красного креста и была готова делать все, о чем сербия просит» [1151]. добавим, что сербы и хорваты в Нью-Йорке также призвали все эмигрантские колонии к формированию подобных организаций, которые бы собирали средства для жертв войны, но прямых связей между югославянами калифорнии и Нью-Йорка еще не установилось[1152].

Помимо этого, хорваты, проживавшие в Чикаго и его окрестностях, 1 августа вынесли резолюцию, в которой «единодушно выражали свои симпатии храбрым сербским бойцам», которые «сражаются не только за свое собственное существование и свободу, но за свободу всех славян», обещая им широкую поддержку в борьбе против «австрийских грабителей». они призывали всех хорватов северной америки не отзываться на призыв воевать «под австрийским флагом»; заявляли, что их «место в этой борьбе рядом с братьями сербами», с которыми они тесно связаны «по крови и языку», «пока не добьются, вследствие распада австрии, независимости и свободы своего милого отечества – хорватии», и констатировали, что «разрывают все связи с... австрией»[1153].

Не осталась в стороне от антиавстрийского движения и периодическая печать переселенцев. так, о необходимости оказания помощи борьбе за «югославянское дело» писал 14 августа «Hrvatski svijet», орган хорватского союза [1154]. Эту политическую организацию эмигрантов, основанную в 1912 г., возглавлял католический священник Нико гршкович. а издававшаяся в сиэтле сербско-хорватская газета «слободна трибуна» первой выступила в защиту югославянского

[1149] aJ. Ф. 80. Фасц. 20. с. 20; *Ђорђевић М.* србија и Југословени за време рата: 1914–1918. Београд, 1991. с. 21.
[1150] aJ. Ф. 80. Фасц. 20. с. 20.
[7] *Čizmić I.* Op. cit. S. 38.
[1151] aJ. Ф. 80. Фасц. 20. с. 20.
[1152] *Čizmić I.* Op. cit. S. 39.
[1153] Ibid. S. 38.
[1154] Ibid. S. 39.

народного единства и «объединения всей национальной и культурно-просветительной деятельности югославянской эмиграции за океаном»[1155].

На наш взгляд, основываясь на этих фактах, можно говорить о том, что уже в начале войны часть эмигрантов разделяла общие идеи югославянского единства. Более того, в выступлениях переселенцев впервые прозвучали и некоторые идеи политической интеграции югославянских народов. Например, помимо положений, содержавшихся в упомянутой резолюции митинга в сан-Франциско, газета «Zajedničar», печатный орган крупной благотворительной организации «Народное хорватское сообщество», в августе 1914 г. предполагала возможность образования объединенных государств южных славян, в состав которых вошли бы хорваты, сербы, словенцы и, возможно, болгары[1156]. Четкое же представление о форме и способах государственного объединения, как видим, у эмигрантов пока отсутствовало.

вместе с тем уже в начале войны среди хорватских эмигрантов заявили о себе сторонники создания независимой хорватии, а среди сербских – защитники интересов собственно сербии. так, на состоявшемся 27 сентября в Питтсбурге собрании хорватских переселенцев была вынесена резолюция в пользу «объединения, свободы и независимости хорватских земель, составляющих часть австро-венгрии»[1157]. стоит заметить, что хорватский союз первоначально не занимал какой-либо
четкой политической линии. как отмечала чешская исследовательница Милада Паулова, он был скорее сепаратистской организацией, не склонявшейся к югославянским идеям, но в то же время решительно придерживался антиавстрийской позиции[1158]. 6 августа 1914 г. его руководство впервые обратилось к переселенцам с целью отговорить их от вступления в австро-венгерскую армию. в этом обращении, помимо прочего, говорилось о намерении союза действовать во имя «единства хорватов и сербов, а также за объединение и свободу земель народов сербского и хорватского». кроме того, утверждалось, что «жертвой» «этого единства не должно и не может стать национальное своеобразие, отрицание или утрата хорватского народного имени». Приводились и причины, по которым хорваты «отвергают всякую верность австро-венгрии»[1159]. во втором воззвании хорватского союза в конце 1914 г. речь шла уже более
определенно о том, что конечной целью американских хорватов является свобода хорватии. По мнению лидеров союза, поскольку «малые нации» не могут получить и сохранить свободу самостоятельно, нужно искать помощь со стороны других наций, а хорватский народ должен рассчитывать на поддержку русского, французского и британского правительств. решение же о положении хорватского народа после войны должно быть вынесено хорватами на родине. об отношениях с сербией в этом документе прямо не упоминалось, хотя одной из задач организации ставилось «представление настоящих стремлений хорватского народа, который

[1155] aJ. Ф. 80. Фасц. 51. с. 340.
[1156] *Čizmić I.* Op. cit. S. 39.
[1157] Ibid. S. 41.
[1158] *Paulova M.* Jugoslavenski odbor. Zagreb, 1925. S. 68.
[1159] цит. по: *Čizmić I.* Op. cit. S. 42.

сейчас не может сделать этого сам по причине несвободы, а они заключаются в том, чтобы жить в союзе с соседними славянскими народами»[1160].

Уместно привести наблюдения ефтича о взглядах и деятельности некоторых хорватских деятелей в америке. сам он активно выступал в пользу интересов сербии, позволяя себе довольно критичные высказывания в адрес оппонентов. По словам ефтича, «до конца 1914 г. все нынешние [1161] хорватские руководители югославянского движения в америке были против объединения с сербией», «требовали создания независимой, объединенной хорватии»[1162]. ефтич имел в виду гршковича, а также анте Бьянкини, издателя и редактора газеты «Hrvatska zastava», и Йосипа Марохнича, председателя Народного хорватского сообщества и владельца газеты «Hrvatski glasnik». ефтич так описал их действия в 1914 г.: «дон Нико гршкович нападал на в. войводича... и предпринимал шаги, чтобы сориентироваться, на какую сторону склонится большинство. он – католический священник – оттуда и дипломатия. все свое состояние он вложил в ежедневную газету «Hrvatski svijet» – отсюда необходимость смотреть, откуда ветер дует. вообще говоря, он бóльший старчевичевец, чем сам старчевич[1163]. остальные члены этой группы уже тогда начали ту полемику, которая продолжается и сейчас»[1164]. в продолжение этой темы ефтич указывал, что 19 августа 1914 г. «Zajedničar» опубликовал статью, в которой говорилось: «хотим… объединенное королевство хорватия под светлой хорватской короной, под скипетром хорватского короля, над которым будет только Бог!»[1165] Этот призыв поддержали издания Марохнича и Бьянкини. «они просили, чтобы правление хорватского союза похлопотало через друзей в вашингтоне, чтобы на будущем мирном конгрессе требовали создания независимой хорватии». однако «войводич и акачич приняли резолюцию против этого движения на собрании югославянской народной обороны в сан-хосе. На этом в 1914 г. дело закончилось» [1166]. следовательно, уже в 1914 г. обозначилась дискуссия среди переселенцев между приверженцами идеи создания независимой хорватии, с одной стороны, и сторонниками югославянского объединения – с другой.

Необходимо отметить и общественные акции хорватского союза. в частности, российский консул в Питтсбурге г. в. Чирков сообщал, что «в начале войны деятельность югославянских организаций в америке была направлена главным образом к недопущению югославянских эмигрантов возвратиться в австрию в качестве запасных солдат, и в этом отношении пропаганда хорватского союза… была весьма успешной»[1167]. По данным хорватского историка и. Чизмича, союз в

[1160] Ibid. S. 42–43.

[1161] речь идет о 1916 г.

[1162] aJ. Ф. 80. Фасц. 20. с. 21.

[1163] старчевич анте (1823–1896) – основатель и идеолог хорватской партии права, выдвигавшей программу восстановления «исторических прав хорватии», то есть полной независимости хорватии от венгерского королевства. «великая хорватия» должна была стать третьей частью дунайской империи (*Писарев Ю. А.* образование югославского государства. М., 1975. с. 30–31).

[1164] aJ. Ф. 80. Фасц. 20. с. 20.

[1165] там же. с. 21. (выдержки из этой статьи см., например: *Čizmić I.* Op. cit. S. 40–41.)

[1166] там же.

[1167] *Шемякин А. Л.* “главнейшие задачи юго-славян”: донесение российского консула в Питтсбурге г. в. Чиркова в посольство россии в вашингтоне. 1916 г. // исторический архив. 1994. № 3. с. 109.

1914 г. организовал широкое «манифестационное движение» на территории сШа. Благодаря ему в общественную жизнь включалось все больше переселенцев. На устраиваемых митингах собиралась помощь для жертв войны и сербского красного креста, а также деньги для финансирования политических организаций эмигрантов в сШа и т.д. Но это «движение» не было единым, поскольку его участники не придерживались единой политической концепции[1168]. собственные национальные интересы, как было сказано, отстаивали и серб-
ские эмигранты. Помимо выражения поддержки сербии, уже в 1914 г. некоторые из них были готовы отправиться в европу в качестве добровольцев. «и здесь, как везде вообще, православные сербы демонстрировали свое развитое сознание и прекрасное народное чувство. сами начали записываться в добровольцы, но сербский консул Пупин[1169] в начале войны возвращал их домой, поскольку тогда сербии из америки больше были нужны деньги для красного креста, чем добровольцы», – указывала Паулова[1170]. Заметим, что «великосербская» позиция Пупина не раз подвергалась критике в хорватской периодике. так, 17 ноября 1914 г. в Нью-Йорке в своей лекции об участии сербов в войне он назвал Боснию и герцеговину, далмацию, хорватию и славонию сербскими землями, вызвав тем самым негативную реакцию хорватов[1171]. словенские эмигранты, в свою очередь, заняли особую позицию. они сдержанно отнеслись к югославянскому движению. Почти все словенские благотворительные организации приняли предложение словенского народного общества о формировании «специального комитета», который должен был следить за ходом политических событий в европе и их влиянием на судьбу словенского народа, и направлять словенским организациям предложения о деятельности в интересах словенского народа. в то же время бóльшая часть словенской периодики заняла решительную антиавстрийскую позицию[29]. таким образом, в 1914 г. часть югославянских эмигрантов была настроена
проавстрийски, а среди противников австро-венгрии были как симпатизирующие югославянским идеям, так и сторонники сербии и независимой хорватии. Наряду с оформлением политических предпочтений у эмигрантов возникли и первые разногласия относительно возможностей реализации национальных интересов. Практическая же помощь югославян соотечественникам в европе выражалась в основном в сборе средств на благотворительные цели, а также попытках отправки на фронт добровольцев.

Подобные настроения преобладали в югославянской среде и в начале 1915 г. Эмиссар создаваемого югославянского комитета Франко Поточняк, прибывший в Нью-Йорк в конце января 1915 г., так описал увиденное во время поездки по разным штатам: «югославянскую идею понимали некоторые хорваты, словенцы быстро исчезали... сербский элемент хорошо знал свой долг по отношению к сербскому народу и сербии, а дальше от этого ни шагу. сербы охотно слушали о народном

[1168] *Čizmić I.* Op. cit. S. 43.

[1169] Пупин Михайло (1858–1935) – выдающийся ученый-физик, профессор колумбийского университета, почетный консул сербии в сШа.

[1170] *Paulova M.* Op. cit. S. 68.

[1171] *Čizmić I.* Op. cit. S.
40. [29] Ibid. S. 41–42.

объединении и расширении к хорватству и словенству, но для них это означало исключительно принадлежность к сербскому народу, усиливало тем самым их великосербство. Этот сепаратизм сталкивался с хорватским и словенским сепаратизмом, потому что ни первые, ни вторые, ни третьи не могли подняться на высоту, которая бы укрепила их в понимании то, что народная сила и мощь, жизнь и будущее лежат не в пустом имени, а в существовании самого народного дела… Ни здесь, ни там (в европе. – *Ю. Л.*) не господствовала прочная идея народного единства и объединения, ни здесь, ни там не думали и не стремились к образованию такого государства»[1172].

Поясним, что Поточняк был направлен в сШа для пропаганды среди эмигрантов идей югославянской государственной интеграции. главная цель его миссии состояла в том, чтобы организовать «коллективную манифестацию народного единства всех сербов, хорватов и словенцев» и добиться их «решительного заявления, в котором бы требовалось народное освобождение и объединение в одно государство югославян, проживающих в австро-венгрии и сербском королевстве»[1173]. Эта акция должна была обосновать саму идею югославянского государственного объединения и подтвердить легитимность деятельности югославянского комитета[1174]. сербское правительство, одобрившее эту, вполне соответствовавшую его югославянской программе, инициативу эмигрантов, и королевская миссия в риме оказали Поточняку материальную и организационную помощь[1175]. в итоге проводимая им агитация в пользу объединения сербов, хорватов и словенцев была поддержана местными югославянскими деятелями и увенчалась проведением первого крупномасштабного съезда югославян в Чикаго в марте 1915 г. кроме того, под влиянием деятельности Поточняка началось формирование первой национально-политической организации словенцев в сШа – словенской лиги, что само по себе уже свидетельствовало об изменениях в настроениях части словенских эмигрантов. На ее учредительном собрании, состоявшемся за день до открытия конгресса в Чикаго, присутствовали представители 27 словенских обществ. они приняли резолюцию и обращение к словенцам в америке. в обращении определялась цель организации – достижение культурной, политической и экономической самостоятельности словенцев, содержался призыв к словенским переселенцам вступить в нее, независимо от их статуса, религиозных и политических убеждений, и говорилось об образовании ее филиалов в сШа и канаде. в резолюции содержался ряд политических положений и требований, нацеленных на преобразования в словенских землях. в частности, переселенцы выражали протест против «немецкого насилия», «жестоких мучений народов, невинных жертв австро-венгерского господства», «бесстыдного обращения со словенскими областями», а также «передачи словенского Приморья или какой-либо другой части словенской территории италии или другой стране»; требовали объединения всех словенцев в единое целое на основе принципов свободы, равноправия и братства и подчеркивали, что «осознают потребность братства, дабы мы как малый народ объединились со своими кровными соседями в

[1172] *Potočnjak F.* Iz emigracije. Zagreb, 1926. D. III. S. 35–36.
[1173] aJ. Ф. 80. Фасц. 21. с. 362–363.
[1174] *Potočnjak F.* Op. cit. S. 22–23.
[1175] Ibid. S. 23–27.

югославянскую федерацию»[1176]. таким образом, часть словенских эмигрантов видела возможность защитить национальные интересы своего народа (сохранение национальной идентичности и политическое объединение всех словенских территорий) в создании единого федеративного югославянского государства.

Первый югославянский конгресс, инициированный и организованный Поточняком с помощью североамериканских югославянских лидеров, состоялся 10–11 марта 1915 г. в Чикаго и собрал 563 делегата от югославянских колоний сШа и канады, а также представителей чешских и словацких эмигрантов[1177]. Председателем съезда был избран гршкович, а его заместителями Бьянкини от хорватов, Пая радосавлевич, председатель крупной благотворительной организации «србобран», от сербов, и председатель словенской лиги Франк саксер от словенцев. делегаты конгресса сформировали комитет для составления резолюции, куда вошел и Поточняк, произнесший программную речь. он говорил о необходимости освобождения австро-венгерских югославян и их государственного объединения с сербами из королевства сербия на основе народного единства сербов, хорватов и словенцев, провозглашал разрыв с габсбургской монархией. Участники конгресса обсудили и единогласно приняли резолюцию[1178], которая была направлена и в российское посольство в вашингтоне[1179]. в ней утверждалось, что хорваты, сербы и словенцы – один и тот же народ,

говорящий на одном языке, проживающий «под разными именами» в юговосточных областях австро-венгрии и королевствах сербия и Черногория; общее их название – югославяне. югославяне австро-венгрии, где господствуют две нации – немцы и мадьяры, не пользуются никакими политическими правами, подвергаются экономической эксплуатации, ограничены в культурном развитии, уничтожаются как нация, терпят социальные притеснения. такое положение они больше выносить не желают. югославяне хотят сохранить национальную индивидуальность и видят единственное спасение в разрыве всех связей с австровенгерской монархией, а гарантированное будущее, развитие и прогресс только в едином югославянском государстве, поэтому стремятся к государственному объединению всех югославян, проживающих в австро-венгрии и королевстве сербия. они обращаются к странам антанты с надеждой, что последние сделают все возможное для осуществления этих «обоснованных и единственно спасительных устремлений» югославян. стабилизация же положения на юге приведет к установлению равновесия международных отношений во всей европе[1180]. судя по опубликованному тексту документа, конкретное решение относительно будущего государственного устройства эмигранты не приняли. однако полемика вокруг вопроса о власти, по всей видимости, имела место. «о федерализме говорили на конгрессе и потом в газетах, но в резолюции конгресса об этом не упоминалось», – обратил внимание Б.

[1176] *Čizmić I.* Op. cit. S. 54–56.

[1177] об этом «грандиозном собрании юго-славян» в российское посольство в вашингтоне сообщал из Чикаго волков (авПри. Ф. 170. оп. 512/1. д. 393. 1915 г. л. 62–62 об., 65–66). Подробнее о конгрессе см., например: *Potočnjak F.* Iz emigracije. Zagreb, 1926. D. III; *Paulova M.* Op. cit. S. 69–71; *Čizmić I.* Op. cit. S. 56–61.

[1178] текст резолюции см., например: *Potočnjak F.* Op. cit. S. 94–96; *Šišić F.* Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. 1914–1919. Zagreb, 1920. S. 20–21.

[1179] *Potočnjak F.* Op. cit. S. 162; авПри. Ф. 170. оп. 512/1. д. 393. 1915. л. 65–66.

[1180] *Potočnjak F.* Op. cit. S. 95–96.

храбак[1181]. Заметим, кстати, что сербское правительство не было в полной мере удовлетворено результатами миссии Поточняка, поскольку резолюция не затронула вопросы о Черногории и будущей правящей династии[1182]. Участники конгресса организовали и первый координационный орган – Народный югославянский комитет, задача которого заключалась в реализации принятых решений. в его состав вошли по 11 представителей от сербов, хорватов и словенцев, а председателем стал Бьянкини[1183]. итак, в ходе подготовки и проведения Чикагского конгресса югославянские объединительные идеи получили первую апробацию за пределами европы. Несмотря на различия политических воззрений сербских, хорватских и словенских эмигрантов в сШа, идея югославянской интеграции получила здесь широкую поддержку. конгресс в Чикаго стал первым шагом в рамках уже политического движения югославян за океаном. Переселенцы утвердили в основных чертах программу югославянского государственного объединения и заложили организационные основы для своей политической деятельности. решения конгресса имели большое идеологическое и пропагандистское значение и для югославянского движения в европе. кроме того, хорватский союз собрал и передал через Поточняка финансовую помощь для югославянского комитета[1184].

Чикагский конгресс стал импульсом к дальнейшей деятельности сторонников югославянского объединения в северной америке. в частности, собрания югославян прошли в Питтсбурге, Чикаго и Нью-Йорке[1185]. Более того, летом 1915 г. Бьянкини, гршкович, Пупин и Марохнич были кооптированы в состав югославянского комитета, а Народный югославянский комитет стал его отделом[1186]. с этого времени складывается общая для европы и америки организационная структура югославянского движения. вместе с тем, не говоря уже о проавстрийски настроенной части переселен-

цев, резолюцию конгресса в Чикаго и его решения отвергли его участник хорват драговин крмпотич, а также ефтич. югославянские социалисты в принципе являлись противниками агитации Поточняка и проведения конгресса. Позже выявились и разногласия среди словенских эмигрантов[1187]. летом 1915 г. вопросы, обойденные на съезде (например, о взаимоотношениях сербов, хорватов и словенцев, политическом устройстве будущего государства), снова стали предметом дискуссии. об этом сообщали сербскому премьеру Николе Пашичу его эмиссары в америке черногорцы тодор Божович и Йован джонович[1188]. «даже в самом центральном комитете местных эмигрантов дело дошло до серьезных столкновений на политической основе, которые подвергали опасности единство дальнейшей деятельности. в то время как у словенцев все сильнее проявлялись республиканские настроения, а среди хорватов

[1181] *Храбак Б.* идеје о федеративној Југославији у првом светском рату // врањски гласник. кн. XXI. врање, 1988. с. 20.

[1182] *Čizmić I.* Op. cit. S. 68.

[1183] Ibid. S. 61.

[1184] *Potočnjak F.* Op. cit. S. 164.

[1185] The Cause of Jugoslav Unity // The Southern Slav Bulletin. London. 1915. № 1. 9 Oct. S. 3.

[1186] *Mandić A.* Fragmenti za historiju ujedinjenja. Zagreb, 1956. S. 22–23; *Čizmić I.* Op. cit. S. 69.

[1187] *Čizmić I.* Op. cit. 62–68. также см., например: *Prpic G.* The South Slavs // The Immigrants' Influence on Wilson's Peace Policies. Lexington, 1967. P. 178–179.

[1188] aJ. Ф. 80. Фасц. 4. с. 623.

– федералистские тенденции, среди сербов люди Пашича опять вели пропаганду за великую сербию», – указывал член югославянского комитета анте Мандич[1189].

После отъезда Поточняка в европу югославянское движение в сШа пошло на спад по причине организационной слабости и из-за сильной проавстрийской пропаганды. для его интенсификации сербское правительство и югославянский комитет организовали летом 1915 г. поездку священника Николая велимировича. в своих проповедях он должен был разъяснять переселенцам смысл югославянского объединения и подтверждать приверженность сербии югославянской идее [1190]. однако, как и в случае с Поточняком, усилия велимировича, с одной стороны, способствовали становлению югославянского движения, но, с другой, оказались недостаточными для преодоления его слабых сторон. в июне 1915 г. было решено направить в америку члена югославянского комитета Милана Марьяновича. в июле он подготовил план деятельности комитета, включавший предложения по организации добровольцев и прессы в сШа[1191], а в конце октября прибыл в Нью-Йорк. целями Марьяновича были пропаганда государственного объединения «трехименного народа», набор добровольцев и сбор средств для комитета, а его деятельность оказала существенное влияние на развитие югославянского движения в северной америке в 1915–1917 гг.

Несмотря на сложности, в июле–сентябре 1915 г. эмигранты провели манифестации, митинги и собрания в защиту интересов сербов, хорватов и словенцев и поддержку югославянских идей[1192]. так, российский посол в вашингтоне юрий Петрович Бахметев информировал Мид о том, что 19 сентября «состоялось в кливленде, штат огайо, торжественное собрание представителей южнославянских организаций северной америки, вынесшее единогласно резолюцию, в которой, между прочим, было высказано желание воссоединения всех южнославян в одно неразделенное государство и выражена непоколебимая вера в победу могущественной братской россии-освободительницы и ее благородных союзников. Эта резолюция была разослана министрам иностранных дел соединенных Штатов, сербии, Черногории и послам всех союзных держав в вашингтоне с ходатайством довести ее до сведения их правительств»[1193].

важной частью общественно-политической деятельности югославянских эмигрантов в 1915 г. была их полемика в прессе. так, о борьбе Бьянкини и его издания «против субсидируемых австрийцами славянских газет» сообщал в декабре 1915 г. из Чикаго российский консул а. М. волков[52]. в другом донесении он уточнял, что веной поддерживаются и «раздаются югославянам бесплатно» ежедневное издание «Narodni list» в Нью-Йорке и еженедельный журнал «Narodna obrana» в дулуте. волков прилагал «список хорватских газет, на страницах которых нельзя встретить австрийской пропаганды и лжи»: «Hrvatski svijet» (Нью-Йорк), «Jadran»

[1189] *Mandić A.* Op. cit. S. 26.

[1190] Подробнее о деятельности Н. велимировича см.: аJ. Ф. 80. Фасц. 4. с. 632–636; *Čizmić I.* Op. cit. S. 69–71.

[1191] аJ. Ф. 80. Фасц. 4. с. 343–348 об.

[1192] аJ. Ф. 80. Фасц. 21. с. 31–33, 38, 456; *Šišić F.* Op. cit. S. 40–42; *Čizmić I.* Op. cit. S. 70–71; авПри. Ф. 170. оп. 512/1. д. 393. 1915 г. л. 40–42; д. 417. 1915 г. л. 205.

[1193] авПри. Ф. 135. особый политический отдел. оп. 474. д. 343. 1915 г. л. 7; Ф. 133. канцелярия. оп. 470. д. 110. 1915 г. л. 171. дополнение к телеграмме Бахметева № 350 с приложениями письма гршко-

(сан-Франциско), «Hrvatska zastava» (Чикаго), «Hrvatski glasnik» (Питтсбург), «слободна трибуна» (сиэтл), «Hrvatska sloboda» (калюмет), «Službeni glasnik hrvata» (Чикаго)[1194]. кроме того, в 1915 г. югославяне (преимущественно сербы, а также хорваты) продолжали устраивать благотворительные сборы в пользу сербского красного креста и пострадавшего от войны сербского населения[1195]. также югославянские переселенцы участвовали в добровольческом движении в европу[1196].

Подводя итоги, отметим, что в 1914–1915 гг. часть югославянских эмигрантов в сШа придерживались проавстрийской позиции, а противники австро-венгрии разделились на людей, симпатизировавших югославянским идеям, сторонников объединения сербов и приверженцев независимости хорватии. главным событием общественной жизни югославян в этот период стало оформление в 1915 г. их политического движения, направленного на реализацию программы государственного объединения югославянских территорий австро-венгрии с королевством сербия. становление этого движения во многом определялось деятельностью за океаном эмиссаров югославянского комитета и сербского правительства. вместе с тем среди поддерживавших его сербов, хорватов и словенцев имелись определенные разногласия относительно устройства будущего государства. Практическая помощь югославян соотечественникам в европе состояла в основном в сборе средств на благотворительные цели и отправке на фронт добровольцев.

[1194] там же. л. 27–28.
[1195] aJ. Ф. 80. Фасц. 19. с. 524.
[1196] *Sljijepčević P.* Naši dobrovoljci u Svetskom ratu. Zagreb, 1925. S. 15.

М. Радоевич Югославянская государственная и национальная идея в период Первой мировой войны

в данной работе сделана попытка представить в сжатом виде важнейшие проблемы, которые в ходе процесса возникновения и становления югославского государства стали следствием использования югославянства как национальной и государственной идеи. актуальность данной темы вне сомнения, поскольку распад югославского государства в войнах 90-х гг. xx в. вновь поставил самые деликатные вопросы и проблемы его возникновения и существования. По преобладающему в исторической науке мнению, этим завершился длительный исторический процесс, содержание которого стало возможным критически пересмотреть и оценить. вновь актуализировались многие негативные интерпретации первого государственного сообщества сербов, хорватов и словенцев, и вновь были использованы старые стереотипы, прежде всего о неискренности сербского фактора при образовании общего государства. с хорватской и словенской стороны налицо желание доказать, что югославская государственная и национальная идея, выдвигаемая сербской интеллектуальной и политической элитой, служила прикрытием великосербской идеи объединения всех сербов в одном государстве. с другой стороны, сербское общественное мнение настаивало на том, что именно хорваты и словенцы более всех выиграли от создания и существования югославского государства, что они злоупотребили желанием сербов иметь общее государство, дабы из лагеря побежденных автоматически перейти в стан победителей, а потом завершить свою национальную интеграцию. одновременно югославское государство критиковали как самое трагическое сербское заблуждение и историческую ошибку, за которую дороже всего заплатили сами сербы[1197]. такие полярные мнения вызвали бесконечную дискуссию о причинах возникновения югославии, о явных и тайных мотивах ее сторонников, оправданности и неоправданности существования, приобретениях и потерях народов, ее составлявших, об ответственности и безответственности интеллектуальных элит. По этим причинам за последние два десятилетия складывается впечатление, что это государство «виновато перед всеми» и «виновато во всем», хотя исходные точки его критиков и судей часто прямо противоположны. трудно различить степень и силу взаимного влияния двух субстанций − квазинаучная ли историография оказывала воздействие на политическое и национальное сознание или же наоборот, – кипение страстей переносилось в историческую науку, вновь и вновь требуя от нее «доказать» правильность, историческую обоснованность и необходимость реализации национальных программ. с «самых высоких научных кафедр» слышались вопросы и предлагались «окончательные ответы», наряду с призывами строго уклоняться от эксклюзивности, односторонности и всех иных форм ненаучности. На фоне таких различных и взаимоисключающих взглядов наименьшим вниманием пользовались рациональные позиции тех историков, которые предупреждали, что о югославии нельзя говорить как об «ошибке». ее следует расценивать как исторический факт, используя научную аргументацию и анализируя ее историческую роль, имея в виду ряд позитивных и

[1197] см. подробно: *Radojević M.* Stereotipi o jugoslovenstvu // Myths and stereotypes of the nationalism and communism in ex Yugoslavia. Novi Sad, 2008. P. 44–55.

негативных последствий для всех народов, которые жили в ее границах. Защищая достоинство и честь исторической науки, Бранко Петранович еще в начале 90-х гг. минувшего века предпринял попытки вернуть на почву исторических фактов и объективного их обсуждения весь этот обширный корпус дилемм, обвинений и вердиктов. говоря о характере югославянской интеграции, о многочисленных противоречиях югославянского объединения и сложном узле проблем, сопровождавших существование югославского государства, он размышлял во временно́й вертикали длиннее одного столетия, имея в виду, насколько трудно современникам исчезновения югославии сохранить рациональность подхода[1198].

одна из наиболее распространенных интерпретаций югославянской идеи указывает на ее романтизм либо нерациональность и неподготовленность. однако анализ исторических источников первых лет xx в. свидетельствует, что ее культивирование было результатом чувства опасности для нации и государства. Борцы за югославянскую идею утверждали, что она представляет собой историческую реальность и необходимость, поэтому она и стала идеологией определенной эпохи, которая пыталась соединить демократию и национализм. По воспоминаниям Милана грола, югославянство начала xx в. не имело ничего общего с романтизмом людевита гая, епископа Йосипа Штросмайера и князя Михаила обреновича, хотя и их убеждения уважались. Подталкиваемое «инстинктивным чувством самосохранения», югославянство у молодежи превратилось в реальную силу, в готовность к самопожертвованию, к революционной деятельности. романтизм был не в идеях, «жестоко реалистичных», но в способе, которым их отстаивали[1199]. сербский интеллектуал и политик Божидар Маркович также утверждал, что новое югославянское движение, более сильное и успешное, чем все предыдущие, не было спонтанным, романтическим и сентиментальным. По его мнению, для этого движения были характерны проникновение в народные массы, демократизм и реалистичность[1200]. оценивая положение, в котором королевство сербия и сербский народ находились перед Первой мировой войной, один английский автор сказал, что сербия – это «осажденная страна», а ее население – «народ-узник». соглашаясь с этим мнением, Йован цвийич подчеркивал, что обращенность сербии к Западу и к югу была не «…стремлением династии, властителей, которые набросились на страну и таким образом распространяют свою власть и наращивают силу» или же «…стремлением одного сословия, военного или дворянского, которое таким путем приобретает большее значение и более высокие титулы», а «…мощной мыслью и волей целого народа»[1201]. из такого ощущения и родилась идея создания единого, более крупного государства, которое объединило бы южных славян, гарантируя им свободное национальное развитие. По мнению сербской интеллектуальной элиты, это госу-

[1198] *Petranović B.* Jugoslovensko iskustvo srpske nacionalne integracije. Beograd, 1993.
[1199] *Грол М.* из предратне србије: Утисци и сећања о времену и људима. Београд, 1939. с. 153–154.
[1200] *Марковић Б.* омладина у југословенском покрету // Југословенска демократска лига. Париз, 1919. № 1. с. 16.
[1201] *Цвијић Ј.* говори и чланци. књ. II. Београд, 1921. с. 14, 30.

тания, Франция и россия, а позже и италия) уже в первые месяцы войны при знали «принцип национальных чаяний» [1202] . и позднее союзники неоднократно подтверждали, что прочный европейский мир возможен, если «будет произведено полное исправление карты европы по этническому принципу»[1203]. Наконец, один из важнейших документов периода войны, знаменитые «14 пунктов» американского президента вудро вильсона, провозглашал право народов на самоопределение [1204]. Эти документы считались основой политики антигерманской коалиции, хотя в международной практике принцип народности оспаривался политикой территориальных компенсаций.

Но, несмотря на это, на таких основах стало возможным создание югославского государства на территории королевства сербия, Черногории и югославянских областей австро-венгрии, существование которых надо было оспорить. габсбургская монархия разрушилась как неустойчивое многонациональное государство, ставшее со временем «тюрьмой народов» и историческим анахронизмом. По этой причине государства, создаваемые на ее обломках, в принципе должны были стать мононациональными. любое напоминание о различиях между южными славянами, которые хотят иметь общее, а значит многонациональное, государство шло бы во вред делу. такой тезис невозможно было бы отстоять перед союзниками, вынужденными, к тому же, считаться с международным общественным мнением. а ведь без согласия и практической поддержки со стороны антанты и сШа создание такого гипотетического сообщества было нереальным. югославянское государство не могло с самого начала нести на себе «родимые пятна» в виде проблем еще существующей, но уже распадавшейся австро-венгрии. По этим практическим причинам был поставлен знак равенства между югославянством как государственной идеей и югославянством как идеей национальной. создание единого государства обосновывалось существованием единой нации. сербское правительство с таких позиций выступило уже в декабре 1914 г. Нишская декларация провозглашала: «Убежденное в решимости всего сербского народа устоять в святой борьбе за защиту своего очага и своей свободы, Правительство королевства считает своей наиглавнейшей и в этот судьбоносный момент единственной задачей обеспечить успешное завершение этой большой войны, которая в тот момент, когда она началась, стала и борьбой за освобождение и объединение всех наших порабощенных братьев сербов, хорватов и словенцев. Блестящий успех, который увенчает этот ратный труд, искупит обильные жертвы, которые приносит сегодняшнее поколение сербов» [1205]. с этой программой были ознакомлены союзники, которые ее приняли к сведению, но не согласились публично, вплоть до второй половины 1918 г. отказываясь допустить раздел австро-венгрии. все более поздние официальные документы сербского правительства, в которых говорилось о военных целях и будущем югославянском государстве, также обосновывались национальным единством сербов, хорватов и словенцев. такая

[1202] *Станковић Ђ.* Никола Пашић, савезници и стварање Југославије. Зајечар, 1995. с. 53.
[1203] там же.
[1204] Građa... Knj. I. S. 17–18.
[1205] Jugoslavija... S. 37.

политика с течением времени стала популярной, особенно потому, что великая война все чаще воспринималась и как ве-

ликая мировая революция. сербское правительство желало представить южным славянам и общественному мнению союзных стран доказательства, что сербов, хорватов и словенцев из австро-венгрии оно считает своими равноправными братьями. Поэтому уже осенью 1914 г., после крупных военных побед и взятия в плен нескольких десятков тысяч австро-венгерских солдат, сербское руководство отделило сначала всех славян, а затем и южных славян, обеспечивая им более благоприятные условия содержания и возможность вступить в сербскую армию[1206]. По тем же причинам оно закрывало глаза на тот факт, что в преступлениях в Мачве, которые совершили австро-венгерские части, участвовали не только представители хорватского и словенского народов, но и сербы из австровенгрии. По практическим соображениям уже первое югославянское государство, еще до своего возникновения, стало «государством примирения». в то же время, ангажируя свою интеллектуальную элиту для пропаганды югославянского государства, сербское правительство предпринимало попытки обеспечить идее этнического единства научную основу. со своей стороны, представители хорватов и словенцев в ряде документов, официальных заявлений, резолюций и деклараций подчеркивали национальное единство с сербами. После войны сербские политики напоминали анте трумбичу, наиболее авторитетному представителю австро-венгерских югославян, как в годы войны он говорил, что хорваты, сербы и словенцы – это «кровь одной крови, кость одной кости»[1207]. в июле 1917 г. в качестве председателя югославянского комитета трумбич огласил с представителями сербского правительства корфскую декларацию. в ней стороны совместно выступили за создание королевства сербов, хорватов и словенцев на принципах конституционной, демократической и парламентской монархии. как и в ряде других документов, в этой декларации говорилось об одном народе с тремя именами[1208]. интерпретируя ее, трумбич заявил: «как есть только один народ, так пусть будет и одно единое государство»[1209]. другой крупный представитель хорватского народа, Франо супило, который больше всего в югославянской эмиграции заботился о хорватской особости в будущем государстве, писал в сентябре 1915 г. главе британского Форин оффис Эдуарду грею: «хорваты, сербы и словенцы – это генетически один народ с тремя именами, с различными историческими, государственно-правовыми и культурными традициями, но с одним языком и одной племенной расы» [1210]. то же самое утверждение можно прочитать в десятках других важных документов, в которых югославяне австро-венгрии отстаивали перед союзниками свое право на создание единого государства с королевством сербия и Черногорией. так, акцентируя

[1206] *Hrabak B.* Austro-ugarski zarobljenici u Srbiji 1914–1915. godine i prilikom povlačenja kroz Albaniju // Historijski institut Slavonije. Zbornik. 1964. № 2. S. 107–204; *Радојевић М.* Указ. соч. с. 139–142.

[1207] *Јовановић Д.* Људи, људи...: Медаљони 46 умрлих савременика са фотографијама. Београд, 1975. с. 81.

[1208] Jugoslovenski federalizam: Ideje i stvarnost. Tematska zbirka dokumenata / Prired. B. Petranović, M. Zečević. Knj. 1. Beograd, 1987. S. 36–38.

[1209] *Trumbić A.* Nekoliko reči o Krfskoj deklaraciji // Ibid. S. 42–44.

[1210] Писма и меморандуми Франа супила 1914–1917 / Приред. д. Шепић. Београд, 1967. с. 106–107.

этническое единство, в январе 1918 г. в своем заявлении югославянская академическая молодежь Загребского университета требовала, «чтобы народное государство словенцев, хорватов и сербов в своем внутреннем устройстве опиралось на широкую демократическую базу, чтобы каждому из исторических племен единого народа были гарантированы все исторические племенные осо бенности»[1211]. резолюция хорватских, сербских и словенских политиков, принятая в Загребе в марте 1918 г., гласила: «…Необходима консолидация всех партий и групп, которые, находясь на позициях народного единства и опираясь на принцип народного самоопределения, требуют своей народной независимости и государство словенцев, хорватов и сербов, устроенное на демократических основах» [1212] . резолюция хорватской Партии права а. старчевича в июне 1918 г. утверждала: «…Народ хорватов, сербов и словенцев – это есть под тремя именами один и тот же народ»[1213]. Наконец, Народное вече, сформированное в Загребе в октябре 1918 г. из членов хорватского сабора, заявило: «Мы требуем объединения всего нашего народа – словенцев, хорватов и сербов – на всей его этнографической территории, невзирая ни на какие областные и государственные границы, в которых он сегодня проживает… Этот документ, один из важнейших для процесса возникновения югославского государства, был оглашен в июле 1917 г. представителями правительства королевства сербии и югославян австро-венгрии, объединенных в югославянском комитете, в котором они совместно выступили за создание королевства сербов, хорватов и словенцев на принципах конституционной, демократической и парламентской монархии. как и в ряде других документов, и в этой декларации говорилось об одном народе с тремя именами»[1214].

характерно, что количество подобных документов возрастало с приближением конца войны, когда уже было очевидно, кто выйдет из войны победителем. Можно также заметить, что акцентирование этнического единства даже в большей степени наблюдалось с хорватской и словенской стороны, что можно объяснить усиливающимся страхом будущего. и, наконец, единство мнения о существовании одного народа с тремя именами получило наивысшее подтверждение в корфской декларации согласно воле сербского правительства и югославян австро-венгрии. Последовательность такой позиции постепенно получала поддержку и дипломатии союзников, прежде всего Франции, представители которой осенью 1918 г. говорили о «югославянах, известных под именем народа с тремя именами»[1215]. в те победные дни, когда важнейшей проблемой стало создание югославян-
ского государства, многие тогдашние знания и опыт отошли на второй план. Предполагалось, что югославянская идея не получила одинакового развития на всех объединившихся территориях, что взгляды всех участников процесса объединения на устройство государства не были едины, что национальные меньшинства (албанцы, венгры и немцы) почти полностью отвергали югославянское государство. также было забыто, что сербский и хорватский опыт приобретения

[1211] Jugoslovenski federalizam… S. 49.
[1212] Ibid. S. 50.
[1213] Ibid. S. 51.
[1214] Građa… Knj. II. S. 373−374.
[1215] *Станковић Ђ.* Указ. соч. с. 271.

государственности был абсолютно разным. сербы создавали свое государство в освободительных и объединительных войнах, а хорватский опыт опирался на долгую традицию государственных договоров. в момент создания государства немногие понимали, что ни одна из частей народов, на объединении которых так настаивали, не решила задачу своей национальной интеграции. собственную го-

сударственность и международное признание имели только сербы королевства сербия, в конце войны уверенные в том, что, собрав почти весь сербский народ в одном государстве, они достигли своей цели, поставленной еще веком ранее.

и тот факт, что первое югославянское государство столкнется с рядом проблем, продемонстрировали прежде всего те, кто в наибольшей степени был вовлечен в югославянскую пропаганду, – интеллектуалы и политики югославянской ориентации, учредившие в ноябре 1918 г. в Париже югославянскую демократическую лигу. Наивысшей целью лиги они назвали работу в направлении «полного слияния сербов, хорватов и словенцев в культурно-национальное целое», чтобы совместными усилиями развивать югославянскую культуру[1216]. важнейший вывод, к которому приводила, таким образом, сформулированная цель, означал опосредованное признание, что настоящего югославянского единства нет и что над этим только предстоит работать[1217]. в то же время в дискуссии, развернувшейся вокруг первых проектов конституции, можно было услышать, что уравнивание югославянства как государственной идеи с югославянством как национальной идеей, хотя и оправданно, создало бы проблемы на ближайшее будущее, когда предстоит преодолевать множество различий. столкнувшись с критикой, поборники югославянского этнического единства объясняли свои убеждения потребностью в государственном единстве и желанием «приблизить будущее»[1218]. Уже тогда стали говорить о национальных особенностях и необходимости обеспечить их конституционными решениями и что на объединение повлияла сила сербского оружия и диктат из Белграда. столкнувшись с такими обвинениями, сербские политики напомнили хорватским и словенским национальным представителям о совместном отстаивании этнического единства, что позволило перед лицом союзных держав отстоять идею единого независимого югославянского государства. во время той полемики любомир стоянович, академик и один из вождей югославянской республиканской партии, писал: «сербские политики (практически все) поверили словам хорватов и словенцев (причем как тех, кто оставался дома, так и тех, кто находился в эмиграции), которые по всему свету трубили, что они только с сербами, что они хотят с ними создать независимое государство и освободиться от австрии, и, исходя из этих позиций, они прокламировали народное единство и посредством конституции создали обычное централистское государство»[26]. По словам стояновича, «югославию» следовало понимать как государственный договор или государственное единство, а «югославянство» – как идею народного единства, так

[1216] асаНУ. Заоставштина J. цвијића. 14.460-III-в-101. Југословенска демократска лига. Привремена правила.
[1217] см. подробно: *Радојевић М.* Указ. соч. с. 305–321.
[1218] *Кнежевић Р.* Љубомир давидовић // споменица Љубомира давидовића. Београд, 1940. с. 17. [26] *Stojanović Lj.* Još o ulozi Srba // Nova Evropa. Knj. X. № 15. 21. novembar 1924. S. 459. [27] Ibid. S. 457–463.

как речь идет о двух разных, не связанных между собой вещах. Первая стала реальностью, которую следовало бы уже тогда или разрушить, или укрепить, а вторая являлась вопросом будущего, над воплощением и подтверждением которого еще следует трудиться[27]. разразившийся вскоре глубокий политический кризис продемонстрировал, что речь могла идти о югославянстве как о государственной, но отнюдь не национальной идее.

такие и подобные интерпретации исторической ситуации, в которой оказа лись югославы, продемонстрировали слабый фундамент югославянского сообщества, проблематичность формул, по которым оно выстраивалось, различное понимание национального единства, национальных прав и ответственности в отношении единого государства, недостаток межнациональной солидарности и тождества интересов. в этом проявлялись незавершенность национальной интеграции и неизжитый национализм. Был поднят вопрос об «исторической преждевременности», а затем и «исторической иллюзии», хотя югославское государство было не единственным, при создании которого можно говорить о неполном соблюдении права народов на самоопределение. Чехословацкое государство, например, созданное по той же модели, имело такие же проблемы, но ему удалось, в отличие от югославии, избежать столь трагического конца. сербско-хорватский спор по данной проблеме продолжался в течение всего межвоенного периода, а дискуссия по ней по-прежнему остается предметом политических, национальных и историографических расхождений. в случае югославии обнаружилось, что это государство в течение столетия находило и утрачивало причины существования. Это являлось следствием, в равной мере, и ее внутренних противоречий, и международных обстоятельств, в которых разыгрывалась ее трагедия.

П. А. Искендеров

Распад Австро-Венгрии: боснийский фактор

Начиная с оккупации Боснии и герцеговины австро-венгрией в 1878 г. развитие этих двух областей носило сложный и противоречивый характер. Провозглашение их аннексии в 1908 г. имело в основном внешнеполитическое значение, поскольку фактически они уже были присоединены к владениям габсбургов. октроированная в 1910 г. конституция Боснии и герцеговины политически модернизировала провинцию, «встраивая» ее в сложную конструкцию дуалистической монархии таким образом, чтобы не нарушить равновесие между цислейтанией и транслейтанией. Накануне этого события видный австрийский юрист Эдмунд Бернатцик в обстоятельной статье на страницах «Neue Freie Presse» счел нужным остудить некоторые горячие венгерские головы. он напомнил им, что Берлинский трактат 1878 г. передал Боснию и герцеговину не венгрии, а именно австро-венгрии. согласно действовавшему тогда закону об управлении Боснией и герцеговиной от 1880 г. «всякое изменение отношения данных провинций к Монархии нуждается в согласовании и одобрении законодательствами обеих частей Монархии»[1219]. Помимо прочего, конституция должна была успокоить местное сербское и мусульманское население после аннексии, а также уменьшить возможности для объединения хорватов в границах австро-венгрии [1220] . однако победоносные для сербии Балканские войны 1912–1913 гг. оказали значительное воздействие на национальные чувства габсбургских сербов. в их среде распространялась идея осуществимости появления в регионе объединенного сербского государства. как справедливо отмечал полковник сербской армии Чедомир Попович, «боевые чувства и огромная вера в себя достигли таких размеров в массах нашего народа в Боснии и герцеговине, что уже стали представлять опасность»[1221]. кроме того, перед мировой войной «резко усилилась поощряемая правительством в Белграде подрывная деятельность легальных и полулегальных сербских организаций на территории австрии, венгрии и, в особенности, Боснии и герцеговины»[1222]. Новый этап в истории провинции наступил в 1914 г. с началом мировой войны, первые выстрелы которой прозвучали, по сути, в Боснии, в сараево 28 июня. именно по проблеме обустройства Боснии и герцеговины пролегла в годы
войны одна из важнейших линий противоречий австрийских и венгерских политических, экономических и военных кругов – противоречий, которые в качестве важного внутреннего фактора сыграли не последнюю роль в последующем крушении монархии габсбургов. хотя, по счастливому стечению обстоятельств, бóльшая часть самой Боснии и в том числе сараево избежали печальной участи

[1219] Neue Freie Presse. 1909. 21.XII.

[1220] *Йовеевска М.* Балканските провинции на хабсбургската държава. велико търново, 1999. с. 184–185.

[1221] *Popović Č. A.* Rad organizacije «Ujedinjenje ili Smrt»: Granični oficiri // Nova Evropa. Kn. XVI. Br. 5. Zagreb, 1927. S. 145.

[1222] *Вяземская Е. К.* Босния и герцеговина: их место и роль в европейских конфликтах // в «пороховом погребе европы». 1878–1914 гг. М., 2003. с. 343.

превратиться в арену боевых действий (при том, что боснийцы сражались в ря дах как австро-венгерской, так и сербской армии), политические споры вокруг этой провинции кипели нешуточные. в первые недели после убийства Франца Фердинанда ситуация в Боснии и герцеговине была накалена, наместник провинции оскар Потиорек «кипел» жаждой мести. известна его образная фраза, относившаяся к спасению из-под пуль гаврилы Принципа 28 июня 1914 г.: «я был запасным в сараево, и я могу даже умереть, чтобы отомстить за это». Потиорек был пассажиром в машине, которая везла эрцгерцога Франца Фердинанда, и присутствовал при убийстве эрцгерцога, причем на судебном процессе и в тюрьме Принцип утверждал, что пуля, которой случайно была убита супруга эрцгерцога, софия, предназначалась именно Потиореку. вскоре в провинции было введено чрезвычайное положение, приостановлено действие конституции, закрыты значительная часть сербских гимназий и подавляющее большинство сербских газет. Продолжала выходить – и даже с июля увеличила свою периодичность, став ежедневной, – только «истина». Это был печатный орган сербского клуба – одной из парламентских фракций сабора. им руководил заместитель председателя парламента данило димович, настроенный на сотрудничество с властями. в провинции начались массовые обыски, аресты и избиения мирного населения. Уже 20 июля 1914 г. «было издано распоряжение по осуществлению наблюдения и надзора над сомнительными лицами сербской национальности (из Монархии и из-за границы), чтобы покушения не перекинулись на другие области империи и не подвергались угрозе какие-либо объекты. На эти меры, предпринятые перед войной, легко наложилась практика массовых гонений сразу после ее начала»[1223].

Наряду с полицией в этих погромах усердно участвовали полувоенные добровольческие отряды, созданные из мусульман и членов католической партии хорватское политическое общество («Удруга»), которую возглавлял сараевский архиепископ Йосип Штадлер. Члены этих отрядов («легионаши») осуществляли налеты на сербские общественные и культурные организации, уничтожали и грабили имущество сербов. в одном только сараево было разгромлено около тысячи сербских домов и лавок. Провокационные погромы производились также в добое, вареше, Бугойно, високо, Мостаре, травнике, Брчко и других населенных пунктах[1224]. антисербским акциям активно придавалась религиозная окраска: «в герцеговинских деревнях крестьяне соседних сел нападали на сербов, а также отмечались случаи, когда православных детей заставляли креститься на римско-католический манер. Это продолжалось целый месяц, а за два дня до начала войны были взяты в заложники авторитетные люди, прежде всего попы»[1225].

Потиорек докладывал в вену о наличии «серьезного брожения в Боснии». 7 июля на заседании имперского кабинета министр финансов и глава гражданского управления провинции леон Билиньский признал, что репрессии властей вызвали у сербского населения Боснии и герцеговины опасные настроения. «Погромы сербов в сараево, – констатировал он, – довели до того, что все сербы

[1223] *Екмечић М.* ратни циљеви србије 1914. Београд, 1973. с. 165.

[1224] *Писарев Ю. А.* освободительное движение югославянских народов австро-венгрии. 1905–1914. М., 1962. с. 315; *Екмечић М.* Указ. соч. с. 164–177.

[1225] *Екмечић М.* Указ. соч. с. 166.

стали возбуждены и что вследствие этого невозможно различить, кто между сер бами еще лоялен правительству, а кто нет»[1226]. в тот же день начальник генштаба австро-венгерской армии барон конрад фон гетцендорф, характеризуя ситуацию в Боснии и герцеговине, признавался: «Недруги Монархии почти все – от чиновников до учащихся. Учителя, часто еще молодые люди, только что вышедшие из высшей школы, сами раздражены, полемизируют больше, чем надо, и вносят революционные идеи в школы». Подводя количественные итоги противников Монархии, барон писал: «60% сербов – непосредственные противники державы» [1227] . лидеры местных партий предостерегали австрийские власти от антисербской риторики и политики. депутаты сабора Боснии и герцеговины 2 июля 1914 г. посетили Потиорека и потребовали от него вмешаться «в целях предотвращения беспорядков и преследований сербов». в течение июля в Боснии и герцеговине действовал военно-полевой суд, призванный, в том числе, противодействовать антисербским погромам. даже Штадлер в своей проповеди в сараево 4 июля также призвал население «не наносить ущерб ближнему своему» [1228] . Позднее тот же архиепископ следующим образом характеризовал настроения, царившие в первые недели и месяцы войны в славянских областях австро-венгрии: «строго католические круги… предвидят, что под властью православия католическая жизнь обречена на исчезновение. однако религиозно индифферентная и большей частью антицерковная интеллигенция не разделяет подобное мнение и уже большей своей частью едина в идее, овладевшей данными кругами еще до войны, при условии, что они не находились под влиянием католической церкви: добиться лучшего национального, политического и хозяйственного существования путем присоединения к православному славянству». Поэтому единственное решение заключается в объединении католических областей южных славян до дрины в единое целое или в рамках австрийской монархии, или «как минимум объединение Боснии и герцеговины с хорватией, славонией и далмацией». в противном случае католикам Боснии угрожает опасность со стороны или православия, либо союза православных и мусульман, причем католики «были бы сведены к положению бессильного меньшинства»[11]. однако после австро-венгерского ультиматума сербии и последующего на-

чала боевых действий ситуация еще более осложнилась. еще в июле Потиорек заявил: «Босния и герцеговина переживают внутренний кризис, который может быть разрешен только разгромом сербии». с августа он сосредоточил в своих руках значительные полномочия, поскольку не только руководил гражданским управлением в обеих областях, но также командовал сараевским военным округом дунайской монархии и войсками, дислоцированными в далмации. генерал Потиорек был личностью насколько примечательной, настолько и неоднозначной. ораторское искусство в нем, пожалуй, превалировало над полководческими умениями, а склонность к геополитическим комбинациям подкреплялась жестоким подавлением сопротивления порабощенного населения. деятельность Потиорека, формально преследовавшая цель

[1226] Protokolle... S. 145.

[1227] ÖUA. Bd. VIII. Wien; Leipzig, 1930. № 10113. S. 340–341.

[1228] австро-венгрия в период Первой мировой войны // война и общество в XX веке. кн. 1. / отв. ред. с. в. листиков. М., 2008. с. 429; *Imamović M.* Istorija Bošnjaka. Sarajevo, 1998. S. 463. [11] *Екмечић М.* Указ. соч. с. 127.

военно-политического ук репления Монархии, на деле вела к росту внутренних противоречий между двумя государствообразующими народами – австрийцами и венграми. Не случайно его главными оппонентами выступали правящие круги венгрии во главе с главой венгерского правительства графом иштваном тисой. в венгрии отдавали себе отчет в том, что никто в австро-венгрии не отменял принятый 21 декабря 1867 г. Закон об общих делах всех земель австрийской монархии и о порядке управления ими. Первый пункт этого документа провозглашал «общими делами королевств и земель, представленных в рейхсрате, и земель венгерской короны» «военные, в том числе военно-морские дела, за исключением разрешения рекрутских наборов, законодательства о порядке отбывания воинской повинности и распоряжений о дислокации и содержании войска, а также регламентации гражданского статуса лиц, состоящих в армии, их прав и обязанностей вне военной службы»[1229].

в качестве командующего Балканским фронтом Потиорек имел право направлять доклады о положении дел напрямую императору Францу иосифу и ставке – а не через существующее управление по делам Боснии и герцеговине при министерстве финансов, возглавляемое лайошем таллоци[1230]. Неудивительно, что деятельность Потиорека очень скоро вступила в противоречие с традиционной политикой венских правящих кругов, заключавшейся в совместном с венгерской стороной управлении Боснией и герцеговиной.

Помимо назначения на административные должности в обеих областях преимущественно австрийцев и обеспечения за австрийскими монополиями преимуществ перед венгерскими в освоении природных богатств Боснии и герцеговины, именно Потиорек развернул активную деятельность по выработке различных моделей административно-территориального обустройства провинции. Это начало вбивать опасный клин между веной и Будапештом по вопросу о Боснии и герцеговине. Уже в ноябре 1914 г. Потиорек вынес на рассмотрение руководства австро-венгрии план создания в сербии (после ее полной оккупации австро-венгерской армией) генерал-губернаторства – возглавить которое должен быть хорватский генерал стефан саркотич, а его канцелярия должна была состоять из офицеров и чиновников из Боснии. Это решение было согласовано Потиореком с военным министром австро-венгрии александром кробатином, но прошло мимо тисы и Билиньского. Последние встретили предложение Потиорека в штыки. тиса понимал, что присоединение к Боснии сербии нарушит существующий баланс сил в двуединой монархии за счет усиления славянского элемента, а поляк Билиньский опасался падения польского влияния в австрийском рейхсрате.

После того как план Потиорека потерпел неудачу вследствие противодействия объединенной венгерско-польской оппозиции, генерал разработал другой проект. речь шла о разделе Боснии и герцеговины между австрией и венгрией, причем австрии он отводил герцеговину и Бихачский край, а венгрии – более крупную по размерам (в полтора раза) и населению (более чем в два раза) Бос нию. Несмотря на

[1229] сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран европы и америки. 1870–1914. М., 1989. с. 241.

[1230] о деятельности таллоци в этом качестве см. подробно: *Okey R.* A Trio of Hungarian Balkanists: Beni Kallay, Istvan Burian and Lajos Thalloczy in the Age of High Nationalism // The Slavonic and East European Review. Vol. 80. № 2. April, 2002. P. 256–266.

количественные преимущества плана для венгрии, с качественной точки зрения подобный раздел Боснии и герцеговины был более выгоден для вены, поскольку австрия получала стратегически важные районы Балкан, через которые могла осуществлять продвижение далее в Новопазарский санджак, Черногорию и албанию – то есть в направлении адриатики. Что же касается Боснии, то ее природные ресурсы в любом случае оставались привязаны к австрии вследствие более значительного развития австрийских железных дорог, а население Боснии численностью более чем 1 млн 210 тыс. человек создавало дополнительную нагрузку на финансовую систему венгрии и вынуждало Будапешт предпринимать дополнительные меры безопасности. кроме того, это существенно нарушало этнический баланс в венгерских землях в пользу славянского элемента, ослабляя таким образом позиции венгрии в системе двуединой монархии.

План Потиорека о разделе Боснии и герцеговины встретил определенную поддержку при венском дворе – в частности, со стороны генерала артура фон Больфраса, начальника военной канцелярии императора. однако сам Франц иосиф под давлением тисы отклонил проект. в качестве одного из аргументов венгерский премьер использовал военные неудачи Потиорека на Балканском фронте[1231]. в декабре 1914 г. генерал был отправлен в отставку. Некоторые исследователи напрямую увязывали его военное фиаско с состоянием дел в многонациональной армии, являвшей собой слепок всего внутренне противоречивого австро-венгерского общества[1232]. тем не менее некоторые предложения Потиорека оказались реализованными. так, наместником Боснии и герцеговины действительно стал его приближенный хорват саркотич, а вместо подавшего в отставку Билиньского на пост министра финансов австро-венгрии, ведавшего, в том числе, делами Боснии и герцеговины, был назначен бывший глава австрийского правительства Эрнст кербер. Эти назначения не только не способствовали смягчению напряженности между веной и Будапештом по вопросу контроля над Боснией и герцеговиной, но еще больше обострили проблему. Правда, сам саркотич в качестве первого хорвата – управляющего Боснией и герцеговиной хорошо понимал необходимость реформирования внутреннего государственного устройства двуединой монархии с тем, чтобы эффективнее противостоять «югославянской угрозе».

Усиление противоречий между австрийскими и венгерскими кругами вокруг Боснии и герцеговины происходило на фоне углубления там социально-экономического кризиса в условиях войны. в частности, за 1914–1915 гг. сельскохозяйственное производство – в том числе в плодородной Боснии – сократилось в четыре раза[1233]. военные реквизиции усугубляли положение. По данным боснийских источников, за годы войны в Боснии от голода и истощения умерло свыше 100 тыс. детей в возрасте до 10 лет[1234].

[1231] *Писарев Ю. А.* образование югославского государства. М., 1975. с. 121–124.

[1232] *Schindler J.* Disaster on the Drina: The Austro-Hungarian Army in Serbia, 1914 // War in History. 2002. Vol. 9. № 2. P. 159–195.

[1233] *Писарев Ю. А.* образование югославского государства... с. 147.

[1234] Напор Босне и херцеговине за ослобођење и уједињење. сарајево, 1929. с. 233–234.

саркотич начал свою деятельность с того, что 6 февраля 1915 г. распустил са
бор и впоследствии отказывался его восстановить, обвиняя всех депутатов сабора – сербов в государственной измене. Поэтому он и настаивал на необходимости ликвидации самоуправления в Боснии и герцеговине как средстве борьбы с просербскими настроениями. известна цитата из его письма керберу о том, что «лучшая политика в Боснии – это отсутствие всякой политики»[1235]. так он обосновывал необходимость введения в провинциях жестких ограничений не только на политическую, но и на культурно-просветительскую деятельность местных сербов. именно поэтому в провинции была запрещена кириллица, а вместе с ней и печатавшаяся этим шрифтом газета «истина», не представлявшая для властей никакой опасности. Подчеркивая намерения кербера придерживаться в Боснии и герцеговине принципа равноудаленности в отношении представителей всех трех важнейших конфессий, саркотич утверждал, что, учитывая состояние войны с «соседним королевством и борьбу Монархии за свое существование против панславизма», данный принцип не может быть применен к сербам, которые по своей «расе и вере» стоят в первом ряду врагов Монархии. Предлагая заменить распущенный сабор неким квазипредставительным административным советом, который должен был сотрудничать с канцелярией наместника, а фактически подчиняться ей, саркотич намеревался тем самым отменить конституцию 1910 г. однако общеминистерская конференция этот проект не поддержала. обиженному наместнику оставалось только сетовать на то, что ни в вене, ни в Будапеште правящие круги не знакомы с югославянскими и особенно с боснийскими реалиями...[1236]

После поражения сербии и союзной с ней Черногории в конце 1915 – начале 1916 г. в широких слоях населения Боснии и герцеговины возникли пессимистические и пораженческие настроения. ряд общественных деятелей – в частности, лидеры сербской народной организации данило димович и глигорие ефтанович – призывали подождать дальнейшего развития событий, не делать громких заявлений и не предпринимать никаких действий, способных вызвать жесткое противодействие властей. Но при этом оба они склонялись к вхождению Боснии и герцеговины в состав венгрии, чтобы избежать «поглощения» провинции австрией. Более решительно за присоединение Боснии и герцеговины к венгрии высказались лидеры студенческих организаций, а также Мусульманская народная организация Шерифа-эфенди арнаутовича, опасавшаяся чрезмерного усиления австрийского и германского капитала. Независимая мусульманская партия Боснии Эсада-эфенди куловича в целом выступала за расширение автономных прав Боснии и герцеговины. однако ряд ее членов также настаивали на переходе под венгерскую юрисдикцию[1237]. Что же касается партий боснийско-герцеговинских хорватов – штадлеровской «Удруги» и клерикаловфранковцев, – то они выступали за объединение обеих провинций с хорватией. Правда, сторонники Штадлера при этом настаивали на недопустимости включения в состав хорватии сербского населения, в то время как радикальное крыло

[1235] *Писарев Ю. А.* образование югославского государства... с. 142, 160.

[1236] *Kapidžić H.* Austro-Ugarska politika u Bosni i Hercegovini i jugoslovensko pitanje u 1914–1918 // Pregled. Sarajevo. 1958. № 11–12. S. 13–16.

[1237] Ibid. S. 18–20.

франковцев видело в сербах (в том числе боснийских) равноправных партнеров хорватов в рамках единого хорватского государства.

в дискуссию о будущем Боснии и герцеговины активно включились поли тики и общественные деятели самой хорватии, что создало еще один узел противоречий в монархии габсбургов. Некоторые депутаты хорватского сабора, заседавшего в Загребе с декабря 1915 по февраль 1916 г., предложили включить Боснию и герцеговину вместе с далмацией в состав хорватии. в свою очередь, последняя должна была стать одной из составных частей федерации пяти католических государств наравне с австрией, венгрией, Чехией и Польшей. Этот план принадлежал сторонникам председателя хорватской Партии права Миле старчевича. данная партия еще до войны поднимала вопрос о присоединении Боснии и герцеговины к хорватии «согласно естественному и государственному праву»[1238].

в Боснии хорватские националисты пользовались поддержкой хорвата саркотича. он же, в свою очередь, стремился их использовать в борьбе против сербов, которая сопровождалась организацией громких судебных процессов в отношении местных сербских лидеров с вынесением самых суровых приговоров. особое место среди них занял процесс в Баня-луке по обвинению 156 сербов в антигосударственной деятельности и связях с националистическими кругами в сербии, выстроенный на подложных полицейских документах – в том числе так называемом «дневнике капитана сербской армии косты тодоровича». согласно версии, разработанной местной полицией, обвиняемые находились на службе капитана тодоровича, а сам он являлся членом базировавшейся в Белграде сербской националистической организации «Народна одбрана» («Народная защита»), фигурировавшей еще в материалах расследования обстоятельств покушения на Франца Фердинанда. Несмотря на то что многие юристысовременники сразу же заявили о фальсификации следственных материалов – а видный хорватский юрист хинко хинкович заявил, что «суд был организован саркотичем с единственной целью – устрашить население и отвлечь его от борьбы с австро-венгерской монархией» [1239], – суд в Баня-луке приговорил 16 подсудимых к смертной казни[1240]. в своей политике саркотич пользовался широкой поддержкой австрийских и венгерских финансово-промышленных кругов, видевших в Балканах важнейшую сырьевую базу и рынок для обеспечения экономических интересов и самого выживания двуединой монархии. как писал в начале 1917 г. орган финансовых кругов венгрии газета «Pester Lloyd», «австро-венгрия должна стать твердой ногой на Балканах и всеми силами защищать свои интересы» [1241]. революционные события 1917 г. в россии оказали значительное влияние на развитие ситуации в Боснии и герцеговине, способствуя распространению идеи самоопределения наций. Под влиянием революционных настроений депутаты рейхсрата от югославянского клуба обнародовали 30 мая 1917 г. так называемую Майскую декларацию, в которой ставилась задача «объединения всех территорий

[1238] австро-венгрия в период Первой мировой войны... с. 422.
[1239] *Писарев Ю. А.* образование югославского государства... с. 160–161.
[1240] см. подробно: Der Banjaluka-Prozeß. Bd. I–II. Berlin, 1933.
[1241] Pester Lloyd. 1917. 14.I.

австро-венгрии, населенных словенцами, хорватами и сербами, в самостоятельный государственный организм под скипетром габсбургов»[1242].

[1242] *Šišić F.* Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. Zagreb, 1920. S. 94.

Эта программа получила заметное распространение в югославянских областях австро-венгрии (особенно в словении), но ряд национальных лидеров сразу же увидели в ней угрозу собственным планам и государственным основам Монархии. архиепископ Штадлер заявил, что Майская декларация противоречит интересам хорватского национального движения, тесно связанным с сохранением австро-венгрии: «Мы видим в единой и монолитной монархии габсбургов прочный щит против всех неприятелей, которые алчно тянут руки к хорватской территории. останемся же навсегда верными государю и государству»[1243].

спустя несколько месяцев – по итогам работы на острове корфу конференции представителей сербского правительства и лондонского югославянского комитета в июне–июле 1917 г. – на свет появился еще один план реорганизации монархии габсбургов – корфская декларация. она предусматривала появление на Балканах объединенного государства сербов, хорватов и словенцев, в состав которого должны были войти, в том числе, югославянские территории австровенгрии. Эта идея получила довольно широкую поддержку среди политических партий Боснии и герцеговины – за исключением социал-демократов. они «игнорировали как корфскую, так и Майскую декларацию, равно как и другие национальные программы, считая национальный вопрос делом буржуазии»[1244].

Февральская революция в россии оказала особое влияние на социал-демократическое движение в Боснии и герцеговине. в предыдущие годы оно не получило достаточного развития – в первую очередь из-за жесткой политики саркотича, осуществлявшего тотальный контроль над партийной деятельностью. рупором социал-демократов стала газета «Glas Slobode», возобновившая свой выход после почти трехлетнего перерыва 30 июня 1917 г. в ней публиковались материалы, посвященные необходимости достижения скорейшего мира и переустройства социально-экономической и национальной систем австро-венгрии на новых началах.

руководство социал-демократической партии Боснии и герцеговины (сдПБиг) возлагало большие надежды на стокгольмскую международную социалистическую конференцию, которой предстояло обсудить вопрос о заключении компромиссного мира. 19 мая представители партии Франьо Маркич и душан глумац заявили в стокгольме голландско-скандинавскому комитету, который готовил созыв конференции, что их партия выступает за будущий мир без аннексий, на основе права наций на самоопределение. Маркич и глумац разделяли распространенное тогда положение о том, что сербы, хорваты и словенцы – один народ, естественным правом которого является образование общего и независимого государства. если же осуществление этого желания окажется невозможным, они в качестве минимального требования выдвигали объединение всех югославян австро-венгрии на началах широкой автономии. Наилучшим же способом, по их мнению, югославянский вопрос можно решить в рамках Балканской федеративной республики[1245]. спустя три месяца, 28 августа 1917 г., вместе с делегатом социал-демокра-

---

[1243] цит.по: *Писарев Ю. А.* образование югославского государства... с. 202.

[1244] там же. с. 211.

[1245] Stockholm. Comité organisateur de la Conférence socialiste internationale de Stockholm. Stockholm, 1918. P. 188–190; http://www.labourhistory.net/stockholm1917/dokuments/p16.php#top (дата обращения 31 октября 2011 г.).

тической партии хорватии и славонии Мийо радошевичем Маркич передал голландско-скандинавскому комитету общий меморандум по югославянскому вопросу. Здесь уже не было той альтернативы, которая прозвучала 19 мая, и содержалось только одно требование – независимое югославянское государство на развалинах австро-венгрии. впоследствии, писали Маркич и радошевич, оно «могло бы присоединиться к Балканской республиканской федерации и вместе с ней стать самой большой гарантией мира». однако голландско-скандинавский комитет не воспринял их точку зрения и поддержал социал-демократов германии, австрии и венгрии, которые предлагали предоставить южным славянам лишь «культурно-национальную автономию» в рамках габсбургской монархии. именно это положение и было отражено в манифесте, с которым комитет обратился к социалистическим и рабочим партиям II интернационала. левое руководство сдПБиг из сараево тоже критиковало Маркича, но уже со своих позиций – за его отказ от Балканской федерации как непосредственной задачи. Поэтому «Glas Slobode» сообщал 30 сентября, что партия считает невозможным отделить югославянский вопрос от балканского и решение этих вопросов находится только в Балканской Федеративной республике [1246]. в первой половине 1918 г. на страницах газеты особое место занимали статьи
по национальному вопросу, вышедшие из-под пера Филипа Филиповича, одного из лидеров сербской социал-демократической партии, который призывал к решению югославянского вопроса на основе демократического объединения народов. одна из его статей называлась «самоопределение народов по реннеру». она содержала критику известной теории «культурно-национальной автономии» и «принципа персональности», который австрийский социал-демократ карл реннер положил в основу своего понимания данной теории и образования национальных областей [1247]. Поскольку, рассуждал реннер, сербы и хорваты являются двумя разными народами, то требуется их организовать в две национальнокультурные автономии в составе австро-венгрии. Филипович же был убежден, что с социалистической точки зрения данный способ решения национального вопроса «имеет реакционное значение, поскольку такая организация не сближает сербов и хорватов и препятствует их полному соединению». вслед за карлом каутским сербский социал-демократ утверждал, что план реннера не имеет ничего общего с марксизмом [1248]. тем временем ситуация в Боснии и герцеговине продолжала обостряться,
вызывая растущее беспокойство политического и военного руководства австровенгрии – и прежде всего карла габсбурга. он прямо заявил на коронном совете 30 мая 1918 г., что «от решения югославянского вопроса зависит судьба Монархии» [1249]. 13–14 мая в сараево было проведено особое совещание с участием саркотича, а также генерал-губернаторов сербии и Черногории. оно ознаменовалось новыми острыми дебатами вокруг статуса югославянских областей и привело к еще большему обострению противоречий между веной и Будапештом. саркотич в развитие своих предыдущих идей предложил преобразовать монархию габсбургов в субдуалистическое

[1246] Ibid. S. 168–187, 497; европейское социалистическое движение 1914–1917: разрубить или развязать узлы? / отв. ред. р. П. гришина, и. и. костюшко. М., 1994. с. 245.
[1247] об этой теории см. подробно в статье о. и. величко в данной книге.
[1248] Glas Slobode. 1918. 27.IV.
[1249] Protokolle... S. 661.

государство с включением в состав австрии польских, а в состав венгрии – югославянских земель. в последнем случае венграм надлежало согласиться на появление хорватского королевства, объединяющего в своем составе собственно хорватию, а также далмацию, боснию и герцеговину и пользующегося широкими автономными правами. смысл этого предложения заключался в попытке лишить сербию притягательного для югославян образа «сербского Пьемонта» и «короновать» им хорватию. однако венгры не без оснований видели в предложениях саркотича попытку превратить австро-венгрию в триалистическое государство в духе проектов покойного Франца Фердинанда. в результате жарких дискуссий предложения саркотича не были поддержаны на коронном совете 30 мая: венгерская сторона настаивала на преобразовании монархии габсбургов на основе персональной унии австрии и венгрии[1250].

обострение ситуации в Боснии и герцеговине – где ведущие политические партии в марте 1918 г. вошли в состав коалиции «Национальная концентрация» и по мере ухудшения военно-политического положения австро-венгрии все больше склонялись к объединению с сербией – заставило вену предпринять еще одну попытку убедить лидеров провинции сохранить верность габсбургам. Эта миссия была возложена императором карлом на тису. 20 сентября граф прибыл в сараево. он посетил саркотича, который рассказал ему о волнениях и революционном брожении, охвативших Боснию и герцеговину. в ходе последующей встречи с делегацией боснийских партий тиса столкнулся с жесткими требованиями боснийских сербов об их объединении с сербией. кроме того, югославистски настроенные политики – хорваты, сербы и боснийские мусульмане – во главе с бургомистром Мостара вручили ему меморандум о решении проблемы Боснии и герцеговины на основе принципа самоопределения наций при их равноправии и политической самостоятельности. тису поразило не только содержание, но и непривычно резкий тон этого документа. «господа, если вы хотите говорить серьезно, оставьте в покое лозунг национального самоопределения!» – прозвучал ответ тисы. еще одна его встреча с боснийскими лидерами 22 сентября лишний раз подтвердила, что боснийцы не желали иметь ничего общего с венгрией (оглашенные графом тисой предложения предусматривали присоединение Боснии и герцеговины к венгерскому королевству). Что же касается реакции графа на меморандум боснийских лидеров, то она была насколько эмоциональной, настолько и лишенной чувства реальности: «Неужели я приехал к вам за тем, чтобы читать эти глупости?»[1251].

как вспоминал позднее министр иностранных дел австро-венгрии оттокар Чернин, венгерские круги до самых последних дней войны не желали «упускать из своих рук такую ценную жемчужину, как хорватия». именно в этих целях в конце сентября 1918 г. правительство Шандора векерле «предложило создать единую хорватскую автономию, присоединить к хорватии (то есть к венгрии) находившуюся под совместным управлением Боснию и герцеговину, а заодно и населенные хорватами районы далмации». тот же Чернин привел показательное высказывание тисы, которое и прозвучало эпилогом его встречи с боснийскими делегатами: «вы думаете, Монархия

[1250] *Писарев Ю. А.* образование югославского государства... с. 263–265.
[1251] там же. с. 269–272; австро-венгрия в период Первой мировой войны... с. 441.

умерла? Знайте, что, прежде чем мы погибнем, у нас найдется достаточно сил, чтобы уничтожить вас!»[35].

однако у монархии габсбургов уже не было ни военной мощи, ни политичес[1252]-кой воли для того, чтобы противостоять центробежным тенденциям, поскольку «национальные устремления всех славян империи стали перекликаться с антивоенными настроениями»[1253]. На открывшемся 2 октября очередном коронном совете имперский министр финансов барон александр Шпицмюллер-хармерсбах проинформировал собравшихся об итогах своей поездки в Боснию и герцеговину. в ходе ее он уже не помышлял о повторении жестких речей тисы, а лишь уговаривал местных делегатов отказаться от присоединения к сербии. констатируя провал переговоров в сараево, министр озвучил известное предложение саркотича о вхождении Боснии и герцеговины в состав хорватии, призванной стать противовесом «сербскому Пьемонту». однако и на этот раз по инициативе векерле даже такая половинчатая мера была отвергнута. его активно поддержал министр иностранных дел и крупный венгерский магнат иштван Буриан, заявивший о «неподготовленности» предложений саркотича и Шпицмюллера[1254].

инициатива окончательно ускользала из рук «верхов» монархии габсбургов. По всей империи – в том числе и в ее югославянских областях – возникали национальные комитеты или народные советы, ставшие ядром рождавшейся или возрождавшейся государственности народов многонациональной австро-венгрии. По образному выражению российского исследователя в. Н. виноградова, «в одночасье были преданы забвению преимущества, предоставляемые обширным экономическим пространством, емким внутренним рынком, хозяйственным срастанием отдельных областей, навыками управления, обеспечивавшими совместное проживание народов, хотя и не бесконфликтное, но и до уровня гражданской войны не обострявшееся»[1255]. в истории Боснии и герцеговины наступал новый этап…

[1252] *Чернин О.* в дни мировой войны. сПб., 2005. с. 499.

[1253] австро-венгрия в период Первой мировой войны... с. 441.

[1254] Protokolle... S. 692–695. в своих мемуарах Шпицмюллер утверждал, что планы создания автономного югославского государства и превращения дуалистической монархии в триалистическую обсуждались в правительственных кругах вены еще весной 1916 г. см.: *Spitzmüller-Harmersbach A.* Der letzte österreichisch-ungarische Ausgleich und der Zusammenbruch der Monarchie. Berlin, 1929. S. 41.

[1255] *Виноградов В. Н.* На руинах многонациональных империй // Первая мировая война: пролог XX века / отв. ред. в. л. Мальков. М., 1998. с. 333.

В. П. Любин, Г. Д. Шкундин

Италия и Австро-Венгрия: *terre irredente* как повод для войны[1256]

> Мыс Сальворе тоже входит в ставку в игре, что разыгрывается далеко отсюда, не столько между Италией и Югославией, сколько между великими державами, руководители которых… верят, что они могут оспаривать господство над миром.
>
> Границы перемещаются, удлиняются и укорачиваются, сначала только на клочках бумаги, которыми обмениваются дипломаты, выбрасывающие их потом в корзину. ***Клаудио Магрис. Другое море. СПб., 2005. С. 163–164***

Терре ирредент – один из политических терминов, знакомый большинству образованных европейцев. ирредентизм, сначала бывший типично итальянским понятием, дал жизнь более широкому толкованию, им стали обозначать стремление нации собрать людей своей культуры и своего языка на единой национальной территории. одна из самых заметных ныне на мировой арене стран – италия имеет за пле-

чами всего 150 лет общенациональной истории с тех пор, как многочисленные княжества, герцогства и королевства апеннинского полуострова стали единой страной[1257]. На пути этого объединения с самого начала стоял ряд препятствий. Уже после формального объединения в 1861 г., позднее, в 1866 г., в состав итальянского королевства вошли венецианская область, в 1870 г. – рим, ставший итальянской столицей. Но за пределами объединенной территории еще в начале хх в. оставался ряд территорий, на которые претендовали итальянцы, считавшие их не присоединенными или неискупленными землями – *terre irredente* (оставляем здесь и далее итальянский термин, вошедший в таком виде в другие языки. – *В. Л., Г. Ш.*). речь идет о южном тироле, в итальянском обозначении трентино, и территорий, входивших в состав административной единицы цислейтании − Приморья. к ним относились австрийские «коронные земли» − графство горица и градишка, маркграфство истрия и крупнейший из принадлежавших габсбургской монархии портов на адриатике – триест. с австро-венгрией у италии, несмотря на партнерство в созданном в 1882 г. по инициативе Бисмарка тройственном союзе, складывались довольно напряженные отношения. лишенные других возможностей, итальянские власти пытались в конце XIX – начале XX в. всячески поддержать остававшееся за пределами страны итальянское население, отстаивая его право на культурную автономию, на обучение итальянцев австро-венгрии на родном языке, вплоть до открытия итальянских университетов[1258].

[1256] работа выполнена в рамках поддержанного ргНФ проекта 09-01-00259а. авторы выражают благодарность коллегам из италии и австрии − Марине росси и кристиану Штеппану за присланные ими ссылки на статистические источники по этническому составу цислейтании и ее регионов – триеста и тироля – в предвоенное время.

[1257] 150-летие объединения италии отмечалось в 2011 г.

[1258] См., например, документы авПри за 1900–1917 гг., фонды канцелярия, секретный архив и др.

как известно, вопрос об «обиходном языке» ставился в основу при определении национальности во время периодически проводившихся в Монархии переписей населения. если выбрать его в качестве основного критерия национальной самоидентификации, то из нижеприведенной таблицы можно увидеть, что общее количество итальянских подданных габсбургской монархии к началу мировой войны приближалось к 800 тыс. человек. Подавляющая часть их проживала в цислейтании. Этнический же расклад населения двуязычного тироля на протяжении 60 лет перед первой мировой войной практически не изменился. итальянский компонент, хотя и оставался здесь многочисленным, по-прежнему уступал немецкому[1259].

Использование населением в качестве родного языка

Земли	Год	Немецкий	Чешский	Польский	Рутенский	Словенский	Сербскохорват.	Итальянский	Руми
тироль	1851	424751 56,35%	–	–	–	–	–	328520 43,58%	
	1880	432062 54,39%	430 0,05%	69 0,01%	1 0,00%	899 0,11%	9 0,00%	360975 45,44%	
	1890	437393 54,79%	1289 0,16%	74 0,01%	13 0,00%	174 0,02%	17 0,00%	359331 45,01%	0,00
	1900	460840 55,46%	1695 0,20%	97 0,01%	3 0,00%	301 0,04%	30 0,00%	368021 44,29%	0,00
	1910	525115 57,31%	4195 0,46%	377 0,04%	255 0,03%	546 0,06%	54 0,00%	385700 42,09%	0,00
цислей-тания	1851	6333183 36,12%						530190 3,02%	
	1880	8008864 36,75%						668653 3,07%	
	1890	8461580 36,05%						675305 2,88%	
	1900	9170939 35,78%						727102 2,84%	
	1910	9950266 35,58%						768422 2,75%	

Население, считавшее итальянский язык родным, численно преобладало лишь к югу от альп, в южной части провинции. оно было представлено политически пассивным крестьянством, которое не испытывало страстного желания инкорпорироваться в итальянское королевство и потому блаженно игнорировало исходящие оттуда призывы к объединению, хотя, в большинстве своем, очевидно, приветствовало бы «искупление» и «освобождение», если бы они произошли сами собой[1260]. иной была ситуация в горице и градишке, где итальянцы проживали вперемежку со словенцами. словенские крестьяне, часто находившиеся в экономической зависимости от итальянской буржуазии и аристократии, а также

[1259] Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. III. 1. Teilband. Die Völker des Reiches / Hrsg. A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Wien, 1980. S. 38–39.

[1260] *May A.* The Passing of the Hapsburg Monarchy 1914–1918. Philadelphia, 1966. P. 171.

служащие, работавшие в итальянских предприятиях и учреждениях, зачастую вынуждены были заявлять, что их обиходный язык − итальянский. На этом основании они записывались как итальянцы. Но даже по этим данным, к которым следует относиться весьма осторожно, в 1913 г. в графстве насчитывалось 154,5 тыс. словенцев и 90,15 тыс. итальянцев[1261].

Население истрии, по результатам переписи 1910 г., на 58% было славянским и лишь на 38% итальянским. в 1913 г. в маркграфстве проживали 168,1 тыс. хорватов, 55,3 тыс. словенцев и 147,4 тыс. итальянцев[1262]. Но последние не расселялись компактно. итальянские общины были сосредоточены, в основном, вдоль побережья западнее Пулы (Полы); на востоке истрии они отсутствовали. особенность положения состояла еще и в том, что итальянцы жили, главным образом, в городах и были заняты в промышленности и торговле. с целью сохранения итальянского характера этих поселений, они настаивали на пересмотре городских границ и исключении из них периферийных районов, населенных славянами. итальянцы захватили в свои руки главные посты в городских муниципалитетах, используя их бюджеты в своих интересах. так, 4/5 бюджета истрии направлялось в итальянские районы. Школы и другие культурно-просветительные учреждения открывались, главным образом, там; открытию же хорватских и словенских школ, а также расширению изучения славянских языков ставились всяческие препятствия. славяне допускались в городские учреждения лишь при условии знания итальянского языка. из-за споров вокруг языка с октября 1910 г. местный ландтаг не созывался. терпимое отношение вены к языковому неравноправию в истрии заключалось не столько в почтении к великой итальянской культуре, сколько в том, что итальянский был языком верхних слоев населения, сильной буржуазии и аристократии. впрочем, последние, несмотря на это, все явственнее подпадали под влияние ирредентистских идей и, опасаясь за свое будущее, надеялись на присоединение маркграфства к италии. Ускоренно ирредентизм в истрии стал распространяться после победы италии над турцией в войне 1911−1912 гг. Незадолго до начала мировой войны габсбурги усилили репрессии против ирредентистов в истрии, применяя такие методы, как изгнание и дискриминация − в отдельных случаях − в пользу словенцев. в мае 1914 г.

это спровоцировало оба подвластных этноса на уличные бои и кровопролитие[1263].

триест же для итальянских патриотов представлял духовную «столицу» *terre irredente*. данные о его этническом составе существенно разнятся, не в последнюю очередь, потому, что здесь местные власти широко практиковали прямую фальсификацию результатов переписей и итогов выборов. как указывает в своей книге по истории триеста Элио апич, согласно наиболее оспариваемой переписи населения 1910 г., после долгой дискуссии и дополнительного контроля и ревизии со стороны государственных органов число словенцев по этой переписи

[1261] *Трайнин И. П.* Национальные противоречия в австро-венгрии и её распад. М., 1947. с. 165.

[1262] там же; *Lederer I.* Jugoslavia at the Paris Peace Conference: A Study in Frontiermaking. New Haven; L., 1963. P. 103.

[1263] *Альдрованди Марескотти Л.* дипломатическая война. М., 1944. с. 29; *Готлиб В. В.* тайная дипломатия во время Первой мировой войны. М., 1960. с. 221; *Kann R., David Z.* The Peoples of the Eastern Habsburg Lands, 1526−1918. Seattle; L., 1984. P. 406; *Фрейдзон В. И.* история хорватии. сПб., 2001. с. 220.

увеличилось с первоначальных 36 206 до 56 910 человек. соответственно, уменьшилось и количество итальянцев.

Население Триеста в 1910 г.

к этому следует добавить 12 тыс. немцев, 2500 хорватов и 28 500 иностранцев, по большей части, фриульцев. если отнести сюда же не австрийских подданных, то итальянцы составляли 3/4 городского населения и 2/3 населения всей коммуны; если же считать только австрийских подданных, то процентная доля итальянцев значительно уменьшается. в качестве подтверждения своего тезиса апич ссылается на результаты политических выборов 1911 г., когда правом голоса обладали мужчины. тогда итальянские национал-либералы набрали 14 337 голосов, социалисты (среди которых трудно выделить словенский миноритарный компонент) – 10 236, славянские национал-либералы – 10 653 голоса [1264]. в городе почти повсеместно слышалась итальянская речь, на словенском гово-

рили лишь новоприбывшие пролетарии с рабочих окраин. однако процветание триеста обеспечивалось судоходством и торговлей, в том числе с Подунавьем, т.е. с внутренними районами австро-венгрии. Поэтому население города делилось условно на две части − проавстрийскую и проитальянскую. Многие даже выступали против присоединения к италии, опасаясь потерять то, чего триест уже достиг, во многом, за счет венеции. По своим причинам держалось за «старую, добрую Монархию» и католическое духовенство итальянского происхождения[9]. особую позицию занимали итальянские социалисты триеста и других провинций Приморья. организационно они входили в состав австрийской социалдемократии и в основном стояли на принципах австромарксизма. один из их лидеров, валентино Питтони, в октябре 1913 г. публично заявлял: «Мы не можем примыкать ни к национализму, ни к ирредентизму. Более того, мы должны бороться и с тем, и с другим, поскольку оба течения − иллюзия, ложь, они не только бесплодны, но и губительны для наших пролетарских и национальных интересов… я думаю, что там, где национализм особенно силен, социалистическая партия должна демонстрировать наиболее убежденный интернационализм»[10]. известный австрийский социал-демократ вильгельм Элленбоген впоследствии так характеризовал взгляды Питтони и его триестских товарищей: «в течение десятилетий они смело и успешно боролись с итальянским ирредентизмом и получили в ответ клеймо проавстрийцев»[11]. Поэтому, в свете сказанного выше, не случайно в октябре 1918 г., когда исчезновение австро-венгрии уже стало почти свершившимся фактом, социалисты триеста высказались

[1264] *Apih E.* Trieste: storia politica e sociale. Roma; Bari, 1988. P. 72−73. другие исследователи приводят примерно те же данные. так, и. ледерер, ссылаясь на результаты той же переписи 1910 г., утверждает, что население триеста было на 57% итальянским и на 43% югославянским (*Lederer I.* Op. cit. P. 103). см.

за придание своему городу независимого политического статуса, а католики Фриули даже выступили против присоединения к италии.

Что же касается далмации, то многие итальянские ирредентисты перед войной предъявляли притязания и на нее, правда, не так открыто, как на указанные *terre irredente*. Это объяснялось этническим раскладом населения далмации, которое насчитывало примерно 633 тыс. человек. итальянцев среди них было не более 18 тыс., хотя наиболее заядлые ирредентисты говорили о 60 тыс. тем не менее, за исключением Задара (Зары), там не было ни одного города с итальянским большинством населения и ни одного, в котором оно превышало бы 10% жителей. как в горице и истрии, так и здесь тонкая прослойка из лиц, говорящих на итальянском языке, терялась в преобладающей массе славянских крестьян. Ни один из 11 избранных в далмации депутатов австрийского рейхсрата не говорил по-итальянски. Поскольку в этой ситуации говорить о защите «попранных национальных прав» соотечественников ирредентистам было затруднительно, то свои притязания на далмацию они обосновывали в основном «историческим правом», считая ее органической частью итальянского культурного ареала со времен венецианской республики. Поэтому символом мечтаний итальянских ирредентистов являлся позолоченный светильник в равенне перед мраморным надгробием над могилой, в которой покоились останки великого данте. На этом светильнике было пять массивных фигур женщин в оковах, символизировавших соответственно трентино, триест, горицу, Пулу и Задар[1265]. когда разразилась Первая мировая война, итальянские правящие элиты осоз-

нали, что пробил час, когда они могут присоединить *terre irredente,* с их точки зрения достойно завершив тем самым начавшийся еще в конце XVIII в. процесс рисорджименто. как признавался впоследствии в своих мемуарах премьер-министр антонио саландра, «италия чувствовала свою неполноценность… в сердце каждого из нас искрился дух ирредентизма»[1266].

с началом войны и в самих *terre irredente* ситуация обострилась, правда, неоднозначно. так, в триесте состоялись шествия под лозунгом лояльности габсбургам с участием проавстрийски настроенного пролетариата и мелкой городской буржуазии. итальянская исследовательница Марина росси отмечает: «то, что либерал-националистическая историография назовет впоследствии мгновенным помрачением сознания, было обязано тому факту, что многие ирредентисты оставались убежденными в скорейшем вступлении в войну италии вместе с германией и австро-венгрией; таким образом, война с сербией была для них прекрасным предлогом для организации шовинистических шествий, на этот раз дозволенных, и открытого проявления своей нетерпимости к словенцам» [1267]. Примеры такой нетерпимости приводит в своих мемуарах известный деятель социалистического, а затем коммунистического движения в триесте иван регент: «в момент нападения австро-венгрии на сербию в триесте можно было наблюдать крайне гнусные картины. вплоть до этого момента я не думал, да и не мог думать,

[1265] *Смирнова Н. Д.* итальянский нейтралитет: политический принцип или тактический маневр // там же. с. 163–164; *Готлиб В. В.* Указ. соч. с. 460; *May A.* Op. cit. P. 173.

[1266] *Salandra A.* Italy and the Great War: From Neutrality to Intervention. L., 1932. P. 25–26.

[1267] *Росси М.* Указ. соч. с. 283. см. также: *Альдрованди Марескотти Л.* Указ. соч. с. 27.

что в мире существуют люди – к счастью, единицы – в которых ненависть к другим народам, вызванная патриотическими чувствами, может принимать такие нечеловеческие, звериные формы. в начале войны с сербией с изумлением и ужасом слушал я некоторых триестских австрофилов, среди которых, к сожалению, были и рабочие, которые признавались, что идут воевать с сербами добровольно, и добавляли, что обещали принести жене в подарок отрезанное ухо какого-нибудь серба. Эти австрофильские настроения, перемешанные с итальянским национализмом, взаправду принесли дурные плоды…»[1268]

Некоторые итальянские политики австро-венгрии в первые месяцы войны тоже не внушали вене подозрений. так, в начале октября 1914 г. барона карла фон Маккио, посла дуалистической монархии в риме, посетил д-р альчиде де гаспери, известный член христианско-социальной партии и депутат австрийского рейхсрата от южного тироля. (впоследствии, с декабря 1945 по 1953 г. он возглавлял правительство итальянской республики). как сообщал Маккио своему начальству на Бальхаусплац 6 октября, де гаспери проявил себя «абсолютно лояльным по отношению к империи», и «имея здесь обширные знакомства, особенно среди деятелей католической прессы, в состоянии, как я ему это неоднократно внушал, …подействовать успокоительно на рим, обратив внимание на истинное положение вещей в южном тироле»[1269]. однако «успокоить» в желательном для вены смысле консульту – итальянское министерство иностранных дел – уже с первых дней войны было непросто. Усилия итальянской дипломатии в ключевой для истории страны период нейтралитета 1914–1915 гг. были сосредоточены на поиске путей достойного завершения процесса рисорджименто. тогда страна более девяти месяцев выбирала, на чью сторону встать в невиданном до тех пор, перевернувшем многие представления глобальном вооруженном конфликте. вступление италии в этот конфликт на стороне антанты в мае 1915 г. произошло после длительного торга итальянской дипломатии, искавшей лучшего в ее понимании пути присоединения «неискупленных земель», с наибольшей выгодой для национально-государственных интересов. о данном периоде итальянской истории и об этом длительном торге существует обширная историческая литература. около 30 лет назад в дискуссии историков по рассматриваемой проблеме принял участие и один из соавторов данной статьи[1270]. впоследствии, в 80–90-х гг. минувшего века, были изданы новые тома «итальянских дипломатических документов»[1271]. выводы данного исследования основаны как на этих итальянских, так и на не использованных ранее российских документах. они находятся в ставших с 1992 г. более доступными архивохранилищах российского Мид – авПри и авПрФ.

итак, на второй день европейской войны, 2 августа 1914 г., италия заявила о

[1268] *Regent I.* Spomini. Ljubljana, 1967. S. 84.

[1269] *Готлиб В. В.* Указ. соч. с. 277–278. в целом же, попытки вены изменить тональность итальянской прессы остались безуспешными. см. подробно: *Fellner F.* Zeitungen als Instrument der Aussenpolitik: Die österreichisch-ungarische Pressepolitik in Italien 1914–1915 // *Idem.* Vom Dreibund zum Völkerbund. Wien; München, 1994. S. 189–206.

[1270] *Любин В. П.* италия накануне вступления в Первую мировую войну: На пути к краху либерального государства. М., 1982.

[1271] I Documenti Diplomatici Italiani (далее – DDI). 5 Serie. Vol. I (2 agosto – 16 ottobre 1914). Roma, 1954; Vol. II (17 ottobre 1914–2 marzo 1915). Roma, 1984; Vol. III (3 marzo – 24 maggio 1915). Roma, 1985.

нейтралитете, на чем настоял тогдашний министр иностранных дел маркиз антонино ди сан джулиано, вскоре, 16 октября, покинувший этот мир. тем временем в стране начались события, отзвуки которых имели долгое эхо в итальянской истории. именно к этому периоду нейтралитета относится формирование двух лагерей – интервентистов и нейтралистов, что вызвало глубокий раскол общества. Последовал бурный рост становившегося все более агрессивным интервентизма, одним из вождей которого стал и Бенито Муссолини, а сам интервентизм многие стали называть провозвестником фашистского движения. конечно, его сторонникам не была известна закулисная игра консульты, воз-
главленной после смерти сан джулиано бароном сиднеем соннино, другом и сподвижником саландры, который назначил его на этот пост. оба они вели линию на сближение с Британией, Францией и россией и конечное участие страны в войне на стороне антанты. Но итальянская дипломатия маневрировала, согласившись на переговоры и с австро-венгрией.

Формально италия вплоть до начала мая 1915 г. не выходила из тройственного союза, поддерживая у своих союзников – германии и австро-венгрии иллюзию, что ее нейтралитет является по отношению к ним благожелательным и страна готова его сохранить в обмен на уступку австро-венгрией населенных итальянцами областей, то есть тех самых *terre irredente*.

интервентизм стал козырем в игре итальянских правящих политиков, они умело его разыграли, создав впечатление, что большинство населения поддерживает вступление страны в войну ради того, чтобы довести до конца процесс рисорджименто, объединить нацию «под единой крышей». кроме этого призыва, правящие круги мало что могли предложить общественному мнению в качестве предлога для вовлечения нейтральной страны в войну. к аргументации вроде «войны за демократические идеалы», против автократических центральных держав, мало кто готов был прислушиваться. ведь в рядах антанты находилась еще более автократическая российская империя, которую перед войной итальянские левые и либералы не уставали критиковать за жестокость порядков.

все эти зигзаги итальянской политики неплохо отражены в изданных томах парламентских дебатов того времени, мемуарах саландры и соннино, в их опубликованной переписке, а также в воспоминаниях или дневниках известных деятелей – Фердинандо Мартини, олиндо Малагоди, луиджи альбертини и др. Но лучшим источником, лишенным субъективности мемуарной литературы и пристрастных суждений того или иного автора, позволяющим историкам лучше всего понять, что и как происходило, и построить логическую цепочку связи между процессом планирования политики и дипломатии и его конкретными результатами, являются дипломатические и прочие документы эпохи. в итальянской историографии более всех об этом писал видный историк Брунелло виджецци, его труды о том периоде стали классикой[1272]. отношения италии и австрии исследованы в монографии известного историка и политика лео вальяни «распад австро-венгрии»[1273]. в работах их последователей в основном повторялись их выводы.

[1272] *Vigezzi B.* L'Italia di fronte alla prima guerra mondiale. Vol. I. L'Italia neutrale. Milano, 1966.
[1273] *Valiani L.* La dissoluzione dell'Austria-Ungheria. Milano, 1966.

разногласия между двумя странами не раз становились предметом рассмотрения на конференциях итальянских и российских историков.

в европейских дипломатических документах того времени не раз мелькало понятие *«terre irredente»* и отражались стремления италии рано или поздно присоединить эти земли. так, в ежегодных отчетах Мид российской империи о политике европейских держав (в этом списке, конечно, свое место занимали соседствующая с россией австро-венгрия и италия), как и в посольских донесениях, не раз затрагивались данные сюжеты. речь шла о стычках итальянцев с представителями других национальностей в многонациональной австро-венгрии, запретах австро-венгерских властей на культурную и образовательную автономию итальянцев внутри империи, негативной реакции в италии на политику австрийских властей в отношении итальянского населения Монархии.

царские дипломаты делали из этого свои выводы. российская дипломатия во главе с министром иностранных дел александром Петровичем извольским, сопровождавшим в 1909 г. в ходе официального визита в италию императора Николая II, успешно осуществила тогда свои планы более тесного сближения с итальянским королевством. Это выразилось в подписании в летней резиденции итальянского короля виктора Эммануила III в раккониджи соглашений, обозначивших сферы интересов обеих стран на Балканах, то есть в юго-восточной европе, где россия издавна вела свою игру, вступавшую в прямое противоречие с балканской политикой австро-венгрии и германии. как и франко-итальянское сближение начала xx в., договоренности в раккониджи сыграли свою роль в переманивании италии из тройственного союза на сторону антанты, что на деле стало одной из заметных внешнеполитических побед этого блока в начальный период войны, подкрепленной военным партнерством итальянцев.

Переговоры с антантой, проходившие в период нейтралитета 1914–1915 гг. по взаимному согласию сторон в лондоне, быстро продвигались к завершению. идея провести такие переговоры возникла в самом начале военных действий и глубоко скрывалась итальянцами от партнеров по тройственному союзу. о том, что им удалось добиться от антанты уже в самом начале переговоров признания своих территориальных притязаний на тренто и триест, свидетельствует пометка Николая II, формально руководившего российской внешней политикой, на телеграмме, полученной из италии в санкт-Петербурге вечером 8 августа и сразу же доставленной ему в Петергоф. Напротив слов «если бы мы обещали италии триест и тренто, она, вероятно, примкнула бы к нам» император написал синим карандашом: «ведь так и сделано?»[1274]

16 февраля 1915 г. соннино с курьером отослал послу в лондоне маркизу гульэльмо империали «секретнейший, только для него одного» разработанный итальянскими политиками и умещенный в 26 параграфов проект договора, который в самых общих чертах тот должен был изложить главе британского Форин оффис сэру Эдуарду грею. в последнем параграфе говорилось: «Настоящий договор должен остаться секретным. как только будет объявлено об объявлении италией или италии

[1274] авПри. Ф. 133. канцелярия. 1914. д. 97. т. 1. л. 3.

войны, будет опубликован его первый параграф, касающийся обязательства не заключать сепаратного мира»[1275].

руководители итальянской политики вели двойную игру, лавируя между антантой и партнерами по тройственному союзу и осуществляя тайные переговоры одновременно с обеими враждующими коалициями. Начиная с 4 марта 1915 г.[1276], когда соннино и саландра поняли, что предлагаемые из Бальхаусплац уступки не принесут желаемого в смысле присоединения *terre irredente*, переговоры между империали[1277] и греем пошли в ускоренном темпе. Это и позволило итальянцам уже 26 апреля 1915 г. заключить договор с тремя державами антанты. По нему гарантировалось не только присоединение трентино и триеста, но и другие территориальные, в том числе колониальные, приращения и удовлетворение соответственных итальянских притязаний империалистического свойства[1278]. текст лондонского договора со всеми его секретными статьями, опубликованный большевиками 28 ноября 1917 г., почти за год до окончания мировой войны, вызвал громкий международный скандал. тем самым были обнажены, по сути, империалистические амбиции ведущих стран антанты, как и самой италии[1279].

сами же лондонские переговоры с антантой шли неровно и сложно. в отличие от сан джулиано, полагавшего, что национальное воссоединение италии должно идти за счет территорий с преобладающим итальянским населением, его преемник соннино не стеснял себя в притязаниях[1280]. так, империали сообщал 12 марта 1915 г. соннино, что грей считает территориальные требования италии завышенными. империали напомнил грею, что валона (влера) уже практически «в наших (итальянских. – *В. Л., Г. Ш.*) руках» и речь идет теперь о далмации. «теперь было бы уместно напомнить, что 8 августа 1914 г. сазонов сказал карлотти (итальянскому послу в россии. – *В. Л., Г. Ш.*), что “австро-венгрия не сможет действенно противостоять оккупации трентино, триеста, далмации и валоны”»[1281]. империали ссылался в этой же телеграмме на донесение маркиза карлотти от 11 августа, отметившего тогда: «Что касается завоевания далмации, от Зары до рагузы, сазонов выразил желание, чтобы италия гарантировала славянскому населению религиозные и культурные свободы, что было бы в ее собственных интересах в целях соблюдения сердечного сожительства двух компонентов населения»[1282]. «Этими словами, – писал империали, – российский министр иностранных дел ясно подтвердил согласие с нашим завоеванием далмации»[1283]. и при этом посол напоминал соннино, что если

[1275] DDI. 5 serie. Vol. II. Roma, 1984. Doc. 816. P. 696.

[1276] *Candeloro G.* Storia dell’Italia moderna. Vol. 8. La prima guerra mondiale. Il dopoguerra. L’avvento del fascismo. Milano, 1984. P. 92.

[1277] «италия будет готова к войне к середине апреля», – заверял соннино посла в лондоне империали. DDI. 5 serie. (1914–1918). Vol. II. P. 692.

[1278] см.: Мировые войны XX века. кн. 2. Первая мировая война: документы и материалы / отв. ред. в. к. Шацилло. М., 2005. с. 425–428.

[1279] *Šepić D.* Italija, Saveznici i jugoslavensko pitanje 1914−1918. Zagreb, 1970. S. 246−248; *Stanković Đ.* Nikola Pašić, Saveznici i stvaranje Jugoslavije. Beograd, 1984. S. 204−205.

[1280] *Смирнова Н. Д.* Указ. соч. с. 164.

[1281] DDI. 5 serie. Vol. I. Roma, 1954. Doc. 133. P. 71.

[1282] Ibid. Doc. 194. P. 109–110.

[1283] DDI. 5 serie. Vol. III. Roma, 1985. Doc. 86. P. 67.

уж россия выразила свое согласие с данным требованием итальянцев, то еще легче будет получить такое согласие от Британии и Франции. Между тем, сам сергей дмитриевич сазонов 17 и 24 августа инструктировал российских послов в союзных державах и в риме: «Мы указывали итальянскому послу на опасность для италии в результате войны создать себе ирредентизмы… Мы не можем сочувствовать подобной цели… считаю нужным в случае переговоров с италией тщательно избегать преждевременных обещаний касательно далматинского побережья, сплошь населенного сербами»[1284]. Это, казалось бы, противоречит утверждению карлотти, что россия уступила итальянцам далмацию, причем якобы сделала это раньше своих союзниц, в чем был убежден империали.

Менее известно о натужных переговорах консульты с все еще формальными союзниками – прежде всего с германией[1285]. ее послом в риме стал крупный политический деятель, бывший рейхсканцлер князь Бернгард фон Бюлов. германские дипломаты «выкручивали руки» австрийцам, принуждая их уступить италии хотя бы южный тироль. Эти переговоры велись консультой, можно сказать, для прикрытия, обходного маневра. их ход отражен в переписке соннино с послами в вене и Берлине, соответственно джузеппе аварной и риккардо Боллати, а также и самих этих послов[1286]. Более того, в стремлении прозондировать позицию лидеров приморских словенцев на случай вступления итальянской армии в Приморье, соннино направил в триест бывшего вице-консула италии в этом городе карло галли. с 10 по 18 марта 1915 г. тот предложил в ходе тайных переговоров установить будущую границу между италией и югославянами по водоразделу юлийских альп от Постойны к югу до лабина[1287]. впрочем, какое-то время, по-видимому вплоть до марта 1915 г., сами саландра
и соннино еще размышляли, нельзя ли добиться присоединения *terre irredente,* получив их от австро-венгрии в качестве уступки за нейтралитет. в риме надеялись избежать прямого участия в вооруженном конфликте, неминуемо связанного с многочисленными жертвами. Правительству дуалистической монархии также вовсе не хотелось иметь италию в числе своих военных противников. Учитывая ряд неудач, которые австро-венгерская армия к тому времени потерпела на русском фронте, вена согласилась пойти на уступки итальянцам, в том числе и территориальные. 9 марта аварна сообщал соннино из вены: «Барон Буриан (министр иностранных дел австро-венгрии. – *В. Л., Г. Ш.*) сказал мне, что императорское и королевское правительство согласно обсудить вопрос о компенсациях, исходя из статьи седьмой договора о тройственном союзе, на основе того же предложения (итальянского. – *В. Л., Г. Ш.*) королевского правительства, т.е. на почве уступок территорий, принадлежащих австро-венгерской монархии»[1288].

Это решение было принято советом министров двуединой монархии на заседании 8 марта в присутствии императора и престолонаследника, эрцгерцога

[1284] царская россия в мировой войне. т. I. л., 1926. №№ 19, 26. с. 243, 246.

[1285] см.: *Monticone A.* Deutschland und die Neutralität Italiens 1914–1915. Wiesbaden, 1982.

[1286] «Здесь уже потеряли терпение», – писал Боллати аварне 27–28 февраля 1915 г., после своей беседы накануне с главой германской дипломатии готлибом фон яговом. DDI. 5 serie. Vol. II. Roma, 1984. P. 757.

[1287] см. подробно: *Šepić D.* Op. cit. S. 45–46.

[1288] *Sonnino S.* Carteggio 1914–1916 / A cura di P. Pastorelli. Bari, 1974. P. 263–264.

карла. оно было вызвано как возобновлением германского давления, ставшего, однако, более приемлемым для вены, когда из Берлина предложили австрийцам небольшую территориальную компенсацию в виде сосновецкого угольного бассейна, до войны принадлежавшего россии[1289], так и изменением позиции главы венгерского правительства иштвана тисы, до того бывшего главным вдохновителем непримиримости Буриана. давление со стороны германии и тисы было вызвано пессимистической оценкой военного положения, которое характеризовалось продвижением русской армии и взятием затем, 22 марта, Перемышля, а также начавшимися военными действиями англичан и французов в дарданеллах. Поэтому тиса, хотя ранее и сопротивлялся уступке трентино итальянцам из-за боязни, что это приведет к аналогичной уступке трансильвании румынии, теперь высказался за соглашение с италией за счет австрии. он опасался, что совместное наступление русских, румын, сербов и итальянцев вынудит венгерское королевство пойти на большие территориальные уступки[1290]. к давлению из Берлина и изменению позиции венгров добавлялась новая по-

пытка посредничества, предпринятая св. Престолом. как отмечал впоследствии в своих мемуарах фон Бюлов, римский папа Бенедикт XV «желал сохранения габсбургской империи, этой последней католической великой державы. он ясно сознавал, что войны (между австро-венгрией и италией. − *В. Л., Г. Ш.*) можно было избежать лишь при условии, что австрия не медлила пожертвовать, по меньшей мере, трентино»[1291]. если же такая война все-таки вспыхнет, то тогда, как полагал статс-секретарь ватикана кардинал Пьетро гаспарри, дело пойдет уже не только о том, чтобы завоевать тренто, но и о ликвидации австро-венгерской монархии[1292]. еще в январе 1915 г. через своего нунция в вене раффаэле скапинелли папа советовал императору Францу иосифу уступить италии южный тироль. Но тогда восьмидесятичетырехлетний монарх ответил, что он скорее отречется от престола, чем уступит даже самую небольшую часть унаследованной земли. в вене стала известной фраза престарелого императора о том, что он «скорее сам пойдет в окопы, чем подарит итальянцам южный тироль»[1293]. теперь же Франц иосиф, скрепя сердце, пошел на уступку. в эту попытку посредничества внес свой вклад и один из руководителей германской католической партии центра Маттиас Эрцбергер, посетивший ватикан за несколько дней до описываемых событий[1294].

На данное предложение вены соннино ответил поддержкой предложения об обсуждении, но выставил три условия: полная тайна переговоров, непосредственная реализация только что заключенных соглашений, исключение дальнейшего обращения к ст. 7-й союзнического договора на время всей войны. он просил также закончить переговоры в две недели и в случае их неудачи возвратить стороны на исходные позиции. австрийцы отвергли условие непосредственной реализации, на

[1289] см. подробно: *Zechlin B.* Das “schlesische Angebot” und die italienische Kriegsgefahr 1915 // Erster Weltkrieg: Ursachen, Entstehung und Kriegsziele / Hrsg. W. Schieder. Köln; Bonn, 1969. S. 356–359.

[1290] Protokolle… S. 216−232; *Burian S.* Drei Jahre aus der Zeit meiner Amtsführung im Kriege. Berlin, 1923. S. 35.

[1291] *Bülow B.* Denkwürdigkeiten. Bd. III. Berlin, 1931. S. 228.

[1292] *Pastor L.* Tagebücher − Briefe − Erinnerungen 1854−1928. Heidelberg, 1950. S. 615.

[1293] *Macchio K.* Wahrheit! Fürst Bülow und ich in Rom 1914/1915. Wien, 1931. S. 64; *Funder F.* Vom Gestern ins Heute. Wien, 1956. S. 526.

[1294] *Эрцбергер М.* германия и антанта. М.; Пг., 1923. с. 34−50. см. также: *Готлиб В. В.* Указ. соч. с. 526−531.

чем соннино, однако, настаивал также и по внутриполитическим мотивам, как он заявлял фон Бюлову[1295].

12 марта, в тот же день, когда министр получил уже цитировавшуюся телеграмму от империали по поводу отношения стран антанты к итальянским требованиям, соннино отправил телеграммы Боллати и аварне: «телеграфные агентства сообщают, что "германская радиотелеграфная служба сообщила официальную новость, что между австро-венгрией и италией начались переговоры с хорошими перспективами на достижение соглашения. во «Frankfurter Zeitung» будет затем напечатано, что, согласно заслуживающим доверия источникам, в компетентных кругах твердо решено найти фундаментальную основу для широкого согласия держав тройственного союза" и что "в переговорах между италией и австро-венгрией первый и, вероятно, решающий шаг уже сделан"»[43].

как отмечает итальянский историк джорджо канделоро, казалось, переговоры, еще не начавшись, уже зашли в тупик, когда саландра призвал соннино избегать разрыва с центральными державами до тех пор, пока армия не будет готова к выступлению и пока не будет получен сигнал доверия со стороны тройственной антанты[44]. саландра советовал ему продолжать переговоры, сместив центр тяжести на уровень территориальных уступок, на чем настаивал Бюлов, и оставив до

[1295] *Sonnino S.* Diario 1914–1916 / A cura di P. Pastorelli. Bari, 1972. P. 105.

и, в частности, отмечалось, что если австро-венгрия и соглашалась уступить италии трентино, то передача этой территории откладывалась ею до окончания войны[1296].

изнурительная для страны война продолжалась для страны до 4 ноября 1918 г., до победы над австро-венгерской армией у местечка витторио-венето. Эта дата до сих пор отмечается в италии как большой национальный праздник. По мирным договорам, составившим версальскую международно-правовую систему, италия получила вожделенные *terre irredente*, забрав их у канувшей к тому времени в лету австро-венгрии.

о том, что вопрос *terre irredente* не так скоро был улажен в итальянской политической и общественной жизни, свидетельствуют исторические факты. страх потерять эти полученные в результате послевоенных разделов бывшей австро-венгерской территории земли, присоединенные как *terre irredente*, оставался в итальянском обществе почти до конца минувшего столетия. Политики опасались их снова потерять, и об этом свидетельствуют дипломатические документы, относящиеся уже ко времени 20 лет спустя, то есть к периоду фашистской диктатуры Муссолини. тогда в результате аншлюса австрии в 1938 г. возникла прямая угроза того, что гитлеровская германия, заинтересованная в прямом выходе к средиземноморью, отберет у италии присоединенные *terre irredente* и включит их в состав третьего рейха. так, 6 мая 1938 г. советское посольство в риме (л. Б. гельфанд) сообщало наркому иностранных дел Максиму Максимовичу литвинову следующее: «Проводится ряд мероприятий, которые не могут быть расценены иначе как стремление рима сократить возможности германской экспансии в юго-восточной европе и на Балканах. Проблема триеста, положение южного тироля серьезно беспокоят итальянские правящие круги. в этом свете характерны усилия к расширению экономических связей с югославией, заявления Чиано, что адриатическое море должно стать итало-югославским, попытка закрепить свое положение в венгрии, начало широких торговых переговоров с румынией, активизация политики в греции»[1297].

Уже после второй мировой войны на триест и окружающие его земли прямо претендовал югославский лидер Йосип Броз тито. лишь к 1955 г. удалось уладить вопрос о триесте. его передача италии сопровождалась оставлением в ведении федеративной югославии Фиуме, чем было узаконено изгнание 300 тыс. итальянцев из района Фиуме. С призывом привлечь внимание международной общественности к несправедливости и жестокости этого изгнания выступил в 2007 г. нынешний итальянский президент джорджо Наполитано. Пожалуй, впервые за весь послевоенный период в официальной речи итальянского политика были сказаны столь горькие слова по данному поводу. вопрос о южном тироле был урегулирован с помощью ооН лишь в 1992 г. Малоизвестно, что вплоть до того времени в данном регионе италии отмечались террористические акты, вызванные напряженными отношениями между итальянским и немецким компонентами населения. и лишь с

[1296] DDI. 5 serie. Vol. III. Doc. 769. P. 605.
[1297] авПрФ. Ф. секретариат литвинова. 1938 г. оп. 18. д. 88. Папка 144. л. 76.

недавних пор в наименовании данного итальянского региона существуют на равных обозначения трентино – альто-адидже и южный тироль[1298].

[1298] всеохватную картину истории этого региона дали авторы изданной на двух языках – итальянском и немецком – коллективной монографии «регион трентино–южный тироль в xx веке». см.: La regione Trentino / Südtirol nel XX secolo – Die Region Trentino–Südtirol im 20. Jahrhundert / Hrsg. G. Ferrandi, G. Pallaver. Trento, 2007.

Именной указатель[1299]

Аварна (аввакумов Ю 1 адлер (1 адони
1
айдингер (н
айхельбург-лабиа (chb-Lb л 31 30
акачич (kčć Ф 3 30 акшамович (kšmoć а 3
александр карагеоргиевич (александар карађорђевић 1 11 3 330 331
  3 30 3 3 33 алексеев м 13
альбединский П П 1 альбертини (b л
3 андерсон (о 3
андраши (мл 03 андраши (ст
андрей архимандрит (в миру коломацкий андрейка (k
31 андриящук (андріящук Г антонович апич (h 1 0
аппони (о а арато (11
аркас м м 3
арнаутович (oć -енди 10 артимович а 3
аттемс (m- он

Бабурица (bc П 3
адени (к 1 11
аернрайтер (h й м 3
акс-айронсайд (-о Г 130
альур (о а 1
анич (ć С 33
анянин (й 3
аран м л 0
арац (с Ф 30 3133 33 31 33 3 3 3133 3 атовски (ok
атор (о Ю 1
аттяни (h т
аучер (och 131
аур (а 3 30 31 33 3 3 31 33 3 3
аур (о 1 0 30 1 1 30 31 3
ахметев Ю П 3
ахтурина а Ю 3
ачинский (ачинський е 3

[1299] Составили м олос Г кундин

еан (300 301
езпалко о
екшич (kc Г 3
елецкий н 31
елич (елић а 30 еляева И
ендасюк С Ю 1
енедек (k л он 10
енедикт (k Г
енедикт (с (в миру акомо делла кьеза como Ch папа римский 31 31 33 3 3 3 33 3 33 31
енеш (š 11 11 13 11 1 1
ензя П 3
ернатцик (k 0
ертени (é И мл 3
ерхтольд (cho л
етлен (h И
етман-Гольвег (hm-o т он 3
ибль (b
идло (o 11
илинский (линський к
илиньский (k л 11 131 0 0 0
инички (čk Ф 3
исмарк (mck o он 0 10 1
обринский а а 3
обринский Г а 3
огоявленский н 3
однреску (ос 300
одя (o м
оович (оовић т 3
оканча (осс т 3
оллати (o
ольрас (o a он 3 0
орас (o e 3
ота (oh л 1
отушанский (отушанський м 303
очковский (очковський И 3
ошкович (ошковић м 3
райтер (0
ра (а 10 10
рейц (с 31 313 33 330 331
риндзан к 3
розович (ооć С 3
ромлей Ю 3

рукмюллер (ckm
русилов а а
риляну (0
ртиану (И И 1 3 30
рябан (b з 3
удзиновский (удзиновський 3
удисавлевич (ć С 33
улей (И 1
унтич (ć 33
урачинский (урачинський о
уриан (с И 1
ухарин н И 1
учевски (cch 0
ушко (ko й
уяк (k Ф 1
ьянкини (k а 3 30 333
лан (ă 0 юлов (о он

Ваврик 1 1 1
аони (о
айда оевод (-оо или -оо а
айккерт (kk й
айсельбергер (b С 3
айскирхнер (kch 3
акоуниг (ko м
алецкий (ck (Горвиц м 3
альяни (л 33 0 3
арский (k (аршавский а 1
елимирович (елимировић н 3
ендер (
ерстюк Ф 1
ерштадт (1 13
еселовский (еселовський 3
идецци (3
иктор ммануил (оо m о о о ильгельм Гогенцоллерн (ch hm co b o 3 1
ильсон (о т 1 1 1 1 1 30 33 3 00
инниченко к 1 3
иноградов н 3 1
итик
итнер (30
итовский (ітовський 11
итос (о 0
ладимир (в миру асиле епта митрополит уковины 301

одовозов
ойводич (ooć 3 30
ойтишек (ošk 13 1 1
олков а м 3 33 3
олков к 33 3
оль (о к Г 1 10
ондрак (ok 11
оробкевич (oobchc И 1
ошняк (ošk 33 3
учетич (čć С 31

Габерц-Габерский (bc-bk 33
Габрман (bm Г 11
Гавличек-оровский (čk-ook к 10
Гаврилко м 3
Гаевая о 1
Гай (л 3
Гайда (1
Гакман е 3
Галип т
Галич (ć л 33
Галлер (Ю 1 1
Галли (к
Ганкевич л 3
Ганкевич м 1
Гарибальди (b
Гарич (ć й 3
Гаспарри (П 3 30 30
Гейдлер (13 11
Гейер (он
Гельанд л
Гельерт (13
Герман (hm л
Геровский а Ю 11 0 3
Геровский Г Ю
Геродот (Ἡρόδοτος 1 Гешов И
е 1
Гильман (m
Гирса (11 Гиряк м 3
Гитлер (а
Главка (k й 101
Глумац (mc 1
Гляйзе он орстенау (а о о

Гога (о О
Гогенцоллерны (oho династия 0 1 1 1
Года (о м 3 1 1
Голицинский (Голицынський е Голл (о 1310
11
Головацкий (Головацький И 10
Голуховский (ochok а мл 11
Горький (Пешков а м 13
Гостюк к
Гомансталь (omh он
Гох (och к 13
Гнатюк м 3 31
Грабарь И 1
Грабарь о а 1
Грабский (bk 03
Грегорин (о Г 33 3
Грегр (é Ю 10 10
Грей (о оо 1 3 01
Гренда-онский (Ґренда-онський С
Григоришин С
Григорович (оос Г 3
Грицай о 3 Грицак
Грол м 3
Гросс (о Г
Гросс (о м 33
Грушевский (Грушевський м С 1 0 1 3 3133 3
Гршкович (škoć н 3 3 30 333
Грмад (m И 1 3
Гудима И Ф 1
Гус (1
Гуссарек (k о м он 0 3
Гуцу (Г Гучков а И 1
Даниил оманович князь
Галицкий и олынский 3
анте алигьери (ho h 1
анцер (к 31
арийчук (сс 0
ашиньский (k И 0 1 1
еак (k И
еак (k Ф 1
е Гаспери (а
едина (Ф 1
еелич (ć 33

елавранча (с с 1
елеу (30
ени (1
еникин а И 11 1 1 01 1
илас (Ђилас м 0
олитти (о
онович (Ћоновић й 3
улли (И де 33 3 3
израли (10
иллер (он 1
имович (имовић moć 0 10
мовский (mok 1
обош (obo Ф 3
обрянская (обрянська к 3
обрянский-Сачуров а И 1
омбский (ąbk 0
оновал (в миру милкин т 10
онцов И 11 0 3
орошенко 11 0 1 3 31
орошенко И 1 1 10 3 0
раган о
рагомирецкий (рагомирецький м
рачинский (рачинський т
ринкович (koć м 33 3
удыкевич Ф 1 00 1
унаевский (k Ю 11
ухнович а
ык (k 13
юрих (ch й 11 11 1 ятлив (ятлв П 3

Евреинов С 3
еглич (Jč а 31 31 30 33 330 33 333 3 едловски (Jok й 33 3 етанович (Joć Г 10
етич (Jетић м 3 3 30 3
Жачек (Žčk й 10
Жерьяв (Ž Г 3 331
Жолгер (Žo И 31
Жук а И 11 1 13
Жуковский Г 1
Жупанич (Žć н 33 3

Загорац (ос С 31 задик (k 0 300
зайдель Г С 1

зайдлер (он 31 31 30 3 31 зайпель (И 1 3 заклинский
(заклинський 31 зализняк н 11 0 1 3 3 залозецкий-Сас
(залозецький-Сас С 0 затонский П 03 0 звонар (о И 3 3
зелиб (b земан (m з 0
земялковский (mkok Ф 10
зита урбон-Пармская (о с
b o L o obo-m 1 1 зотти (о Ф 3 зотту (о зуппан (а

Иван Сучавский Святой (о с о с
Иваницкий (ваницький е Иваницкий (ваницький т
Иванович С 0
Извольский а П 3
Илешич (šć Ф 30
Илиуц (3
Империали (m с Г
Иоси Габсбург (k Joh o ch m bbLoh 1
Иое а а 1 1 03 0 0 0
Ирасек (Jk a 13 13 13 13
Исламов т м 3 33
Исопескул-Грекул (ос-с к 3
Истрати (к
Иштван Святой (10 33 1 31 31 31 3 3

Йедличка (Jčk л 0 йозеович (Johoc
0 йорга (о
Кабуля И 3 кайзл (й 10 10 калан (а 31 31
3 каменарович (moć 3 каминский
(каминський каминский (каминський И
канделоро (Соо канн (1 кантакузино (Ссо
И каппелер (а капустянский
(капустянський н а 11
карагеоргиевичи (карађорђевићи династия 3 33 3 3 карбулицкий
(карбулицький И кареев нИ
карл (Габсбург (Jo L b o Oo bb-
Loh 1 0 3 1 3 10 13 13 1 1 1
1 3 3131 31 30 33 30 31 3 3 3 13 1 карл люксембург (о Lmb 130 карлин (а 31
3
карлотти (Со b a карманский (карманський П С 3
карнер (С
каройи (о м 1 карпинец (карпинець И И
10 каутский (k к 1 1 13 квапил (13 13 11
кватерник (k 33 квятковски (kok С 301
кёвесс он кёвессгаза (ö o öh Г

кербер (ob он 11 0 10 крзон (Со н 0
керхнаве (ch кешман (chm кибал (b
13 13
кирилл (Κύριλλος Святой (в миру константн по прозв Филсо 30 кирицеску (с
к 3 кисзлинг (клеванский а клемансо (Cmc Ж 31 клецанда (с й 11 1
ключников Ю кляйбер (b м 1 коанд (Со к 300 коблер (ob Ф 3 коваленко о
3 ковач (oč 1 когут л 3
кодедова (оо о козловский (козловський 3 3 3 колард (Со Г он 1 колдра 1 колеса
И 11
коломацкий см андрей архимандрит колчак а 11 коман (Com н 3

кузеля з Ф 3
куки оассо (Ссch оо Ф 1 кулович (оć -енди 10 кун (
курило к 3 курылович м 11 кушнир (ch 1 ктан (С 3
ктан (С н 3

Лагиня (L м 31 33 3 ламмаш (Lmmch Г 3 ламмаш
(Lmmch м ламсдор-Галаган н к ланг (L й 3 3 ланивский
(ланивський Г 0 лебич (Lbch Ф 313 лебоутон (Lboo 301
левандовский (левандовський а 3 левицкая (левицькая м
3
левицкий (левицький к а 11 1 0 0 11 1 3 левицкий (левицький т ледерер (L И 0
лее (L л 131 лейтнер (Lh к
ленин (ульянов И 1 1 1 01 0 0 лепкий С 3 лечицкий П а лигин
лилиенго (Lho- Г он линдер (L
липинский (липинський к 0 1 3 3 лисан Ю
лисинецкий (лисинецький Г 3 литвинов (аллах м м
литвинович н 3 лицу (L лишка (Lchk
ллойд орд (Lo о 1 03 ловаси (Lo м лозинский (лозинський м
3 31
лозинский С Г 13 1
лоркович (Lokoć И 31 3 33 3 луазо (Lo 3 лукачу (Lcc 1
лукашевич а
любарский-Письменный (любарський-Письменний е П 3 люегер (L к 1
люксембург (нем Lmb польск Lkmb 0 1 ляйдингер (L ляйн (L
лямпе (Lm е 33 лясоцкий (Lock з 1

Магрис (к 1 майстер (3
мак (ck к макар Г 1
маккио (ссho к он маклаков а 1 1
маковей (со н малагоди (о о 3
мандич (ć а 3 3 мануильский з 0 0
манусевич а 3
маргиломан (hom маркич (kć Ф 1 13
марков а 11
маркович (марковић 3 3 3 3 3 маркович (koč И 11
маркс (к 30 31 мармелюк (mc 3 300 марохнич
(ohć й 30 3 мартини (Ф 3 марушич (šć й 3
мархлевский (chk Ю 03 марчелич (čć й 3
марьянович (оć м 3 30 3
масарик (k т Г 3 1 10 10 11111 1111 13 1 1
13 13 13 13 1 1 111 матиевский
(матиевський м 3 махар (ch й 13
махнич (hć а 333 33 33 31 3 3 31 33 медакович (koć 3
меленевский (меленевський м 11 0 мелик (k 3 мендл (1 1 1
меран (он

мерри дель аль (3 3 метнитц (Г он 313
меттерних (mch-b к 1 меодий (Μεθόδιος Святой (в миру
михаил 30 мештрович (šoć И 33 3 микули (с
милошевич (ošć а 3 милюков П н 131 111 митрович (oć
3
михаил обренович (михаило обреновић 3 михайлов Ф 3 михайлович
(михаловић л 3 михалович (hoć а 33 3 михальча (hc н 0 мицак о 3
мичич (čć м 3 мишич (šć а 31 мишуга л 0 молдован (oo 3 морар (о
мориц (о мркун (k а 33 музиль (муравьев Г
муссолини (о 3 мындреску (âc С 1 мгочи (ос П 00
мюнцель (а 3

Навроцкий С С 3 назариив (назарв о 3
назарук о 0 3 31 3 наполеон онапарт (oéo о наполеон онапарт (Ch Lo oéo о
наполитано (oo науман (m Ф 13 наумович И Г 1 0 неедлы (з 13 нек (ck 1
нестеров П н 10
николай оманов 11 1 1 10 11 3 николай николаевич-мл оманов вел кн
1 нистор (о И 3 300 301 новак (ok С 1 новотный (oo 13 13 нольде
13 нурми (m И 1 1

Оейрн (О 1 оболенский л л 0 оконь (Oko олтяну (О м
3 омахони (Oho о П 131 омельянович-Павленко м 1 1
ончул (Ос 3 1 3 300 ончул (Ос 3
опоченский (Oočk 1311 13 1 орландо (Оо 31
орлик Ф С 3 оттман (Om Ф 3

Павелич (ć а 3 33 3
Павлу (13 1
Павлюк (с 0
Пазман (m й 3
Паламареску (mc 0
Палацкий (ck Ф 10 10 1
Панье (а де 1 13
Панейко 3 3
Папаава (л 3
Папоушек (ošk 13
Папп (1
Паулова (о м 3 3 31
Пауль (Ф 1
Пахер (ch
Пацак (ck 10
Пачовский (Пачовський н 3
Пашаева нм 1
Пашич (Пашић н 1 3 3 3 3 3 3 30 3

Пашкан (с
Пекар (k й 13 131
Першич (šć И 31 3
Петлюра С 10 11 00 01 0 1 3 3
Петр карагеоргиевич (Петар карађорђевић 3 3 3 3 3 3
Петранович (Петрановић 3
Петринович (оć Ф 3
Петров а л 0
Петрушевич е 11 1 0 3 3
Петряев а м 1
Пигуляк (Пгуляк е 0
Пий ((в миру узеппе мелькиоре Сарто cho о) папа римский 31
Пилсудский (k Ю 0 1 1 13 1 1 0 0 0 1
Писарев Ю а 30
Питикариу (с И 3
Питтони (о 0
Плашка (chk 3
Плетерский (k 33
Плеханов Г 13
Площанский м 1
Погачник (очk й 3 3 3
Покровский м н 11 3 3
Полетика н П 1 1
Поллак (ok й 1
Полтавский м а 31
Полянский Г а 1
Поп (о
Поп И И 3
Попов а
Попович (оос 301
Попович е 3 0
Попович И
Попович (оос н
Попович (Поповић П 3 3
Попович ((Поповић 0
Потиорек (ook о 31 00
Поточняк (оочk Ф 3 3 3 313
Праак (k а 10
Прашек (šk к 10
Пребег (b 33 3
Премуш (mš 3
Препелух (h а 3 330
Прибичевич (bćć С 3331 33 3

Примц (mc a 33
Принцип (c Г 33 3 0
Продан П
Пройсентанц (0
Прокопович (ососс С 0
Протич (Протић С 3 331 Прункул (с 301
Пуанкаре (осé
Пулишич (šć 3
Пунтар (й 330
Пупин м 3 31 3
Пушкариу (с С 300
Планцер-алтин (- он

Равнихар (h 31 3 33
адек к 1 1
адич (ć С 1 33 3 3
адомский (адомський И
адосавлевич (оć П 33
адошевич (ošc м 1 13
аковский (аковський И
акоци (kос а 33
анда (а 10
аски (k л
атхойз (ho
аухенштайнер (ch м
аальский т 1
ахтен (h a 3
ашин (š a 10 11 1 1 13 1
егент (И 1
едлих (ch й 1
еент (еєнт а П 10
езек (k a 10
еннел одд (о 3 еннер (к 1 13
ибар (b o 33
игер (Ф 10
ий м 3
иттиг (С 3 33 33
огуля (о П 3 31 33 3 31 3 3
оич (оć Ф 33
озелиус (о л
оман (om
омановы династия 10 11 1113 1 1 10
оманчук Ю 11 33

онге (о 13
осси (о м 1
от (oh й
отик (ос (о Г 3
отштейн Ф а 1
убинштейн е И 31
удницкий С л 3 31
умплер (m 0
уснак
усу (

Сабов е
Сабов С а 1
Савваитова м
Савинков 1
Савинский а а 1131
Сазонов С 1 11 113 10 30 30 3 3
Саксер (k Ф 33
Саландра (а 1 3
Сан улиано (-Со mch о а ди 3
Сандович м т (максим Горлицкий 1
Саркотич (koć о Loć С 01
Сачс (ch 33
Сбиера (b 301
Сватковский П 113 11 10 1 1 13 30 Свербеев С н 11
Семака И
Семенив (Семенв О 3
Сенде (С з
Серапионова е П 3
Сетон-уотсон (о-о
Сечени (Céch И
Сикст урбон-Пармский (о ob obo-m
Сильвай (Силвай И
Симионович (mooc т
Симович 3
Сис (1133
Сис (Ф 11 130
Скалат 3
Скальник (kk к
Скапинелли (с Lo 3
Скед (k а
Скоропадский (Скоропадьский П П 11 1 3 3 1
Скоропис-йолтуховский (Скоропис-йолтуховський а Ф 11 0 3 31

Слободянюк м а 10
Слушански (ch 1
Смаль-Стоцкий (Смаль-Стоцький С И 3
Смирнов Ю 10
Смодлака (mok й 3
Соннино (оо С 3 31 3
Сороневич
Соия отек (oh Joh b ä Chok o Choko о светл герцогиня Гогенберг 0 Спинул н
Спинчич (čć 30 33 33 33 3
Сршкич (škć м 3
Ставровский-Попрадов (Ставровський-Попрадов Ю И
Сталин (угашвили И 1 1 1 0
Станков н н 3
Старосольский (Старосольський 3
Старчевич (čć а 3 30 33 31 3 3 3 33 33 30 0
Старчевич (čć м 33 3 11
Сташек (šk (m а 13
Степанкивский (Степанкивський 1
Стид (Г у 131
Стойка (ос 1
Стояловский (ook С
Стоянович (Стоановић л 30 03
Стоянович (ооć н 333
Струве П 13
Стршибрны (b Ю 1
Супило (о Ф 333 01
Сухий а н 13
Сырбу (âb Г
Сыхрава (ch л 1

Таае (0
тавчар (č И 311 3 3 3 3
таллоци (hoc л 0 0 тарле е 1 1 тарнавски
(ch И тарнавский (тарнавський м 00
татаринов а а 1 131 тейель (о темницкий
(темницький 3 3 тиебергер (b тиминский
(тиминський т 1
тиса (И 3 3 11 13 31 3 31 3 0
0 1 1 тисо (о й 13
тито (роз тито (о о й 0 титулеску (с н
тоболка (obok з 11 тодорович (тодоровић к
11
тома (om й томайер (hom й 13

томашевский (томашевський С 3 31 томойага
(omo a 0 томойага (omo т 0 тот (h 0 тоан (о 3
трайнин И П трепов Ф Ф
тринайстич (ć 3 3 тробей (ob 0
троцкий (ронштейн л 1 1 01 троцкий (троцький м 3
3 трубецкой Г н 1
трумбич (mbć a 3 3 333 33 3 3 30 3 30 01 тудман (m Ф 0 тума (m 311 303 турок
(Попов м 303 тучек (čk a 11 тышкевич м 3

Уайльд (о 1 угрон (о Г удрал (
Ф 11 украинка (українка леся
(наст имя косач-квітка л П
урбанек (bk 13 урусов л П 01
усатюк е 0
уччелини-тице (сс-с Ф 3 3 ушеничник (ščk a 31 31 33

Феделеш И
Фёдоров л И 1
Федорович
Фелльнер (Ф 0 1
Фердинанд Гогенцоллерн-зигмаринген (oho-m
1 3 30
Фердинанд Саксен-кобург-Готский (m Loo o ch-Cob-oh 1
Фёрстер (о Ф
Фидлер (Ф 10 11
Филипович (Филиповић Ф 13
Фишер (ch Ф 0
Фишер (ch он 0
Флондор (оо н
Флондор (оо 3 0 30
Форт (о й 10
Франк (k И 3
Франк (k й 33 3 30 31 31 3 31 333 10 Франко И
Франц Габсбург (Joh bb-Loh 10
Франц Иоси Габсбург (Joh bb-Loh 1 3 1
3 3 1 1 1 1 1 10 1 1 11 0 11 0 30 30 31 31 3 0 0
Франц Фердинанд Габсбург (L bb-
Loh 1 1 1 30 30 311 31 31 31 3 33 3 30 3 0 11 1
Фрейд (з 1
Фрейдзон И 3
Фридрих (ch П 3

Хазельштайнер (
алиппа (П н 30

алоупецкий (Chock 13 1 13
анак (k Г 0
анч (ch
ауз (о 13
еер (Ф
инкович (koć 33 3 3 11
мельницкий (мельницький Chmck м ойош (оо а 1
омин н 0
оор (оо
орват (о а 333
орти (é b oh м 1
рабак (bk 33
рибар (b И 30 311 3 3 3
урдес (Ф
урмузаки (mch a

Цайдлер (
Цанкар (Ck Иван 30 311
Цанкар (Ck Изидор 330 331
Царич (Cć Ю 33 31
Цвийич (Цвиић й 3
Цегельский (Цегельський л 3 31
Цегельский (Цегельський 3
Цопа (о 0
Цуркан (с а

Чабринович (абриновић н 3
айковский (айковський а 3
анич (ć 31
аушеску (Cc н 3
ервяков а Г 0
ерина (3
ермак (mk 11 ермак (mk 13
ернеуцян (C
ернин (C o Ch o 1 11 1
ерны (1
ечек (čk C 1
иано (Co Г
измич (mć И 30
икаленко е 10 00 01
ингрия (м 3
ирков Г 30
иршки (chchk öo Г

ичерин Г 1 1 1 010
орнанич Ю 3
уев С Г 13
уканов м Ю 3

Шамал (m П 11
андор И
андру (Г 300
арич (ć И 30 3 3
аукаль (chk он
варте (ch м
вегел (ch И 3
евченко т Г 3
егвич (ć к 33
ейнер (ch й 11 13
ёнерер (chö Г он 13
ептицкий (ептицький ck a 13 1 1 1 1
ептицкий (ck C 1
ерадам (Chém a 1 13
имрак (mk 3 33 33 3 3
ишка a 10
ишманов И 31
мераль (m 11
мераль (m
пицмюллер-армерсбах (m-mbch a 1
робар (ob 1
тадлер (й 3 30 31 33 3 3 31 3 3 3 0 10 1
тёгер-тайнер (ö-
тейн (Ф
телик (hk м
тёллер (ö Ф
тепанек (k 13
теан a
теанелли ((c 3
теаник (k м 1 11 13 1
траухер (ch
тросмайер (om й 31 3
трбу (b 1
турц (oh Г
тюргк (kh к 31
уркала
уста (й 11
уштершич (šč или šš̌č И 311313 31 31 30 3 33 33330 3

Щепановский (cok C 0
Щербаков Ю н 0

Эбенхох (bhoch a 0
ккерт (ck 3 33
лленбоген (bo 0
нгельс (Ф 1 30
ренталь (L o hh a он 10
рцбергер (b м
стерхази (h o h-och м
цдор (о й он 300
Юрига (J Ф 10 Юркевич л 1

Яворский (ворський Ю
гов (Jo Г он нчак 10
ребек (Jbk
рославский (Губельман е м 1
си (J o
синьский (Jk
скевич

СПИСок СокаЩенИй

архив внешней политики оссийской империи москва
архив внешней политики оссийской Федерациимосква
архив Југославие еоград
архив Српске академије наука и уметности еоград
Государственный архив оссийской Федерации москва
еравний архв ернвецько област ернівці
медународные отношения в поху империализма Серия

оссийский государственный архив социальнополитической истории москва
Центральний деравний архв вищих органв влади та управлння украни київ
o ook (1011/ Jkoć m o l

- o- ch
Öch- ok o boch 10 b m bch 11 omch kck Öchch-ch m Ä / b L bb ; L 130

och ch ä m ch

ooko mm Öchchch och (1111 / omh 1

Jo 111: mk bk okm / oć čć o l

СеенИ о атоа

Бертени-мл. Иван доктор наук проессор акультета гуманитарных наук католического университета им П Пазмани (енгрия

Величко Ольга Ивановна дин внс отдела анализа социально-политических процессов Института социологии оссийской академии наук

Волос Мариуш дин проессор Института истории Педагогического университета в кракове постоянный представитель Польской академии наук при
ан в москве в 00011 гг

Гарбулёва Любица доктор наук доцент директор Института истории илосоского акультета Прешовского университета (Словакия

Гирич Игорь Борисович кин зав отделом источников по истории украины начала вв Института украинской археограии и источниковедения им м Грушевского национальной академии наук украины

Главачка Милан доктор наук проессор илосоского акультета карлова университета в Праге зав отделом истории века Исторического института академии наук ешской еспублики

Голец Роман доктор наук проессор илосоского акультета университета им а коменского в ратиславе внс Исторического института Словацкой академии наук

Готовска-Хенце Теодоричка доктор истории доцент снс ст сектора истории мира и медународных отношений в новое и новейшее время Института исторических исследований олгарской академии наук

Добржанский Александр Владимирович дин проессор декан акультета истории политологии и медународных отношений зав каедрой истории украины ерновицкого национального университета им Ю Федьковича (украина

Доубек Вратислав доктор наук доцент Института политологии илосоского акультета карлова университета в Праге (ехия

Дронов Михаил Юрьевич нс Центра украинистики и белорусистики московского государственного университета им м ломоносова соискатель Института славяноведения оссийской академии наук

Зелиньски Конрад дин проессор каедры тнических исследований отдела политологии университета им м кюри-Склодовской в люблине (Польша

Искендеров Петр Ахмедович кин снс отдела истории славянских народов Юго-осточной европы в новое время Института славяноведения оссийской академии наук

Кирилина Любовь Алексеевна кин снс отдела истории славянских народов Центральной европы в новое время Института славяноведения оссийской академии наук

Клопова Мария Эдуардовна кин нс отдела восточного славянства Института славяноведения оссийской академии наук

Литвин Николай Романович дин проессор и о директора Института украиноведения им И крипякевича национальной академии наук украины

Лобачева Юлия Владимировна кин нс отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения оссийской академии наук

Любин Валерий Петрович дин внс зав группой политических партий и двиений в отделе стран западной европы и америки Института инормации по общественным наукам оссийской академии наук

Михутина Ирина Васильевна дин внс отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения оссийской академии наук

Пиддубный Игорь Андреевич кин доцент каедры нового и новейшего времени ерновицкого национального университета им Ю Федьковича (украина

Пирьевец Йозеф доктор наук проессор член Словенской академии наук и искусств руководитель исторического отделения Приморского университета в копере (Словения

Радоевич Мира дин доцент отделения истории илосоского акультета елградского университета (Сербия

Рахтен Андрей доктор наук проессор илосоского акультета университета в мариборе гнс Института культурной истории научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств

Рыдель Ян дин проессор Института политологии Педагогического университета в кракове (Польша

Серапионова Елена Павловна дин зав отделом истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения оссийской академии наук

Филимонова Анна Игоревна кин научный сотрудник центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения оссийской академии наук

Фирсов Евгений Федорович кин доцент каедры истории юных и западных славян московского государственного университета им м ломоносова

Хёбельт Лотар доктор наук проессор истории нового времени Института истории енского университета (австрия

Шварц Искра доктор наук доцент Института восточно-европейской истории енского университета (австрия

Шкундин Григорий Давидович кин доцент каедры теории и истории государства и права медународного юридического института вице-президент
оссийской ассоциации историков Первой мировой войны

Научное издание

Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств

ТОМ I

Ответственные редакторы М. Волос, Г. Д. Шкундин

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ВЫПУСК 6

Ответственный за выпуск *И. А. Тихонюк*
Художественный редактор *А. Ю. Никулин*
Корректор *М. Г. Смирнова*
Верстка *М. Г. Кузнецова*

Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 37. Тираж 700

ISBN 978-5-91791-076-5

Типография НЛР